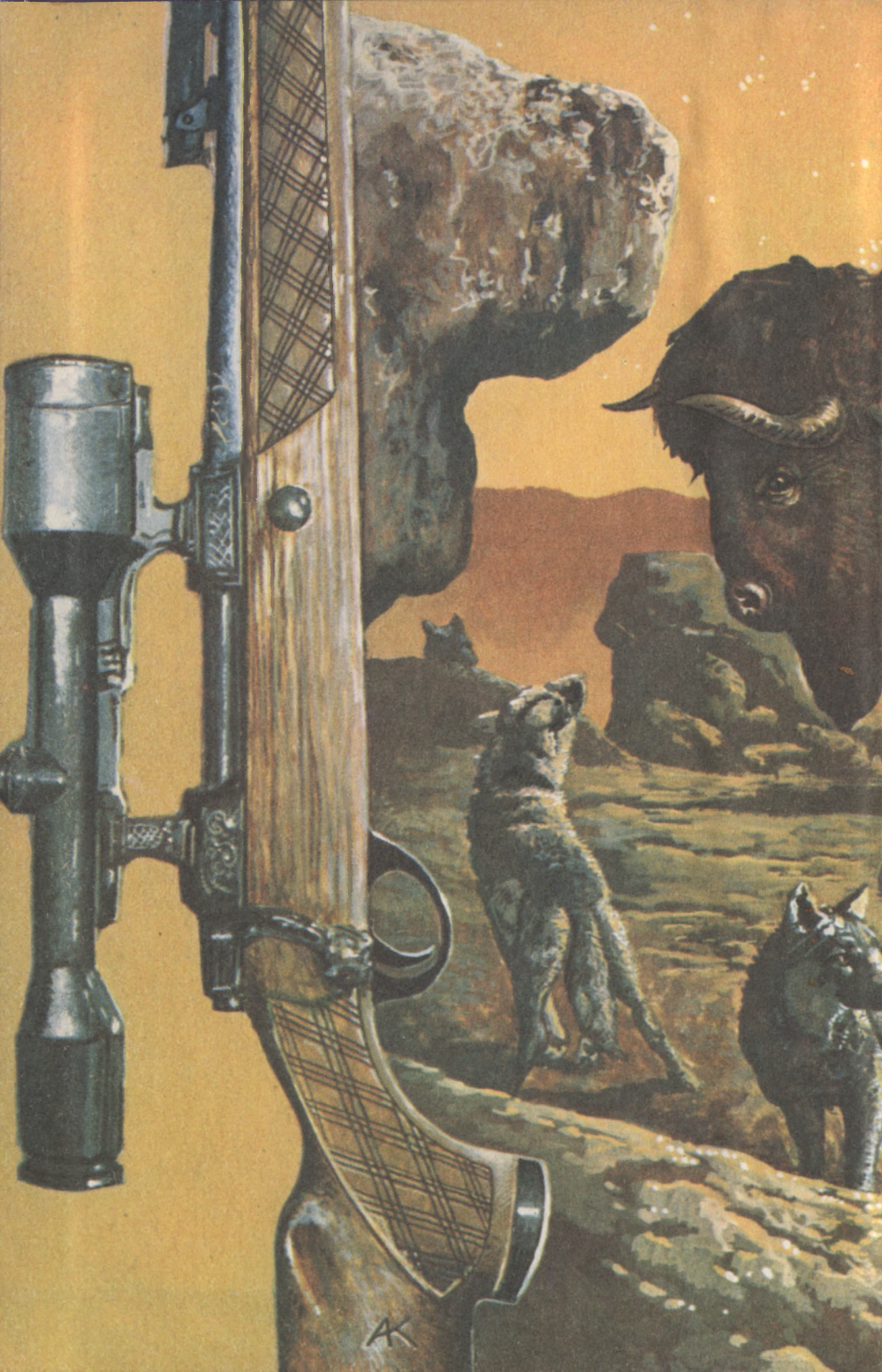
МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА



ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА «ПОЛЯРИС»

WORLDS OF CLIFFORD D. SIMAK

SPECIAL DELIVERANCE

HIGHWAY OF ETERNITY

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

ЖИВИ, ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТЬЮ...

МАГИСТРАЛЬ ВЕЧНОСТИ

Издательская фирма «Полярис»
1994

Special Deliverance
Copyright © **1982** by Clifford D. Simak

Highway of Eternity
Copyright © **1986** by Clifford D. Simak

© **1994** Издательская фирма «Полярис»,
перевод на русский язык, составление

© **1993** Издательская фирма «Полярис»
оформление, название серии

© **1994** А. Кириллов, *иллюстрации*

Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом запрещена без разрешения издателя и переводчика. Всякое коммерческое использование данного издания возможно исключительно с письменного разрешения издателя.

ISBN 5-88132-115-4

ЖИВИ, ВЫСОЧАЙШЕЙ МИЛОСТЬЮ...

Глава 1

Был вечер пятницы. Занятия закончились, аудитория опустела. Собрался уходить и Эдвард Лэнсинг. Предстоял уик-энд, причем в кои-то веки совершенно свободный. Как лучше провести время, Лэнсинг пока не решил. Можно бы поехать полюбоваться красками осени, удивительными об эту пору, можно позвонить Энди Сполдингу и предложить прогуляться вдвоем, не спеша и со вкусом, или пригласить пообедать Элис Андерсон (и предоставить последующим событиям идти своим чередом). А то и просто остаться дома, устроиться у пылающего камина, послушать Моцарта, почитать — непрочитанного накопилось так много.

С портфелем под мышкой Лэнсинг вышел в коридор, где у стены стоял игральный автомат. Машинально сунув руку в карман, он нащупал мелочь, достал монету, опустил ее в прорезь автомата и потянул рычаг. Автомат зажужжал, цилиндры его завертелись. Лэнсинг, впрочем, не стал ждать результата — все равно никто никогда не выигрывал у автомата. Правда, время от времени доходили слухи о чьих-то баснословных выигрышах, но Лэнсинг подозревал, что их распускали чиновники Департамента социального обеспечения, бюджет которого пополнялся добычей «одноруких бандитов». Дребезжание позади него смолкло, и автомат со щелчком выключился. Лэнсинг оглянулся. На табло красовалось

изображение груши, лимона и апельсина*. Автомат был из числа тех, что, имитируя игральные механизмы далекого прошлого, рассчитывали на непритязательное чувство юмора первокурсников.

Ну конечно, он опять проиграл. В желании попытать счастья некую роль, возможно, играло смутное чувство долга, хотя Лэнсинг не до конца был уверен в этом. Автоматы собирали деньги на социальные программы, и, получалось, боль от злого укуса подоходного налога таким образом смягчалась. Лэнсинг, как бы мимоходом, подумал, одобряет ли он эту затею. С одной стороны, она не вполне безупречна с моральной точки зрения, но, с другой — она все же приносит плоды. В конце концов, сказал себе Лэнсинг, ему по карману пожертвовать четвертью доллара в помощь неимущим и уменьшения налога ради.

Табло погасло. Лэнсинг пошел в свой кабинет, чтобы оставить там портфель и запереть дверь. Еще несколько минут, и он отправится домой в предвкушении удовольствий предстоящего уик-энда.

Но, свернув за угол, он обнаружил у двери кабинета студента, что стоял, прислонившись к стене, в той возмутительно расхлябанной позе, которую обычно принимают ожидающие студенты.

— Вы меня ждете? — спросил Лэнсинг, на ходу доставая ключи.

— Томас Джексон, сэр, — представился студент. — Вы оставили записку в моем ящике.

— Да, действительно, мистер Джексон, — вспомнил Лэнсинг.

Он открыл дверь, пропустил Джексона и вошел следом за ним. Включив настольную лампу, Лэнсинг указал Джексону на стул.

— Спасибо, сэр, — пробормотал студент.

Лэнсинг обошел стол, сел и придвинул к себе стопку бумаг. Вынув из кипы работу Джексона, Лэнсинг взглянул на студента. Тот явно нервничал.

---

*Игральным автоматам, впервые появившимся в США, придавалась форма ковбоя; они приводились в действие рычагом, отсюда прозвище — «однорукие бандиты». Картинки в окошках автомата, при совпадении которых играющий выигрывал, изображали фрукты. Более поздние модели обрели другие формы. (*Здесь и далее примеч. пер.*)

Лэнсинг отвел взгляд и невольно залюбовался пейзажем в окне — типичная для Новой Англии меланхолическая осень, клонящееся к закату солнце, напоминающее дыню и листву старой березы превращающее в расплавленное золото.

Лэнсинг снова обратился к лежавшим перед ним бумагам.

— Мистер Джексон, вы не возражаете, если мы обсудим вашу работу? Я нахожу ее во многих отношениях весьма интересной.

— Я рад, что вам нравится, — промямлил студент, нервно откашливаясь.

— Это одно из лучших критических исследований, какие мне когда-либо приходилось встречать. Вы, должно быть, вложили в него много сил и времени. Это очевидно. Вы предлагаете совершенно оригинальное истолкование одной из ключевых сцен в «Гамлете» — ваши выводы просто блестящи. Однако кое-что мне непонятно: что за источники, на которые вы ссылаетесь?

Положив работу на стол, Лэнсинг пристально посмотрел на Джексона. Тот попытался ответить ему таким же твердым взглядом, но не выдержал — отвернулся.

— Мне бы очень хотелось знать, — продолжал Лэнсинг, — кто такой Кроуфорд? А Райт? И Форбс? Они должны быть известными шекспироведами, но почему-то я никогда о них не слышал. — Студент ничего не ответил. — Для меня остается загадкой, зачем вообще вы их цитировали. Ваша работа хороша и без этих ссылок. Если бы не они, я бы предположил, хотя и с известным усилием, учитывая вашу прошлую успеваемость, что вы наконец-то взялись за ум и стали честно работать. Судя по вашим прежним успехам, это представляется маловероятным, однако я был бы склонен трактовать свои сомнения в вашу пользу. Если это мистификация, то я не вижу в ней ничего смешного. Может быть, вы проясните ситуацию? Я готов вас выслушать.

Студент выпалил с внезапным взрывом горечи:

— Все дело в этой проклятой машине!

— Я вас не понимаю. Какая машина?

— Видите ли, — начал Джексон, — мне обязательно нужна была хорошая оценка. Я ведь понимаю,

что, провали я эту работу, я вылечу с курса. А мне не по карману платить еще за год обучения. Я честно взялся за дело, но не осилил, и тогда пришлось идти к машине и...

— Я снова вас спрашиваю — при чем здесь машина?

— Это игральный автомат, — начал объяснять Джексон, — или, по крайней мере, оно выглядит как автомат, хотя, наверное, на самом деле это что-то другое. О нем знают немногие — и хорошо, что немногие.

Он умоляюще взглянул на Лэнсинга, и тот спросил:

— Если существование автомата держится в тайне, зачем вы говорите об этом мне? Почему не блефуете до конца? На вашем месте я бы покорился неизбежности и не обмолвился ни словом, хотя бы ради тех, кто тоже прибегает к помощи машины.

Лэнсинг, конечно, ни на секунду не поверил выдумке об игральном автомате. Но он подумал, что, может быть, угроза оказаться в роли предающего общие интересы заставит Джексона сказать правду.

— Ну, видите ли, сэр, дело вот в чем. Если бы вы решили, что это глупый розыгрыш или что я нанял кого-то написать работу вместо меня, вы, конечно, поставили бы мне неудовлетворительную оценку; а как я вам уже говорил, я не могу допустить провала. Вот я и подумал: если рассказать вам правду... Ну, в общем, я надеялся выиграть в ваших глазах, если не стану врать.

— Это очень достойно с вашей стороны, — проговорил Лэнсинг. — Но игральный автомат...

— Он находится в здании Студенческого Союза.

— Я знаю, где это.

— Нужно спуститься в подвал. Там, сразу за пивным баром, есть дверь — сбоку от стойки. Ею обычно никто не пользуется. Там что-то вроде заброшенной кладовки. В ней всякое барахло, и в углу стоит этот игральный автомат или что-то, похожее на него. Даже если кто-нибудь и зайдет в кладовку, автомат трудно заметить — он вроде как притаился в углу. Никогда не подумаешь, что он работает и...

— Но, конечно, — вставил Лэнсинг, — это не может ввести в заблуждение тех, кто знает, что там на самом деле.

— Совершенно верно, сэр. Значит, вы верите мне?

— Я этого не сказал. Я просто стремлюсь разобраться. Вы совсем завязли, и я хочу помочь вам снова выбраться на дорогу.

— Благодарю вас, сэр. Это очень любезно с вашей стороны. Я немного запутался. Так вот, нужно подойти к автомату, сэр, и опустить четверть доллара. Монета приводит автомат в действие, и он спрашивает, что вам нужно, и...

— Вы хотите сказать, что автомат разговаривает?

— Совершенно верно, сэр. Он спрашивает, что вам нужно, вы отвечаете. Автомат назначает цену, и, когда вы заплатите, он выдает то, что вы заказали. Он делает письменные работы почти на любую тему. Нужно только сказать, чего вы хотите.

— Значит, именно так вы и поступили. Если не секрет, во сколько же это вам обошлось?

— В два доллара.

— Совсем по дешевке.

— Да, сэр. Это действительно выгодная сделка.

— Слушая вас, — не выдержал Лэнсинг, — я думаю о том, как несправедливо, что лишь немногие избранные знают о такой чудесной машине. Подумайте только: сотни студентов корпят над книгами, выжимают из своих мозгов все возможное, чтобы написать страничку или две. Если бы они знали, что рядом, в здании Союза, можно получить почти даром ответы на все вопросы!

Лицо Джексона окаменело.

— Вы не верите мне, сэр. Вы считаете, что я все выдумал.

— А чего вы ожидали?

— Не знаю. Все казалось так просто — ведь я сказал вам правду. Может, было бы лучше, если бы я соврал вам.

— Да, мистер Джексон. Возможно, это бы лучше вам удалось.

— Что вы собираетесь предпринять, сэр?

— В данный момент ничего. Мне нужно обдумать ситуацию.

Джексон неуклюже поднялся и вышел из кабинета. Лэнсинг еще долго слышал его тяжелые шаги. Он спрятал работу Джексона в ящик стола и запер его. Прихватив портфель, Лэнсинг пошел было к двери, но вернулся и положил его на стол. Сегодня он не станет брать с

собой никакой работы. Выходные дни — это выходные дни, и он проведет их в свое удовольствие.

Однако без портфеля он ощутил странную пустоту. Портфель стал частью его существа, подумал Лэнсинг. Без него он чувствовал себя так же, как если бы лишился брюк или башмаков. Портфель входил в его униформу, и появиться без него казалось не вполне приличным.

Спускаясь по широким каменным ступеням здания колледжа, Лэнсинг услышал, что его кто-то окликнул. Повернувшись на голос, он увидел Энди Сполдинга.

Энди был его старым и верным другом. Их дружбе не мешали ни его болтливость, ни некоторая напыщенность. Сполдинг занимался социологией и вечно кипел разнообразными идеями. Беда была в том, что идеи Сполдинга непременно нуждались в слушателях. Всякий раз, когда ему удавалось загнать кого-нибудь в угол, он вцеплялся в свою беспомощную жертву и начинал развивать очередную сенсационную мысль, крепко держа пойманного за лацканы. Могучий поток его воображения никогда не иссякал. Лэнсинг любил и ценил Энди. Вот и сейчас он был рад встрече.

Лэнсинг подождал, пока Сполдинг поравняется с ним.

— Пойдем в клуб, — предложил Энди, — я угощаю.

Глава 2

Факультетский клуб находился на верхнем этаже здания Студенческого Союза. Вся его внешняя стена представляла собой окно из сплошного стекла: оттуда открывался вид на тихое и ухоженное маленькое озеро, окруженное березами и соснами.

Лэнсинг и Сполдинг заняли столик у самого окна. Сполдинг задумчиво смотрел на приятеля поверх стакана.

— Знаешь, — сказал он, — последние несколько дней я все думаю о том, как было бы здорово, если бы случилось что-нибудь вроде средневековой эпидемии чумы, которая в четырнадцатом веке унесла треть населения Европы. Или еще одна мировая война, или новый библейский потоп — что-нибудь, что заставило бы человечество начать сначала, уничтожило бы ошибки, которые мы наделали за последнее тысячелетие, дало бы возможность развиться новым социальным и экономическим принципам. Шанс избежать серости, шанс создать общество на более разумных началах. Система оплаты труда устарела, она неэффективна, а мы все еще цепляемся за нее...

— Не кажется ли тебе, — заметил Лэнсинг мягко, — что предлагаемые тобой средства чересчур радикальны?

Он совсем не собирался спорить с Энди. Никто никогда не спорил с ним — тот просто отметал все возражения. Голос Энди монотонно рокотал и рокотал, он оформлял свои идеи в некую систему, тасуя их перед слушателем, как колоду карт.

Не собираясь спорить с Энди, Лэнсинг, однако, принимал правила игры, которые требовали, чтобы через определенные интервалы жертва Энди бормотала что-либо, более или менее уместное.

— Мы это вот-вот поймем, — продолжал Энди, — хотя я понятия не имею, каким образом. Мы непременно поймем, что все усилия человечества бесполезны, поскольку направлены не туда, куда нужно. Столетиями мы заняты накоплением знаний во имя постижения истины — в той же рациональной манере, в какой алхимики искали способ превращения простых металлов в золото. Может обнаружиться, что все наши знания ведут в тупик, что после определенной точки все становится бессмысленным. В астрофизике мы как будто приближаемся к этой точке. Через несколько лет все старые и надежные теории пространства и времени могут лопнуть, оставив нас с бесполезными обломками и пониманием того, что все теории всегда были бесполезны. Не будет никакого смысла в дальнейшем изучении Вселенной. Может оказаться, что на самом деле не существует никаких универсальных законов природы, а все зависит от чистой случайности, если не хуже. Все лихорадочные научные исследования, все поиски знаний — не только об устройстве Вселенной, но и о других вещах — основаны на стремлении извлечь из них пользу. Но давай зададимся вопросом: а имеем ли мы право стремиться к извлечению пользы для себя? Может быть, Вселенная нам ничего не должна?

В соответствии с правилами игры Лэнсинг откликнулся:

— Мне кажется, что сегодня ты в более пессимистическом настроении, чем обычно.

— Ну тогда я не первый, кто страдает именно этой разновидностью пессимизма. Несколько лет назад существовало научное направление, как раз и развивавшее подобные представления. Было время, когда астрономы утверждали, что Вселенная конечна. Сейчас мнения на сей счет расходятся, и никто точно не знает, живем мы в конечной или бесконечной Вселенной. Все зависит от того, как много в ней содержится материи, а оценки меняются год от года, если не каждый месяц. В те времена, когда преобладало мнение о конечности Вселенной, считалось, что и научное знание, основанное на изучении небеспредельной Вселенной, должно

быть ограниченным. Прогресс науки, приводящий, по существующим оценкам, к удвоению объема информации каждые пятнадцать лет, в скором времени — самое большее через несколько столетий — должен исчерпать возможности накопления знаний. Сторонники этого направления философской мысли даже построили кривую для точного определения того момента, когда всякий научный и технологический прогресс прекратится.

— Но по твоим же собственным словам, — сказал Лэнсинг, — то, что Вселенная конечна, более не является общепринятым мнением, она может быть и бесконечной.

— Ты не понял главного, — пророкотал Энди. — Дело не в том, конечна или бесконечна Вселенная. Я привел этот пример только ради оправдания того, что ты называешь моим пессимизмом. Моя мысль заключается в следующем: было бы благословением для человечества, если бы какое-то катастрофическое событие вынудило нас изменить образ мыслей и начать жизнь заново. Мы на полной скорости мчимся в тупик, и, налетев на стенку, разобьем себе лоб. Возвратившись ползком на исходные позиции, мы будем спрашивать себя: а не было ли лучшего пути? Вот я и предлагаю — остановиться до того, как мы набьем шишки на лбу, и задать себе именно этот вопрос...

Энди продолжал говорить, но Лэнсинг отключился, погрузившись в свои мысли и воспринимая рассуждения Энди лишь как шумовой фон.

И этому человеку, думал Лэнсинг, он собирался предложить отправиться на прогулку на целый день. Энди скорее всего согласился бы, ведь его жена уехала на конец недели в Мичиган к родителям. Но и на прогулке Энди будет говорить и говорить, он просто не в состоянии остановиться. Любой нормальный человек, выбравшись на природу, наслаждался бы тишиной и покоем, — любой, но не Энди: для него тишина и красоты природы просто не существуют; единственная радость — уводящие все дальше рассуждения.

Да и идея пригласить Элис Андерсон на обед, думал Лэнсинг, имеет свои минусы. Когда они виделись в последний раз, в ее глазах появился специфический матримониальный блеск, а это было бы еще хуже, чем бесконечная болтовня Энди.

Ну и Бог с ними обоими, решил Лэнсинг. Уж лучше он в одиночестве совершит прогулку на холмы или посидит дома у камина. Можно и как-нибудь иначе извлечь максимум удовольствия из уик-энда.

Слова Энди опять стали доходить до его сознания.

— Задумывался ли ты когда-нибудь, — спрашивал Энди, — о поворотных моментах истории?

— Пожалуй, нет, — ответил Лэнсинг.

— История кишит ими, — сообщил Энди. — И от них, в сумме, зависит то, в каком мире мы живем. Мне иногда приходит в голову, что может существовать множество альтернативных миров...

— Несомненно, — ответил Лэнсинг, утративший интерес к разговору. Ему не угнаться за полетом фантазии друга.

За окном тени наполовину закрыли озеро, сумерки сгущались. Глядя на озеро, Лэнсинг ощутил некую неправильность: что-то изменилось. Затем до него дошло, чем же вызвано это чувство: Энди перестал говорить.

Глянув на друга, сидевшего напротив, Лэнсинг обнаружил, что Энди с улыбкой смотрит на него.

— У меня есть идея, — сказал тот.

— Да?

— Мейбл навещает свою родню, а посему не провести ли нам завтрашний день вместе? Я мог бы достать два билета на футбол.

— Мне очень жаль, — ответил Лэнсинг, — но я завтра занят.

Глава 3

Лэнсинг вышел из лифта и направился было к двери, ведущей на лужайку перед зданием. Энди задержался, — он увидел знакомого и остановился поговорить с ним. Лэнсинг, воспользовавшись моментом, сбежал. Время дорого, сказал он себе. Лучше быстренько оказаться вне пределов досягаемости, иначе Энди, снова завладев инициативой, может затащить еще куда-нибудь.

Однако на полдороге к двери Лэнсинг замер. Пивной бар, о котором ему говорил Джексон, был совсем рядом — всего один марш вниз по лестнице справа, а там в кладовке должен находиться тот самый легендарный игральный автомат. Лэнсинг поспешил к лестнице.

Спускаясь в подвал, он ругал себя на чем свет стоит за собственную глупость. Никакой кладовки там, конечно, не окажется, а если и окажется, в ней не будет никакого игрального автомата. И вообще, невозможно себе представить, зачем Джексон выдумал всю эту историю. Если это просто дерзость, она бессмысленна. Среди студентов были любители поддеть преподавателя — и некоторые профессора часто оказывались их жертвами (поделом, нужно отметить, — этим надутым дуракам встряска шла только на пользу). Однако Лэнсинг всегда гордился своими добрыми отношениями со студентами. Более того, он подозревал, что те порой считали его легкой добычей. Джексона Лэнсинг считал плохим студентом, но тем не менее относился к нему доброжелательно и старался помочь, хотя понимал, что тот едва ли оценит его доброе отношение.

В баре было малолюдно, посетители сгрудились вокруг стола в дальнем конце комнаты. Бармен разговаривал с двумя студентами. На Лэнсинга никто не обратил внимания.

У конца стойки бара действительно обнаружилась дверь — в точности как говорил Джексон. Лэнсинг целеустремленно направился к ней, и ручка легко поддалась нажиму. Войдя, Лэнсинг закрыл за собой дверь и прислонился к ней спиной. С потолка на голом шнуре свисала единственная пыльная лампочка. Комната имела неряшливый вид. У одной стены громоздились коробки из-под бутылок, посередине свалены несколько картотечных ящиков и ободранный стол. Казалось, все это хранится здесь давным-давно и едва ли понадобится кому-нибудь.

В дальнем углу комнаты стоял игральный автомат.

Пока что Джексон не врал. Но он мог сказать правду, напомнил себе Лэнсинг, насчет комнаты и лгать во всем прочем.

Лэнсинг стал осторожно пробираться к дальнему концу комнаты, в полумраке легко было споткнуться и потерять равновесие. Автомат ничем не отличался от сотен автоматов, заполнивших университетские здания в ожидании добычи — денег, которые в конце концов пойдут в помощь неимущим. Лэнсинг сунул руку в карман и бросил четверть доллара в отверстие машины. Автомат проглотил монету с откровенной жадностью, табло осветилось, и стали видны цилиндры с нанесенными на них изображениями. Автомат тихонько хихикнул и компанейски подмигнул Лэнсингу, как бы в ответ на шутку, понятную только им двоим.

Лэнсинг взялся за рычаг и с силой потянул его. Цилиндры бешено завращались, огоньки переливались ярчайшей радугой. Потом наконец цилиндры остановились, но ничего не произошло. Ну вот, подумал Лэнсинг, автомат ничем не отличается от всех прочих — съел монету и посмеялся над доверчивым простаком.

Однако машина неожиданно заговорила.

— Чего вы желаете, сэр?

— Ну, я не знаю, — ответил ошеломленный Лэнсинг, — боюсь, я не успел подумать... Я только хотел удостовериться в вашем существовании.

— Очень жаль, — произнес автомат. — Я многое могу предложить. Уверены ли вы, что ни в чем не нуждаетесь?

— Нельзя ли мне немножко подумать?

— Это невозможно. Обратившиеся ко мне должны знать, зачем идут. Им не разрешаются проволочки и нерешительность.

— Извините, — сказал Лэнсинг.

— Как бы то ни было, — продолжал автомат, — моя конструкция не позволяет мне просто присвоить вашу монету. Я обязан дать вам что-нибудь взамен. Я расскажу вам анекдот.

И автомат рассказал Лэнсингу старый и непристойный анекдот о семи мужчинах и одной женщине, оказавшихся на необитаемом острове. Глупый похабный анекдот, без всякой изюминки и смысла. Лэнсинг с отвращением выслушал, но промолчал.

— Вам не понравился анекдот? — спросил автомат.

— Ничуть, — ответил Лэнсинг.

— Значит, я ошибся. Боюсь, я неверно судил о вас. Но все равно — за вашу монету я должен снабдить вас чем-то ценным.

Автомат кашлянул, и из его внутренностей на подносик выпал какой-то металлический предмет.

— Вот, — сказал автомат, — возьмите.

Лэнсинг повиновался. Предмет оказался ключами от комнаты в мотеле — один маленький, другой побольше. К ключам была прикреплена пластиковая табличка с номером и адресом мотеля.

— Не понимаю... — начал Лэнсинг.

— Слушайте внимательно. Хорошо запомните, что я сейчас скажу. Готовы?

Лэнсинг заикаясь пробормотал, что слушает.

— Хорошо. Повторяю, слушайте внимательно. Вы пойдете по указанному адресу. Если вы попадете туда в часы работы, входная дверь будет не заперта. Если же вы придете позже, то откроете входную дверь большим ключом. Меньший ключ — от комнаты номер сто тридцать шесть. Пока все понятно?

Лэнсинг сглотнул.

— Да.

— Когда вы войдете в комнату сто тридцать шесть, вы обнаружите стоящие вдоль стены игральные автоматы. Подойдите к пятому слева — не забудьте, к пятому, — и опустите в него доллар. После этого подойдите к седьмому автомату слева и опустите доллар в него...

— А тянуть за рычаг нужно?

— Конечно, нужно. Вы что, никогда не имели дела с игральным автоматом?

— Да нет, играл, конечно.

— Вы запомнили все, что я вам сказал?

— Да, кажется.

— Тогда повторите инструкцию.

Лэнсинг послушно повторил.

— Отлично, — сказал автомат. — Постарайтесь ничего не перепутать. И мой совет — не откладывайте посещение мотеля, пока все детали свежи в вашей памяти. Да, вам понадобятся два серебряных доллара. Они у вас есть?

— Наверняка нет.

— Хорошо, вот, возьмите. Мы не заинтересованы в том, чтобы вы столкнулись с препятствиями при выполнении наших инструкций. Очень желательно, чтобы вы все сделали в точности как надо.

Что-то звякнуло в подносике автомата.

— Ну же, возьмите, — поторопил автомат Лэнсинга.

Лэнсинг протянул руку и взял два серебряных доллара.

— Вы уверены, что все хорошо поняли? — обеспокоенно спросил автомат. — У вас нет ко мне вопросов?

— Я хотел бы узнать одну вещь... — проговорил Лэнсинг. — Что вообще происходит?

— Я не могу вам всего объяснить, — ответил автомат. — Это было бы против правил. Но уверяю вас: что бы ни случилось, это будет в ваших интересах.

— Но что? Что в моих интересах?

— Я больше ничего не могу сказать вам, профессор Лэнсинг.

— Откуда вы знаете, как меня зовут? Я не называл себя.

— В этом не было нужды. Мне известно, кто вы.

С этими словами автомат отключился.

Лэнсинг размахнулся и стукнул по машине. Издевательски снисходительный вид, с которым все эти автоматы глотали его монеты, вывел Лэнсинга из себя.

Автомат дал Лэнсингу сдачи, ударив его по лодыжке. Лэнсинг не понял, как и чем, но, совершенно точно, ударил. Лэнсинг попятился. Автомат хранил молчание и был недвижим.

Лэнсинг повернулся и, прихрамывая, вышел из кладовки.

Глава 4

Дома Лэнсинг налил себе виски и уселся у окна; день угасал. Все это, говорил он себе, смешно, такого просто не может быть; и все же он знал, что случившееся вполне реально. Он сунул руку в карман и звякнул двумя серебряными долларами. Уже много лет ему не встречались такие монеты. Оба доллара, обнаружил он, были выпущены недавно. Он знал, что все монеты, содержавшие в себе серебро, быстро изымаются из обращения нумизматами и спекулянтами. Оба ключа, прикрепленные к пластиковой табличке, лежали на столе. Он было протянул к ним руку, но передумал.

Не прикасаясь к виски, Лэнсинг снова перебрал в уме все события и с удивлением обнаружил, что чувствует себя слегка замаранным и пристыженным, как если бы он сделал что-то непорядочное. Он попытался проанализировать свое ощущение, но не обнаружил никакой другой причины, кроме необычности собственных действий. Он посетил комнату рядом с баром. Никогда в жизни он ничего не делал тайком, и этот его поступок тоже не был тайным. Однако, крадучись пробравшись к двери кладовки, он словил себя на мысли, что совершает действия, не соответствующие его достоинству преподавателя колледжа — колледжа, пусть и небольшого, но с отличной репутацией.

Однако дело было, сказал он себе, не только в этом. То, что он действовал украдкой, не исчерпывало всей

ненормальности ситуации. Он понял, что пытался кое-что скрыть от себя. Было нечто, от чего он старательно отворачивался: он подозревал, что его разыграли. Хотя и это было не совсем точно. Будь дело просто в шутке, глупой студенческой проделке, все закончилось бы кладовкой с «однорукими бандитом». Но ведь автомат говорил с ним; хотя, если розыгрыш был хорошо подготовлен, это можно было организовать, записав заранее реплики на магнитофон и подключив его так, чтобы он заработал, когда Лэнсинг потянет за рычаг.

Нет, это тоже невозможно. Ведь автомат не только говорил, он поддерживал разговор с Лэнсингом. Никакой студент не мог придумать подобную запись с такими удачными репликами в разговоре. Ведь ответы машины были логичны: Лэнсинг задавал вопросы, и автомат отвечал ему, и ответы содержали сложные инструкции.

Так что случившееся не было плодом его воображения, как не было и студенческим розыгрышем. Автомат даже дал ему сдачи, когда Лэнсинг стукнул его: щиколотка все еще побаливала, хотя хромать Лэнсинг перестал. Ну а если это не шутка, то чем же, Бога ради, все это было?

Лэнсинг залпом выпил виски, чего раньше с ним никогда не случалось. Он всегда прихлебывал виски маленькими глотками, поскольку плохо переносил алкоголь.

Лэнсинг поднялся и принялся ходить по комнате. Но движение не помогло думать: он поставил пустой стакан на столик, вернулся к креслу и снова сел.

Ладно, сказал он себе, хватит притворяться, что это только игра, хватит заботиться о собственном имидже, боясь выглядеть глупо. Нужно начать сначала и додумать все до конца.

Все началось из-за студента Джексона. Ничего бы не случилось, если бы не он. Но даже до разговора с Джексоном была ведь его работа, хорошая работа, необычно хорошая работа, особенно для такого студента, как Джексон, если бы не процитированные источники. Именно они побудили Лэнсинга написать Джексону приглашение на беседу. Впрочем, возможно, он вызвал бы Джексона в любом случае и намекнул, что к сочинению приложил руку специалист? Поразмыслив, Лэнсинг решил, что едва ли стал бы это делать: если Джексон решил смошенничать, какое дело до этого

Лэнсингу — ведь этим Джексон вредил только самому себе. Даже если бы Лэнсинг и выдвинул такое обвинение, доказать жульничество невозможно.

Стало быть, можно заключить, подумал Лэнсинг, что все было подстроено — и подстроено весьма умело то ли самим Джексоном, то ли кем-то, кто использовал Джексона. Джексон, казалось Лэнсингу, не был ни достаточно изобретательным, ни достаточно предприимчивым для того, чтобы осуществить подобную затею в одиночку. Хотя кто знает? С таким человеком, как Джексон, ни в чем нельзя быть уверенным.

Если же дело подстроено, не важно кем, то с какой целью?

Ответа не было, по крайней мере, осмысленного ответа. Все происшедшее казалось бессмысленным.

Может быть, лучше всего забыть обо всем и, уж во всяком случае, не продолжать приключения. Но в силах ли он так поступить, в силах ли принудить себя к бездействию? До конца жизни Лэнсинг терзал бы себя вопросами: что случилось бы, пойди он по адресу, указанному на табличке, прикрепленной к ключам, к чему привело бы выполнение полученных от автомата указаний?

Он встал, потянулся за бутылкой и стаканом, но так и не налил себе. Он убрал бутылку и поставил стакан в мойку. Открыв холодильник, Лэнсинг вынул упаковку готовых макарон с мясом. Он поморщился при мысли об очередном ужине из макарон с мясом, но что делать? Конечно же, в таких обстоятельствах нельзя ожидать от человека кулинарных изысков.

Лэнсинг вынул из почтового ящика вечернюю газету. Погрузившись в любимое глубокое кресло, он включил лампу и развернул газету. Новостей мало. Конгресс все еще пережевывал проект закона об ограничении продажи оружия, президент предсказывал (снова) тяжелые последствия отклонения конгрессом предложенного им (президентом) увеличения военного бюджета, ассоциация учителей опять издавала вопли по поводу показа насилия на телеэкране. Были обнаружены три новых вещества, могущих вызывать рак. Мистер Дитерс вновь уволил Данвуда — и не то чтобы незаслуженно. На странице писем читателей было напечатано послание, с желчью и возмущением уличавшее газету в опечатке в кроссворде.

Макароны с мясом Лэнсинг съел, даже не почувствовав вкуса. Он откопал в буфете черствый бисквит, заварил кофе и за второй чашкой вдруг осознал, что придумывает предлог отложить дело, которое сделает независимо ни от чего, но стремится оттянуть из-за грызущего его сомнения в правильности собственной линии поведения. И сколько бы он ни колебался, он все равно это сделает. Иначе он никогда не простит себе бездействия, вся его жизнь будет отравлена вопросом — что же именно он упустил.

Лэнсинг поднялся из-за стола и пошел в спальню за ключами от машины.

Глава 5

Здание находилось на окраинной улице, начинавшейся от старого делового района, видавшего лучшие времена. В двух кварталах от мотеля по противоположной стороне улицы шел человек, а в боковом проходе бродячий пес исследовал мусорные баки, решая, содержимое которого окажется наиболее привлекательным, если его опрокинуть.

Лэнсинг вставил большой ключ в замочную скважину, ключ легко открыл входную дверь, и Лэнсинг вошел в длинный, тускло освещенный холл, тянувшийся во всю длину здания. Быстро нашел номер сто тридцать шесть. Меньшим ключом он открыл дверь комнаты так же легко, как большим — входную дверь. Лэнсинг вошел. У стены стояла дюжина игральных автоматов. «Пятый слева», сказала машина, с которой он говорил в кладовке. Лэнсинг отсчитал пятый из «однооруких бандитов» и подошел к нему. Вынув из кармана серебряный доллар, он опустил его в прорезь. Автомат ожил, радостно зажужжав, когда он потянул за рычаг. Цилиндры завертелись как сумасшедшие. Сначала остановился один, затем другой и наконец с резким щелчком — третий. Лэнсинг увидел, что изображения во всех трех окошечках одинаковы. В машине щелкнуло, и из нее хлынул поток золотых монет, каждая размером с доллар. Они заполнили подносик и золотым водопадом посыпались на пол. Некоторые монеты падали на ребро

и катились по всей комнате. Цилиндры игрального автомата снова завертелись (завертелись, не дожидаясь нового доллара, опущенного в прорезь!) и снова со щелчком остановились. И на этот раз картинки во всех трех окошечках были одинаковы; машина бесстрастно выдала новый поток монет.

Лэнсинг смотрел на происходящее с изумлением и некоторым трепетом — это была неслыханная вещь. Такого никогда не случалось, да и не могло случиться, — два самых крупных выигрыша подряд.

Когда автомат звякнул в последний раз и затих, обретя обычную немоту и неподвижность, Лэнсинг еще немного подождал, смутно надеясь, что машина снова сама собой выдаст выигрыш. В таких обстоятельствах, сказал он себе, все возможно: нет конца чудесам, на которые способны эти «однорукие бандиты».

Чудо, однако, не повторилось, и, убедившись, что ждать больше нечего, Лэнсинг ссыпал монеты в карман пиджака, а затем, опустившись на четвереньки, собрал и те, что раскатились по полу. Поднеся одну монету к свету, он стал разглядывать ее. Никаких сомнений в том, что это золото: монета была тяжелее, чем серебряный доллар, сделана очень тщательно, блестящая и хорошо отшлифованная, тяжелая и приятная на ощупь. Но никогда прежде Лэнсинг таких денег не встречал. На одной стороне монеты выгравирован куб на заштрихованном фоне, представлявшем, вероятно, землю. На другой стороне изображение чего-то, похожего на веретенообразную башню. Больше ничего — ни надписей, ни обозначения стоимости.

Лэнсинг поднялся и внимательно оглядел комнату. Автомат, с которым он разговаривал, велел ему опустить второй доллар в прорезь седьмой по счету машины. Почему бы и нет, подумал он. С пятым автоматом все вышло не так уж плохо, может быть, ему повезет и с седьмым.

Лэнсинг пошел вдоль ряда. Протянув руку с долларом, он, однако, заколебался. Стоит ли рисковать, спросил он себя. Может быть, номер пятый только заманивал его. Бог знает, что может случиться, если сыграть с седьмым. И все же, подумал Лэнсинг, если он сейчас повернется и уйдет с выигранным золотом, он никогда не узнает, что могло бы произойти, и никогда не пере-

станет задаваться вопросами. Он будет сгорать от любопытства.

— К черту, — сказал он громко и опустил доллар.

Автомат проглотил монету, звякнул, и табло осветилось. Лэнсинг потянул за рычаг, и цилиндры начали свою безумную карусель. Затем табло погасло, и автомат исчез. Вместе с ним исчезла и комната.

Лэнсинг стоял на тропе через узкую заросшую лесом долину. Высокие толстые деревья окружали его со всех сторон, где-то недалеко звенел и пел ручеек. Кроме шума потока, ничего не было слышно, ничто вокруг не шелохнулось.

Лучше бы он оставил в покое седьмой автомат, сказал себе Лэнсинг, хотя, кто знает... Может быть, перемещение в лесистую долину окажется еще приятнее, чем выигрыш кучи золота. Однако эта мысль не показалась ему убедительной.

Не двигайся, сказал он себе. Прежде чем тронуться с места, нужно оглядеться. И не следует поддаваться панике — уже в эти первые секунды Лэнсинг почувствовал дуновение панического страха.

Лэнсинг осмотрелся. Впереди тропа шла в гору и, судя по звуку, где-то рядом был ручей. Лес состоял из дубов и кленов. Их листья начинали обретать багряные цвета осени. Совсем близко от него тропу пересекла белка. Лэнсинг мог проследить ее путь вверх по склону по шелесту опавших листьев. Когда маленький вихрь, поднятый зверьком, улегся, вновь воцарилась тишина, нарушаемая лишь журчанием ручья. Теперь, однако, молчание леса не казалось угнетающим. Лэнсинг слышал мягкие шорохи вокруг — падение листа, возню мелких лесных обитателей, другие звуки, источник которых он не мог определить.

Он сыграл с седьмым автоматом, и нечто (или некто) перенесло его сюда.

— Хорошо, — сказал Лэнсинг. — Но что все это значит? Если вы поразвлеклись, может, уже хватит?

Ничто, однако, не изменилось. Он по-прежнему находился в лесистой долине, и никаких намеков на то, что седьмой автомат — или кто-то, или что-то еще — слышал его.

Это невероятно, подумал Лэнсинг, но вся ситуация была невероятной с самого начала. То, что произошло, не более невероятно, чем говорящий игральный авто-

мат. Если он когда-нибудь вернется, он отыщет студента Джексона, пообещал себе Лэнсинг, и голыми руками разорвет его на части.

Если он когда-нибудь вернется!

До этого момента Лэнсинг думал о своем приключении, как о чем-то временном, подсознательно надеясь в любой момент оказаться снова в комнате с игральными автоматами. Но что, если этого не случится? Его прошиб пот от этой мысли, и паника настигла его, словно притаившийся зверь. Лэнсинг побежал. Он бежал, не размышляя, отбросив все доводы рассудка, бежал слепо, и во всем его существе не было места ничему, кроме ужаса.

Наконец он споткнулся о камень на тропе, налетел на дерево и растянулся на земле. Он не сделал попытки подняться, скорчившись и ловя воздух ртом.

Страх понемногу отступал. Ему не угрожали никакие чудовища с острыми клыками. Вокруг все было спокойно.

Отдышавшись, Лэнсинг встал. Оглядевшись, он обнаружил, что достиг вершины холма. Лес вокруг все такой же густой, но журчания ручья слышно не было.

Ну, и что теперь? После того как он поддался панике и в какой-то степени одолел ее, каким будет его следующее действие? Не было смысла возвращаться туда, где он оказался после перемещения. Весьма вероятно, подумал Лэнсинг, что он и не сможет найти то место, даже если попытается сделать это.

Что ему нужно — так это информация. Первым делом надо узнать, где он находится, чтобы вернуться в свой колледж. Место, куда он попал, выглядело как Новая Англия. Каким-то образом он оказался перемещенным в пространстве этим проклятым автоматом, хотя, может быть, и не очень далеко. Если ему удастся узнать, где он, и найти телефон, можно позвонить Энди и попросить его приехать. Если идти по тропе, возможно, вскоре он доберется до жилья.

Лэнсинг двинулся по тропе. Идти было легко, похоже, тропой постоянно пользовались. На каждом повороте Лэнсинг с нетерпением озирался, ожидая увидеть дом или встретить кого-нибудь.

Окрестности по-прежнему напоминали Новую Англию. Лес, хотя и густой, выглядел приятно. Никаких троллей или гоблинов или других несимпатичных обитателей. И время года было то же, что и в университет-

ском городке, — осень и там и тут. Было, однако, одно обстоятельство, которое беспокоило Лэнсинга. Когда он отправился на поиски мотеля, уже наступила ночь, а здесь все еще день, хотя и чувствовалось приближение вечера.

И другая мысль смущала Лэнсинга. Если он не найдет пристанища до наступления темноты, ему придется ночевать в лесу, а к этому он не был готов. Одежда не защитит его от ночного холода, да и огонь развести он не сможет. Будучи некурящим, Лэнсинг не носил с собой спичек. Он глянул на часы и не сразу осознал, что время, которое они показывали, не имело никакого значения в его новом окружении. Он переместился не только в пространстве, но, очевидно, и во времени. Как ни устрашающе это звучало, в настоящий момент данное обстоятельство не слишком взволновало его. У него были другие основания для беспокойства, и главным из них было опасение не найти прибежища на ночь.

Он шел уже около двух часов. Он пожалел, что не вспомнил о часах раньше — они не показывали здешнее время, но, по крайней мере, он знал бы, как долго идет по тропе.

Мог ли он очутиться в необитаемой местности? До сих пор ему никто не встретился. В обычных обстоятельствах он уже давно вышел бы к какой-нибудь ферме.

Солнце садилось, до наступления темноты оставалось не более часа. Лэнсинг перешел было на бег, но одернул себя. Так не годится: он рисковал снова запаниковать, а этого никак нельзя себе позволить. Прошел еще час, и никаких признаков жилья. Солнце садилось за горизонт, быстро наступала темнота.

Еще полчаса, решил он, поторговавшись с самим собой. Если ничего не появится в ближайшие тридцать минут, необходимо приготовиться к ночлегу — найти какое-нибудь укрытие или соорудить шалаш.

Темнело быстрее, чем Лэнсинг ожидал, и спустя полчаса он решил, что пора выбирать место для ночевки. Но тут впереди он заметил проблеск света. Он остановился, затаив дыхание, чтобы не спугнуть огонек, прошел еще несколько шагов, надеясь лучше рассмотреть источник света, — огонек не исчез.

Лэнсинг двинулся вперед, стараясь не терять из виду свет и не сбиться с тропы. По мере приближения свет делался ярче, и Лэнсинг мысленно поблагодарил судьбу.

Лес расступился; на поляне в густеющих сумерках Лэнсинг увидел очертания дома. Несколько окон светилось, из трубы вился дымок.

Лэнсингу не терпелось поскорее добраться до дома, он сошел с дорожки и в темноте наткнулся на забор. Осторожно нащупал калитку. Она крепилась к высокому столбу, и, взглянув вверх, Лэнсинг увидел перекладину и висящую на цепях вывеску. Он понял, что это вывеска гостиницы, но в сгустившейся темноте не смог прочесть название.

Глава 6

Пять человек, четверо мужчин и одна женщина, сидели за тяжелым дубовым столом перед ярко горящим камином. Когда Лэнсинг вошел и закрыл за собой дверь, все пятеро повернулись в его сторону. Один из сидевших, невероятно толстый человек, поднялся из-за стола и проковылял через всю комнату навстречу Лэнсингу.

— Мы рады, что вы наконец-то прибыли, профессор Лэнсинг, — сказал он. — Мы уже начали беспокоиться. Кроме вас, только одна гостья еще не добралась. Надеюсь, с ней ничего не случилось.

— Еще кто-то? И вы знали, что я появлюсь?

— О да, я знал, когда вы отправились в путь.

— Не понимаю. Никто не мог знать этого.

— Я здешний хозяин, — сказал толстяк. — Я заправляю этой убогой гостиницей ради комфорта и удобства тех, кому случается путешествовать в наших краях. Прошу вас, сэр, располагайтесь у огня и грейтесь. Генерал, я уверен, уступит вам кресло у камина.

— С величайшим удовольствием, — откликнулся генерал, — я уже слегка поджарился, сидя в таком уютном местечке.

Импозантный мужчина с начальственной внешностью поднялся, и на его мундире блеснули медали.

— Благодарю, сэр, — пробормотал Лэнсинг.

Но прежде чем он уселся в кресло, дверь снова отворилась и в комнату вошла женщина. Хозяин заковылял к двери, чтобы приветствовать ее.

— Мэри Оуэн, — сказал он. — Вы ведь Мэри Оуэн? Мы так рады, что вы наконец добрались.

— Да, я Мэри Оуэн, — ответила гостья, — и рада, что добралась, наверняка больше, чем вы. Но не могли бы вы сказать, где я нахожусь?

— Конечно, — сказал хозяин. — Вы в гостинице «Кукареку».

— Что за странное название для гостиницы? — произнесла Мэри Оуэн.

— Ничего не могу сказать на этот счет, — откликнулся хозяин. — Я к этому не имею отношения — гостиница называлась так еще до моего появления. Как вы могли заметить, это достаточно старое заведение. Не один благородный путешественник находил здесь приют.

— Но все-таки что это за место? — спросила Мэри. — Я хочу сказать — что за страна? Кто здесь живет, какая это область, как называется государство?

— Об этом я ничего не знаю. Никогда не слышал никаких названий.

— Но чтобы человек не знал, где он живет...

— Мадам, — вступил в разговор одетый во все черное человек, стоявший рядом с генералом, — поистине все происходящее странно. Хозяин не шутит Нам он сказал то же.

— Располагайтесь, располагайтесь, — засуетился хозяин. — Проходите поближе к огню. Джентльмены, прибывшие давно и согревшиеся, уступят вам и профессору Лэнсингу свои места. И, раз уж все в сборе, я займусь ужином.

Он торопливо засеменил на кухню, а Мэри Оуэн присоединилась к стоявшему у камина Лэнсингу.

— Мне показалось, хозяин называл вас профессором? — обратилась она к нему.

— Да, правильно. Хотя, на мой взгляд, зря. Меня редко так называют. Даже мои студенты...

— Но ведь вы действительно профессор?

— Да. Я преподаю в Лэндморском колледже.

— Я никогда не слышала о таком.

— Это небольшой колледж в Новой Англии.

Генерал обратился к вновь прибывшим.

— Эти два кресла самые удобные. Садитесь. Мы с пастором нежились в них и так слишком долго.

— Спасибо, генерал, — поблагодарила Мэри.

Один из присутствующих, до сих пор не принимавший участия в разговоре, поднялся и мягко коснулся руки Лэнсинга.

— Как вы могли заметить, я не человек. Вы не будете возражать, если я тоже скажу вам «добро пожаловать»?

— Конечно, нет, — начал Лэнсинг и остановился, вытаращив глаза на говорившего. — Вы же.

— Я робот, мистер Лэнсинг. Вам не приходилось до сих пор видеть роботов?

— Нет, никогда.

— Это понятно, нас не так уж и много. И мы есть не во всех мирах. Меня зовут Юргенс.

— Извините, что я не заметил вас раньше. Несмотря на огонь в камине, здесь довольно темно да и столько всего произошло.

— Прошу прощения, мистер Лэнсинг вы, случайно, не сумасшедший?

— Думаю, что нет, Юргенс. Никогда об этом не задумывался. А почему вы спрашиваете?

— У меня есть увлечение, — ответил робот — Я коллекционирую сумасшедших. В моей коллекции есть один очень занятный экземпляр — он думает, что он Бог, стоит ему только напиться.

— Это на меня не распространяется. Пьяный или трезвый, я никогда не считаю себя Богом.

— Ах, но ведь свихнуться можно по-разному Существуют и другие виды сумасшествия.

— Не сомневаюсь, — ответил Лэнсинг

Генерал взял на себя труд представить всех присутствующих друг другу

— Я Эверетт Дарнли. Командир семнадцатой бригады. Рядом со мной — пастор Эзра Хатфилд, а леди, сидящая за столом, поэтесса Сандра Карвер. Рядом с мистером Лэнсингом — робот Юргенс. Теперь, когда мы познакомились, я предлагаю сесть и отдать должное прекрасному ликеру на столе. Те, кто пришел раньше, уже успели его оценить.

Лэнсинг сел за стол рядом с Мэри Оуэн. Стол, как он заметил, был из дуба, сработанный искусным ремесленником. На столе стояли три свечи и три бутылки, а

также поднос с кружками. Только теперь он мог как следует разглядеть собравшихся в комнате. В дальнем углу за небольшим столиком вольготно устроились четверо игроков в карты, полностью поглощенных игрой.

Генерал придвинул к себе кружки и разлил ликер.

— Надеюсь, нам не придется долго ждать ужина, — сказал генерал, — и, думаю, он окажется не хуже напитков.

Лэнсингу ликер пришелся весьма кстати. Он налил себе еще немного и уселся поудобнее в кресле.

— Пока мы ждали остальных, — начал генерал, — мы гадали, не смогут ли вновь прибывшие, то есть вы, мисс Оуэн и мистер Лэнсинг, — объяснить, где мы находимся. Из того, что вы говорили, мисс Оуэн, ясно, что вы этого не знаете. А вы, мистер Лэнсинг?

— Ни малейшего представления, — ответил Лэнсинг.

— Хозяин утверждает, что и он ничего не знает, — мрачно произнес пастор. — Он говорит, что он всего лишь содержатель гостиницы и что не привык задавать вопросы. Тем более что задавать их здесь некому. Впрочем, я полагаю, что он лжет.

— Не судите слишком поспешно и слишком сурово, — вступила в разговор поэтесса Сандра Карвер. — У него честное и открытое лицо.

— У него лицо свиньи. И он позволяет греховным деяниям совершаться под своей крышей. Эти картежники...

— Что касается греховности, — заметил генерал, — вы все это время пили ликер наравне со мной.

— Это не грех. — Пастор добродетельно поджал губы. — Библия учит нас, что немного вина полезно для организма.

— Ну, приятель, какое же это вино! Такие крепкие напитки не были известны в библейские времена.

— Нам, пожалуй, лучше успокоиться и подумать о том, что нам известно, — сказала Мэри. — Может, тогда мы лучше поймем ситуацию. Нам следует знать, кто мы такие, как попали сюда и что думаем о случившемся.

— Первая разумная мысль, — сообщил собравшимся пастор. — Надеюсь, ни у кого нет возражений?

— У меня нет, — ответила Сандра Карвер так тихо, что остальным пришлось напрячь слух, чтобы уловить ее слова. — Я дипломированная поэтесса из Академии Древнейших Афин. Я владею четырнадцатью языками,

хотя пишу и пою только на одном — диалекте Древней Галлии, самом выразительном языке в мире. Я не поняла, как я сюда попала. Я была на концерте и слушала новую симфонию в исполнении оркестра из Заокеанских Земель. Никогда в жизни не слышала более выразительной музыки. Она захватила меня. Мне казалось, что музыка уносит душу из бренного тела в иное пространство. А когда я вернулась, и моя плоть, и мой дух оказались в другом месте — сельской местности небывалой красоты. Там была дорожка, я пошла по ней, и вот...

— А год? — спросил пастор. — В каком году это было?

— Я не понимаю вопроса, пастор.

— В каком году это произошло? Как вы измеряете время?

— В шестьдесят восьмом году Третьего Ренессанса

— Нет-нет. Я не это имею в виду. В каком году Господа нашего?

— О каком господе вы говорите? В теперешние времена так много господ...

— В каком году от Рождества Христова?

— Христова?

— Да, Иисуса Христа.

— Сэр, я никогда не слышала ни об Иисусе, ни о Христе.

Пастора чуть не хватил удар. Его лицо побагровело, он стал расстегивать воротник, будто ему не хватало воздуха, сделал попытку заговорить, но слова не шли с его уст.

— Мне жаль, если я огорчила вас, — сказала поэтесса. — Я сделала это по незнанию. Простите. Я никогда не обижаю людей по доброй воле.

— Ничего, моя дорогая, — вмешался генерал. — Все дело в том, что наш друг пастор — жертва культурного шока. И он может оказаться не единственным. Ситуация, в которой мы все оказались, совершенно невероятна, но по мере развития событий дело приобретает все же некоторую степень достоверности, хотя боюсь, что большинству из нас принять ее будет трудно.

— Вы хотите сказать, — ответил ему Лэнсинг, — что все мы принадлежим к разным культурам и, может быть, даже к разным мирам?

Удивляясь собственным словам, он вспомнил, как несколько часов назад Энди Сполдинг, играя идеей и явно не веря в ее серьезность, болтал об альтернативных мирах. Теперь Лэнсинг пожалел, что многое пропустил мимо ушей.

— Но мы все говорим по-английски, — сказала Мэри Оуэн, — или, по крайней мере, можем говорить. Сколько языков, Сандра, вы знаете?

— Четырнадцать, — ответила поэтесса. — Правда, некоторые из них не очень хорошо.

— Лэнсинг высказал предположение о том, что все мы из разных культур, — сказал генерал. — Я поздравляю вас, сэр, — очень тонкое наблюдение. Может быть, все и не совсем так, как вы говорите, однако, скорее всего, вы весьма близки к истине. Что же касается языка, на котором мы говорим, то можно сделать даже кое-какие предположения. Мы все принадлежим к одной команде и все говорим по-английски. Но ведь возможны и другие команды? Французская команда, итальянская, греческая, испанская — маленькие группы людей, которые могут взаимодействовать, поскольку говорят на одном языке?

— Чистое словоблудие! — вскричал пастор. — Безумие считать и даже предполагать, что то, о чем вы двое говорите, может оказаться правдой. Это противоречит всему, что известно на земле и на небесах!

— Наши знания о земле и небесах, — ответил генерал раздраженно, — всего лишь капля в море. Мы не можем игнорировать факт нашего пребывания здесь, а способ, каким мы сюда доставлены, выходит за пределы всех наших представлений.

— Я думаю, что сказанное мистером Лэнсингом... — начала Мэри. — Лэнсинг, как вас зовут?

— Мое имя Эдвард.

— Спасибо. Я думаю, что предположение Эдварда романтично и даже фантастично. Но если мы хотим понять, где мы и почему мы здесь, нам придется искать совершенно новые пути рассуждений. Я инженер и живу в высшей степени технизированном обществе. Любая теория, выходящая за пределы известного или лишенная солидных научных оснований, действует мне на нервы. У меня нет никаких предположений, с помощью которых можно было бы дать объяснение про-

исходящему. Может быть, кто-то другой имеет необходимую информацию? Как насчет нашего друга робота?

— Я тоже принадлежу к обществу с развитой технологией, — ответил Юргенс, — но и мне не известно..

— Вы обращаетесь к нему? — вскричал пастор. — Вы говорите «робот», и это слово легко срывается с языка, но он всего лишь машина, механическое приспособление.

— Не зарывайтесь, — вмешался генерал. — Я живу в мире, где «механические приспособления» на протяжении многих лет воюют, и воюют профессионально и разумно, а их воображение иногда превосходит человеческое.

— Как ужасно, — прошептала поэтесса.

— Вы, по-моему, хотите сказать, — ответил генерал, — что война ужасна?

— Разве это не так?

— Война — естественная человеческая функция. Человеческой расе присущи агрессивность и тяга к соревнованию. Будь это не так, не было бы стольких войн.

— Но ведь люди страдают. Мучаются. А несбывшиеся надежды?

— К настоящему времени войны по большей части стали игрой, — пояснил генерал. — Именно так смотрели на войну примитивные племена. Индейцы западного континента всегда считали войну игрой. Юноша не считался мужчиной, пока он не убивал своего первого врага. Все, что мужественно и благородно, рождено войной. Да, в прошлом бывало, что чрезмерное рвение приводило к нежелательным последствиям, о которых вы говорите. Теперь же крови проливается немного. Мы играем в войну, как в шахматы.

— Используя роботов, — заметил Юргенс.

— Мы не называем их роботами.

— Может быть, и нет. Механические приспособления. Инструменты, которые, однако, имеют собственное «я» и способность думать.

— Это верно. Они прекрасно сделаны и великолепно обучены. Они помогают нам не только сражаться, но и планировать операции. Мой штаб состоит почти исключительно из них. Во многих случаях даже моя хватка уступает их видению оперативной ситуации.

— И поле боя после сражения усеяно «механическими приспособлениями»?

— Конечно. Мы потом ремонтируем те, которые поддаются восстановлению.

— После ремонта вы снова отправляете их сражаться?

— Ну естественно. Война требует рачительного использования ресурсов.

— Генерал, — сказал Юргенс, — я не думаю, чтобы мне понравилось в вашем мире.

— А что собой представляет ваш мир? Если вам не нравится мой, расскажите нам о своем.

— Наш мир исполнен доброты и покоя. Мы испытываем сострадание к своим людям.

— Это звучит тошнотворно, — сказал генерал. — *Своим* людям?

— В нашем мире людей осталось мало. Мы заботимся о них.

— Как это ни противно всем моим убеждениям, — заговорил пастор, — я вынужден прийти к заключению, что Эдвард Лэнсинг может быть прав. Похоже, мы все действительно пришли из разных миров. Циничный мир, рассматривающий войну просто как игру...

— Это не простая игра, — прервал его генерал, — иногда она бывает весьма сложной.

— Циничный мир, рассматривающий войну как сложную игру, — продолжал пастор. — Мир поэтов и поэтесс, музыки и академий. Мир, в котором роботы по доброте своей заботятся о людях. И ваш мир, милая леди, в котором женщина может оказаться инженером.

— А что же в этом плохого? — спросила Мэри.

— Женщинам не следует быть инженерами. Они должны быть верными женами, экономными хозяйками и хорошими воспитательницами детей. Это естественная сфера для женщин.

— В моем мире женщины — не только инженеры. Они становятся физиками, врачами, химиками, философами, палеонтологами, геологами, членами правлений корпораций, президентами престижных компаний, юристами и законодателями, главами агентств. Список может быть продолжен без конца.

Из кухни появился деловитый хозяин.

— Освободите стол, — сказал он, — освободите стол для ужина. Надеюсь, он вам понравится.

Глава 7

Весьма вкусный и сытный ужин закончился. Отодвинув стол, собравшиеся расположились у камина, от которого исходило приятное тепло. Позади них, в дальнем углу комнаты, игроки в карты по-прежнему были увлечены игрой.

Лэнсинг кивнул в их сторону.

— А как же они? Они не присоединились к нам, когда мы ужинали.

Хозяин сделал осуждающий жест.

— Они не желают прерывать игру. Я подал им бутерброды, и они съели их, не отрываясь от карт. Они не поднимутся из-за стола до рассвета. Немного прикорнув, они совершают молитву, завтракают и снова садятся за карты.

— Кому же они молятся? — спросила Мэри. — Богам удачи, наверное.

Хозяин помотал головой.

— Не знаю. Я никогда не подслушиваю.

— Вы кажетесь мне удивительно нелюбознательным человеком, — сказал пастор. — О чем бы ни зашла речь, вы обнаруживаете поистине поразительное неведение. Вы не знаете, что это за страна. Вы не знаете, как мы оказались здесь и что нас ожидает.

— Я говорю вам правду, — ответил хозяин. — Я действительно не знаю и никогда этим не интересовался.

— И не у кого было спросить?

— Думаю, что так оно и есть.

— Выходит, нас согнали сюда без всякой информации и инструкций, — сказала Мэри. — Но этот кто-то или некая сила должны же были иметь какую-то цель. Неужели ни малейшего представления?..

— Абсолютно никакого, миледи. Я могу сказать вам одно — другие группы, появлявшиеся здесь, отправлялись обычно по древней дороге на поиски того, что лежит за горизонтом.

— Так здесь были и другие группы?

— О да. Очень много. Но проходит много времени прежде чем одна сменит другую.

— А они возвращаются?

— Редко. Разве что отставшие от группы.

— И что же происходит с теми, кто отстал?

— Этого я не знаю. На зиму я закрываю гостиницу.

— Эта древняя дорога, о которой вы упомянули, — вмешался генерал, — вы не могли бы рассказать о ней побольше? Куда она ведет, куда по ней можно добраться?

— До меня доходили только слухи. Мне приходилось слышать о городе и о кубе.

— Только слухи?

— Да, это все, что я знаю.

— А что такое куб? — спросил Лэнсинг.

— Я рассказал все, что знаю, — упорствовал хозяин. — Мне больше ничего не известно. А теперь я должен коснуться вопроса, который мне неловко задавать, но задать который я должен.

— И какой же? — спросил пастор.

— Это вопрос платежа. Вам следует заплатить и за еду, и за размещение. И еще я держу небольшую лавочку, где вы могли бы купить продовольствие и другие товары, прежде чем отправитесь в путь.

— У меня нет при себе денег, — сказал генерал. — Я их редко ношу с собой. Знай я заранее, что попаду сюда, я бы захватил какую-то сумму.

— У меня всего несколько купюр и пригоршня мелочи, — обратился к хозяину пастор. — Как и все служители церкви в моей стране, я очень беден.

— Я могла бы выписать чек, — вступила в разговор Мэри.

— Мне очень жаль, но я не принимаю чеки. Годится только звонкая монета, — ответил хозяин.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась Сандра Карвер. — Монеты и чеки?

— Речь идет о деньгах, — пояснил генерал. — Вы должны знать, что такое деньги.

— Но я ничего об этом не знаю. Умоляю вас, скажите — что такое деньги?

Генерал ответил мягко:

— Это знак, бумажный или металлический, имеющий установленную ценность. Деньги используются для оплаты товаров или услуг. Вам наверняка приходилось использовать их для приобретения пищи и одежды.

— Но мы ничего не покупаем. Мы отдаем. Я отдаю свои поэмы и песни. Другие дают мне пищу и одежду, когда я в них нуждаюсь.

— Совершенно коммунистическое общество, — сказал Лэнсинг.

— Не вижу, почему вы все выглядите такими шокированными и озадаченными, — сказал Юргенс. — То, о чем говорит Сандра, единственный разумный способ организации общества.

— Это означает, как я понимаю, — прокомментировал генерал, — что и у вас обоих тоже нет денег.

Он повернулся к хозяину и произнес:

— Очень жаль, приятель. Похоже, вам не повезло.

— Погодите-ка, — вмешался Лэнсинг. У хозяина он спросил: — Не случалось ли, что деньги оказывались только у одного члена группы? Деньги тех, кому принадлежит инициатива во всем этом невероятном действе?

— Иногда бывало, — ответил хозяин. — По правде говоря, почти всегда.

— Что же вы сразу не сказали?

— Ну, — пробормотал хозяин, облизывая губы, — никогда нельзя быть уверенным. И следует соблюдать осторожность.

— Следует ли заключить, мистер Лэнсинг, — сказал пастор, — что вы являетесь нашим казначеем?

— Кажется, да, — ответил Лэнсинг. — Я был озадачен случившимся. — Он вынул из кармана одну из золотых монет и кинул ее хозяину. — Чистое золото, — сказал он, хотя не знал, так ли это. — Хватит на наши расходы?

— Следовало бы заплатить еще две, — сказал хозяин. — За ужин, ночлег и будущий завтрак.

— Я думаю, мистер Лэнсинг, что он бессовестно грабит вас, — сказал пастор.

— Я тоже, — ответил Лэнсинг. — Думаю, за ваши услуги хватило бы и одной монеты. Но из свойственной мне щедрости я готов заплатить две, но никак не больше.

— Цены так растут, и столько приходится платить слугам... — запричитал хозяин.

— Я плачу две, — повторил Лэнсинг, протягивая вторую монету, — и больше ни гроша.

— Ладно, — вздохнул хозяин, — может быть, следующая группа окажется щедрее.

— И все же это слишком много, — проворчал пастор.

Лэнсинг подкинул монету, и хозяин гостиницы ловко поймал ее пухлой рукой.

— Может быть, и много, — сказал Лэнсинг пастору, — но я не хочу, чтобы он говорил, будто мы обманули его.

Хозяин медленно поднялся.

— Когда пожелаете отойти ко сну, — сказал он, — позовите меня, я провожу вас в ваши комнаты.

После его ухода Мэри сказала:

— Что за странный метод финансировать путешествие. Вы ведь могли ничего не говорить, Эдвард, и остаться при своих деньгах.

— Но хозяин знал, что у кого-то из нас есть деньги.

— Судя по всему, кто-то нас сюда специально направил.

— Или что-то.

— Верно: или что-то. Мы, должно быть, очень нужны кому-то, раз наше пребывание здесь оплачивается.

— Но почему бы не сказать нам, чего от нас хотят?

— Мы имеем дело со странными существами.

— Мистер Лэнсинг, может, это и не наше дело, — сказал генерал, — но не поясните ли вы, как к вам попали деньги?

— Буду только рад, — ответил Лэнсинг, — но, во-первых, знает ли кто-нибудь из вас, что такое игральные автоматы? — Все слышали о них впервые. — Ну, тогда я расскажу вам длинную историю о студенте, игральных автоматах и моем эксцентричном друге.

Он рассказывал, и все слушали его с неослабным вниманием.

— Должен сказать, — заметил генерал, когда Лэнсинг закончил, — что все это ужасно сложно.

— Все происшедшее, — ответил Лэнсинг, — походило на розыгрыш. Но мое любопытство не давало мне остановиться.

— Может, это и хорошо. Иначе мы бы оказались без гроша за душой.

— Странно, — сказала Сандра, — вы обратили внимание, каким образом нас перенесли сюда: я — благодаря музыке, вы — через посредство этих предметов, которые называете игральными автоматами?

— А меня, — сказала Мэри, — затянул, как ни невероятно это звучит, чертеж. Мой сослуживец принес его мне, попросив объяснить деталь, в которой он не мог разобраться. Он очень настаивал и даже показал пальцем, куда именно я должна смотреть. Действительно, на чертеже был изображен механизм, подобного которому я никогда раньше не видела, и, пока я пыталась в нем разобраться, он как бы поймал меня; потом я увидела лес. Меня поражает, что и Эдвард, и я попали в ловушку при посредстве другого человека — в его случае студента, в моем — сослуживца-инженера. Не значит ли это, что сила, которая перенесла нас сюда, имеет агентов в наших мирах?

— Поначалу я подумал, — сказал Лэнсинг Мэри, — что вы и я — из одного мира, одной культуры, что наши общества очень похожи друг на друга. Но в разговоре мелькнуло понятие, которое вас озадачило. Похоже, вы не знаете, что такое коммунистическое общество.

— Термин мне известен. Я была удивлена контекстом, в котором он прозвучал, словно бы это что-то реальное, существующее на самом деле.

— В моем мире это так и есть.

— Что касается меня, — вступил в разговор пастор, — то в перенесении сюда никакой человек не принимал участия. Мне было даровано озарение. Я много лет ждал и искал его. Временами мне казалось, что я уже близок к достижению Благодати, но каждый раз она ускользала. И вот, стоя на поле с репой, я узрел видение — ярче и прекраснее, чем я смел надеяться. Я воздел руки, чтобы поклониться ему, и тут озарение стало таким величественным и сияющим, что поглотило меня.

— Мне кажется, мы достигли полной ясности, — сказал генерал. — Все мы из разных миров, разных, но населенных людьми. Пожалуй, хотя бы это не требует дальнейших подтверждений. Рассказы четверых из вас весьма убедительны. Надеюсь, вы извините меня, если я не присоединюсь к рассказчикам — мне не хотелось бы касаться тех странных обстоятельств, благодаря которым я очутился здесь.

— Я осуждаю вашу скрытность, — нахмурился пастор. — Мы с полной откровенностью исповедались...

— Все в порядке, — перебил его Лэнсинг, — если генерал не хочет раскрывать душу, это его право, и я не буду возражать.

— Но среди братьев...

— Мы не братья, пастор. Во-первых, среди нас две женщины — если уж придерживаться буквального смысла слова. Во-вторых, я сомневаюсь, что мы братья в духовном смысле, который вы, по-видимому, имели в виду.

— Если мы и братья, — заговорил робот Юргенс, — нам предстоит доказать это в дороге.

— Только в том случае, если мы действительно тронемся в путь, — ответил пастор.

— Я, по крайней мере, собираюсь это сделать, — сказал генерал. — Я умру от скуки, если придется торчать в этой гостинице. Этот жулик-хозяин говорил о городе, до которого можно добраться по дороге. И, конечно, каким бы ни был этот город, там и удобнее, и веселее, чем в этом свинарнике, и, может, удастся выяснить что-нибудь.

— Он еще говорил о кубе, — сказала Сандра. — Интересно, что бы это могло быть?

Глава 8

Они поздно тронулись в путь. Сначала по неизвестным причинам сильно запоздал завтрак, потом были долгие препирательства по поводу покупки снаряжения — продовольствия, одежды, крепкой обуви, спальных мешков, ножей, топоров, спичек, кастрюль — список был длинным. Генерал настаивал на приобретении ружья и был ужасно возмущен, когда хозяин гостиницы отказался продать оружие.

— Это же смешно! — бушевал генерал. — Кто слышал об экспедициии, отправляющейся в путь безоружной?

Хозяин попытался успокоить его.

— Вам не грозит в пути никакая опасность.

— Откуда вы знаете? До сих пор вы, о чем бы ни заходила речь, проявляли полную неосведомленность. Не зная местности, по которой нам предстоит путешествовать, как можно утверждать, что нам ничего не грозит?

Пришло время платить хозяину за снаряжение, и Лэнсингу пришлось поторговаться. Хозяин явно норовил урвать свое после неудачной попытки получить побольше за жилье. Лэнсинга энергично поддерживал пастор, полагавший что все кругом алчные лихоимцы.

В конце концов сделка совершилась, хотя стороны остались недовольны друг другом, и путешественники наконец отправились в путь.

Впереди шел генерал, сразу за ним — пастор, затем — Мэри и Сандра. Лэнсинг и Юргенс замыкали колонну. Юргенс нес тяжелый рюкзак, набитый продовольствием. Он почти ни в чем не нуждался — ни в пище, ни в спальном мешке, поскольку он не ел и не спал. В одежде он также не нуждался, но вооружился топором и ножом.

— Меня очень заинтриговали ваши первые сказанные мне слова, — обратился Лэнсинг к роботу. — Вы спросили, не сумасшедший ли я, и сказали, что коллекционируете сумасшедших. Потом вы сказали, что в вашем мире осталось мало людей. Как же тогда...

— Это была неудачная шутка, — ответил робот. — Мне очень жаль, что я так сказал. На самом деле я не коллекционирую людей. Я коллекционирую описания сумасшедших, которые нахожу в литературе.

— Вы составляете список литературных сумасшедших?

— О, не только. Я конструирую миниатюрные подобия, подобия людей, как если бы они существовали в реальной жизни.

— Так вы коллекционируете кукол?

— Более того. Эти фигурки двигаются и говорят, они разыгрывают сценки. Очень занимательно. Я развлекаюсь с ними часами. Благодаря им я, как мне кажется, лучше понимаю людей.

— Это механические игрушки?

— Ну, примерно. Их основа механическая, хотя есть и биологические элементы.

— Поразительно, — сказал Лэнсинг, слегка шокированный. — Вы создаете живых существ?

— Да. Во многих отношениях они живые.

Лэнсинг умолк, продолжать разговор ему расхотелось.

Дорога мало чем отличалась от тропы. Иногда обнаруживались двойные колеи, оставленные колесами, но чаще колеи покрывала трава и ползучие растения.

Поначалу дорога шла лесом, и лишь спустя два часа взору путешественников открылась холмистая степь, поросшая травой и с редкими островками деревьев. День, приятно теплый вначале, становился все жарче по мере того, как солнце поднималось к зениту.

Генерал, вышагивающий впереди, остановился в тени рощицы и предложил сделать привал:

— Наши дамы нуждаются в отдыхе. Жарко.

Он вытащил из кармана мундира большой белый платок и вытер потное лицо. Потом достал фляжку и стал жадно пить.

— Да, нужно отдохнуть, — сказал Лэнсинг. — А чтобы не терять времени, можно и пообедать.

— Замечательная идея, — с энтузиазмом откликнулся генерал.

Юргенс, распаковав свой рюкзак, уже резал холодное мясо и сыр.

— Приготовить чай? — спросил робот.

— Некогда, — ответил пастор. — Мы должны спешить.

— Я принесу дров, чтобы вскипятить чай, — сказал Лэнсинг. — Недалеко отсюда я видел сухое дерево. Чай нам всем пойдет на пользу.

— Незачем ублажать плоть, — возразил пастор. — Можно обойтись и без чая. Мы могли бы на ходу есть сыр с сухарями.

— Сядьте, — сказал ему генерал. — Сядьте и расслабьтесь. Нельзя мчаться сломя голову на марше. В ритм нужно входить медленно и постепенно.

— Я не устал, — огрызнулся пастор. — Мне не нужно входить в ритм.

— Подумайте о дамах, пастор!

— Дамы не такие неженки. Это вы скисли, а не они.

Они все еще препирались, когда Лэнсинг отправился за дровами. Дерево, которое он заметил по дороге, оказалось неподалеку, и Лэнсинг принялся за дело, обрубая сухие сучья. Одной охапки дров хватит, чтобы вскипятить чай.

За его спиной треснула веточка. Лэнсинг обернулся и увидел Мэри.

— Не возражаете, если я к вам присоединюсь?

— Ничуть, рад компании.

— Неуютно там — те двое все еще ссорятся.

— Они оба одержимые.

— И очень похожи друг на друга.

Лэнсинг засмеялся.

— Они бы задушили вас, скажи вы им это. Каждый из них презирает другого.

— Может быть, именно потому, что они так похожи. Каждый видит в другом свое отражение. Классический случай ненависти к себе, вы не находите?

— Не знаю. Я не силен в психологии.

— А что вы знаете? Я хочу сказать, какой предмет вы преподаете?

— Английскую литературу. В своем колледже я считался специалистом по Шекспиру.

— А знаете, вы и выглядите как профессор. У вас ученый вид.

— Пожалуй, дров хватит, — сказал он, нагибаясь и собирая нарубленные сучья.

— Помочь?

— Да нет, этого довольно, чтобы вскипятить чай.

— Эдвард, как вы думаете, что мы найдем в конце концов? И что мы ищем?

— Не знаю, Мэри. И, наверное, никто не знает. И не знаю, почему мы здесь. Никто из нас не рвался сюда, однако...

— Я все время думаю об этом и не могла уснуть прошлой ночью. Кто-то хотел, чтобы мы попали сюда. Кто-то нас сюда перенес. Мы не добровольно оказались здесь.

Лэнсинг легко поднялся, взвалил охапку сучьев на плечо.

— Не переживайте. Может быть, через день или два все прояснится.

Они направились к месту привала и наткнулись на Юргенса, поднимавшегося из низинки с четырьмя флягами на плече.

— Я нашел родник, — сказал он. — Я мог бы наполнить и ваши фляжки.

Лэнсинг разжигал костер, пока Юргенс наливал воду в чайник и втыкал в землю рогатину, чтобы подвесить его над огнем.

— Известно ли вам, — требовательно спросил пастор, нависая над стоявшим на коленях Лэнсингом, — что этот робот принес флягу и для себя?

— Что же в этом плохого?

— Он же не пьет. Так почему бы...

— Возможно, он заботится о том, чтобы вы или генерал могли утолить жажду, когда ваши фляги опустеют. Об этом вы не думали?

Пастор фыркнул с издевкой.

Лэнсинга окатила горячая волна гнева. Он поднялся и повернулся лицом к пастору.

— Я скажу вам кое-что и больше повторять не стану. Вы смутьян, а нам здесь смутьяны не нужны. Будете продолжать в том же духе — я устрою вам трепку. Понятно?

— Правильно, правильно! — воскликнул генерал.

— А вы, — повернулся к нему Лэнсинг, — заткнитесь. Вы рветесь командовать и пока что не справляетесь с этим.

— Надо полагать, вы считаете, что *вам* следовало бы быть командиром.

— Нам вообще не нужно начальство, генерал. Если вас снова начнет разбирать спесь, вспомните об этом.

Обедали молча, и в молчании снова тронулись в путь. Генерал по-прежнему шел первым, и пастор следовал за ним.

Характер местности не менялся. Идти по равнине с разбросанными тут и там рощицами было приятно, но жара не спадала. Генерал теперь шел медленнее, чем до привала.

Дорога шла в гору, и путешественникам приходилось одолевать холм за холмом, один выше другого. Наконец, поднявшись на очередную вершину, генерал остановился. И закричал.

Склон холма круто обрывался в чашеобразную долину. На дне впадины красовался небесно-голубой куб. Даже издали он поражал массивностью. Простая и правильная форма — прямые грани, плоская верхушка. Никаких украшений, но размер и пронзительная голубизна делали его необыкновенно эффектным.

Дорога, которой они шли, вилась вниз по крутому склону. На дне долины у куба она делала петлю, затем зигзагом поднималась по противоположному склону.

Сандра пискнула:

— Он прекрасен!

Генерал откашлялся.

— Хозяин гостиницы говорил о кубе, но я не ожидал ничего подобного. Вероятнее было бы обнаружить какие-то руины. Правда, должен признаться, я не особенно задумывался о кубе. Меня гораздо больше интересовал город.

Углы губ пастора поползли вниз.

— Мне не нравится, как это выглядит.

— Вам не нравится все на свете, — отпарировал генерал.

— Не лучше ли для начала спуститься вниз и все разглядеть, — предложил Лэнсинг.

Спускались долго. Им пришлось следовать всем извивам дороги, склон был слишком крут, чтобы идти напрямик.

Куб был окружен широкой полосой песчаной почвы, на которой ничто не росло. Песчаный круг с кубом в самом центре настолько правильной формы, что казался размеченным землеустроителями. Песок был белым и чистым, как в детской песочнице; ветер покрыл его мелкими волнами.

Стены куба подымались на высоту футов в пятьдесят, если не больше. Никаких отверстий, ничего, что походило бы на дверь или окно. И никаких украшений, резьбы или надписей. На близком расстоянии небесная, чистейшей невинности голубизна куба поражала так же, как и издали. Стены представляли собой абсолютно гладкую поверхность. Они определенно не из камня, подумал Лэнсинг. Пластик, вероятно, хотя мысль о пластике казалась невозможной в этой безлюдной глуши; или керамика, благородный фарфор.

В безмолвии люди обошли куб, по молчаливому соглашению не ступая на песчаный круг.

— Он прекрасен, — сказала Сандра со вздохом изумления. — Более прекрасен, чем казался издали. Более прекрасен, чем что бы то ни было.

— Поразительно, — откликнулся генерал, — действительно поразительно. Но что это такое?

— Должно быть, он функционален, — задумчиво произнесла Мэри. — Размер и масса... Будь он чисто символическим сооружением, он не был бы так велик. Кроме того, его бы построили на самом высоком месте, чтобы был виден издалека.

— Это место давно никем не посещалось — на песке нет следов, — сказал Лэнсинг.

— Если следы и были, — возразил генерал, — ветер быстро сровнял песок.

— Что это мы стоим и смотрим, словно бы боимся его, — сказал Юргенс.

— Возможно, мы его действительно боимся, — ответил генерал. — Представляется несомненным, что строители куба — представители развитой цивилизации. Это не нагромождение камней, которым суеверные дикари отмечали место поклонения своему боже-

ству. И логично предположить, что сооружение должно иметь защиту, иначе его стены были бы покрыты надписями.

— Надписей нет, — сказала Мэри. — На стенах вообще нет ни единой отметины.

— Может быть, стены сделаны из материала, который не поддается воздействию, — ответила Сандра, — любой инструмент просто соскальзывает, не оставляя следа.

— Я все же думаю, что нужно исследовать куб, — проговорил робот. — Если подойти совсем близко к нему, можно найти ответы на многие вопросы.

С этими словами Юргенс повернулся и пошел к кубу через песчаную полосу. Лэнсинг предостерегающе закричал, но робот притворился, будто не слышит. Лэнсинг кинулся следом — он чувствовал, как, по-видимому, и все остальные, за исключением робота, смутную угрозу, исходящую от этого геометрически правильного песчаного круга. Лэнсинг почти догнал Юргенса, но зацепился за какой-то скрытый песком предмет и упал ничком.

Поднявшись на четвереньки и стряхивая песок с лица, Лэнсинг услышал крики остальных. Голоса покрывал могучий рык генерала:

— Немедленно назад, идиот! Там могут быть ловушки!

Юргенс уже почти достиг стены, он не замедлил шага, как если бы, подумал Лэнсинг, собрался на всем скаку врезаться в нее. В ту же секунду, когда эта мысль пришла в голову Лэнсинга, он увидел, как что-то швырнуло робота высоко в воздух и навзничь бросило на песок. Что-то похожее, как показалось Лэнсингу, на змею (хотя, конечно, змеей это быть не могло), внезапно появилось из песка, ударило и исчезло так быстро, что глаз не успел уследить за движением.

Юргенс, упавший на спину, сделал попытку перевернуться, отталкиваясь обеими руками и ногой, чтобы отодвинуться от стены. Другая нога его явно не слушалась.

Лэнсинг бросился к роботу. Он ухватил его за руку и стал тянуть в сторону дороги.

— Ну-ка, позвольте, — услышал он голос, и глянув вверх, увидел наклонившегося пастора.

Пастор обхватил Юргенса поперек туловища, закинул его на плечо, как мешок с зерном, слегка покачнув-

шись под его тяжестью, дошел до дороги и усадил робота на землю.

Лэнсинг опустился на колени рядом с пострадавшим.

— Где болит? — спросил он.

— У меня ничего не болит, — ответил Юргенс. — Моя конструкция не предусматривает болевых ощущений.

— Одна нога повреждена, — сказала Сандра. — Правая. Он не может ею пользоваться.

— Ну-ка, давайте я подниму, — предложил генерал. — Посмотрим, выдержит ли нога ваш вес.

Могучим рывком он поднял робота, поддерживая его, пока тот не встал на обе ноги. Юргенс попытался удержать равновесие самостоятельно, но правая нога подогнулась. Генерал помог роботу сесть.

— Если это механическая поломка, может быть, ногу удастся починить, — сказала Мэри. — Дело ведь только в механической части, не правда ли, Юргенс?

— Скорее всего, — ответил Юргенс, — хотя возможно, поврежден и какой-то нерв — биологическая составляющая ноги. Я не уверен.

— Если бы у нас были инструменты! — простонала Мэри. — Проклятье, как мы не подумали о том, что в пути нам могут понадобиться инструменты?

— У меня есть набор инструментов, — сказал Юргенс. — Правда, небольшой, но, может быть, этого достаточно.

— Ну, слава Богу, — ответила Мэри. — Хорошо бы починить ногу.

— Кто-нибудь видел, как это случилось? — спросила Сандра.

Присутствующие покачали головами. Лэнсинг промолчал.

— Что-то ударило меня, — сказал Юргенс.

— Вы видели, что это было? — продолжала Сандра.

— Я ничего не видел. Я просто почувствовал удар.

— Нам не стоит оставаться на дороге, — сказал генерал. — На ремонт ноги может потребоваться какое-то время. Давайте найдем место для лагеря, тем более что начинает темнеть.

Они выбрали место для ночевки на опушке рощи, примерно в полумиле от дороги. В роще обнаружился родник, так что проблема воды оказалась решена. Топ-

лива было тоже достаточно. Лэнсинг помог Юргенсу дохромать до лагеря и усадил его у дерева.

Генерал распорядился:

— Мы все займемся костром, приготовлением ужина и прочим. Мэри, беритесь за ремонт. Лэнсинг поможет вам, если нужно. — Он отошел от них, но тут же вернулся и сказал Лэнсингу: — Мы обсудили наши отношения с пастором. Без большого удовольствия, но обсудили. Оба пришли к выводу, что были не правы в том инциденте на привале. Думаю, вам следует знать об этом.

— Спасибо, что сказали, — ответил Лэнсинг.

Глава 9

— Черт возьми! — воскликнула Мэри. — Вот сломанный храповик, во всяком случае то, что мне представляется таковым. Если бы мы смогли найти замену, сустав был бы как новенький.

— К сожалению, — ответил Юргенс, — такой детали у меня с собой нет. Кое-какие запасные части я ношу с собой, но этой не найдется. Нельзя ведь носить с собой все детали, из коих я смастерен. Я благодарю вас, леди, за то, что вы сделали для меня. Самому мне было бы трудно справиться с такой работой.

— Нога плохо гнется, — заметил Лэнсинг. — Он не может согнуть колено, и даже после ремонта бедро не слишком подвижно.

— Я могу двигаться, но медленно, — констатировал Юргенс.

— Я сделаю костыль, — откликнулся Лэнсинг. — Вам придется поучиться, как им пользоваться, но, когда привыкнете, думаю, он вам поможет.

— Чтобы вместе с вами продолжить путешествие, я готов ползти на четвереньках, — сказал Юргенс.

— Вот ваши инструменты, — вмешалась Мэри. — Я сложила их обратно в ящичек.

— Благодарю вас, — произнес Юргенс.

Взяв ящичек с инструментами, он открыл дверцу на своей груди, убрал туда ящичек и закрыл дверцу. Для

верности он еще похлопал по груди, чтобы убедиться, что дверца действительно закрыта.

— Мне кажется, кофе готов, — сказала Мэри. — Не знаю, как насчет еды, а запах кофе я чую на расстоянии. Эдвард, вы присоединитесь ко мне?

— Да, сейчас, — ответил Лэнсинг.

Сидя на корточках рядом с Юргенсом, он смотрел, как Мэри подошла к огню.

— Идите и выпейте кофе, — предложил Юргенс, — уже нет необходимости сидеть со мной.

— Кофе может и подождать, — возразил Лэнсинг. — Вы сказали одну вещь... Что готовы ползти за нами на четвереньках. Юргенс, что происходит? Вы знаете что-то, что нам неизвестно?

— Ничего определенного. Но я не хотел бы отстать от вас.

— Почему? Мы все беженцы. Мы были выброшены из наших миров, из наших культур. Мы не знаем, почему мы здесь...

— Лэнсинг, что вы знаете о свободе?

— Боюсь, немного. Пока человек свободен, он не думает о свободе. В мире, откуда я пришел, люди свободны, им не нужно бороться за свободу. Она нам гарантирована, и мы редко задумывались о ней. Только не говорите мне, что вы...

— Не в той форме, как вы подумали. В моем мире роботов никоим образом не притесняют. В каком-то смысле мы свободны, но в то же время несем бремя ответственности. Позвольте, я попробую объяснить.

— Прошу вас. В гостинице вы сказали, что заботитесь о ваших людях, и выражение показалось мне довольно странным. Вы сказали, что в вашем мире осталось мало людей.

— Прежде скажите мне одну вещь, — попросил Юргенс. — Вы рассказывали о том, что обсуждал с вами ваш приятель; кажется, вы сказали, что просто трепался. Об альтернативных мирах, альтернативных землях, разделяющихся в некоторых критических точках. Я помню, вы сказали, что это может объяснить происходящее.

— Да, все верно. При всей безумности такого предположения...

— И каждый из альтернативных миров имеет свою судьбу. Они существуют одновременно во времени и

пространстве. Означает ли это, что, если мы действительно представители альтернативных миров, все наши миры существуют в одних временных рамках?

— Я не думал об этом, — сказал Лэнсинг. — Понимаете, все это только предположения. Однако, если теория об альтернативных мирах верна и мы действительно перенесены сюда из разных миров, я не вижу оснований предполагать, что все мы жили одновременно. Та контора, что транспортировала нас сюда, могла произвольно выбрать время.

— Хорошо. Меня волновал этот вопрос. Должно быть, я прибыл из значительно более позднего времени, чем все вы. Наш мир был оставлен людьми.

— Оставлен?

— Да, все они отправились к другим планетам, далеко в космос. Насколько далеко, я не знаю. Земля, моя родная Земля, превратилась в облезлую старуху. Природа ее была изувечена, ресурсы исчерпаны. Последние ушли на постройку кораблей, унесших людей в космос. Они оставили Землю выпотрошенной и разграбленной.

— Но вы сказали, что на вашей Земле еще остались люди, хотя и немного.

— Да, на Земле остались люди. Те, кто был никому не нужен: неумехи, слабаки и придурки. Те, кого не имело смысла брать с собой в космос. И роботы — безнадежно устаревшие, но чудом избежавшие переплавки. Все, кто ни на что уже не был способен — и люди, и роботы, были брошены. А сильная, сверкающая красками жизнь — нормальные люди, современные роботы — рванулась вперед, к звездам, на поиски новых молодых миров. Нам, артефактам, накопившимся за тысячи лет эволюции, была предоставлена возможность построить свою жизнь так, как сумеем. И мы, роботы, выброшенные представителями человечества как ненужный хлам, на протяжении столетий пытались сделать все, что в наших силах, для оставшихся людей. Увы, наши старания были бесплодными, вековые труды ни к чему не привели. Потомки тех несчастных, что были брошены своими соплеменниками, за истекшие годы не восстановили ни умственных способностей, ни духовности, что были присущи древним людям. Периодически искра надежды вспыхивала в нас, два или три человека из поколения, казалось, подавали надежду, но

проблески разума гасли в трясине дурных генов. В конце концов я пришел к убеждению, что человечество вымирает и веры в лучший исход не осталось. С каждым поколением люди становились все отвратительнее, злее, никчемнее.

— Итак, вы оказались в ловушке, связанные обязательствами перед людьми.

— Да, вы попали в точку, — вздохнул Юргенс. — Вы отлично поняли меня. Точно, мы угодили в ловушку. Мы должны были остаться, чтобы опекать этих деградирующих существ, но все наши старания оказались напрасными.

— И теперь, вырвавшись из этого мира, вы ощущаете себя свободным.

— Да. Свободнее, чем когда-либо. Наконец-то я принадлежу самому себе. Разве я не прав?

— Наверное, правы. Всякая, даже самая неприятная работа, когда-нибудь кончается.

— Лэнсинг, как вы справедливо заметили, мы не знаем, где мы и что нам предстоит. Но, по крайней мере, можем начать путь, сбросив груз прежних ошибок.

— И вы среди людей, которым приятно ваше общество.

— Вот в этом я не уверен. Пастор не в восторге от моего присутствия.

— Не обращайте внимания на пастора, — посоветовал Лэнсинг. — Я рад, что вы с нами. Мы все, ну, может быть, за исключением пастора, рады вам. При этом не забывайте — именно пастор первым пришел вам на помощь и вытащил вас, когда вы упали. Хотя, конечно, никуда не денешься от его религиозного фанатизма.

— Я докажу свою необходимость всем, даже пастору.

— Именно поэтому вы ринулись штурмовать стену? — поинтересовался Лэнсинг.

— В тот момент я не думал об этом. Я видел реальную работу, которая должна быть выполнена, и я постарался сделать ее. Впрочем, может, и в самом деле я пытался что-то доказать.

— Юргенс, ваш поступок был редкостной глупостью. Обещайте мне, что больше этого не повторится.

— Попробую. Останавливайте меня, если я начну делать глупости.

— Хорошо, в следующий раз я сразу стану бить вас тем, что попадется под руку, — заключил Лэнсинг.

Они услышали голос генерала:

— Лэнсинг, идите, ужин готов.

Лэнсинг поднялся.

— Может, и вы присоединитесь к остальным? Я помогу вам дойти.

— Пожалуй, нет, спасибо, — поблагодарил Юргенс. — Мне о многом надо подумать.

Глава 10

Лэнсинг обтесывал срубленное раздвоенное молодое деревце: мастерил костыль для Юргенса.

Пастор поднялся, чтобы подбросить дров в огонь.

— Где генерал? — спросил он.

— Он пошел за Юргенсом, — ответила Мэри.

— Зачем он это делает? Почему не оставит его в покое?

— Это было бы нехорошо. Юргенс должен быть вместе с нами.

Пастор молча вернулся на свое место.

Сандра подошла к Мэри.

— Там кто-то возится в темноте, — сказала она тихо. — Я слышу, как оно сопит.

— Это, наверное, генерал. Он пошел за Юргенсом.

— Нет, это не генерал. Это что-то четвероногое. И генерал не сопит.

— Какие-нибудь маленькие зверушки, — вставил Лэнсинг, оторвавшись от работы. — Они всегда шныряют вокруг, где ни разбивай лагерь. Приходят из любопытства — просто посмотреть, что происходит, а может, и ухватить что-нибудь съедобное.

— Они нервируют меня, — сказала Сандра.

— У нас у всех нервы на пределе, — заметила Мэри. — Этот куб...

— Давайте постараемся пока забыть о кубе, — предложил Лэнсинг, — утро вечера мудренее.

— Мое мнение о кубе, по крайней мере, не изменится, — вмешался пастор. — Он — порождение зла.

В круг света, отбрасываемого костром, вошел генерал, поддерживая шатающегося Юргенса.

— Что тут говорят о порождении зла? — прогремел генеральский голос.

Пастор промолчал. Генерал усадил робота между Мэри и пастором.

— Он с трудом двигается. — Генерал кивнул на Юргенса. — И практически не способен пользоваться ногой. Нельзя ли закрепить ее получше?

Мэри покачала головой.

— Сломалась одна из деталей в коленном сочленении, и заменить ее нечем. Что-то погнулось в бедре. Я смогла восстановить некоторые функции ноги, но больше ничего не поделаешь. Костыль Эдварда должен помочь.

Генерал тяжело опустился на землю рядом с Лэнсингом.

— Готов поклясться, — сказал он, — кто-то помянул зло.

— Оставьте, для обсуждения есть темы и поважнее, — попытался предотвратить столкновение Лэнсинг.

— Не нужно, уважаемый учитель, — произнес пастор, — вмешиваться в спор между священнослужителем и воином. Мы можем, наконец, выяснить наши отношения.

— Ну что ж, если вы настаиваете, пожалуйста, — сказал Лэнсинг. — Но прошу вас оставаться джентльменами.

— Я всегда веду себя как джентльмен, — гордо заявил генерал. — Инстинктивно. Офицер и джентльмен — эти понятия неразделимы. Что же до наших неотесанных друзей...

— Я только сказал, что куб — порождение зла, — перебил его пастор. — Возможно, это мое личное мнение, но служителей церкви, в отличие от военных, учат замечать такие вещи.

— И как же вы выявили зло? — поинтересовался генерал.

— О, достаточно взглянуть на куб. Полоса песка вокруг него предостерегала нас. Люди доброй воли окружили куб этой полосой, и мы должны были внять

предупреждению. Тот, кто не внял, заплатил за это достаточно дорого.

— Может, это и было предостережение, — отпарировал генерал, — но полоса полна ловушек, в одну из которых и попал наш металлический друг. Если я не ошибаюсь, ваши люди доброй воли не имели отношения к ловушкам. Добро, их добрая воля обнесла бы всю эту конструкцию ограждением. Вы, пастор, пытаетесь внести панику в наши ряды. Вы называете опасность злом, чтобы оправдать свое бегство от нее. Я считаю, необходимо пересечь полосу, но соблюдая максимальную осторожность: с помощью кола или шеста нам следует обнаружить и обезвредить ловушки. Кто-то явно не хочет, чтобы мы узнали слишком много об этом кубе. Возможно, это информация чрезвычайной важности, и я, например, не собираюсь упускать такой шанс.

— Это в вашем духе, — отозвался пастор, — и я не пошевелю и пальцем, чтобы остановить вас, но моя святая обязанность — предупредить, что злые силы лучше оставить в покое.

— Снова вы про злые силы. Могу я спросить, что такое зло? Как вы его определяете?

— Пытаться объяснить вам такие вещи — пустая трата сил.

— Кто-нибудь видел, что в точности произошло, когда Юргенс упал? — вмешалась Мэри. — Он сам ничего не видел, только сказал, что почувствовал толчок. Что-то ударило его, но он не видел что.

— Я ничего не заметил, — уверенно произнес пастор, — хотя стоял так, что должен был видеть все мелочи. Это утверждает меня в мысли, что здесь не обошлось без вмешательства злых сил.

— Я видел что-то, — вступил в разговор Лэнсинг, — или мне просто показалось. Это звучит несколько странно, но я не уловил движения. Только рябь. Рябь, которая пробежала столь быстро, что я не могу сказать наверняка, будто я ее видел. Я и сейчас еще полон сомнений.

— Не понимаю, как вы можете говорить о зле! — воскликнула Сандра. — Куб прекрасен. Он заставляет затаить дыхание, любоваться им. Я не ощущаю в нем зла.

— И все-таки он атаковал Юргенса, — возразила Мэри.

— Да, я понимаю. Но, даже зная об этом, я не перестаю восхищаться им. Мое мнение — в нем нет зла.

— Хорошо сказано, — восхищенно произнес генерал. — Сразу видно, что вы поэтесса, дипломированная поэтесса — кажется, так вы себя назвали?

— Да, вы правы, — тихо откликнулась Сандра. — Вы представить себе не можете, что это для меня значит. Только житель моего мира может понять, какая это честь: быть дипломированной поэтессой. Поэтов у нас очень много, и многие из них — мастера своего дела, но лишь единицы удостаиваются диплома.

— Право, не могу себе представить такого мира, — сказал пастор. — Должно быть, это волшебное место. Много красивых слов, но, боюсь, мало хороших дел.

— Вы правы — вы не можете представить себе нашего мира, — ответила Сандра. — Вы чувствовали бы себя у нас не в своей тарелке. — Некоторое время все сидели молча. — Опять, — прошептала Сандра. — Там снова кто-то крадется. Я слышу сопение.

— Я ничего не слышу, — ответил генерал. — Дорогая, это все игра вашего воображения. Там никого нет.

Вновь воцарилось молчание, которое на сей раз нарушил пастор:

— Что мы будем делать завтра утром?

— Мы осмотрим куб, — ответил ему генерал, — мы обследуем его тщательно, но очень осторожно. Если после этого ситуация не прояснится, мы продолжим наш путь. Впереди, если гнусный хозяин гостиницы не врал, должен быть город, и мне кажется, что в городе мы скорее найдем объяснение интересующим нас вещам, нежели здесь. Если мы захотим и если в этом будет смысл, мы всегда сможем вернуться сюда и сделать еще одну попытку подойти к кубу.

Пастор, махнув рукой в сторону Юргенса, спросил Лэнсинга:

— Он в состоянии путешествовать?

Лэнсинг повертел в руках недоделанный костыль.

— Юргенсу понадобится некоторое время, чтобы привыкнуть к нему. Это непростая задача. Я мог бы сделать лучший костыль, если бы под рукой были необходимые материалы. Юргенс сможет идти, но медленно. Нам нужно будет подстроиться под его скорость. Думаю, нам некуда спешить.

— Не уверен, — вновь вступил в разговор генерал. — Мы толком не знаем ничего о нашей экспеди-

ции. Возможно, существуют некие пределы, неизвестные нам.

— Чтобы действовать эффективно, для начала давайте попробуем понять, почему мы здесь. Мы не должны упускать ничего, что может дать нам ключ к разгадке, — высказала свое мнение Мэри. — По-моему, мы должны оставаться у куба, пока не убедимся, что в нем не заключено ничего важного.

— Интуиция подсказывает мне, — ответил на это генерал, — что в городе мы получим значительно больше информации, чем в этой пустыне. Там мы сможем найти людей и поговорить с ними.

— Да, если мы сможем понять их, — заметила Мэри. — И если они станут разговаривать с нами. Если они не прогонят нас или не бросят в тюрьму.

— Пожалуй, все это следует принять во внимание, — согласился генерал.

— Я полагаю, что пора укладываться спать, — сказал пастор. — У нас был длинный и тяжелый день, всем нам необходим отдых.

— Я первым буду стоять на страже, — заявил генерал, — затем вы, Лэнсинг. Пастор, на ваше дежурство приходится остающаяся часть ночи. Возражения есть?

— У вас нет необходимости стоять на часах, — сказал Юргенс, — это моя работа. Я никогда не сплю. Я обещаю быть бдительным. Вы можете положиться на меня.

Глава 11

После завтрака они пересекли дорогу и направились к кубу. Трава была еще влажной от росы. Юргенс поднял их с рассветом, уже приготовив овсянку и кофе.

В косых лучах утреннего солнца куб не казался таким голубым, как при ярком дневном освещении, и мерцал подобно изящному и хрупкому опалу.

— Он как фарфоровый, — сказала Сандра. — В первый раз он лишь слегка напоминал фарфор, но сейчас невозможно ошибиться.

Пастор поднял камень размером с кулак и швырнул его в стену куба. Камень отскочил рикошетом.

— Это не фарфор, — сказал пастор.

— Что за дьявольский способ выяснения, — сказал Лэнсинг. — Куб может запомнить, кто бросил камень.

— Вы говорите так, будто он живой, — заметила Мэри.

— Я не поручился бы в обратном.

— Мы только теряем время, болтая здесь, — проворчал пастор. — Я продолжаю видеть в кубе зло, но если остальные намерены изучать его, что ж — пожалуйста, я не против. Чем скорее мы закончим, тем скорее сможем заняться чем-нибудь другим.

— Правильно, — сказал генерал. — Давайте вернемся в рощу и срубим несколько шестов. Ими можно прощупывать землю, перед тем как ступать на нее.

Лэнсинг не пошел с генералом и пастором. Он последовал за Юргенсом, который пробовал ходить с помощью костыля. Пока получалось не очень успешно, но со временем, сказал себе Лэнсинг, он приспособится. Дважды Юргенс падал и Лэнсинг помогал ему подняться.

— Оставьте, — в конце концов сказал ему Юргенс, — не нужно меня подстраховывать. Я ценю вашу заботу, но должен научиться справляться сам. Если упаду — сумею подняться.

— Ладно, приятель, — ответил Лэнсинг. — Скорее всего, вы правы.

Лэнсинг по-прежнему поглядывал на Юргенса. Тот упорно делал попытку за попыткой. Он упал, но с помощью костыля поднялся и снова возобновил тренировку. Генерал и пастор были в роще, вырубая шесты, и Лэнсинг иногда слышал звук топора. Мэри и Сандра, наверное, находились по другую сторону куба.

Оставив Юргенса, Лэнсинг медленно обошел куб, не ступая при этом на песчаную полосу. Он внимательно разглядывал его стены, надеясь увидеть шов или какую-нибудь щербину на его поверхности, но не обнаружил ничего. Стены были гладкими, без единой трещины. Материал, из которого они были сделаны, выглядел монолитным.

Лэнсинг, глядя на куб, перебирал в уме вопросы и предположения. Был ли куб жилищем, домом, в котором обитает семья неизвестных существ? Могут ли они сейчас находиться внутри, поглядывая в окна, рассматривая странных неразумных двуногих, окруживших их дом? Или, может быть, это хранилище знаний, библиотека, сокровищница фактов и мыслей, полностью чуждых человеческому разуму: может быть, принадлежащих другой ветви человечества, удаленной на многие миллионы лет от известного ему мира? Вполне возможно, думал он. Только прошлой ночью они с Юргенсом говорили об этом, обсуждая неравномерность течения времени, вполне допустимую в альтернативных мирах. Из слов Юргенса явствовало, что мир роботов на многие тысячи лет опередил Землю Лэнсинга. А не может ли куб быть вневременной структурой, смутно проглядывающей через туманную дымку другого времени и пространства? Но ведь куб отчетливо виден. Он был столь же реален, как и все вокруг.

Лэнсинг медленно обходил куб. Солнце поднялось уже высоко, день был прекрасным. Роса высохла, голубизну неба не нарушало ни единое облачко. Из рощи появились генерал и пастор, каждый из них нес по длинному отесанному шесту, вырезанному из молодого деревца. Они перешли дорогу и приблизились к Лэнсингу.

— Вы обошли куб? — спросил пастор. — Полностью обошли?

— Да, — ответил Лэнсинг, — и он везде одинаков.

— Давайте подойдем поближе, — предложил пастор. — Может, увидим что-то, чего не удается заметить отсюда.

— Правильно, — согласился Лэнсинг.

— Почему бы и вам не пойти в рощу и не вырезать шест? — спросил генерал. — Втроем мы скорее все выясним.

— Я не думаю, — отозвался Лэнсинг. — По-моему, это пустая трата времени.

Оба, генерал и пастор, с минуту смотрели на него, потом отошли. Генерал сказал пастору:

— Давайте сделаем так. Пойдем на расстоянии футов двенадцати друг от друга и будем прощупывать песок вокруг себя, так чтобы наши территории частично перекрывались. Если там что-то есть, оно атакует шест, а не нас.

Пастор согласно кивнул:

— Это как раз то, что я имел в виду.

Они двинулись. Через некоторое время генерал произнес:

— Пойдем к стене и дойдя разделимся — вы пойдете налево, а я направо. Будем осторожно обходить куб, пока не встретимся.

Пастор промолчал; они медленно двинулись к стене, ощупывая почву шестами.

А что, засомневался Лэнсинг, если страж или стражи, находящиеся в песке, запрограммированы или обучены хватать живых существ, вторгающихся в их владения? Но он не стал говорить об этом и медленно пошел по дороге, высматривая Мэри и Сандру. Вскоре он увидел их, обходящих куб на значительном расстоянии от песчаного кольца.

Крик позади него заставил его обернуться. Генерал бежал сломя голову через песчаную полосу к дороге. В руках у него была половина шеста. Шест рассечен пополам, вторая половина лежала на песке у стены.

Пастор застыл у стены, как бы окаменев, повернув голову и глядя через плечо на бегущего генерала. Справа от генерала что-то мелькнуло — настолько быстро, что невозможно было рассмотреть, что же это было, и тут же половина оставшегося в руках генерала шеста взлетела в воздух, аккуратно откушенная. Генерал в ужасе завопил и отшвырнул обломок. Одним рывком он преодолел последние несколько футов песка и рухнул на траву между песчаной полосой и дорогой.

Мэри и Сандра бежали к упавшему генералу, а пастор неподвижно застыл у стены.

Генерал с трудом поднялся и стал отряхиваться от пыли. Словно бы не осознавая происшедшего, он снова принял военную осанку, будто аршин проглотил, смягченную царственной небрежностью.

— Мои дорогие, — обратился он к двум женщинам. — Я сказал бы, что мы столкнулись со скрытым сопротивлением.

Он повернулся и громовым, как на параде, голосом закричал пастору:

— Возвращайтесь! Развернитесь и идите медленно, проверяя дорогу, и старайтесь точно попадать в свои следы.

— Я заметил, — проронил Лэнсинг, — что вы не так уж точно следовали своему совету. Вы тревожили нетронутые участки песка.

Генерал не обратил внимания на его слова.

Юргенс вернулся к месту происшествия. Он уже лучше управлялся с костылем, но все же двигался медленно.

Генерал спросил Лэнсинга:

— Вы рассмотрели, что ударило в последний раз?

— Нет, — сказал Лэнсинг. — Оно выскочило молниеносно. Слишком быстро, чтобы разглядеть.

Пастор прошел вдоль стены к месту, с которого начал свой путь, и по своему следу повернул к дороге, тщательно проверяя шестом каждый дюйм пути.

— Молодец, — заметил генерал одобрительно. — Он хорошо выполняет приказы.

Они следили за пастором, медленно преодолевавшим последние метры. Юргенс подошел к ним и встал рядом. Добравшись до дороги, пастор с видимым облегчением отбросил шест в сторону.

— Сейчас, когда все закончилось, — сказал генерал, — нам следовало бы вернуться на стоянку и перегруппировать силы.

— Дело не в перегруппировке, — отозвался пастор. — Лучше бы нам убраться отсюда. Это место опасно. Оно хорошо защищено, как вы могли убедиться, — продолжал он, глядя на генерала. — У меня нет ни малейшего желания оставаться здесь. Предлагаю немедленно идти в город. Надеюсь, там нас ждет лучший прием.

— Я тоже не вижу смысла оставаться здесь, — сказал генерал.

— Но сам факт, что куб так хорошо защищен, — возразила Мэри, — может свидетельствовать о том, что здесь есть что охранять. Я не уверена, что мы должны уйти.

— Может быть, — заметил генерал, — мы вернемся, если понадобится. Но сначала познакомимся с городом.

Генерал и пастор двинулись по направлению к стоянке. Сандра последовала за ними.

Мэри подошла к Лэнсингу

— По-моему, они не правы, — обратилась она к нему. — Мне кажется, здесь что-то есть. Может быть, именно то, что мы должны найти.

— Но мы не знаем, что искать, — ответил Лэнсинг. — И существует ли вообще предмет, который мы должны найти? Ситуация очень беспокоит меня.

— Меня тоже.

Юргенс, прихрамывая, подошел к ним

— Как дела? — спросил Лэнсинг.

— Более или менее сносно, — ответил робот. — Хотя двигаюсь я медленно, даже с костылем

— В отличие от генерала, я не верю в город, до которого мы хотим добраться, — сказала Мэри. — Если там вообще есть город.

— Поди знай заранее, — сказал Юргенс. — Надо подождать и посмотреть, что будет

— Давайте вернемся на стоянку, — предложил Лэнсинг, — и сварим кофе. Нужно все подробно обсудить. Я считаю, что возможности исследования куба еще не исчерпаны. Если всерьез заняться им, может быть, обнаружится ключ к разгадке. Куб явно не на месте. Конструкцию такого рода странно встретить в столь пустынной местности. Но почему он здесь? Для чего?

Мэри, у меня, как и у вас, стало бы легче на душе, пойми мы его назначение.

— Да, — согласилась она. — Я не люблю бессмысленных ситуаций.

— Пойдем на стоянку и поговорим с остальными, — заключил Лэнсинг.

Между тем их спутники, оказалось, уже приняли решение.

— Мы трое посовещались и решили, — сообщил генерал, — как можно скорее отправиться в город. Робота нам лучше оставить — он доберется, как сумеет, и со временем сможет присоединиться к нам.

— Это подлость, — не сдержалась Мэри. — Вы позволяли ему нести снаряжение, тащить для вас продовольствие, в котором сам он не нуждается. Он выполнял всю работу в лагере. Вы посылали его за водой, которой сам он не пьет. Вы принимали его услуги, как принимали бы их от слуги, а теперь предлагаете бросить его.

— Он всего лишь робот, — возразил пастор. — Не человек, а машина.

— Но он достоин того, чтобы быть вместе с нами. И он избран кем-то так же, как и все мы.

— Как на это смотрите вы, Лэнсинг? — спросил генерал. — Вы не произнесли ни слова. Что вы думаете по этому поводу?

— Я остаюсь с Юргенсом, — ответил Лэнсинг. — Я не брошу его. Будь я не способен идти с вами, он остался бы со мной — в этом я уверен.

— Я тоже остаюсь с роботом, — сказала Мэри. — Вы впали в панику или поглупели. Нам нельзя дробить наши силы. К чему эта спешка, почему надо немедленно отправляться в город?

— Потому что здесь ничего нет, — заявил генерал. — Может быть, обнаружим что-нибудь в городе.

— Отправляйтесь и ищите, — произнесла Мэри. — Эдвард и я останемся с Юргенсом.

— Прекрасная леди, — сказал Юргенс, — я не хотел бы стать причиной вражды...

— Замолчите! — воскликнул Лэнсинг. — Это наше решение. Вы сейчас лишены права голоса!

— Тогда, полагаю, говорить нам больше не о чем, — заключил генерал. — Мы трое уходим, вы двое остаетесь с роботом, чтобы потом последовать за нами.

— А вы, Сандра? — спросила Мэри.

— Мне кажется, нет смысла задерживаться здесь, — ответила Сандра. — Здесь ничего нет. Только дивная красота куба и...

— Напрасно вы уверены, что здесь так-таки ничего нет.

— А мы уверены, — возразил пастор. — Мы все обсудили. И сейчас нам надо бы разделить продовольствие, которое нес робот.

Он сделал шаг к рюкзаку Юргенса, но Лэнсинг встал у него на дороге.

— Не так быстро, милорд. Продовольствие принадлежит Юргенсу и останется здесь.

— Нет, мы разделим его поровну.

Лэнсинг помотал головой:

— Если вы оставляете нас, обходитесь той едой, что у вас есть. Большего вы не получите.

Генерал зарычал и шагнул вперед.

— Чего вы добиваетесь? — крикнул он.

— Уверенности, что вы подождете нас в городе. Что не сбежите. Вам понадобится еда, и вы дождетесь нас.

— Мы имеем право на то, что нам причитается!

— Не уверен, — сказал Лэнсинг. — Я в жизни никого никогда не ударил, но, если вы меня вынудите, я буду драться с вами обоими.

Юргенс прихрамывая подошел к Лэнсингу и встал с ним рядом.

— Я тоже никогда не поднимал руку на человека, — произнес он, — но если вы нападете на моего друга, я буду на его стороне.

Мэри обратилась к генералу:

— Полагаю, вам лучше уступить. Робот окажется опасным противником в бою.

Генерал хотел было что-то сказать, но передумал. Он поднял рюкзак, закинул его на спину.

— Пошли, — скомандовал он. — Пора в дорогу.

Пока трое путешественников не скрылись, перевалив за вершину холма, из глаз, оставшиеся глядели им вслед.

Глава 12

Они еще раз обошли вокруг куба, стараясь держаться вместе; оставшись втроем, они острее чувствовали одиночество. Они разглядывали стены куба, надеясь по изменениям цвета и другим еле уловимым признакам понять хоть что-нибудь. Однако то, что казалось линиями, оказывалось лишь тенями, меняющимися или исчезающими при изменении освещения. Затем они обнаружили три каменные плиты, не замеченные раньше: камни лежали у внешнего края песчаной полосы. Песок, покрывающий их поверхность, делал их практически невидимыми. Камни были четырех футов в ширину и футов на шесть вдавались в глубь полосы. Очищенные от песка, они оказались обычными каменными глыбами, но очень ровными. На них не было следов обработки; по-видимому, они образовались в результате естественных геологических разломов. Насколько глубоко они уходили в почву, было неясно.

Двое людей и робот не смогли сдвинуть их с места ни на дюйм. Мэри и Лэнсинг обсудили, не попробовать ли раскопать песок у внешнего края одного из камней, чтобы выяснить его толщину, но передумали — сила, охраняющая песчаный круг, была быстрой и мощной, и не стоило подвергать себя опасности. Промежутки между камнями были абсолютно одинаковыми — они делили песчаный круг на три равные части.

— Они не случайно здесь, — заметила Мэри. — Тут просматривается определенный инженерный замысел. В их расположении заложен некий смысл.

— Возможно, кем-то руководило эстетическое чувство симметрии, — предположил Лэнсинг

— Может быть, хотя сомнительно.

— Магия, — сказал Юргенс. — Не исключено, что они реагируют на определенный ритуал или заклинание.

— Если это так, у нас нет никаких шансов, — откликнулась Мэри.

Неподалеку от дороги они нашли брошенный пастором шест. Лэнсинг поднял его.

— Не думаете ли вы повторить попытку? — поинтересовалась Мэри. — На вашем месте я не стала бы этого делать.

— Нет-нет, — успокоил ее Лэнсинг — Но я вспомнил одну вещь. Когда я пытался подбежать к Юргенсу, я споткнулся и упал. Уверен, что-то помешало мне. Не удастся ли нам найти этот предмет?

— Может, вы просто споткнулись?

— Возможно, но мне кажется, я зацепился за что-то.

На песке в нескольких местах остались их следы; следы Юргенса пересекали отпечатки ног пастора; можно было различить и следы Лэнсинга. Они вели к выемке на месте его падения. Балансируя на границе песчаной полосы, Лэнсинг дотянулся до нее шестом и начал поиск. Через несколько секунд шест зацепился за что-то. Осторожно приподняв шест, Лэнсинг попытался достать предмет, которого коснулся. Из песка показался край доски, и после нескольких неудачных попыток Лэнсингу удалось вытащить ее из песка и пододвинуть к внешней границе песчаного кольца. Доска была не более двух футов в ширину, с остатками неширокой деревянной рейки (возможно, столбика), прикрепленной к одной из ее сторон.

Мэри пришла Лэнсингу на помощь: она подхватила доску, вытащила ее из песчаного круга и перевернула. На доске проступали не ясно различимые буквы.

Лэнсинг наклонился, внимательно разглядывая их.

— Похоже на кириллицу, — задумчиво произнес он. — Может, это русский?

— Да, определенно, — подтвердила Мэри. — Первая строка, написанная заглавными буквами, предупреж-

дение об опасности, во всяком случае, мне так кажется. Я расшифровала бы надпись именно так.

— Откуда вы знаете? Вы читаете по-русски?

— Немножко. Но это не совсем тот русский язык, который я знаю. Буквы отличаются от известных мне. Большие буквы сообщают об опасности, в этом я уверена, а вот что написано ниже — строчные буквы, я понять не могу.

— Должно быть, она стояла здесь, у дороги, — Лэнсинг махнул рукой в сторону круга. — И каждый проходящий сразу видел ее. Может быть, ее повалило ветром, а может, ее сбили, и ее занесло песком. Там бы она и осталась, не споткнись я об нее.

— Жаль, что я не могу понять смысла надписи, — проговорила Мэри. — Моего знания русского довольно, чтобы прочесть технический отчет, но не более того. Почти все наши инженеры, как и я, читают по-русски. Технический уровень русских весьма высок, почему стоит знакомиться с их разработками. Конечно, существует свободный обмен идеями, но...

— Свободный обмен с Россией?

— Конечно, почему бы нет? Как и с другими технически развитыми странами.

— Да, конечно, почему бы и нет?

Лэнсинг поднял доску и, обточив ее ножом, вбил колышек в грунт.

— Ну вот, она будет стоять здесь, пока снова не упадет от ветра или еще от чего-нибудь, — сказал он, оценив результаты своего труда. — Пусть приносит пользу.

Они не торопясь вернулись в лагерь. Солнце уже было на половине пути к западу. Они задержались у куба дольше, чем рассчитывали.

На месте костра осталась только кучка золы, но, поворошив ее, Лэнсинг нашел несколько углей. Подкладывая сухие веточки, он терпеливо разжигал костер. Наконец огонь разгорелся. Мэри молча наблюдала за его работой. Ясно, что дальше оставаться у куба бесполезно; они сделали все, что могли. Впереди их ждал город, если, как правильно заметила Мэри, он действительно существует.

Теперь его отсутствие в колледже уже замечено, подумал Лэнсинг, наверное, там нашли оставленную им машину. Интересно, привлечет ли внимание его исчез-

новение? Должно быть, это недолго будет сенсацией — несколько строк в газете, а затем... затем он будет забыт, его исчезновение пополнит коллекцию нераскрытых тайн.

Он протянул руки к огню. День был теплым, но Лэнсинг почувствовал легкий озноб: он и другие, он и многие другие люди, неожиданно исчезнувшие. Интересно, может, некоторые из них прошли тем же путем, что и он?

— Там, у куба, — прервала его мысли Мэри, — вы удивились, что мы сотрудничаем с русскими. Почему вам это показалось странным?

— В мое время, — отозвался Лэнсинг, — Соединенные Штаты и некоторые страны были не в ладах с Россией. Во время первой мировой войны в России произошла революция, и Россия стала коммунистическим государством.

— Первая мировая война?

— Да, первая мировая война. Вторая мировая война. Атомная бомба.

— Эдвард, в моем мире нет мировых войн, нет — как вы сказали? — атомных бомб.

Лэнсинг отодвинулся от костра и сел на землю.

— Стало быть, вот критическая точка, где расходятся ваш и мой миры. Скажите, а как у вас с Британской империей?

— Она живет и здравствует. Солнце над ней никогда не заходит. И вы назвали еще одно государство. Кажется, Соединенные штаты. Соединенные штаты чего?

— Соединенные Штаты Америки.

— Но Северная Америка — часть Британской империи, так же как и Южная — ну, за исключением того, что принадлежит Испании, Я имею в виду Бразилию. — Лэнсинг удивленно уставился на Мэри. — Правда, — подтвердила она, — все обстоит именно так, как я сказала.

— Но в американских колониях было восстание.

— Да, в восемнадцатом веке. Оно вскоре было подавлено.

— Значит, расхождения начались задолго до первой мировой войны.

— Я несколько запуталась, но похоже на то, — согласилась Мэри. — Ваш друг рассуждал на тему об альтернативных мирах и критических точках. Вы тогда

решили, что он фантазирует. Возможно, он и сам так думал. По-моему, он просто пытался логически развить идею. Еще тогда в гостинице я подумала: эта интересная теория открывает просторы для воображения. Из того, что вы сказали сейчас, следует, что это не только теория.

— Вы, должно быть, живете в хорошем мире. Он лучше моего.

— Да, он спокойный и основательный. Почти без войн. Если они все же случаются, то недолгие. Мировые державы поделили раз и навсегда сферы влияния и успокоились. Конечно, раздаются вопли об империализме, но кто на них обращает внимание?

— В Индии, конечно, голод.

Мэри пожала плечами.

— В Индии всегда голод. Там слишком много народу.

— А африканцев эксплуатируют?

— Эдвард, вы одобряете мой мир или нет? Как вы относитесь к Британской империи?

— Не так уж плохо. Иногда я чувствую, что мы потеряли что-то большое и устойчивое, когда после второй мировой войны она распалась.

— А она распалась?

— Полностью. — Лэнсинг увидел, как на какой-то момент на лице Мэри отразилось чувство глубокого потрясения, затем черты ее разгладились. — Извините, — проговорил профессор.

Мэри окончательно пришла в себя.

— Я, пожалуй, займусь ужином. Вам поручается костер. Полагаю, вы проголодались?

— Страшно, — улыбнулся Лэнсинг. — Завтрак был ранний, а ленч и вовсе отсутствовал.

— Я помогу вам с дровами, — предложил Юргенс, — хоть я и калека, от меня еще может быть какой-то толк.

— Не сомневаюсь, — кивнул Лэнсинг, — пошли!

После ужина они уселись вокруг костра.

— Итак, мы начинаем узнавать, откуда мы явились. — Мэри вернулась к прерванной беседе. — Но по-прежнему неясно, куда мы направляемся. Я принадлежу к миру, где имперская концепция нашла свое реальное воплощение, а в вашем мире империи исчезли. Или распалась только Британская империя?

— Нет, не только Британская. Все страны в конце концов лишились своих колоний. Хотя осталось еще нечто, напоминающее прежние империи, но не совсем то, что было раньше. Россия и Соединенные Штаты — они, правда, называются сверхдержавами, а не империями.

— Значительно труднее представить мир Сандры, — задумчиво произнесла Мэри. — Это похоже на сказку. Сочетание черт древней Греции (или того, что сентиментальные люди считают таковыми) и нового Ренессанса. Как она сказала — Третий Ренессанс? Как бы то ни было, звучит нереально. Таинственный и прекрасный мир.

— Мы ничего не знаем о мирах пастора и генерала, — заметил Лэнсинг, — кроме того, что в мире генерала война подобна игре.

— По-моему, у него сложилось впечатление, что нам не понравился его мир, — предположила Мэри, — и он приукрасил реальность, описав то, что у них происходит, как средневековые рыцарские турниры. Боюсь, на самом деле все обстоит серьезнее.

— Пастор тоже был неразговорчив, — продолжал размышлять вслух Лэнсинг, — он поведал нам об озарении на поле с репой, и, по сути, это все, что мы о нем знаем.

— Его мир представляется мне довольно унылым, — сказала Мэри, — праведным и угрюмым: эти вещи часто сочетаются. Но мы забыли об Юргенсе.

— Извините, я не хотел бы вдаваться в подробности, — ответил робот.

— Да что вы, мы же просто болтаем, — успокоила его Мэри.

— Пытаясь найти у нас что-то общее, — произнес Лэнсинг, — я зашел в тупик. Единственное, что мне пришло в голову — нашу шестерку подбирали из людей одного типа. Но между нами очень мало сходства.

— Профессор колледжа, — начала перечислять Мэри, — военный, пастор, поэтесса и, как бы вы описали себя, Юргенс?

— Я робот, вот и все. Я даже не человек.

— Прекратите, — голос Лэнсинга был резким. — Тот, кто прислал нас сюда, не делал различий между людьми и роботами.

— Возможно, — продолжила Мэри, — общий знаменатель станет нам яснее впоследствии. Пока я не могу найти его.

— Мы не единственные, — заметил Лэнсинг. — Пришельцы были здесь до нас, наверное, будут и после нас. Это говорит о наличии некой программы или проекта. Хотелось бы, чтобы нас в них посвятили. Я бы чувствовал себя значительно комфортнее.

— Да и я тоже, — согласилась Мэри.

Юргенс, отчаянно сражаясь с непослушной ногой, балансируя на костылях, подбросил дров в костер.

— Вы слышали? — вскрикнула Мэри.

— Нет, я ничего не слышал, — отозвался Лэнсинг.

— Там что-то в темноте. Я слышала сопение.

Все прислушались — ничего. Темнота безмолвствовала.

Затем Лэнсинг услышал сопение. Он поднял руку, предупреждая остальных.

Сопение смолкло, потом послышалось вновь, немного в стороне. Словно какое-то животное, опустив нос к земле, шло по следу. Оно остановилось, вновь взяло след в другом месте; казалось, животное принюхиваясь, двигалось вокруг костра.

Юргенс обернулся, стукнув костылем; Лэнсинг покачал головой. Юргенс замер. Они напряженно слушали. Минуты тянулись мучительно долго; сопение больше не возобновилось. Они наконец расслабились.

— Вы слышали? — спросила Мэри.

— Да, — подтвердил Юргенс, — оно появилось у меня за спиной.

— Значит, там кто-то был.

— Теперь оно убежало, — успокоил ее Лэнсинг. — Юргенс спугнул его.

— Сандра слышала его прошлой ночью, — сказала Мэри, — оно бродило здесь.

— Ничего необычного, — заметил Лэнсинг, — этого следовало ожидать. Огонь всегда привлекает диких зверей.

Глава 13

Путь до города занял у них пять дней. Они легко добрались бы и за два, если бы не приходилось приноравливаться к скорости Юргенса.

— Мне следовало вернуться в гостиницу, — посетовал робот, — и там ждать вашего возвращения, чтобы не обременять вас.

— А если бы вы понадобились нам? — возразил Лэнсинг.

— Такой день может никогда не наступить. Необходимость во мне может не возникнуть.

Лэнсинг, обозвав робота дураком, посоветовал ему идти вперед и перестать терзаться. По мере их продвижения характер местности менялся. Они по-прежнему шли по холмистой равнине, но она стала суше. Рощицы попадались реже и деревьев в них было меньше, да и деревья сделались низкорослыми, больше напоминающими кустарник. Ветер вместо прохлады приносил жару. Находить ручьи, чтобы пополнить запас воды, становилось все труднее, да и сами ручьи кое-где пересохли, превратившись в тоненькие струйки воды.

Каждую ночь неведомый зверь рыскал вокруг лагеря. Однажды, на их второй стоянке, Лэнсинг и Юргенс, вооружившись фонариками, ринулись в темноту на его поиски. Они не нашли ничего, даже следов, что было странно — почва вокруг песчаная, и следы на ней должны быть хорошо заметны.

— Оно преследует нас, — в голосе Мэри послышались истерические нотки. — Оно следует за нами, даже когда мы не слышим сопения, я знаю, что оно где-то здесь.

— Не бойтесь, — попытался успокоить ее Лэнсинг, — оно не причинит нам вреда, иначе оно давно воспользовалось бы такой возможностью.

После первых двух дней путешествия они часто сидели у огня молча. Близкие отношения, сложившиеся между ними за время пути, не нуждались в подкреплении беседой.

Иногда, погрузившись в долгое уютное молчание, Лэнсинг ловил себя на мысли о прошлой жизни. Удивительно, но колледж теперь казался таким чужим, а друзья его прежнего мира существовали словно бы в далеком прошлом. А ведь миновала всего неделя, напомнил он себе. Ему вдруг захотелось все бросить и вернуться в гостиницу. Однако он знал, что все не так просто. Даже если он вернется, он обнаружит, скорее всего, только гостиницу или, может быть, ту лесную дорогу, на которой очутился однажды. Пути обратно в колледж, к Энди, к Элис, к родному для него миру не было. Между ним и его прежней жизнью лежало нечто неуловимое — хотел бы он знать что.

Вернуться он не мог. Он должен двигаться вперед, ибо только это давало хотя бы надежду на возвращение. Нужно найти некий ключ, и пока он не найден, пути назад нет. Хуже того, даже найди он это неопределенное нечто, никаких гарантий возвращения домой не существовало.

Возможно, продолжать поиски глупо, но у него не оставалось выбора. Он должен бороться. Сдаваться, как это сделали четверо картежников в гостинице, Лэнсинг не собирался.

Он попытался логически рассуждать о том, каков мог быть механизм их перемещения в этот мир. В целом все это отдавало магией, хотя, конечно, не могло быть ею. Наверняка всем управляли обычные физические законы. Магия как таковая, если она существует, рассуждал Лэнсинг, не более чем применение физических законов, еще не открытых в его мире.

Энди в факультетском клубе говорил о конце познания, о границах применения физических законов. Но Энди явно не представлял себе действительного значе-

ния тех концепций, о которых говорил, он просто болтал на философские темы.

Существовало ли решение этой проблемы здесь, в этом мире? Не может ли поиск ответа быть целью его, Лэнсинга, перемещения сюда? Если он найдет ответ, сможет ли он понять, то ли он искал? Интересно, как можно убедиться в том, что ты достиг границ возможного познания?

От этих мыслей Лэнсингу стало неуютно, но они не желали уходить.

Путешественники нашли место стоянки своих ушедших вперед спутников: кострище, зола в котором уже успела остыть, коробку из-под крекеров, разбросанные сырные корки, кофейную гущу.

Погода по-прежнему стояла хорошая. Временами с запада набегали облачка, но вскоре рассеивались. Дождей не было. Яркое солнце приятно согревало.

На третью ночь что-то внезапно пробудило Лэнсинга от глубокого сна. Он с трудом сел, будто какая-то сила препятствовала этому.

В мерцающем свете костра он увидел стоящего над ним Юргенса.

— Тсс, — прошептал робот, сжимая плечо Лэнсинга.

— Что случилось?

— Мисс Мэри, сэр. С ней что-то неладно, похоже на припадок.

Лэнсинг повернул голову. Мэри сидела в спальном мешке. Голова ее была запрокинута, будто она смотрела на небо.

Лэнсинг с трудом выбрался из спальника.

— Я пытался говорить с ней, — сказал Юргенс, — она меня не слышит. Я несколько раз спрашивал, что случилось и могу ли я чем-нибудь помочь.

Лэнсинг подошел к Мэри. Она словно окаменела — прямая и недвижимая, она казалась зажатой в невидимые тиски.

Лэнсинг наклонился к ней.

— Мэри, — спросил он, — Мэри, что с вами?

Никакой реакции.

Он шлепнул ее по щеке, потом по другой. Она согнулась и вцепилась в Лэнсинга, ища поддержки, — все равно чьей.

Он обнял ее и прижал к себе. Мэри всю трясло, и Лэнсинг услышал сдавленные всхлипы.

— Я согрею в котелке чаю, — предложил Юргенс, — и разожгу костер пожарче. Ей нужно тепло.

— Где я? — прошептала Мэри.

— Здесь, с нами. Вы в безопасности.

— Эдвард?

— Да, это мы с Юргенсом. Он сейчас вскипятит чай.

— Я проснулась, а они, наклонившись, смотрели на меня.

— Успокойтесь, — мягко проговорил Лэнсинг, — успокойтесь и расслабьтесь. Не обращайте ни на что внимания. Вы потом все расскажете нам. Все в порядке.

— Все в порядке, — повторила Мэри.

Она умолкла. Лэнсинг чувствовал, как слабеет напряжение, владевшее ею. Наконец она выпрямилась, отстранилась от него и посмотрела ему в лицо.

— Это было страшно, — спокойно произнесла она. — Я никогда в жизни не была так перепугана.

— Все позади. Что это было — дурной сон?

— Больше чем сон. Они действительно были здесь: они висели в небе, склонясь надо мной. Пожалуй, я вылезу из мешка и переберусь к огню. Вы сказали, что Юргенс готовит чай?

— Он уже заварен, — ответил Юргенс, — я даже успел налить его вам. Если я правильно запомнил, вы кладете две ложечки сахара?

— Точно, — подтвердила Мэри, — две ложечки.

— А вы хотите чашечку? — обратился Юргенс к Лэнсингу.

— Будьте так любезны, — откликнулся тот.

Они сели рядом у огня. Юргенс пристроился напротив. Дрова разгорелись, искры улетали высоко в небо. Мэри и Лэнсинг молча прихлебывали чай.

Затем Мэри сказала:

— Я ведь не из пугливых, вы знаете.

— Конечно, знаю, — кивнул Лэнсинг. — Вы можете быть стойкой.

— Я проснулась легко и спокойно, — начала рассказывать Мэри. — Я лежала на спине, поэтому смотрела на небо.

Она сделала глоток и замолчала, будто ей требовалось сделать над собой усилие, чтобы продолжить.

Поставив чашку на землю, она повернулась к Лэнсингу.

— Их было трое, — наконец выговорила она, — трое, во всяком случае мне так показалось. Возможно, на самом деле их было четверо. Три лица. Никаких других частей тела. Только лица. Огромные лица. Больше человеческих, я просто уверена, что они были именно человеческими. Три громадных лица, занимающих половину неба. Они висели там, уставившись на меня. Еще я подумала: что за глупость, мне мерещатся лица. Я моргнула, думая, что это разыгравшееся воображение и видения исчезнут, — не тут-то было! Я стала видеть их даже лучше.

— Не волнуйтесь, — повторил Лэнсинг, — с рассказом можно и подождать.

— Я спокойна, черт возьми, и не хочу ждать. Вы думаете, это была галлюцинация?

— Нет, не думаю. Если вы утверждаете, что видели их, значит, так оно и было. Мы же помним о вашей стойкости.

Юргенс снова наполнил чашки.

— Спасибо, Юргенс, — поблагодарила Мэри, — вы сделали изумительный чай.

Затем она продолжила:

— Лица были абсолютно нормальными. В них не было ничего, что бросалось бы в глаза. Обычные. Одно было с бородой, молодое, два остальных — старческие. Повторяю — в лицах не было ничего примечательного. А потом до меня дошло, что они меня разглядывают. Они смотрели на меня внимательно, с интересом. Так, как мы бы смотрели на отвратительное насекомое или какую-нибудь мерзкую тварь, новую форму жизни, будто я не существо, а неодушевленный предмет. Сначала мне показалось, что они испытывают ко мне жалость, но потом поняла, что это скорее презрение с оттенком сожаления — это сожаление унижало. Казалось, я могла читать их мысли. Бог мой, думали они, — вы только посмотрите на них! А потом, потом... — Лэнсинг молчал; он чувствовал, что не должен перебивать. — А потом они отвернулись. Не ушли, только отвернулись. Я была недостойна их внимания, не заслуживала их жалости. Словно бы я была ничто, более того, все человечество — ничто. Они вынесли нам приговор: вы ничтожны; впрочем, даже не приговор, ибо мы не заслуживали и этого. Мы оказались низшей формой, о которой можно забыть.

Лэнсинг вздохнул.

— Господи! — воскликнул он. — Неудивительно...

— Да. Неудивительно. Это глубоко меня поразило. Эдвард, моя реакция...

— Перестаньте. Я реагировал бы так же или еще хуже.

— Как вы думаете, что это было? Не кто, а что?

— Не представляю. У меня нет никаких предположений.

— Это не было плодом моего воображения.

— У вас нет воображения. Вы разумный инженер. Существуют только гайки и болты. Вы реалист. Дважды два всегда четыре, а не три и не пять.

— Благодарю вас.

— Попозже мы подробно обсудим, что бы это могло быть, но не сейчас. Ваши переживания еще очень свежи. Отложим этот разговор.

— Другой человек на моем месте сказал бы, что это были боги. Сандра, наверное, сказала бы именно так. Дикарь тоже пришел бы к такому выводу. Пастор наверняка бы изрек, что то были дьяволы, покушавшиеся на его душу. Я думаю иначе — они высокомерны, безжалостны, эгоистичны, как боги, но они не боги.

— Раньше мы, роботы, считали людей богами, — заметил Юргенс. — Что ж, в каком-то смысле они и были ими. Они ведь создали нас. Но потом мы поняли, что ошибались. Со временем мы увидели, что люди — всего лишь другая форма жизни.

— Нет нужды меня успокаивать, — ответила Мэри. — Я же сказала: я знаю, они не боги, я вообще не уверена в существовании богов. Пожалуй, я в них не верю.

Лэнсинг и Мэри не стали влезать в свои спальные мешки. Они решили больше не ложиться — до рассвета уже недолго. Сидя у костра, они продолжали разговаривать. Через некоторое время Юргенс занялся завтраком.

— Что вы думаете насчет оладьев и ветчины? — поинтересовался он.

— Звучит весьма аппетитно, — ответил Лэнсинг.

— Пораньше позавтракаем, — предложил робот, — и пораньше выйдем. Сегодня мы сможем добраться до города.

Однако в тот день им не удалось достичь города, они оказались у цели только к концу следующего дня.

Они увидели город, поднявшись на гребень высокого холма, вокруг которого дорога делала широкую петлю.

Мэри затаила дыхание.

— Вот он! — вскричала она. — Но где же люди?

— Похоже, их здесь нет, — сказал Лэнсинг. — Это руины, а не обитаемый город.

«Город» раскинулся на равнине, лежащей у подножия холма. Его стены, серо-коричневые, мало отличались от цвета самой равнины. Безжизненные руины занимали значительную часть долины, разделяющей два соседних холма. Никакое движение не нарушало их спокойствия.

— Никогда в жизни, — задумчиво произнесла Мэри, — я не видела столь удручающего зрелища. И к этому-то так рвался генерал... Он считал, что мы найдем здесь людей.

— Вы могли бы разбогатеть, заключив с генералом пари, — заметил Лэнсинг.

— Кстати, я не вижу следов наших спутников, — встрепенулась Мэри, — ни одной живой души. Логично было бы предположить, что они будут высматривать нас на дороге.

— Может быть, мы скоро их увидим.

— Если они еще здесь.

— Я думаю, они где-то поблизости. Остановимся здесь. Будем всю ночь поддерживать костер. Они должны заметить огонь.

— Так что, не будем сейчас спускаться?

— Нет. Ночь уже близко. Здесь нам будет спокойнее, чем среди руин.

— Благодарю вас, — сказала Мэри. — При дневном свете я еще смогу вынести это зрелище, но в темноте...

— Примерно в миле от нас есть ручей. Я принесу воды, — вызвался Юргенс.

— Нет, — возразил Лэнсинг, — вы останетесь и вместе с Мэри займетесь дровами. Постарайтесь заготовить их как можно больше. А за водой схожу я сам.

— Я рада, что мы здесь, что город у наших ног, — подытожила Мэри. — Хоть и было страшновато, но хорошо, что мы все-таки добрались.

— Я тоже рад, — согласился Лэнсинг.

После ужина, усевшись рядком на вершине холма, они стали рассматривать руины города. Ни единого движения, ни одного проблеска света. Каждую минуту они ждали появления своих спутников, но напрасно.

Ночь уже подходила к концу, и Мэри предложила отправиться спать.

— Вам обоим надо поспать, — подтвердил Юргенс, — дорога была трудной.

— Да, и в самом деле, — зевнула Мэри.

Юргенс разбудил их на заре.

— Нас ждут внизу, — сообщил он. — Наверное, они увидели наш костер.

Лэнсинг выбрался из спальника. В бледном свете зарождающегося дня он разглядел три фигуры, стоящие за обрушившейся городской стеной. В меньшей он узнал Сандру, двух остальных различить не мог. Он поднял обе руки и помахал им. Трое замахали в ответ.

Глава 14

Генерал вышел вперед, чтобы приветствовать их.

— Потерявшиеся ягнятки, — сказал он, — мы вам рады.

Сандра подбежала к Мэри и обняла ее.

— Мы все высматривали вас и наконец прошлой ночью увидели ваш костер. По крайней мере, я решила, что это вы. Пастор не был уверен.

Углы губ пастора, как всегда, опущены книзу.

— На этой варварской земле, — произнес он, — нельзя быть уверенным ни в чем. Здесь на каждом шагу западни.

— Город выглядит покинутым, — сказал Лэнсинг. — Мы прибыли еще вчера, но побоялись в темноте входить в город и решили подождать до утра.

— Город не только покинут, — ответил пастор, — он мертв. Это случилось очень давно. Здания рушатся от дряхлости.

— И все же пару интересных вещей мы нашли, — удовлетворенно констатировал генерал. — Во-первых, административное здание на площади. Мы разбили в нем лагерь — это хороший командный пункт. А во-вторых, мы нашли что-то, похожее на графический преобразователь. Он, конечно, основательно разрушен, но часть...

— А в другой комнате, — вмешалась Сандра, — оказалось несколько статуй. Единственные произведе-

ния искусства, которые нам попались. Они из белого-пребелого камня. И какая изумительная работа! Кажется, что статуи нематериальны.

— Но мы так ничего и не нашли, — проворчал пастор, — что проливало бы свет на причину нашего появления здесь. Вы, — указующий перст обратился в сторону генерала, — были уверены, что здесь мы найдем людей...

— Ситуацию нужно принимать такой, какова она есть, — ответил генерал. — Глупо рвать на себе волосы и сучить ножками, когда обстоятельства оказываются иными, чем хотелось бы вам.

— Вы уже завтракали? — спросила Сандра.

— Нет, — ответила Мэри. — Едва мы увидели вас, мы сразу же стали спускаться.

— И мы не завтракали, — сказала Сандра. — Так что пойдемте в лагерь и подкрепимся.

Генерал показывал дорогу, Лэнсинг шел рядом с ним.

— Не торопитесь, — сказала Мэри, — нужно, чтобы Юргенс успевал за нами.

— Да, конечно, — обернулся генерал. — Кстати, как ваши успехи, Юргенс?

— Я осваиваю костыль медленнее, чем хотелось бы, но в остальном все в порядке.

Генерал снова двинулся вперед, но не так быстро.

— Вечно задержки, — проворчал он, обращаясь к Лэнсингу, — не одно, так другое.

— Кроме вас, — ответил ему Лэнсинг, — никто не торопится.

— Человеку трудно изменить свои привычки. Мне всю жизнь приходилось торопиться. Дома нужно было пошевеливаться, чтобы кто-нибудь не воспользовался твоей неповоротливостью.

— Но ведь вам это нравилось.

— Могу сказать одно: по части опережения я всегда выигрывал.

Под предводительством генерала путешественники продвигались по еле заметной тропе, которая раньше была улицей. Большинство каменных плит мостовой были вывороченны, и части рухнувших зданий загромождали проход; приходилось маневрировать. В обнажившейся из-под камней почве густо росли кусты и лианы. В трещинах стен укоренились сорняки.

Дома по обеим сторонам улицы были невысоки — по большей части в четыре-пять этажей. Двери и оконные рамы отсутствовали. Камень, из которого были построены здания, красно-коричневого оттенка.

— Это ржавчина, — сказал генерал. — Даже камень подвержен распаду. Здесь нет разрушений — по крайней мере, разрушений, вызванных военными действиями. Нет следов ни пожара, ни разграбления. Это результат времени и непогоды. Правда, все разворовано. Когда-то, наверное, здесь было очень много жителей, теперь этот проклятый город пуст.

— Вы говорили, что нашли нечто. Кажется, вы назвали его графическим преобразователем. Что это такое?

— Не знаю, действительно ли наша находка — графический преобразователь. У себя дома я пользовался похожими. В них нужно ввести данные...

— Данные военного характера?

— Ну, в основном военного. Это вроде игры. Преобразователь обрабатывает информацию и сообщает, что произойдет при данных условиях, — показывает в виде картинок. Так легче понять. Тот, что мы нашли здесь, почти не действует. Что-то показывает только часть экрана. Похоже на окно в другой мир, и в нем иногда различимы какие-то живые существа.

— Может быть, те, что жили здесь.

— Не думаю. Город предназначен для людей или кого-то, похожего на них. Конструкция окон, дверей, лестниц удобна для человека.

Город производил угнетающее впечатление. Кто-то или что-то все еще пряталось в нем, что-то потаенное, выжидающее и наблюдающее. Лэнсинг поймал себя на том, что пристально всматривается в дома, как бы ожидая поймать взглядом это постоянно ускользающее нечто.

— Значит, и вы чувствуете, — сказал генерал, — чувствуете, что как ни пусто вокруг, кто-то притаился рядом.

— Просто естественная осторожность, — ответил Лэнсинг. — Я боюсь теней.

— Может быть, вас утешит, что и я ощущаю то же. Как положено старому вояке, я всегда высматриваю засаду. Я никогда не иду вслепую. Город вроде бы пуст, но я все равно жду засады. Будь у нас оружие, я чувствовал бы себя более уверенно. Что за экспедиция

без всяких средств защиты? Я по-прежнему считаю, что подлец трактирщик нагло соврал, сказав, что у него ничего нет, подобного оружию.

— Может быть, нам оно и не понадобится, — ответил Лэнсинг. — До сих пор мы обходились без него.

— Это ничего не значит, — упорствовал генерал. — Можно тащить его сотни, а то и тысячи миль, чтобы применить один-единственный раз.

Они вышли на площадь.

— Вон в том здании мы расположились, — показал генерал.

Это было самое большое строение из окружающих площадь, и, несмотря на разрушения, оно казалось более сохранным, чем остальные. От просторной площади отходило несколько улиц. Дома того же красно-коричневого оттенка, что и те, мимо которых шли путешественники. Здание, на которое показал генерал, венчали полуразрушенные башни, широкая лестница вела к входу.

— Тут все покрыто пылью, — сказал генерал, — улицы, площадь, внутренние помещения — куда ни сунься. Разрушающийся камень обращается в пыль. Там, где мы разбили лагерь, видны следы тех, кто тут был до нас. Наверное, такие же бедолаги, как и мы. Одна такая группа, должно быть, немного нас опередила — следы совсем свежие. Следы здесь сохраняются недолго — ветром быстро сдувает пыль.

Оглянувшись, Лэнсинг обнаружил, что вся их команда держится сплоченной группой. Даже Юргенс продемонстрировал большую прыть, чем обычно. Мэри и Сандра шли слева и справа от робота, пастор замыкал шествие. Он походил на ворону с низко опущенной головой.

— Должен вас предостеречь, — обратился к Лэнсингу генерал, — за пастором нужно присматривать. Он, без сомнения, безумен. Мне еще не приходилось встречать человека, который бы не слушал никаких доводов рассудка.

Лэнсинг ничего не ответил; они одолели лестницу, ведущую ко входу в здание.

Внутри было сумрачно и пахло дымом. Посреди вестибюля теплился маленький огонек почти погасшего костра. Рядом высилась груда дров и были сложены

желтые рюкзаки. Отблеск огня играл на начищенном металлическом котелке.

Внутренние помещения здания хранили гулкую пустоту, и шаги отдались гулким эхом. Высоко над головой массивные арки свода уходили во тьму. Повсюду мерещились танцующие в пустоте тени.

Когда все члены группы присоединились к Лэнсингу и генералу, болтовня Мэри и Сандры отдалась таким гулом, что казалось, будто сотни невидимых обитателей переговариваются по всему зданию.

Все сгрудились вокруг костра. Генерал подкинул дров и раздул огонь. Пламя побежало по сухому дереву, огромные тени вытянулись по стенам. Лэнсингу почудилось, что крылатые существа взлетели высоко к скрытому в темноте потолку.

— Я займусь завтраком, но на это нужно время, — сказала Сандра. — Генерал, вы могли бы пока показать графический преобразователь — это не так уж далеко.

— Прекрасная идея, — откликнулся генерал. — Я только возьму фонарик. Чем глубже в здание, тем темнее.

— Я останусь и помогу с завтраком, — сказала Мэри. — Преобразователь я могу посмотреть и потом.

Генерал повел их в глубь здания, освещая дорогу фонариком. Стук костыля Юргенса отдавался бесконечным эхом.

— Этот так называемый преобразователь — дьявольская штука, — пожаловался пастор. — Я предлагаю докончить начатое кем-то дело — уничтожить его окончательно. Всего несколько ударов топорищем...

— Только попробуйте, — рявкнул генерал, — и я огрею топорищем вас. Преобразователь — часть наследия народа, который был талантлив и цивилизован, хотя невозможно предположить, для какой цели создали этот прибор.

— Но вы же назвали его графическим преобразователем, — напомнил Лэнсинг.

— Правильно, но только потому, что ничего лучшего не пришло в голову. А теперь я уверен, что это нечто большее. Мне кажется, что преобразователь — средство связи с другим миром; и знания, и техника, примененные здесь, не известны у нас и, может быть, никогда не станут известны.

— Вот и хорошо, если так, — снова забубнил свое пастор. — Есть вещи, которых лучше не знать. Я уверен, что вся Вселенная должна подчиняться великому моральному закону...

— Чума на ваш моральный закон. Вечно вы бормочете о нем. Неужели нельзя говорить более вразумительно?

Пастор ничего не ответил.

В конце концов они добрались до графического преобразователя. Он находился в дальнем конце совершенно пустого здания. На первый взгляд преобразователь не обещал многого. Он походил на кучу металлолома, явно не работал, не имел никакой структуры и был грязен до невероятности. Тут и там сквозь пыль и мусор проглядывал ржавый металл.

— Не могу понять, — сказал генерал, — как в этой груде хлама хоть что-то работает.

— Может быть, то, что вы нашли — это визуальный контроль, ничего другого и не существовало, — предположил Лэнсинг. — Остальное — исполнительный механизм, каким-то чудом еще действующий. Посильнее топнуть ногой — и последнее работающее реле отключится, и изображение пропадет.

— Я как-то не подумал об этом, — задумчиво произнес генерал. — Хотя сомневаюсь, что вы правы. Мне кажется, эта куча хлама была раньше панорамным экраном, а то, что осталось — всего лишь часть его.

Генерал обошел груду покореженного металла и выключил фонарик.

— Посмотрите сюда, — сказал он.

То, что предстало их взору, больше всего напоминало полуметровый телевизионный экран с зазубренными краями. На нем мерцало изображение призрачного мира, погруженного в красноватые сумерки. На переднем плане было видно скопление ограненных, как кристаллы, валунов, сверкавших в тусклом свете невидимого солнца.

— Похоже на алмазы, вам не кажется? — спросил генерал. — Куча огромных алмазов!

— Может быть, — ответил Лэнсинг, — но мне не приходилось иметь дела с алмазами.

Алмазные валуны, если они действительно были алмазами, находились на песчаной равнине, покрытой редкой растительностью — пучками похожей на про-

волоку травы и тощими колючими кустами. Форма кустов создавала иллюзию животной жизни — странной, но несомненно животной, а не растительной. Вдали на горизонте вырисовывались на фоне неба деревья, хотя, глядя на них, Лэнсинг вовсе не был уверен в том, что это именно деревья. Гротескно изогнутые, и корни — если это были корни — извивались по земле, не уходя в почву. В целом создавалось впечатление замерших гусениц-путешественниц. Деревья, подумал Лэнсинг, должны быть огромными, чтобы на таком расстоянии их детали были настолько различимы.

— Вы и раньше видели это? — спросил Лэнсинг. — Все ту же картину?

— Да, она всегда одинакова, — ответил генерал.

Что-то промелькнуло по экрану, слева направо и с огромной скоростью. На мгновение, как при стоп-кадре, Лэнсинг уловил форму этого видения. Это было живое существо, по облику гуманоид — две руки, две ноги, голова, все остальное мало походило на человека. Шея существа, тонкая и длинная, доходила до макушки его крохотной головы, свисавшей вперед. скорость движения существа была так велика, что голова и шея оказались вытянуты почти горизонтально. Выпяченная вперед нижняя челюсть очень массивная, в то время как само лицо казалось маленьким. Все тело устремлено вперед, в направлении движения; конечности мелькали с невероятной скоростью. Руки, длиннее, чем у человека, расширялись на концах, однако вовсе не походили на человеческие кисти, а одна нога — вторая уходила глубоко в песок — имела раздвоенное копыто. Существо показалось Лэнсингу серым, но, сообразил он, это могло быть результатом скорости — движение смазывало все краски.

— Вы видели его раньше? — спросил Лэнсинг.

— Да, всего один раз, — ответил пастор. — Если сие не исчадие ада, то очень на него похоже.

— И тоже на бегу?

— Да.

Лэнсинг повернулся к генералу.

— Вы упоминали живых существ, которых вы видели на экране. Вы говорили о разных формах жизни?

— Иногда появляется что-то похожее на паука. Оно живет в валунах. Конечно, не паук, но это лучшая аналогия, которая приходит в голову. У него не восемь,

как у паука, а гораздо больше ног, — сосчитать их невозможно, они всегда спутаны в клубок. Оно часто выглядывает из камней. Цвет его — чисто-белый, и поэтому его трудно разглядеть на фоне блестящих алмазов. А еще иногда там разгуливает трехногое яйцо. У него овальное тело с отверстиями вокруг верхнего конца — я думаю, это органы чувств. Ноги кончаются копытами и не имеют суставов — оно при ходьбе выбрасывает их вперед, не сгибая. Оно ни на что не обращает внимания и ничего не боится, хотя, насколько можно судить, не имеет никаких средств защиты.

— Обитель чудовищ, — вынес приговор пастор. — Нечто, на что ни один богобоязненный человек не станет смотреть.

Они сидели вокруг костра, не торопясь приниматься за дела.

— Мы осмотрели этот этаж и еще четыре над ним, — проговорил генерал. — Единственное, что удалось обнаружить, — это графический преобразователь и статуи. Все помещения пусты, как шкаф матушки Хаббард*. Ни следа мебели. Не осталось абсолютно ничего. Интересно, что произошло? То ли упорядоченное отступление, и жители города перебрались в другое место, забрав с собой все пожитки, то ли город был разграблен, но если так, то кем? Может быть, такие же, как мы, путешественники поневоле пустили мебель на дрова? Вполне возможно. Судя по всему, команды вроде нашей идут этой дорогой уже далеко не в первый раз. Но если мебель пошла на топливо, что случилось со всем остальным — кастрюлями и сковородками, керамикой, одеждой, книгами и прочим — ведь человеческое жилище всегда полно разной утвари и вещей. Не могли же все растащить на сувениры. Картина, подобная этой, везде, куда ни загляни. Даже дома, что явно были жилыми, совершенно пусты.

— Этот город с самого начала был обречен, — изрек пастор. — Здесь забыли Бога и поплатились за это.

— Город был обречен, потому что не имел сердца, — вмешалась Сандра. — Если не считать тех немногих статуй, что мы нашли, здесь нет искусства. Жители

*Матушка Хаббард — персонаж английского детского стихотворения.

города бездушные и бесчувственные, им не нужна была красота.

— Ну, не знаю, — покачал головой генерал. — Они могли забрать с собой произведения искусства. Или они приглянулись тем, кто проходил этой дорогой до нас.

— А что, если город и не предназначался для постоянного обитания? — предположила Мэри. — Возможно, это всего лишь временный лагерь — люди жили в нем недолго, пока не произошло то, чего они ждали...

— Будь это так, — ответил генерал, — они не строили бы столь основательных сооружений. Никогда не слышал о временном лагере, построенном из камня. Меня удивляет другое — отсутствие каких-либо оборонительных сооружений. В древнем городе обычны крепостные стены, а те, что здесь, не окружают город со всех сторон и потому не могут иметь военного значения.

— Мы гоняемся за привидениями, — снова вступил в разговор пастор. — Нам по-прежнему ничего не известно о цели нашего пребывания в этом мире. Мы ничего не нашли ни у куба, ни здесь.

— Может быть, мы плохо искали, — сказал Юргенс.

— Сомневаюсь, что здесь вообще что-то можно найти. — В голосе пастора зазвучали обвиняющие нотки. — Мы попали сюда по возмутительному капризу...

— Ну, в это я не верю, — отрезал генерал. — Для всякого поступка есть свое основание. Во Вселенной есть причина каждого следствия.

— Вы в этом уверены? — кисло спросил пастор.

— По крайней мере, это не противоречит здравому смыслу. Вы чересчур легко сдаетесь, пастор. Я не собираюсь прекращать поиски до тех пор, пока не прочешу этот город как следует. В этом здании, например, есть подвал, и мы там еще не были. А если и там ничего не окажется, нужно будет разбить город на квадраты и искать планомерно.

— Почему вы так уверены, что мы найдем ответ именно здесь? — спросил Лэнсинг. — Может быть, есть другие места, где стоит искать.

— Потому что город — это логический выбор. Здесь явно центр цивилизации, краеугольный камень всего. Ответ нужно искать там, где было сосредоточение людей и учреждений.

— А это значит, — подытожил Юргенс, — что нам пора взяться за поиски.

— Правильно, Юргенс, — ответил генерал. — Наша задача — осмотреть подвальные помещения, и, если там ничего не окажется — а я почему-то уверен, что там пусто, — нужно будет провести военный совет и решить, что делать дальше.

— Нам всем нужно вооружиться фонариками, — предупредила Сандра, — там наверняка будет темно. В этом здании вообще сумрачно, а уж в подвале наверняка хоть глаз выколи.

Пастор первым спустился по широкой лестнице. Дойдя до нижней площадки, все инстинктивно остановились, всматриваясь в темноту. Лучи фонариков выхватывали из мрака ведущие неизвестно куда проходы и зияющие провалы дверей.

— Нам лучше разделиться, — предложил генерал, как всегда, беря на себя руководство, — и разойтись в разные стороны. Так мы сможем обследовать большую площадь. Если найдете что-то интересное, кричите. Вы, Лэнсинг и Юргенс, идите налево, Мэри и пастор — по центральному коридору, а мы с Сандрой пойдем направо. Каждой паре хватит одного фонарика, батарейки нужно экономить. Потом встретимся здесь.

Похоже, генерал не рассчитывал на долгое отсутствие поисковых партий. Никто ему не возразил. Все уже привыкли к тому, что генерал отдает команды. По двое они разошлись по коридорам, на которые указал генерал.

Лэнсинг и Юргенс нашли карты в четвертой из осмотренных ими комнат, хотя вполне могли пройти мимо, ничего не заметив. Подвал производил удручающее впечатление: всюду пыль, взлетавшая из-под ног и долго висевшая в воздухе. Пыль и сухой, затхлый воздух заставляли Лэнсинга непрерывно чихать. Когда Лэнсинг и Юргенс заглянули в четвертую комнату, она, как и все остальные, показалась пустой. Но прежде чем перейти в соседнее помещение, Юргенс еще раз осветил фонариком пол.

— Секунду, — сказал он. — Там на полу ничего нет?

Лэнсинг присмотрелся. В круге света под толстым слоем пыли проступила выпуклость.

— Да нет, — ответил он, — просто неровность. — Лэнсингу было неуютно в подвале и не хотелось задерживаться.

— Все же нужно удостовериться, — проговорил Юргенс, ковыляя со своим костылем к находке.

Лэнсинг наблюдал за продвижением робота. Тот, неуверенно балансируя на здоровой ноге, подцепил костылем лежавший на полу предмет, перевернув его. Из-под серой пыли мелькнуло что-то белое.

— Мы все-таки что-то нашли, — обрадовался Юргенс. — Похоже на бумагу. Может быть, это книга?

Лэнсинг быстро подошел к роботу, опустился на колени и попытался стереть пыль с находки. Не очень удачная идея — он только размазал грязь. Тогда он поднял предмет и встряхнул его. В воздух взлетело целое облако пыли.

— Пошли отсюда, — прохрипел Лэнсинг. — Можно найти местечко и получше.

— Вы не все забрали, — ответил Юргенс. — Вон еще что-то — футах в двух справа.

Лэнсинг протянул руку и поднял второй предмет.

— Больше нет? — спросил он.

— Как будто нет. Я, по крайней мере, не вижу, — откликнулся робот.

Они поспешно вышли в коридор, где было легче дышать.

— Держите фонарик, — сказал Лэнсинг роботу, — посмотрим, что мы нашли.

При ближайшем рассмотрении находка оказалась четырьмя листами не то бумаги, не то пластика. Плотный слой пыли мешал определить точно. Лэнсинг сунул три листа из четырех в карман и развернул оставшийся. Лист слежался на сгибах и не хотел разворачиваться. Наконец Лэнсингу удалось расправить все складки и разгладить лист. Юргенс осветил его фонариком.

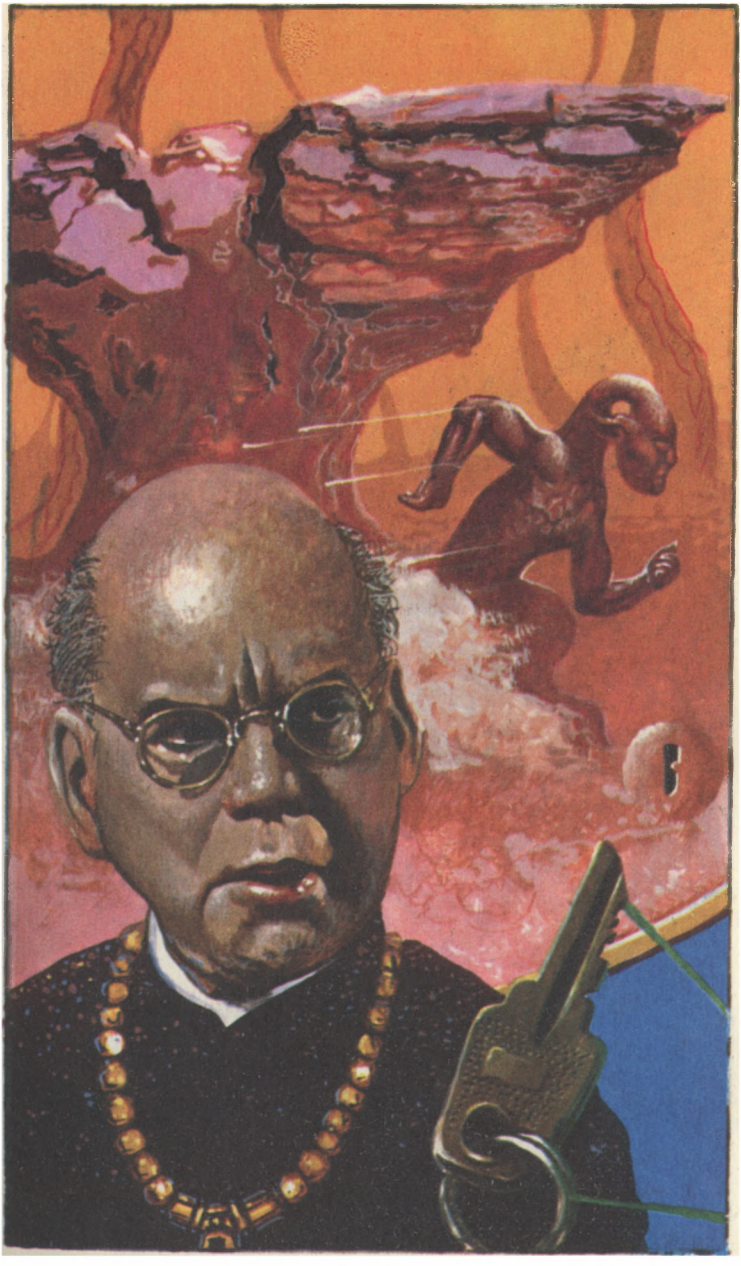
— Это карта, — произнес робот.

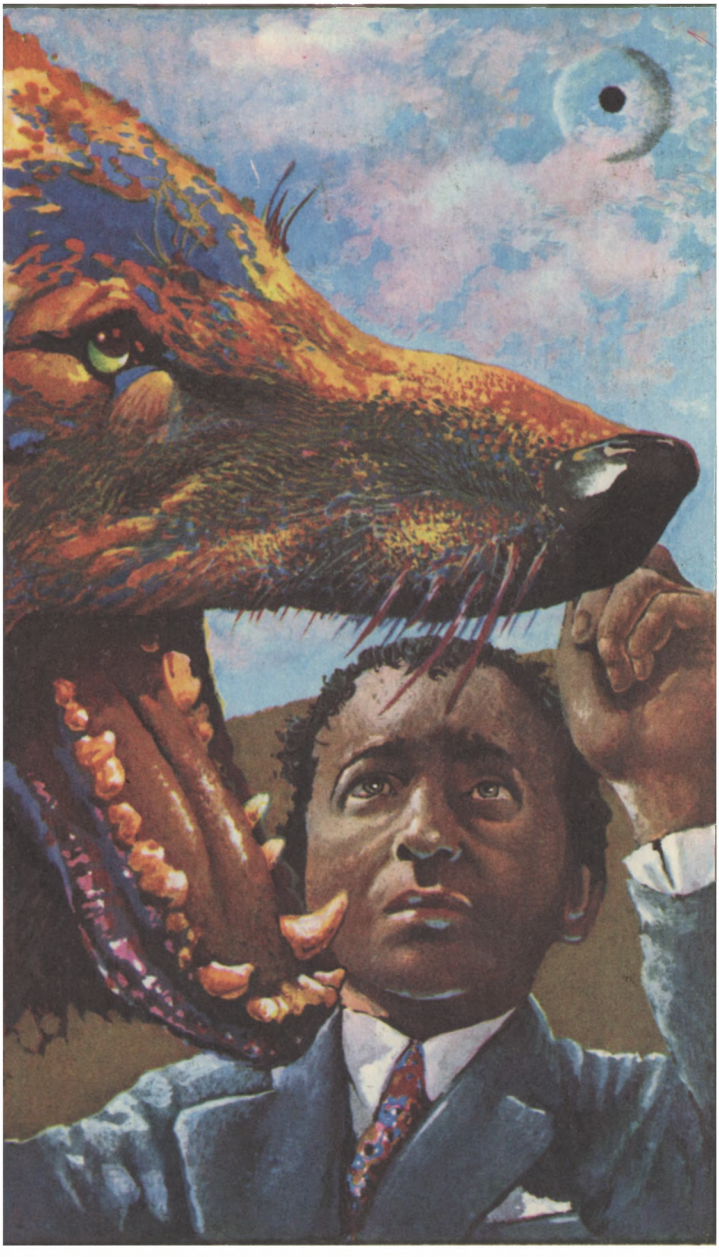
— Может быть, план здания, в котором мы находимся?

— Возможно. Нужно рассмотреть получше, при хорошем освещении.

На листе обнаружились линии, странные пометки и сочетания символов, которые могли быть названиями.

— Генерал велел кричать, если мы что-нибудь найдем, — напомнил Юргенс.





— С этим можно и подождать, — ответил Лэнсинг. — Лучше осмотреть остальные помещения.

— Но на карте может оказаться важная информация.

— Она не станет менее важной через час.

Они обошли еще несколько комнат и ничего не нашли. Всюду царило запустение. Уже возвращаясь, на полпути к лестнице Лэнсинг и робот услышали крики.

— Кто-то что-то нашел, — сказал Юргенс.

— Похоже. Только где?

Крики, отдаваясь эхом в просторном пустом подвале, казалось, шли отовсюду. Пробежав остаток коридора, Лэнсинг и Юргенс оказались у подножия лестницы. Отсюда тоже невозможно определить направление звуков — порой казалось, что крики неслись из того коридора, который они только что покинули. Справа, в глубине прохода, по которому пошли генерал и Сандра, мелькнул далекий свет.

— Идут генерал и Сандра, — сказал робот. — Вероятно, нашли что-то пастор и Мэри.

Прежде чем Лэнсинг и Юргенс успели свернуть в центральный коридор, к лестнице подбежал, тяжело дыша, генерал.

— Вы здесь, — пропыхтел он. — Значит, кричит пастор. Мы никак не могли определить, откуда идет звук.

Вчетвером они ринулись по коридору и оказались в помещении, гораздо более просторном, чем все виденные ранее.

— Прекратите этот кошачий концерт, — рявкнул генерал, — мы уже здесь. Чего ради весь этот шум?

— Мы нашли двери! — возбужденно выкрикнул пастор.

— Черт возьми, вот так новость, — фыркнул генерал, — мы все находили двери.

— Если вы секунду помолчите, — парировал пастор, — мы покажем вам, что нашли. Это совсем другие двери.

Лэнсинг, подойдя к тому месту, где стояла Мэри, увидел на задней стене комнаты ряд круглых окошек, из которых лился свет — не яркий луч фонаря или пляшущий отблеск костра, а мягкий солнечный свет. Окошки находились примерно на высоте человеческого роста. Мэри обеими руками вцепилась в руку Лэнсинга.

— Эдвард, — проговорила она дрожащим голосом, — мы нашли другие миры.

— Другие миры? — повторил он тупо.

— Там двери, — пояснила Мэри, — и смотровые окошки в дверях. Если смотреть в окошко, виден другой мир.

Она потащила его вперед. Все еще не вполне понимая, что происходит, Лэнсинг последовал за Мэри к одному из светящихся кругов.

— Смотрите, — прошептала Мэри завороженно, — смотрите. Этот мне нравится больше всех.

Лэнсинг подошел поближе и заглянул в окошко.

— Я назвала его миром яблоневого цветения, — продолжала Мэри. — Это мир Синей птицы.

И он увидел. Расстилавшийся перед ним пейзаж был умиротворенным и ласковым. Через широкую поляну, покрытую ярко-зеленой травой, извивался искрящийся ручей. В траве пестрели изящные голубые и желтые цветы. Желтые были похожи на колеблемые ветерком нарциссы, а голубые, пониже и полускрытые травой, смотрели на него как бы с любопытством. За поляной начинался косогор, по которому взбегали миниатюрные деревья, сплошь покрытые розовыми цветами невероятной красоты.

— Дикие яблони, — прошептала Мэри. — У диких яблонь розовые цветы.

Этот мир поражал своей свежестью, словно бы он был создан всего несколько минут назад, омыт весенним ливнем, высушен ласковым ветерком и начищен до блеска веселыми солнечными лучами. Там всего-то и было, что лужайка с миллионом цветов, сверкающий ручей и покрытый яблоневыми деревьями холм. Безыскусный и очень простой мир. Но, сказал себе Лэнсинг, там было все, что нужно человеку.

Он повернулся к Мэри.

— Он прекрасен! — с чувством произнес Лэнсинг.

— Я тоже так думаю, — откликнулся пастор.

Впервые со времени их встречи, отметил Лэнсинг, углы губ пастора приподнялись, и его вечно озабоченное и недовольное лицо разгладилось.

— Но другие... — продолжил пастор и содрогнулся. — Другие, в отличие от этого...

Лэнсинг осмотрел дверь, в которой было проделано смотровое окошко. Она была больше обыкновенной

двери и выглядела бронированной. Дверь явно открывалась наружу, в другой мир. Массивные металлические задвижки должны были предотвратить случайное открывание двери. Той же цели служили глубоко уходящие в стену болты.

— Если это только один из миров, — сказал Лэнсинг, — то каковы же другие?

— Не такие, как этот, — ответила Мэри. — Смотрите сами.

Лэнсинг заглянул в следующее окошко. Из него открывался вид на арктический пейзаж — необъятное заснеженное поле, временами скрывающееся под пеленой метели. В моменты затишья можно было разглядеть безжизненное сверкание поднимавшегося стеной ледника. Хотя холод этого мира не проникал в подвал, Лэнсинг поежился. Никаких признаков жизни: в том мире ничто не двигалось, за исключением летящего по ветру снега.

В третьем окошке был виден голый пустынный ландшафт. На каменистой почве местами лежали полосы нанесенного ветром песка. Камешки, казалось, жили своей жизнью: они скользили и перекатывались под напором постоянного потока воздуха. Видимость ограничивалась передним планом: все остальное скрывалось в желтом месиве летящего песка.

— Не на что смотреть, — сказала Мэри, двигавшаяся от одной двери к другой вслед за Лэнсингом.

Следующее смотровое окошко открыло картину злобной хищной жизни. Мир болотистых джунглей кишел плавающими, крадущимися, переваливающимися убийцами. Лэнсинг не сразу различил отдельных представителей этой плотоядной компании — у него было только общее ощущение непрерывного судорожного движения. Затем он стал замечать подробности — поедающих и поедаемых, сытость и голод, напор и попытки спрятаться. Никогда раньше он не видел ничего похожего на этих животных — искривленные тела, зияющие пасти, терзающие конечности, сверкающие клыки, раздирающие когти, злобно блестящие глаза.

Лэнсинг с отвращением отвернулся, борясь с подступающей тошнотой. Он вытер лицо, как бы стараясь стереть впечатление ненависти и ужаса.

— Я не могла на это смотреть, — призналась Мэри. — Хватило одного взгляда.

Лэнсинг все еще переживал впечатление от увиденного: ему казалось, он съеживается, чтобы стать маленьким и спрятаться.

— Постарайтесь забыть, — сочувственно сказала Мэри. — Выбросить из памяти. Это моя вина — я должна была вас предупредить.

— А что представляют собой остальные миры? Такой же ужас, как и здесь?

— Нет, этот самый жуткий.

— Вы только гляньте, — окликнул их от соседней двери генерал, — никогда не видел ничего подобного.

Он отступил в сторону, чтобы дать Лэнсингу возможность увидеть мир за окошком. Поверхность почвы оказалась зазубренной, без единой плоской поверхности, и Лэнсингу понадобилось несколько секунд, чтобы понять, в чем дело. Затем он разглядел, что вся местность была покрыта пирамидами метровой высоты с тесно прилегающими друг к другу основаниями. Было непонятно, являются ли эти бесконечно повторяющиеся пирамиды естественной поверхностью планеты или же они — результат чьей-то деятельности. Каждая пирамида заканчивалась острием, и любому пришельцу грозил шанс оказаться проткнутым насквозь.

— Должен сказать, — сказал генерал, — это самая зффективная засека из всех виденных мной. Даже тяжелая техника встретилась бы с трудностями, преодолевая ее.

— Вы думаете, это фортификационное сооружение? — спросила Мэри.

— Похоже, — ответил генерал. — Когда бы не полное отсутствие логики — нет объекта, подходы к которому охранялись бы таким образом.

Действительно, кроме пирамид, в этом мире не было ничего. Они покрывали видимую поверхность до самого горизонта.

— Наверное, мы никогда не узнаем, что же это такое, — задумчиво произнес Лэнсинг

— Есть один путь выяснить это, — раздался сзади голос пастора. — Достаточно отвинтить болты, отодвинуть задвижки, открыть дверь и войти.

— Нет, — решительно возразил генерал, — именно этого мы не должны делать. Двери могут быть ловушками. Открыв дверь и сделав хоть один шаг за

порог, можно обнаружить, что дверь исчезла и обратного пути нет.

— Вы лишены веры во что бы то ни было. Вы во всем видите ловушку.

— Этому научил меня мой военный опыт, и он не раз выручал меня. Недоверчивость спасла меня от многих глупых поступков.

— Остается еще одна дверь, — сказала Мэри Лэнсингу, — и она ведет в самый печальный мир. Хотя не могу объяснить, что в нем печального.

Мир был действительно печален. Прижавшись лицом к смотровому окошку, Лэнсинг увидел лесистую долину, погруженную в глубокие сумерки. Искривленные деревья на склоне холма напоминали больных стариков. Все было неподвижно: ни малейшее дуновение не колыхало ветвей. Может быть, в этом, подумал Лэнсинг, и заключается источник печали — в навеки несбывшемся стремлении к движению. Между деревьями лежали торчащие из земли замшелые валуны, а в глубоком овраге, несомненно, должен бежать ручей, но и его журчание не могло быть веселым. Тем не менее Лэнсинг не сумел точно определить источник все пронизывающей грусти — все же почему так невыносимо печален этот мир?

Лэнсинг повернул голову и вопросительно взглянул на Мэри.

— Не спрашивайте меня, — ответила она на его безмолвный вопрос, — я не знаю.

Глава 15

Снова разожженный костер принес немного тепла и уюта. В тепле они нуждались в первую очередь — солнце село, и внутри здания сразу стало пронизывающе холодно. Теперь, сидя вокруг огня, можно было обсудить находку.

— Мне кажется, — начал генерал, — двери могут быть тем самым ответом, который мы ищем. И все же я не могу заставить себя поверить в это.

— Совершенно очевидно, — сказал пастор, — что они — путь в другие миры. И если мы в них войдем...

— Я же сказал вам, — раздраженно прервал генерал, — это ловушка. Попробуй мы только войти, и обратной дороги может не оказаться.

— Похоже, — вступила в разговор Мэри, — жители здешнего мира очень интересовались другими мирами. Свидетельством тому не только двери, но графический преобразователь. То, что видно на его экране, тоже, наверное, какой-то другой мир.

— Чего мы не знаем, — вступила в разговор Сандра, — так это существуют ли другие миры в действительности или все они — лишь плод воображения? У меня возникло чувство, что все увиденное нами — не что иное, как произведение искусства. Может быть, весьма нетрадиционная его форма, по нашим меркам, но мы и не можем претендовать на знание всех возможных воплощений искусства.

— Мне это кажется полной чепухой, — запротестовал генерал. — Ни один художник в здравом уме не станет заставлять зрителя заглядывать в смотровые окошки, чтобы увидеть картину. Он, конечно же, повесил бы ее на стену, на самом видном месте для всеобщего обозрения.

— Ваша концепция искусства чрезмерно узка, — возразила Сандра. — Как знать, к чему стремится художник или какое средство воздействия на зрителя он выберет? Может быть, показать картину через смотровое окошко — значит, приблизить зрителя к произведению искусства? Заставить его сконцентрироваться только на картине, полностью отгородившись от внешних впечатлений! А настроение? Вы же заметили, что каждое из смотровых окошек связано с совершенно определенным настроем, отличающимся от всех остальных, — все они вызывают разные оттенки эмоционального восприятия. Уже даже одно это говорит об истинном искусстве!

— Я остаюсь при своем мнении — никакое это не искусство, — повторил генерал, проявляя присущее ему упрямство. — Я по-прежнему уверен, что это — двери в другие миры и нам лучше держаться от них подальше.

— Мне кажется, мы забыли об одной важной вещи, — проговорила Мэри, — о картах, которые нашли Эдвард и Юргенс. Насколько я могу судить, вряд ли это план города. Может быть, на них — изображение чего-то, о чем нам следует знать. А может, это карты тех миров, которые видны в смотровые окошки? Если это так, то должен существовать способ проникнуть туда и вернуться обратно.

— Очень может быть, — ответил генерал, — но чтобы сделать это, нужно знать, как именно, а нам это неизвестно.

— Карты могут представлять и другие части того мира, в котором мы сейчас находимся, — предположил Юргенс. — Мы не знаем их, потому что еще очень мало видели.

— Мне кажется, — проговорил Лэнсинг, доставая карты, — одна из них изображает ту территорию, где мы сейчас находимся. Да, вот она. — Он расправил карту и разложил ее на полу. — Взгляните, здесь что-

то похожее на город. Заштрихованный овал может быть обозначением города, а вот это — дорога, по которой мы пришли. Черный квадратик, наверное, гостиница.

Генерал склонился над картой.

— Да, похоже, — сказал он. — Но где же на карте отмечен куб? Его здесь нет. Картограф никак не мог бы пропустить такой важный объект

— Может быть, карта составлена еще до того, как соорудили куб, — предположил Юргенс

— Да, наверное, — поддержала его Сандра. — Куб показался мне совсем новым строением.

— Мы должны немного отложить этот разговор, — заключил генерал. — Мы заболтались сверх меры, каждый выпаливает первое, что придет на ум. Будет лучше, если мы хорошенько обдумаем ситуацию и потом снова ее обсудим.

Пастор медленно поднялся на ноги

— Я пойду прогуляюсь, — сказал он. — Глоток свежего воздуха поможет привести мысли в порядок. Кто-нибудь хочет присоединиться?

— Пожалуй, и я пройдусь, — отозвался Лэнсинг.

На площади сгущались тени. Солнце село, опускалась ночь. На фоне неба, еще освещенного закатом, четко вырисовывался изломанный силуэт темных разрушенных зданий, окружавших площадь. Шагая рядом с пастором, Лэнсинг впервые ощутил атмосферу древнего города.

Очевидно пастор испытывал то же самое. Он сказал:

— Город почти так же древен, как сама вечность. Это угнетает. Будто ощущаешь тяжесть веков, давящих на плечи. Время источило сами камни, они вросли в землю и стали единым целым с ней. Мистер Лэнсинг, вы чувствуете это?

— Пожалуй, — отозвался Лэнсинг — Странное ощущение.

— Это место, — произнес пастор, — где история завершила свой ход, полностью исчерпала себя и умерла. Город уцелел и стоит, как напоминание о быстротечности всего живого, как свидетельство того, что сама история — не более чем иллюзия. Такие места оставлены для того, чтобы люди могли воочию убедиться в своей несостоятельности, созерцая свой полный крах. Ибо весь этот мир — воплощение такого краха.

— Возможно, вы правы, — пробормотал Лэнсинг, не зная, что сказать.

Пастор замолчал и пошел вперед большими шагами, сцепив руки за спиной и высоко подняв голову. Время от времени он останавливался и оглядывал площадь.

Через несколько минут он снова заговорил:

— Мы должны следить за генералом. У него появляются бредовые идеи, но они кажутся на первый взгляд разумными, присущими здравомыслящему человеку, почему нужна немалая проницательность, чтобы понять, что это безумие. Он чрезмерно самоуверен и упрям. Ему невозможно что-либо доказать. В жизни не встречал человека, который бы так часто впадал в заблуждения, причем по самым разным поводам. И все оттого, что у него образ мыслей, свойственный военному. Вам приходилось замечать, как ограниченны в интеллектуальном отношении все военные?

— Я редко сталкивался с ними, — пробормотал Лэнсинг.

— Ну, они действительно такие, — утвердительно кивнул пастор. — Они прямолинейны, и, если перед ними возникает какая-либо проблема, им видится один-единственный путь для ее решения. У них в голове вместо мозгов воинский устав, в соответствии с которым они и живут. На их глазах — невидимые шоры, не позволяющие им кинуть взгляд ни вправо, ни влево, только прямо и вперед! Я думаю, нам с вами надо хорошенько следить за генералом. Иначе он втянет нас в неприятности. Он постоянно стремится быть командиром, прямо-таки страдает манией лидерства. Вы не могли не заметить этого.

— Да, действительно, — ответил Лэнсинг. — Если вы помните, я говорил с ним об этом.

— Конечно, помню. Генерал несколько напоминает мне одного моего прежнего соседа, — продолжал пастор. — Он жил напротив, по другую сторону улицы. А немного дальше на той же улице поселился дьявол. На первый взгляд, прекрасный хозяин, и вам бы в голову не пришло, что он дьявол, но это действительно было так. Думаю, очень немногие распознали его, но я знал твердо, что он — дьявол. Подозреваю, что и мой сосед, который жил через улицу, тоже хорошо знал это, хотя мы с ним никогда не касались этой темы.

Главное, на что я хочу обратить внимание — мой сосед, определенно зная, что перед ним дьявол, поддерживал с ним дружелюбные отношения. Если они встречались на улице, мой сосед приветствовал его, даже останавливался поболтать. Я уверен, что в словах, которыми они обменивались, не было ничего зловещего. Они просто проводили вместе несколько минут. Наверняка вы бы подумали, что моему соседу не следовало общаться с ним. Но если бы я сказал об этом соседу — сам я, естественно, не поддерживал с дьяволом никаких отношений, — тот ответил бы мне, что он терпимый человек, не имеющий предубеждений против евреев, негров, папистов, и точно так же он не может относиться с предубеждением к дьяволу, живущему на одной с ним улице.

Я считаю, что во Вселенной должен быть нравственный закон, разграничивающий добро и зло, и обязанность каждого из нас — четко различать то и другое. Не говорю об ограниченности религиозных воззрений, которые действительно часто отличаются большой нетерпимостью. Я имею в виду весь спектр поведения человека. Существует мнение, будто человек может быть добродетельным, не исповедуя никакой религии. Не соглашусь с этим потому, что считаю необходимой для каждого человека опору, которую дает вера — его личная твердая вера. С ее помощью можно честно отстаивать правое дело или то, что человек считает правильным. — Пастор остановился, резко повернулся к Лэнсингу. — Простите, я как бы произношу проповедь, но это просто привычка. Дома, на реповом поле или в своем белом домике, выходящем на мирную зеленую улицу, мирную, невзирая на близкое соседство дьявола, — я всегда был непоколебим в своих взглядах, я мог быть уверенным и настойчивым. В своей маленькой церкви, такой же мирной и белой, как и мой дом, я без колебаний разъяснял прихожанам, что есть добро и что есть зло, в каких бы деяниях — больших или малых — они ни проявлялись. А теперь я ничего не знаю. У меня отнята прежняя твердая вера. Раньше я был уверен в себе, сейчас — нет. — Он умолк, пристально глядя на Лэнсинга. Затем он произнес: — Не знаю, зачем я все это говорю вам — именно вам. Вы это можете объяснить?

— Не могу представить, почему вам это понадобилось, — ответил Лэнсинг. — Но если вам хочется поговорить со мной, я готов внимательно выслушать. И буду рад, если беседа хоть в чем-то поможет вам.

— Одиночество, заброшенность — вы чувствуете то же самое?

— Не сказал бы, — отозвался Лэнсинг.

— Пустота! — выкрикнул пастор. — Небытие! Это ужасное место, сущий ад! Здесь именно то, о чем я всегда говорил, то, что открывал своим прихожанам: ад — это не вместилище пыток и страданий, ад — это конец любви и веры, потеря человеческого самоуважения, сознания своей силы, ощущение полной потерянности, опустошенности...

— Возьмите себя в руки! Вы не должны допускать, чтобы этот мир взял верх над вами. Неужели вы думаете, что мы все...

Пастор, не слушая Лэнсинга, вдруг вскинул руки к небу, из его груди вырвался вопль:

— Боже, почему ты покинул меня? О, за что, Создатель?

И на голос его отозвался другой крик — со стороны холмов, окружавших город, голос, полный муки. В нем звучало такое безнадежное одиночество, что кровь стыла в жилах, а сердце, казалось, сжимала ледяная рука. Над городом, покинутым тысячелетия назад, раздавались полные отчаяния мольбы и рыдания. Они поднимались к небу, взиравшему на город с жестоким равнодушием. Казалось, такие звуки могло издавать нечто, лишившееся души.

Закрыв лицо руками, рыдая, пастор бросился бежать в сторону лагеря. Он мчался огромными прыжками, временами теряя равновесие, но в последний момент удерживаясь от падения, — безумный бег.

Лэнсинг, не надеясь догнать пастора, все же бросился вслед за ним. В глубине души он был даже благодарен судьбе, не дававшей ему шанса встать на пути пастора; в самом деле, как он смог бы остановить его, если бы и догнал?

А с холмов неслись чудовищные стенания, из чьего-то сердца исторгался ужас. Звуки выражали такую нестерпимую боль, что Лэнсингу казалось, будто какая-то огромная рука опустилась ему на грудь и медленно

сжимает ее. Он задыхался, но не от бега, а от леденящей хватки, невидимой гигантской хватки.

Пастор добежал до здания, в котором они остановились, и стал тяжело подниматься по лестнице. Следуя за ним, Лэнсинг остановился у границы освещенного костром круга. Пастор рухнул на пол у самого огня и лежал, притянув колени к подбородку и обхватив плечи руками, в позе младенца во чреве матери, словно бы пытаясь защититься этим от ужасов окружающего мира.

Генерал опустился перед ним на колени, остальные стояли вокруг, со страхом наблюдая за происходящим. Услышав шаги Лэнсинга, генерал резко поднялся.

— Что там случилось? — спросил он повелительно. — Лэнсинг, что вы с ним сделали?

— Вы слышали вой?

— Да, и гадали, что бы это могло быть.

— Пастор испугался воя, зажал уши руками и побежал.

— Простой испуг?

— Думаю, да. Он уже перед этим был не в своей тарелке. Пастор произнес целую речь — бессвязную и нелогичную. Я пытался успокоить его, но он воздел руки и стал кричать, что Бог покинул его.

— Невероятно! — воскликнул генерал.

Сандра, сидевшая рядом с пастором, поднялась, обхватив руками голову.

— Он страшно напряжен, весь будто завязан узлами. Что нам с ним делать?

— Оставьте его в покое, — распорядился генерал, — пусть приходит в себя. Если он не справится сам, мы бессильны.

— Ему бы не повредила хорошая доза спиртного, — предположил Лэнсинг.

— Да, но как его заставить выпить? У него же зубы стиснуты; чтобы рот открыть, нужно сломать челюсть. Может быть, попозже?

— Как ужасно, что это случилось с ним! — воскликнула Сандра.

— С самого начала нашего путешествия он шел к этому, — произнес генерал.

— Как вы думаете, он выпутается? — спросила Мэри.

— Мне приходилось сталкиваться с подобными случаями, — ответил генерал, — в военной обстановке. Иногда все кончается благополучно, иногда — нет.

— Надо, чтобы он согрелся, — сказала Мэри. — У кого-нибудь есть одеяло?

— У меня два, — откликнулся Юргенс. — Я захватил их с собой, на всякий случай.

Генерал отозвал Лэнсинга в сторону и спросил:

— Действительно этот вой со стороны холмов был так ужасен? Мы слышали его, но приглушенным.

— Это на самом деле было ужасно, — ответил Лэнсинг.

— Но вы же выдержали?

— Ну да. Но во мне не было того эмоционального напряжения, что владело пастором. Он был в состоянии стресса, и едва он в крике обратил свою жалобу Богу, как с холмов понеслись жуткие тоскливые звуки.

— Испуг, — произнес генерал с отвращением. — Бесстыдная, неприкрытая трусость!

— Пастор ничего не мог поделать, он потерял контроль над собой.

— Надутый праведник, — выговорил генерал презрительно, — показал наконец себя во всей красе.

Мэри вспылила:

— Можно подумать, что вы рады случившемуся.

— Нет, — возразил генерал, — вовсе нет. Все это неприятно. У нас теперь двое калек, которых нам надо тащить с собой.

— Почему бы вам не приставить их к стенке и не расстрелять? — сквозь зубы спросил Лэнсинг. — О, извините, я забыл, что при вас нет оружия.

— Никто из вас не понимает простой вещи, — сказал генерал. — В рискованном предприятии, вроде нашего, только жесткость может обеспечить успех.

— Вы достаточно жесткий человек, — заметила Сандра, — чтобы восполнить возможный недостаток этого качества у всех остальных.

— Я вам не нравлюсь, — констатировал генерал, — но это меня не задевает. Никому не нравится жесткий командир.

— В том-то и дело, — возразила ему Мэри, — что вы вовсе не наш командир. Мы все прекрасно можем обойтись и без вас.

— Думаю, — сказал Лэнсинг, — настало время покончить с этим. Я высказал против вас, генерал, немало резких обвинений, и каждое сказанное мною слово было обдуманным. Но я готов взять их обратно, если вы их забудете. Если мы будем пускаться в пустые перебранки, вроде теперешней, наше рискованное предприятие, как вы его назвали, не кончится добром.

— Замечательно! — воскликнул генерал. — Вы заговорили как мужчина, Лэнсинг. Я рад, что вы на моей стороне.

— Не уверен, что дело обстоит именно так, — возразил Лэнсинг, — но охотно сделаю все от меня зависящее, чтобы ладить с вами.

— Тише, — перебила их Сандра, — замолчите и слушайте! Мне кажется, вой прекратился.

Они притихли и прислушались: вой действительно утих.

Глава 16

Лэнсинг проснулся раньше всех и огляделся. Рядом под грудой одеял лежал пастор, чуть расслабившись, но по-прежнему сохраняя позу зародыша в чреве матери.

Юргенс сидел у костра, присматривая за кипящим котелком с овсянкой. Заботливо собранная кучка углей окружала кофейник, не давая ему остыть.

Лэнсинг вылез из спальника и присел рядом с Юргенсом.

— Как пастор? — спросил Лэнсинг.

— Сейчас вроде ничего. — Юргенс позволил себе отвлечься от овсянки. — Последние несколько часов он чувствует себя неплохо. У него был озноб, его всего трясло. Я не стал никого будить — все равно ему нечем помочь. Я присматривал за ним и следил, чтобы он был хорошо укрыт. В конце концов озноб прекратился, и ему удалось заснуть. Знаете, Лэнсинг, ведь мы могли взять с собой какие-нибудь лекарства. Почему никто из нас об этом не подумал?

— У нас есть бинты, обезболивающие и дезинфицирующие средства, — возразил Лэнсинг, — полагаю, это все, что было нам доступно. Боюсь, пользы от других лекарств мало — ни у кого из нас нет никаких медицинских познаний.

— Мне кажется, — заметил Юргенс, — генерал был ужасно груб с пастором.

— Генерал испугался. У него и у самого проблем довольно.

— Не вижу с чего бы.

— Он считает, что отвечает за нас. Для людей его типа это вполне естественно. Его беспокоит любой наш шаг, любая мелочь. Это нелегко.

— Лэнсинг, мы в состоянии сами отвечать за свои поступки.

— Я-то знаю это, но он так не думает. Скорее всего, он упрекает себя за то, что произошло с пастором.

— Но он ведь не любит пастора.

— Да. Пастора никто не любит. С ним трудно ужиться.

— Почему же вы пошли с ним гулять?

— Не знаю. Наверное, просто из жалости. Он кажется таким одиноким. Человек не должен быть так одинок.

— На самом деле именно вы заботитесь обо всех нас, хотя и не демонстрируете этого. Вы ведь никому не рассказали обо мне, о том, кто я и откуда прибыл.

— Когда Мэри спросила о мире, из которого вы прибыли, вы предпочли не отвечать. Я сделал вывод — вы не хотите, чтобы о вашей истории знал еще кто-то, помимо меня.

— Но вам я сказал. Вы понимаете, что я имею в виду. Вам я все рассказал. Я доверяю вам. Не знаю почему, но думаю, что поступил правильно. Я хотел, чтобы вы все знали.

— Наверное, я похож на отца-исповедника.

— Я думаю, вы больше чем духовник, — сказал Юргенс с чувством.

Лэнсинг поднялся и пошел к выходу. Остановившись на ступеньках лестницы, он оглядел площадь. Какая мирная картина! Восток уже посветлел, однако солнце еще не взошло. В неярком утреннем свете стены домов, окружающих площадь, казались розовыми, а не красными, как при дневном освещении. В воздухе еще чувствовался ночной холод. Где-то в руинах попискивала одинокая птичка.

Лэнсинг услышал шаги за спиной и обернулся. По ступенькам спускался генерал.

— Кажется, пастору лучше, — произнес он вместо приветствия.

— По словам Юргенса, сначала у него был сильный озноб, но последние несколько часов он спит.

— Он создает нам дополнительные сложности, — нахмурился генерал.

— Каким образом?

— Мы должны продолжать поиски. Нам надо прочесать город. Я убежден, здесь существует нечто, что должно быть обнаружено.

— Давайте потратим несколько минут на анализ ситуации, — предложил Лэнсинг, — мы ни разу не пытались этого сделать. Полагаю, вы уверены, что существует ключ, найдя который, мы сможем вернуться в наши миры.

— Нет, — покачал головой генерал, — не думаю. Нам не удастся попасть обратно. Этот путь закрыт для нас. Но должна существовать другая дорога, куда-то еще.

— Вы думаете, мы были доставлены сюда кем-то или чем-то, специализирующимся на головоломках? По замыслу неведомого автора существует место, куда мы должны добраться, и мы должны найти его, самостоятельно. Как крысы в лабиринте?

Генерал бросил на него мрачный взгляд:

— Лэнсинг, вы выступаете в роли адвоката дьявола. С чего бы это?

— Возможно, потому, что я понятия не имею, почему мы здесь и что нам следует делать.

— Вы предлагаете дать событиям развиваться своим чередом?

— Вовсе нет. Мы должны выбраться отсюда, но, право, я не знаю как.

— Я тоже. Тем не менее придется заняться поисками. Мы все должны участвовать в обследовании города, но как оставить пастора одного? Кто-то должен остаться с ним, а это значит, что мы теряем не одного человека, а двух.

— Вы правы, — согласился Лэнсинг, — нельзя оставлять пастора без присмотра. Я думаю, с ним побудет Юргенс. Ему все еще трудно ходить.

— Нет, Юргенс понадобится нам. У него хорошая голова. Он немногословен, но у него бывают здравые мысли. И верный глаз, многое замечающий.

— Прекрасно. Берите его с собой. Останусь я.

— Нет, не вы. Вы тоже нужны. Как вы думаете, Сандра согласится остаться? От нее, пустоголовой, мало проку в разведке.

— Лучше спросить ее саму, — предложил Лэнсинг.

Сандра не возражала. Все прочие после завтрака отправились в город. Генерал подробно разработал план вылазки.

— Лэнсинг, вы с Мэри идите вон по той улице до конца. Пройдете всю и возвращайтесь по соседней. Мы с Юргенсом будем делать то же самое, начав с противоположного угла площади.

— А что мы должны искать? — спросила Мэри.

— Все необычное. Все, что бросается в глаза. Не пренебрегайте интуицией — иногда предчувствия стоят многого. Если бы время и наши силы позволяли, хорошо бы осмотреть дом за домом. К сожалению, это невозможно. Нам придется положиться на волю случая.

— Все это звучит очень неопределенно, — неодобрительно произнесла Мэри, — от вас я ожидала более логичного плана.

Мэри и Лэнсинг пошли вдоль указанной улицы. Ее то и дело перегораживала полуобвалившаяся кладка. Ничего необычного они не обнаружили. Неопрятные облупившиеся каменные здания мало отличались друг от друга. Они походили на жилые дома, но полной уверенности в этом не было.

Лэнсинг и Мэри осмотрели несколько домов, в общем-то ничем не отличавшихся от остальных. Пустые комнаты производили неприятное впечатление. Пыль, покрывавшая все предметы, лежала нетронутой. Лэнсинг попробовал представить эти комнаты населенными веселыми и счастливыми людьми, но у него ничего не вышло. Все мертво: город, дома, комнаты. Они умерли слишком давно, чтобы служить прибежищем хотя бы для призраков. Строения утратили самое память; ничто не напоминало о прошлом.

— По-моему, это бесполезно, — наконец не выдержала Мэри, — поиск вслепую неизвестного фактора. Даже если он и существует, а мы этого достоверно не знаем, пройдут годы, прежде чем мы отыщем нужное нам. Наш генерал просто спятил.

— Он не спятил, — возразил Лэнсинг, — но преследует безумную цель. Он был уверен, что ответ на все наши вопросы мы найдем в городе. Но город представлялся ему несколько иным, он надеялся встретить здесь людей.

— Но коль скоро людей мы не нашли, почему бы не отказаться от навязчивой идеи?

— Мы с вами, вероятно, именно так бы и поступили. Мы готовы признать собственную неправоту и действовать в зависимости от ситуации. Генерал же не может отказаться от разработанного им плана операции. Он ни за что в жизни не изменит своего мнения.

— Ну и что же мы будем делать?

— Пока подыграем ему. Будем считать, что нам по пути. Может быть, скоро он убедится в ошибке.

— Боюсь, нам придется слишком долго ждать.

— Вот тогда и будем решать, что делать.

— Хорошо бы вколотить немножко разума в генеральскую голову.

Лэнсинг усмехнулся, Мэри ответила ему улыбкой.

— Может, и не слишком гуманно, но эта мысль доставляет мне удовольствие, — заключила Мэри.

Они поднялись с каменной плиты и собрались было идти дальше, как вдруг Мэри насторожилась:

— Послушайте! Кажется, кто-то кричит.

Минуту они стояли неподвижно; звук, которого Лэнсинг не услышал в первый раз, повторился. Неотчетливый, ослабленный расстоянием женский визг.

— Сандра! — крикнула Мэри и бросилась к площади.

Она бежала легко, будто у нее выросли крылья, и Лэнсинг с трудом поспевал за ней. Каменные завалы, загромождавшие узкую улицу, затрудняли продвижение. Звук повторился еще несколько раз.

Лэнсинг, добежав до конца улицы, выскочил на площадь. Мэри уже почти пересекла ее. На ступенях, ведущих в вестибюль, Сандра неистово размахивала руками и визжала что есть силы. Лэнсинг попытался прибавить скорости, но ноги его не слушались.

Мэри взбежала по ступенькам и обняла Сандру. Так они и застыли, тесно прижавшись друг к другу. Краешком глаза Лэнсинг заметил генерала, вылетевшего на площадь из-за угла. Лэнсинг наконец достиг лестницы и рывком поднялся по ней.

— Что случилось? — выговорил он задыхаясь.

— Пастор, — ответила Мэри, — он исчез.

— Исчез! Сандра, вы должны были присматривать за ним.

— Я пошла в туалет, — выкрикнула Сандра, — всего на минуту.

— Вы искали его? — спросила Мэри.

— Искала, — всхлипнула Сандра, — искала всюду.

Отдуваясь, по ступеням взобрался генерал. Позади него скакал Юргенс, изо всех сил выбрасывая вперед костыль.

— Что за шум? — потребовал объяснений генерал.

— Пастор пропал, — объяснил Лэнсинг.

— Все-таки сбежал! — вскричал генерал. — Этот трусливый заячий хвост спасся бегством.

— Я всюду искала его!

Сандра была на грани истерики.

— Я уверена, что знаю, где он, — прервала ее Мэри.

— И я тоже, — произнес Лэнсинг, направляясь ко входу.

— Фонарик рядом с моим спальником, — крикнула вдогонку Мэри и побежала вслед за ним. — Я держала его под рукой всю ночь.

Лэнсинг схватил фонарик и кинулся к лестнице, ведущей в подвал.

— Глупец, — ругал он себя, — безмозглый болван!

Он достиг подвала и бросился в центральный коридор; луч фонарика заметался по стенам.

Он пытался убедить себя, что в запасе еще есть время, хотя в глубине души был уверен, что все слишком поздно.

Он оказался прав. Большая комната в конце коридора была пуста. Окошки слабо светились в темноте.

Лэнсинг достиг первую из дверей, ведущую в яблоневый сад, и направил на нее луч света. Засовы были сорваны и покачивались на своих болтах.

В тот же момент огромная сила сбила его с ног. Падая, Лэнсинг выронил фонарик, и тот, еще включенный, закрутился на полу. Лэнсинг сильно ударил голову. Свет фонарика и радужные круги от удара смешались в его меркнущем сознании, хотя он продолжал бороться с навалившейся на него тяжестью.

— Вы, идиот! — раздался крик генерала. — Куда вас несет!

— Пастор, — заплетающимся языком выговорил Лэнсинг, — он ушел через дверь.

— И вы за ним?

— Ну, конечно. Я найду его...

— Вы круглый дурак! — выкрикнул генерал. — Это дорога в одну сторону. Вы войдете, но не вернетесь.

Оттуда нет двери... Вы обещаете вести себя разумно, если я отпущу вас?

Подошла Мэри, подняла фонарик и осветила Лэнсинга.

— Генерал прав, — согласилась она, — дверь может оказаться односторонней.

— Сандра, не смейте! — вдруг вскрикнула Мэри.

Одновременно с ее криком из темноты выскочил Юргенс и толкнул Сандру костылем. Удар отбросил Сандру в сторону.

Генерал, тяжело поднявшись, привалился спиной к двери, загораживая ее.

— Никто, — прорычал он, — не войдет в эту дверь, понятно? Я запрещаю даже дотрагиваться до нее.

Лэнсинг покачиваясь встал. Юргенс помог подняться Сандре.

— Смотрите, — воскликнула Мэри, осветив фонариком какой-то предмет на полу, — он воспользовался гаечным ключом!

— Я видел его вчера, — вспомнил Юргенс, — он висел на крючке рядом с дверью.

Мэри подняла ключ.

— Ладно, — сказал генерал, — мы все отдали дань безумию, пора успокоиться. Засовы поставим на место, а гаечный ключ выкинем.

— Почему вы решили, что дверь открывается только в одну сторону? — потребовала ответа Сандра.

— Я не знаю этого, — ответил генерал, — но готов биться об заклад, что это так.

Вот и все, подумал Лэнсинг. Никто ничего не знает наверняка, даже генерал. Но пока ни в чем нет полной уверенности рисковать не стоит.

— Иного способа, кроме как воспользоваться дверью, не существует. Возможно, по ту сторону двери ответ будет найден, но не исключено, что слишком поздно, — рассудил Юргенс.

— Точно, — подтвердил генерал, — но эксперименты я запрещаю.

Он протянул руку, и Мэри отдала ему гаечный ключ.

— Посветите мне, — попросил генерал.

Глава 17

— Сбежал, — констатировал генерал. — Лэнсинг, в вашем ночном разговоре он упоминал о побеге?

— Нет. Уверен, что нет. Но его положение было безнадежным. Он не просто ругал этот мир, он считал, что мы угодили в ад, реально существующий библейский ад.

— Слабый человек, — презрительно сказал генерал. — Он выбрал самый трусливый выход и первым выбыл из наших рядов.

— Вы говорите так, — со слезами в голосе произнесла Сандра, — словно бы ждете, что это потеря не последняя.

— Потери неизбежны, — спокойно ответил генерал, — что необходимо учитывать. И принимать все меры, чтобы процент убыли не превышал приемлемой величины.

Лэнсинг поморщился:

— Ваш юмор отвратителен. Это не смешно.

— И теперь вы намереваетесь сказать нам, — предположила Мэри, — что мы должны продолжать работу.

— Естественно, — невозмутимо ответил генерал. — Это наш единственный шанс. Если мы ничего не найдем...

— А если мы что-то найдем, — перебила его Сандра, — вы объявите, что это ловушка. Вы побоитесь

использовать находку. Вы уже запретили пользоваться дверьми, боясь, что они могут оказаться ловушками.

— Я уверен в этом, — кивнул генерал, — и не хочу, чтобы, пытаясь найти пастора, кто-нибудь из вас попался.

— Я заглянул в смотровое окошко, — сказал Юргенс. — Пастора не видно.

— А вы чего ждали? — поинтересовался генерал. — Увидеть пастора, показывающего нам нос? Стоило ему ступить за дверь, как он припустил во всю прыть. Думаю, он решил рискнуть, в надежде что мы вытащим его обратно.

— Возможно, это и к лучшему, — предположила Мэри. — Может быть, там он будет счастлив. Я помню выражение его лица, когда он заглянул в окошко. Единственный раз я видела его счастливым. Для пастора в том мире было что-то весьма притягательное. Он манил нас всех, но пастора — особенно.

— Да, — согласился Лэнсинг, — он действительно выглядел счастливым.

— Так что же вы двое предлагаете? — спросил генерал, — Выстроиться в шеренгу перед дверью, а затем дружно войти в нее?

— Нет, — ответила Мэри, — нам это не годится. А у пастора не было иного выхода. Я надеюсь, он наконец нашел успокоение.

— Счастье не должно быть высшей целью, — заявил генерал.

— Стремление к смерти — тоже, — возразила Мэри. — Хотя похоже, именно такова ваша цель. Я убеждена, что ваш любимый город истребит нас поодиночке. Эдвард и я не собираемся спокойно дожидаться этого. Завтра утром мы уходим.

Сквозь пляшущее пламя Лэнсинг посмотрел на Мэри и на какое-то мгновение почувствовал желание обнять ее. Однако остался сидеть на прежнем месте.

— Наша сила в единстве, — настойчиво произнес генерал. — А вы пытаетесь посеять раздор между нами...

— Это я во всем виновата, — раздался крик Сандры. — Если бы я не оставила пастора одного!

— Вы тут ни при чем, — попытался успокоить ее Юргенс. — Пастор ждал удобного случая. Это случи-

лось бы если не сегодня, так днем позже. Он бы не успокоился, пока не проник в тот мир.

— Думаю, вы правы, — согласился Лэнсинг. — Он был целеустремленным человеком. Я не понимал, насколько он отдалился от нас, пока не поговорил с ним прошлой ночью. Я убежден, что никто не должен винить себя за то, что произошло.

— А как насчет ухода из города? — вернулся генерал к прежней теме. — Ваше мнение, Лэнсинг?

— По-моему, нам всем надо уйти отсюда. В городе есть что-то зловещее. Полагаю, вы тоже это чувствуете. Город мертв, но даже мертвым он наблюдает за нами. За каждым нашим движением. На время вы можете забыть о слежке, а затем ощущение слежки возникает вновь, неожиданно, как нож в спину.

— А если мы останемся?

— Я ухожу, и вместе со мной идет Мэри.

Он вдруг подумал, что мысль уйти из города ему самому не приходила в голову. Интересно, как Мэри догадалась? На каком подсознательном уровне они общались?

— Еще несколько дней, — взмолился генерал, — несколько дней, вот все, о чем я прошу. Если ничего не прояснится, мы все вместе двинемся дальше.

Ответа не последовало.

— Три дня, всего три дня...

— Я не из тех, кто торгуется за каждый грош, — наконец проговорил Лэнсинг. — Если Мэри не против, я пойду вам навстречу. Два дня. И все. Больше отсрочки не будет.

Генерал бросил на Мэри вопросительный взгляд.

— Хорошо, — согласилась она, — только два дня.

Юргенс неуклюже поднялся:

— Займусь ужином.

— Нет, позвольте мне, — попросила Сандра. — Мне станет легче, если я буду занята делом.

Где-то вдали послышался ужасный вой. Они замерли на месте, боясь шелохнуться. Как и прошлой ночью, одинокое существо на вершине холма выплескивало в рыданиях несказанную боль.

Глава 18

Второй из оговоренных генералом дней подходил к концу, когда Мэри и Лэнсинг сделали открытие.

Между двумя зданиями в конце узкого прохода они обнаружили зияющий пролом. Лэнсинг посветил фонариком. В луче света они увидели узкую лестницу, невероятно массивную.

— Оставайтесь здесь, — велел Лэнсинг, — а я спущусь и посмотрю. Там, наверное, и нет ничего.

— Я пойду с вами, — возразила Мэри. — Не хочу оставаться одна.

Лэнсинг протиснулся в отверстие и стал осторожно спускаться по крутым ступенькам. Стук каблуков и шарканье подсказывали, что Мэри шла за ним, стараясь быть как можно ближе. Лестница оказалась длинной. Лэнсинг добрался до площадки и обнаружил еще один пролет, ведущий вниз. Сделав несколько шагов по ступенькам второго пролета, он услышал бормотание и замер прислушиваясь; от неожиданности Мэри наткнулась на него.

Бормотание было тихим. Пожалуй, слово «бормотание», первым пришедшее в голову, не совсем подходило к этому звуку. Скорее, пение, хотя и без слов; кто-то словно бы тихо напевал себе под нос. Голос низкий, похожий на мужской.

— Кто-то поет, — прошептала Мэри.

— Что ж, пойдем посмотрим, — ответил Лэнсинг.

На самом деле ему вовсе не хотелось идти туда. Будь его воля, он бы развернулся и убежал. Хотя пение (если это пение) походило на человеческое, в воздухе витало нечто такое мрачное и чуждое, что у Лэнсинга разыгрались нервы.

Он спустился на следующую площадку и оказался у третьего пролета. Пение стало слышнее, и внизу Лэнсинг увидел мягко светящиеся пятна, будто сверкающие в темноте кошачьи глаза. Лестница кончилась, еще несколько ступенек — и вместе с Мэри они оказались на металлической дорожке.

— Механизм, — предположила Мэри, — или машина.

— Трудно сказать, — откликнулся Лэнсинг, — по-видимому, какое-то устройство.

— А ведь оно работает, — сказала Мэри. — Заметьте, это первый обнаруженный нами признак жизни.

Машина не была громоздкой. Во всяком случае, ее размеры не подавляли. Множество огоньков, показавшихся Лэнсингу кошачьими глазами, светились на поверхности, позволяя разглядеть механизм, точнее, догадаться о его конфигурации — освещение все же было довольно тусклым. Масса длинных и тонких деталей напоминала скопище пауков. По-видимому, движущихся частей у машины не было, но она напевала про себя.

Переведя луч фонарика, Лэнсинг обнаружил, что металлическая полоса под ними уходила вперед, образуя узкий проход между двумя скоплениями механизмов. Свет фонарика не позволял определить длину дорожки; с обеих сторон тянулись паукообразные механизмы.

Медленно и осторожно Лэнсинг стал продвигаться по дорожке; Мэри не отставала ни на шаг. Дойдя до машины, они остановились. Лэнсинг направил свет фонарика на ближайшую часть устройства.

Механизм оказался не просто похожим на паука; сплетение ажурных нитей, полированный металл, если это, конечно, металл, ярко блестел; ни единого пятнышка грязи, ни пылинки. Не похоже ни на одну из виденных раньше машин, подумал Лэнсинг. Сооружение напоминало творение скульптора-авангардиста, созданное с помощью плоскогубцев в веселую минуту. Несмотря на отсутствие движущихся частей или других призна-

ков работы, механизм, казалось, был полон жизни и имел вполне определенное назначение. И он без устали напевал вполголоса.

— Странно, — растерянно произнесла Мэри, — как инженер, я должна бы догадаться, что же это, но я не узнаю ни единой составной части.

— И ни малейшего представления о том, что оно делает?

— Абсолютно.

— Ну что ж, мы назвали это машиной.

— За неимением лучшего термина.

Тут Лэнсинг обнаружил, что его тело подсознательно реагирует на ритм машинного пения. Размеренная музыка незаметно проникла в него, стала фоном его существования.

Откуда-то, очень издалека, пришла мысль: нечто подчиняет меня себе. Казалось, это была даже не его собственная мысль, а словно бы кто-то другой подумал об опасности. Лэнсинг хотел предупредить Мэри, но, еще не успев закричать, превратился в другое существо.

Его рост составлял несколько световых лет, и каждый его шаг измерялся триллионами миль. Он высился над Вселенной — полупрозрачный, разреженный, сверкающий и переливающийся блестками в ослепительном сиянии хоровода солнц. Планеты казались всего лишь скрипящим под ногами гравием. Черную дыру, оказавшуюся у него на пути, он отшвырнул как футбольный мяч, и, протянув руку, сгреб полдюжины квазаров, нанизал их на звездный свет, повесил ожерельем себе на шею.

Он взбирался на гору из звезд; карабкаясь по крутому склону, он столкнул несколько светил, и те с грохотом полетели вниз, вертясь и подпрыгивая; они, наверное, скатились бы до основания горы, если бы у горы было основание.

Наконец он добрался до вершины и встал там, устойчивости ради расставив ноги. Вся Вселенная, от края до края, лежала перед ним. Лэнсинг погрозил ей кулаком и бросил, выкрикнул вызов Вечности, и дальние закоулки бесконечности эхом отозвались на его крик.

Отсюда ему был виден конец времени и пространства. Он вспомнил, как когда-то хотел узнать, что лежит за их пределами. Ну вот, теперь он узнал, и поделом

ему. Потеряв равновесие, он, кувыркаясь, полетел вниз и, достигнув подножия горы (которого на самом деле не существовало), распластался в межзвездной пыли и газе, вздымавшихся вокруг подобно волнам бурного моря и безжалостно швырявших его тело. Вспомнив увиденное за пределами времени и пространства, он застонал. Это вернуло его к реальности. Лэнсинг снова стоял на металлической полосе, а по обеим сторонам от него паукообразные машины что-то тихо напевали.

Мэри тянула его за руку. Еще не вполне понимая, где он и что происходит, Лэнсинг повернулся и тупо посмотрел на валяющийся на полу зажженный фонарик. Он поднял его, едва не упав лицом вниз.

Мэри снова потянула его за рукав.

— Здесь уже можно остановиться. Как вы себя чувствуете?

— Сейчас приду в себя. Мысли, правда, еще несколько путаются. Я видел Вселенную...

— Так вот что вы видели.

— Вы хотите сказать, что тоже что-то видели?

— Да, и когда я вернулась, вы стояли как ледяная статуя. Я боялась тронуть вас — вдруг бы рассыпались на миллион осколков.

— Давайте присядем на минутку.

— Но здесь не на что сесть.

— На пол. Мы можем сесть на пол.

Они опустились на жесткую металлическую поверхность.

— Итак, теперь мы знаем, — сказала Мэри.

— Что знаем?

Лэнсинг потряс головой.

Туман в голове постепенно рассеивался, но соображал он еще с трудом.

— Знаем, что делает эта машина. Эдвард, не надо рассказывать обо всем генералу — он рассвирепеет.

— Нам придется это сделать. Заключив сделку, нужно быть честными до конца.

— И снова, как с теми дверями, — вздохнула Мэри. — Мы нашли что-то, но не знаем, как этим управлять.

Лэнсинг бросил взгляд на машины. Теперь он видел их более отчетливо.

— Вы сказали, что видели Вселенную. Что вы имели в виду?

— Мэри, Мэри, Мэри! Умоляю вас, подождите немного.

— Вас сильно скрутило.

— Пожалуй.

— У меня все прошло легче.

— Вы же сильная личность.

— Перестаньте иронизировать. Тут не до шуток — дело весьма серьезное.

— Я знаю. Простите меня. Вы хотите знать, что со мной происходило? Попытаюсь описать. Я посетил Вселенную. Я был огромным. Мое тело было соткано из звездного света, может быть, и из хвостов комет. Похоже на сон, и в то же время не сон. Я действительно был там. Как это ни странно, но я был там. С вершины звездной горы, на которую я взобрался, я видел Вселенную — всю Вселенную до конца пространства и времени, до тех границ, за которыми пространство и время уже не существуют. Я видел, что за ними. Я смутно помню увиденное. Хаос — можно назвать это так. Беспорядочное бытие, неистовое гневное ничто. Я никогда не представлял себе это ничто таким — как яростный гнев. Оно потрясло меня. Холодная ярость — я имею в виду не температуру, такого понятия там не существовало, но душа стыла от мертвенности и от злобности небытия. Безразличие, нет, хуже чем безразличие — ничто ненавидело все, что существует и существовало. Злобное стремление добраться до всего, что не является ничем, и уничтожить его.

Мэри всплеснула руками.

— Ох, мне не стоило расспрашивать вас! Я не имела права настаивать. Простите, что заставила вас заново все пережить.

— Нет, я хотел рассказать вам обо всем, хотя, может быть, и не сейчас. Но теперь страшное позади, и на душе у меня заметно полегчало. Рассказывая, я, пусть отчасти, избавлялся от наваждения. Что эта машина делала со мной — с нами! Ведь и вы что-то видели?

— Да, но не столь мрачное и угнетающее. Я уверена, виной всему машина. Она вырвала наше сознание, эго, жизненную силу, индивидуальность, если хотите. По-вашему, это был сон, и все же не совсем сон. Я думаю,

все было реально. Машине недоступно понятие сна. Там, где были вы, любой бы увидел то же самое. Правда, некоторые нелепости...

— Я отшвырнул с дороги черную дыру. Я взбирался на гору из звезд. Под моими ногами планеты хрустели, как гравий.

— Вот именно — нелепости, Эдвард. Ваш мозг бунтовал — естественная защитная реакция. Чувство юмора спасло вас от безумия. Человек редко придает большое значение тому, над чем потешается.

— Так вы думаете, я и в самом деле был там? Мое сознание действительно побывало там?

— Смотрите, что получается. Этот город населяли выдающиеся ученые, их техника достигла сверхъестественного уровня. Иначе им бы не создать это устройство, двери, графический преобразователь, как его назвал генерал. Они думали иначе, чем мы, смотрели на жизнь под другим углом. Они искали ответы на вопросы, которые нам никогда бы не пришли в голову. Сколь ни абсурдны двери, они все же доступны нашему пониманию, но эти машины вне наших представлений. Может, это была попытка своего рода научной ереси?

— Еще немного, и вы меня убедите.

— Мы должны смотреть фактам в лицо. Мы столкнулись с миром, которого не понимаем. Точнее, мы имеем дело с его останками. Одному Богу известно, что бы мы увидели, попав сюда в эпоху расцвета здешней цивилизации. Машины кажутся мне продуктом человеческой мысли, осуществлением тех безумных идей, которые занимают некоторых представителей расы людей. Но именно факт отдаленной принадлежности человеку усугубляет их чуждость. Нечто, созданное жителями далекой звездной системы, показалось бы нам, пожалуй, более близким и понятным.

— Но культура их погибла. Они исчезли, несмотря на все, что сумели создать. Они не существуют, а их город мертв.

— Они могли уйти куда угодно, в любой мир.

— А может, они просчитались? В погоне за техническими достижениями они потеряли душу — вспомните слова пастора.

— Да, звучит вполне в его духе, — усмехнулась Мэри.

— А кстати, куда они вас заслали?

— Я успела бросить лишь беглый взгляд — я ведь вернулась раньше вас. Это была другая культура. Я никого не видела, ни с кем не разговаривала. Я чувствовала себя привидением. Тенью, которая вошла куда-то и тут же вышла. Но я ощутила присутствие людей, почувствовала их жизнь, их мысли. Это было прекрасно. Они воистину подобны богам. В этом нет сомнения. Если задержаться там, чтобы ощутить их величие, их превосходство, — наверняка почувствовал бы себя ничтожным червяком. Добрые боги, представители утонченной культуры, высокоцивилизованные существа. У них нет правительства — оно им попросту не нужно, так же как и экономика. Только на вершине цивилизации нет нужды ни в правительстве, ни в экономике. Ни денег, ни купли-продажи, ни долгов, ни ссуд — соответственно ни грязных банкиров, ни юристов. Даже понятие закона у них отмерло.

— Откуда вы все это знаете?

— Я просто восприняла это. Знание там доступно любому — знание, которого не нужно искать.

— Вместо телескопов, — сказал Лэнсинг.

— Телескопов?

— Я думал вслух. В моем и, вероятно, в вашем мире, люди, чтобы познать тайны космоса, использовали телескопы. А создателям этих машин телескопы были не нужны. Зачем пытаться разглядеть что-то, если можно просто узнать? Они, я полагаю, могли свободно перемещаться куда угодно. Создав машину, у которой мы сидим, они наверняка умели обращаться с ней и сами выбирали место назначения. Но теперь машины... не знаю, можно ли их так назвать?..

— Машины — довольно удачное слово.

— А теперь машины одичали и отправляли нас куда вздумается.

— В городе должен быть пульт управления механизмами. Может быть, типа кабины для путешественников. Хотя вряд ли: система такого уровня должна иметь гораздо более сложное устройство.

— Даже если мы и обнаружим эту гипотетическую командную рубку, пройдут годы, прежде чем мы научимся с ее помощью управлять машиной.

— А если бы нам вдруг повезло?

— Может, обитатели города нашли мир, приглянувшийся им больше их собственного, и переправились туда?

— Не только дух, но и тело? Это не так-то просто.

— Да, конечно. Я не подумал об этом. К тому же мое предположение все равно мало что объясняет. Может быть, они взяли с собой и все свое имущество...

— Сомневаюсь. Скорее, с помощью машин они узнавали о новых мирах, а потом строили двери для перехода в них. Вполне может быть, что эти две вещи связаны между собой, хотя я больше склоняюсь к мысли, что машина — исследовательский инструмент для получения знаний, с помощью иных миров. Представьте, как здорово — вы можете получить любые сведения и использовать их для вашей цивилизации. Без особых усилий вы узнаете о разных политических и социальных системах, о новой технологии производства стали, о необычных социологических структурах, да мало ли о чем — вплоть до научных открытий, может быть, даже неизвестных в вашем мире наук. Чем не стимул для развития любого общества?

— Вы попали в самую точку, — заметил Лэнсинг, — когда сказали, что здешние жители были разумны. Однако достаточно ли разумны? А наши с вами цивилизации могли бы воспользоваться знаниями, добытыми с помощью этих устройств? Или с привычным консерватизмом мы способны только цепляться за свой образ жизни, извратив или употребив во зло найденное в других мирах, — быть может, с катастрофическими последствиями?

— Боюсь, пока задача для нас неразрешима. Мне кажется, сейчас самое верное — попытаться найти предполагаемый командный пункт, — предложила Мэри.

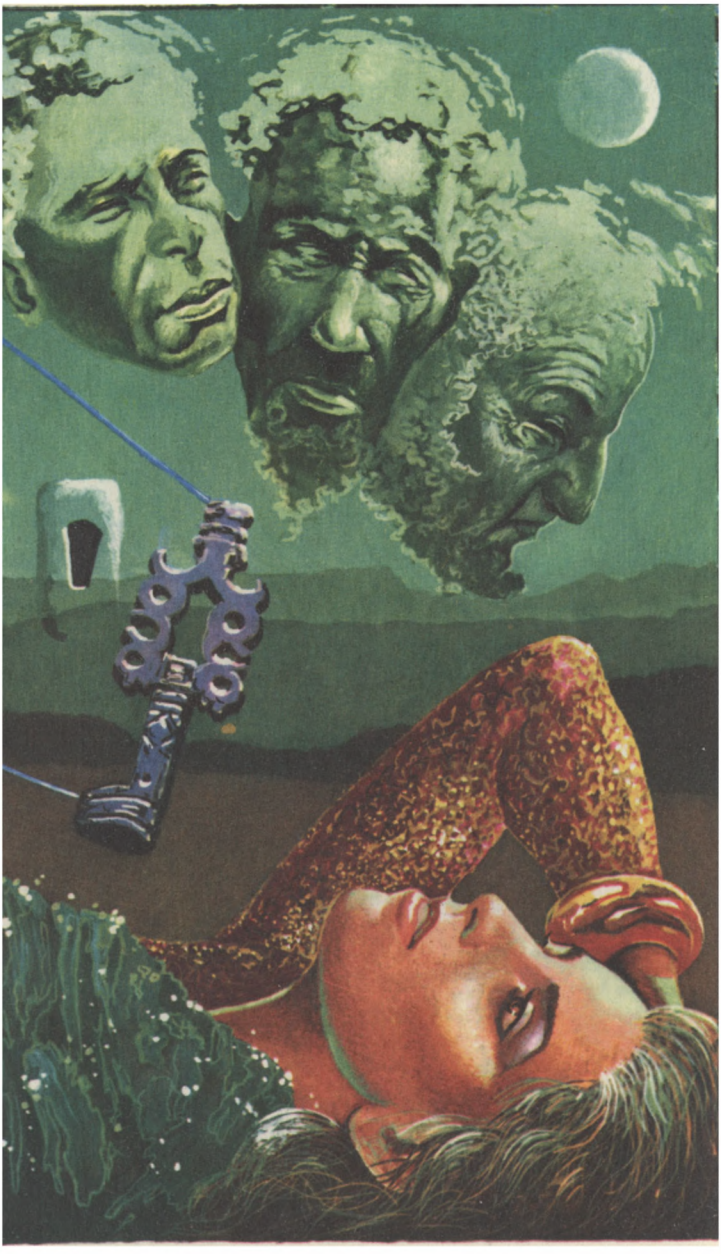
Лэнсинг встал и помог подняться Мэри. Поднявшись, Мэри не отпустила его руки.

— Эдвард, — сказала она, — мы знакомы недавно, но уже успели столько пережить вместе...

— Недавно? — переспросил Лэнсинг. — Разве мы не всегда были вместе?

Он наклонился и поцеловал ее. На мгновение она замерла в его объятиях, потом отстранилась.

Поднявшись по лестнице и снова оказавшись в лабиринте улиц, они стали искать место, откуда управлялся



найденный ими механизм, но до наступления темноты ничего не нашли.

Вернувшись в лагерь, они застали Сандру и Юргенса за приготовлением ужина. Генерала не было.

— Он ушел без нашего ведома, и с тех пор мы его не видели, — объяснила Сандра.

— Мы так ничего и не нашли, — пожаловался Юргенс, — а как ваши успехи?

— Поужинаем, тогда и поговорим, — взмолилась Мэри. — К тому времени, наверное, и генерал отыщется.

Генерал действительно появился через полчаса; он тяжело опустился на свернутый спальник.

— Скажем прямо: я сел в лужу. — В голосе генерала чувствовалось раздражение. — Я обыскал добрую половину северо-восточного района. Почему-то мне втемяшилось, что именно там мы найдем что-нибудь. Целый день поисков, и все без толку.

Сандра протянула ему тарелку.

— Поешьте, — предложила она.

Генерал набросился на еду, не дожидаясь остальных. Он выглядит усталым, подумал Лэнсинг. Усталым и старым. Впервые возраст генерала дает о себе знать.

Ужин подходил к концу; порывшись в своем мешке, генерал достал бутылку и пустил ее по кругу. Когда она вернулась к хозяину, он сделал большой глоток да так и остался сидеть, зажав бутылку в коленях.

— Два дня... — наконец вымолвил он.— Два дня, которые вы мне выделили, прошли. Я человек слова и не буду задерживать вас дольше. Мэри, я знаю, вы с Лэнсингом пойдете дальше. Как решают остальные?

— Я думаю, мы присоединимся к Мэри и Лэнсингу, — пролепетала Сандра, — во всяком случае, я. Город приводит меня в ужас.

— А вы как чувствуете себя? — обратился генерал к Юргенсу.

— Принимая во внимание все обстоятельства, — ответил робот, — особых причин оставаться не вижу.

— А я, — заявил генерал, — побуду здесь еще некоторое время. Позже я догоню вас. Я уверен, здесь есть что искать.

— Генерал, — прервал его Лэнсинг, — мы уже нашли. Но я должен предупредить вас...

Генерал вскочил как ужаленный, и бутылка бухнулась на пол, но, как ни странно, не разбилась. Она гулко покатилась по комнате.

— Так вы нашли! — завопил генерал. — Что же это? Что вы нашли?

— Сядьте, генерал, — строго сказал Лэнсинг как взрослый, урезонивающий расшалившегося ребенка.

Пораженный, вероятно, его тоном, генерал послушно сел. Лэнсинг протянул ему бутылку, генерал с той же покорностью взял ее и опять зажал между коленей.

— Давайте поговорим спокойно, — предложила Мэри. — Нужно все подробно обсудить. Я предлагала Эдварду ничего не говорить о нашем открытии, но он сказал, что раз мы заключили сделку...

— Но почему, — вырвался у генерала крик изумления, — почему не говорить?

— Потому что мы нашли нечто недоступное нашему пониманию. Мы догадываемся, как можно было бы применить нашу находку, но не знаем, как контролировать ее работу. Она опасна. Механизм, с которым нельзя обращаться легкомысленно. Где-то должен быть пульт управления, но нам не удалось его отыскать.

— Вы как инженер больше нас всех сведущи в технике, — сказал Юргенс. — Расскажите нам, что вы там видели?

— Может быть, лучше вы, Лэнсинг, — нерешительно проговорила Мэри.

— Нет, — покачал тот головой, — рассказывайте сами.

Пока Мэри говорила, все напряженно молчали, лишь несколько раз прервав ее вопросами.

Когда Мэри кончила, все долго не произносили ни слова. Наконец Юргенс повернулся к ней:

— Если я правильно понял, здешние жители очень стремились освоить Вселенную. Ведь вы сказали именно «чужие», а не альтернативные миры?

— Они могли и не знать об альтернативных мирах, — заметил Лэнсинг.

— Они хотели вырваться отсюда, — продолжал Юргенс. — Машина и двери, конечно, связаны друг с другом, они — части одной исследовательской программы.

— Похоже на то, — кивнула Мэри.

Генерал непривычно тихо произнес:

— Вы двое — единственные, кто видел механизм. Мы бы тоже хотели взглянуть.

— Я не говорила, что не стоит пытаться исследовать эту штуковину, — сказала Мэри. — Но мы должны быть крайне осторожны. Мы с Эдвардом подверглись воздействию машины, но очень кратковременному. Скорее, это всего лишь пример того, на что способен механизм.

— И вы искали пульт управления?

— Да, до темноты, — подтвердил Лэнсинг.

— Логически рассуждая, приборы управления и контроля должны находиться там же, где и само устройство, — предположил генерал.

— Мы, естественно, так и думали. Но там все пространство занято самой машиной. Тогда мы решили, что, может быть, в домах неподалеку..

— Совсем не обязательно, — вмешалась Мэри. — Я поняла. Пульт управления может быть в любом месте города, где угодно.

— Так вы говорите, что не имеете ни малейшего представления о том, что же это за механизм?

— В нем нет ни единой детали, назначение которой было бы мне понятно. Конечно, если присмотреться поближе и поэкспериментировать, можно попытаться понять, что к чему. Но мне совсем не хочется нарываться на неприятности. Я уверена, мы с Эдвардом не испытали на себе всю мощь машины. Страшно даже представить, что может произойти, если вникнуть в это дело поглубже.

— Больше всего меня пугает однообразие города, — вступила в разговор Сандра. — Даже не самого города, а его культуры. Просто невероятное духовное убожество. Ни единой церкви, ни одного места, предназначенного для поклонения, ничего похожего на библиотеку, выставочную галерею или концертный зал. Абсолютная нечувствительность! Как жить такой серой жизнью?

— Они могли посвятить себя одной-единственной идее, исследованию и достижению одной-единственной цели. Это нелегко понять. Мы не знаем, что ими двигало. Но, вероятно, возможна такая сильная мотивация...

— Этот спор ни к чему не приведет, — проворчал генерал. — Утром пойдем и посмотрим; во всяком случае, я поступлю именно так. Остальные вроде бы собираются отправиться дальше?

— Мы тоже останемся, — ответил Лэнсинг. — По крайней мере, на то время, что понадобится для осмотра.

— Только, ради Бога, осторожнее, — попросила Мэри.

Глава 19

— Сомневаюсь, что опасность действительно так велика, — сказал генерал. — Машины могут воздействовать на людей чувствительных, но для настоящего мужчины с железными нервами, крепко стоящего на ногах...

— Видимо, вы имеете в виду себя, — ответил Лэнсинг. — Я не собираюсь вас удерживать. Можете испробовать на себе.

— Вы абсолютно не правы, — повернулась Мэри к генералу. — Я ни в коем случае не отношусь к числу сверхчувствительных людей. Лэнсинг — может быть, ну Сандра, конечно. И пастор...

— У пастора были расшатаны нервы, — не дал договорить генерал. — Он все метался, искал чего-то, однако при этом оставался олухом.

Мэри безнадежно вздохнула:

— Поступайте как знаете.

Все пятеро, они стояли на металлической дорожке на безопасном расстоянии от машины. Все так же поблескивали огоньки, напоминающие кошачьи глаза, и слышалось негромкое пение.

— Я полагал, — сказал Юргенс, — что, сам будучи наполовину машиной, скорее смогу понять назначение этого сооружения. Но в моем мире нет механизмов, даже отдаленно напоминающих эти по сложности. Я разочарован.

— Ну вот, машина перед нами, — сказал генерал. — Что мы предпримем дальше?

— Мы обещали только вместе осмотреть механизм, — ответил Лэнсинг — И ничего другого я делать не собираюсь.

— Тогда какой же толк от этой находки?

— Вы хотели найти что-то, не зная, что именно, — вступила в разговор Мэри. — Вот мы и нашли это непонятное нечто. Прошлой ночью я говорила вам, что город просто убьет нас, если мы будем действовать каждый сам по себе. Пастор считал город олицетворением зла и бежал от него Если пастор прав, машина может быть частью этого зла

— Надеюсь, вы так не думаете?

— Я не думаю, чтобы машина сама по себе являлась носительницей зла. Однако я уверена, что город — не место для нас, и я ухожу отсюда, прямо сейчас. Вы идете, Эдвард?

— Скажите куда, и я не отстану от вас ни на шаг.

— Постойте, — закричал генерал, — вы не можете бросить меня! Теперь, когда мы на пороге..

— На пороге чего? — спросил Юргенс.

— На пороге открытия, которое поможет ответить на наши вопросы.

— Все не так просто, — покачал головой Юргенс. — Машина, возможно, способна дать частичный ответ, но решение нашей проблемы — не здесь.

Генерал от ярости лишился дара речи. Побагровев от гнева и разочарования, он только брызгал слюной. Огромным усилием вернув себе способность говорить, он рявкнул:

— Посмотрим! Я вам покажу! Я вам всем покажу! — И рванулся в проход между двумя рядами механизмов.

Юргенс бросился было за ним, скользя костылями по гладкой поверхности металла, но Лэнсинг точно рассчитанным движением выбил костыль, и робот упал.

Генерал продолжал бежать по проходу Вдруг все его тело засветилось. Сияние вспыхнуло на долю секунды, и генерал исчез.

Ослепленные вспышкой, люди застыли, оцепенев от ужаса. Первым пришел в себя Юргенс. Подобрав костыль, он тяжело поднялся.

— Благодарю вас, — обратился он к Лэнсингу. — Похоже, вы спасли мне жизнь

— Я уже говорил вам, — ответил Лэнсинг, — что, если вы предпримете еще одну идиотскую попытку самопожертвования, я кину в вас первым, что попадется под руку.

— Я не вижу его! — воскликнула Сандра. — Генерала нет!

Мэри осветила фонариком проход.

— Я тоже его не вижу. Наверное, фонарю не хватает мощности.

— Думаю, дело не в фонаре, — возразил Юргенс, — генерал исчез.

— С нами было не так, — Мэри посмотрела на Лэнсинга, — наша физическая оболочка оставалась на месте.

— Мы не подходили так близко к машине.

— Может быть, дело именно в этом. Помните, вы предположили, что машина в состоянии перемещать не только сознание, но и тело. Я считала, что это невозможно. Может быть, я ошибалась.

— Уже двое покинули нас! — всхлипнула Сандра. — Сначала пастор, а теперь и генерал.

— Генерал еще может вернуться, — предположил Лэнсинг.

— Как-то не верится, — возразила Мэри, — слишком уж высок энергетический потенциал. Боюсь, генерал мертв.

— Надо отдать ему должное, — сказал Юргенс, — он ушел в сиянии славы. О нет, нет! Простите меня, я совсем не это имел в виду. Я не должен был говорить такое.

— Не извиняйтесь, — откликнулся Лэнсинг, — эта фраза была на языке у каждого из нас.

— Что же теперь? — спросила Сандра. — Что мы будем делать?

— Трудный вопрос. Эдвард, — обратилась Мэри к Лэнсингу, — что подсказывает вам ваша интуиция? Он может вернуться? Мы ведь вернулись.

— Не знаю, что и думать. Я считал, что, если мы вернулись...

— Тогда все было иначе.

— Дурак несчастный, — с горечью произнес Лэнсинг. — Предводитель любой ценой.

Они стояли, тесно сгрудившись, и смотрели на опустевшую металлическую дорожку. Кошачьи глаза ма-

шины по-прежнему мерцали, по-прежнему слышалось негромкое пение.

— Подождем немного, прежде чем уйти из города, — предложила Мэри.

— Мы должны подождать, — согласился Юргенс.

— Если он вернется, ему нужна будет наша помощь, — прошептала Сандра.

— Эдвард, что вы думаете? — спросила Сандра.

— Нужно подождать, — ответил Лэнсинг. — В этой ситуации мы не можем бросить человека одного. Я не верю в его возвращение, но на всякий случай...

Они перенесли лагерь в проход между домами, поближе к лестнице, ведущей вниз к поющим машинам. Как и раньше, одинокий ночной зверь на склоне холма изливал свое горе в пронзительном вое.

Спустя три дня, они покинули город и пошли на запад по дороге, что привела их сюда.

Глава 20

Вскоре после полудня путешественники достигли гребня холмистой гряды, окружавшей город. Причудливая картина изъеденных эрозией скал открылась перед ними. Спускаясь с перевала, дорога шла через красочный кошмар глиняных башенок, замков, зубчатых стен, шпилей и ни на что не похожих нагромождений, расцвеченных множеством оттенков чередующихся геологических слоев.

Спускаться приходилось медленно, да они и не пытались ускорить продвижение. Путь, которым они шли, уже трудно было назвать дорогой. Иногда на их пути встречались небольшие и сравнительно ровные заливные луга, но по большей части их окружало буйство красок истерзанных ветром скал.

Задолго до наступления ночи они выбрали место для стоянки — у излома глинистого утеса. Груды перепутанных ветвей и сучьев, остатки могучих деревьев, когда-то принесенных теми бурными потоками, что изрезали почву, обеспечили их дровами. Им не удалось найти воду; к счастью, день был нежарким, и их фляги оказались почти нетронутыми.

Растительности почти не было. Лишь пятна плотного дерна да изредка встречавшиеся рощицы невысоких хвойных деревьев, жавшихся к земле, нарушали безжизненность ландшафта.

Устроившись поудобнее, после ужина все четверо путешественников наблюдали постепенное угасание красок заката. С наступлением ночи на небосклоне высыпали яркие колючие звезды. Всматриваясь в ночное небо, Лэнсинг узнал знакомые созвездия. Без сомнения, сказал он себе, мы на Земле, но не на той старой привычной Земле, которую я так хорошо знал. Альтернативная Земля, то, о чем говорил Энди, не веря, что такой мир действительно может существовать.

Лэнсинг задумался над проблемой времени. Судя по созвездиям, мало или вовсе не отличающимся от обычных земных, разница во времени между этой и его Землей не превышала нескольких тысячелетий. И в то же время великая цивилизация, достигшая более высокой ступени развития, чем на его, Лэнсинга, Земле, успела расцвести и умереть. Возможно ли, спросил он себя, чтобы этот мир опередил нашу Землю? Могла ли человеческая раса объявиться здесь на миллионы лет раньше? Неужели в точке расхождения альтернативных миров человечество его родной планеты вымерло, а затем возникло вновь? Эта мысль взволновала его. Какова вероятность повторного появления человека после гибели цивилизации, реальна ли вторая попытка? Здравый смысл подсказывал ему, что шансов на это практически нет.

— Эдвард, — окликнула его Мэри, — вы храните гробовое молчание. Что-нибудь случилось?

Он покачал головой.

— Нет, просто мысли одолели. Впрочем, ничего важного.

— У меня на сердце останется камень, — заявила Сандра. — Мы так быстро покинули город, а ведь генерал мог вернуться.

— Что же вы раньше молчали? — поинтересовалась Мэри. — Вы не проронили ни слова, когда мы уходили. Мы бы прислушались к вашему мнению.

— Я, как и вы, страстно желала вырваться из города. Мысль о том, чтобы провести в нем еще хоть день, сводила меня с ума.

— Полагаю, — вмешался Юргенс, — мы и так зря потеряли время, дожидаясь генерала. Он ушел, и ушел навсегда.

— Что же теперь будет с нами? — спросила Сандра.

— Вы про пастора и генерала? — уточнил Юргенс.

— Дело не в том, что пропали два человека, и не в том, кого именно нет. Мы начинали путь вшестером, теперь нас четверо. Когда настанет черед остальных?

— Здесь у нас больше шансов выжить, чем в городе, — попыталась успокоить ее Мэри. — Город был убийцей. Именно там мы потеряли наших спутников.

— Все будет хорошо, — в тон ей сказал Юргенс, — мы будем соблюдать осторожность, выставлять часовых и не станем рисковать понапрасну.

— Но мы же по-прежнему не знаем, куда идем, — простонала Сандра.

— Мы этого и не знали. С того момента, когда мы оказались в этом мире, мы не знаем, куда идем. Может быть, цель нашего путешествия откроется за следующим поворотом дороги, завтра, послезавтра или несколькими днями позже.

Ночью вновь объявился Вынюхивающий. Он тщательно обследовал все вокруг лагеря, но люди его не видели. Они сидели и прислушивались к звукам. В самом появлении Вынюхивающего было что-то успокаивающее — будто вернулся старый друг или нашлась потерявшаяся собака. Пыхтенье больше не пугало людей. Вынюхивающий не пошел с ними в город; возможно, он разделял неприязнь путешественников к этому месту. Теперь же он вновь был с ними.

На следующий день, задолго до темноты, странники на небольшой террасе, расположенной над дорогой, обнаружили какие-то развалины.

— Подходящее место для ночлега, — заметил Юргенс.

Они вскарабкались на террасу. Бесформенная груда блоков из песчаника являла собой все, что осталось от стены, с четырех сторон окружавшей полуразвалившееся здание.

— Песчаник? — удивился Лэнсинг. — Откуда он здесь?

— Оттуда, — Юргенс ткнул пальцем в сторону утеса, образующего заднюю часть террасы. — Видите слой песчаника в глине? Похоже на следы старых разработок.

— Странно, — задумчиво произнес Лэнсинг.

— И вовсе нет, — возразил робот. — На пути нам не раз попадались выходы песчаника.

— Да? А я и не заметил.

— Они не бросаются в глаза, поскольку песчаник и глина одного цвета.

Площадь, окруженная обломками стены, занимала не более полуакра. В центральном строении, по-видимому, находилась единственная комната. Крыша провалилась, стены частично осыпались. На когда-то хорошо утоптанном земляном полу валялась разбитая посуда, а в углу Юргенс нашел потемневший мятый металлический котелок.

— Место для отдыха путешественников, — констатировала Сандра, — караван-сарай.

— Или форт, — предположил Юргенс.

— Форт для защиты? От кого? Здесь не от кого защищаться, — возразил Лэнсинг.

— Возможно, раньше было иначе, — пожал плечами робот.

Недалеко от каменной постройки они нашли следы костра: кучку золы, окруженную закопченными камнями, по-видимому служившими очагом. Рядом были сложены дрова.

— Наши предшественники запасли дров больше, чем им требовалось, — сказал Юргенс, — нам их хватит до утра.

— А как с водой? — забеспокоился Лэнсинг.

— На сегодня хватит, — успокоила его Мэри, — а завтра придется поискать.

Лэнсинг подошел к остаткам стены и обвел взглядом местность, покрытую невероятным нагромождением выветренных скал. Бедленды * — после двухдневных поисков он наконец нашел подходящее определение этому ландшафту. На запад от Северной и Южной Дакоты тоже есть такие земли. Первые поселенцы (кажется, это были французы, в точности он не мог вспомнить) назвали их бедлендами — «землей, по которой плохо путешествовать». Давным-давно потоки воды после, должно быть, необыкновенно сильных ливней снесли, смыли, слизали всю почву; там, где бушующая стихия встречала отпор, остались скалы, замысловатые формы которых поражали глаз. В давно ушедшие вре-

* Бедленд («дурная земля») — рельеф пустынных или полупустынных районов, возникший вследствие эрозии и состоящий из сильно ветвящихся оврагов и узких иззубренных водоразделов.

мена дорога, которой они шли, могла служить торговым путем. Если Сандра угадала, здесь останавливались караваны, везущие драгоценные грузы в город или из города. Если в город, то откуда? И где заканчивался этот путь?

Сзади тихо подошла Мэри и встала рядом с Лэнсингом.

— Снова мысли ни о чем?

— Я пытался заглянуть в прошлое. Если бы понять, что творилось здесь тысячи лет назад, мы бы лучше поняли и происходящее с нами. Сандра предположила, что раньше здесь останавливались путешественники.

— Это место нашей стоянки.

— А до нас? Я думаю о караванах, проходивших по этой дороге. Для них местность не была белым пятном. А перед нами — неизвестность.

— Мы справимся, — уверенно сказала Мэри.

— Мы уходим все дальше и совершенно не представляем, что нас ожидает. В один не особенно прекрасный день еда кончится. Что делать тогда?

— У нас еще есть продовольствие, которое несли генерал и пастор. Еды хватит надолго. Меня значительно больше беспокоит вода. Обязательно надо найти ее завтра.

— Должны же где-то кончиться эти бесплодные земли, и воду тогда найти станет легче. Но давайте вернемся к костру, — предложил Лэнсинг.

Рано взошедшая полная луна осветила бедленды призрачным неземным светом. Обращенная к путешественникам сторона скалы, стоящей по другую сторону дороги, была еще в темноте, хотя иззубренная вершина четко выделялась на фоне неба.

Передернув плечами, Сандра подвинулась поближе к огню.

— Волшебная страна, но, похоже, правит ею злой волшебник. Я и не представляла, что сказки бывают такими страшными.

— Ваша оценка, — сказал Лэнсинг, — отражение представлений вашего мира.

Глаза Сандры засверкали.

— При чем здесь мой мир? Я жила в замечательном мире, наполненном чудесными вещами, населенном прекрасными людьми.

— Это я и имел в виду.

Слова Лэнсинга были заглушены страшным воем, раздавшимся прямо над ними.

Сандра с визгом вскочила. Мэри мгновенно оказалась на ногах, схватила ее за плечи и встряхнула.

— Замолчите сейчас же! Успокойтесь.

— Оно преследует нас! — надрывалась Сандра. — Оно нас выслеживает!

— Это там, — Юргенс указал на утес.

Вой стих, воцарилась тишина.

— На самом краю, — спокойно уточнил робот.

Действительно, на вершине скалы они увидели силуэт огромного зверя, четко вырисовывающийся на фоне лунного лика.

Существо напоминало волка, но было гораздо крупнее и массивнее. Подобно волку, оно производило впечатление сильного и ловкого хищника. Огромный зверь, со свалявшейся клоками шерстью; похоже, жилось ему несладко — вой был жалобой на долгие безуспешные скитания в поисках добычи и укромного местечка для отдыха, жалобой на безысходное одиночество.

Закинув назад голову, вытянув морду к луне, он опять завыл. Теперь это был даже не вой — рыдание неслось над бесплодной землей под безучастными звездами.

По спине Лэнсинга пробежали мурашки; неимоверным усилием воли он заставил себя стоять во весь рост. Сандра скорчилась на земле, закрыв голову руками. Мэри склонилась над ней. Лэнсинг почувствовал на своем плече чью-то руку и обернулся. Рядом с ним стоял Юргенс.

— Со мной все в порядке, — успокоил он робота.

— Конечно.

Волкоподобное существо стенало, хныкало, рыдало, изливая свою боль. Казалось, плач никогда не смолкнет. И вдруг вой оборвался. Остался лишь неясный изломанный контур утеса, освещаемый уплывающей на восток луной.

Позже, той же ночью, когда люди уже забрались в спальники, а недремлющий Юргенс нес свою вахту, пришел Вынюхивающий. Верный своим привычкам, он обошел лагерь кругом. Тепло спальных мешков и знакомое сопение отогнали страхи. После жуткого воя на скале Вынюхивающий был особенно желанным гостем.

На следующий день они миновали бедленды и вышли в узкую поначалу, но постепенно расширяющуюся зеленую долину. Вскоре они наткнулись на ручей. По мере продвижения вдоль его русла скалы отступали все дальше и дальше, превратились в дымку на горизонте, пока, наконец, не растаяли совсем.

Незадолго до заката им встретился другой ручей, больше первого, текущий с запада. Между двумя потоками, в месте их слияния, они обнаружили гостиницу.

Глава 21

Толкнув незапертую дверь, все четверо очутились в просторной комнате с камином в дальнем углу. Перед камином стоял большой стол, окруженный стульями. Два человека сидели в креслах, придвинутых к камину, спиной к вновь прибывшим. Из кухни, вытирая руки о клетчатый фартук, навстречу новым посетителям поспешила маленькая женщина с лицом круглым, как луна.

— О, вы уже здесь, какая неожиданность! — воскликнула она. — Вы добрались быстрее, чем я рассчитывала.

Она остановилась перед вошедшими и, прищурившись, оглядела всех.

— Надо же, — вяло удивилась трактирщица, — вас четверо! Вы потеряли в городе всего двоих. Ваши предшественники лишились четырех спутников, а были отряды, что исчезли полностью.

Негромкий звук привлек внимание Лэнсинга к другой, хуже освещенной части комнаты. Там сгорбились над столом картежники. Поглощенные игрой, они не обратили ни малейшего внимания на появление новой группы. Кто-то ударил картой о стол — этот звук и услышал Лэнсинг.

Он кивнул в сторону игроков:

— Давно они здесь?

— Пришли прошлой ночью. Направились прямо к столу и сразу за карты. С тех пор играют.

Двое сидевших у камина поднялись и подошли к путешественникам. Женщина оказалась высокой стройной блондинкой, мужчина же напомнил Лэнсингу коммивояжера, пытавшегося когда-то продать ему весьма сомнительные акции.

Женщина протянула руку Мэри.

— Меня зовут Мелисса. Я не человек, я марионетка.

Дальнейших объяснений не последовало; Мелисса по очереди пожала всем руки.

— Джоргенсон, — представился ее спутник. — Очень рад вас видеть. Признаюсь вам, мы испуганы. Мы уже несколько дней здесь и никак не можем рискнуть продолжить это бессмысленное путешествие, в которое невольно оказались вовлечены.

— Прекрасно понимаю ваши чувства, — ответил Лэнсинг. — Думаю, не будет слишком смело с моей стороны утверждать, что все мы испытываем нечто подобное.

— Вернемся к огню, — предложил Джоргенсон. — Мы тут никак не справимся с бутылкой, поможете?

— С удовольствием, — откликнулся Лэнсинг. — Спасибо за приглашение.

Женщина в фартуке — хозяйка гостиницы — ушла. Картежники по-прежнему не обращали ни на что внимания.

Когда все расселись у камина и наполнили кружки, Джоргенсон сказал:

— Полагаю, самое время познакомиться друг с другом поближе, обменяться впечатлениями и соображениями. Начнем с меня. Я путешественник во времени. Попав сюда, я решил было, что это просто промежуточный этап, но в таком случае мне полагалось бы быть уже далеко отсюда. Однако это не так. Почему, и сам не знаю. Я не вполне понимаю, что происходит, — я впервые застрял во времени.

Лэнсинг попробовал вино. Оно оказалось неплохим, и он отхлебнул еще глоток.

— Как я уже сказала, — в свою очередь заговорила Мелисса, — я марионетка. Мне говорили, что марионетка — имитация человека. Зачем нужны подобные имитации, я не знаю. Нас немного, точнее, было немного, — поправилась она, — когда я жила дома. Мы жили, можно сказать, во Всеобъемлющем городе — месте очень удобном и обеспечивающем наши потреб-

ности. Все было прекрасно, за исключением одной неприятной детали: наша жизнь не имела цели, что иногда угнетало. Вполне возможно, все мы были марионетками. Впрочем, это лишь моя догадка — я боялась спрашивать, боялась оказаться единственной марионеткой среди людей — что было бы ужасно.

— Многие годы, — вновь заговорил Джоргенсон, — я ищу некие время и место. Когда-то, очень давно, я попал туда, а потом нечаянно переместился. С тех пор пытаюсь вернуться, но, как ни бьюсь, ничего не получается. Мне почему-то кажется, что по каким-то причинам часть времени и пространства закрыты для меня. Но почему? Вот чего я никак не могу понять.

— Попробуйте ясно представить, куда вы хотите попасть, — предложила Мэри.

— О, я отлично представляю. Двадцатые годы двадцатого века — так называемые Ревущие двадцатые. Хотя, пока я жил там, бурными они мне не казались. Для меня, наоборот, это был нескончаемый летний день, мирный и спокойный. Мир еще не научился циничной изощренности, что появилась спустя несколько десятилетий. Думаю, мне удалось довольно точно определить время и место. Итак, время — тысяча девятьсот двадцать шестой год, август. Место — сонный приморский городок на восточном побережье, может быть, Массачусетс, или, скорее, Делавэр, или Мэриленд.

— Мне эти названия ничего не говорят, — пожаловалась Мелисса. — Вы называете Северную Америку, но я не знаю никакой Северной Америки. Мне известен лишь город, в котором я жила. Прекрасное место. Маленькие шустрые механические слуги поддерживали в нем чистоту и порядок. Они исполняли малейшие наши желания. А названия — их просто не было. И наш город был безымянным. Мы никогда никуда не хотели попасть, так что в названиях просто не было необходимости. Да и неизвестно, существовали ли какие-то другие места, помимо города.

— Нас было шестеро, — прервал ее Джоргенсон, — шестеро, угодивших сюда.

— И нас тоже, — кивнула Мэри. — Может быть, такие группы всегда состоят из шести человек?

— Понятия не имею, — ответил Джоргенсон. — Мне известно о существовании только нашей и вашей групп.

— С нами был один идиот, — стала вспоминать Мелисса. — Не то чтобы умственно отсталый, но чудной какой-то. Он все развлекал нашу компанию дурачествами и каламбурами. А еще был шулер с Миссисипи. Кстати, мне неудобно было спросить, что такое Миссисипи?

— Это река, — объяснил Лэнсинг.

— Мы слышали от хозяйки, что четверо из вашей группы пропали в городе. Расскажите, как это случилось, — попросила Мэри.

— Они просто не вернулись, — ответила Мелисса. — Однажды мы все ушли в город, на поиски. Мы сами толком не знали, что ищем. Мы вдвоем вернулись засветло, в наш лагерь на площади. Развели костер, приготовили ужин — ждали, что вот-вот подойдут остальные. Однако ночь прошла, а никто не появился. Как ни страшно нам было, мы отправились на поиски. Искали пять дней... Они исчезли бесследно. И каждую ночь на холме над городом огромный зверь плакался на свою судьбу.

— А потом вы нашли дорогу на запад и в конце концов очутились в этой гостинице, — подытожила Сандра.

— Все именно так и было, — подтвердил Джоргенсон. — С тех пор сидим здесь и боимся нос высунуть.

— Хозяйка уже намекала, — сказала Мелисса, — что нам пора выметаться. У нас ни гроша, и она это знает. У двоих из нашего отряда были деньги, но мы лишились денег вместе со спутниками.

— У нас пока есть деньги. Мы оплатим ваш счет, и вы сможете присоединиться к нам, — предложил Лэнсинг.

— А вы пойдете дальше? — быстро спросила Мелисса.

— Конечно, что же остается? — ответил Юргенс.

— Но это бессмысленно! — вскричал Джоргенсон. — Если бы знать, зачем мы здесь. Вам что-нибудь известно об этом?

— Абсолютно ничего, — покачала головой Мэри.

— Мы как крысы в лабиринте, — сказал Лэнсинг. — Если повезет, найдем выход.

— Дома у нас были столы для игр, — вспомнила Мелисса. — Мы могли играть часами, да что там — целые дни. Правила менялись по ходу игры. А если и

были какие-то правила, или нам казалось, что были, потом они все равно изменялись.

— Кто-нибудь когда-нибудь выигрывал? — поинтересовалась Мэри.

— Не припоминаю. Скорее, нет. Мы не придавали этому особого значения — это была всего лишь игра.

— В нашей игре на карту поставлена жизнь, — хмуро пробормотал Джоргенсон.

— Некоторые скептики полагают, — сказал Лэнсинг, — что во Вселенной нет постоянных законов. Перед тем как я попал сюда, один мой разговорчивый приятель уверял меня, будто в мире все происходит случайно. Я не согласен с ним. Во всем должен быть резон, должны существовать причины и следствия. Должна быть цель — пусть мы не всегда способны понять ее. Даже если некая высшая форма жизни снизойдет до объяснений происходящего, поймем ли мы ее?

— Ваши рассуждения не особенно обнадеживают, — сказал Джоргенсон.

— Конечно. Но, мне кажется, не все потеряно. У нас еще есть шанс.

— Существуют тайны, — проговорил Юргенс, — тайны в высоком смысле слова, а не дешевые сенсации, тайны, которые можно разгадать, если сосредоточить на этом все силы.

— Мы пытались узнать у хозяйки, что там дальше, — сказала Мелисса. — Ей почти ничего не известно.

— В точности как тот мошенник в первой гостинице, — кивнул Джоргенсон. — Что-то болтал маловразумительное про куб и про город, и это все, что мы смогли из него выжать.

— Хозяйка, — продолжила Мелисса, — сказала, что неподалеку отсюда находится поющая башня. Еще она предупредила, чтобы мы двигались на запад. Севернее, по ее словам, лежит Хаос. Хаос с большой буквы.

— Что такое Хаос, она не знает, — вставил Джоргенсон. — Ей известно только само слово. Однако она ежится, когда говорит о нем.

— Тогда пойдем именно на север, — предложил Юргенс. — Когда куда-то не советуют идти, возникает ощущение, что там именно можно найти что-то, что от нас хотят скрыть.

Лэнсинг допил вино и поставил кружку на стол. Медленно поднявшись, он пересек комнату и подошел к столу с картежниками.

Лэнсинг довольно долго стоял рядом с ними. Играющие не обращали на него внимания; казалось, они не заметили его. Наконец один из игроков поднял голову.

Лэнсинг отшатнулся: из двух темных провалов в черепе на него глянули черные кусочки обсидиана. Две прорези между ртом и «глазами» заменяли нос. Еще одна щель зияла на месте рта. Губы отсутствовали. Не было и подбородка — скошенная нижняя часть лица переходила в шею.

Лэнсинг вернулся к своим спутникам. У камина он услышал странно взволнованный голос Сандры:

— Когда же мы попадем к поющей башне!

Глава 22

Они увидели поющую башню на четвертый день, после того как покинули гостиницу.

Собственно, это была не башня, скорее — шпиль. Устремляясь ввысь с вершины холма, он как длинный палец вонзался в небосвод. Основание башни имело добрых шесть футов в поперечнике, а в высоту она уходила не менее чем на сотню футов. Неприглядного розового цвета и из вещества, напоминавшего стены куба. Пластик, сказал себе Лэнсинг. Хотя вряд ли. Приложив руку к поверхности башни, он ощутил легкую вибрацию. Казалось, западный ветер заставляет башню дрожать по всей длине, подобно смычку, извлекающему звук из немыслимой, отдельно существующей скрипичной струны.

Все, за исключением Сандры, были разочарованы пением башни. По словам Джоргенсона, это не музыка, а какой-то шум. Негромкая, иногда чуть усиливавшаяся. Она напоминает, подумал Лэнсинг, камерную музыку, хотя его знакомство с нею было весьма поверхностным. Он вспомнил, как давным-давно поддался уговорам Элис послушать в воскресенье концерт камерной музыки и мучительно страдал на протяжении двух бесконечных часов, ни словом, впрочем, себя не выдав. Тихое пение башни разносилось, однако, необыкновенно далеко. Ветер принес его еще в середине третьего дня пути.

Заслышав первые звуки, Сандра пришла в восторг. Музыка настолько захватила ее, что она не хотела останавливаться на ночлег.

— Ну еще одно усилие! Мы могли бы добраться до башни к исходу ночи. Никто ведь не устал, к тому же ночью станет прохладнее и идти будет легче.

Лэнсинг довольно резко оборвал Сандру. Тоном, не допускающим возражений, он заявил, что ночью путешествия отменяются.

Сандра не стала спорить. Против обыкновения, она не помогала приготовить ужин; поднявшись на пригорок рядом с лагерем, она вся обратилась в слух. Ее маленькая, хрупкая фигурка казалась игрушкой на ветру. Сандра отказалась от еды; всю ночь она провела на пригорке.

И потом, на вершине холма, увенчанного башней, Сандра словно бы погрузилась в транс. Запрокинув голову, она не отрываясь смотрела на башню, всеми фибрами души впитывая звуки.

— Эта музыка совершенно не производит на меня впечатления, — сказал Джоргенсон. — Не понимаю, что она в ней нашла?

— Музыка не трогает вас, — ответила Мелисса, — потому что у вас нет души. Что бы вы ни говорили, это хоть и странная, но музыка. Мне нравится музыка, под которую можно танцевать, а под эту музыку не потанцуешь.

— Я беспокоюсь за Сандру, — обратилась к Лэнсингу Мэри. — С тех пор как она услышала первые ноты, она не ест и не спит. Что с ней делать?

Лэнсинг пожал плечами.

— Пока ничего. Может, пройдет.

За ужином Мелисса после долгих уговоров все-таки заставила Сандру немного поесть. Сандра почти все время молчала.

Стоя у костра и глядя на ее силуэт, темнеющий на фоне догорающего заката, Лэнсинг вспоминал, с каким волнением та ждала поющую башню. Еще на первой стоянке Сандра мечтательно произнесла:

— Должно быть, башня прекрасна. Я так надеюсь на это! Этот мир очень беден красотой.

— Вы живете ради красоты? — спросил он тогда.

— Да, конечно. Знаете, я весь день пытаюсь сочинить поэму. Как ни странно, в самой неприглядности этого мира есть своеобразная красота; я хотела запечат-

леть ее в стихах, но никак не могла придумать начало. Я знала, что хотела выразить, но мне не удавалось облечь мысли в слова.

Сидя у огня и наблюдая за Сандрой, очарованной музыкой, не очаровывавшей больше никого, Лэнсинг гадал, удалось ли ей начало поэмы.

Джоргенсон повернулся к Юргенсу:

— Вы, вопреки предостережению, предложили идти на север. Вы считаете, что обязательно нужно идти туда, куда не велят, несмотря на попытки сбить с пути того, кто ищет.

— Мне кажется, я рассуждаю здраво, — подтвердил робот.

— Тем не менее мы пошли на запад, а не на север.

— Мы пошли к известной нам цели, а теперь отправимся в неизвестность. Осмотрев башню, свернем на север и познакомимся с Хаосом.

Джоргенсон вопросительно посмотрел на Лэнсинга, тот кивнул.

— Я планировал то же. Вы имеете что-нибудь против?

Джоргенсон, несколько смешавшись, отрицательно покачал головой.

— Любопытно, — произнесла Мелисса, — что же такое на самом деле Хаос?

— Он может оказаться чем угодно, — ответил Лэнсинг.

— Мне не нравится это слово.

— Вы боитесь его?

— Да, пожалуй.

— Люди часто придумывают разные названия одной и той же вещи, — сказала Мэри. — Мы можем воспринимать Хаос по-разному, в зависимости от того, в традициях какой культуры мы воспитаны.

— Утопающие, отчаянно и не размышляя хватающиеся за любую соломинку, — задумчиво произнес Джоргенсон. — Сначала ею был куб, потом город, теперь — поющая башня и Хаос.

— Я по-прежнему считаю, что в кубе заключено нечто важное, — возразила Мэри. — Что-то мы там упустили... Генерал искал ответ в городе, но город слишком уж напрашивается на поиски, он явно наводит на ложный след. Искать ответ в городе — естествен-

ная потребность, и именно потому неверная. Вы в нем ничего не нашли? — обратилась Мэри к Джоргенсону.

— Только пустые комнаты да пыль повсюду. Может быть, те четверо, что не вернулись, нашли ответ; может, именно поэтому они и не вернулись. Ваши поиски шли успешнее. Вы обнаружили двери и машины, да все одно без толку.

— Ну, не совсем, — не согласилась Мэри. — Кое-что мы узнали о прежних обитателях города. Развитая наука, высокая техническая культура. Может быть, мы верно поняли: они ушли в другие миры.

— Их перенесли так же, как и нас?

— Да, — подтвердил Юргенс, — за одним маленьким исключением — они перемещались по собственной воле.

— А потом решили и нас покатать.

— Как знать, — вставил Лэнсинг. — Некая сила решила, как вы выразились, покатать нас, но что за сила, мы не знаем.

— В этом отношении у вас больше опыта, — повернулась к Джоргенсону Мэри. — Вы ведь много путешествовали, по своему желанию переносясь в другие миры, перемещаясь во времени.

— Все в прошлом, — махнул рукой Джоргенсон. — Я утратил эту способность.

— Попробуйте сосредоточиться на том, как вы перемещались, на механизме переноса. На ваших действиях, на состоянии ума.

— А вы думаете, я не пытался! — вспылил Джоргенсон. — Я пробовал переместиться еще в городе.

— Я была свидетелем этой попытки, — подтвердила Мелисса.

— Если бы я мог, — воскликнул Джоргенсон, — ах, если бы я только мог! Я бы вернулся во время, когда город еще был заселен людьми, реальными живыми людьми, занятыми своими делами.

— Чудная мысль, — заметила Мелисса, — не правда ли?

— Да, это было бы здорово, — согласился Лэнсинг.

— Вы не верите, что я мог путешествовать во времени? — с вызовом спросил Джоргенсон.

— Я этого не говорил.

— Да, не говорили прямо.

— Не будем затевать ссоры, — предложил Лэнсинг. — Нам и без того хватает сложностей. Вы сказали, что путешествовали во времени, я не стал возражать. Давайте оставим это.

— С удовольствием, если вы заткнетесь.

Сделав над собой усилие, Лэнсинг промолчал.

— Все, что мы находили раньше, оказалось бесполезным, — попыталась сменить тему Мэри. — Я надеялась, башня даст нам ключ к разгадке.

— Надежды не сбылись, — констатировал Джоргенсон.

— Может быть, Сандре удастся что-то понять, — предположил Юргенс. — Она настолько погрузилась в музыку, еще немного и...

— Не музыка, а скрежет, звяканье какое-то! — вскричал Джоргенсон. — Что она в ней нашла, не понимаю!

— Сандра пришла из мира искусства, — попыталась вразумить его Мэри. — Она привыкла оперировать эстетическими категориями, о которых жители наших миров имеют слабое представление. Музыка...

— Если это музыка.

— Эта музыка, — Мэри не обратила внимания на замечание Джоргенсона, — может для нее что-то значить. Возможно, она объяснит нам, что именно.

Глава 23

Сандра ничего им не рассказала. Ответы ее были односложными и уклончивыми. Первые два дня, почти сорок восемь часов, она простояла, вслушиваясь в музыку, безразличная к своим спутникам, к самой себе.

— Мы теряем время, — пожаловался Джоргенсон. — Нам надо двигаться на север. Чем бы ни был Хаос, если мы его там найдем, знание о нем нелишне. И мы не можем торчать здесь вечно.

— Я не пойду на север, — взвизгнула Мелисса, — я боюсь Хаоса.

— Женские капризы, — презрительно отозвался Джоргенсон. — Ничего еще толком не выяснив, вы уже впадаете в панику.

— Оскорблениями делу не поможешь, — вмешался Лэнсинг. — Нам надо обсудить наши планы, и не стоит увлекаться взаимными обвинениями.

— Мы не можем бросить Сандру, — обратилась ко всем Мэри. — Она с нами с самого начала. Я не оставлю ее одну.

— Не обязательно идти именно на север, — высказал свое мнение Юргенс. — Нам было сказано, что на севере мы найдем некую субстанцию, называемую Хаосом. Но и на западе мы можем обнаружить что-нибудь интересное. В первой гостинице нам рассказали о кубе и городе, во второй — поведали о башне и Хаосе.

Хозяева гостиниц не слишком щедры на информацию. У нас есть карта, но от нее мало пользы; с ее помощью можно найти дорогу из города в бедленды — и все. Ни вторая гостиница, ни башня на ней не обозначены.

— Может быть, они сообщили нам все, что знали, — сказал Лэнсинг.

— Весьма вероятно, — согласился Юргенс. — И все же мы не можем вполне положиться на них.

— Именно, — кивнул Джоргенсон. — Нам следовало бы пойти и на запад, и на север.

— Я не брошу Сандру, — повторила Мэри.

— Попробуем поговорить с ней? — предложил Джоргенсон.

— Я уже пыталась, — ответила Мэри. — Я ей сказала, что мы больше не можем оставаться здесь. Я говорила ей, что мы вернемся и она сможет опять насладиться этой музыкой. По-моему, она просто не слышала меня.

— Вы могли бы остаться с Сандрой, — сказал Джоргенсон. — А остальные разделятся: двое пойдут на запад, двое — на север. Посмотрим, что удастся найти. Давайте вернемся сюда дней через четыре-пять.

— Такой вариант не очень разумен, — запротестовал Лэнсинг. — Во-первых, я не хочу оставлять Мэри; во-вторых, я вообще против того, чтобы разделяться.

— Бросьте, нам ничто не угрожает. Никаких признаков реальной физической опасности, — настаивал на своем Джоргенсон. — Мы оставим Мэри здесь, а сами быстренько оглядим окрестности. Особых надежд я не питаю, но всегда есть какой-то шанс.

— Может, нам удастся увести Сандру, — предположил Юргенс. — Если она освободится от чар музыки и придет в себя.

— Боюсь, она будет сопротивляться, — заметил Лэнсинг. — Она сейчас не в форме. Нам придется тащить ее на себе, что очень замедлит передвижение. Местность здесь негостеприимная, воду найти трудно. Сейчас мы рядом с источником, но предыдущий миновали два дня назад.

— Это не проблема, — отмахнулся Джоргенсон. — Перед выходом наполним фляги и будем экономить воду. Продержимся.

— Мне кажется, Джоргенсон прав, — сказала Мэри. — Мы не можем бросить Сандру. Я останусь с ней. Похоже, нам ничто не угрожает. Мы не встретили здесь ни единого живого существа, кроме Вынюхивающего — он не в счет, он на нашей стороне.

— Мне не хочется оставлять вас здесь, Мэри, — сказал Лэнсинг.

— Мы можем оставить Юргенса, — предложил Джоргенсон.

— Нет, — запротестовала Мэри, — ко мне Сандра привыкла, ко мне обращалась за помощью. — Она повернулась к Лэнсингу. — Мы не можем остаться все — это пустая трата времени. Нужно выяснить, что там, на западе и на севере. Если ничего существенного не обнаружится, решим, как быть дальше.

— Я не хочу на север, — упорствовала Мелисса, — я не пойду на север.

— В таком случае мы с вами отправляемся на запад, — ответил ей Джоргенсон. — А Лэнсинг и Юргенс — на север. Пойдем налегке, стало быть, быстро. Всего несколько дней, и мы вернемся. Может быть, Сандра тем временем придет в себя.

— Я все еще надеюсь, что Сандра узнает, услышит то, к чему мы, остальные, глухи, — сказала Мэри. — Ответ, или хотя бы часть его, может быть, заключен в башне, и только Сандра способна его воспринять.

— Не стоит нам разлучаться, — настаивал Лэнсинг, — останемся вместе.

— Какой вы упрямый, — проворчал Джоргенсон.

— Да, упрямый.

День клонился к закату, когда Сандра, до этого стоявшая неподвижно как бы на посту, упала вдруг на колени. Потом она ползла и ползла все ближе и ближе к башне.

— Я беспокоюсь за нее, — сказал Лэнсинг Мэри.

— Я тоже. Хотя внешне все нормально. Она сказала, что должна остаться, она не может уйти от башни. Попросила оставить ей воды и продуктов — больше ей ничего не нужно. Сегодня вечером она немного поела и попила.

— Она объяснила вам, что происходит?

— Нет. Я пыталась расспросить ее, но бесполезно. Боюсь, она сама до конца не понимает, что происходит.

— Может быть, она просто зачарована музыкой?

— Не могу поручиться, но подозреваю, что все не так просто.

— Странно, — сказал Лэнсинг, — но встреча с башней нам ничего не дала. Абсолютно ничего, как и куб. А ведь их кто-то строил, и строил с определенной целью.

— Джоргенсон тоже обратил на это внимание. Он считает, что куб и башня — ложный след, с целью сбить нас с толку.

— Синдром лабиринта. Крыса, которая ищет выход. Своего рода тест.

— Он говорил несколько иначе, но, пожалуй, вы правы.

Они сидели чуть дальше остальных, почти вплотную к огню. Юргенс стоял поодаль. Еще одна пара, лишь изредка перебрасывавшаяся репликами, устроилась напротив Лэнсинга и Мэри.

Мэри взяла Лэнсинга за руку.

— Нам нужно сдвинуться с мертвой точки. Трактирщик упоминал о надвигающейся зиме, он говорил, что на зиму закрывает гостиницу. Зимой нам придется тяжело. У нас осталось совсем мало времени — сейчас уже осень, скорее всего, поздняя.

Лэнсинг обнял Мэри и прижал к себе. Она положила голову ему на плечо.

— Я не могу оставить вас здесь одну, — прошептал он. — У меня внутри все обрывается при одной мысли об этом.

— Вы должны это сделать.

— Я могу пойти на север один. А Юргенс побудет с вами.

— Нет, я хочу, чтобы вы шли вдвоем. Здесь безопасно, а кто знает, что вы встретите на севере? Будьте благоразумны, вам придется подчиниться обстоятельствам.

— Я все понимаю, но черт бы побрал здравый смысл! Я просто не могу бросить вас.

— Эдвард, вы должны. Нам необходимо знать, что находится на севере. То, что мы ищем, может оказаться там.

— А может и на западе.

— Безусловно. Может, даже и здесь — мы же ни в чем не уверены. На Сандру слабая надежда, шанс, что она нам что-то объяснит, невелик. Не стоит ждать чуда.

— Вы будете осторожны? Никуда не уйдете отсюда? Не будете рисковать?

— Обещаю вам.

Утром, поцеловав Лэнсинга на прощанье, Мэри обратилась к Юргенсу:

— Поручаю его вам. Я рассчитываю на вас — присматривайте за ним.

— Мы не оставим друг друга, — гордо ответил робот.

Глава 24

Местность, по которой они шли от гостиницы к башне, становилась все суше; к северу от башни она превратилась в пустыню. Идти было трудно — ноги увязали в песке. Путешественникам приходилось карабкаться на дюны, северо-западный ветер швырял песок им в глаза.

Лэнсинг и робот не разговаривали. Преодолевая сопротивление ветра, они упорно шли на север; время от времени Юргенс проверял по компасу направление. Он ковылял впереди, за ним пошатываясь плелся Лэнсинг. Сначала порядок был обратным, но вскоре Лэнсинг уступил лидерство не знающему усталости роботу.

После нескольких часов пути дюны сменились более твердой, хотя по-прежнему песчаной почвой.

Глядя на энергично шагающего робота, Лэнсинг в который раз сказал себе, что Юргенс остается для него загадкой. Как, впрочем, и все его спутники. Он попытался припомнить все, что знал о каждом из них. В его распоряжении лишь разрозненные факты. Мэри... инженер, жительница устойчивого, но жесткого мира, где все еще властвуют великие империи восемнадцатого века. Он знал о ней совсем немного, но в одном был твердо уверен — он любит ее. И ни малейшего представления ни о ее работе, ни о ее семье — о том, что составляло ее жизнь. Пожалуй, он знал о ней даже меньше, чем об остальных.

Мир Сандры казался ему странным, его культура не понятной, хотя, говорил он себе, Сандра могла быть всего лишь представительницей одного из не самых значительных направлений. Не исключено, что цивилизация ее мира совсем иная и так же мало знакома ей, как и Лэнсингу. Он подумал, что они были несправедливы к Сандре. По сути, они игнорировали ее. Как знать, если бы Сандра, а не они с Мэри, подверглась действию того механизма, может быть, ей удалось бы извлечь из своего путешествия больше, чем им. И сейчас, когда между Сандрой и поющей башней установилась некая связь, как знать, вдруг она найдет ключ, который они все ищут.

Пастор был больше других понятен Лэнсингу, хотя в своем времени и в своей цивилизации он тоже мог быть представителем субкультуры. Действительно ли тот мир столь ограничен, фанатичен и злобен, как он представлялся пастору? Если бы у них хватило времени познакомиться поближе! Не исключено, что им удалось бы понять друг друга, понять, что лежит в основе мироощущения этого несговорчивого человека и даже научиться симпатизировать ему.

Генерал, подумал Лэнсинг, представлял собой совсем иной тип. Скрытный, он старался не говорить о своем мире, отказался рассказать, при каких обстоятельствах попал сюда. С неистовой жаждой власти. Не желающий слушать ничьих доводов, кроме собственных; Лэнсинг так и не смог понять его. Уж он-то явно не был представителем субкультуры. Похоже, в милитаристской анархии его мира сотни предводителей небольших отрядов вели войны друг с другом. Генерал говорил — это только игра, не более, но, подумал Лэнсинг, игра со смертью.

А Юргенс? В его мире те, кто был брошен на произвол судьбы устремившимися к звездам представителями цивилизации, вынужденно скатывались в варварство. Свобода! Юргенс сказал, что он и другие роботы наконец-то освободились от бремени ответственности за выродившихся представителей рода человеческого. Свобода?.. Лэнсинг задумался. Интересно, понимает ли Юргенс, что еще не обрел ее? Он так и остался в роли пастуха при человеческом стаде. Вот и теперь, оберегая свою овцу, он встал во главе крошечного отряда, стремясь побороть пустыню и достичь Хаоса. И в

этом неуютном мире робот жил тревогами и надеждами людей, всегда готовый помочь.

Однако почему-то Юргенс не особенно полагался на людей. Лэнсингу, правда, он рассказал о своем мире, о своем увлечении — создании человекоподобных марионеток по образу и подобию героев человеческих преданий (любопытно, его марионетки были похожи на Мелиссу?). В присутствии всех остальных Юргенс ни словом не обмолвился о своем прошлом и отказался ответить даже на прямой вопрос Мэри.

Почему, спрашивал себя Лэнсинг, почему робот открылся только ему? Существовала ли между ним и Юргенсом связь, понятная роботу и не понятая человеком?

Юргенс остановился у подножия небольшой дюны и, когда Лэнсинг догнал его, показал на полузасыпанный песком предмет. Из прозрачного стеклянного или пластикового шара, похожего на шлем космического скафандра, глядел на них человеческий череп. Казалось, он осклабился в усмешке; на солнце блестел золотой зуб. Рядом выглядывала из дюны какая-то закругленная металлическая деталь, а чуть выше и правее виднелся еще кусок металла.

Юргенс достал лопату и принялся разгребать песок. Лэнсинг молча наблюдал за его действиями.

— Еще минута, — сказал Юргенс.

И они увидели.

Металлическая конструкция по форме отдаленно напоминала человека. Правда, вместо двух ног у нее было целых три, в высоту она достигала десяти-двенадцати футов. В верхней части имелась полость, и в ней скелет, некогда, возможно, принадлежавший человеку. Кости его теперь лежали грудой на дне капсулы, череп удерживался в шлеме.

Сидя на корточках рядом с находкой, Юргенс поднял голову и взглянул на Лэнсинга.

— Ваши соображения? — спросил он.

Лэнсинга передернуло.

— А вы что думаете?

— По-моему, это самоход, — ответил робот.

— Самоход?!

— Почему бы и нет? Во всяком случае, это первая мысль, которая приходит в голову.

— Что такое самоход?

— Нечто похожее создали люди моего мира еще до отлета к звездам. Для работы на других планетах в неблагоприятных условиях. Я никогда их не видел, но слышал об их существовании.

— Машина для передвижения по негостеприимной планете?

— Да. Органы управления связаны с нервной системой. Сложное устройство, способное реагировать подобно человеческому телу Человеку захочется сдвинуться с места, и машина начнет перемещаться. Так же действуют руки — у человека и механизма.

— Юргенс, если вы правы, не исключено, что перед нами местный житель. Люди, подобно нам перенесенные на эту планету, не могли захватить с собой машину

— Но мы не должны исключить и возможность появления пришельцев, — возразил Юргенс.

— Хорошо, — согласился Лэнсинг. — В таком случае этот человек, если он все-таки пришелец, появился из альтернативного мира, ставшего враждебным человеку. Загрязненного, опасного...

— Из воюющего мира. Со смертоносными излучениями и ядовитыми газами.

— Да, похоже на правду. Но в этом мире он не нуждался в своем механизме. Здесь воздух чистый.

— И при этом он не мог отделить себя от машины, порвать их биологическую связь. Впрочем, возможно, он к этому не стремился. Он привык к самоходу. Да и в этом мире машина давала некоторые преимущества.

— Пожалуй, — кивнул Лэнсинг.

— А здесь он попал в беду. При всем его высокомерии здесь ему пришел конец.

Лэнсинг взглянул на робота.

— Вы считаете всех людей высокомерными и видите в этом отличительную черту нашей расы.

— Нет, не всех. Думаю, вы поймете горечь, которую я ношу в себе. Нас ведь бросили...

— Это мучило вас все эти годы?

— Не то чтобы мучило... — На некоторое время воцарилось молчание, потом робот прервал его. — Вы не высокомерны. И никогда не были высокомерным. А вот пастор был, и генерал, да и Сандра, хотя и в свойственной ей мягкой манере.

— Надеюсь, вы простите их, — отозвался Лэнсинг

— Вы и Мэри, — сказал Юргенс, — за вас я готов отдать жизнь.

— Тем не менее вы не рассказали Мэри о себе. И не ответили на ее вопрос.

— Она стала бы жалеть меня, это невыносимо. А вот вы меня никогда не жалели.

— Не жалел, — подтвердил Лэнсинг

— Эдвард, забудем про высокомерие Нам пора идти дальше.

— Тогда вперед. Нельзя понапрасну терять время. Мне так не хотелось оставлять Мэри, я едва удерживаюсь от того, чтобы не повернуть назад.

— Три дня, и мы вернемся к ней. С ней ничего не случится. Четыре дня — максимум.

Им не удалось найти дров по дороге. Ночевать пришлось без костра.

Ночь была по-своему прекрасна — подобна холодной миниатюре на эмали. Безжизненный песок, восходящая луна, а по краям небосвода, несмотря на потоки лунного света, ослепительное сияние звезд.

Лэнсинг чувствовал, как ночь заполняет все его существо холодной жесткой красотой. Однажды ему показалось, что он слышит что-то похожее на вой. Звук донесся с юга и напоминал голос того огромного несчастного зверя, который стенал в холмах над городом и на утесе в бедлендах. Лэнсинг прислушался, но звук больше не повторился.

— Вы что-нибудь слышали? — спросил он Юргенса.

Робот ответил отрицательно.

Задолго до рассвета Юргенс разбудил своего спутника. Луна висела на западе низко над горизонтом, звезды на востоке меркли.

— Съешьте что-нибудь, — предложил Юргенс, — и в путь.

— Мне хватит глотка воды. Я поем на ходу.

К полудню вновь появились дюны — маленькие поначалу, постепенно они становились все выше и выше. Их окружал мир движущегося желтого песка; бледно-голубой купол неба нависал над бесконечной песчаной поверхностью. Склоны становились все круче, казалось, путники карабкались прямо в синее небо. Узкая полоска неба над северным горизонтом приобрела более темный оттенок; по мере того как путешественники преодолевали дюны, борясь с осыпающимся песком,

темная полоса захватывала все большую часть неба, синий цвет вверху сменялся черным.

С севера доносилось неясное приглушенное бормотание. Звук становился громче.

Вскарабкавшись на вершину огромной дюны, Юргенс остановился, дожидаясь Лэнсинга. Тяжело дыша после подъема, Лэнсинг встал на гребень рядом с роботом.

— Похоже на гром. Кажется, там, впереди, собирается гроза, — сказал Юргенс.

— Судя по цвету неба, похоже, но это облако не похоже на грозовую тучу. Я никогда не видел тучи с совершенно ровным краем. При грозе облака обычно клубятся.

— Мне показалось, что я видел вспышку, — не саму молнию, а скорее отблеск, отсвет зарницы.

— Должно быть, облака отразили далекую молнию, — предположил Лэнсинг.

— Что же, скоро мы выясним, что там происходит. Вы готовы идти дальше или лучше немного отдохнуть?

— Идемте, — решил Лэнсинг. — Я скажу, если мне нужен будет отдых.

К середине дня огромная черная туча занимала уже полнеба. Местами она отливала багрянцем. Зрелище устрашающее. Все неподвижно; не было обычных в грозу рваных, гонимых ветром туч, хотя, когда Лэнсинг останавливался, ему казалось, что он замечает внизу еле уловимое перемещение. Будто тонкая пленка скользила по черноте неба, подобно воде, сбегающей в летний ливень по оконному стеклу. Туча наводила на мысль о неистовом буйстве стихии, грозила бурей. Но никаких реальных проявлений урагана или его предвестий, за исключением молний, разрывающих темноту неба, заметно не было. Раскаты грома гремели непрерывно.

— Никогда не видел ничего подобного! — воскликнул Юргенс.

— Хаос? — предположил Лэнсинг.

Он вспомнил хаос или, скорее, впечатление хаоса (Лэнсинг сомневался в реальности тогдашних ощущений), мелькнувшее перед ним на горе из звезд над Вселенной. Даже того мимолетного взгляда на абсолютный вселенский хаос довольно, чтобы не обнаружить

никакого сходства с тем что сейчас предстало его взору

— Но вопрос остается прежним — сказал Юргенс. — Что такое Хаос?

Лэнсинг не пытался ответить на вопрос робота.

Склоны дюн, по которым карабкались путники, становились все круче и круче, путь на север все труднее. Горизонт впереди, казалось, слева и справа загибался кверху, будто впереди их ждала полукруглая вершина чудовищной дюны, уходящей в черноту, поглотившую полнеба.

День уже клонился к вечеру, когда они наконец достигли вершины песчаной горы Лэнсинг в изнеможении рухнул на песок и прислонился к огромному валуну. Валун? — вдруг осознал он Здесь, где до сих пор им встречались одни пески? Он еле поднялся на ноги: его пошатывало от усталости. Да, действительно, камень, и не один — целый ряд чуть ниже гребня дюны. Лежали в песке, будто кто-то, может, много веков назад аккуратно выложил их там.

Юргенс, расставив ноги и опершись для равновесия на костыль, стоял на вершине и смотрел вперед. Слева и справа склоны дюн подковой охватывали все видимое пространство. Прямо перед ними поверхность резко обрывалась вниз, склон дюны круто уходил на головокружительную глубину, к основанию громадной массивной тучи, вздымавшейся, насколько хватал глаз, в стороны и вверх.

Лэнсинг понял, что перед ними вовсе не туча, хотя затруднялся определить, что же это. Стена кромешной тьмы смыкалась внизу с песчаными склонами дюны и уходила высоко в небо. Лэнсингу пришлось задрать голову, чтобы увидеть ее верхний край.

Молнии под аккомпанемент оглушительных ударов грома с прежней яростью прочерчивали черную поверхность. Лэнсинг видел перед собой, или ему казалось, что он видит, исполинскую плотину, поверх которой низвергался чудовищный водопад тьмы. Поверхность его была настолько непроницаемой, что самого движения вниз человеческий глаз не улавливал, но возникало ощущение, подобное гипнотическому, что движение все-таки есть. Неожиданно Лэнсинг понял, что слышит не только раскаты грома, но и страшный рев низвергающейся субстанции, — звук, напоминающий грохот

Ниагарского водопада, шум падения чего-то с чудовищной высоты, из одной неизвестности в другую. Ему казалось, что от этого рева сама земля содрогается у него под ногами.

Лэнсинг повернулся к Юргенсу. Робот его явно не замечал: тяжело облокотившись на костыль, он впился глазами в черноту, застыл, загипнотизированный ею.

Лэнсинг снова перевел взгляд на черную стену перед ними; теперь она еще больше походила на плотину Сначала облако, затем плотина, интересно, во что еще оно превратится?

В одном он был уверен — это не ответ, который они искали, даже не ключ к разгадке. Как куб и двери, машина и поющая башня, открывшееся их взгляду явление, может быть, и не полностью лишено смысла, но оно не несет информации для людей, ибо недоступно восприятию человеческого ума.

— Конец мира.

В голосе Юргенса прозвучало странное удовлетворение.

— Конец этого мира? — переспросил Лэнсинг и пожалел о глупом вопросе. Зачем он его задал, он и сам не знал.

— Возможно, не только этого, — ответил робот. — Конец всех миров. Конец всего. Конец Вселенной — ее проглотит тьма.

Робот сделал шаг вперед, нащупывая костылем опору. Костыль выскользнул из рук и полетел вниз. Сломанная нога подогнулась, робот покачнулся, упал и закувыркался по склону. Рюкзак слетел с его плеча и, подпрыгивая, покатился, обгоняя хозяина. Юргенс судорожно пытался уцепиться за неровности склона, но ухватиться было не за что. Песок сыпался сквозь его пальцы, двигался вместе с ним. Руки робота оставляли на песке лишь две глубокие борозды.

Лэнсинг, прилегший было, вскочил на ноги. Если ему удастся сохранить равновесие, подумал он, обрести хоть какую-то точку опоры под обманчивой поверхностью, еще есть надежда добраться до Юргенса, остановить это падение вниз и вытащить в безопасное место.

Он шагнул вперед; нет опоры в сыпучем как пыль песке. Невозможно ни идти, ни стоять. Лэнсинг отчаянно тянулся к гребню дюны в надежде зацепиться за что-нибудь. Как бы не так! Нога быстро тонула в песке,

оставляя глубокую борозду. Лэнсинг упал на склон и заскользил по нему, медленно, медленно, но неотвратимо — вместе с ним двинулась вниз вся масса песка, подчиняясь безжалостной силе тяготения.

Лэнсинг, стараясь увеличить площадь соприкосновения, распластался на песке. Ему показалось, что скольжение в бездну чуть-чуть замедлилось. Но, честно признался он себе, любая попытка подтянуться вверх только расшевелит новые массы песка.

И все же Лэнсинг был уверен — движение вниз замедлилось, ему даже показалось, что лавина остановилась. Он лежал, всем телом прижавшись к песку и боясь пошевелиться.

Где Юргенс, Лэнсинг не знал. Стоило приподнять голову, чтобы поглядеть вниз, как потревоженный песок тут же пришел в движение. Лэнсинг опустил голову и прижался к сыпучей поверхности; скольжение лавины прекратилось.

Казалось, прошла вечность. Земля по-прежнему дрожала словно от грохота огромного водопада тьмы. Этот звук почти вытеснил из сознания Лэнсинга представление о том, кто он и где находится. Он с трудом различал верхнюю кромку дюны, которую они с Юргенсом так долго штурмовали. По его расчетам, гребень находился в каких-нибудь двухстах футах, но эти двести футов не преодолимы.

Лэнсинг сосредоточился на вершине дюны, как если бы усилие мысли могло помочь достичь ее. Вершина оставалась голой и недвижимой — песчаный вал на фоне голубого неба.

На мгновение Лэнсинг отвел глаза от вожделенного гребня, и его взгляд скользнул вдоль бесконечного песчаного склона. Когда он вновь обратил взгляд на вершину, там кто-то стоял. Четыре фигуры возвышались на фоне неба, четыре глупых пародии на человеческие лица.

Он не сразу понял, кто это. На него уставились картежники, та самая четверка, что неизменно сидела за отдельным столом в гостинице.

Почему они здесь? — подумал Лэнсинг. Что привело их сюда? Что могло их заинтересовать? У него мелькнула было мысль позвать их на помощь, но он решил, что это бесполезно. Они наверняка не обратят на него внимания, и ему станет только хуже. В какой-то

момент он усомнился, не плод ли они его воображения? Он отвел взгляд в сторону, потом опять посмотрел на гребень дюны: игроки были там.

Один из четверки что-то держал в руке; Лэнсингу, несмотря на все старания, не удавалось разглядеть, что именно. Только когда игрок поднял предмет над головой и стал крутить им, Лэнсинг понял, что это моток веревки. Картежники бросали ему веревку! Веревка начала раскручиваться в воздухе. Лэнсинг знал — у него есть только одна попытка, максимум две. Малейшее его движение неизбежно вызовет скольжение песка; если он не поймает веревку с первого раза, он скатится так низко, что длины веревки может не хватить для его спасения.

Веревка будто застыла в воздухе; ее кольца разматывались как при медленной съемке. Конец упал прямо на него —. отличный бросок! Отчаянно рванувшись вверх, Лэнсинг схватил веревку одной рукой, одновременно перевернувшись так, чтобы можно было перехватить ее другой. От резкого движения песок стремительно поехал вниз, но Лэнсинг уже вцепился в веревку мертвой хваткой. Удалось схватиться и второй рукой; веревка натянулась, и с зубодробительным рывком падение Лэнсинга прекратилось. Отчаянно цепляясь за веревку, он стал медленно подтягиваться вверх. Оторваться от поверхности склона и оглядеться Лэнсинг не рискнул; случайность могла вырвать спасительную веревку из его рук.

Фут за футом он приближался к вершине. Наконец он остановился, переводя дыхание, и взглянул наверх. Гребень был пуст; картежники исчезли. Но кто же держит веревку? Перед глазами Лэнсинга возникла ужасная картина: незакрепленный конец веревки и он сам, катящийся вниз по склону. У него перехватило дыхание, он как сумасшедший стал карабкаться наверх, забыв об осторожности. Им владела одна мысль — во что бы то ни стало добраться до гребня дюны.

Перевалив через вершину дюны, Лэнсинг перевернулся на спину и сел, не выпуская веревку из рук. Только закрепившись на надежной поверхности, он решился отпустить ее. Веревка была привязана к одному из тех валунов, что удивили его, когда они с Юргенсом поднимались на гребень.

— Юргенс, — вспомнил Лэнсинг, — о Господи, Юргенс!

В те несколько минут, пока он судорожно карабкался вверх (кто знает, минут или часов?), он начисто забыл о Юргенсе.

Лэнсинг на четвереньках подполз к краю гребня, лег и глянул вниз. Перед ним расстилался длинный ровный песчаный склон. Борозда — свидетельство его отчаянной борьбы — быстро сглаживалась легким ветерком. Еще несколько минут, и ничто не будет напоминать о случившемся.

Никаких следов Юргенса, ничего, что бы отметило его путь вниз по склону. Лэнсинг понял, что потерял своего спутника — робот исчез в той пограничной области, где стена тьмы соприкасалась с песчаной поверхностью.

Лэнсинг вспомнил, что не слышал криков Юргенса; робот не звал его, не просил о помощи. Он молча принял свою судьбу. Робот шел первым. Лэнсинг был уверен, что в этом проявилась забота о нем, человеческом существе, желание оградить его от опасности, от несчастного случая.

Но был ли это несчастный случай? Лэнсинг снова представил себе Юргенса, завороженно смотревшего на поток тьмы, как Сандра на поющую башню. Потом он вспомнил первый шаг робота вперед. На вершине — он должен был это понимать — он находился в безопасности; но страшная и в то же время завораживающая бездна влекла его столь сильно, что он пожертвовал безопасностью ради возможности стать хоть немного ближе к ней.

Заманили ли Юргенса так же, как Сандру? Было ли нечто в черной завесе, чему он не мог противиться? Сделал ли он этот шаг, не ожидая, что тотчас покатится вниз, но приняв случившееся в бессознательной всепоглощающей тяге к влекущей его неизвестности?

Лэнсинг тряхнул головой. Ему не дано узнать это.

Но, продолжал размышлять Лэнсинг, если верно последнее предположение, если Юргенс действовал по своей воле, он делал это для себя, а не для опекаемых им людей. Он вел себя так, как ему хотелось, а не как требовала того его лояльность по отношению к людям. В тот последний миг Юргенс наконец обрел свободу, которую искал.

Лэнсинг медленно поднялся. Он отвязал веревку от камня и начал методично сматывать ее. В этом не было особой необходимости — он вполне мог бросить ее, но ему надо было что-то делать, и он сматывал веревку

Он положил ее на землю и оглянулся, ища картежников. Ни их самих, ни каких-либо следов он не обнаружил. Что ж, решил Лэнсинг, он займется этой проблемой позже. Сейчас у него нет времени ломать голову над загадками. У него есть дело, и он должен выполнить его как можно скорее.

Ему необходимо вернуться к поющей башне, где Мэри сторожит зачарованную Сандру.

Глава 25

Лэнсинг, спотыкаясь, возвращался по следу, оставленному им и Юргенсом. Местами их отпечатки уже были занесены песком, но Лэнсингу удавалось отыскать невдалеке продолжение следа. Позади он все еще слышал рокот, отголоски Хаоса. Что же все-таки, размышлял он, с трудом передвигая ноги, представляет собой Хаос? Хотя теперь это не имело значения. Теперь важно одно — вернуться к Мэри.

Опустилась ночь, и взошла луна — тусклый шар, выплывший с востока; зажглись первые звезды. Лэнсинг упорно продолжал двигаться вперед. Сейчас идти легче, убеждал он себя, ведь он идет под гору. Но почему-то легче не становилось.

Он упал на песок, не в силах идти дальше, перевернулся на спину и нащупал флягу. Вытащить ее он и не успел: его сморил сон.

Разбудили Лэнсинга яркие лучи солнца; он не сразу понял, где он. Приподнялся на локте, огляделся и ничего не увидел, кроме ослепительно сверкающего песка, отражающего солнечное сияние. Он протер глаза. Первая его мысль — нужно идти вперед.

Лэнсинг вскочил. Он еще не вполне проснулся, его слегка пошатывало. Отхлебнув тепловатой жидкости из фляжки, он двинулся дальше. Попутно негнущимися пальцами Лэнсинг вытащил из мешка первую попавшуюся под руку еду и стал жевать на ходу. Ничто не

должно задерживать его продвижения на юг. Онемевшее после сна тело сопротивлялось каждому движению, но Лэнсинг подгонял и подгонял себя, пока не пришел в норму. Горло пересохло, воды осталось совсем немного, приходилось экономить (через несколько часов он вспомнил, что в его рюкзаке есть вторая наполненная фляжка). Впереди него струился песок, переливаясь в палящих лучах солнца. Слишком долго спал, потерял драгоценное время — упрекал себя Лэнсинг.

Время от времени он вспоминал Юргенса, но не часто и мельком. О нем он подумает позже. Важно сосредоточиться на мысли о Мэри, которая ждет его у поющей башни. Но даже эта мысль то и дело ускользала, и в пустоте, затопившей его сознание, Лэнсинг всеми силами удерживал одно стремление — дойти до поющей башни.

Дюны кончились; следы путешественников стали менее отчетливыми, но, благодаря песчаной почве, все же достаточно заметными. Солнце достигло зенита и стало спускаться на запад. Идти стало легче — местность стала ровнее, дюны реже и ниже. Лэнсинг попытался ускорить шаг, но не смог. Максимум, чего ему удалось достичь, — двигаться равномерно. Ничего удивительного, сказал он себе, подходит к концу третий день утомительного путешествия. И все же он злился, что не может ускорить шаг.

Солнце зашло, на востоке зажглись звезды, небо посветлело — всходила луна. Лэнсинг все подгонял себя. Если не останавливаться, если он будет идти всю ночь, с рассветом он придет к поющей башне.

Но тело его подвело. Ноги отказывались повиноваться, и Лэнсинг вынужден был сделать привал. Он спрятался от ветра за маленькую дюну, развязал мешок, достал вторую фляжку с водой и напился, следя за тем, чтобы не выпить слишком много. Лэнсинг умирал с голоду; найдя в рюкзаке вяленое мясо и сыр, он мигом проглотил их.

Теперь нужно немного посидеть, отдохнуть, решил Лэнсинг, но не спать. Через час или чуть больше он снова отправится в путь. Он задремал, а когда проснулся, звезды на востоке уже бледнели на фоне разгорающегося рассвета.

Проклиная себя за слабость, Лэнсинг с трудом поднялся, вскинул на плечи мешок и снова пошел на юг. Он обещал Мэри вернуться не позже, чем через четыре дня; он сдержит свое обещание.

Впереди опять дюны. Лэнсинг уговаривал себя, что должен как можно скорее пройти легкий отрезок пути: в дюнах продвижение неизбежно замедлится.

И чего сходить с ума? — подумал Лэнсинг. Спешить особенно незачем. С Мэри все в порядке. Она ждет меня. Но рассуждения не успокаивали; он по-прежнему старался идти быстрее.

Вскоре после полудня он добрался до места, где они нашли сломанный самоход. Череп, с его сверкающим на солнце золотым зубом, по-идиотски осклабился навстречу. Лэнсинг не стал задерживаться.

Он штурмовал дюны с неистовством берсерка. Еще несколько часов, убеждал он себя. К закату он доберется до башни и прижмет Мэри к груди.

Через час или около того с вершины одной из самых высоких дюн он мельком увидел башню; она заставила его ускорить шаги.

Все время, пока Лэнсинг боролся с пустыней, его преследовало видение: он подходит к лагерю, и навстречу ему, раскрыв объятия, радостно крича, выбегает Мэри.

Однако она не выбежала встречать его. Над кострищем не курился дымок. Не было никого, даже Сандры.

Он вбежал в лагерь и увидел Сандру. Она лежала, прижавшись к основанию поющей башни. Тело ее было неподвижно. Лишь ветер шевелил ее шарф.

Лэнсинг остановился, покачиваясь. Ледяная рука страха сжала сердце, и его охватила паника.

— Мэри! — закричал он. — Мэри, я вернулся! Где вы?

Мэри не отвечала. Никто не отвечал.

Сандра должна знать, сказал себе Лэнсинг. Кажется, она уснула; он разбудит ее, и она ему все расскажет.

Он опустился на колени рядом с Сандрой и осторожно потряс ее за плечо. Что-то было не так — она ничего не весила. Он еще раз потряс ее и опрокинул навзничь, чтобы увидеть лицо. Иссохшее лицо мумии.

Лэнсинг отдернул руку; голова Сандры упала. Мертва, подумал он, будто уже тысячу лет мертва. Безжиз-

ненная высохшая оболочка, из которой улетучилось все, что было личностью Сандры.

Лэнсинг поднялся и огляделся. Проковыляв к кострищу, он потрогал пепел. Тот оказался холодным. Порылся в золе; ему не удалось обнаружить углей. Рядом с давно остывшим кострищем лежал вещевой мешок. Скорее всего, он принадлежал Сандре. Рюкзака Мэри не было.

Лэнсинг заставил себя сесть. Шок притупил восприятие, он не чувствовал ни горя, ни ужаса — вообще ничего.

Сандра мертва. Мэри исчезла. Костер, размышлял он, костер полностью прогорает не меньше чем за несколько часов. Значит, Мэри ушла давно.

Его чувства ожили, и тотчас нахлынул страх. Усилием воли Лэнсинг поборол его.

У него нет времени на панику и страх. Спокойно сесть и подумать, собрать вместе отдельные кусочки и попытаться восстановить картину того, что здесь произошло.

Лагерь пуст. Джоргенсона и Мелиссы нет, но это еще ничего не значит. Они могут опоздать. Они договорились вернуться через четыре дня, а четвертый день еще не кончился.

Сандра умерла, причем, похоже, уже давно. Но это невозможно. Четыре дня назад, даже меньше четырех дней назад, она была жива. Это башня высушила ее, подумал Лэнсинг без особой логики и с внезапным ожесточением. Башня высосала ее. Возможно, Сандра добровольно отдала себя башне, заплатив таким образом за открывшееся ей ощущение прекрасного.

Мэри ушла, но не похоже, чтобы это было паническим бегством. Исчез ее мешок. Она взяла его и ушла. Но почему она не оставила ему какого-нибудь знака? Например, записки под камнем?

Лэнсинг тщательно обыскал территорию лагеря и ничего не нашел. Он повторил поиски, и опять безуспешно.

Она могла пойти на север, навстречу ему и Юргенсу, рассуждал он. Или на запад, в надежде найти Джоргенсона и Мелиссу; второй вариант менее вероятен, поскольку она недолюбливала их обоих. Наконец, Мэри могла вернуться в гостиницу и ждать его там.

Начнем с первого предположения, решил Лэнсинг, удивляясь своей способности рассуждать трезво. Первым делом он обследует подходы к дюнам — нет ли там ее следов. Если Мэри пошла на север, не исключено, что она нашла их следы и идет по ним, но в таком случае он встретил бы ее на обратном пути, поскольку след в след повторил свой маршрут.

Тем не менее Лэнсинг осмотрел подходы к дюнам. Никаких следов, кроме оставленных им и Юргенсом. Он придирчиво вглядывался во все отметины на земле — не проходил ли здесь третий человек. Но цепочка следов отмечала их с Юргенсом путь на север и его одинокое возвращение. Никто другой здесь не проходил.

Приближалась ночь. Лэнсинг вернулся в лагерь. Некоторое время постоял, размышляя и пытаясь принять какое-нибудь решение. Наконец сделал выбор, хотя он дался нелегко. Пытаясь подавить чувство вины, Лэнсинг убеждал себя — это единственное, что можно сделать.

Он дошел до предела. Четыре дня он был в пути, почти не спал. Ему нужно прийти в себя. Он не поможет ни Мэри, ни себе, если ринется вперед, полумертвый от недосыпания, заторможенный, неспособный воспринимать что-либо. До утра должны вернуться Джоргенсон и Мелисса, они подключатся к поиску. Впрочем, последнее соображение не существенно: Лэнсинг, как и Мэри, был об этой паре невысокого мнения, серьезной помощи от них ждать не стоит.

Он нашел дрова и развел костер. Сварил кофе, пожарил бекон, испек оладьи и открыл банку яблочного пюре. Впервые за последние дни Лэнсинг поел как следует.

Мысль о Мэри не покидала его, однако Лэнсинг твердо сказал себе, что с ней все в порядке. Не важно, где именно она сейчас, но она в безопасности. Однако избавиться от страха и беспокойства ему удавалось не вполне.

Что же заставило ее уйти? Какой бы ни была причина, только чрезвычайные обстоятельства могли вынудить Мэри не дожидаться его. Лэнсинг стал перебирать в уме возможные варианты. Бесполезно, только оживали страхи, и Лэнсинг старался отогнать мысли о плохом.

Непонятно было и что делать с Сандрой. Должен ли он похоронить ее, вырыв яму, засыпав тело землей, и

произнести над могилой несколько неуклюжих и ненужных слов? По какой-то причине, которой он не мог объяснить себе, ему казалось, что этого не надо делать, что прикасаться к Сандре кощунственно. Пусть она останется там, где есть, — высохшая (священная?) жертва у подножия поющей башни. Он задумался над этим; решение не имело смысла, и все же в нем присутствовала некая безумная, труднопостижимая логика. Чего хотела бы Сандра? — спросил он себя и не нашел ответа. Он недостаточно знал Сандру. Жаль, подумал Лэнсинг. Может быть, о всех своих спутниках он знает слишком мало, меньше, чем должен бы. А ведь они много дней были рядом. Сколько же нужно быть вместе, гадал Лэнсинг, чтобы понять человека?

Из шестерых, отправившихся в путь, четверо погибли; остались они с Мэри. Теперь исчезла и Мэри, но он найдет ее, сказал себе Лэнсинг, обязательно найдет.

После ужина он залез в спальник и уже стал засыпать, когда его разбудили вдруг стенания Воющего. Зверь был неблизко; звуки неслись со стороны дороги, но в тишине ночи вой казался громким.

Лэнсинг приподнялся на локте и прислушался. Вспомнилась первая ночь их путешествия на север, когда он услышал вой и спросил о нем Юргенса, а тот ответил, что ничего не слышит.

Стенания смолкли. Лэнсинг снова лег, натянув спальный мешок на голову, но объявился Вынюхивающий и начал свой обход лагеря. Лэнсинг тихо заговорил с ним, существо не ответило, хотя продолжало сопеть. Так под это сопение он и заснул.

Глава 26

Лэнсинг второй день шел к гостинице. Рано утром на гребне холма недалеко от дороги появился Воющий. Зверь бежал неторопливой трусцой, не отставая и не обгоняя человека. Когда Лэнсинг случайно замедлил шаги, Воющий уселся и со скучающим видом стал поджидать его. В другой раз Лэнсинг немного обогнал своего попутчика, но тот, легко перейдя на голоп, вскоре нагнал его.

Лэнсингу от этого соседства было немного не по себе, хотя он старался не выказывать беспокойства. Делал вид, будто не замечает Воющего, но искоса поглядывал на зверя, стараясь не выпускать его из поля зрения. Рано или поздно, убеждал себя Лэнсинг, Воющему надоест эта игра и он убежит прочь. Воющий, похоже, не разделял его точки зрения.

Огромный зверь еще больше напоминал волка, чем тогда, ночью. Выглядел он подозрительно. Лэнсинг подумал, что он похож на отъявленного мерзавца. Воющий не проявлял враждебности, но нельзя было поручиться, что так будет и впредь. В любой момент он мог превратиться в свирепого хищника. Лэнсинг расстегнул ножны, чтобы нож был под рукой, хотя прекрасно понимал, что от оружия толку будет мало.

Мэри, подумал Лэнсинг. Может, громадный хищник выгнал ее из лагеря? Напугал ее? И куда она отправилась? И отправилась ли куда-нибудь? Может, Воющий,

поиграв с ней в те же глупые игры, что и с Лэнсингом, в конце концов напал? Лэнсингу стало дурно от одной этой мысли.

Если, испугавшись зверя, Мэри бежала, без сомнения, она должна была направиться в гостиницу: только там она могла надеяться на убежище. Великий Боже, взмолился Лэнсинг, помоги ей добраться!

Животное приблизилось; спускаясь по склону, оно завиляло хвостом (Лэнсинг помнил, что волки никогда не виляют хвостом); углы его рта приподнялись в улыбке, обнажив множество зубов. Стараясь держаться на расстоянии, Лэнсинг был вынужден сойти с дороги. Воющий пересек дорогу; он шел не прямо на человека, но, все приближаясь, теснил его на юго-восток.

Игра длилась уже несколько часов. Солнце достигло зенита и стало клониться к западу. Лэнсинг знал, что впереди должна быть река, она текла с запада и впадала в русло, вдоль которого они шли в бедлендах. На месте слияния двух рек стояла гостиница. Зверь не должен заставить его перейти реку, иначе Лэнсинг никогда не попадет в гостиницу; зверь будет теснить его все дальше и дальше, пока человек не упадет от изнеможения.

Ближе к вечеру, поднявшись на вершину невысокого холма, Лэнсинг увидел реку и спустился к ней. Дойдя до воды, он оглянулся. До Воющего не более пятидесяти футов. Лэнсинг вынул нож и остановился в ожидании.

— Ну, и что же дальше? — поинтересовался он у хищника.

Воющий был огромен — в плечах футов десять. Опустив голову и вытянув морду, он медленно приближался к Лэнсингу; один шаг, другой. Косматое существо выглядело неряшливым: как неубранная постель, подумал Лэнсинг. И, Бог мой, до чего же огромен! Стоит ему разок щелкнуть челюстями — и конец.

Лэнсинг сжал нож, но не поднимал оружие. Он не сделал ни единого движения, наблюдая за зверем. Воющий подходил все ближе и ближе. Он уже совсем рядом; он поднял морду и зарычал.

Сделав над собой усилие, Лэнсинг остался недвижим. Где-то на границе сознания возникла смутная мысль: а что, если он пошевелится? Как ни странно, ему удалось сохранить неподвижность.

Хищник сделал еще шаг вперед. Теперь его морда всего в футе или около того от человека. Он уже не

рычал. Все еще сжимая нож, Лэнсинг положил руку на голову зверя. Лохматое существо расцвело от удовольствия. Оно придвинулось ближе и уткнулось носом в грудь Лэнсинга; от толчка тот чуть отступил назад. Лэнсинг погладил морду и почесал зверя за ухом. Воющий повернул голову, подставляя ухо.

Лэнсинг чесал зверя за ухом, Воющий застыл от удовольствия. Он издал горловой звук и слегка толкнул человека, нежно прижимаясь к нему.

— Ну хватит, — решительно произнес Лэнсинг. — Не могу же я гладить тебя весь день. Мне надо идти.

Словно бы поняв смысл его слов, Воющий заворчал. Лэнсинг вынужденно сделал еще один шаг назад, в воду. Осторожно убрав руку с массивной головы, он повернулся и пошел вброд через реку.

Вода была ледяной, но он шел вперед не оборачиваясь, пока не достиг середины потока; вода доходила ему до колен. Тут он оглянулся: зверь с несчастным видом стоял на берегу и смотрел ему вслед. Потом он подошел к речке, опустил лапу в воду, но тут же отдернул и потряс ею.

Лэнсинг рассмеялся и продолжил переправу. Выбравшись на сухое место, он опять оглянулся. Зверь все еще стоял на другом берегу. Увидев, что Лэнсинг остановился и смотрит на него, Воющий сделал два шага в воду, но отпрыгнул назад и отряхнулся.

— Прощай, друг, — сказал Лэнсинг и быстро пошел вниз по течению. Обернулся он, пройдя полмили. Зверь так и не перешел реки. По-видимому, холодная вода ему не понравилась.

Лэнсинг торопился. На всякий случай, решил он, будет нелишним увеличить расстояние между ним и Воющим. Зверь не принадлежал к тем, кто вызывает доверие.

Солнце зашло, но Лэнсинг не спешил с ночлегом. Он шел вперед, то и дело переходя на бег. Луна заливала безлюдную местность холодным белым светом. На востоке журчал поток.

На рассвете Лэнсинг остановился, развел костер, сварил кофе и поел немного. Ничто не напоминало о Воющем.

Лэнсинг очень устал и хотел спать, но поднялся и заставил себя продолжить путь. Когда он добрался до гостиницы, солнце поднялось уже высоко. Зал пуст, в

нем было темно и промозгло. Огонь в очаге не горел. И картежников за столом не было.

Никто не отозвался на зов Лэнсинга. Он пересек комнату и в изнеможении упал в кресло у потухшего камина.

Спустя некоторое время из кухни появилась круглолицая хозяйка в клетчатом переднике.

— О, — воскликнула она, — это опять вы!

— Сюда приходила молодая женщина? — прохрипел Лэнсинг. — Вчера или позавчера?

— Да, точно, была.

— А где она теперь?

— Она ушла. Сегодня утром. Рано утром.

— А вы не заметили, куда она пошла? В каком направлении?

— О нет, сэр. Я была занята.

— Она что-нибудь просила передать? Может, оставила записку?

— Кажется, да, — кивнула женщина. — Я ее спрятала. Сейчас принесу.

Хозяйка торопливо вышла; Лэнсинг ждал. Через некоторое время женщина вернулась и поставила на стол перед Лэнсингом бутылку и кружку.

— Не знаю, что произошло, — сказала она. — Я не могу найти записки. Должно быть, я засунула куда-то.

Лэнсинг вскочил на ноги.

— Что значит засунули? — закричал он. — Вам ее дали только сегодня утром!

— Право, не знаю, как это получилось, сэр.

— Ну так поищите еще. Посмотрите как следует.

— Я всюду смотрела. Ее нет там, куда я ее положила. Ее нигде нет.

Лэнсинг рухнул в кресло. Хозяйка протянула ему кружку.

— Я разведу огонь, чтобы вы согрелись, и чего-нибудь приготовлю вам. Вы, наверное, голодны.

— Да, голоден, — пробурчал Лэнсинг.

— У леди, — начала хозяйка, — не было денег...

— Черт возьми, — снова перешел на крик Лэнсинг, — я заплачу за нее! Вы уверены насчет записки?

— Вполне, сэр.

Лэнсинг отхлебнул из кружки, с угрюмым видом наблюдая, как хозяйка возится у камина.

— Вы останетесь на ночь? — поинтересовалась она.

— Да, — кивнул он. — Я уйду рано утром.

«Куда могла пойти Мэри? — мучительно размышлял Лэнсинг. — Обратно к поющей башне дожидаться моего возвращения? Или через бедленды назад в город? Нет, не в город, конечно, не в город. Хотя, почему бы нет? Маловероятно, но возможно. Ей могло прийти в голову еще раз поискать в городе. Они чего-то не заметили там, и она решила вернуться. Но почему она не подождала здесь, вот вопрос. Она наверняка догадывалась, что я последую за ней».

Лэнсинг сидел, задумчиво перебирая варианты. Когда хозяйка принесла поесть, он уже принял решение. Он пойдет к поющей башне. Если Мэри там нет, он еще раз вернется в гостиницу, а затем отправится в город. Если ее нет и в городе, он пойдет к кубу. Он помнил, Мэри считала, что разгадка заключена в кубе.

Глава 27

До башни оставалось еще несколько часов пути, когда он заметил идущих навстречу ему Джоргенсона и Мелиссу. Воющего видно не было.

— Господи, — воскликнул Джоргенсон, — как я рад, что мы вас нашли! У башни никого.

— Никого, кроме Сандры, а она мертва, — уточнила Мелисса.

— А где двое остальных? — спросил Джоргенсон.

— Юргенс пропал в Хаосе, — ответил Лэнсинг, — а я пытаюсь найти Мэри. Вы уверены, что не видели ее следов?

— Абсолютно, — твердо заявил Джоргенсон. — Где, вы думаете, она может быть?

— Она побывала в гостинице. Я предположил, что она может вернуться к башне. Коль скоро это не так, вероятно, она направилась в город.

— Она должна бы оставить для вас сообщение, — сказала Мелисса, — вы же близкие друзья.

— Да, она оставила записку, но хозяйка не нашла ее. Говорит, что потеряла.

— Странно, — заметил Джоргенсон.

— Да, очень странно. Кажется, здесь все против нас.

— А что случилось с Юргенсом? — спросила Мелисса. — Он мне нравился. Добрая душа.

Лэнсинг коротко рассказал о случившемся.

— А что на западе? — в свою очередь поинтересовался он. — Вы что-нибудь нашли?

— Нет, ничего, — покачал головой Джоргенсон. — Мы задержались еще на два дня в надежде обнаружить хоть что-то. Засушливая местность, не совсем, но почти пустыня. У нас были проблемы с водой, но мы обошлись.

— Пустая земля, — присоединилась Мелисса, — пусто на протяжении многих миль.

— В конце концов, — продолжал Джоргенсон, — мы достигли края возвышенности, причем только тогда и поняли, что шли по возвышенности. Перед нами оказался крутой обрыв, а за ним, насколько хватал глаз, раскинулась пустыня. Настоящая пустыня — песок, и ничего больше. Она уходила вдаль, за горизонт, и была еще более пустынной, чем та местность, что мы пересекли. Мы вернулись.

— Хаос на севере и ничего на западе, — подытожил Лэнсинг. — Остается юг, но на юг я не пойду. Я возвращаюсь в город — думаю, Мэри там.

— День уже на исходе. Почему бы не разбить лагерь, — предложил Джоргенсон. — Выйдем утром. Решим, что нам делать, и утром выступим.

— Не возражаю, — ответил Лэнсинг. — Нет смысла идти к башне, если вы только что оттуда. Расскажите мне о Сандре. Вы похоронили ее?

Мелисса отрицательно покачала головой.

— Мы не смогли. Нам показалось, что было бы неверно хоронить Сандру. И мы решили не трогать ее. Она как мумия. По-моему, она умерла именно так, как хотела. Мы подумали, что лучше оставить все, как есть.

Лэнсинг кивнул.

— Я рассудил так же. Я даже не был уверен, что она умерла. Мне показалось, ее жизнь, ее дух унеслись куда-то, оставив ненужную иссохшую оболочку.

— Думаю, вы правы, — согласилась Мелисса. — Не могу выразить этого словами, но чувствую, что так и было. Сандра была не похожа на нас и держалась особняком. То, что правильно для нас, вполне могло не быть правильным для нее.

Они развели костер, приготовили еду, сварили кофе и, присев на корточки вокруг костра, принялись за ужин. Вышла луна, высыпали звезды; одинокая ночь вступила в свои права.

Лэнсинг держал кружку с кофе обеими руками и время от времени отпивал из нее. Его мысли вернулись к Хаосу и Юргенсу; в первую очередь к Юргенсу. Мог ли он что-нибудь сделать для спасения робота, спрашивал себя Лэнсинг. Если бы он соображал быстрее, сумел бы он перехватить друга, летевшего вниз вместе с песком, вытащить его в безопасное место? Он не видел такой возможности и все же не мог отделаться от чувства вины. Конечно, он пытался помочь роботу, он рискнул ступить на зыбучую поверхность обрыва, и все же этого было мало. Он предпринял попытку, она провалилась, и из-за неудачи он чувствовал себя виноватым, хотя и сам чуть не погиб. А что с Юргенсом? Куда он попал, где он сейчас? Он, Лэнсинг, не оказал другу даже любезности посмотреть, куда тот исчез. Он был занят собственным спасением, хотя должен был каким-то образом узнать, что происходит с Юргенсом. Похоже, угрюмо подумал Лэнсинг, он кругом виноват и никуда не денешься от чувства вины.

Вероятнее всего, Юргенс катился вниз, не в силах остановить скольжение, пока не достиг места, где черный занавес ревущего Хаоса (чем бы ни был Хаос!) соприкасался с песком. Что случилось потом? Что проговорил Юргенс перед тем, как сорвался вниз? Конец всему. Прощай, Вселенная. Все поглощает тьма. Что знал Юргенс? Или это были только слова? Что он мог знать?..

Странным образом, подумал Лэнсинг, исчезали его спутники. Пастор ушел через дверь. Генерал был захвачен (захвачен ли?) двумя рядами напевающих машин. Поющая башня высосала жизнь из Сандры. Юргенс скатился в Хаос. И, наконец, Мэри — Мэри ушла. Но Мэри еще не пропала — по крайней мере, он надеялся на это, — она не исчезла подобно остальным. С Мэри еще не все потеряно.

Его размышления прервал Джоргенсон.

— Лэнсинг, вы так глубоко задумались.

— Я размышлял о том, что же нам делать утром, — откликнулся Лэнсинг.

Это было неправдой, но что он мог ответить Джоргенсону?

— Полагаю, нужно идти в город, — сказал Джоргенсон. — Вы ведь сами предложили это.

— Пойдете со мной? — спросил Лэнсинг.

— Я не вернусь в город, — заявила Мелисса, — я была там и...

— Вы не пойдете в город, вы не пойдете на север, — раздраженно прокомментировал Джоргенсон. — Не слишком ли много мест, куда вы отказываетесь идти? Клянусь Богом, с меня хватит. Еще немного, и я оставлю вас одну. Мне надоели ваши капризы.

— Думаю, мы сэкономим время, если пойдем напрямик, — сказал Лэнсинг.

— Что значит напрямик?

— Посмотрите, — Лэнсинг поставил кружку и, разровняв песок, стал рисовать пальцем карту. — Покинув город, мы шли по дороге через бедленды. Двигались к западу, а в основном на север. После гостиницы мы пошли прямо на запад, к башне. По-моему, есть более короткий обратный путь.

Лэнсинг провел линию, обозначавшую дорогу через бедленды, а под прямым углом к ней другую — их путь между гостиницей и башней. Затем он начертил прямую, соединяющую башню и город.

— Если идти так, будет короче. Видите, дороги образуют треугольник. Вместо того чтобы идти вдоль двух катетов, можно идти по гипотенузе. Прямо на юго-запад.

— Мы опять попадем в незнакомые нам места, — запротестовал Джоргенсон. — Да и дороги там нет. Мы заблудимся в бедлендах.

— Можно проверять курс по компасу. И не исключено, что бедленды не простираются так далеко на запад. Этот путь короче.

— Ну, не знаю, — пробормотал Джоргенсон.

— Зато я знаю и пойду именно так. Вы присоединитесь ко мне?

Джоргенсон колебался.

— Мы пойдем с вами, — наконец решился он.

Они вышли рано на рассвете. Через час или около того путешественники пересекли текущую на восток реку; в нескольких милях ниже по течению стояла гостиница. Они воспользовались бродом и почти не промокли.

Характер местности стал меняться. Отлогий склон, берущий начало у реки, незаметно переходил в холмы; они поднимались все выше и выше. Пустыня отступала. Песок сменяла трава. Появились деревья; их становилось все больше, а сами они все выше. Между холмами

лежали небольшие долины. Крошечные кристально чистые ручьи искрясь бежали среди скал.

К концу дня путешественники поднялись на вершину самого высокого холма. Перед ними лежала широкая долина — значительно больше тех, что они видели раньше. Она была покрыта пышной растительностью, деревья сбегали к большой реке, протекавшей далеко внизу. А ближе, в западном конце долины, в небо спирально поднимались несколько тоненьких струек дыма.

— Люди! — воскликнул Джоргенсон. — Там должны быть люди!

Он рванулся вперед, но Лэнсинг остановил его.

— В чем дело? — спросил Джоргенсон.

— Не надо нестись сломя голову.

— Говорю же вам, там люди!

— Вероятно. Но все равно не стоит спешить, равно как и подкрадываться к ним. Дадим им знать, что мы здесь, пусть у них будет возможность присмотреться к нам.

— Все-то вы знаете, — усмехнулся Джоргенсон.

— Не все, — спокойно ответил Лэнсинг, — но во мне говорит здравый смысл. Нужно дать им возможность рассмотреть нас или без шума обойти их и идти дальше.

— Мы должны пойти к ним, — заявила Мелисса. — Мэри может быть там. Или они что-нибудь знают о ней.

— Маловероятно, — возразил Лэнсинг. — Я уверен, она пошла в город и не могла попасть сюда.

— Мы идем туда! — В голосе Джоргенсона зазвучали воинственные нотки. — Может быть, там кто-нибудь знает, что происходит. Фактически это первая реальная возможность что-то узнать.

— Ну что ж, — уступил Лэнсинг, — пошли.

Они спустились с холма и стали медленно продвигаться по долине в направлении дымов. Их заметили, кто-то закричал, забил тревогу. Трое путешественников остановились и стали ждать. Спустя короткое время они увидели небольшую группу людей — человек десять или около того. Трое мужчин двинулись навстречу пришельцам.

Лэнсинг разглядывал троицу. К ним приближался старик с седыми волосами и бородой. Двое его спутников были моложе — блондин с бородой соломенного

цвета и светлыми волосами, спадающими на плечи, и угрюмый смуглолицый темноволосый человек, без бороды, но лицо покрыто густой щетиной. Одеты они были в лохмотья, локти торчали наружу, на коленях дыры, кое-где неумело зашитые. На старшем из мужчин было надето нечто напоминавшее жилет из меха кролика.

Троица остановилась в нескольких шагах от путешественников. Желтоволосый человек заговорил.

— Что за дикарский язык! — воскликнул Джоргенсон. — Почему он не говорит по-английски?

— Иностранный, а не дикарский, — поправил его Лэнсинг. — Немецкий, полагаю... Кто-нибудь из вас знает английский?

— Я знаю, — ответил старик, — я и еще двое в лагере. Ваша догадка верна. Мой юный друг говорит на немецком. Пьер знает французский. Я сносно понимаю и тот и другой. Меня зовут Аллен Корри. Могу предположить, что вы идете от башни. Должно быть, вы заблудились.

— Мы направляемся в город, — ответил Лэнсинг.

— Зачем? — поинтересовался Корри. — Там ничего нет.

— Он разыскивает потерявшуюся подружку, — ответил за Лэнсинга Джоргенсон. — Он решил, что она пошла туда.

— В таком случае, — повернулся Корри к Лэнсингу, — от души желаю вам найти ее. Вы знаете, как туда добраться?

— Думаю, нам нужно идти на юго-запад, — сказал Лэнсинг.

— Да, вы правы, — подтвердил Корри.

— Вам что-нибудь известно о землях, лежащих в том направлении?

— Только о ближайших, в нескольких милях. Мы стремимся держаться поближе к лагерю.

— Вероятно, вы такие же люди, как и мы. Не знаю, как нас назвать, никогда не задумывался. Люди, которые были перенесены сюда.

— Да, часть их, — кивнул Корри. — Может быть, есть и еще. Где они находятся, мы не знаем. Вы понимаете, выжили немногие. Нас, уцелевших, тридцать два человека. Двенадцать мужчин, остальные женщины. Некоторые из нас живут здесь уже несколько лет.

Темноволосый француз что-то сказал Корри, тот повернулся к Лэнсингу.

— Прошу меня извинить. Я забыл о хороших манерах. Не будете ли вы так любезны пройти в лагерь и присоединиться к нам? Скоро стемнеет, и ужин вот-вот будет готов. Нас ждет большой котелок с тушеным кроликом и много жареной рыбы. Наверное, еще и салат. Правда, соус давно кончился, и приходится заменять его горячим жиром. Но должен сразу вас предупредить — у нас мало соли, хотя мы давно привыкли к ее отсутствию.

— Ничего страшного, — откликнулась Мелисса. — Мы с радостью принимаем ваше приглашение.

Обогнув группу деревьев, они увидели кукурузное поле с несколькими неубранными скирдами. За полем, на берегу маленькой бухточки, образованной изгибом речного русла, стояло несколько грубых хижин и ветхих, потрепанных палаток. Люди в ожидании столпились у костров.

Корри жестом указал на поле.

— Весьма жалкое зрелище, но мы стараемся ухаживать за посевами, и урожай дает нам возможность пережить холода. Кроме того, у нас довольно большой сад. Миссис Мэйсон обеспечила нас семенами.

— Миссис Мэйсон? — не поняла Мелисса.

— Это хозяйка гостиницы, — пояснил Корри. — Жадное существо, но согласилась сотрудничать с нами. Иногда она присылает к нам новичков — таких же, как мы, бедолаг, которым некуда податься. Хозяйка не хочет держать их в гостинице без денег. Тем не менее наша численность почти не меняется. Смерть посещает нас, особенно в зимние месяцы.

— А обратного пути нет? — спросил Джоргенсон. — Разве нельзя вернуться в те миры, из которых пришли?

— Нам это не удалось, — ответил Корри. — Впрочем, не могу сказать, чтобы мы активно искали дорогу назад. Пытались найти выход немногие, большинство же просто смирилось со своей участью.

Путешественники вошли в лагерь во время вечерней трапезы. Трое прибывших сели вместе с хозяевами вокруг костра. Ужин состоял из тушеного кролика, горячего овощного рагу и хрустящей жареной рыбы. Ни

кофе, ни чая, только вода. Салата, который обещал Корри, тоже не оказалось.

Жители лагеря (Лэнсинг пытался пересчитать их, но сбился со счета), подходили пожать руки гостям. Большинство из них говорили на непонятных языках, некоторые на ломаном английском. Для двоих, не считая Корри, английский язык был родным. Ими оказались женщины, и вскоре они сидели рядом с Мелиссой и отводили душу в болтовне.

Еда, хоть и без соли, была вкусной.

— Вы сказали, что у вас мало соли, — обратился Лэнсинг к Корри. — Наверное, вам необходимы и другие вещи. Но миссис Мэйсон снабдила вас семенами. Почему бы не приобретать у нее соль и вообще все необходимое?

— О, это было бы замечательно, — откликнулся Корри, — но у нас нет денег. Наша казна истощилась. Вероятно, вначале мы тратили больше, чем следовало.

— У меня еще остались деньги, — сообщил Лэнсинг. — Что, если я сделаю взнос в общий фонд?

— Мне не хотелось бы просить у вас, но если вы отдаете деньги по доброй воле...

— Я вполне могу расстаться с небольшой суммой.

— Вы не останетесь с нами? Мы рады вам.

— Как я уже говорил, я иду в город.

— Да, я помню.

— С удовольствием переночую у вас, — улыбнулся Лэнсинг, — а утром пойду дальше.

— Может быть, вы еще вернетесь.

— Вы имеете в виду, если не найду Мэри?

— Даже если найдете. В любое время мы будем рады видеть вас обоих.

Лэнсинг окинул взором лагерь, место, где ему вовсе не улыбалось селиться. Жизнь здесь, должно быть, была тяжелой. Бесконечный труд — рубить и приносить дрова, ухаживать за садом и кукурузным полем. Бесконечное добывание пищи. Несомненно мелкое соперничество вследствие несходства характеров, возможно даже, непрекращающиеся ссоры.

— Наш образ жизни примитивен, — сказал Корри, — но мы недурно справляемся. Можно ловить рыбу, в долинах и холмах полно дичи. Среди нас много искусных охотников — здесь много кроликов. Два года назад случилась засуха, пришлось тяжело — мы

очень много работали, носили воду для сада и поля из реки, но выдержали, и урожай был очень хорошим.

— Удивительно, — сказал Лэнсинг, — вы ведь такие все разные. Я думаю, что вы разные.

— Очень разные, — ответил Корри. — В своей прошлой жизни я был дипломатом. Среди нас есть геолог, фермер, которому в его мире принадлежали тысячи акров земли, высококвалифицированный бухгалтер, известная и когда-то очень популярная актриса, выдающийся историк, работник социальной службы, банкир... Я могу долго перечислять.

— Скажите, у вас и у других было время на размышления. Вы поняли, почему мы все оказались здесь?

— Пожалуй, нет. На эту тему много спекуляций, но ничего основательного. Кто-то уверен, что знает, но я уверен в обратном. Есть люди, которым нужно считать себя правыми всегда. Это придает им уверенность, им кажется, что они знают все, в то время как другие бродят в темноте.

— А вы? Вы сами?

— Я один из тех, на ком лежит проклятие — видеть обе стороны, а то и много сторон проблемы. Как дипломат я должен обладать этой способностью. Я считаю необходимым быть честным перед собой, я не позволяю себе обманывать себя.

— И вы не пришли ни к какому заключению?

— Нет, не пришел. Все по-прежнему осталось тайной — как и в день прибытия.

— Что вам известно о местности, что лежит между этой долиной и городом? Там тоже бедленды?

— Там, где мы были, местность пересеченная и холмистая. Холмы в основном покрыты лесом. Но идти там легко. Про бедленды я не знаю. Наверное, они лежат дальше к востоку.

— Вы удовлетворены тем, что имеете? Вы не стремились обследовать окрестности?

— Ну, не сказать, чтобы вполне удовлетворены. Но что делать? Кое-кто ходил на север, к Хаосу. Вы там не были?

— Я был. Там погиб мой хороший друг.

— Северное направление закрыто для нас. Пройти через Хаос нельзя. Я не знаю, что это, но он перекрывает дорогу. На сотни миль за башней нет ничего, кроме безжизненной пустыни. На юг, сколько нам удалось

разведать, тоже идти бесполезно. А вы опять идете в город. Надеетесь найти что-то, что упустили раньше?

— Нет, — ответил Лэнсинг, — я иду искать Мэри. Я должен ее найти. Мы единственные, кто уцелел из нашего отряда, остальные четверо погибли.

— А те двое, что пришли с вами?

— Они были с нами не с самого начала. Они из другой группы. Мы повстречали их в гостинице.

— Они кажутся славными людьми. Вот, кстати, и они.

Лэнсинг поднял глаза и увидел Джоргенсона и Мелиссу. Джоргенсон, подойдя, опустился на корточки перед Лэнсингом. Мелисса осталась стоять.

— Мы с Мелиссой хотим сказать вам кое-что, — сказал Джоргенсон. — Нам очень жаль, но мы не пойдем с вами. Мы решили остаться здесь.

Глава 28

Наверное, это и к лучшему, подумал Лэнсинг. Путешествовать в одиночку проще и быстрее. С утра он уже прошел большое расстояние — гораздо больше, он был уверен, чем если бы те двое шли с ним. К тому же он не испытывал особой симпатии к ним. Мелисса вечно жаловалась и капризничала, Джоргенсон тоже был малоприятен.

Лэнсинг жалел о расставании с Корри. Они провели вместе несколько часов, но старик ему очень понравился. Лэнсинг отдал ему больше половины оставшихся денег и с чувством пожал руку на прощание. Принимая подарок, Корри был трогательно вежлив. Он благодарил не только от своего имени, но и от имени всей колонии.

— Я распоряжусь неожиданно свалившимся сокровищем к общей пользе. Уверен, что каждый бы лично поблагодарил вас, если бы мог.

— Не придавайте деньгам такого значения. Может мы с Мэри еще присоединимся к вам.

— Для вас всегда найдется место у огня. Но я от всей души надеюсь, что вам не придется возвращаться. Может быть, вам удастся найти выход. Должен же кто-то его найти. Я был бы рад, если бы вам повезло.

Не заговори Корри на эту тему, Лэнсинг вряд ли стал бы думать об этом. Он давно отказался от всякой

надежды. Теперь он хотел одного — найти Мэри и вдвоем достойно встретить все, что бы их ни ожидало.

Лэнсинг обдумывал свое положение. Корри, он видел, более оптимистичен на словах, чем в душе, но вопрос оставался открытым — есть ли хоть какая-то надежда? Логика подсказывала, что шанс невелик, и Лэнсинг слегка презирал себя за то, что эта мысль его еще занимает. И все же глубоко в душе он обнаруживал маленький, слабый проблеск надежды.

Идти было сравнительно легко. Крутые холмы покрывал лес, но почти без подлеска. С водой никаких проблем — то и дело попадались небольшие ручьи и родники на склонах холмов.

К вечеру он добрался до бедлендов. Однако это был не тот «красочный» кошмар, что обнаружили путешественники по пути из города. Эрозия только началась, и процесс образования бедлендов остановился. Неукротимые водные потоки еще не завершили здесь свою работу — ливни прекратились и эрозия тоже. Лэнсинг обнаружил небольшие заливные луга, немногочисленные глубокие русла потоков, зародыши тех фантастических форм, что, будучи завершенными, создали бы настоящие бедленды, — казалось, скульптор отбросил резец и молот, разочаровавшись в работе или охладев к ней прежде, чем творение было завершено.

— Завтра, — вслух сказал Лэнсинг, — завтра я дойду до города.

Действительно, на следующий день, когда солнце миновало зенит, он добрался до города. Лэнсинг стоял на вершине холма и смотрел на открывшуюся панораму. Может быть, думал он, внизу его ждет Мэри — сама мысль об этом заставила его задрожать. Лэнсинг сбежал с холма и разыскал улицу, ведущую к центру. Все вокруг выглядело так же, как и прежде — красные облупившиеся стены, разрушенные каменные блоки, загромождающие улицы, повсюду толстый слой пыли.

На площади он остановился. Слева виден полуразрушенный фасад так называемого административного здания с его единственной уцелевшей башней, а по боковой улице можно было выйти к поющим машинам.

На середине площади Лэнсинг позвал Мэри. Никакого ответа. Он крикнул еще несколько раз и умолк — эхо его голоса, вернувшееся к нему, звучало ужасно.

Он пересек площадь и поднялся по широким каменным ступеням в вестибюль административного здания — там раньше находился их лагерь. Эхо его шагов теперь оборачивалось грозным проклятьем. Лэнсинг обошел зал и нашел следы пребывания их отряда — пустые банки, коробку, забытую кем-то кружку. Следовало бы спуститься в подвал и осмотреть двери, но Лэнсингу стало страшно. «Чего я боюсь? — спрашивал себя Лэнсинг. — Боюсь найти открытой одну из дверей, ту, что ведет в яблоневый мир?» Нет, твердил он себе, нет, Мэри никогда этого не сделает. По крайней мере, не теперь; может быть, потом, когда у нее не останется надежды отыскать его, вообще никакой надежды, может быть, тогда, но не теперь. К тому же не исключено, вспомнил Лэнсинг, что открыть дверь нельзя, ведь генерал спрятал гаечный ключ. Никогда больше, поклялся генерал, эта дверь не откроется.

Неподвижно и безмолвно стоя в холле, он, казалось, слышал голоса своих спутников — голоса, взывающие не к нему, а друг к другу. Он зажимал уши, но голоса все звучали.

Лэнсинг хотел было разбить лагерь там же, где и раньше, но не смог. Там слишком много голосов, слишком много воспоминаний. Тогда он вышел на середину площади и стал стаскивать туда куски дерева. Весь остаток дня он напряженно работал, сооружая костер. Затем, когда стемнело, зажег его и подкидывал дрова, чтобы пламя было высоким и ярким. Если Мэри в городе или где-то в окрестностях, она увидит огонь.

На углях он сварил себе кофе и приготовил ужин. За едой Лэнсинг попытался разработать план действий, но все, что смог придумать — это обыскать город, если понадобится — улицу за улицей. Хотя, сказал он себе, это напрасная трата усилий. Будь Мэри в городе или где-то поблизости от него, она бы пошла на площадь, как и любой другой, кто бы ни появился в городе.

Взошла луна, и на холмах объявился Воющий — опять он изливал одиночество в вое. Лэнсинг сидел у костра, слушал, и его собственное одиночество рыдало в ответ.

— Спускайся, посиди со мной, — обратился Лэнсинг к зверю, — будем горевать вместе.

До этого момента Лэнсинг не осознавал, что может не найти Мэри. Он попытался представить себе, каково это — никогда больше не видеть ее, прожить целую жизнь без Мэри. И каково придется ей? Лэнсинг поежился, придвинулся поближе к огню, но и костер не дал желанного тепла. Он старался уснуть, но сон не шел.

На рассвете Лэнсинг приступил к поискам. Стиснув зубы, чтобы не поддаться страху, он все же осмотрел двери. Ни одну из них больше не открывали. Лэнсинг нашел и проход, что вел к машинам, и спустился к ним по лестнице. Он долго стоял там, слушая пение. Вернувшись на поверхность, принялся обыскивать улицы — наудачу, без энтузиазма, понимая, что напрасно теряет время. Но он не прекращал поиски — надо что-то делать, чтобы отвлечь и занять себя.

Так он провел четыре дня, не обнаружив ничего и никого. Тогда Лэнсинг написал Мэри записку, оставил ее, придавив кружкой, на месте их прежнего лагеря и отправился к кубу и к первой гостинице.

Сколько же времени прошло с тех пор, как он оказался в этом мире, гадал Лэнсинг. Он пробовал считать дни, но память уже подводила его, и он всякий раз сбивался со счета. Месяц, прикинул он. Неужели всего месяц? А казалось, чуть ли не половина жизни.

Лэнсинг старался обнаружить знакомые ориентиры вдоль дороги. Здесь была наша стоянка, говорил он себе, а здесь Мэри увидела лица в небе. А вот там Юргенс нашел родник. Вот дерево, которое я пилил. Но Лэнсинг не был уверен, что все именно так и было. Все ушло в прошлое — на целый бесконечный месяц.

Наконец Лэнсинг вышел на холм, с вершины которого был виден куб. Здесь ничего не изменилось — куб, все такой же сверкающий и классически красивый, изумил его. Не то чтобы Лэнсинг не рассчитывал его увидеть, но не слишком бы удивился, если бы тот исчез. Мир за последние дни обрел призрачность, и Лэнсинг шел сквозь него, как сквозь пустоту.

Он спустился по дороге, извивавшейся серпантином по крутому склону холма, в долину. За последним поворотом дороги Лэнсинг обнаружил, что у куба кто-то есть. Вот, пожалуйста, — знакомая четверка сидела на расчищенном им и Мэри камне на краю песчаного

круга. Четверо игроков расположились кружком, занятые бесконечной картежной баталией.

Они не обратили никакого внимания на Лэнсинга, и он долго стоял рядом, наблюдая за игрой. Наконец Лэнсинг сказал:

— Я должен поблагодарить вас, джентльмены, за брошенную мне веревку.

При звуке его голоса все четверо обернулись. На Лэнсинга смотрели фарфорово-белые лица с круглыми безбровыми глазными впадинами, черными агатовыми бусинами вместо глаз, двумя прорезями вместо ноздрей и одной на месте рта. Игроки молча и равнодушно таращились на Лэнсинга, хотя ему и померещилось, что он уловил недовольство и укор на их белых гладких лицах, похожих на круглые дверные ручки с нарисованными на них рожицами.

Потом один из игроков сказал:

— Пожалуйста, отойдите. Вы загораживаете нам свет.

Лэнсинг отступил на шаг, остановился и снова отступил, пока не оказался на дороге. Четверо картежников опять были поглощены игрой.

Значит, Мэри нет в городе, подумал Лэнсинг, иначе она бы увидела костер и пришла к нему. Больше искать негде.

Уже наступила ночь, когда он добрался до гостиницы. В окнах не было света, над трубой не вился дымок. Где-то в лесу раздался одинокий крик совы.

Лэнсинг подошел к двери и подергал ручку. Она не поддалась; все заперто. Лэнсинг постучал в дверь и прислушался, не раздастся ли в доме звук шагов. Ничего не услышав, он стал молотить дверь кулаками. Неожиданно дверь отворилась, и Лэнсинг, размахнувшийся для очередного удара, влетел внутрь. На пороге стоял хозяин гостиницы, держа в руке огарок свечи. Он поднял свечу так, чтобы свет упал на лицо Лэнсинга.

— Это вы, — произнес хозяин угрожающе, — что вам нужно?

— Я ищу женщину, Мэри. Вы помните ее?

— Ее здесь нет.

— Но она приходила? Приходила и ушла?

— Я не видел ее с того времени, как вы ушли.

Лэнсинг отстранил хозяина, прошел к стоящему у погасшего очага столу и рухнул в кресло. Силы покинули его. Он вдруг почувствовал себя слабым и бесполезным. Это конец. Больше идти некуда.

Хозяин закрыл дверь и тоже подошел к столу, поставив свечу.

— Вы не можете здесь оставаться. Я уезжаю. Гостиница закрыта на зиму.

— Хорошие манеры изменили вам, и вы пренебрегаете гостеприимством. Я остаюсь здесь на ночь, и вы уж, пожалуйста, найдите для меня какую-нибудь еду.

— Постели для вас не найдется. Все убрано. Если желаете, можете спать на полу.

— С удовольствием. А как насчет еды?

— У меня есть котелок супа. Могу налить вам тарелку. Есть также остатки бараньей ноги. Думаю, что смогу найти краюшку хлеба.

— Замечательно!

— Но утром вам придется уйти.

— Да, конечно, — ответил Лэнсинг, слишком усталый, чтобы препираться.

Сидя в кресле, он наблюдал за тем, как хозяин проковылял на кухню. Ужин, думал Лэнсинг, ночевка на полу, и утром нужно уходить. Куда он пойдет? По дороге мимо куба, в город — искать Мэри, хотя надежда найти ее делалась все призрачней. Очень может быть, что в конце концов он присоединится к обитателям лагеря возле реки — к потерянным душам, ведущим борьбу за скудное существование. Не слишком радостная перспектива, и не хотелось думать о ней, но похоже, другого выхода ему не останется. А если он все-таки найдет Мэри, что тогда? Не придется ли им обоим искать убежища в лагере? Лэнсинг поежился от этой мысли.

Хозяин принес еду, поставил ее перед Лэнсингом и повернулся, чтобы уйти.

— Одну минуту, — остановил его Лэнсинг. — Прежде чем я покину гостиницу, мне нужно купить у вас припасы.

— Продовольствия — сколько угодно, — ответил трактирщик, — а все остальные товары уже убраны.

— Годится, как раз продовольствие мне и нужно.

Суп был вкусным, и, хотя хлеб, испеченный несколько дней назад, зачерствел, Лэнсинг, макая его в суп, съел все до последней крошки. Он никогда не любил баранину, особенно холодную, но выбирать не приходилось. Лэнсинг отрезал себе несколько внушительных кусков.

Промаявшись на жестком полу, на следующее утро он получил на завтрак овсянку. Поторговавшись насчет цены, Лэнсинг приобрел некоторый запас продовольствия и отправился в путь.

Погода, теплая и солнечная с момента прибытия Лэнсинга в этот мир, переменилась: небо затянули облака, порывами дул холодный северо-западный ветер, иногда налетали заряды снежной крупы, жалившие лицо.

Спустившись с крутого холма в долину, окружающую тускло-серый под облачным небом куб, Лэнсйнг обнаружил, что картежников там нет. Он достиг подножия холма и стал пересекать ровное пространство, отделявшее его от куба, наклонив голову, чтобы защитить лицо от ветра. Услышав крик, Лэнсинг резко поднял голову — и увидел ее, бегущую по дороге.

— Мэри! — закричал Лэнсинг, бросаясь навстречу.

Через секунду она была в его объятиях, приникнув к нему всем телом. Слезы заливали ее лицо.

— Я нашла твою записку. Я спешила изо всех сил!

— Слава Богу, ты здесь! Слава Богу, ты нашлась!

— Хозяйка гостиницы передала мою записку?

— Она сказала, что записка была, но не смогла ее найти. Мы вместе искали, перерыли всю гостиницу, и все напрасно.

— Я написала, что иду в город и там встречу тебя. А потом я заблудилась в бедлендах. Я отклонилась от дороги, бродила там несколько дней, не зная, где нахожусь. А потом поднялась на холм и увидела город.

— Я начал искать тебя сразу после возвращения к поющей башне. Я нашел мертвую Сандру и...

— Она была уже мертва, когда я ушла. Я бы осталась, но появился Воющий. Он подходил все ближе и ближе, и я испугалась. Боже, как мне было страшно! Я решила искать убежища в гостинице. Воющий шел за мной по пятам. Я знала, что ты будешь искать меня в гостинице, но хозяйка выгнала меня. У меня ведь не

было денег, и она не разрешила мне остаться. Я написала тебе записку и ушла. Воющий не появился, и все было хорошо, но тут я заблудилась.

— Теперь все в порядке, — сказал Лэнсинг, целуя ее. — Мы нашли друг друга. Мы вместе!

— А где Юргенс? Он с тобой?

— Он погиб. Он упал в Хаос.

— Хаос? Эдвард, чем же оказался Хаос?

— Я потом расскажу тебе. У нас будет много времени. Джоргенсон и Мелисса вернулись с запада, но потом решили остаться в лагере.

Мэри отступила от него на шаг.

— Эдвард... — сказала она.

— Да, моя дорогая?

— Мне кажется, я знаю ответ. Куб... Ответ был здесь.

— Куб?

— Я только недавно сообразила. Меня просто осенило. Я даже не особенно задумывалась, как вдруг ответ пришел.

— Ответ? Ради Бога, Мэри!..

— Конечно, я не уверена, но мне кажется, я права. Помнишь те плоские камни, что мы нашли — три камня, уходящих в песок? Нам еще пришлось их расчищать, те, что были засыпаны песком?

— Да, помню. Вчера на одном из них сидели картежники.

— Картежники? Но какое отношение они...

— Сейчас это не имеет значения. Что ты хотела сказать о камнях?

— А что, если это не единственные камни? Может быть, плиты образуют дорожку, ведущую к кубу. Точнее, три дорожки. Не могли ли они быть помещены туда, чтобы желающий мог безопасно добраться до куба? Расчет был на то, что песок скроет дорожки, их не будет видно.

— Ты хочешь сказать...

— Давай посмотрим, — предложила Мэри. — Можно срезать деревце или куст и использовать его в качестве метлы.

— Я займусь этим, — ответил Лэнсинг. — Тебе лучше оставаться на безопасном расстоянии.

— Хорошо, — кротко согласилась Мэри. — Но я буду рядом.

Они нашли подходящий куст и срезали его. Возвращаясь к песчаной полосе, окружающей куб, Мэри заметила:

— Столб с надписью, с той предупредительной надписью по-русски, упал. Ты ведь вбил его, а теперь он почти совсем засыпан песком.

— Кому-то очень хочется, — ответил Лэнсинг, — чтобы людям приходилось туго. Записки теряются, предупредительные надписи заносит песком, дорожки оказываются скрыты. С какого камня начнем?

— По-моему, это не имеет значения. Не выйдет с одним, возьмемся за другой.

— В том случае, если обнаружатся еще камни и дорожка. А что мы будем делать, когда доберемся до куба?

— Не знаю.

Лэнсинг осторожно подошел к концу каменной плиты и стал разметать песок. Под его импровизированной метлой показался следующий камень. Лэнсинг очистил и его.

— Ты права. Есть следующий камень. Почему раньше нам это не пришло в голову?

— Пробелы в рассуждениях, вызванные мрачными предчувствиями. Юргенс оказался изувечен, и нас напугало происшествие с генералом и пастором.

— Я до сих пор напуган.

Расчистив конец второй плиты, Лэнсинг перебрался на нее и смел песок с остальной ее части. Наклонившись вперед, он принялся разгребать песок в направлении, указанном двумя обнажившимися камнями. Появилась еще одна плита.

— Мощеная дорожка, — сказала Мэри. — Прямо к кубу.

— Что все-таки произойдет, когда мы туда доберемся?

— Тогда и узнаем.

— А если ничего не произойдет?

— Ну, по крайней мере, мы сделаем все, что от нас зависит.

— Правильно. Должен быть еще один камень, — сказал Лэнсинг, гадая, обнаружится ли впереди эта

последняя плита. Было бы как раз в духе местных шутников проложить дорожку с недостающим последним звеном. Он продолжал мести. Из песка показалась последняя плита.

Мэри подошла ближе и встала рядом. Лэнсинг протянул руку и приложил ладонь к стене куба.

— Ничего нет. Я надеялся, что здесь может оказаться дверь. Ничего. Была бы дверь — или хотя бы шов. Здесь просто стена, и ничего больше.

— Нажми на нее, — предложила Мэри.

Лэнсинг нажал, и перед ними открылась дверь. Мэри и Лэнсинг быстро вошли; створка с шипением встала на место.

Глава 29

Они оказались в огромной комнате, залитой голубым светом. На стенах висели занавеси, а между ними окна — те части стен куба, что были без штор. Всюду стояла разнообразная мебель, а у двери в корзинке с мягкой обивкой, свернувшись калачиком, спал какой-то зверек. Он напоминал кошку.

— Эдвард, — произнесла Мэри, задыхаясь, — эти окна выходят на ту сторону, с которой мы пришли. Изнутри могли следить за нами — и теперь, и раньше.

— Одностороннее стекло, — ответил Лэнсинг. — Гость не видит ничего, но сам виден из комнаты.

— Это не стекло.

— Конечно, но принцип тот же.

— Они сидели здесь и смеялись над нами, пока мы пытались проникнуть внутрь.

Сначала комната показалась Мэри и Лэнсингу пустой. Потом Лэнсинг увидел их. На скамье в дальнем конце комнаты рядком сидели четверо картежников, сидели и ждали, обратив к пришедшим мертвенно-белые, похожие на черепа лица.

Лэнсинг сжал руку Мэри и показал на картежников. Мэри отшатнулась и прижалась к Лэнсингу.

— Они отвратительны. Неужели нам никуда не деться от них?

— Что-то они регулярно появляются в нашем поле зрения.

Лэнсинг обратил внимание, что занавеси были необычными. Они двигались — точнее, в движении были изображенные на них сцены. На солнце блестел ручей, и мелкие волны и водовороты, отмечавшие его путь по каменистому ложу, были настоящие, живые волны и водовороты, а не их искусное изображение. Ветерок шевелил ветви деревьев на берегу ручья; среди ветвей порхали птицы. Кролик, жевавший кустик клевера, прыгнул и принялся за другой кустик.

На другой занавеси девушки, закутанные в прозрачные покрывала, радостно танцевали на лесной поляне под звуки свирели пляшущего фавна, Тот высоко, но неуклюже прыгал, ударяя копытами по земле. Деревья, окружавшие поляну, огромные сказочные деревья качались в такт музыке, танцуя под звуки свирели.

— А почему бы нам не пересечь комнату и не узнать, чего они от нас хотят? — сказала Мэри.

— Если только они захотят с нами разговаривать.

Мэри и Лэнсинг двинулись через комнату. Трудно оказалось преодолеть этот долгий путь под бесстрастными взглядами картежников. Если они и были людьми, то не умеющими улыбаться, не человечными людьми. Они неподвижно сидели в ряд, сложив руки на коленях, ничем не выдавая, что замечают хоть что-нибудь. Они были совершенно одинаковыми — четыре горошины в стручке, и трудно было представить, что это четыре отдельные личности, а не нечто единое. Лэнсинг не знал, как их зовут. Он никогда не слышал их имен. Интересно, а есть ли у них имена, подумал Лэнсинг. Чтобы различать их, он мысленно снабдил их ярлычками — слева направо: A, B, C и D.

Мэри и Лэнсинг решительно преодолели расстояние, отделявшее их от картежников, и остановились от них футах в шести. Стояли и ждали, а картежникам, похоже, было вообще невдомек, что они здесь.

«Будь я проклят, если заговорю первым, — подумал Лэнсинг. — Буду стоять тут, пока они не заговорят сами. Я заставлю их говорить».

В конце концов молчание нарушил картежник A. Еле шевеля прорезью, служившей ему ртом, он словно бы с усилием выдавливал из себя слова.

— Ну, — произнес он, — вы решили задачу.

— Вы удивляете нас, — ответила Мэри. — Мы и не подозревали, что задача решена.

— Мы могли бы прийти к решению скорее, — вступил в разговор Лэнсинг, — если бы знали, в чем состоит задача. Или хотя бы, что она существует. Теперь, раз вы говорите, что задача решена, что дальше? Мы вернемся домой?

— Никто никогда не решает ее с первой попытки, — сказал В. — Всегда приходится возвращаться.

— Вы не ответили на мой вопрос, — настаивал Лэнсинг. — Что дальше? Вы вернете нас домой?

— О Боже мой! Нет! — ответил D. — Нет, вы не возвратитесь домой. Мы не можем вас отпустить.

— Должны понять, — вступил в разговор С, — что удается отобрать очень немногих. Редко в группе попадается один, почти никогда — двое, как в вашем случае. Чаще всего — никого.

— Они разбредаются во все стороны, — снова заговорил А, — обращаются в бегство, ищут убежища за дверью в яблоневый сад, или прибегают к помощи переместителя, или...

— Переместителем, как я понимаю, вы называете поющие машины? — спросила Мэри.

— Да, так мы их называем, — ответил В. — Может быть, вы могли бы придумать лучшее название.

— И пытаться не буду, — отрезала Мэри.

— И есть еще Хаос, — сказал Лэнсинг. — Должно быть, там гибнут многие. И все же вы бросили мне веревку...

— Мы бросили вам веревку, — объяснил А, — потому что вы пытались спасти робота. Рискуя собственной жизнью, без колебания вы пытались спасти робота.

— Полагаю, он того заслуживал. Он был моим другом.

— Может быть, и заслуживал, — сказал А, — но он принял неверное решение. Здесь не место для тех, кто принимает неверные решения.

— Не знаю, о чем вы, черт возьми, — гневно ответил Лэнсинг. — И мне не нравится, что вы тут выносите приговоры. Да и вообще вы, четверо, мне не особенно нравитесь.

— Вы можете сколько угодно испытывать к нам неприязнь, — вмешался D, — но нельзя позволить мелкому препирательству отвлечь нас от необходимости говорить друг с другом.

— И вот еще что, — сказал Лэнсинг. — Если разговор имеет шанс затянуться, мы не собираемся стоять перед вами, как просители перед троном. Вы, по крайней мере, могли бы иметь совесть и предложить нам сесть.

— Конечно, за чем же дело стало, — ответил А. — Берите стулья и располагайтесь поудобнее.

Лэнсинг взял два стула и поставил их перед картежниками. Они с Мэри уселись.

Животное, спавшее в корзинке у двери, с сопением приблизилось к ним. Оно любовно потерлось о ноги Мэри и улеглось рядышком, ласково глядя на нее снизу вверх.

— Это случайно не Вынюхивающий? — спросила Мэри. — Он имел привычку бродить вокруг нашего лагеря, но мы так и не увидели его.

— Это ваш личный Вынюхивающий, — ответил С. — Их несколько, а этот закреплен за вашей группой.

— Он наблюдал за нами?

— Да, наблюдал за вами.

— И докладывал?

— Конечно.

— Вы все время за нами наблюдали, — сказал Лэнсинг. — Вам известно все, что мы делали. Будто читали в открытой книге. Может, вы наконец объясните нам, чего ради все это?

— Охотно, — ответил А. — Вы заслужили право знать. Тем, что вы пришли сюда, вы заработали это право.

— Если вы готовы слушать, — заговорил В, — мы готовы все объяснить.

— Мы слушаем, — сказала Мэри.

— Вы знаете, конечно, — начал А, — о множественности миров. Миров, разветвляющихся в кризисных точках, чтобы потом разделиться опять. Как я понимаю, вам известно, что такое эволюционный процесс.

— Мы знаем об эволюции, — ответила Мэри, — о системе отбора наиболее приспособленных.

— Совершенно верно. Если вы подумаете хорошенько, то поймете, что разделение альтернативных миров — тоже эволюционный процесс.

— Вы хотите сказать, что происходит отбор лучших миров? А не возникает ли у вас затруднений с тем, чтобы определить, какой мир лучший?

— Конечно, возникают. В этом-то как раз и заключается причина того, почему вы здесь. Так же как и многие другие. Эволюция не происходит сама по себе. Ее действие основывается на развитии доминирующей формы жизни. Во многих случаях факторы выживания, обеспечивающие доминирование, дефектны. Все они имеют недостатки, а многие несут в себе семена собственного разрушения.

— Это правда, — сказал Лэнсинг. — В моем мире созданы механизмы, способные, если мы того захотим или по причине несчастного случая, уничтожить нашу расу.

— Человеческая раса с ее интеллектом, — сказал B, — слишком ценная форма жизни, чтобы позволить ей растратить себя — совершить самоубийство. Несомненно, что, когда — и если — разумная раса угасает, на смену ей приходит другая форма жизни с более сильным фактором выживания. Каков окажется этот фактор, трудно предугадать. Совсем не обязательно, что он будет в чем-то превосходить разум. Беда человеческой расы в том, что она никогда не давала имеющемуся в ее распоряжении интеллекту развиться в полной мере.

— Вы полагаете, что у вас есть средство осуществить полное развитие? — спросила Мэри.

— По крайней мере, мы надеемся на это, — ответил D.

— Вы же видели тот мир, в который попали, — сказал A. — Вы имели возможность оценить некоторые из его достижений, понять, в каком направлении развивалась его технология.

— Да, конечно, — ответил Лэнсинг. — Двери, открывающиеся в другие миры. Это лучшее решение проблемы, чем то, которое было найдено в моем мире, мечтающем о межзвездных кораблях. Еще не известно, удастся ли реализовать эту мечту. Хотя, если вспомнить, в мире Юргенса Земля опустела после того, как люди отправились к звездам.

— Вы уверены, что они туда добрались? — спросил C.

— Так говорил Юргенс, — ответил Лэнсинг, — но, разумеется, я не могу быть в этом уверен.

— Далее. Существует нечто, что вы называете переместителем, — сказала Мэри. — Это другой способ

путешествовать — путешествовать и учиться. Мне кажется, с его помощью можно изучить всю Вселенную, почерпнуть идеи и представления, до которых человечество могло не додуматься. Эдвард и я прикоснулись только к краешку. Генерал кинулся очертя голову и погиб. Что с ним произошло?

— Этого мы не знаем, — ответил А. — Если неумело пользоваться переместителем, последствия могут быть фатальными.

— Тем не менее вы, бесчувственно и безответственно, оставляете вход открытым, — обвиняюще произнес Лэнсинг, — и не препятствуете ничего не подозревающим посетителям попадать в ловушку.

— Тут вы попали в точку, — сказал D. — Неосторожные исключаются из дальнейшего рассмотрения. В нашем плане нет места для глупцов.

— Поэтому вы избавились и от Сандры у поющей башни, и от Юргенса в Хаосе?

— Я чувствую враждебность с вашей стороны, — сказал D.

— В этом, черт бы вас побрал, вы правы. Я испытываю к вам враждебность. Вы «исключили из рассмотрения» четверых из нас.

— Вам еще повезло, — сказал А. — Чаще всего погибает весь отряд. Но мы не прикладываем к этому руку. К гибели их приводят собственные пороки.

— А люди из лагеря? Те, кто живет неподалеку от поющей башни?

— Они неудачники. Они сдались, и их движение закончилось. Вы двое не сдались. Вот почему вы здесь.

— Мы здесь потому, что Мэри всегда считала: ответ заключен в кубе.

— И благодаря ее убежденности вы смогли разгадать загадку, — сказал А.

— Верно, — согласился Лэнсинг. — Но если это так, почему я здесь? Потому, что не отстал от Мэри?

— Вы здесь потому, что принимали правильные решения.

— Но у Хаоса я принял неправильное решение.

— Мы так не считаем, — возразил С. — Способность выжить, как бы она ни была важна, не всегда является правильным решением. Иногда следует пренебречь выживанием.

Вынюхивающий, прижавшись к ногам Мэри, крепко спал.

— Вы выносите моральные оценки, — гневно сказал Лэнсинг, — вы, великие мастера по принятию решений. И с какой уверенностью! Скажите мне, кто вы такие? Последние представители цивилизации, существовавшей в этом мире?

— Нет, мы ими не являемся, — ответил А. — Нельзя даже сказать, что мы принадлежим к человеческой расе. Наша родная планета находится на другом краю Галактики.

— Тогда что вы здесь делаете?

— Не уверен, что смогу объяснить так, чтобы вы поняли. В вашем языке не существует слова, вполне точно выражающего нашу роль здесь. За неимением лучшего, можете считать нас социальными работниками.

— Социальные работники! — воскликнул Лэнсинг. — Господи ты Боже мой! Вот до чего дошло! Человеческая раса нуждается в социальных работниках! Мы на таком низком уровне развития, что место нам в галактическом гетто под присмотром социальных работников!

— Я же сказал вам, что термин неточен, — возразил А. — Но подумайте вот о чем: в Галактике очень немного форм жизни с таким интеллектуальным потенциалом, как у вас, людей. Тем не менее, если меры не будут приняты, вам грозит самоуничтожение. Всем вам. Даже такой великой цивилизации, как та, что существовала когда-то в этом мире. Ее погубило безрассудство — экономическое безрассудство, политическое безрассудство. Вам, Лэнсинг, известно, что одно нажатие кнопки может уничтожить ваш мир. Вы, мисс Оуэн, жили в обществе, которое тоже идет к катастрофе. В один прекрасный день империи падут, и понадобятся тысячелетия, чтобы из обломков поднялась новая цивилизация, если это вообще когда-нибудь случится. И даже если случится, ею может оказаться цивилизация, хуже той, что вы знали. Во всех альтернативных мирах неприятности, в той или иной форме, неизбежны. Человеческая раса плохо начала и не исправилась. Она была обречена с самого начала. Лекарство, как нам представляется, в том, чтобы собрать в одном месте лучших представителей разных альтернативных миров и использовать их, чтобы раса могла начать сначала — чтобы она получила шанс на новую попытку.

— Собрать, говорите вы... — сказал Лэнсинг. — Не очень-то это похоже на добровольный сбор. Вы выхватываете нас из наших миров. Вы подавляете нас. Вы переносите нас сюда и, ничего не объяснив, отпускаете на все четыре стороны, предоставив нас самим себе на этом вашем чертовом испытательном полигоне. И смотрите, что у нас получится, наблюдаете, а потом выносите приговор.

— А вы согласились бы, если бы мы вас пригласили? Вы вызвались бы добровольцами?

— Нет, не согласился бы, — ответил Лэнсинг. — Думаю, что и Мэри не согласилась бы.

— Во всех многочисленных мирах, — сказал В, — мы имеем агентов и вербовщиков. Мы тщательно отбираем тех, кто нам нужен — людей, которые, как нам кажется, могут пройти испытания. Мы не берем кого попало. Мы очень разборчивы. За многие годы набралось всего несколько тысяч человек, которые успешно прошли тестирование, тех, кого мы считаем подходящими строителями общества, достойного человечества. Мы считали бы большой потерей для Галактики исчезновение той формы жизни, которую вы представляете. Со временем, в сотрудничестве с другими разумными мирами, вы примете участие в создании Галактической цивилизации — общества, которое сейчас невозможно представить. Мы считаем, что разум венчает собой слепую эволюцию, что ничего лучшего не может возникнуть. Но если разум не выдержит собственного веса, как это происходит не только здесь, но и в других мирах, эволюция выберет другой фактор выживания и само представление о разумности может быть утрачено навеки.

— Эдвард, — сказала Мэри, — в том, что они говорят и делают, может быть резон.

— Весьма возможно, — откликнулся Лэнсинг, — но мне не нравится, как они это делают.

— Может быть, это единственный путь. Они правы — добровольно никто не согласится. А те немногие, кто мог согласиться, вряд ли самые подходящие.

— Я рад, что вы приближаетесь к пониманию нашей точки зрения, — сказал А.

— Что же еще нам остается? — хмуро ответил Лэнсинг.

— Не так уж много. Конечно, при желании, вы можете свободно выйти из той двери, в которую вошли, и остаться здесь.

— Этого мне не хотелось бы, — ответил Лэнсинг, думая о лагере в речной долине, где им пришлось бы поселиться. — А как насчет нашего собственного...

Он оборвал себя на полуслове. Если они вернутся в собственные миры, предстоит расставание с Мэри. Лэнсинг взял ее руку и крепко сжал в своей.

— Вы хотели спросить, не можете ли вы вернуться в свои собственные миры, — произнес D. — К сожалению, это невозможно.

— Не так уж важно, куда мы отправимся, — сказала Мэри, — Если мы отправимся туда вместе.

— Ну что ж, тогда все в порядке, — сказал А. — Мы очень рады, что вы остаетесь с нами. Как только будете готовы, пройдите в дверь слева в углу. Она ведет не в тот мир, что за стеной, а совсем в другой — новенький, с иголочки.

— Еще один альтернативный мир? — спросила Мэри.

— Нет. Вы попадете на планету, очень похожую на Землю. Она далеко отсюда. Глядя на небо ночью, вы будете видеть незнакомые созвездия. Как мы говорили, вторая попытка на другой планете. Там всего один город — даже не город, а университетский городок. Вы будете преподавать то, что хорошо знаете, и учиться всему тому, чего не знаете. О некоторых предметах вы не имеете ни малейшего представления. Это будет длиться много лет — возможно, всю вашу жизнь. Лет через сто группа людей с высочайшей интеллектуальной и образовательной подготовкой, имеющая в своем распоряжении оборудование, более совершенное, чем то, что когда-либо существовало на Земле, эти люди заложат основы будущего мирового сообщества. Еще не все готово. Многому еще нужно научиться, многое вобрать в себя, многие точки зрения рассмотреть, прежде чем это станет возможным. В период подготовки у вас не будет материальных проблем, хотя со временем новому обществу предстоит создать собственную экономическую систему. Однако в настоящее время вы будете всем обеспечены. Все, чего мы ждем от вас, — учиться и дать себе возможность в полной мере развить собственный потенциал.

— Другими словами, — сказал Лэнсинг, — мы будем на вашем попечении.

— Вам это не нравится? — спросил А.

— Думаю, ему действительно не нравится, — ответила за Лэнсинга Мэри, — но со временем это пройдет. Со временем.

Лэнсинг встал со стула. Мэри тоже поднялась.

— В какую дверь, вы сказали? — спросила Мэри.

— Вон туда, — показал А.

— Прежде чем мы отправимся, еще один вопрос, — сказал Лэнсинг. — Скажите мне, пожалуйста, что такое Хаос?

— В вашем мире, — начал D, — существует Великая Китайская стена.

— Да, и думаю, не только в моем, но и в мире Мэри.

— Хаос — это изощренная Китайская стена. Совершенно бессмысленная вещь. Последнее и величайшее безрассудство, совершенное бывшими обитателями этого мира. Оно внесло свою лепту в окончательное падение здешней цивилизации. Это слишком долгая история, чтобы рассказывать ее в подробностях.

— Ясно, — сказал Лэнсинг, поворачиваясь к двери.

— Не поймете ли вы нас превратно, — проговорил А, — если я скажу, что мы благословляем вас?

— Вовсе нет, — ответила Мэри. — Мы благодарны вам за доброту и за возможность второй попытки.

Мэри и Лэнсинг подошли к двери, но, прежде чем переступить порог, обернулись. Четверо по-прежнему сидели на скамье, с белыми, слепыми, похожими на черепа лицами, обращенными к людям.

Затем Лэнсинг открыл дверь, и они вышли.

Они стояли на лужайке. Вдали были видны башни и шпили университета. Они услышали вечерний колокольный звон.

Взявшись за руки, Мэри и Лэнсинг пошли вперед.

МАГИСТРАЛЬ ВЕЧНОСТИ

Глава 1

НЬЮ-ЙОРК

Телеграмма настигла Буна в Сингапуре: «НУЖЕН УМЕЮЩИЙ СТУПИТЬ ЗА УГОЛ. КОРКОРАН». Получив телеграмму, Бун улетел первым же самолетом.

Личный шофер Коркорана ждал его у таможенного контроля в аэропорту Кеннеди. Шофер подхватил сумку Буна и подвел его к лимузину.

С утра шел дождь, но сейчас перестал. Бун откинулся поудобнее на подушки богато обитого сиденья, лениво наблюдая за жизнью, проплывающей за окном. «Как же давно, — задал он себе вопрос, — я не бывал в Манхэттене? Лет десять, если не больше...»

К тому моменту, когда они добрались до жилища Коркорана, дождь припустил снова. Шофер, не расставаясь с сумкой Буна, раскрыл над ним зонт, отомкнул лифт-экспресс своим ключом и нажал единственную кнопку — на самый верх, в пентхаус. Коркоран ждал гостя в библиотеке и, дождавшись, поднялся с кресла в углу. Ступая по толстому ковру, он пересек всю комнату с радушно протянутой рукой и с улыбкой облегчения на лице.

— Спасибо, что откликнулся, Том. Долетел хорошо?

— Сносно, — ответил Бун. — На последнем участке спал без просыпу.

— Да, помню, ты же всегда умел спать в самолете. Какие напитки ты нынче предпочитаешь?

— Шотландское виски с каплей содовой. — Бун утонул в указанном ему кресле и молчал, пока бокал не оказался у него в ладонях. Потом сделал неспешный долгий глоток и обвел комнату взглядом, оценивая обстановку. — Похоже, дела у тебя идут неплохо, Джей.

— Даже хорошо. У меня состоятельные клиенты, которые платят за то, что я для них добываю. И агенты по всему земному шару. Какой-нибудь дипломатишка чихнет где-нибудь в Боготе — я буду в курсе через несколько часов. А что ты делал в Сингапуре?

— Да ничего особенного. Просто передышка между заданиями. Нынче я могу позволить себе выбирать, за что взяться. Не то что в прежние времена, когда мы с тобой были накоротке.

— Слушай, сколько лет назад это было? — спросил Коркоран. — Я имею в виду, когда мы встретились впервые?

— Должно быть, лет пятнадцать назад, а может, и шестнадцать. Во время той заварушки на Ближнем Востоке. Ты прибыл вместе с танками.

— Точно. Только мы опоздали. Бойня уже состоялась. Кругом одни груды трупов. — Коркоран поморщился: воспоминание было не из приятных. — И вдруг, неизвестно как, ты преспокойненько появляешься среди мертвецов. На тебе еще была эта твоя куртка с бесчисленными карманами — для блокнотов, диктофона, кассет, камеры и пленок. Столько всякого барахла, что ты казался туго набитым мешком. И заявил не моргнув глазом, что всего-навсего ступил за угол.

Бун ответил кивком.

— От смерти меня отделяло полсекунды. Вот я и ступил за угол. А когда вернулся, там уже был ты. Но не проси меня ничего объяснять. Не мог объяснить тогда, не могу и сейчас. Единственно возможное объяснение — что я не вполне нормален — мне не по нутру.

— Лучше сказать, мутант. А ты пробовал это повторить?

— Сознательно — никогда. Но это случалось со мной еще дважды — в Китае и в Южной Африке. Когда это происходило, все казалось мне совершенно

естественным, как нечто доступное каждому. Поговорим лучше о тебе.

— Ты слышал, что со мной стряслось?

— Кое-что слышал, — ответил Бун. — Ты был шпионом — ЦРУ и все такое прочее. Тебя заманили в ловушку, но ты умудрился дать о себе знать, и за тобой послали истребитель. Была дьявольски рискованная посадка, прямо как в скверном боевике. Самолет подбили, точнее — превратили в решето, и все-таки он как-то дотянул до дома...

— Все верно, — подтвердил Коркоран. — Дотянул, но сесть уже не сумел. Мне размозжило затылок, и я был, считай, неотличим от трупа. Однако располагал настолько важными сведениями, что хирургам пришлось творить чудеса, лишь бы спасти мне жизнь. Когда мне латали голову, прибегли к каким-то небывалым, диковинным методам. И то ли перепутали у меня в мозгу проводочки, то ли закоротили. В общем, теперь я по временам вижу все иначе — вижу такое, что другие видеть не могут или не умеют. Да и думаю как-то причудливо. Вопреки всякой житейской логике связываю между собой совершенно разные фактики, клочки информации — если это дедукция, то какая-то заковыристая. Я с полной уверенностью знаю вещи, до которых не мог бы докопаться никаким логическим путем. И научился пользоваться этим не без выгоды для себя.

— Превосходно. А имеет это отношение к тому, что ты вызвал меня сюда из Сингапура?

Коркоран задумался, откинувшись в кресле и прихлебывая смесь, какую намешал для себя сам. В конце концов он кивнул утвердительно.

— Вызов имеет отношение к одному из моих клиентов. Этот тип обратился ко мне впервые лет шесть назад. Представился Эндрю Мартином. Может, и не соврал...

Мартин появился нежданно-негаданно и без рекомендаций. Держался отчужденно и холодно, руки не подал. Отвечать на какие бы то ни было вопросы отказался наотрез. Но когда Коркоран был уже готов вежливо указать ему на дверь, он залез в нагрудный карман, вытащил конверт и бросил на стол. В конверте оказалась сотня тысячедолларовых банкнотов. «Это задаток, — сообщил Мартин. — За любую выполнен-

ную для меня работу плачу вдвое против ваших обычных расценок...»

А хотел он лишь самую малость: чтобы для него собирали слухи по всему миру. Не обычную политическую ерунду, а слухи странные, из ряда вон выходящие, казалось бы, совершенно бессмысленные. При этом он не оставил ни адреса, ни телефона для связи, а взял за обыкновение звонить ежедневно сам и сообщать, где его найти, — каждый раз в каком-нибудь новом месте.

Слухов, которые привлекали его внимание, было немного, но уж если его что-то заинтересовало, он платил щедро, обычно больше чем вдвое, и всегда тысячедолларовыми купюрами. Так продолжалось долгие годы.

Разумеется, Коркоран попытался навести о нем справки. Только выяснить удалось немногое. Казалось, у Мартина нет вообще никакого прошлого и никакой определенной профессии. Правда, у него была вполне респектабельная контора с приходящей секретаршей, однако, чем занимается босс, не ведала и она. Деловых отношений он вроде бы не поддерживал ни с кем.

Мартин снимал угловые апартаменты в отеле «Эверест», но жить там, по-видимому, и не думал. Когда агенту Коркорана удалось в конце концов проникнуть в комнаты, там не оказалось ни одежды, ни каких-либо признаков чьего-либо проживания. Время от времени Мартин встречался с женщиной по имени Стелла, по-своему не менее таинственной, чем ее дружок.

И вот однажды, месяца три назад, и Мартин и Стелла внезапно исчезли как в воду канули...

Бун резко выпрямился в кресле:

— Что, что?

— А вот то!.. По крайней мере, похоже, что исчезли. Как только мы с ним расстались в последний раз, он кому-то позвонил. Вскоре мой агент в «Эвересте» заметил, что Стелла собралась на улицу, и последовал за ней. Они с Мартином вошли в старый пакгауз в районе доков. Вошли и не вышли. И никто их больше не видел.

Бун приложился к своему виски и, выждав паузу, решил подстегнуть Коркорана:

— А что это был за последний слух, который ты ему передал?

— Слух из Лондона. Что-то вроде того, что какой-то тип буквально с ног сбивается, чтобы найти местечко под названием Гопкинс Акр.

— Звучит как будто вполне невинно.

— Как будто так. Только одна странность. В Британии нынче нет места под таким названием. А четыре или пять столетий назад было. В графстве Шропшир*. Я проверял. В 1615 году, пока владельцы прохлаждались где-то в Европе, поместье словно корова языком слизнула. Еще вчера стояло, а сегодня испарилось без следа. Все поместье целиком — и угодья, и сам ландшафт — вместе с теми, кто возделывал землю и прислуживал по хозяйству. Испарился и дом — там, где он был, не осталось даже ямки.

— Так не бывает, — откликнулся Бун. — Бабушкины сказки...

— Не сказки, а истина, — заявил Коркоран. — Удалось установить с полной достоверностью, что поместье действительно существовало, но испарилось.

— И только-то? — спросил Бун, качая головой. — Но я по-прежнему не понимаю, чего ради ты решил послать за мной. Я не специалист по поискам пропавших без вести и тем более по поместьям, испарившимся четыре века назад.

— Сейчас все поймешь. У меня хватало других дел, Мартин исчез, и я постарался выкинуть его из головы. Но недели две назад я узнал из газет, что «Эверест» собираются взорвать...

Коркоран вопросительно поднял брови, и Бун кивнул: он был знаком с технологией разрушения зданий, предназначенных к сносу, с помощью взрывных зарядов направленного действия. Если правильно разместить заряды вокруг здания, оно просто осядет, распадется по кирпичику, останется лишь расчистить участок экскаваторами и бульдозерами.

— Эта новость напомнила мне о Мартине, — продолжал Коркоран со вздохом. — Я подъехал к отелю, просто чтобы взглянуть на здание в последний раз. До того я полностью перепоручил все, что с ним связано,

---

*Ныне это графство, расположенное на западе Англии и граничащее с Уэльсом, носит название Сэлоп. — *Здесь и далее примеч. пер.*

своим агентам, и это была моя ошибка. Ты не забыл мои слова, что я теперь вижу все иначе?

— Ты заметил что-то особенное? Что-то такое, что твои агенты прошляпили?

— Нечто, чего они никак не могли увидеть. Могу только я, и то если смотрю под строго определенным углом. Я — как бы сказать поточнее — не умею ступить за угол, но иногда я, кажется, вижу то, что за углом. Может, зрение работает в более широком спектре, а может, со сдвигом во времени. Как по-твоему, Том, мыслимо ли, чтобы человек оказался способен ступить на миг в прошлое или в будущее, хотя бы заглянуть в этот миг?

— Понятия не имею. Никогда не задавался таким вопросом.

— Нет так нет. Понимаешь, на стене отеля, возле апартаментов Мартина, висит как бы закрытая лоджия наподобие тех, какие лепятся к стенам жилых домов. Только нормальное зрение ее не воспринимает: лоджия как бы наполовину в этом мире, наполовину вне его. И раз Мартин не жил у себя в комнатах, то я уверен, что он жил в этой лоджии или, точнее, в этой коробке.

Бун поднял свой бокал и, осушив до дна, аккуратно поставил на стол.

— И ты хочешь, чтоб я ступил за угол и проник в эту коробку? — Коркоран кивнул. — Не знаю, могу ли я тебе помочь. Я никогда не пользовался этим трюком сознательно. Каждый раз это случалось тогда и только тогда, когда мне угрожала смертельная опасность. Какой-то механизм выживания, что ли. Не знаю, смогу ли я включить механизм по заказу. Можно, конечно, попробовать, но...

— Попробуй — вот и все, чего я прошу. Я исчерпал все другие возможности. Отель сегодня пуст и под охраной, но я устроил так, что нас туда пропустят. Сам я угробил там уйму времени, зондируя, выстукивая, протыкая стены и сверля их, все пытался найти дорожку в эту лоджию. Ничего не вышло. Выглянешь из окна, к какому она примыкает, — и видишь улицу, а больше ничего. А выйдешь наружу, посмотришь вверх — эта штуковина снова тут как тут.

— Джей, а что все-таки тебя заботит? — спросил Бун настойчиво. — Что ты надеешься обнаружить в так называемой лоджии?

— Сам не знаю, — покачал головой Коркоран. — Может, и вовсе ничего. Мартин стал для меня чем-то вроде навязчивой идеи. Вполне вероятно, я уже потратил больше, пробуя выяснить что-либо на его счет, чем он выплатил мне за все годы. Хуже всего, Том, что я чувствую: в эту коробку надо проникнуть любой ценой! — Он замолк, рассматривая пустой бокал. Потом вздохнул и снова поднял глаза. — Беда в том, что у нас с тобой мало времени. Сегодня пятница, и уже вечер, а отель планируют взорвать в воскресенье рано утром, когда на улицах ни души...

Бун негромко присвистнул:

— Надо же было дотянуть до последней секунды!

— Это от меня не зависело. Тебя было нелегко найти. Когда удалось наконец выяснить, что ты в Сингапуре, я послал телеграммы в каждую дыру, где ты мог бы остановиться. Теперь, если мы хотим что-нибудь предпринять, надо действовать молниеносно.

— Завтра, в субботу, — согласился Бун.

— Давай наметим завтрашний вечер. Днем там состоится шоу для прессы, посвященное последнему дню старого отеля. Телекамеры и репортеры по всему зданию. Мы приступим к делу, когда все угомонятся. — Коркоран встал и, забрав бокалы, опять отправился к бару с роскошным выбором спиртного. — Ты, конечно, остановишься у меня?

— Во всяком случае, я на это рассчитывал.

— Прекрасно. Тогда выпьем еще по одной и, если не возражаешь, припомним прежние деньки. Потом я покажу тебе твою комнату. А коробку-лоджию выбросим из головы до завтрашнего вечера...

Глава 2

ГОПКИНС АКР, 1745 ГОД

Дэвид бродил по полям с самого полудня в сопровождении любимого сеттера, тихо наслаждаясь как одиночеством, так и упорядоченной красотой окружающего мира.

Со стерни из-под самых ног с шумом вспорхнул, взвился в небо тетерев. Ружье автоматически взлетело к плечу, щека прилипла к прикладу. Птица попала в перекрестье прицела, и он резко повел дуло влево. «Пли!» — произнес он, зная наверняка, что, если бы дослать патрон в патронник и нажать на спусковой крючок, птица бы кувырком свалилась на землю.

Сеттер бросился было за птицей, но вернулся вприпрыжку, сел у ног Дэвида и с веселым оскалом глянул на человека, как бы спрашивая: «Ну что, развлекаемся?..» Потребовалось немало времени, чтобы приучить сеттеров из поместья к новому порядку вещей. Их от века тренировали поднимать дичь, а затем разыскивать добычу и приносить хозяину. Они просто не понимали, чего от них хотят теперь. Однако через несколько поколений приспособились и уже не ждали ни хлопка выстрела, ни приказа найти подбитую птицу.

Так какого рожна, спросил он себя в тысячный раз, я таскаю с собой ружье? Просто ради того, чтоб ощущать его вес и точное прилегание приклада к плечу?

Или чтобы вновь доказать себе, что ныне человек, оставивший за плечами долгую историю жестокостей и зверств, достиг наконец истинной цивилизованности? Но такой ответ — просто позерство. Он, Дэвид, неспособен зарезать овцу, но ест баранину. Он по-прежнему плотояден, а любой плотоядный — убийца.

Пришлось напомнить себе, что денек выдался славный, даже если бы не довелось встретить ни одной птицы. Он постоял на холме, глядя вниз на крытые соломой хижины, где жили те, кто пашет землю и держит скот. На окрестных пастбищах паслись коровы и овцы, иногда сами по себе, иногда под присмотром подростков и собак. Встретил он сегодня и стаи хрюкающих свиней, диких, как олени, рыщущих по лесным чащобам в поисках палых желудей. Но ни к свиньям, ни к людям он близко не подходил — не дерзнул. Как ни старался, не удавалось почувствовать себя сродни простофилям, радостно ковыряющимся в земле. Другое дело — впитывать душой переменчивые краски осенних лесов, вдыхать чистый студеный воздух. Он спускался к ручьям, бегущим под сенью могучих дерев, и пил прямо из ладоней, следя за стремительными тенями форелей.

Еще раньше он приметил Колючку, который затеял очередную нелепую игру и аккуратно прыгал туда-сюда по какой-то непонятной схеме. Дэвид довольно долго наблюдал за ним, в который раз недоумевая: что за существо этот Колючка, что у него на уме?

Наигравшись, Колючка поскакал прочь, в сторону лесной опушки, и его прыжки стали как бы свободнее и грациознее, чем во время игры, когда его связывали путы неких правил. Яркое послеполуденное солнце отражалось в его шаровидном теле, острые кончики шипов словно нанизывали солнечные лучи и рассыпали их искрами. Дэвид окликнул Колючку, хотя тот, очевидно, не расслышал и вскоре скрылся в лесу.

День выдался что надо, сказал себе Дэвид, но тени становятся длиннее, а ветерок прохладнее. Пора возвращаться домой. Сегодня на стол подадут седло барашка — так ему сказала старшая сестра Эмма, жена Хораса, и посоветовала к ужину явиться вовремя.

«Не опаздывай, — предупредила она. — Баранина, коль скоро ее приготовили, ждать не может. Баранину надо съесть, пока не простыла... И поосторожнее с

этим ружьем. Ума не приложу, зачем ты вообще таскаешь его с собой. Ты же никогда ничего не приносишь. Почему бы тебе, в самом деле, не принести как-нибудь парочку фазанов или куропаток? Вот бы была вкусная еда!..»

«Ты же знаешь, я не могу убивать, — ответил он ей. — Никто из нас не может. Воспитание вытравило из нас способность к убийству».

Утверждение, конечно же, не вполне соответствующее истине.

«Хорас смог бы убить, — резко возразила она. — Возникни у нас нужда в пище, Хорас смог бы. А уж я бы запекла птицу и приправила...»

В отношении Хораса она была права. Человек угрюмый и практичный, Хорас не остановился бы перед убийством в случае нужды, но, разумеется, не ради забавы. Хорас просто не умел делать что бы то ни было ради забавы. Какое бы дело он ни затеял, ему непременно необходимо сперва обосновать свои действия.

Что касается сестриных тревог, Дэвид их просто высмеял: «Ружье не причинит мне вреда. Сама знаешь, оно даже не заряжено».

«Но ты заряжаешь его, — не унималась она, — перед тем как поставить обратно на место. Тимоти настаивает, чтоб оружие хранилось заряженным. Если хочешь знать мое мнение, наш братец Тимоти слегка с приветом...»

Да что там говорить, все они, в общем-то, с приветом. Он сам, и Тимоти, и, пожалуй, Хорас и Эмма, только на свой манер. Все, кроме младшей сестренки Инид. Она одна из всех отличалась независимостью духа и склонностью к размышлениям. Нет сомнений: она проводит в размышлениях больше времени, чем все остальные вместе взятые.

Напомнив себе, что баранина не может ждать и что ее надо съесть, пока не остыла, Дэвид решительно зашагал домой. Сеттер сообразил, что потехе и веселью на сегодня конец, и степенно трусил следом.

Перевалив взгорок, Дэвид сразу увидел дом посреди прямоугольной лужайки, зеленеющей на фоне бурых полей. По периметру участка, в центре которого стояло строение, высились густые деревья в великолепии осенней листвы. По ближнему краю участка бежала пыльная дорога, превратившаяся ныне просто в двойную

колею из никуда в никуда. От дороги к дому вела подъездная аллея, обрамленная высокими тополями, которые год от года хирели и вот-вот, осталось недолго ждать, окончательно зачахнут и рухнут.

В сопровождении верного пса Дэвид двинулся под уклон, по рыжеватой наготе осенних полей, и вскоре вышел на аллею. И вот он дом, приземистое двухэтажное сооружение из необработанного камня, и каждое разделенное надвое окно горит тихим пожаром, отражая заходящее солнце.

Поднявшись по широким каменным ступеням, он, как обычно, повоевал немного с тяжелой неподатливой ручкой, прежде чем половинка двери мягко отошла на свежесмазанных петлях. Вестибюль, потом полумрак просторной гостиной, где зажжена всего-то пара свечек на столе в дальнем углу, и только потом, глубже, яркое зарево столовой, где свечей не жалели. Оттуда, из столовой, доносились приглушенные голоса, и было ясно, что вся семья уже в сборе в предвкушении вечерней трапезы.

Тем не менее он не сразу пошел в столовую, а повернул из гостиной направо, в оружейную комнату. Здесь мерцала единственная свеча на верху стойки, и по комнате метались неясные тени. Подойдя к стойке вплотную, он переломил ружье, выудил из кармана своего охотничьего плаща два патрона, вставил их со щелчком в стволы и одним легким движением замкнул казенник. Поставил ружье на отведенное ему место и обернулся. Посреди оружейной стояла сестренка Инид.

— Хорошо провел день, Дэвид?

— Даже не слышал, как ты вошла, — отозвался он. — Ты двигаешься, как пушинка. Случилось что-нибудь, о чем я должен знать, прежде чем полезу в клетку ко льву?

Она легко покачала головой:

— Сегодня лев в отлучке. Хорас стал почти человеком или, по меньшей мере, приблизился к человекоподобию так близко, как только способен. Получено сообщение, что Гэхен прибывает к нам из Афин...

— Не жалую я этого Гэхена, — сказал Дэвид. — Он такой ученый зануда! Он меня подавляет, в его присутствии я чувствую, что ни на что не гожусь.

— Меня он тоже подавляет, — поддакнула Инид. — Не знаю, право, может, мы с тобой и вправду ни на что

не годны. Но даже если так, мне лично моя ни-к-чему-непригодность нравится.

— А мне моя, — весело согласился Дэвид.

— Зато Хорас от Гэхена в восторге, и, если его приезд сделает Хораса поуживчивее, мы с тобой только выиграем. Тимоти — тот и вовсе вне себя от счастья. Гэхен сообщил Хорасу, что везет для Тимоти книгу или даже, кажется, свиток, написанный автором по имени Гекатей.

— Гек... ладно, как бы его там ни звали, я никогда о нем не слышал. Не уверен даже, он это или она.

— Это он, — заверила Инид. — Древний грек Гекатей Милетский. Пятый или шестой век*. Есть мнение, что Гекатей был первым серьезным автором, попытавшимся с помощью критического анализа очистить историю от мифических напластований. Гэхен полагает, что свиток, попавший ему в руки — неизвестная книга, считавшаяся утраченной.

— Если это правда, — подхватил Дэвид, — тогда нам с тобой Тимоти долго не видать. Запрется в библиотеке, даже еду придется туда подавать. Чтоб обсосать это сокровище, ему понадобится год, не меньше. А до той поры он полностью выйдет из повиновения.

— По-моему, его куда-то не туда занесло, — сказала Инид. — Он по уши увяз в истории, да и в философии тоже. Все надеется отыскать фундаментальные ошибки человечества и уверил себя, что их корни — в первых тысячелетиях письменной истории. Какие-то ошибки он нашел, но, право, не надо лазить по источникам, чтобы осознать их: проблема перепроизводства, погоня за прибылью, мания военных решений, просыпающаяся всякий раз, когда один человек, или племя, добивается большего достатка, чем соседи; наконец нужда в убежище, желание спрятать свое «я» под защиту племени, нации, империи, — видимо, такое назойливое желание отражает ужасную неуверенность в себе, ставшую неотъемлемым свойством человеческой психики. Можно продолжить перечисление, но Тимоти попросту обманывает себя. Он ищет чего-то более глу-

---

*Гекатей Милетский жил в V — VI вв. до н. э. Его работы дошли до нас в отрывках, главные из них — «Землеописание», труд страноведческого характера, и «Генеалогия», содержащая греческие мифы и предания.

бокого, а искомое лежит где угодно, только не в истории...

Дэвид не удержался и спросил вполне серьезно:

— Инид, у тебя есть своя догадка на этот счет? Хотя бы смутная?

— Пока еще нет. Может, и никогда не появится. Все, что я знаю — Тимоти ищет не там, где можно что-то найти.

— Наверное, нам пора выйти к ужину, — предложил он.

— Да, пора. Нельзя заставлять других ждать нас. Эмма и так испереживалась, что ты опоздаешь. Тимоти наточил разделочный нож. А кухарка Нора — та и вовсе разнервничалась. Баранина была уже почти готова.

Он предложил сестре руку, и они пересекли гостиную, осторожно петляя среди затененной, еле различимой мебели.

— А, вот и вы! — воскликнул Хорас, едва они показались на пороге столовой. — Я уж гадал, где вы запропастились. Сами знаете, баранина ждать не может. Теперь извольте каждый взять по стаканчику портвейна. Самый лучший портвейн, какой мне доводилось пробовать за многие годы. Просто превосходный портвейн...

Наполнив стаканы, Хорас обошел вокруг стола и вручил каждому его порцию лично. Это был коренастый человек, низкорослый, но крепко сбитый и, по-видимому, чрезвычайно волосатый. Шевелюра и борода Хораса поражали столь интенсивной чернотой, что она казалась переходящей в синеву.

— Кажется, ты в прекрасном настроении, — обратился к нему Дэвид.

— Точно, — ответил Хорас. — Завтра к нам пожалует Гэхен. Неужели Инид не говорила тебе об этом?

— Говорила. Он будет один или кто-нибудь составит ему компанию?

— Он не уточнял. Слышимость была неважной. Какие-то помехи. С проблемой помех никто так и не справился. Тедди со станции в плейстоцене считает, что это сказываются напряжения при настройке на разрыв во времени. Может, что-то связанное с аномалиями в пеленгации...

Дэвид отметил про себя, что Хорас не понимает в том, о чем толкует, ровнехонько ничего. Возможно, он

и владеет какими-то поверхностными знаниями относительно путешествий во времени, но в теории не смыслит ни черта. Тем не менее, о чем бы ни зашла речь, Хорас мнил себя экспертом и высказывался в безапелляционной манере.

Он, наверное, разглагольствовал бы на ту же тему и дальше, но его прервала Нора, триумфально вынырнувшая из кухни с блюдом баранины. Поставив блюдо перед Тимоти, она суетливо заспешила назад к плите. Остальные поторопились занять свои места за столом, а Тимоти принялся нарезать седло барашка ломтями, орудуя ножом и вилкой в своем обычном стиле, то есть священнодействуя.

Дэвид пригубил портвейн. Вино было действительно превосходным, тут Хорас оказался прав. Что ж, в бытовых мелочах, например в том, чтобы выбрать бутылку портвейна, Хорас мог оказаться прав — закон средних чисел подразумевает, что изредка прав бывает любой глупец.

Довольно долго они ели в молчании. Затем Хорас благопристойно вытер губы салфеткой, кинул ее обратно себе на колени и заявил:

— Меня порядком беспокоит наш аванпост в Нью-Йорке двадцатого века. Не доверяю я этому Мартину. Вот уже который месяц пытаюсь вызвать его на связь, а прохвост не отвечает.

— Может, он куда-нибудь временно отлучился, — предположила Эмма.

— Если он уехал, — не унимался Хорас, — то как наш доверенный обязан был известить нас. С ним там эта женщина, Стелла. В его отсутствие могла бы ответить она.

— А может, она уехала вместе с ним, — сказала Эмма.

— Не имела права. Пост нельзя оставлять без присмотра ни на минуту.

— По-моему, — вмешался Дэвид, — это не лучший для нас выход — пытаться связаться с ним во что бы то ни стало. Сеансы связи надо бы свести к минимуму просто ради предосторожности.

— В этом отрезке времени, кроме нас, нет никого, кто владеет межвременной техникой, — заявил Хорас. — Подслушивать некому.

— Я бы за это не поручился, — сказал Дэвид.

— Подслушивают нас или нет, какая разница! — воскликнула Эмма, как всегда выступая в роли робкого миротворца. — Нет никакого смысла портить ужин спорами на эту тему.

— Этот Мартин избегает общения с нами, — посетовал Хорас. — От него не дождешься никаких сообщений...

Тимоти положил нож и вилку на тарелку, намеренно звякнув сильнее обычного. И провозгласил:

— Допустим, мы не знаем этого человека и не вполне ему доверяем, и все же он, наверное, соображает, как ему поступать. Ты, Хорас, делаешь из мухи слона.

— Я встречался с ним и со Стеллой несколько лет назад, — сказал Дэвид, — когда ездил в Нью-Йорк двадцатого века за книгами для Тимоти. Помнишь, — обернулся он к самому Тимоти, — именно тогда я привез винтовку и дробовик для твоей коллекции...

— Прекрасные экземпляры, — похвалил Тимоти.

— Но я никак в толк не возьму, — резко заметила Эмма, — зачем держать их постоянно заряженными? Добро бы только эти два ружья, а то все без исключения. Заряженное ружье рано или поздно выстрелит...

— Все должно быть в полном комплекте, — объявил Тимоти. — Думаю, даже ты способна оценить принцип комплектности. Патроны — неотъемлемая часть любого оружия. Без патронов ружье — не ружье.

— Не понимаю я подобного объяснения, — высказался Хорас. — И никогда не понимал.

— Но я-то вовсе не о ружьях собирался сказать! — внес поправку Дэвид. — Извините, что вообще упомянул о них. Я только хотел рассказать вам о Мартине и Стелле. Я же останавливался у них и провел с ними несколько дней...

— И как они тебе показались? — поинтересовалась Инид.

— Мартин — угрюмый тип. Крайне неприветливый. Говорил очень мало, а когда говорил, старался ничего не сказать. Да я и видел его нечасто и то мельком. У меня сложилось впечатление, что мой визит ему не по нутру.

— А Стелла?

— Тоже неприветлива, но на свой стервозный манер. Все разглядывала меня исподтишка, притворяясь при этом, что я ее ни капельки не интересую.

— Кто-нибудь из них двоих опасен? Я имею в виду — опасен для нас?

— Нет, не думаю. Просто с ними неуютно.

— Мы стали слишком самодовольными, — произнесла Эмма робким голоском. — Все у нас шло гладко столько лет, что мы поневоле впали в заблуждение, что так будет всегда. Хорас среди нас единственный, кто по-прежнему начеку. И постоянно чем-нибудь занят. Сдается мне, что и остальные, чем критиковать его, лучше бы нашли себе какое-нибудь полезное занятие.

— Тимоти занят не меньше Хораса, — возразила Инид. — Не бывает и дня, чтоб он не копался в книгах или не разбирался в том, что собрали для него другие. А кто собрал? Дэвид, выезжавший в Лондон, Париж и Нью-Йорк, не побоявшийся покидать Гопкинс Акр ради сбора информации...

— Что ж, дорогая, это, может, и так, — откликнулась Эмма, — а ты сама чем занята, скажи на милость?

— Милые родственники, — взял слово Тимоти, — не стоит придираться друг к другу. Инид делает никак не меньше, чем остальные, а то и больше.

Дэвид бросил взгляд на Тимоти, восседавшего во главе стола, спокойного и красноречивого, и в который раз поразился тому, как удается брату ладить с Эммой и ее хамоватым мужем. Сколько бы его ни провоцировали, Тимоти никогда не повышал голоса. Лицо, окаймленное жидкой седенькой бородкой, напоминало святого, а главное — он неизменно являл собой голос разума перед лицом любых бурь, налетавших на семейный корабль.

— Чем препираться, кто вкладывает больше стараний в преодоление мелких трудностей, — произнес Дэвид, — лучше бы признаться, что никто из нас не сделал ничего серьезного для решения проблемы по существу. Почему бы не сказать себе прямо и честно: мы беженцы, мы забились сюда и прячемся в надежде, что нас не найдут? Но нет, мы не хотим в этом сознаться, хоть и не смогли бы придумать ничего другого даже перед лицом собственной гибели...

— А может, кто-то из нас уже нащупывает путь к решению? — заявил Хорас. — И даже если нет, есть

же и другие, кто ищет верный ответ. В Афинах, в плейстоцене...

— Вот именно, — подхватил Дэвид. — Мы, Афины, плейстоцен и Нью-Йорк, если Мартин со Стеллой все еще там. И сколько же нас наберется вместе взятых?

— Не стоит забывать, — ответил Хорас, — что нами счет не исчерпывается, должны существовать и другие группы. Три наши общины — по сути четыре — осведомлены друг о друге. Но должны быть и другие, связанные между собой так же тесно, как наша четверка, но тем не менее не знающие ни о нас, ни о большинстве других. Это же логично! Революционеры — а мы в известном смысле революционеры — испокон веков разделялись на конспиративные ячейки, и одна ячейка знала о других не больше, чем было совершенно необходимо.

— Со своей стороны, — повторил Дэвид упрямо, — я продолжаю считать, что мы просто-напросто беженцы, улизнувшие из своей эпохи.

К этому моменту с бараниной было покончено. Нора забрала пустое блюдо, а затем вернулась и водрузила на центр стола дымящийся сливовый пудинг. Эмма не замедлила придвинуть пудинг к себе.

— Оказывается, он уже нарезан, — сообщила она. — Передавайте мне свои десертные тарелки. Для желающих найдется и подливка.

— Сегодня я, когда бродил по полям, повстречал Колючку, — сказал Дэвид. — Он, как обычно, играл в свою глупую игру-попрыгушку.

— Бедный Колючка, — высказался Тимоти. — И угораздило же его забраться сюда вместе с нами! Он же тогда просто заглянул в гости, но оказался с нами в минуту отправления. Хоть он и не член семьи, но бросить его было бы негоже. Надеюсь, ему с нами хорошо...

— По всем признакам, он чувствует себя неплохо, — заметила Инид.

— Вряд ли мы выясним, хорошо ему или нет, — объявил Хорас. — Ему же не дано говорить с нами.

— Он понимает больше, чем мы подозреваем, — сказал Дэвид. — Не надо заблуждаться, воображая, что он глуп.

— Колючка — инопланетянин, — констатировал Тимоти. — Жил в соседнем семействе на правах домашнего любимца — нет, это не вполне точно, но состоял с ними в каких-то отношениях. В те дни многие земляне вступали в отношения с пришельцами, и характер таких отношений было не всегда легко понять. По крайней мере, для меня они так и остались загадкой.

— С Генри все было иначе, — заметила Инид. — Он из нашей собственной семьи. Может, родство и дальнее, но он все равно из наших. И отправился с нами, в сущности, добровольно

— Подчас я испытываю за него тревогу, — заявил Тимоти. — Не слишком-то часто он показывается нам на глаза.

— Занят, — пояснил Дэвид. — Развлекается. Бродит по стране за пределами поместья, наводя ужас на простых селян, да и на помещиков — эти тоже невежественны, как крестьяне, и верят в призраков. Зато нам он приносит уйму местной информации. Благодаря ему, и только благодаря ему, мы довольно широко осведомлены о том, что творится за пределами Гопкинс Акра.

— Но Генри вовсе не призрак! — воскликнула Эмма так, словно объявила официальный протест. — Не следовало бы толковать о нем в подобном тоне...

— Разумеется, он не призрак, — согласился с сестрой Дэвид, — но достаточно похож на призрака, чтоб одурачить любого, кто не знает в чем дело.

Прервав с общего согласия разговор, они приступили к пудингу, который оказался вязок, но исключительно вкусен. И вдруг прозвучала мысль — не голос, а мысль, но настолько сильная и ясная, что ее восприняли все за столом:

Я слышал, вы тут говорили обо мне...

— Генри! — взвизгнула Эмма, а остальные сконфузились.

— Конечно, он, кто же еще, — отозвался Хорас, хотя почему-то охрип. — Обожает пугать нас в самую неподходящую минуту. То удерет на много дней, а то объявится рядышком и заорет в самое ухо...

— Соберись в одно целое, Генри, — распорядился Тимоти, — и садись спокойно на стул. Неприятно говорить с собеседником, который невидим.

Генри собрался, или почти собрался, в целое так, чтоб его можно было хотя бы смутно видеть, и уселся в торце стола, прямо напротив Тимоти. Он был созданием дымчатым, в целом похожим на человека, но слепленным как бы очень небрежно. И даже то, что он собрал воедино, не желало твердо держаться вместе, а колыхалось взад-вперед, — спинка стула, видная сквозь разреженное тело, словно подрагивала в такт этим колыханиям.

Вы с восторгом поглощаете безобразно тяжелую пищу, заявил Генри. *Все тяжелое. Тяжелая баранина. Тяжелый пудинг. Именно пристрастие к тяжелой пище делает вас столь неповоротливыми, как вы есть.*

— Разве я неповоротливый? — не согласился Тимоти. — Я такой тощий и легкий, что того и гляди пошатнусь на ветру...

Да не бываешь ты на ветру, отпарировал Генри. *Ты же из дому не выходишь. Сколько лет минуло с тех пор, как ты ощущал обыкновенное солнечное тепло?*

— Зато тебя почти никогда нет дома, — поспешил Хорас на помощь Тимоти. — Уж тебе солнечного тепла и света достается больше, чем положено...

Я жив солнечным светом, ответил Генри. *Всем вам это, разумеется, известно. Именно энергия, которую я черпаю от солнца, поддерживает мое существование. Но дело не только в солнце, важно и многое другое. Сладкий аромат диких роз, пение птиц, дыхание открытых пространств, шелест или завывание ветра, гигантская вогнутая чаша неба, непотревоженное величие лесов...*

— Впечатляющий список, — сухо отозвался Дэвид.

Твой в той же мере, что и мой.

— Отчасти, — согласился Дэвид. — Я, по крайней мере, понимаю, о чем ты говоришь.

— Ты не встречал Колючку? — поинтересовался Хорас.

Бывает, он попадается мне на пути. Он, как и вы, ограничен куполом, окружающим Гопкинс Акр. Я единственный, кто способен пройти сквозь купол без помощи времялета. Вот я и странствую в свое удовольствие.

— Странствуй на здоровье, раз тебе это нравится, — сказал Хорас. — Но прошу тебя больше не докучать туземцам. Они принимают тебя за призрака.

Ты держишь всех окрестных поселян в постоянном волнении.

А они не против, заявил Генри. *Их жизнь уныла и скучна. Испугаться чего-либо для них почти удовольствие. Забьются в угол у печки и рассказывают друг другу сказки. Если бы не я, и рассказывать было бы не о чем. Но сегодня я прибыл отнюдь не ради этого.*

— Зачем же ты прибыл?

Появились любопытствующие насчет купола, ответил Генри. *Они не знают, что это такое, они не уверены в точном его местоположении, но они ощущают наличие купола, и им любопытно. Рыскают вокруг и вынюхивают.*

— Тогда это безусловно не туземцы. Туземцам ощутить купол просто не дано. Он стоит здесь почти полтора столетия, и...

Это не туземцы. Это некто другой или нечто другое. Некто или нечто извне.

В комнате воцарилась глубокая, мертвая тишина. Все сидели, будто приклеенные к стульям, и лишь обменивались взглядами. Древние страхи выбрались из мрачных закоулков поместья и расположились здесь, в самой освещенной комнате.

Наконец Хорас шевельнулся, прочистил горло и произнес:

— Значит, свершилось. По-моему, каждый из нас знал с самого начала, что рано или поздно это произойдет. Честно говоря, этого стоило ожидать — нас выследили.

Глава 3

НЬЮ-ЙОРК

В воздухе было разлито некое искажение. Возникало ощущение аберрации, какой-то привычный фактор был не на своем месте, и это однозначно свидетельствовало, что поблизости *угол*. Но поймать это странное ощущение за хвост не удавалось, дотянуться до угла не представлялось возможным.

Коркоран знай себе бродил вдоль внешней стены апартаментов с фонариком, держа его в двух-трех дюймах от стены и сам подавшись вперед в тщетных попытках уловить хоть какую-нибудь неровность, какой-нибудь намек на разрыв в кладке. Наконец он остановился и, выключив фонарик, повернулся к Буну лицом. Свет, проникающий с улицы, не давал комнате погрузиться во тьму и все-таки был слишком слабым, чтобы прочитать выражение лица Коркорана.

— Безнадежно, — произнес тот. — Ни черта нет. И все равно я уверен, что там за окнами к стене прилепилась какая-то конструкция. Ошибаться я не могу. Я видел ее своими глазами.

— Я верю тебе, Джей, — отозвался Бун. — Тут присутствует явное пространственное искажение, я его чувствую.

— Но не можешь ткнуть в него пальцем?

— Пока не могу.

Подойдя к окну, Бун выглянул на улицу и удивился, увидев, что она совершенно пуста. Ни машин на мостовой, ни пешеходов на тротуарах. Но, приглядевшись пристальнее, он заметил шевеление в затемненном подъезде через дорогу, потом там же наметилась какая-то более темная масса и от нее отразилась мгновенная светлая искорка.

— Джей, — позвал Бун, — когда, ты говоришь, намечен взрыв этого здания?

— В воскресенье утром. Рано-рано утром.

— Можно ведь считать, что уже воскресное утро. На той стороне — наряд полиции. Я приметил, как свет отразился от полицейской бляхи.

— Взрыв будет в четыре или пять утра. Когда займется рассвет. Я наводил справки о других операциях такого рода. Всегда при первых лучах рассвета, прежде чем могла бы собраться толпа. А сейчас чуть больше полуночи. У нас в запасе еще несколько часов.

— Не уверен, — откликнулся Бун. — Может, они решили обмануть самых бдительных и произвести взрыв раньше, чем ожидают? Ведь это старинное, общественно значимое сооружение. И если взорвать его пораньше, пока взрыва никто не ждет...

— Не станут они этого делать, — возразил Коркоран, придвинувшись к Буну на шаг-другой. — Просто не посмеют...

Раздался глухой гром, ударивший их по коленям. Штукатурка пошла трещинами, которые зазмеились по потолку вкось, к середине. Пол под ногами резко осел. Бун еле успел дотянуться до Коркорана и плотно обхватить его обеими руками...

И они очутились в ином месте, в иной комнате, где штукатурка не трескалась, а пол не проседал. Коркоран гневно оттолкнул Буна с криком:

— Что это значит, черт побери? Зачем понадобилось меня хватать?..

— «Эверест» разваливается. Выгляни в окно. Видишь тучи пыли?

— Не может быть! Мы же с тобой в «Эвересте»...

— Уже нет. Мы в коробке, которую ты заметил с улицы. Мы ступили за угол.

— Какого дьявола! — продолжал кричать Коркоран. — Уж не хочешь ли ты сказать...

— Требовался кризис, Джей. Мне следовало знать это заранее. Я могу ступить за угол лишь в самый последний момент, в критическую секунду, когда другой надежды не остается.

Коркоран глянул на Буна осуждающе.

— Ты сыграл со мной скверную шутку. И даже не предупредил...

— Я и сам этого не предвидел. Моя аномальность — особый путь к выживанию. Она не включается, пока нет смертельной угрозы. Так это было и в прошлом. Это инстинктивная реакция на опасность.

— Но до сих пор ты ступал за угол лишь на самый короткий срок. А потом возвращался. Мы тоже вот-вот вернемся?..

Бун покачал головой.

— Не думаю. Я возвращался, только когда это становилось безопасным. А здесь мы зависли бы в воздухе на месте здания, распавшегося на куски. Если бы мы ступили за угол в обратном направлении, то рухнули бы с высоты вслед за «Эверестом». А кроме того, раньше за углом не оказывалось никакой реальности. В предыдущих случаях я попадал в какую-то мглистую неясность, в серый плоский мир без определенных очертаний. А на сей раз мы угодили в реальное помещение — в твою коробку. Не могу ни за что ручаться, но думаю, что не ошибаюсь.

— Выходит, — сказал Коркоран, — мы в убежище Мартина. Ну и что нам теперь делать?

— А уж это решать тебе, — ответил Бун. — Тебе хотелось, чтоб я ступил за угол. Я так и сделал да еще прихватил тебя с собой. У тебя были вопросы к этому Мартину. Вот и давай поищи ответов...

Сказав так, он обвел взглядом комнату, где они очутились. Мебель была странной — форма и назначение каждой вещи понятны, а вот конструкция более чем диковинная. У дальней стены расположилось нечто похожее на камин, однако, сразу поправился он, скорее всего не камин. Над «камином» висел довольно массивный прямоугольник, возможно картина. Но если так, то в своей необузданной заумности она настолько превосходила даже самые сумасшедшие изыски модных художников, что разум отказывался признать ее произведением искусства.

Комната казалась вполне устойчивой, ничто не качалось и не провисало. Как это может быть? Ведь комната была каким-то образом прикреплена к зданию, ныне осевшему, обратившемуся в неаппетитную груду обломков. И тем не менее она, по всем признакам, держалась на месте. Без поддержки взорванных стен она сама по себе парила в двухстах, если не более, футах над мостовой.

Бун подскочил к окну и выглянул наружу. В тусклом уличном освещении над тротуаром клубилась плотная туча кирпичной и известковой пыли, а из-под нее во все стороны разлетались куски камня и мрамора, доски и щепки. Не оставалось и тени сомнения, что старый отель обваливается или уже обвалился.

Комната, где они обрели пристанище, внезапно дрогнула, дала крен, потом снова выровнялась, но по стенам как бы пробежала дрожь. Бун, затаив дыхание, отшатнулся от окна.

Крен сдвинул картину или нечто похожее на картину, и она-оно отошло вбок, открыв утопленную в стене черную панель. Панель от края до края была забита сверкающими приборами. А в самом центре ее то вспыхивала, то гасла красная лампочка. Коркоран сохранил равновесие, широко раздвинув ноги, и уставился на панель, — а лампочка все мигала.

И вдруг из недр панели послышался голос. Он звучал громко и сердито, но нес совершеннейшую тарабарщину.

— Говорите по-английски, — зарычал Коркоран. — По-английски! Или вы не знаете этого языка?

Лампочка прекратила мигать, и голос перешел на английский. В речи слышался странный акцент, и все-таки это был английский.

— Разумеется, язык мы знаем. Но зачем по-английски? Ведь это Мартин, не так ли? Где вы пропадали? Почему не отвечали на вызовы?

— Это не Мартин, — ответил Коркоран. — Мартина здесь нет.

— Но если вы не Мартин, тогда кто? Чего ради отвечаете? И как вы оказались в жилище Мартина?

— Друг, — сказал Коркоран, — это довольно долгая история, а на рассказ нет времени. Отель снесли, сровняли с землей, и мы остались в жилище Мартина, которое висит в воздухе без опоры и в любую секунду может рухнуть...

Говорящий с акцентом издал резкий непроизвольный вздох, потом произнес:

— Не паникуйте. Мы приведем все в порядок.

— Вовсе я не паникую, — ответил Коркоран, — но мне кажется, нам бы следовало немного помочь.

— Мы поможем. Слушайте меня внимательно.

— Я весь внимание.

— Вы видите приборный щиток? Вы должны его видеть. Он приводится в действие, когда защитная покрышка сдвинута. Она должна быть сдвинута.

— Да сдвинута она, черт возьми, сдвинута! Кончайте говорить с нами, как с малыми детьми, и скажите мне прямо, что предпринять. Панель передо мной. Для чего она служит? Как действует?

— В нижнем левом углу панели вы видите много... мм... вы, вероятно, назвали бы их кнопками. В самом нижнем ряду кнопок отсчитайте третью справа и нажмите ее.

— Нажал.

— Теперь отсчитайте от этой кнопки вторую вверх и нажмите ее тоже.

— Тоже нажал.

— Теперь... Нет, не делайте ничего, пока я вам не скажу. Возьмите еще дальше вверх, под углом вправо, на расстояние трех кнопок. Вы меня понимаете?

— Понимаю. Держу палец на указанной кнопке.

— Не нажимайте ее пока. Я дам вам знать, когда будет можно. Как только вы нажмете эту кнопку, вы тем самым передадите контроль мне, и я вытащу вас оттуда.

— Вы имеете в виду, что возьмете на себя управление этой штуковиной, где мы находимся, и передвинете ее куда-то?

— Именно так. Вы возражаете против такого решения?

— Мне это не нравится, — ответил Коркоран, — но мы не в той ситуации, чтобы позволить себе препираться.

— Вы настойчиво повторяете «мы». Вы не один?

— Нас тут двое.

— Вы вооружены? У вас есть оружие?

— Конечно, нет. Зачем нам оружие?

— Откуда мне знать! Быть может, например...

— Вы теряете время! — взорвался Коркоран. — Мы можем свалиться в любой момент!..

— Вы нашли нужную кнопку?

— Да, нашел.

— Тогда нажмите ее.

Что Коркоран и сделал. На них навалилась тьма, сопровождаемая мгновенной потерей ориентации, словно их полностью вырвали из контакта с действительностью. Движения не ощущалось, точнее, не ощущалось вообще ничего.

А затем легкий толчок. Тьма отступила, в окна хлынул солнечный свет. И не только в окна, но и через дверь или, возможно, через люк, который сам собой открывался в полу, поворачиваясь на петлях.

— По-моему, — произнес Бун, — нас приглашают на выход.

И первым двинулся к порогу. За люком и отходящим от него наклонным пандусом виднелась лужайка. За лужайкой стоял дом, внушительный старинный дом из необработанного камня, кое-где тронутого наростами мха.

По лужайке им навстречу шагал человек в охотничьем плаще. На руке, согнутой в локте, лежало ружье на изготовку. Рядом с ним справа трусил веселый пес, великолепный золотисто-рыжий сеттер, а слева двигалось шаровидное чудище диаметром почти в человеческий рост. Чудище катилось размеренно, приноравливая свою скорость к шагу охотника. По всей своей поверхности оно было усыпано острыми шипами, посверкивающими, а то и вспыхивающими на солнце. Но, несмотря на остроту, шипы не оставляли на почве даже царапин. На мгновение Буна обуяла странная догадка, что чудище идет на цыпочках, но уже в следующий миг он понял, что оно просто-напросто плывет над почвой, медленно вращаясь на лету.

Бун, спустившись по пандусу, ступил на лужайку. Коркоран замешкался, поводя головой из стороны в сторону, будто это давало ему возможность разом охватить открывшуюся перед ним сцену. Из дома показались еще несколько человек и замерли на широких каменных ступенях, наблюдая за происходящим.

Человек с ружьем, по-прежнему сопровождаемый веселым сеттером и шипастым чудищем, остановился в дюжине шагах от Буна и сказал:

— Добро пожаловать в Гопкинс Акр.

—. Так это Гопкинс Акр?

— Вы что, слышали про такое местечко?

— Услышал недавно, — ответил Бун. — Вчера или позавчера.

— И что же вы услышали?

— Ничего существенного, — пожал Бун плечами. — Точнее, вообще ничего. Что кто-то вдруг проявляет к вашему местечку немалый интерес.

— Меня зовут Дэвид, — сказал человек с ружьем. — Диковинного пришельца рядом со мной кличут Колючкой. Я очень рад, что вам удалось справиться с машиной. Хорас — отнюдь не тот техник, кому я доверил бы свою жизнь в минуту опасности. Он у нас достаточно неуклюж.

— Хорас — это тот, с кем мы разговаривали?

Дэвид кивнул.

— Он уже многие месяцы пытался связаться с Мартином. Когда наша панель сегодня утром вдруг ожила, мы решили, что Мартин наконец решил выйти на связь.

Коркоран в свой черед спустился по пандусу и встал рядом с Буном.

— Меня зовут Коркоран. Имя моего спутника — Бун. Мы оба сгораем от нетерпения узнать, что же с нами произошло. Быть может, вы не откажетесь объяснить нам все по порядку?

— Наше любопытство насчет вас ни на йоту не меньше, — откликнулся Дэвид. — Давайте пройдем в дом, там и поговорим. Думаю, что Нора вскоре позовет нас обедать. А может, стоит перед трапезой пропустить рюмочку-другую...

— Это было бы замечательно, — сказал Бун.

Глава 4

ШРОПШИР, 1745 ГОД

— Важно, чтобы вы осознали одно, — сказал им Хорас, — границы поместья вы не покинете никогда. Если бы такое было физически возможно, нам пришлось бы умертвить вас.

— Хорас у нас такой непреклонный, — вставила Инид. — Чувство такта у него попросту отсутствует. Он как молот — лупит по чему ни попадя. Право, он мог бы выразить то же самое иначе: нам очень жаль, что вы не можете покинуть поместье, но мы тем не менее рады, что вы с нами.

— А я не уверен, что рад их появлению, — заявил Хорас. — Это лишь очередное свидетельство, что положение выходит из-под контроля. Мартин со Стеллой исчезли без следа, да и то, что поведал нам Призрак...

— Генри! — перебила Инид. — Генри, а никакой не Призрак!..

— То, что вчера поведал Генри: некто или нечто рыщет вокруг Гопкинс Акра, чувствует необычность и старается выведать, что тут такое. Ручаюсь, они вот-вот нас достанут. И вот теперь эти двое из Нью-Йорка, не способные дать удовлетворительное объяснение, как им удалось проникнуть во времялет Мартина, и к тому же слышавшие заранее про Гопкинс Акр!..

— Мы просидели здесь чересчур долго, — посетовала Инид. — Мы могли бы сбить всех со следа, если бы перебрались куда-нибудь еще. Никто не вправе сидеть на одном месте целых полтора столетия.

— Перемещение навлекло бы на нас опасность само по себе, — заявил Хорас. — Для подготовки такой операции нам пришлось бы затребовать бригаду техников. А прежде всего пришлось бы разведать новый адрес, куда перемещаться. Это, положим, мы могли бы сделать собственными силами, но переезд без посторонней помощи совершенно исключается. У нас самих нет и половины необходимых навыков.

— А я-то пребывал в уверенности, — произнес Дэвид не без яда, — что ты способен в одиночку справиться с любой задачей...

Хорас сгорбился, как разъяренный бык.

— Ну-ка прекратите, — вмешался Тимоти в обычной своей мягкой манере. — Оба, и тот и другой. Чем ссориться, лучше объясним гостям, в меру нашего разумения, ситуацию, в которую они угодили.

— Мне бы этого очень хотелось, — сказал Коркоран. — Вы заявили, что выбраться отсюда мы не сможем, а в то же время Дэвид — я верно запомнил имя, не правда ли?..

— Да, — подтвердил Дэвид. — Меня зовут Дэвид, и я несколько раз покидал поместье. Чаще всего посещал Лондон и Париж. Однажды был в Нью-Йорке.

— Вы упомянули также, что кто-то вот-вот прибудет сюда из Афин. Стало быть, у вас случаются и вылеты и прилеты?

— Вылеты и прилеты, как вы их назвали, — ответил Тимоти, — осуществляются при помощи устройств, именуемых ковчегами, или времялетами. Ковчег, служивший жилищем Мартину, перенес вас сюда из Нью-Йорка, но это отнюдь не так просто.

— Я нажимал на кнопки, — пробормотал Коркоран.

— Вы могли бы нажимать на кнопки целую вечность и не сдвинуться с места. Однако вы нажали на строго определенные кнопки и тем самым подключили ковчег к контрольной панели в этом здании. После чего управление ковчегом Мартина перешло к Хорасу.

— Вы хотите сказать, что управлять этими ковчегами способен не каждый?

— Суть в том, — изрек Хорас, — что вы сейчас находитесь внутри временного купола. Термин, разумеется, упрощенный. Сквозь подобный купол не может проникнуть никто, не можем и мы. Есть единственный способ преодолеть эту преграду: на времялете. — На миг в комнате воцарилось молчание, затем Хорас добавил: — Ах да, я забыл про Призрака. Он и только он может преодолеть купол без посторонней помощи, но это особый случай.

— Генри, — напомнила Инид. — Генри, а никакой не Призрак!

— Сдается мне, — взял слово Бун, — что нам остается лишь принять ваши слова на веру со всей вежливостью, на какую мы только способны. Мы здесь, и вы заявляете, что отсюда нет возврата. Многого я, правда, не понял, и у меня возникла уйма вопросов, но с ними можно и подождать. У нас наверняка будет сколько угодно времени поставить эти вопросы один за другим.

— Меня радует, что вы отнеслись к услышанному столь достойно, — сказал Тимоти. — Мы и сами связаны рядом ограничений, пренебречь которыми невозможно. Выражаю надежду, что жизнь в нашей общине покажется вам приятной.

— Есть только один вопрос, — продолжил Бун, — слишком важный, чтоб его откладывать. Кто вы такие?

— Мы беженцы, — ответил Дэвид. — Беженцы, укрывшиеся в глубинах времени.

— Никоим образом! — вскричал Хорас. — Ты упрямо твердишь, что мы беженцы, а я утверждаю, что мы революционеры! Настанет день, и мы вернемся!..

— Не слушайте их обоих, — обратилась Инид к Буну. — Они всегда норовят вцепиться друг другу в глотку. Вас, вероятно, интересовало другое: откуда мы прибыли? Мы люди, родившиеся за миллион лет от этой эпохи. Люди из вашего отдаленного будущего.

Из столовой выглянула Нора и возвестила:

— Обедать подано...

Обед прошел вполне цивилизованно и спокойно, без дальнейших препирательств. Дэвид вспоминал деньки, проведенные в Нью-Йорке двадцатого века, и расспрашивал Буна и Коркорана о городе. Тимоти пересказывал книги, которые недавно прочел. Инид почти не раскрывала рта, да и Эмма благожелательно молчала.

Хорас горбился, поглощенный своими мыслями, но в конце концов решил заговорить:

— Не понимаю, что стряслось с Гэхеном. Ему давно пора бы быть здесь.

— Гэхен из Афин, — пояснила Эмма. — Он везет для Тимоти новую книгу.

— Мы говорим «Афины» для простоты, — заявил Тимоти. — На самом деле их база не в Афинах, хоть и неподалеку.

— Еще одна небольшая группа наших живет в плейстоцене, — добавил Дэвид. — Южная Франция. Самое начало последнего оледенения.

— Вместе с неандертальцами? — полюбопытствовал Бун.

— Да, рядом с первыми неандертальцами. Правда, их там немного.

— И совсем уж непонятно, — вновь заговорил Хорас, не в состоянии освободиться от тревог, — что заставило Мартина бежать в такой спешке. Притом вместе со Стеллой. По-видимому, там был еще малый врéмялет, припрятанный в пакгаузе, и Мартин использовал его для бегства, а Стелла была предупреждена и успела присоединиться. Но почему он не пустил в ход основной ковчег? Почему впал в панику? У меня нет сомнений, что он запаниковал. Перепугался до смерти и сбежал...

— Он боялся, что отель превратится в ловушку, — предположила Инид. — Мне, например, это совершенно ясно. Может, он не вполне доверял мистеру Коркорану.

— А почему Мартин должен был ему доверять? — откликнулся Дэвид. — Мистер Коркоран сам признал, что приставил к Мартину со Стеллой соглядатаев, следивших за каждым их шагом...

— Он покупал мои услуги и очень хорошо платил, — сказал Коркоран. — Я стану работать с полной отдачей для кого угодно, лишь бы платили. За всю свою жизнь я ни разу не надул клиента, если он платежеспособен.

— Но в данном случае клиент не вызывал у вас доверия, — заметил Дэвид.

— Пожалуй, действительно не вызывал. Я не видел почвы для доверия. И установил за ним наблюдение не для того, чтобы причинить ему зло, а чтоб убедиться, что он не причинит зла мне самому. Ваш Мартин был скрытен до смешного. Что называется, скользкий тип.

— Он должен был знать, что отель будет взорван, — гнул свою линию Хорас. — Постояльцев, конечно же, предупреждали заранее. Бросить основной времялет в таких обстоятельствах, подвергая его риску обнаружения, — как хотите, но подобный поступок совершенно непростителен.

— Про предстоящий взрыв он мог и не слышать, — вступился за бывшего клиента Коркоран. — Постояльцам ничего не говорили до последнего момента. Да и потом не делалось никаких публичных заявлений. Понимаете, все готовилось шито-крыто. Даже мне и то довелось услышать о предстоящем взрыве гораздо позже, чем Мартин исчез. А ведь от меня не ускользает почти ни один слушок...

— Тогда, значит, он отъехал по какому-то срочному делу, предполагая вскоре вернуться, — сделал вывод Дэвид. — В этом случае трогать основной времялет с места просто не было необходимости.

Оставив прежнюю тему, Хорас напустился на Буна:

— Вы так и не объяснили до конца, как вам удалось проникнуть во времялет. Как вы его обнаружили, я еще могу понять. Но как вы сумели проникнуть внутрь?

— Я уже сказал вам все, что мог, — ответил Бун терпеливо. — Я ступил за угол. И при всем желании я не в силах ничего прибавить. Потому что сам не понимаю, как это у меня получается. Мне известно одно: я становлюсь способен на это только под влиянием большого нервного напряжения.

— Это не объяснение, — отрубил Хорас. — Уж если человек что-то делает, то, естественно, знает как!..

— Извините, — сказал Бун. — Больше ничего не могу объяснить.

— Раз уж мы скатываемся на мелочи, — ввернул Коркоран, не скрывая известного раздражения, — скажите, пожалуйста, что за тарабарщину вы несли вначале, когда я вышел с вами на связь?

— На это отвечу я, — заявил Тимоти. — Как вы уже должны были заметить, мы предпочитаем держаться скрытно. Иногда, возможно, даже впадаем в шпиономанию. По нашим данным, система связи, какой мы пользуемся, застрахована от перехвата. Однако против нас действуют силы могущественные и в высшей степени изобретательные. Мы не уверены в своей безопасности, не имеем на это права. И если разговариваем

друг с другом по каналам связи, используем древний язык, известный когда-то лишь маленькому, забытому ныне племени. Мы надеемся, что этот прием поможет избежать дешифровки даже в том случае, если разговор удастся перехватить.

— Ей-ей, — не сдержался Бун, — это самая полоумная уловка из всех, с какими я когда-либо сталкивался!..

— Вы еще мало что знаете, — продолжил Тимоти. — Вы еще не слышали о бесконечниках. Если бы вы, не дай Бог, столкнулись с бесконечниками...

Из кухни донесся пронзительный крик. Тимоти и Эмма вскочили с места. В дверях появилась Нора, не прекращая кричать. Ее поварской колпак сбился набок, руки безостановочно теребили передник, повязанный вокруг талии.

— Гости! — визжала она. — К нам гости! И с ними что-то неладно! Времялет приземлился на клумбу и сразу перевернулся...

Стулья дружно скрежетнули по полу — все бросились в кухню и к черному ходу. Коркоран смерил Буна взглядом.

— Может, пожаловал тот самый посланец из Афин?

— Может, и он, — отозвался Бун. — Пойдем-ка посмотрим сами...

С кухонного крылечка им открылась картина весьма примечательная. Клумбу рассекала огромная борозда, оставленная прямоугольным предметом примерно двенадцати футов в длину и шести в ширину. Предмет торчал под углом, зарывшись носом в почву. Дэвид, Хорас, Инид и Тимоти толкали этот предмет и тянули в разные стороны, а Эмма стояла поодаль, причитая в голос.

— Надо бы помочь, — предложил Коркоран, и они в два прыжка очутились рядом.

— Что вы хотите сделать с этой штуковиной? — осведомился Бун у вспотевшего Хораса.

— Вытащить из земли, — прохрипел тот. — И поставить как полагается...

С помощью вновь прибывшего подкрепления это удалось. Хорас и Дэвид немедля набросились на различимую теперь отдельную панель в одной из боковых стенок. Мало-помалу панель поддалась их усилиям, потом с хлопком отогнулась. Дэвид прополз в отверстие и вскоре начал пятиться.

— Подсоби, — позвал он. — Я, кажется, дотянулся до Гэхена.

Хорас, с грехом пополам втиснувшись рядом с Дэвидом, тоже сумел нащупать, за что ухватиться. Пятясь вдвоем, они выволокли на свет обмякшее тело и, протащив по всей клумбе, положили на траву. Гэхен запрокинулся на спину. Изо рта у него стекала алая струйка. Одна рука бессильно болталась, одежда на груди пропиталась кровью. Хорас опустился на колени рядом с раненым, приподнял ему голову, погладил. Глаза раскрылись, окровавленные губы шевельнулись, но слов было не разобрать, одно бульканье. Инид поспешила к Гэхену, тоже стала на колени и произнесла:

— Все хорошо, Гэхен. Вы в безопасности. В Гопкинс Акре...

— Что случилось? — взвизгнула Эмма.

Ответом стали два слова вперемешку с кровью.

— Все погибло, — выдохнул Гэхен и захлебнулся.

— Что все, Гэхен? Что погибло?

Раненый силился выдохнуть кровь и наконец произнес:

— Афины...

Но больше ничего не сказал.

— Лучше перенесем его в дом, — предложил Тимоти. — Ранение тяжелое.

— Как это могло случиться? — продолжала верещать Эмма.

— Разбился он, сама не видишь? — воскликнул Дэвид. — Получил травму, потерял управление...

Раненый мучительно старался заговорить. Хорас приподнял ему голову повыше. Инид попыталась вытереть кровь с губ тоненьким платочком, но только испачкала платок, а толку не добилась.

— Афины... — послышался хриплый шепот сквозь кровь. — База в Афинах погибла. Разрушена...

Бун приблизился к Хорасу и положил пальцы на горло Гэхена, нащупывая пульс. Не нащупал, отнял руку и объявил:

— Он мертв.

Хорас, в свою очередь, разжал руки, позволив Гэхену упасть на траву, и медленно встал. Над поместьем повисло тяжкое молчание. Люди лишь обменивались взглядами, не в силах полностью осознать случившееся. Наконец Тимоти обратился к Буну:

— Негоже оставлять его здесь. Вы поможете перенести тело?

— Его надо будет похоронить, — сообразила Эмма. — Надо выкопать могилу...

— Сначала надо поговорить, — перебил Хорас. — Первым делом, прежде чем предпринимать что бы то ни было, надо все обсудить.

— Куда ты хотела бы его поместить? — спросил у Эммы Тимоти.

— В спальню наверху. Самую дальнюю направо. Оставить его в гостиной никак нельзя: кровь испортит мебель.

— А как насчет оружейной комнаты? Это ближе, и по лестнице тащить не придется. В оружейной есть кожаная кушетка. Кожу потом можно просто обтереть...

— Согласна. Пусть полежит в оружейной.

Бун взял умершего под мышки, Тимоти за ноги. Вдвоем они пронесли его через кухню и столовую, а Дэвид расчищал путь, отпихивая стулья. Чтобы добраться до оружейной, пришлось еще пересечь всю гостиную, пока Тимоти не скомандовал:

— Вон туда, к стене... — Опустив тело на кушетку, он задержался рядом, глядя на Гэхена сверху вниз, и сказал: — Не представляю себе, как быть дальше. Понятия не имею, что полагается делать в таких случаях. В этом доме не бывало смертей с самого нашего здесь появления. Совершенно новая для нас ситуация, и мы к ней не готовы. Мы ведь, знаете ли, почти бессмертны. Самая механика времени охраняет нас...

— Нет, я не догадывался об этом, — отозвался Бун.

— Внутри временного купола люди не подвержены старению. Мы стареем, только когда покидаем его пределы. — Бун не нашел подходящего ответа. А Тимоти продолжил, меняя тему: — Скверно все это. Настал критический момент, какие случаются в истории. Нам предстоит решить, что делать дальше. Решить без ошибки. Самое главное — без ошибки. Пойдемте со мной. Остальные, наверное, уже начали беседу...

Назвать это беседой было трудно. Собравшись в столовой, остальные наперебой орали друг на друга.

— Я так и предвидела! — кричала Эмма. — Так и предвидела, чувствовала нутром! Нам слишком хорошо жилось. Вот мы и решили, что так будет продолжаться

вечно. Мы не заглядывали вперед, не строили никаких планов...

— Планов чего? — выкрикнул в ответ Дэвид, перебивая сестру. — Откуда нам было знать, какие именно планы строить? Каким образом можно было угадать, что произойдет?..

— Не кричи на мою жену! — зарычал Хорас. — Никогда впредь не смей обращаться к ней в подобном тоне! Она права. Нам следовало предусмотреть все возможные неприятности и разработать типовые реакции на любую из них. Тогда мы не стояли бы разинув рты, как сейчас, захваченные врасплох и не ведающие, куда податься...

— А по-моему, — вмешался Тимоти, включаясь в перебранку, — лучше бы нам чуть-чуть успокоиться и хорошенько все обдумать...

— Нет у нас больше времени на спокойные размышления! — не мог угомониться Хорас. — Во всяком случае, на ленивые неспешные размышления, какие ты имеешь в виду. Я тебя раскусил, Тимоти. Ты попросту отмахиваешься от неприятностей. Не хочешь смотреть правде в глаза, и все тут! Впрочем, то же самое было и раньше. Помню, когда-то...

— Согласен, надо что-нибудь предпринять, — присоединился к общему крику Дэвид. — Думаю, что Тимоти не прав. Не тот нынче момент, чтоб откинуться на подушки и ждать развития событий. Мы, безусловно, должны принять какие-то меры. Но не может же каждый орать вразброд, что бы ему или ей ни взбрело в голову! Так уж мы точно...

— Нам надо уехать! — взвизгнула Эмма. — Надо убраться отсюда любой ценой!

— Какой же смысл, — выкрикнул Дэвид, — бежать куда глаза глядят? Бежать — да, конечно, если придется, но надо же сперва иметь определенный план...

— Никуда я не побегу! — взвился Хорас. — Не намерен бежать и не побегу! Бегство — это для трусов, и я не потерплю...

— Но мы должны бежать! — визжала Эмма. — Должны уехать отсюда! Нельзя сидеть здесь и ждать новых напастей! Мы должны найти укромное место...

— Ничего ты не найдешь, если побежишь сломя голову, — проревел Хорас. — Надо же хоть немного соображать...

— А я тем не менее полагаю, — заявил Тимоти, — что мы слишком торопимся. Два-три дня больше или меньше — не составит особой разницы...

— Через два-три дня нас может не быть в живых, — заорал Хорас.

— По крайней мере, похороним Гэхена достойно, — возразил Тимоти.

— Гэхен не в счет! — надрывался Хорас. — Гэхен мертв, и с ним уже ничего не случится! А мы еще живы, и нам не все равно, какая участь нас ждет завтра...

Бун влез на стул и перешагнул со стула на стол, отшвырнув ногой тарелки и приборы.

— Заткнитесь все! — загремел он. — Заткнитесь и сядьте по своим местам!

Крик как ножом обрезало — все повернулись к Буну и уставились на него.

— Ваше вмешательство ни к чему, — резко произнесла Эмма. — Вы не член семьи.

— Вы сами вовлекли нас с Коркораном в свою общину, — ответил Бун, — когда объявили, что поместья нам не покинуть. Тем самым вы дали нам право голоса. Мы с вами в одной лодке. Так что заткнитесь и сидите спокойно... — Все были настолько поражены, что послушались. Тогда Бун добавил, обращаясь к Коркорану, оставшемуся стоять у стены: — Джей, если кто-нибудь снова начнет орать или вскочит с места, ты его утихомирь.

— С удовольствием, — откликнулся Коркоран.

— Я вполне понимаю, — продолжил Бун, — что это милая семейная свара и что большую часть сказанного не стоит принимать всерьез. Но таким манером вы никогда ни до чего не договоритесь, а принять какой-то курс действий совершенно необходимо. Нравится вам или нет, я выступлю судьей на ринге.

Хорас мгновенно встал — Коркоран оттолкнулся от стены и двинулся в его сторону. Хорас опять сел.

— У вас есть что сказать? — обратился к Хорасу Бун.

— Могу сказать только одно: вы просто ни черта не смыслите в происходящем. У вас нет даже зачаточных знаний, необходимых для роли судьи.

— В таком случае, — ответил Бун, — быть может, вы не откажетесь просветить меня?

— Только не Хорас! — вмешалась Инид. — Он опишет события, как ему видится. И затуманит смысл...

Хорас снова вскочил — Коркоран снова оттолкнулся от стены, и Хорас сел на место.

— Прекрасно, мисс Инид, — заявил Бун. — Изложите свою непредвзятую версию событий. А вы, — обратился он к Хорасу, — получите слово позже. Но соблюдайте правила — говорить поодиночке, не кричать и тем более не толкаться.

— Мы группа беженцев, — начала Инид. — Мы...

— Мы не беженцы! — завопил Хорас.

— Заткнитесь! — осадил его Бун. — Инид, продолжайте, пожалуйста.

— Как я уже говорила вам, мы из эпохи, отстоящей от вашего времени на миллион лет. За этот миллион лет человечество изменилось...

— Его принудили измениться! — вмешался Хорас. — По своей воле оно и не подумало бы...

— Как ты можешь быть в этом уверен? — в свою очередь, перебил Дэвид. — К примеру, существует Генри...

— Я вполне уверен, — заявил Хорас. — Бесконечники...

Бун поднял руку, призывая к молчанию. Хорас замолчал.

— Вы уже поминали это слово, — обратился Бун к Тимоти. — Я хотел попросить у вас разъяснений, но в ту минуту прибыл времялет из Афин. Скажите мне наконец, кто такие бесконечники?

— Бесконечники — это иная разумная раса, — ответил Тимоти. — Откуда-то из центра Галактики. Они не биологические существа. Может, некогда и были биологическими, но изменили свою природу и стали тем, что есть.

— В сущности, — добавил Дэвид, — мы знаем о них очень мало.

— Я бы так не сказал, — возразил Хорас. — Мы знаем, хотя бы приблизительно, на что они способны.

— Ладно, — сказал Бун. — Мы отвлеклись от темы. Инид собиралась сообщить, как именно изменилось человечество за миллион лет.

— Из телесных созданий, — ответила Инид, — из существ биологических люди превратились в существа

бестелесные, нематериальные, в чистый разум. В наше время люди гнездятся огромными роями на кристаллических решетках. Они...

Вмешался Хорас:

— Это непристойно! Бессмертие...

— Заткнитесь! — загремел Бун. И вновь повернулся к Инид. — Но вы-то люди, самые настоящие люди. И те, что жили на базе в Афинах, тоже люди — биологические и...

— Были несогласные, — пояснила Инид. — Были такие, кто решил спастись бегством, лишь бы избегнуть бестелесности.

— Для значительной части человечества, — сообщил Тимоти, — бестелесность оказалась чем-то сродни новой увлекательной религии. Были, однако, и несогласные, притом протестующие весьма бурно. Мы причисляем себя к этим несогласным. Помимо нас, есть и другие, кто предпочел скрыться в различных временных зонах. Мы живем малыми группами, и каждая держится обособленно. Так нас труднее обнаружить. После бегства несогласных бесконечники либо их ставленники стараются нас выследить. По-моему, вера в религиозную сущность бестелесности — выдумка чисто человеческая. Для самих бесконечников это, по моему убеждению, отнюдь не религия, а четкий план, охватывающий всю Вселенную. Бесконечники уверены, что есть лишь одно-единственное явление, способное пережить гибель Вселенной, — это разум. И они поставили перед собой задачу создать сообщество разумов. Конечно, такое сообщество охватывает не только человечество, но и множество других разумных рас Галактики, не исключено, что и всей Вселенной. Возможно, бесконечники в нашей Галактике — всего-навсего небольшая миссия, одна из множества миссий, раскиданных по Вселенной и просвещающих невежественных язычников со всем усердием...

— Безумие! — завопил Хорас. — Говорю тебе, твои рассуждения — полное безумие!..

— Понимаете, — вмешалась Эмма, — мы ведь никогда не видели бесконечников. Другие, может, и видели, а мы нет.

— Эмма имеет в виду, — счел за благо пояснить Хорас, — что никто из нас, здесь присутствующих, не

видел бесконечников собственными глазами. А другие видели и пришли к убеждению, что все человечество обязано согласиться на жизнь в виде фантомов чистого разума. Это их убеждение превратилось в безумную, абсурдную веру. Несогласные были поставлены вне закона.

— Стоит принять во внимание, — добавил Тимоти тихо, — что человечество созрело для подобных перемен. Оно изменилось задолго до появления бесконечников. К тому периоду, из которого мы сбежали, преобразились и жизненные ценности, и философские воззрения. Человечество устало, ему все наскучило. Оно достигло слишком высокого развития, добилось слишком многого. Дальнейший прогресс перестал кого-либо интересовать. Если говорить в целом, нормой существования стало всеобщее дилетантство.

— А как же вы? — спросил Бун.

— Нас это не коснулось, — заявил Тимоти. — Нас и некоторых других. Мы были отселенцами, отсталыми и неотесанными, живущими вне пределов ослепительного совершенства, в каком погрязло все остальное человечество. Мы пожелали остаться людьми. Мы не доверяли новым идеям. И потому стали изгнанниками.

— Но ваши времялеты...

— Мы просто-напросто украли их у бесконечников, — сообщил Хорас. — Мы остались людьми в достаточной мере, чтобы защищать себя любыми средствами, если это необходимо. Бесконечники не лгут и не крадут. Они чересчур величественны и благородны.

— И глупы, — добавил Дэвид.

— Верно, — согласился Хорас. — И глупы. Но теперь они выследили нас, и нам придется снова бежать.

— Я не могу уехать отсюда, — заявил Тимоти. — Твердо решил, что никуда больше не поеду. Я не в силах бросить свои книги и записи, не в силах пожертвовать всей проделанной работой.

— Тимоти пытается, — сообщила Инид Буну, — найти хотя бы примерный ответ, где и как человечество сбилось с пути, как довело себя до ситуации, в которой люди через миллион лет согласятся с идеями бесконечников. По мнению Тимоти, где-то здесь, невдалеке от истоков нашей цивилизации, лежит ключ к ответу, и его

можно найти при тщательном изучении истории и философии.

— Я уже близок к ответу, — заявил Тимоти. — Уверен, что близок. Но никак не сумею продолжить работу, лишившись книг и записей.

— У нас просто не будет места, — вклинился Хорас, — на все твои бесчисленные листы, не говоря уже о книгах. Вместимость ковчегов крайне ограничена. Правда, у нас появился жилой ковчег Мартина, и это очень кстати. Есть еще наш собственный малый времялет и машина Гэхена, если она не вышла из строя...

— Думаю, что с ней ничего или почти ничего не случилось, — сказал Дэвид. — Гэхен потерял управление, только и всего. Тем не менее она села на клумбу относительно мягко.

— Надо ее осмотреть, — предложил Хорас.

— Наконец-то мы, кажется, сдвинулись с мертвой точки, — произнес Бун. — Но, хочется или нет, предстоит принять еще несколько конкретных решений. Если вы убеждены, что надо сниматься отсюда, то может ли кто-нибудь предложить — куда?

— Можно присоединиться к общине в плейстоцене, — обронила Эмма.

Хорас отрицательно покачал головой:

— Не годится. База в Афинах разрушена, и Генри сообщил нам, что кто-то или что-то рыщет и здесь. С таким же успехом недруги могли обнаружить и базу в плейстоцене. А если еще не обнаружили, то наше переселение в ту эпоху поможет им в этом. Я предлагаю отправиться глубже в прошлое, во времена до плейстоцена.

— А по-моему, надо вернуться в будущее, — высказался Дэвид, — и выяснить, что там творится.

— Обратно в осиное гнездо? — возмутилась Эмма.

— Что ж, пусть так, если этого не избежать, — ответил Дэвид. — Вполне вероятно, что там остались наши единомышленники, которые предпочли не сбежать, а скрываться и терпеть лишения. Может, они даже нашли какой-то иной выход из положения.

— Допускаю, что Мартин знал о происходящем больше нашего, — подосадовал Хорас, — но куда он к черту запропастился?

— И все же нужно какое-то время, чтобы все обдумать, — сказал Дэвид. — Негоже принимать важнейшие решения второпях.

— Два дня, — отрезал Хорас. — Два дня, и мы улетаем.

— Надеюсь, вы поняли, — заявил Тимоти тихо, но непреклонно, — что я не намерен улетать куда бы то ни было. Что бы ни случилось, я остаюсь здесь.

Глава 5

СТРАШИЛИЩЕ

Бун присел на низкую каменную оградку, отделяющую выгон от пашни. Там, на пашне, беззаботно резвились два сеттера, гоняясь друг за другом, а то и за птицами, когда собачья возня поднимала пернатых со стерни. Предвечернее солнце ласкало теплом, безоблачное небо простиралось над равниной голубым покрывалом.

Часа два подряд он рыскал по территории поместья в компании веселых сеттеров. Первоначально он вышел с твердым намерением обнаружить охранный купол, найти разделительную временну́ю стену, которая — близко ли, далеко ли — должна была непременно доходить до самой земли. Он старался шагать строго по прямой, регулярно сверяясь с ориентирами, намеченными заранее. Но через час или чуть больше, двигаясь по прямой, он, к огромному своему удивлению, достиг почти той же точки, откуда начал движение.

Прогулку, однако, нельзя было назвать полностью бессмысленной и неудачной. За этот час сельский пейзаж проник ему в душу, наполнил ее покоем. Сколько же лет миновало с тех пор, как ему выпало в последний раз гулять на природе? Теперь на память пришли и другие прогулки, пусть они были в иные годы и в иных странах. Он столкнулся со стадом самодовольных овец,

которые воззрились на пришельца с умеренным интересом, потом отбежали немного в сторонку и вновь застыли, пялясь на него, пока он не прошел мимо. Он переступал через быстрые крошечные ручейки с кристально чистой водой, проходил сквозь славные маленькие рощицы и с подлинным удовольствием любовался осенними цветами, склоняющимися над зеркальными заводями и прячущимися в тени живых изгородей.

Теперь он присел на каменную оградку неподалеку от того места, где перебрался через нее в начале прогулки. За его спиной лежала дорога, взбегающая меж усохших тополей к самому дому, а перед глазами расстилался простор сжатых полей. О чем он думал? Пожалуй, более всего — о тех чудесах, изумляющих до немоты, о которых ему с Коркораном рассказали живущие в доме люди. Но все это было столь фантастично, настолько превосходило всякое воображение, что додуматься ни до чего не удавалось, трудно было даже ухватиться за что-нибудь. И для каких-либо логических рассуждений отправной точки не находилось.

Далеко за полем, на опушке рощицы, мелькнула искорка. Там что-то шевелилось. Всмотревшись пристальнее, он в конце концов понял, что это человек, а еще чуть позже узнал Коркорана. Тот широким шагом поднимался по склону как раз в направлении оградки, где сидел Бун. Дождавшись приятеля, Бун похлопал ладонью по теплому камню и пригласил:

— Присаживайся, Джей. Поделись, где был, что видел.

Ибо Коркоран, яснее ясного, не отправился бы гулять без определенной цели — он что-то искал.

— Нашел край купола, — сообщил Коркоран. — Убежден, что не ошибаюсь, хотя виден край смутно, и поклясться, что это именно купол, не смогу.

— Я и сам искал этот край, — откликнулся Бун. — Шел строго по прямой, а пришел туда, откуда начал. И ничего не обнаружил. Хотя у тебя глаза устроены по-другому...

— Наверное, в этом все дело. Глаза у меня действительно устроены по-другому. Но у меня есть еще и свидетель. Генри, не тушуйся, подтверди ему...

— Генри? Какой еще Генри? Джей, ты сбрендил. Ты поднимался по склону один, совершенно один.

— Я нечаянно нашел друга. Просто выпало из памяти, что ты не способен заметить его при солнечном свете. Генри, будь добр, переберись в тень вон того дерева, чтобы Том тоже видел тебя. — Коркоран указал большим пальцем на деревце, приютившееся у самой оградки, и добавил: — Вглядись, Том, повнимательнее...

Бун уставился на деревце. Там ничего не было — но мгновением позже он подметил туманное мерцание, пляшущее в воздухе, как пляшут пылинки в узком солнечном луче, проникшем сквозь планки жалюзи. И из тени деревца к нему обратился беззвучный голос — непроизнесенные слова проникали прямо в мозг:

Рад познакомиться с вами, сэр. Я Генри, хотя Хорас иногда называет меня Призраком, к беспокойству и негодованию других членов семьи. Я лично ничего не имею против — призрак так призрак. Может статься, это даже более подходящее имя для такого, как я. Ибо, в конечном счете, никто не в силах сказать, что есть призрак. Только если я в самом деле призрак, то отнюдь не из прошлого, как, подозреваю, большинство других призраков, а из будущего.

— Чтоб мне провалиться, — ответил Бун. — И все же, в сравнении с другими штуками, вы кажетесь мне почти заурядным явлением. Сегодня в вашей семье упоминали про вас. Да, кстати, меня зовут Том Бун. Джей и я — давние друзья.

Все, что ваш друг сообщил вам про временную стену, — сущая правда, отозвалось в голове Буна. *Мне известно, что он видел ее, хоть и нечетко. Ваш друг — человек необычный. Насколько мне известно, никто другой не в состоянии заметить стену, хоть люди уже научились засекать время. Пытался я показать вашему другу и какого-нибудь проныру. Я называю их пронырами, их тут много, они норовят нащупать купол. Чувствуют какую-то необычность, только не понимают, что это такое.*

— Ну и как? — справился Бун у Коркорана. — Видел ты этих пронырь?

— Что-то видел. Что-то небольшое, не крупнее обычной собаки. А вот разглядеть толком не сумел. Знаю, что возле купола вертелось что-то странное, и все.

Я и сам не знаю, что они такое, произнес Генри. *Но в данной ситуации не следует пренебрегать ничем, что выходит за рамки обыденности.*

— Что новенького в доме? — осведомился Коркоран у Буна.

— Когда я уходил, они разговаривали. Никто больше не орал, разговаривали спокойно. Хорас с Инид отошли в сторонку и спорили о том, где похоронить Гэхена. А остальные разговаривали, обсуждали последние события...

— Наверное, мы с тобой поступили разумно, что удалились, — сказал Коркоран. — Дали им шанс договориться между собой без посторонней помощи.

Бун согласился:

— В сущности, это действительно их дело. Решение принимать им и никому другому.

— Когда ты вскочил на стол, ты вроде бы взял инициативу на себя.

— Ничего подобного. У меня и в мыслях не было соваться в чужой монастырь со своим уставом. Но они так разорались, что ни до чего не договорились бы. Крик мог бы продолжаться до ночи. Должен же был кто-то вернуть их к здравому смыслу!

Вы судите их строго исходя из их поведения, вмешался Генри. *Вполне допускаю, что они вели себя скверно, но вы не можете не понимать, что́ для них поставлено на карту. Они покинули свою эпоху, по вашему исчислению, полтора века назад. Разумеется, они спасали свою шкуру, но цель их бегства еще и в том, чтобы мужчины и женщины не стали бестелесными абстракциями, чтобы от человечества остались не только отвлеченные мыслительные процессы. Взгляните на меня. Я на полдороге к тому, что станется со всем человечеством, если бесконечники настоят на своем. В моем случае у них произошел сбой. Что-то разладилось, и меня выплюнуло на свободу, притом в нынешнем моем состоянии им меня больше не поймать. Я теперь за пределами любых воздействий, кроме, может быть, каких-нибудь чрезвычайных мер, о которых я и сам не имею представления. И раз уж мне повезло спастись, я вернулся к семье и пустился в путь вместе с ними. Благодаря моей неортодоксальной форме я оказался способен оказывать остальным кое-какие услуги. Меня признают полноправным членом семьи, и все дружно встают на мою защиту, как только Хорас — а он связан с семьей лишь постольку, поскольку правдами*

и неправдами склонил сестру Эмму выйти за него замуж — не оказывает мне должного уважения.

— Захватывающая история! — воскликнул Коркоран. — Поистине она помогла нам лучше понять нынешнее положение вещей. Тебе, Генри, должно быть ясно, что нам нелегко безошибочно разбираться в событиях, какие произойдут через миллион лет после нас...

Конечно, нелегко, отозвался Генри. *Должен честно признать, меня приятно поразило, насколько хладнокровно и четко вы восприняли все, что свалилось на вас за последние несколько часов. Наши откровения нисколько не выбили вас из колеи.*

— Вероятно, мы слишком тупы, чтобы нас можно было выбить из колеи, — съязвил Бун.

Ничего подобного. Вы не выказали ни малейшей тупости. Ваши реакции позволяют мне сделать вывод, что в основе своей человечество куда более рационально, чем можно было бы ожидать в такой близости к нашим изначальным корням.

— Мне все-таки любопытно, — сказал Коркоран, — каким это образом ты сумел оказать серьезные услуги семье во время бегства?

Я был разведчиком, ответил Генри. *Я идеально подхожу для этой роли. Кто заподозрит в чем-либо порхающий лунный луч или легкое мерцание при солнечном свете? Даже если меня заметят, любой здравомыслящий человек сочтет это кратковременным обманом зрения. Вот я и отправился в прошлое в одиночку. Во времялете я не нуждаюсь, пространство и время открыты мне в равной мере. Я выступал как доверенный лазутчик. Остальные готовились в путь, поджидая моего донесения. Но не успел я вернуться, как им пришлось бежать скоропалительно, наугад, не имея определенных планов. В конце концов я разыскал их в дебрях так называемого раннего средневековья, когда обширная часть Европы обезлюдела, заболотилась и лежала в развалинах. Найти там убежище было, может, и нетрудно, но жить неприятно.*

— Так, значит, это ты присмотрел для вашей базы поместье Гопкинс Акр?

Совершенно верно. Были и другие возможности устроиться не хуже, а то и лучше, были места, которые мне лично нравились больше. Но здесь обстоятельства сложились как по заказу. Владелец со всем семей-

ством был в отсутствии, отправился на континент. Так что я, даже прежде чем пускаться на поиски остальных, выявил в нашем собственном времени техников, способных в интересах семьи вычленить это имение из его естественного окружения. Когда я вновь нашел своих близких среди зловонных топей, именуемых средневековой Европой, имение поджидало их точно таким, как сегодня.

— Интересно бы узнать, что случилось с самими Гопкинсами, — произнес Коркоран. — Вернулись они из своей поездки, а дома как не бывало! И все, что по соседству, исчезло за одну ночь: поля и фермы, усадьба со всей челядью. Что могли подумать в округе?

Понятия не имею, ответил Генри. *Никто из нас этого не знает, никто не интересовался. Это не наша забота. Мы взяли ровно столько, сколько нам было нужно. Собственность вовсе не священна, как вы полагаете.*

Внезапно сзади послышался голос Дэвида:

— Я высмотрел вас здесь и пришел сообщить, что похороны решено провести на закате.

— Можем мы чем-либо помочь вам? — осведомился Бун. — Например, выкопать могилу?

Дэвид отрицательно покачал головой:

— Помощи не требуется. Хорас — мужик здоровый и может один перевернуть горы земли. Да и Тимоти не повредит немного поработать физически, хоть он этого и не любит. Нажить парочку мозолей на нежных ненатруженных ручках для нашего братца Тимоти будет очень поучительно. Да и Эмма подсобит, если нужно.

Поднявшись к двум друзьям, Дэвид уселся на оградку рядом с ними.

— С нами Генри, — сообщил Коркоран. — Мы тут с ним беседовали. Приятная и весьма познавательная беседа.

— Я так и думал, — сказал Дэвид. — У меня возникло ощущение, что он здесь. Генри, я рад твоему появлению. Значит, на похоронах вся семья будет в сборе. Все, за исключением Колючки. Кстати, ты часом не знаешь, где он шляется? Может, пойдешь поищешь его?

Не имею понятия, где он. Никто не в состоянии за ним уследить. Он может забрести куда угодно. В конце

концов, это не столь важно. Он же не член семьи в полном смысле слова.

— Пожалуй, уже стал им, — ответил Дэвид.

— Один вопрос не дает мне покоя, — снова заговорил Коркоран. — Вы установили, отчего умер Гэхен?

— Хорас осмотрел тело. Грудь распахана словно ударом гигантской когтистой лапы. Диву даешься, как он ухитрился прожить достаточно, чтобы успеть предупредить нас. Он был почти мертв уже к моменту приземления времялета.

— А сколько времени занимает перелет из Афин?

— Перемещение должно было произойти практически мгновенно.

— Звучит логично. Когда мы летели из Нью-Йорка, на миг наступила тьма, и сразу же толчок при посадке.

— По-моему, из всех нас, — сказал Дэвид, — Хорас единственный, кто мог догадаться осмотреть Гэхена. Хорас готов вывернуть себе мозги, добираясь до сути вещей, рассчитывая все наперед. Но на долгий срок его предвидения не хватает. Сейчас он поставил все три времялета рядышком на лужайке. Тот, на котором прибыл Гэхен, в полном порядке. Аварийная посадка на клумбу ему нисколько не повредила. Хорас под завязку набил времялеты продуктами питания и оружием из коллекции Тимоти.

— Из чего я делаю вывод, что вы все-таки решили перебазироваться.

— Ну что ж, наверное, хоть и неизвестно в точности когда и куда. Зато Хорас прикрепил каждого к определенному времялету.

— И когда вы отправитесь, мы должны лететь с вами?

— Вне всякого сомнения. Нас совсем немного. Вполне возможно, что вы нам понадобитесь.

— Видимо, вы полагаете, что мы должны быть вам благодарны?

— Добровольно или нет, но вы отправитесь с нами. Оба.

— Не думаю, — сказал Коркоран, — что мне хотелось бы остаться здесь, на пространстве нескольких акров в пределах замкнутого сегмента времени.

— Удивительно, как все обернулось, — произнес Дэвид задумчиво, будто беседуя сам с собой. — Я

имею в виду состав нашей семейки. Хорас, твердолобый, практичный хам, организатор и интриган. Эмма, наша плакальщица, наша совесть. Тимоти, книжный червь. Инид, мыслитель. И я, бездельник, паршивая овца, в сравнении с которой все прочие могут считать себя образцом добродетели...

— Постойте, постойте, — сказал Бун. Инид — мыслитель?! Мне даже почудилось, что вы как бы подчеркнули это слово, придавая ему особое значение...

— В эпоху, откуда мы родом, — ответил Дэвид, — у людей наконец-то появился досуг, чтобы думать. Исчезла нужда надрываться ради хлеба насущного или продвижения по службе. Человечество добилось такого прогресса, что перестало его ценить. И многие, располагая временем в избытке, обратились к размышлению.

— К философии?

— Нет, к размышлению ради размышления. Ради того, чтоб убить время. Притом такое занятие стало пользоваться высоким уважением. Бывало, что размышление приводило к рождению новых больших идей, и тогда их обсуждали подробнейшим, предельно вежливым образом, но применять идеи на практике — нет, ни под каким видом. Мы устали от отсутствия реализации собственных идей. А размышлять можно бесконечно. Можно провести в размышлениях всю жизнь — так нередко и случалось. Не исключаю, что именно тут и кроется причина, отчего многие склонились к принятию концепции бесконечников и с готовностью согласились на превращение в ячейки бестелесного разума, в мыслящие единицы, не стесненные путами биологических тел...

— Сейчас это у вас прозвучало почти одобрительно, словно вам по душе программа, предложенная бесконечниками.

— Отнюдь нет, — заявил Дэвид. — Я просто пытаюсь обрисовать ситуацию, как она сложилась для большинства.

— Ну а Инид?..

— С ней, пожалуй, дело обстоит иначе. Скажу так. Тимоти — аналитик, изучающий прошлое человечества в поисках изначальных, основополагающих ошибок нашей культуры и в надежде, что будущие остатки биологической расы сумеют с помощью этого анализа

создать новую культуру, которая даст им лучшие шансы на выживание. А Инид намерена путем дедукции наметить для этой культуры независимый сценарий развития, дать ей своего рода путеводную нить. Конечно, все это имеет смысл лишь в том случае, если хоть какая-то часть человечества сохранит прежнюю биологическую природу. Оба они, и Тимоти и Инид, выступают в роли первопроходцев, открывающих нам новые пути. Со временем им, быть может, действительно удастся создать новую модель человека и человечества.

А вот и Инид, легка на помине, сообщил Генри.

Трое мужчин слезли с оградки и уже стоя поджидали ее.

— Це́ремония скоро начнется, — сказала она, подходя.

— Генри тоже здесь, с нами, — сообщил Дэвид.

— Прекрасно, — откликнулась она. — Значит, присутствуют все без исключения. Даже Колючка и тот только что прикатился...

Они зашагали к дому — Коркоран с Дэвидом впереди, Бун рядом с Инид. Взяв его под руку, она заговорила тихо и доверительно:

— У нас не было времени сколотить гроб. Просто завернули тело в тонкую белую ткань, а Тимоти нашел кусок парусины, и мы с Эммой смастерили из нее саван. Больше мы ничего не придумали. Хорас по-прежнему в смятении. Он считает, что надо убираться отсюда, и чем скорее, тем лучше.

— А как по-вашему?

— Он, наверное, прав. Вероятно, действительно надо. Но как же не хочется покидать этот дом! Он служил нам пристанищем так долго... Да, а похоронить Гэхена решили за домом, у подножия старого дуба.

— Вы, видно, любите деревья?

— Да, люблю. И что тут необычного? Многие разделяют эту мою любовь. Вас удивит, если я скажу вам, что деревья придут нам на смену? Они переживут нас и займут наше место.

Бун рассмеялся:

— Утонченная гипотеза! Самая изысканная из всех, какие мне доводилось слышать...

Инид не ответила, и путь продолжался в молчании. Только у самого дома она показала рукой направо:

— Вот и времялеты. Уже на старте и ждут седоков...

И впрямь на лужайке перед домом выстроились все три аппарата — два малых на ближних позициях, а чуть подальше большой ковчег, служивший жильем пропавшему Мартину.

— Вы, как и ваш друг, отправитесь вместе с нами, — продолжала она. — Интересно, кто-нибудь догадался уведомить вас об этом? Надеюсь, вы не против. Жаль, конечно, что вас угораздило впутаться в наши передряги...

Бун ответил угрюмой шуткой:

— Не отказался бы от таких приключений ни за что на свете...

— Вы это серьезно?

— Сам не знаю. Вернее, знаю одно. Если вы улетаете, то лучше уж я полечу с вами, куда бы вы ни отправились, чем останусь здесь, под куполом, на веки вечные...

Коркоран с Дэвидом повернули налево в обход дома.

— Сразу после похорон, — сказала Инид, — мы соберемся все вместе и окончательно определим курс действий...

Откуда-то из-за дома донесся пронзительный скрежещущий визг. На мгновение визг прервался и сразу же возобновился — терзающий слух, леденящий душу вопль, с каждой секундой поднимающийся выше и выше, почти за пределы слышимости.

Бун бросился на вопль и сам неожиданно всхлипнул на бегу: этот звук стискивал горло, подавляя все чувства, кроме ужаса. И все-таки он бежал и почти завернул за угол, когда что-то тяжелое и стремительное налетело на него и опрокинуло. Он покатился кубарем по траве и остановился, лишь уткнувшись в заросли шиповника. Выбираясь из колючих кустов на ровное место, он опять упал, теперь уже носом в грязь. Грязь была липкая — одной рукой он счищал ее с лица, другой пытался освободиться от кустов, что оказалось тоже не так-то легко: острые твердые шипы впились в одежду и отцепляться никак не желали.

Как только удалось снять грязь хотя бы частично, он увидел Эмму, которая мчалась во весь дух к времялету Мартина. Вслед за ней бежали другие — сколько, было не сосчитать, может и все, — и бежали стремглав, будто сам дьявол гнался за ними по пятам. «Не иначе как Эмма, — мелькнула мысль, — сбила меня с ног...» Он

рванулся, выдираясь из кустов, но не тут-то было: упрямый цепкий отросток держал за штанину мертвой хваткой, и осталось лишь сесть на землю лицом к дому.

Из-за дома выдвигалось нечто непредставимое. Расскажи ему кто-то другой, он не поверил бы, что такое возможно: будто ожила паутина поперечником футов в двенадцать, если не больше. Паутина беспрерывно пульсировала, и по каждой из составляющих ее тончайших нитей проносились, мерцая и искрясь, вспышки энергии — Буну подумалось, что это энергии, хотя поручиться было нельзя. За переплетением нитей виднелось зеркало или какой-то диск, а может быть, глаз. Удалось различить, хоть и смутно из-за ярких вспышек энергии, механические придатки, уже устремившиеся наружу и вниз, прямо к сидящему на земле человеку. По паутине были разбросаны и какие-то другие детали, но об их форме и назначении нечего было и гадать.

— Бун! — раздался крик. — Бун, дуралей, бегите, спасайтесь! Я подожду вас...

Он вскочил как ужаленный, отодрав наконец штанину от куста. Повернулся к времялетам — на лужайке осталась лишь одна из малых машин. Люк был открыт, рядом с люком стояла Инид.

— Бегите, бегите, — повторяла она. — Бегите!..

И он побежал, как не бегал никогда в жизни. Инид уже забралась во времялет и подавала ему изнутри отчаянные знаки. Достигнув люка, он прыгнул туда с разбегу, но зацепился ногой за край и упал неловко, навалившись на Инид.

— Пустите, олух! — прошипела она.

Он кое-как скатился набок. Люк с лязгом закрылся. В последнюю секунду Бун сквозь щель еще раз увидел паутину, почти накрывшую времялет. Инид старалась дотянуться до мерцающей в носовой части аппарата панели управления. Бун тоже пополз вперед — но внезапный толчок пришпилил его к полу, а вслед за толчком навалилась тьма. Такая же полная тьма, лишающая сил, какую он уже пережил в тот миг, когда ковчег Мартина покидал Нью-Йорк.

Глава 6

ИНИД + БУН

Свет вернулся вновь — перемигивание огоньков на панели и слабое солнечное сияние с экранчика наружного наблюдения. Бун приподнялся на колени, попытался встать в рост, но больно стукнулся головой о потолок.

— В этих малых машинах тесновато, — произнесла Инид легко и непринужденно, будто поспешное бегство ее нисколько не взволновало. — Тут надо ходить на четвереньках...

— Где мы?

— Трудно сказать. Мне было некогда устанавливать координаты в пространстве или во времени. Я просто скомандовала «старт».

— Это был изрядный риск, не так ли?

— Риск был. Но вы предпочли бы, чтоб я замешкалась и позволила тому страшилищу раздавить времялет?

— Разумеется, нет. Я и не думал критиковать вас.

— Разберемся по приборам, — сказала Инид, склоняясь над панелью. — Тут есть счетчик времени. Что касается нашего положения в пространстве, тут я ничего определенного узнать не смогу.

— И что показывает ваш счетчик?

— Считая от точки старта, мы передвинулись в прошлое более чем на пятьдесят тысяч лет. Если точно, на пятьдесят четыре тысячи сто.

— За пятьдесят тысяч лет до Рождества Христова?

— Именно, — подтвердила она. — Вокруг открытая местность. Равнина. Вдалеке холмы. Какие-то странные холмы...

Бун пропо́лз вперед, втиснулся рядом с Инид и вгляделся в пейзаж на носовом экране. Равнина, покрытая скудной травой, убегала к лысым невысоким холмам. В отдалении просматривались пятнышки, похожие на пасущихся стадных животных.

— По-моему, Америка, — сказал он. — Прерии Среднего Запада. По всей вероятности, юго-западная часть нынешних Соединенных Штатов. Откуда я это знаю? Право, не могу объяснить, просто чувствую. В мое время здесь образовалась пустыня, но за пятьдесят тысяч лет до того вполне могли быть хорошие луга и пастбища...

— А люди?

— Людей здесь, видимо, нет. Считается, что люди пришли на этот континент за сорок тысяч лет до моего времени. Не раньше. Хотя ученые, конечно, могут и ошибаться. Так или иначе, это Америка ледникового периода. К северу отсюда должны быть ледники.

— Тогда здесь относительно безопасно. Ни кровожадных дикарей, ни прожорливых хищников...

— Хищники есть, но и добычи у них вдосталь. Они нас не потревожат. Вы представляете себе, где все остальные?

Она пожала плечами.

— Была такая минута, когда каждый сам за себя.

— А Тимоти? Он же заявил, что не тронется с места...

— И все-таки он, по-моему, улетел вместе со всеми. Только ваш друг Коркоран замешкался, стал препираться, хотел выяснить, что с вами. Но Дэвид схватил его и втолкнул во вторую малую машину. Оба времялета снялись раньше нас.

— А вы дождались меня.

— Не могла же я бросить вас на растерзание этому монстру!

— Как вы думаете, этот самый монстр и разрушил базу в Афинах?

— Не исключено. Точнее не скажешь. Выходит, вам знакомо это место, где мы сейчас?

— Если это действительно юго-западная часть Штатов, я здесь бывал. Раза два проводил здесь отпуск. Очень похоже на те самые места, если только на Земле нет других районов с такими же холмами. Но я никогда не встречал ничего подобного в других частях света.

— Еда и все прочее, что Хорасу заблагорассудилось швырнуть в наш времялет, должны быть где-то ближе к корме. Он загрузил припасы во все три ковчега, но очень спешил и, боюсь, не уделял должного внимания тому, что именно грузит. Кажется, то ружье, которое Дэвид привез для Тимоти из Нью-Йорка, попало как раз в нашу машину.

— Вы хотите выйти наружу?

— Думаю, рано или поздно придется. Тут слишком тесно. Надо выйти, размять ноги, слегка оглядеться и посображать не спеша, что делать дальше.

— У вас есть хоть какая-то идея, что делать дальше?

— Ни малейшего проблеска. Однако и выследить нас в таком местечке, как это, будет нелегко, если вообще возможно.

Пробравшись в кормовую часть времялета, Бун нашел ружье, рюкзак, связку одеял и еще с десяток узлов и пакетов, сваленных вслепую. Он кое-как собрал их все в кучу, а Инид тем временем открыла люк.

На пороге Бун задержался и осмотрел ружье. Один патрон был в патроннике, в обойме еще пять. И можно было надеяться, что в одном из пакетов найдутся запасные боеприпасы.

— Задержитесь на секунду, — бросил он Инид. — Дайте мне выяснить, что вокруг...

Спрыгнув на землю, он стремительно выпрямился, ружье взял на изготовку. Ну что за чушь, упрекнул он себя, тут же никого и ничего нет. Если это юго-запад Северной Америки пятьдесят тысячелетий назад, тут одни стада травоядных да рыскающие хищники, и хищники эти заняты чем угодно, только не тем, что лежат в засаде в ожидании, не забредет ли сюда случайно заблудившийся во времени человек, — к тому же человек для них не слишком лакомая добыча...

Разумеется, вокруг никого и ничего не было. Земля была необитаемой, если не считать отдаленных пятны-

шек, которые он приметил раньше и признал за стадо на выпасе.

Времялет лежал у подножия крутого холма, одного из разбросанных там и сям по равнине. Чуть ниже середины склона приютилась рощица тощих деревец, скорее всего можжевеловых. За исключением этой рощицы и отдельных клочков травы, склон был совершенно голым. Однообразную его наготу нарушали лишь редкие выросты окаменевшего песчаника.

Инид подошла поближе и молча встала рядом.

— Мы здесь полные хозяева, — произнес Бун. — Времялет не ошибся. Мало того что выбрал пустынную территорию, еще и в ней определил для посадки самый глухой уголок, какой только мог найти.

— Времялет ни при чем, — возразила она. — Это получилось по чистой случайности.

Солнце прошло уже полпути к закату — Бун решил, что оно стоит на западе, хоть и сам не мог бы сказать почему.

В вышине плыла одинокая птица, не шевеля крыльями, дрейфуя на тепловых потоках. Стервятник, подумалось Буну, высматривает, чем поживиться. Вблизи и вдали торчали небольшие валуны. Из-за недалекого валуна показалось что-то ползучее и устремилось извиваясь прочь от людей.

— Вот кого надо остерегаться, — заметил Бун.

— Змей? Как они называются?

— Это гремучка. Гремучая змея.

— Никогда о таких не слышала. Мое знакомство со змеями вообще ограничено. Кажется, я видела змей всего-то раз или два в жизни.

— Некоторые змеи опасны. Не обязательно смертельно опасны, но ядовиты.

— А гремучие змеи?

— Укус их опасен, иногда смертелен. Но они, как правило, предупреждают о нападении, гремя трещоткой на хвосте.

— Вы спрашивали, что нам делать. Я ответила, что у меня нет никаких идей. А у вас?

— Для идей еще слишком рано, — ответил Бун. — Мы едва-едва приземлились. Вашими усилиями у нас появился запас времени. Давайте используем его наилучшим образом.

— Вы хотите остаться здесь?

— Ненадолго. Здесь нас ничто не держит, просто нечему держать. Но здесь можно передохнуть, собраться с мыслями и все спланировать. А пока давайте чуть-чуть осмотримся...

С этими словами Бун тронулся вдоль подножия холма. Инид семенила рядом, стараясь не отставать.

— Что вы ищете?

— В сущности, ничего. Хочу познакомиться с рельефом, получить представление о том, где мы очутились и чего ждать. Может статься, где-нибудь на склоне обнаружится родник. Склоны сложены из песчаника. Песчаник хорошо впитывает воду, она просачивается вниз. А если наткнется на менее пористую породу, вытекает наружу.

— Вам известны поразительные вещи...

— Просто опыт жизни в лесу. Он дает знания о том, как что устроено в природе.

— Вы дикарь, Бун.

Он хмыкнул:

— Конечно, дикарь. А чего вы от меня ждали?

— Иные люди остались дикарями вплоть до нашей поры. Но дикарями, не похожими на вас. Мы потеряли контакт с тем, что вы именуете природой. Да в наше время природы почти и не осталось. То есть дикой, нетронутой природы...

Склон впереди прерывался иззубренным обнажением песчаника. Едва они принялись огибать преграду, из-за нее выпрыгнул серый зверь, отбежал футов на пятьдесят и обернулся, разглядывая непрошеных гостей.

— Волк, — сказал Бун со смехом. — Точнее, гигантский койот — разновидность степных волков. Наше появление его порядком озадачило.

Волк вовсе не выглядел озадаченным. Он осторожно попятился бочком, смешно пританцовывая, потом, очевидно, убедившись, что прямой угрозы нет, неспешно уселся, обвив лапы хвостом. Всмотревшись еще пристальнее, приподнял верхнюю губу, собирался зарычать, но передумал и позволил губе опуститься, прикрыв обнаженные было клыки.

— Где-нибудь поблизости есть и другие его сородичи, — сказал Бун. — Волки обычно не бродят поодиночке.

— Они опасны?

— Если достаточно проголодаются, то могут быть и опасны. Этот волк, по-моему, уже пообедал.

— Волки и гремучие змеи, — заметила Инид. — Не уверена, что мне здесь нравится...

Как только они обогнули выступ песчаника, Бун замер на полушаге так неожиданно, что Инид, следовавшая за ним по пятам, ткнулась ему в спину. Выступ изгибался вовнутрь, а затем вновь устремлялся наружу, образуя каменный карман. И там, вжавшись в карман, стоял уже не волк, а другой, еще более крупный зверь. Огромная черная, шерстистая голова с мощными, разнесенными не менее чем на шесть футов рогами была грозно опущена вниз. Густая борода, свисающая с нижней челюсти, волочилась по земле.

Бун, схватив Инид за руку, медленно попятился назад. Глаза зверя, словно обведенные красным ободком, свирепо сверкали из-под спутанной шерсти.

— Тихо, — предупредил Бун. — Никаких резких движений, иначе он может броситься на нас. Видимо, его донимают волки. Он стар и доведен до отчаяния. — Только отступив за край выпуклости перед карманом, Бун позволил себе остановиться. Отпустив руку женщины, поднял ружье к плечу и пояснил: — Это бизон. В Америке их называют степными быками.

— Какой же он огромный!

— Старый бык. Потянет на тонну, если не больше. Не то что бизоны двадцатого века. А может, это какой-то вымерший вид, например латифрон. Точно не знаю.

— Вы сказали, его донимают волки. Но где волкам с ним тягаться!

— Он стар и, вероятно, болен. Рано или поздно они его доконают. Терпения волкам не занимать. Неспроста он прижался к скале — стоит насмерть на последнем рубеже.

— Я заметила там вблизи пару волков. И еще одного выше по склону.

— Я же говорил вам — они охотятся стаями.

— Бедный бык, — сказала Инид. — Мы не можем как-то помочь ему?

— Самым добрым делом было бы пристрелить его, но на это я пока не способен. А вдруг ему еще выпадет шанс удрать? Хотя, честно говоря, сомневаюсь. Видите птицу там наверху?

— Я ее заметила еще раньше. Парит кругами.

— Выжидает. Предчувствует, чем все кончится. Когда волки загрызут бизона, стервятнику тоже кое-что останется. Пойдемте дальше. Мы ведь собирались поискать воду...

Вскоре они и впрямь нашли крошечный ручеек, просачивающийся из-под пласта песчаника. Собственно, ручейка как такового не было, он сразу впитывался в пересохшую почву, напоминая о себе лишь нешироким влажным пятном. Бун с усилием выкопал ямку, где могла бы собираться вода. Потом они вернулись к времялету взять какую-нибудь посудину, которую можно было бы использовать как ведро. Нашли только скромную кастрюльку. Когда снова добрались до источника, воды в ямке набралось как раз на кастрюльку.

Тем временем Бун убедился, что определил положение солнца без ошибки. Солнце действительно было на западе и успело скатиться гораздо ближе к горизонту.

— В тех можжевеловых зарослях найдутся дрова, — сказал он. — Нам понадобится костер.

— Если бы у нас был топор! — откликнулась Инид. — Я перебрала все, что Хорас напихал в нашу машину. Пища, одеяла, эта кастрюлька, сковородка, зажигалка — вот и все. Топора нет.

— Ничего, обойдемся, — утешил ее Бун.

Они дважды поднимались к зарослям и приволокли древесины больше, чем требовалось на ночь. Солнце уже свалилось за горизонт. Бун запалил костер, предоставив Инид рыться в рюкзаке, выбирая еду.

— По-моему, лучше всего остановиться на ветчине, — предложила она. — Тут есть и буханка хлеба. Как вам это покажется?

— На мой взгляд, замечательно, — поддержал Бун.

Сидя у костра, они жевали сандвичи с ветчиной, а вокруг сгущалась ночь. Где-то поблизости жалобно скулил волк, издалека доносились и другие звуки, которые Бун был не в силах распознать. Тьма становилась все непроглядней, высыпали звезды, и Бун принялся вглядываться в них, прикидывая, есть ли изменения в рисунке созвездий. Минуту-другую чудилось, что да, есть, однако он и в своем-то столетии не был знатоком звездного неба и не мог судить об этом с точностью. На земле, за пределами светового круга, тоже загорелись как бы слабые звездочки — парами, одна подле другой.

— Волки? — догадалась Инид.

— Очень похоже. Скорее всего, они никогда прежде не видели костра. И никогда не видели человека, да и запах его был им незнаком. Им любопытно, а может, и страшновато. Во всяком случае, они настороже. Будут наблюдать за нами исподтишка, на большее не осмелятся.

— Вы в этом уверены?

— Более или менее. Они уже нацелились на того бизона. Когда проголодаются, пойдут на него в атаку. Возможно, два-три из них погибнут, зато остальные насытятся до отвала. Сейчас они просто-напросто ждут, чтобы бизон еще немного ослабел, и уж тогда попробуют его добить.

— Но это ужасно! — воскликнула Инид. — Поедать друг друга...

— А мы чем лучше? Наша ветчина...

— Да знаю я! Знаю! И все-таки ветчина — это не совсем то же самое. Свинью растили специально на убой.

— А по существу никакой разницы: одни существа лишаются жизни, чтобы другие жили.

— По существу, — заявила она, — никто из нас еще не достиг подлинной цивилизованности. Меня, признаться, занимает другое. Когда вы там, в Гопкинс Акре, высвободились из куста шиповника и бросились сломя голову к времялету, а страшилище за вами по пятам, я ожидала, что вы вот-вот исчезнете...

— Исчезну? Как — исчезну? С чего вдруг?

— Вспомните, вы же сами нам рассказывали. Что вы можете в миг опасности взять и ступить за угол.

— Ах вот что! Наверное, страшилище не представляло особой опасности. Вы дожидались меня, люк был открыт. По-видимому, моя способность ступить за угол проявляется лишь как последнее средство к спасению.

— И еще одно. В Нью-Йорке вы ступили за угол, прихватив с собой Коркорана, и очутились в ковчеге Мартина. А куда вы попадали в предыдущих случаях?

— Странная вещь, — ответил он, — но я толком не помню. По всей вероятности, в тех случаях я проводил за углом, где бы это ни было, самый короткий срок. Спустя мгновение я возвращался обратно в свой привычный мир.

— Как хотите, но это не могло длиться всего мгновение. Вам надо было пробыть там достаточно долго, чтоб опасность миновала.

— Да, конечно, вы правы, но я как-то не пробовал выяснять это даже для себя. Наверное, просто избегал смотреть фактам в лицо. Правда, черт ее побери, казалась слишком неправдоподобной. Однажды, помнится, я сказал себе, что дело в каком-то сдвиге во времени, но не посмел довести мысль до конца. Испугался.

— Но где же вы все-таки были? У вас должны были сохраниться хоть какие-то впечатления!

— Каждый раз все казалось ужасно расплывчатым, я словно окунался в густой туман. В тумане были какие-то предметы, но я их четко не видел. Ощущал, что там что-то есть, и замирал от страха. Но почему это вас интересует?

— Время — вот что меня интересует. Мне пришло в голову, что вы могли передвигаться во времени.

— Не испытываю уверенности, что дело обстоит именно так. Я лишь подумал однажды, что это не исключается. Это было бы простейшим объяснением явления, иначе совершенно непостижимого. А мы всегда ищем самых легких, простых ответов. Даже когда самый легкий ответ все равно невозможно понять.

— Вот мы умеем путешествовать во времени, — сказала она, — но я убеждена, что никто из нас по-настоящему не понимает, как это происходит. Мы стащили аппаратуру у бесконечников, и все. Кража стала нашим ответным ударом, у нас не было другого способа бежать от них. Давно, задолго до знакомства с бесконечниками, человечество овладело сверхдальними путешествиями в пространстве. Допускаю, что именно наши дальние путешествия привлекли внимание бесконечников, пробудили у них интерес к нам. Я даже задавала себе вопрос, не связаны ли межзвездные полеты на скорости, многократно превышающей скорость света, с использованием базовых элементов теории времени. Ведь известно, что пространство и время как-то взаимосвязаны, хоть я никогда не могла этого до конца постичь.

— Значит, вы заимствовали технику путешествий во времени у бесконечников. И вы еще называете себя дикарями. Да какие же вы дикари! Уж если кто-то

способен не только заимствовать такую идею, но и запрячь ее в работу...

— Там в будущем остались другие, кто наверняка сумел бы использовать путешествия во времени получше нашего. Только они не проявили к тому никакой охоты. Машины, даже самые хитроумные, какие нужны для путешествий во времени, их теперь не волнуют. Они перешли на иной, высший уровень...

— На уровень упадка — вот куда они перешли, — выпалил Бун. — Они отказались от своей человечности.

— А что такое человечность? — спросила она.

— Вы мне не поверите. Но вы здесь со мной, а не там, за миллион лет в будущем.

— Прекрасно понимаю. И тем не менее как может кто бы то ни было знать точный ответ? Разумеется, Хорас всегда уверен в собственной правоте, но Хорас — фарисей. Эмма также уверена в правоте Хораса, но с ее стороны это слепое, глупое поклонение мужу. А вот про Дэвида не могу сказать ничего определенного. Дэвид — шалопай, ему, по-моему, просто наплевать на других...

— А по-моему, нет, — возразил Бун. — Когда доходит до кризиса, ему вовсе не наплевать.

— Есть так много целей, которых человечество могло бы достичь, — продолжала Инид. — Оно могло бы сделать еще очень, очень многое. И вдруг, если историки не врут, люди потеряли интерес к чему бы то ни было. Неужели в наше сознание встроен врожденный тормозной механизм, принуждающий нас замедлить ход? Думаю об этом, думаю — и ни до чего не додумываюсь. Хожу и хожу кругами. Таково уж мое проклятие — ум не в силах успокоиться, пока не переберет все-все возможности, пока не уяснит все тонкости вопроса.

— Ну-ка сбавьте обороты, — сказал Бун. — Вы никак не решите все загадки мироздания за один вечер. Вам надо поспать. Ступайте во времялет, а я останусь здесь и буду поддерживать огонь.

— Не боитесь, что вас растерзают волки?

— Я сплю неглубоко. Буду регулярно вставать и подбрасывать дрова. Пока горит костер, волки предпочтут держаться в отдалении.

— Лучше я тоже останусь здесь, рядом с вами. Так мне будет спокойнее.

— Вам решать. Но во времялете безопаснее.

— Я там задохнусь. Пойду принесу одеяла. Вы ведь тоже не откажетесь от одеяла, не так ли?

Он кивнул:

— Ночью может похолодать...

Взошла луна. Огромная, желтая, будто распухшая, она плыла вверх над нагими холмами, которые стали теперь пепельно-серыми. Земля казалась вымершей — ни шевеления, ни шороха. Даже любопытствующие волки куда-то пропали: за световым кругом больше не было горящих глаз. Потом Бун заметил в лунном сиянии тихо скользнувшую тень и понял: нет, они не ушли, а как бы растворились в ночи, сделались бесплотными. На него повеяло пустотой и одиночеством.

Вернулась Инид, протянула ему одеяло и осведомилась:

— Одного довольно?

— Вполне. Я наброшу одеяло на плечи.

— Вы что, собираетесь спать сидя?

— Мне не привыкать. Это помогает не терять бдительности. Если задремлешь, клюнешь носом и сразу проснешься.

— Никогда не слышала ничего более нелепого, — заявила она. — Вы все-таки удивительный тип.

Бун ответил ей смешком. Через полчаса, когда он встал подбросить дров в огонь, она уже крепко спала, завернувшись в одеяло с головой. Поддержав костер, он снова уселся, натянул одеяло на плечи и, укутавшись поплотнее, положил ружье на колени.

Когда он очнулся в следующий раз, луна стояла высоко в небе. Пламя костра чуть поникло, но топлива пока хватало. Он позволил голове упасть на грудь и почти задремал опять, как вдруг, резко придя в себя, увидел: по ту сторону костра тоже кто-то сидит. На сидящем было какое-то смутно видимое одеяние и нечто наподобие конической шляпы, съехавшей вперед и полностью закрывшей лицо. Бун не шелохнулся. Сознание еще не прояснилось со сна, и, чуть приоткрыв глаза, глядя на нежданного посетителя сквозь ресницы, он поневоле недоумевал: действительно там кто-то сидит или это пустая, навеянная сном галлюцинация? Тот другой также не шевелился. Может, это волк, дефор-

мированный сном в сидящего человека? Ну уж нет, сказал себе Бун. Волк, по-дружески расположившийся у костра, — чепуха, это не волк.

Стряхнув летаргию, Бун с трудом поднялся. При первом же его движении видение за костром исчезло. Вот видишь, сказал он себе, там и не было никого, просто-напросто ночной мираж... Переворошив угли подвернувшимся под руку поленом, он сгреб в кучу все, что не догорело, подбавил еще дров и, завернувшись в одеяло, снова задремал.

Наконец он очнулся еще раз, теперь постепенно, как пробуждался бы в собственной постели, однако в подсознании по мере пробуждения нарастал и сигнал опасности. Сигнал заставил его напрячься, он чуточку приоткрыл глаза — прямо перед ним, почти нос к носу, сидел волк. Довольно было приподнять веки повыше, и волчьи глаза, желтые, зловещие, уставились на него в упор не мигая.

Мозг, переполошившись, взывал к каким-то немедленным действиям, но Бун усилием воли удержал тело в повиновении. Не было сомнения: сделай он любое резкое движение, и тяжелые волчьи челюсти снесут ему пол-лица.

Волк, со своей стороны, приподнял верхнюю губу, предуведомляя о рычании, но не зарычал, а позволил губе опуститься. За исключением этого, волк оставался недвижим.

Невероятно, но Бун чувствовал безумное желание расхохотаться. Ну не абсурдно ли: задолго до начала истории, в центре небытия, волк и человек сидят недвижно нос к носу. Абсурд разрешился тем, что человек прошептал, едва шевеля губами: «Здорово, щен!..» При звуке голоса волк немного отполз не вставая, но расстояние между ним и человеком увеличилось на какой-нибудь фут, не более.

Только тут Бун заметил, что костер почти погас. Внутренний будильник подвел своего хозяина, и он проспал.

Волк опять дернул губой, намереваясь зарычать, и опять передумал. Уши, до того прижатые к голове, вдруг выставились вперед, как у любопытного пса. Захотелось протянуть руку и потрепать этого, видимо, дружелюбного зверя по холке. Здравый смысл подавил

неуместный импульс. Волк, не отрывая зада от земли, отполз еще немного назад.

Поодаль, за костром, собрались и другие волки, напружинив уши и неотступно следя за происходящим.

Через минуту волк неторопливо встал и попятился. Бун остался сидеть. Пальцы сомкнулись на прикладе ружья, хоть он сразу понял: стрелять уже нет нужды, инцидент исчерпан. Оба, и человек и волк, проявили должное хладнокровие, и опасность миновала, а может, ее и не было. Более чем вероятно, что волк и не собирался причинить человеку зло. Просто костер потух, и волк подобрался поближе, обуреваемый чисто собачьим любопытством: что за новый зверь ни с того ни с сего объявился в его охотничьих угодьях и на что этот зверь, собственно, похож?

Поначалу волк отступал чуть боком, медленно и осмотрительно. Потом совершенно непочтительно повернулся к Буну задом и поскакал длинными прыжками к своим собратьям.

Сбросив с себя одеяло, Бун встал. Костер, как выяснилось, все-таки не совсем догорел. Под верхним слоем золы тлел крошечный огонек. Как только Бун подложил сухих можжевеловых веточек, пламя вспыхнуло вновь, и стало возможно добавить настоящего топлива. Когда он возродил костер и огляделся, волков и след простыл.

Покопавшись в рюкзаке, Бун обнаружил пакет овсяных хлопьев. Воды в кастрюльке еще хватало, так что оставалось лишь отлить сколько надо, засыпать хлопья, найти ложку и хорошенько перемешать. Когда Инид проснулась и села в своем одеяле, Бун, присев у костра, был поглощен приготовлением завтрака. Небо на востоке начало светлеть, в воздухе была разлита прохлада.

Подойдя к костру, Инид присела рядом. Согревая руки, вытянула их над огнем и осведомилась:

— Что там у вас в кастрюльке?

— Овсянка. Надеюсь, вы ее любите.

— В общем, да. Только, боюсь, у нас нет ни сахара, ни молока. О чем, о чем, а об этом Хорас не позаботился.

— Там есть остаток ветчины. Да и что-нибудь еще найдется. Когда мне попалась овсянка, я уже не искал ничего другого.

— Как-нибудь проглочу. По крайней мере, овсянка теплая.

Когда каша сварилась, они дружно вычистили кастрюльку до дна, хоть Инид догадалась верно: ни сахара, ни молока среди припасов не оказалось. После завтрака Бун предложил:

— Пойду к ручейку вымою посуду. Заодно принесу еще воды.

— А я тем временем упакую вещи и перенесу обратно во времялет. Незачем им валяться здесь как попало.

— Хотите, оставлю вам ружье?

Она скорчила гримаску.

— Я же не умею с ним обращаться. Да и сомнительно, чтоб меня здесь подстерегла какая-либо опасность.

Он согласился, хоть и не без колебаний:

— Вероятно, так. Если вдруг что-нибудь, прыгайте во времялет и закройтесь.

У источника он встретил двух волков, увлеченно лакающих из выкопанной им ямки. Вежливо отступив, волки позволили Буну наполнить кастрюльки водой и вымыть посуду . Но когда он на обратном пути обернулся, они уже вновь подобрались к ямке и лакали так же сосредоточенно.

Инид по-прежнему сидела у костра и, приветствуя его возвращение, помахала рукой. Подойдя поближе, он задал вопрос:

— Появилась у вас хоть какая-нибудь идея, что предпринять?

Она помотала головой:

— Даже не думала об этом. Если б я могла догадаться, куда улетели остальные, можно бы присоединиться к ним. Но они, наверное, поступили точно как мы — стартовали в мгновение ока и куда попало, лишь бы унести ноги...

— Если неизвестно, куда лететь, значит, в нашем распоряжении уйма времени. Сдается мне, нет большого смысла сниматься отсюда, пока не появится какой-то определенный план.

— Рано или поздно Генри сумеет взять наш след. Сейчас он, как я понимаю, в одной из двух других машин.

— «Рано или поздно», — откликнулся Бун, — это звучит, пожалуй, как «очень долго». А мне что-то не хочется провести остаток моих дней на континенте, где, кроме нас, нет ни одного человека. Уверен, вам тоже

не хочется. Можно бы поискать местечко, которое придется нам больше по вкусу.

— Действительно можно, — согласилась она. — Но не сейчас, позже. Если мы оставили след, который можно заметить, неразумно обрывать его. Останемся пока здесь и будем надеяться, что Генри сумеет нас найти.

Он сел на противоположной от нее стороне костра и проговорил:

— В общем-то, легко представить себе места и похуже. Здесь нам, по крайней мере, ничто не угрожает. Хотя, боюсь, спустя какой-то срок нам здесь порядком наскучит. Равнины да холмы, птицы в небе, а на земле волки да бизон собственной персоной. И никаких событий.

— У нас кончится еда, — встревожилась она.

— Еды здесь сколько угодно. Бизоны и другие животные, годные в пищу. — Он похлопал по прикладу ружья. — Пока оно не откажет, прокормимся. А когда кончится последний патрон, сделаем себе копья, а может, луки и стрелы.

— До этого не дойдет, — заверила она. — Мы снимемся отсюда гораздо раньше.

Потянувшись к кучке веток, он выбрал три-четыре нетолстых и, подбросив в огонь, заметил:

— Придется еще раз сходить за дровишками. А то скоро иссякнут.

— Давайте сегодня заготовим их целую гору, — отозвалась Инид. — Не лазать же, в самом деле, наверх в ту рощицу каждый день...

Низкий рев, раздавшийся где-то невдалеке, заставил их обоих вскочить. Рев оборвался, потом повторился, перейдя в низкое мычание.

— Это бык, — догадался Бун. — С ним что-то неладно.

Инид вздрогнула.

— Наверное, волки решились напасть.

— Пойду погляжу, — сказал Бун и сделал несколько шагов.

Инид засеменила рядом.

— Нет, — осадил он ее. — Вы останетесь здесь. Я не знаю, что там...

Размашистым шагом Бун дошел до уступа песчаника, обогнул его и заглянул в каменный карман, где укрылся

бизон. Тот, казалось, отступил еще дальше, совершенно вжавшись крестцом в крутую скалу. Вокруг танцевали полдюжины волков, то нападая мелкими скачками, то крутясь на одном месте и отпрыгивая, чтоб избежать рогов. Бизон гневно ревел, но в гневе уже как бы сквозило отчаяние. Голова склонилась к самой земле, рев вырывался короткими хриплыми вскриками. При этом бык мотал головой из стороны в сторону, чтобы держать рога наготове против волчьей атаки. Вместе с головой из стороны в сторону ходила и борода, подметая землю. Бока дрожали крупной дрожью, и было яснее ясного, что держаться в безвыходном положении, отгоняя волков, ему осталось недолго.

Бун поднял ружье — и все-таки, прежде чем прижать к плечу, помедлил еще немного. Бизон повел головой и уставился на человека, красные его глазки посверкивали из-под спутанной шерсти. Бун подумал и опустил ружье.

— Нет, старик, еще не сейчас, — произнес Бун. — Не сейчас! Когда они совсем приблизятся, ты успеешь уложить одного или двух. Уж в этом-то я не вправе тебе отказать.

Бизон не сводил глаз с человека. Рев притих до чуть слышного мычания. А волки, потревоженные вторжением Буна, отошли назад.

Тогда Бун, в свою очередь, попятился — а волки, как и бизон, не сводили с него глаз. Я здесь самозванец, сказал он себе. Я — неожиданный и неучтенный фактор, вторгшийся в местную среду. Мне не отведено здесь никакой роли, не дано мне и права на вмешательство. В течение бессчетных столетий старые бизоны, утратившие с годами силу и прыть, становились волчьей добычей. Волки в этой эпохе — дипломированные хищники, состарившиеся бизоны — заведомые их жертвы. Такова логика жизни, так повелось, и не нужен волкам судья на ринге, чтобы вынести приговор...

— Бун!!!..

При крике Инид Бун стремительно обернулся и стремглав обежал уступ. Она стояла у костра и показывала куда-то вверх по склону холма. Оттуда, быстро спускаясь вниз и направляясь прямо к их бивуаку, спускалось неправдоподобное страшилище, выжившее их из Гопкинс Акра. Паутина поблескивала на утреннем солнце. Поверх паутины сиял огромный блестящий глаз,

а из-под паутины выныривал какой-то темнеющий механизм.

Бун понял сразу и наверняка, что не успевает выйти на рубеж эффективного огня. Остановить монстра не было вообще никаких шансов.

— Бегите! — заорал он. — Во времялет! Немедленно!.

— Послушайте, Бун...

— Спасайте времялет! — прокричал он. — Спасайте времялет!..

Она бегом метнулась к машине, прыжком одолела входной люк. А монстр уже почти настиг ее, до времялета ему оставалось немногим меньше ста ярдов.

Бун, едва не рыдая, поднял ружье. В глаз, мелькнула мысль, целься в этот огромный, круглый, сверкающий глаз! Может, и не лучший способ расправиться с монстром, но единственный пришедший на ум. Палец напрягся на спусковом крючке, но едва Бун начал прижимать спуск, времялет исчез. Пространство, где только что стояла машина, опустело.

Не дожав спусковой крючок, он отвел ружье вниз. Монстр пронесся по пустому месту, где только что стоял времялет, и круто повернул к Буну. Прямо на него воззрился огромный глаз, вознесенный над паутиной, сама паутина нестерпимо сверкала на солнце, а вот механизм неожиданно втянулся внутрь и скрылся в переплетении нитей.

— Ладно, — произнес Бун. — Сейчас я тобой займусь...

У него было шесть патронов, и, прежде чем монстр приблизится, он наверняка успеет сделать четыре выстрела. Сначала в глаз, потом по паутине...

Однако монстр и не думал приближаться, а застыл как вкопанный. И в то же время Бун не сомневался, что противник знает о его существовании. Просто физически ощущалось, что страшилище прекрасно видит его.

И тем не менее... Он ждал минуту, две, а оно ни с места. Оно заметило его, оно несомненно опознало в нем человека, и ни с места. Неужто, мелькнула мысль, оно способно отличить его от тех, за кем надо охотиться? А почему бы и нет: если это робот-преследователь, а по всем признакам именно так, его могли узко запрограммировать на строго определенные цели. Но с учетом всех фактов такое предположение не слишком

вероятно. Логичнее допустить, что робот включил бы в число целей любого человека, связанного с беглецами из будущего.

Бун сделал шаг вперед и опять выждал. Страшилище не шелохнулось. Уж не решило ли оно поиграть с ним в кошки-мышки и теперь дожидается, чтобы он придвинулся достаточно близко и можно было достать его одним броском, не дав ему ни секунды на защиту?

Тут он вспомнил, что подходить к костру ему, в сущности, незачем. У костра не осталось ничего полезного, разве что кастрюлька. Еще когда он отлучался к родничку, Инид снесла снаряжение обратно во времялет — пищу, одеяла, рюкзак и вообще все их небогатые пожитки. Ему остались только ружье да патроны, что были в обойме.

Едва он осознал это обстоятельство, на него навалилось ужасное чувство наготы и незащищенности: воистину теперь он предоставлен самому себе. Допустим даже, что Инид постарается вернуться и выручить его — но сумеет ли, вот вопрос. Ему же просто невдомек, каковы возможности времялета и легко ли им управлять, и тем более — искусна ли Инид в технике управления...

Наконец страшилище тронулось с места, но вовсе не в сторону Буна. Медленно и как-то нерешительно оно двинулось на равнину, словно в неуверенности, что предпринять. А может, спросил себя Бун, оно в тревоге? Ведь оно провалило свое задание, это вне всякого сомнения. Провалило дважды — в Гопкинс Акре, а теперь и здесь.

Миновав костер, монстр уходил все дальше в глубь равнины, превращаясь в мерцающее пятнышко, в искру отраженного солнечного света на фоне тусклых однообразных просторов и серо-коричневых холмов.

Опасливо поглядывая на это пятнышко, Бун все же рискнул подойти к костру и подбросить топлива. Хочешь не хочешь, а чуть позже придется вскарабкаться на склон и принести из можжевеловой рощицы еще дров. Конечно, можно бы разбить новый лагерь и даже приискать более удобную стоянку, но негоже уходить слишком далеко. Когда Инид вернется — если вернется, — то именно сюда. Времялет может вновь возникнуть из небытия в любую секунду, и надо поджидать здесь, именно здесь.

Став на колени подле костра, он положил ружье наземь и принялся шарить по карманам, инвентаризируя свое имущество. Достал носовой платок, расстелил тряпицу на земле и аккуратно выложил на нее все обнаруженное в других карманах. Зажигалка, трубка, початая пачка табаку, складной нож, с которым он не расставался много лет по смутно сентиментальным причинам, тоненькая записная книжка, шариковая ручка, огрызок карандаша, пригоршня монет, бумажник с оплаченными и неоплаченными счетами, кредитными карточками и водительским удостоверением — вот и все. Обычно он таскал с собой гораздо больше барахла, но в «Эверест» с Коркораном отправился как на грех налегке, сложив серьезный груз в верхний ящик ночного столика у постели. Однако, к счастью, два предмета первой необходимости оказались под рукой: зажигалка, которой надо теперь пользоваться как можно реже, и нож. Скверный дешевенький нож — и все-таки нож, режущий инструмент.

Разложив все обратно по карманам, он встал, бережно счистил с брюк налипшую пыль.

И заметил, что страшилище изменило направление движения. Описав круг, оно теперь двигалось обратно к Буну. Он поднял ружье, втайне надеясь, что до выстрела не дойдет. Патронов было всего шесть, и ни один нельзя израсходовать попусту. Но куда, скажите на милость, целиться, чтоб уложить робота одной пулей?

Из-за уступа песчаника, закрывавшего скальный карман, где укрылся бизон, время от времени слышался рев. Скорее всего, волки наседали на бедного быка снова.

Это же нереально, подумал Бун, совершенно нереально! Даже если принять, что все происходит на самом деле, поверить в это на сто процентов, как хотите, затруднительно. Ну еще минута, две — и дурман испарится, он очутится в привычном мире среди друзей, и не останется даже намека на робота-убийцу, на изготовившегося к бою бизона или на волка, что рискнул присесть нос к носу с человеком у затухающего костра.

А монстр подбирался все ближе и двигался точно на Буна. Монстр был крупнее, чем представлялось прежде, и еще неправдоподобнее, чем казалось. Монстр вроде бы не спешил. А рев, доносящийся из-за уступа,

вдруг стал громоподобным, исполненным ярости и подлинного отчаяния.

Бун переступил с ноги на ногу, приняв надежную стойку. Приподнял ружье, однако прилаживать его к плечу по-прежнему воздержался. Я готов, сказал он себе, готов к любому повороту событий. Сначала в огромный глаз, а затем, если потребуется, в центр паутины...

Неожиданно в поле зрения ворвался бык, выскочивший из-за уступа бешеным галопом. Ни рева, ни мычания больше не слышалось. Бизон высоко поднял голову, солнце играло на широко расставленных рогах. Волки скакали следом, не пытаясь прижать добычу, выжидая подходящей минуты. Они понимали, что жертва не уйдет, — здесь, на открытом пространстве, можно напасть сразу со всех сторон и свалить любую добычу, даже бизона.

Однако бизон вдруг изменил направление, и рога опустились к земле. Монстр попробовал уклониться, но запоздал. Удар тяжеленной туши пришелся по низу паутины и поднял монстра в воздух. Смертоносный поворот головы, и страшилище опустилось прямо на подставленный рог. Попыталось извернуться, но бизон тут же повел головой в другую сторону. Рог освободился, зато второй рог подхватил противника на лету. Блистающий глаз рассыпался на осколки, паутина провисла и свернулась в кокон. Страшилище пало наземь, и бык промчался по нему с разгона, дробя копытами на еще более мелкие части и частицы.

Потом бизон, споткнувшись, упал на колени. С огромным трудом опять поднялся и замотал головой, возобновляя яростный рев. Поверженный монстр валялся на земле грудой хлама. Массивная рогатая голова крутилась из стороны в сторону — бык хотел, не сходя с места, разглядеть своих мучителей. А волки, отпрянувшие в момент столкновения со страшилищем, не торопились нападать снова, а выжидательно присели, вывалив языки набок и слегка пританцовывая в предвкушении победы. Было что предвкушать: бизон ослаб, весь сотрясался от крупной дрожи и с минуты на минуту, вне всякого сомнения, должен был рухнуть окончательно. Вот подогнулась одна из задних ног, бизон почти упал, но нет — поднатужился, напряг силы и остался стоять.

Тогда Бун поднял ружье, прицелился в сердце и нажал на спуск. Туша грохнулась оземь с такой силой, что даже подпрыгнула. Дослав в патронник новый патрон, Бун обратился к мертвому бизону:

— Один выстрел, старина, я был обязан тебе пожертвовать. Теперь они, по крайней мере, не сожрут тебя заживо...

Волки, напуганные грохотом, бросились врассыпную. Ничего, сказал себе Бун, не пройдет и часа — осмелеют и подберутся снова, а ночью у них будет пир горой, и совсем неподалеку от моего костра...

Он не торопясь подошел к монстру, отпихивая лежащие на пути обломки. Былая конструкция превратилась в такую путаницу, что, сколько ни вглядывайся, не восстановишь в памяти, какой она была прежде. Сокрушительный удар бизоньей туши, резкие выпады рогов, увесистые тычки копыт разнесли робота вдребезги. Там и сям валялись искореженные куски металла, возможно остатки устрашающих рабочих придатков.

И вдруг робот обратился к Буну — слова проникали прямо в мозг:

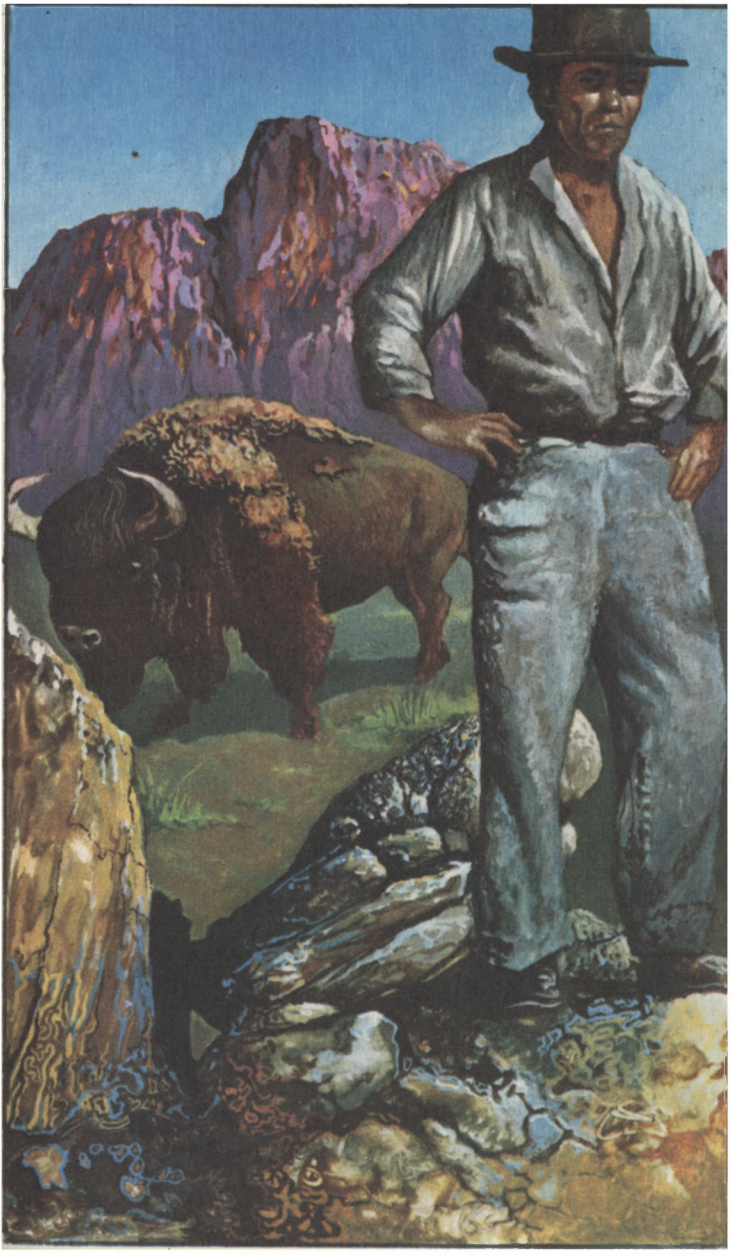
Прошу милосердия!..

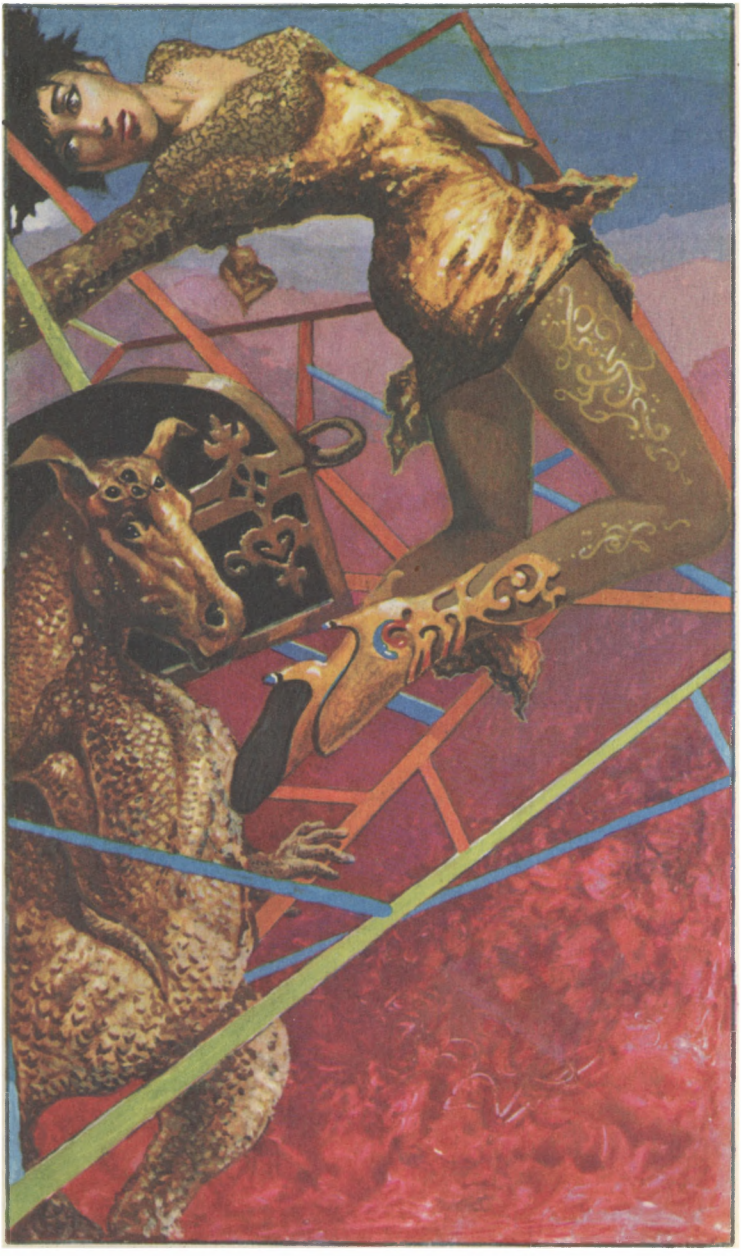
— Пошел ты к черту! — ответил Бун раньше, чем от удивления потерял дар речи.

Не бросайте меня здесь, умолял монстр. *Где угодно, только не в этой дикой глуши. Я всего-навсего выполнял задание. Я же обыкновенный робот. По природе своей я ни капельки не зол...*

Бун повернулся и, волоча ноги, поплелся назад к костру. Он внезапно почувствовал себя опустошенным. Напряжение оборвалось, и он сразу обессилел. Как же это возможно, что страшилище, уничтоженное, воззвало к нему из бездны небытия? Постояв немного у костра в нерешительности, он полез на склон к можжевеловой роще. Сделал три ходки, приволок целую гору веток. Разломал их на куски подходящей длины, сложил аккуратной поленницей. А уж потом и только потом опустился наземь у огня и позволил себе погрузиться в невеселые размышления.

В хорошенький же он угодил переплет! Замурован в доисторической Северной Америке, и ни одного человеческого существа ближе чем в Азии, по другую сторону перемычки, которой суждено со временем стать Беринговым проливом... Если выяснится, что он





обречен провести остаток своих дней в этой эпохе, то не лучше ли пройти пешком несколько тысяч миль и отыскать других людей? Но к чему приведет такая затея? Вероятнее всего, аборигены либо убьют его не раздумывая, либо обратят в рабство.

Конечно же, предпочтительнее дождаться кого-либо из обитателей Гопкинс Акра, если те надумают вернуться за ним. Он был уверен, что Инид вернулась бы, если бы только смогла. А уж Джей, никаких сомнений, перевернул бы небо и землю, лишь бы спасти его. Но Джей один ничего не сделает, Джею понадобится помощь других.

Приходилось признать, что ситуация в лучшем случае не внушает особых надежд. Взгляни правде в глаза, Бун: разве ты так уж важен для людей будущего? Ты же для них просто-напросто пришелец, да еще и незваный, — свалился на них без спроса и еще чего-то от них хочешь?..

Монстр обратился к нему опять, издали и чуть слышно:

Бун! Бун, пожалуйста, смилуйтесь надо мной!..

— Да провались ты в тартарары! — откликнулся Бун, адресуясь скорее не к монстру, а к самому себе. Ему не очень-то верилось в призрачный голос монстра: скорее всего, никакой это не голос, а лишь фокусы извращенного воображения.

Волки подобрались к бизону сызнова — теперь их было семь, хотя раньше Бун ни разу не замечал больше шести — и принялись терзать тушу.

— Приятного аппетита, — пожелал он волкам вслух.

Вероятно, шкура у древнего зверя крепкая, а мясо жесткое. И нужна недюжинная сила, чтобы прорвать шкуру и добраться до мяса, притом далеко не первосортного. Но, с точки зрения волка, любая добыча лучше, чем голодное брюхо. И прежде чем день подойдет к закату, Буну и самому понадобится толика бизоньего мяса — больше-то есть нечего.

Подойти к туше прямо сейчас и отрезать свою долю, отпугнув волков? Слишком опасно. Да и много ли наорудуешь складным ножом, сделанным так небрежно, что нажать посильнее — развалится? Нет, надо повременить: пусть волки немного насытятся и их хищнические инстинкты хотя бы чуть-чуть поутихнут. Может статься, они заодно и шкуру раздерут основательно,

обнажат мышцы, а тогда и складным ножом удастся откромсать ломоть для себя. Ну и ладно, решил Бун, буду доедать за волками.

Поднявшись, он принялся ходить туда-сюда по одной и той же тропке — к уступу песчаника и обратно к костру, пробуя разработать какой-то план выживания. Способность ступить за угол могла проявиться только перед лицом чрезвычайной опасности. И к тому же позже, спустя неопределенный срок, его вернуло бы в точности туда, где он был. Если, ступив за угол вместе с Джеем, он очутился в жилом ковчеге Мартина, то лишь по счастливому стечению обстоятельств. Рассчитывать повторно на столь исключительное везение никак не приходится.

У него оставалось еще пять патронов, и каждый патрон был способен обеспечить его более чем солидной порцией мяса. Однако что делать с этим мясом потом? Как защищать его от хищников? Прятать? Так или иначе, мясо обладает свойством быстро портиться, и тогда о его использовании не может быть и речи. Разумеется, мясо можно бы закоптить, только Бун не владел техникой копчения. Или можно бы посолить, но нет соли. И вообще не хватает навыков, нужных для борьбы за существование в условиях дикой природы. Скажем, можно бы поискать фрукты или корешки, и это было бы доброе подспорье, но как прикажете отличать съедобные от ядовитых? Так что проблема по сути сводилась к вопросу: как день за днем обеспечить себя белками хотя бы в той мере, чтобы тело не забастовало?

Ответ напрашивался сам собой: необходимо оружие, которое он мог бы смастерить своими силами. И если другого не дано, к осуществлению этого плана надо приступать не теряя ни минуты. Надо набраться опыта в изготовлении и применении самодельного оружия, прежде чем будет израсходован последний патрон. Первый шаг — найти камень, пригодный для обработки. В выступах песчаника, испещривших склоны ближнего холма, подходящих пород не встречалось. Но на одном холме свет клином не сошелся — нужный камень сыщется в каком-нибудь другом месте.

Находившись, Бун опять уселся у огня. Волки пировали, отнюдь не брезгуя залезать внутрь разорванной туши. То один, то другой из них задирал измазанную

кровью морду и посматривал на человека, потом возвращался к трапезе. Часа через два, решил Бун, можно будет без особой опаски приблизиться и предъявить свои права на часть добычи. Судя по солнцу, было около полудня или чуть за полдень. Вверху кружили грифы. Их набралось уже с дюжину, если не больше, и с каждым кругом они спускались ниже и ниже.

Монстр-робот сделал новую попытку заговорить.

Бун, будьте благоразумны! Выслушайте меня...

— Я и так слушаю, — отозвался Бун.

Я лишился всех органов чувств. Не могу ни видеть, ни слышать. Единственное, что я могу, — воспринимать то, что вы говорите, но до сих пор все сказанное вами было крайне недоброжелательным. Я теперь ничто. Ничто, укутанное в пустоту. Тем не менее я сохраняю самосознание. И могу сохранять его в течение несчетных тысячелетий, зная, что я ничто, не в состоянии совершить что бы то ни было. Вы — моя единственная надежда. Если вы не сжалитесь надо мной, я останусь в таком состоянии навеки, погребенный в песке и пыли, и никто никогда не узнает, что я здесь. Я буду словно живой труп...

— Однако ты красноречив, — заметил Бун.

Это все, что вы хотите мне сказать?

— Право, не могу больше ничего придумать.

Выкопайте меня, взмолился монстр. *Извлеките меня из обломков, в которые меня превратили, и держите при себе. Возьмите меня с собой, когда уйдете или уедете отсюда. Все что угодно, только не бросайте меня одного.*

— Так ты хочешь, чтобы я тебя спас?

Да, пожалуйста, спасите меня.

— Но ведь и такое решение для тебя стало бы только временным, — сказал Бун. — По твоей милости я, не исключено, приговорен к пожизненному заключению в этой, как ты выразился, дикой глуши. Я, возможно, здесь и умру, и ты опять останешься наедине с той же судьбой, что и сейчас...

Даже в подобном случае мы все-таки проведем какое-то время вместе. Мы избежим одиночества.

— Сдается мне, — сказал Бун, — что в подобном случае я предпочту одиночество.

Нельзя терять надежды. Может произойти какое-либо событие, которое спасет нас обоих. — Бун не ответил. — *Вы не отвечаете,* — упрекнул его монстр.

— Мне больше нечего сказать. Даже слышать тебя не желаю! Способен ты это понять? Не желаю тебя слышать!..

Оказать милосердие обычному врагу — да, это был бы жест гуманный и благородный. Однако монстр-робот не был обычным врагом. Пытаясь сформулировать, хотя бы ради собственного спокойствия, что за враг перед ним, Бун понял, что имени для такого врага не придумано.

А что, если это была ловушка? — подумал Бун, и мысль сразу принесла ему облегчение. Где-то там, в путанице обломков, оставшейся от грозного монстра, лежит небольшой ящичек, служивший страшилищу мозгом, компьютер фантастической сложности — сокровенная сущность робота. Копаться среди обломков, искать и извлекать эту сущность, чтобы, вполне возможно, какой-нибудь уцелевший механизм тут же схватил тебя и прикончил? Нет уж, благодарю покорно, сказал себе Бун. Решение было правильным, негодяя не стоило даже слушать...

Тем временем волки, видимо, отчасти насытились. Два-три из них растянулись на траве с необычайно довольным видом, другие продолжали терзать тушу, но шевелились гораздо ленивее. Грифы опустились еще ниже. Солнце проделало значительную часть своего пути на запад.

Подняв ружье, Бун двинулся к добыче. Волки поначалу наблюдали за ним с любопытством, но, когда он подошел совсем близко, отпрянули и застыли, негромко порыкивая. Он легонько погрозил им ружьем — они отскочили чуть дальше, а иные присели в позе напряженного внимания.

Дошагав до бизона и прислонив ружье к туше, он раскрыл нож. Ну до чего же хлипкий инструмент! Брюшная полость быка была раскрыта настежь, приоткрывая один из окороков. Бун догадывался, что бизоний окорок окажется жестковат, — только складным ножичком никак не прорежешь грубую шкуру и не доберешься до более нежных частей. Приходилось брать, что сумеешь.

Ухватившись за разодранную шкуру обеими руками, Бун рванул ее изо всех сил. Шкура отходила очень неохотно. Упершись ногами, он рванул еще. На сей раз шкура подалась чуть легче, разодралась чуть дальше. А нож, к великому его изумлению, резал намного лучше, чем можно было предполагать. Отделив солидный ломоть мяса, Бун не откладывая откромсал и второй — разумеется, в один присест столько не съесть, но другого случая может и не представиться. Набегут другие волки, привлеченные запахом крови, да и стервятники не заставят себя ждать. К рассвету от бизона мало что останется.

К добыче, сердито ворча, приблизился один из волков — гигантский волк, много крупнее всех остальных. Стая тут же поднялась, готовая следовать за вожаком. Бун схватил ружье и замахнулся на волков, испустив свирепый вопль. Гигантский волк приостановился, по его примеру остановились и остальные. Бун положил ружье и отрезал третий ломоть.

Не спуская глаз с волков, он подобрал три куска мяса и начал отступление. Отступал он нарочито медленно. Не торопись, внушал себе Бун, любое резкое движение может спровоцировать зверюг на атаку...

Волки наблюдали за ним не шевелясь, выжидая, что будет дальше. А он просто пятился к костру. Когда половина пути осталась позади, стая внезапно бросилась вперед, но не к нему, а к бизоньей туше, и навалилась на нее сызнова, лязгая зубами и рыча. На Буна волки больше не обращали внимания.

Неподалеку от костра он выбрал чистенькую травяную площадку и выложил на нее все, что принес. Раз в десять больше, чем удастся съесть за один вечер. Задумчиво разглядывая мясо, он опять задался вопросом: что с ним делать?

Долго оно не сохранится — от силы дня два, и протухнет. Надо, решил он, зажарить все сразу. Зажарить, съесть сколько влезет, остаток завернуть в нижнюю рубашку и закопать, а самому усесться на тайник сверху. Без этой меры предосторожности волки, как только покончат с тушей, унюхают спрятанное мясо и отроют. Но если он усядется сверху, не посмеют. По крайней мере, можно надеяться, что не посмеют.

Бун принялся за работу: выбрал из заготовленных можжевеловых веток самые прочные, поделил их на

палочки подходящей длины и каждую заточил с обоих концов. Порезал мясо на кусочки и нанизал на заостренные палочки, по четыре-пять кусочков на вертел. Костер прогорел до углей, однако несколько крупных деревяшек еще держали пламя. Их он сгреб в сторонку и запалил новый костерок, а над углями воткнул наклонно палочки-вертелы с мясом. Потом сел рядом, наблюдая за таинством жарки, время от времени поправляя палочки и глотая слюну. Пахло жаркое ошеломляюще, хоть он и знал заведомо, что вкусным оно не получится: не было даже соли, а о приправах нечего было и мечтать.

Волки по-прежнему ссорились над убитым быком. Два-три грифа дерзнули спуститься вниз, но волки их не подпустили. Тогда птицы отлетели на почтительное расстояние и сели нахохлившись в ожидании своей очереди. Солнце спустилось к самому горизонту. Близилась ночь.

Там на равнине лежала туша бизона, который во времена Буна стал ископаемым. А где-нибудь подальше бродили другие ископаемые — живые мастодонты, мамонты, дикие лошади, а может быть, и верблюды. Даже волки, пирующие над тушей, для людей двадцатого века — всего-навсего ископаемые.

Скорчившись подле самодельной жаровни, Бун не отрывал глаз от поспевающего ужина. Его терзали муки голода. Не считая утренней овсянки, комковатой, почти несъедобной, он за весь день не держал во рту и крошки. Воистину для него настали суровые времена.

Поневоле припомнилось: когда он прыгнул во времялет вслед за Инид, то был под впечатлением, что они отправятся в будущее, а уж никак не в эпоху вымершего зверья и оживших ископаемых. Правда, драматизм последних секунд в Гопкинс Акре вышиб из головы вообще всякие мысли.

Возможно, в будущем и нашлось бы что-нибудь, что могло бы его заинтересовать, но здесь не было абсолютно ничего примечательного. Что там, в Гопкинс Акре, довелось узнать о будущем? Мир, где почти не осталось людей во плоти, — человечество сохранилось лишь как сумма бестелесных существ, единиц чистого разума. Естественный отбор некогда сделал людей хозяевами планеты — зачем? Чтоб они в конце

концов свели себя к какому-то квантовому существованию в виде пылинок, а может, и того мельче?

Еще одна радикальная перемена, подумал он. За без малого пять миллиардов лет своей истории Земля претерпевала множество перемен. Сперва возникали какие-то пустяшные, на первый взгляд, факторы, но в дальнейшем они приобретали значение, какого ни один сторонний интеллект не смог бы предвидеть, а когда осознал бы, оказался бы уже не в силах что-либо предпринять.

Даже если бы гигантские рептилии обладали разумом, им ни за что не догадаться бы, как и почему они вымерли шестьдесят пять миллионов лет назад. И многие другие формы жизни пришли к вымиранию, которое при всем желании нельзя было предсказать. Буну доводилось читать, например, что первое из великих вымираний случилось еще два миллиарда лет назад, когда первые зеленые растения принялись поглощать углекислый газ, насыщая атмосферу кислородом и неся тем самым гибель более ранним, более примитивным созданиям, для которых кислород был смертельным ядом.

Земля пережила множество эпох вымирания. Видов, погибших в прошлом, в сотни раз больше, чем выживших. И вот, наконец, в будущем — и не столь уж отдаленном — пришел, по-видимому, смертный час и для человечества. Нет, не совсем точно — человечество может и выжить, но в такой форме, которая исключает его дальнейшее влияние на развитие планеты.

А потом? Инид уверяла, что нашими наследниками выступят деревья, что они займут место людей, коль скоро с человечеством будет покончено. Идея, конечно же, смехотворная. Каким образом, благодаря каким качествам деревья смогут заменить людей? И тем не менее если уж искать наследников, то более подходящих, более достойных не найти. На протяжении всей истории деревья были друзьями людей, хоть сам человек был им и другом и врагом. Люди безответственно вырубали исполинские леса, однако другие люди в свой черед растили деревья, души в них не чаяли, а то и боготворили.

Одна из палочек, на которых держалось мясо, внезапно покачнулась, опрокинулась и упала на угли. Ругаясь на чем свет стоит, Бун выхватил ее из огня и очистил мясо от золы. Похоже, оно уже почти прожарилось,

можно было приступать к еде. Аккуратно сняв одну дольку, Бун стал подбрасывать ее на руке, как мячик, и как только кусочек достаточно остыл, запустил в него зубы. Вкусом мясо не отличалось, но было приятно теплым, а еще приятнее было ощущать пищу во рту. Жевалось с трудом, однако желудок радостно соглашался даже на полупрожеванное. Бун наелся досыта, отложил пустую палочку, стащил с себя куртку, рубашку и нижнее белье. Нижнюю рубаху он, как и собирался, расстелил на траве и стряхнул на нее жаркое со всех остальных палочек. Затем вновь нанизал на вертелы сырое мясо, пристроил их над углями, надел рубашку с курткой и расположился поудобнее — нужно подождать примерно полчаса, и мясо зажарится все до кусочка, тогда можно и на покой.

Надвигалась темнота. Он уже еле различал волков, сгрудившихся над тушей. Небо на востоке зарумянилось — всходила луна. Когда мясо поспело, он все сложил горкой на рубаху и плотно завернул, выкопал ножом яму, спустил туда узелок с едой, заровнял, утрамбовал землю и уселся сверху. Теперь, сказал он себе, всякий, кто захочет отведать этого мяса, сначала должен будет иметь дело со мной..

Настроение приподнялось, он даже слегка гордился собой. Что бы ни готовил ему завтрашний день, сегодняшний завершился неплохо: пищи теперь хватит на несколько суток. Может, и не стоило тратить пулю, но сожалений по этому поводу он не испытывал. Выстрел даровал бизону быструю и достойную смерть. Не нажми Бун на спуск, волки одолели бы старого быка и принялись бы заживо рвать его на части.

А может, выпущенная пуля и не столь уж важна. С минуты на минуту вернется Инид и заберет его во времялет. Бун старался сосредоточиться на этой мысли, заставить себя поверить в нее, но, в общем, без успеха. Было вполне вероятно, что Инид вскоре вернется, и не менее вероятно, что никогда.

Защищаясь от подступающей ночной прохлады, он поднял воротник. Прошлой ночью v него было хотя бы одеяло, а теперь лишь то, что на теле Задремав, он клюнул носом — и очнулся встревоженный. Да нет, тревожиться нет причин, вокруг все как прежде, все вроде бы в порядке. Он опять погрузился в сон, придерживая ружье на коленях.

А когда пошевелился снова — уже не спал, но и не вполне проснулся, — то обнаружил, что не один. По другую сторону костра сидел — а если не сидел, то казался сидящим, — некто целиком укутанный в одеяние наподобие плаща и накрывший голову конической шляпой, съехавшей так низко, что она скрывала лицо. А рядом сидел волк, тот самый волк. Бун узнал сразу и без колебаний: это волк, с которым он оказался нос к носу прошлой ночью. Сейчас волк улыбался, — право, никогда и слышать не доводилось, что волк способен на улыбку.

Уставясь на коническую шляпу, Бун спросил:

«Кто вы такой? Что это значит?»

Вопросы не прозвучали вслух. Бун обращался к себе, а вовсе не к этой шляпе. Да и нельзя было говорить в голос, чтобы не испугать волка. Но Шляпа ответил:

Это значит, что все живые — братья. Кто я — в принципе не имеет значения. Здесь я присутствую в роли переводчика.

— Переводчика? Но кому тут переводить?

Тебе и волку.

— Волку? Он же не говорит!

Да, не говорит. Но думает. Он очень доволен и озадачен.

— Озадачен — это я понимаю. Но чем он может быть доволен?

Он чувствует родство душ. Он ощущает в тебе нечто сходное с собой. Он гадает, что ты за зверь.

— В грядущие времена, — заявил Бун, — он будет с нами заодно. Он станет собакой.

Даже догадайся он об этом, ответил Шляпа, *это не произвело бы на него впечатления. Он полагает себя таким же, как ты. Равным тебе. Собака служит человеку, она не равноправна с ним.*

— Подчас собаки очень близки нам.

И все равно не равноправны. До этого был один шаг, но вы на этот шаг не решились. Это следовало бы сделать давным-давно. А теперь слишком поздно.

— Послушай, — возразил Бун, — но он вовсе не похож на меня. Между волком и мной — огромная разница.

Разница, Бун, отнюдь не так велика, как тебе кажется.

— Мне он нравится, — сообщил Бун. — Я восхищаюсь им и, пожалуй, понимаю его.

А он тебя. Он сидел с тобой нос к носу, когда мог бы перегрызть тебе глотку. А ведь это было до того, как ты убил быка. Он был тогда голоден. Твоя плоть могла бы насытить его.

— Передай ему, пожалуйста: за то, что он не перегрыз мне глотку, я ему весьма благодарен.

Думаю, он и сам это знает. Таким способом он сообщил тебе, что хочет стать твоим другом.

— Скажи ему, что я принимаю его дружбу и хочу, в свою очередь, стать его другом...

Однако Бун обращался в никуда. Шляпа исчез. Место, где только что сидел переводчик, опустело.

«Разумеется, — сказал себе Бун, — его там нет, потому что никогда и не было. Все это иллюзия, мираж. Там не было никого, кроме волка».

Но когда он вновь глянул на другую сторону костра, исчез и волк.

Закоченев от холода, он еле-еле поднялся. Подбросил дров в огонь и задержался у самого костра, впитывая живительное тепло, — а оно все нарастало по мере того, как мощные языки пламени вспыхивали заново и пожирали древесину.

Спал он, оказывается, долго. Луна сползла к западу. Лунный свет играл на осколках растерзанного страшилища. И ведь прошло уже изрядное время с тех пор, как оно заговаривало с ним, Буном. Если заговаривало в действительности, если мольба монстра не была чистой фантазией, как Шляпа.

«Как же я изменился, — мелькнула мысль. — Всего несколько часов назад я был закаленным репортером, признававшим факты, только факты и ничего, кроме фактов. А теперь вот принялся фантазировать. Вел беседу со Шляпой, препирался с погибшим монстром, был готов принять волчью дружбу...»

Надо полагать, одиночество способно шутить с человеком странные шутки — но неужто так скоро? Впрочем, здешнее одиночество отлично от одиночества простого, обыкновенного: оно усугублено сознанием, что, по всей вероятности, он единственный человек на просторе двух континентов. В XX веке многие ученые считали, что нога человека не ступала в Западном полушарии не только в эту эпоху, но еще, по меньшей мере, десять тысяч лет после нее. Правда, по просторам Азии уже шастали варварские племена, и еще дальше на

запад обитали другие, которые спустя тысячелетий двадцать примутся малевать грубые изображения фауны своего времени на стенах европейских пещер. Что же до него, Буна, то он здесь попросту неуместен, один-одинешенек среди диких зверей.

Немного согревшись, он отодвинулся от огня и начал ходить вокруг костра. Хотелось додуматься до чего-нибудь, но мысли рвались, у них не было ни начала ни конца. Они кружились бесцельно, как он сам вокруг костра.

Волки по-прежнему ссорились над тушей бизона, но как-то вяло и не слишком искренне. Вдалеке какая-то тварь вздумала выть нескончаемо, монотонно и жалобно. Наверху, в можжевеловых зарослях, грустно щебетнула птичка. Луна зависла над самым западным горизонтом, а на востоке начало светлеть. Занимался новый день.

Как только рассвело, Бун откопал нижнюю рубашку и достал себе мяса. Сидя на корточках у костра, он жевал и жевал, стараясь перетереть жесткие волокна хотя бы настолько, чтоб их можно было проглотить без опаски. После завтрака он опять побрел к родничку за водой, а потом вскарабкивался на склон за дровами.

До него дошло, что убить время, заполнить дни хоть каким-то делом будет задачей не из легких. Какие такие занятия изобрести, чтобы не погибнуть от безделья? Он думал, думал — и не придумал ничего, что имело бы смысл. Конечно, можно бы отправиться на разведку местности, но сейчас это представлялось неразумным. Позже, быть может, и придется побродить по окрестностям, но сейчас надо сидеть на месте и ждать возвращения Инид или появления кого-нибудь еще.

Сходив несколько раз к уступу, за которым бизон держал последнюю оборону, Бун приволок к бивуаку самые тяжелые каменные плиты, с какими только мог совладать, и нагромоздил их поверх тайника с мясом. Вероятно, очень голодные хищники, унюхавшие мясо, сумели бы сдвинуть каменную преграду. Но волки из этой стаи, которых он уже начал считать своими, слишком сыты для того, чтоб отважиться на подобный труд.

Затем он решил залезть на самую вершину холма и, не щадя себя, одолел крутой предвершинный склон, достиг гребня и осмотрелся. Смотреть оказалось в общем-то не на что. В двух-трех милях от него паслось

стадо травоядных, скорее всего бизонов. Тенями проносились легконогие стайки иных животных, предположительно вилорогих антилоп. По сухому руслу ручья прошествовал вперевалку кто-то внушительный, похожий на медведя. А в остальном вокруг расстилалась пустошь, прорезанная кое-где овражками, где по весне текла вода, и усеянная скучными однообразными холмами. Там и сям к овражкам теснились тополиные рощи, да на склонах холмов изредка проступали темные пятнышки — то ли кусты, то ли семейки деревьев.

Когда Бун спустился вниз к костру, волки наконец оставили тушу бизона в покое. В сущности, от нее и не осталось почти ничего — кости да клочья шкуры, хлопающие на ветру. Вокруг суетилась добрая дюжина грифов, они злобно наскакивали друг на друга, защищая участки, которые каждый из них определил для себя, и склевывая скудные крохи мяса, еще уцелевшие на скелете.

Бун приготовился ждать, собрав все свое терпение. Прошло четыре дня — времялета не было. Он ретиво исполнял свои каждодневные дела и несколько раз осматривал поверженного монстра, но не приближаясь, а кружа на безопасном расстоянии. За неимением лучшего развлечения он пробовал воссоздать монстра мысленно, как-то соединив обломки в единое целое. Наверное, задача облегчилась бы, если б он разрешил себе подойти поближе, взять обломки в руки и хорошенько изучить их. Но он почему-то робел. Новых попыток заговорить монстр не делал, и Бун убедил себя, что разговора и не было никогда, что воспоминание о разговоре — всего-навсего аберрация памяти.

К концу четвертого дня произошло предвиденное и все же неприятное происшествие: жареного мяса в яме хватило бы еще на два-три раза, однако оно начало портиться. А он все же оставался пока слишком цивилизованным, чтоб его желудок согласился на тухлятину.

На утро пятого дня он вырвал листок из книжки, которую носил в нагрудном кармане, и огрызком карандаша нацарапал записку:

Ушел на охоту. Вернусь без промедления.

И, положив записку на каменную пирамиду, охранявшую яму, придавил ее одним из камней сверху.

Отправляясь на охоту с ружьем, Бун был в приподнятом настроении. Наконец-то для него нашлось насто-

ящее дело, которое надо сделать непременно, а не просто ради того, чтоб убить время. Не прошел он и мили, как из-за холма выскочил волк явно с целью составить ему компанию. Правда, догонять не стал, а выбрал позицию примерно в ста ярдах позади и чуть справа. При этом волк держался по-дружески и всем своим видом показывал, что рад новой встрече. Бун попробовал заговорить с волком, но тот пренебрег разговором и лишь продолжал трусить следом, не приближаясь и не отставая.

Примерно через час Бун заметил на расстоянии небольшое стадо пасущихся антилоп. Слева лежало сухое русло — он соскользнул туда и двинулся дальше по дну абсолютно бесшумно. Овражек понемногу сворачивал вправо, как раз туда, где паслась намеченная добыча. Волк по примеру Буна также спустился в овражек и теперь трусил позади. Дважды Бун опасливо взбирался на склон и выглядывал, как там антилопы, — все было в порядке, они оставались на том же месте, пощипывая полынь, а если попадалась трава, то и траву. Казалось, они не чуют угрозы, но дистанция была все еще великовата, надо было подобраться поближе. Он опять спустился на дно и продолжал уже не идти, а красться, примеряясь, куда поставить ногу: один хрустнувший под ногой камешек — и антилопы пустились бы наутек. Словно предчувствуя скорый конец охоты, волк крался следом совершенно беззвучно.

Минут через десять Бун рискнул выглянуть из овражка снова. Антилопы оказались даже ближе, чем он предполагал. Осталось лишь поднять ружье, прицелиться и нажать курок. Подстреленная антилопа взвилась в воздух и тяжело рухнула наземь, а остальные сорвались с места и унеслись прочь паническим галопом, в первый раз притормозив и оглянувшись лишь через триста-четыреста ярдов. Но как только Бун вылез из овражка наверх, антилопы пустились вскачь с новой силой.

Волк, не вмешиваясь, уселся в сторонке. А когда Бун взвалил добычу на плечо и двинулся назад к бивуаку, волк побежал рядом, всем своим видом выражая удовлетворение: потрудились, мол, на славу.

У костра Бун старательно освежевал антилопу. Сняв шкуру, расстелил ее и расправил, чтобы рассортировать на ней мясо. Выпотрошив добычу, отложил печень, а прочие внутренности отволок прочь, к останкам бизона.

Волк не заставил себя просить и принялся пожирать, что предложено. Печень Бун разрезал на ломтики и, как уже повелось, нанизав на палочки, стал жарить над углями. Потом разделал тушу, оставил себе филейную часть и один из окороков, а остальное выбросил подальше. Волк тут же забыл про внутренности и принялся за более приятную пищу.

Бун, со своей стороны, от души угостился свежатинкой, а затем, не откладывая, стал готовить запас на следующие дни. Готовил и сознавал, что так продолжаться не может. Долго ли продержишься на том, что удалось подстрелить? Да и такая жизнь была ограничена четырьмя патронами, что остались в обойме. Прежде чем будет израсходован последний патрон, необходимо найти другой способ, чтобы кормиться. Нужна древесина для лука, нужны жилы для тетивы, прямые сучки для стрел, камни для наконечников и еще камни, чтобы вытесать нож, потому что дешевая игрушка под названием «нож» при тех нагрузках, какие ей выпали, вскоре сломается.

О том, как изготовить лук, он не знал практически ничего. Но, по крайней мере, ему был известен принцип, и как-нибудь он справится. Даже если первый лук получится плохоньким, все равно это будет оружие, которое, пусть с грехом пополам, продержится до тех пор, пока он методом проб и ошибок не наловчится делать настоящие луки.

Завтра, решил он, завтра и не позже, надо выйти на поиски нужной древесины и подходящих камней. Можжевеловую рощу, снабжавшую его дровами для костра, после непродолжительного раздумья он отверг в принципе. Можжевельник — дерево, мягко говоря, никудышное, и вряд ли во всей роще сыщется хоть одно растение, пригодное по прочности для лука.

Откуда ни возьмись возле выброшенного Буном мяса объявились еще два волка. Он всматривался во все глаза, пытаясь опознать среди них знакомого, и потерпел фиаско: все три выглядели одинаковыми. К закату от мяса, предложенного волкам, не осталось и воспоминания, и они как сквозь землю провалились — все трое.

Однако вечером, после наступления темноты, его знакомец явился снова и уселся по ту сторону костра. И Бун объявил:

— Завтра я собираюсь в поход за древесиной и камнями. Буду рад, если ты присоединишься ко мне. Учти, поход обещает быть трудным. Взять с собой воду я не смогу, не в чем. Хотя мяса возьму достаточно и обязуюсь поделиться с тобой...

«Смех, да и только, — подумал он. — Зверь же ни черта не понял из того, что я сказал...» И тем не менее разговаривать с волком казалось безопаснее, чем молчать. И вообще приятно, что есть к кому обратиться, — лучше к зверю, чем в пустоту. Волк — существо тоже живое, и места у огня хватит на двоих.

Когда Бун очнулся среди ночи, волк по-прежнему сидел рядом и следил пристально и приветливо, как человек подкладывает дров в костер. Потом он опять заснул, а волк сторожил его.

Утром Бун нацарапал новую записку, на сей раз более длинную:

Ушел в поход, который может продлиться несколько дней. Но я обязательно вернусь. Пожалуйста, дождитесь меня. Со мной может быть волк. Если он явится сюда, не причиняйте ему зла. Он мой друг.

Бун прижал записку камнем и отправился в путь вместе с волком. Они шли на запад, к дальнему холму, на котором Бун приметил неровные пятна — предположительно древесные заросли. Если идти ходко, до холма казалось не более дня пути.

Однако на деле выяснилось, что гораздо больше. Перед вечером Бун понял, что засветло до цели не добраться. Он устал, очень хотелось пить. По дороге им не попалось ни одного источника. Он утешал себя тем, что вода, наверное, найдется на холме — а уж до утра он худо-бедно перебьется. Спустившись в очередное сухое русло, он прошел по оврагу до крутого поворота, где высокие откосы образовали как бы естественную нишу, и, подобрав опавшие с тополей ветки, разложил костер.

Выбрав три куска мяса, он кинул их волку, который немедля все проглотил, и сам поужинал, расположившись у костра. Мясо было нежным, не чета бизоньему, и жевалось без труда. Волк откровенно ждал добавки — Бун кинул еще кусок.

— Больше не проси, — сказал он. — Надо делиться поровну. Ты и так получил большую порцию.

Усталость взяла свое: он заснул сразу после наступления темноты. Волк вытянулся по другую сторону костра. Проснулся Бун лишь перед самым рассветом. Костер погас, но он не потрудился разжигать огонь сызнова. Покормил волка, поел сам. Солнце еще не взошло, а они уже тронулись дальше. Намеченного холма удалось достичь еще до полудня, и они начали подъем. Холм оказался много выше того, близ которого приземлился времялет Инид. Подъем был долгим и утомительным.

Где-то на середине склона волк нашел воду и воротился к Буну с влажной мордой, с нее даже капало.

— Вода? — спросил Бун. — Покажи, где! — Волк замер в недоумении. — Вода!.. — повторил Бун и, высунув язык, попробовал показать, что лакает.

Тогда волк потрусил направо, время от времени останавливаясь и оглядываясь на человека. «Неужели, — спрашивал себя Бун, — волк мог сообразить, чего я хочу? Безумие надеяться, что да, и все же: я поделился с ним мясом — так, может, ему захотелось поделиться водой?..»

Жажда терзала Буна долгие часы, он заставлял себя не думать о ней, но теперь, когда вода была заведомо где-то близко, желание пить стало невыносимым. Рот и горло пересохли до одеревенения, глотательные движения причиняли боль.

Впереди склон выгнулся огромным каменным выступом. Бун торопился изо всех сил, но подъем был крутым, а высушенная солнцем трава — предательски скользкой. Он опустился на четвереньки, впиваясь в грунт ногтями, едва не рыдая от нестерпимой жажды.

А холм, как он отметил, был известняковым, а не песчаным. Наверное, известняк лежит поверх пласта песчаника, простирающегося на многие мили вплоть до того стартового холма. Для изготовления инструмента известняк тоже не годится, но могут встретиться сланцевые и даже кварцевые прослойки.

Над ним нависала почти отвесная скала, за которую кое-где цеплялись чахлые низкорослые кедры. Он карабкался по крутому желобу, ведущему к самому скальному подножию. Из-под ног срывались, катились вниз шалые камушки. Волк куда-то запропастился, зато явственно чудился плеск бегущей воды.

Он сорвался, покатился кубарем, оступился снова и вдруг застопорился. Что-то схватило его за правую ногу, ее пронизала жгучая боль, такая острая, что Бун задохнулся и покрылся потом. Боль пронзила все тело, он содрогнулся от подступающей рвоты, но горло было слишком сухим, и рвота не состоялась.

Он лежал не шевелясь, лежал долго, пока боль не начала угасать, потом попытался сесть. Ничего не вышло: что бы ни зажало ему ногу, он был накрепко пришпилен к земле, распластан на склоне. Тогда он попробовал извернуться и хотя бы рассмотреть, что с ногой, но при первом же движении сердце захолонуло от боли, и он, обессилев, опять рухнул навзничь. Собрав силы буквально по капельке, он проделал то же самое снова — предельно медленно и осторожно. На этот раз ему удалось наклонить голову так, чтоб увидеть собственное тело. Нога застряла в узкой расщелине. По-видимому, в известняке была трещина, едва прикрытая слетевшими со скалы камешками, и он наступил на эту ловушку и провалился почти до колена.

Ну что за глупость, выругал он себя. На него накатила было паника, однако он сумел отогнать ее. Все, что от меня требуется, внушал он себе, — это бережно-бережно высвободить ногу из каменных клещей. Он чуть-чуть напряг мышцы — они работали. Нога отзывалась на команды, хоть и протестовала. Скорее всего растяжение или вывих, на перелом не похоже. Может, еще кожу ссадил, не более того.

Появился волк, дюйм за дюймом сполз по откосу откуда-то сверху, уперся всеми четырьмя лапами и уставился на человека поскуливая.

— Все в порядке, — обращаясь к волку, прохрипел Бун. — Через минутку я отсюда выберусь. Только соображу как...

Но выбраться не получилось ни через минутку, ни через час. Что бы он ни предпринимал, нога оставалась стиснутой в расщелине. Задача осложнялась неловкой позой, в какой его распластало на склоне. А едва он пробовал изменить позу на более удобную, тело отзывалось такой агонией, что результатом всех усилий оказывались только немощь и холодный пот. В конце концов он сдался, совершенно измученный, и решил немного передохнуть.

Отдохнув, он принялся тащить ногу по-новой. Наступили сумерки, сгустились до почти полной тьмы. Волк опять сгинул куда-то. В полном одиночестве Бун сперва пытался осторожно высвободить ногу, сдвигая по доле дюйма, а когда это не помогло, рванулся изо всех сил. Боль обожгла его сабельным ударом, но он, стиснув зубы, рванулся еще раз. Нога не высвободилась. Пробовать в третий раз он не стал. Окончательно изнуренный, он расслышал, теперь вполне отчетливо, звук бегущей воды. Пронзительная боль в ноге доводила до отчаяния, сухость в горле переходила в удушье.

Успокоиться, урезонить себя — но как? Придумать какой-то план — но какой? Он потянулся к узелку с мясом, который прежде нес на плече. Узелка не было. Не было и ружья.

Бун решительно сжал челюсти. Ему доводилось бывать в худших переделках, и он выкарабкивался живым и здоровым. Не говоря уж обо всем остальном, он всегда вовремя ступал за угол и выбирался на свободу. Вот и сейчас, наверное, настала пора ступить за угол. Он плотно сжал веки, весь напружинился, напряг мозг.

— Угол! — воззвал он в крик. — Угол! Куда же задевался этот чертов угол?!..

Угол не объявлялся. Бун оставался в точности там, где и был. И как только волевое напряжение спало, забылся прямо на голом склоне.

Очнулся он спустя часы. На небе сверкали звезды. Холодный ветер безжалостно задувал снизу от подножия холма, и Бун почти окоченел. Он не сразу сообразил, где находится, потом понемногу пришел в себя. Его угораздило попасться в ловушку, и из нее не выбраться. Здесь он и умрет. Бун лежал, изнывая от холода и боли, жажда сводила горло судорогой. Может статься, попозже придется сделать с собой что-нибудь — но еще не сейчас, не сейчас...

В отсветах звезд шевельнулась серая тень. Волк вернулся. Посмотрел на человека и заскулил.

— Обещай мне одно, — обратился Бун к волку. — Большего не прошу. Пожалуйста, убедись, что я мертв, прежде чем жрать меня...

Глава 7

ИНИД

И все пошло наперекосяк, неотступно думала Инид. Ей и не следовало браться за управление ковчегом. Она же прекрасно знала, что не имеет должной подготовки. А в то же время — что оставалось делать? В Гопкинс Акре ее бросили в одиночестве, она единственная подумала о Буне, и задать машине курс не было никакой возможности. Она только и успела дать команду на старт, да больше ничего и не оставалось. А потом ситуация повторилась. Бун крикнул ей, чтоб она спасала времялет, и она бросилась наутек. И перепрыгнула почти на миллион лет в будущее, на миллион лет от эпохи, где застрял Бун, — и у нее нет ни малейшего представления, как вернуться за ним и выручить его.

А все Хорас виноват, подумала она с гневом. Хорас, который без конца настаивал на том, чтобы рассчитать все заранее, а рассчитал так скверно. В каждом ковчеге должен был быть квалифицированный пилот — хотя, вообще-то говоря, трех квалифицированных среди них просто не было. Дэвид, вне сомнения, на времялетах собаку съел. И сам Хорас тоже мог бы справиться, хотя в лучшем случае кое-как. Эмма с Тимоти к контрольным панелям и близко не подходили. Во всей семье, если разобраться, было два пилота, всего-навсего два.

Если бы страшилище не нарушило все планы и дало им шанс подготовиться досконально, все, вероятно,

прошло бы гладко. Они бы обсудили, куда держать путь, и Дэвид — скорее всего Дэвид — настроил бы все три ковчега на одно и то же время и место. Они решили бы заранее, где и когда высадятся, и стартовали бы все вместе. Будь ее времялет запрограммирован, она б и горя не знала. Но пришлось стартовать наугад, да еще дважды, и это, конечно же, погубило ее.

Инид в который раз бросила взгляд на приборы. Обозначения времени были достаточно четкими, зато пространственные координаты казались ей китайской грамотой. Таким образом, ей было известно, в каком она тысячелетии и в каком году, но совершенно неясно, в какой точке. После первой посадки она поняла, где они, лишь благодаря Буну, да и то приблизительно. Разумеется, приборы указывали точные координаты, только она не умела их прочесть. Теперь-то до нее дошло, что там, в прошлом, следовало бы записать показания всех приборов подряд, но что не сделано, того уже не поправишь. Досаднее всего, что координаты той первой посадки вместе с Буном и ныне хранятся в памяти записывающего устройства, и она могла бы вывести их на дисплей, — если бы хоть отдаленно представляла себе, как это сделать.

С тяжелым чувством она откинулась на спинку пилотского кресла, не в силах оторвать взгляд от приборов. Ну почему, почему за все годы, прожитые в Гопкинс Акре, она не удосужилась попросить Дэвида обучить ее управлению времялетом? Дэвид был бы счастлив оказать ей эту услугу — тут сомневаться не приходилось, — а она не попросила его, ей даже в голову ни разу не пришло, что такое умение ей когда-нибудь может понадобиться.

Она перевела взгляд на обзорный экран, однако поле зрения было суженным, и вообще за бортом не было вроде бы ничего интересного. Времялет, по-видимому, сел на возвышенности, потому что на экране открывался вид поверх иззубренных скал, а среди скал поблескивала река.

Вот я и допрыгалась, подумала Инид. Эмма с Хорасом подчас называли меня безответственной, и ведь они, наверное, правы. Я бросила достойного человека на произвол судьбы, бросила в далеком прошлом и только потом поняла, что вернуться за ним и спасти его при всем желании не смогу. Мало того, боюсь даже

пробовать. Я совершила два прыжка вслепую — сначала глубоко в прошлое, затем еще глубже в будущее. На кого мне теперь надеяться — на Генри? Да, он выследил нас в Европе в средних веках, но, по сравнению с нынешней, то была пустяковая задача. Допустим, за мной остался еле заметный след, и он, если повезет, мог бы разыскать меня. Но следов-то уже не один, а два, — совладает ли Генри с двумя? Теперь мне, хочешь не хочешь, придется оставаться на месте. Если я вздумаю скакнуть еще раз, то потеряюсь окончательно и навсегда. И сейчас-то, после двух прыжков, я, может быть, уже потерялась безнадежно и навсегда...

Поднявшись с кресла, Инид подошла к люку. И как только приоткрыла его, услышала странный шум, напоминающий гудение пчелиного роя. Десяток шагов от люка — и она поняла, что это за шум и что он значит.

Времялет приземлился на склоне чуть ниже вершины высокого горного кряжа. По верху кряжа двигалась толпа, и именно от толпы исходил шум — невнятный шелест многих голосов, звучащих одновременно.

Налево и направо, насколько хватал глаз, по кряжу двигались люди. Плотность движения была неравномерной: толпа то сгущалась в сплошную массу, то распадалась на небольшие группы, встречались и путники, бредущие поодиночке. Но все двигались, двигались в одном направлении, целеустремленно и не спеша.

И рядом с ними — именно рядом, а не вместе, словно составляя почетный эскорт процессии, — двигались разные диковинные фигуры. Одни были внешне человекоподобными, другие вовсе не напоминали людей, но все были живыми и все перемещались — ползли, извиваясь, как змеи, или выгибаясь, как гусеницы, катились, сновали бешеными зигзагами, шагали, как на ходулях, плыли над землей, а иные летели в полном смысле слова.

У Инид перехватило дыхание: она уяснила себе, из кого состоит этот эскорт. Человекоподобные были роботами, да и среди других, не похожих на людей, роботы, несомненно, составляли добрую половину. Остальные были инопланетяне. Во времена, которые она должна бы считать родными, на планете развелось множество инопланетян, поддерживающих с землянами странные, зачастую непостижимо странные отноше-

ния, — но собственное ее племя, отселенцы, старалось иметь с пришельцами как можно меньше общего.

Она не испытывала желания отходить далеко от времялета и все же сделала несколько шагов вверх по склону, поближе к процессии, бредущей своим неспешным, несуразным маршем. Почва здесь, близ вершины кряжа, отличалась упругой сухостью, и сам кряж был по-своему величав — земля, казалось, привстала на цыпочки в попытке дотянуться до самого неба. А небо было бездонно синим — более синего ей не доводилось видеть за всю жизнь, и ни единое облачко не осмелилось запятнать его. Сильный, устойчивый ветер трепал полы ее плаща. Ветер дышал резкой свежестью, словно вобрал в себя холод и пустоту необозримых просторов, зато солнце, стоящее почти в зените, радовало теплом. Под ногами шелестела трава, отнюдь не дикая, а ухоженная и подстриженная. Вдоль гребня кое-где росли деревья, и каждое кренилось, каждое было обточено ветром, который дул здесь, наверное, из века в век, пока не подчинил деревья своей воле.

Никто не обращал на Инид ни малейшего внимания. Какое бы действо ни происходило здесь, ее появление на происходящее никак не повлияло. Что же это за действо? — поневоле спросила себя Инид. Какое-то ритуальное шествие, или религиозное паломничество, или, возможно, иной обряд древнего мифологического происхождения? Все ее догадки, конечно же, одинаково бездоказательны. Вмешиваться ни к чему, а быть может, и опасно, — хотя со стороны процессия казалась невосприимчивой к любому вмешательству. В движении чувствовалась целеустремленность, оно имело какой-то смысл и назначение.

Над самым ее ухом вдруг прозвучал голос:

— Вы хотите присоединиться к нам, леди?

Она дернулась в испуге и круто обернулась. Рядом стоял робот. Очевидно, его приближения не было слышно из-за ветра. Он был человекоподобным и в высшей степени цивилизованным, без следа механической вульгарности. Разумеется, он оставался машиной, это было заметно с первого взгляда. Но в то же время в нем странным образом ощущалась человечность и, более того, благородство. Его лицо и тело были классически человечными, и он был украшен со вкусом, каждая металлическая деталь несла на себе неглубокий спокой-

ный орнамент, заставивший Инид вспомнить изящную насечку на дорогих ружьях из коллекции Тимоти. На плече робот нес цельную ободранную свиную тушу, а под мышкой — большой, туго набитый мешок, по-видимому, с зерном.

— Прошу извинить меня, леди, — продолжал робот. — Я никоим образом не хотел вас испугать. Приблизившись к вам сзади, я хотел издать какой-нибудь звук, дабы оповестить о себе, но, понимаете ли, ветер... На ветру просто ничего не слышно.

— Спасибо тебе за предупредительность, — ответила Инид. — Ты действительно испугал меня, но хорошо что не очень сильно. Нет, я не намерена присоединяться к вам. По правде говоря, я даже не представляю себе, что тут происходит.

— Массовая галлюцинация, — заявил робот довольно резко. — То, что вы видите, — это новый поход Дудочника Пайдпайпера. А вы, леди, не ровен час, знакомы с древней легендой про Дудочника*?

— Ну конечно, знакома, — отозвалась Инид. — Я читала про Дудочника в одной из книг, которые мой брат откопал в прошлом. Этот Дудочник выманил своей музыкой из деревни всех детей...

— Здесь в точности то же самое, — подхватил робот. — Все идут в поход, как за Дудочником, с той только разницей, что Дудочника нет и в помине. А все эти инопланетяне виноваты...

— Но если Дудочника нет, за кем же они идут?

— Подверженные обману чувств, что навеян, по моему убеждению, инопланетянами, они следуют за собственными мечтами. Каждый за своей, исключительно за своей. Я уж втолковывал им, втолковывал, и все другие роботы тоже, но они игнорируют нас и слушают только мерзких пришельцев...

— Но если так, зачем ты здесь? И не ты один, тут множество других роботов...

— Кто-то же должен позаботиться о людях. Кто-то должен защитить их от самих себя. Они снялись и

---

*Имеется в виду стихотворение Роберта Браунинга (1812—1889), по сюжету сходное с известным немецким сказанием о гамельнском крысолове. В современном английском языке выражение «пайдпайпер» (pied piper) употребляется как нарицательное для характеристики людей и в особенности политиков, падких на несбыточные обещания.

пошли без всякого пропитания, без еды, и без воды, и без одежды, потребной для защиты от холода и от сырости. Вы видите поросенка у меня на спине? Видите мешок с провизией, который я прижимаю к боку? Я попрошайничаю у сельских жителей, добываю где и сколько могу. Уверяю вас, леди, это отнюдь не та миссия, за которую робот моего класса с присущей ему честностью и восприимчивостью возьмется с искренней охотой. И тем не менее таков мой долг, потому что мои дурные хозяева заворожены своими нелепыми мечтаниями и пренебрегают даже первоочередными жизненными потребностями. Кто-то должен быть с ними рядом и опекать их...

— Где же завершится этот поход? Что будет с людьми дальше? Чем все это кончится?

— Поистине не ведаю, — ответил робот. — Могу лишь уповать на лучшее. Возможно, такое уже случалось где-либо и когда-либо, но у нас на Земле ничего подобного ранее не бывало. Как бы я ни любил своих хозяев, но, прошу у вас прощения, люди подчас представляются мне самой беспечной и безрассудной формой всего живого. Знаете, леди, мне от роду много столетий, а прочитанные мной книги охватывают период неисчислимой длительности. Согласно историкам былых эпох, человечество отличалось беспечностью и безрассудством всегда, но мне кажется, что раньше безрассудство шло от глупости и упрямства, а ныне оно стало для людей источником радости. И если безрассудство радует и приносит счастье, то это, по-моему, высшая извращенность, какую только можно себе представить.

— Мне надо над этим подумать, — сказала Инид. — Не исключено, что ты прав.

Извращенность, повторила Инид про себя. Неужели человечество действительно пало жертвой собственной извращенности и добровольно свело к нулю все ценности, завоеванные столь тяжко и на протяжении более чем миллиона лет выстроенные в логическую систему? Неужели ни с того ни с сего, без какой бы то ни было причины можно было отвернуться от всего, что составляло самую основу человечества? Или, быть может, люди впали во второе детство, сбросили со своих плеч возраст как опостылевшую ношу и вернулись вспять к эгоизму детей, которые играют и резвятся, не задумываясь ни о последствиях, ни об ответственности?

— Если у вас есть настроение подняться туда и посмотреть на них поближе, — заявил робот, — можете сделать это без опасения. Примите мои уверения, что опасаться совершенно нечего. Они совсем безобидные люди, только, увы, глупые.

— Возможно, я последую твоему совету.

— Или еще лучше — если вы располагаете временем, пожалуйте к нам вечером, когда мы обратимся к трапезе. Кроме моих хозяев, ради такого случая мы пригласим несколько избранных, наименее омерзительных инопланетян. Будет жареная свинина и свежеиспеченный хлеб, а может, и иная снедь, какую раздобудут мои коллеги. Не бойтесь оказаться незваным гостем — приглашаю вас от имени моей семьи. Когда наступает вечер, все семьи собираются в своем кругу и поглощают пищу, какую им предложат их роботы. Вам, наверное, понравится моя семья. Не считая этого дурацкого представления, во всем остальном они прекрасные люди. Питаю надежду, что их безумие скоро закончится.

— С удовольствием приму участие в трапезе, — сказала Инид. — Рада, что ты пригласил меня.

— Тогда последуйте за мной. Попробую их разыскать. Они где-то среди идущих, и не слишком далеко отсюда. Затем я выберу площадку для ночлега и приготовлю все для ужина. Наверное, лучше поискать место чуть впереди, чтоб они очутились неподалеку, когда безумие приостановится перед лицом ночи.

— Значит, по ночам поход прерывается?

— Ну конечно же! Они все-таки еще не полностью выжили из ума.

— Ладно, пойду с тобой, — решила Инид. — Не хочу присоединяться к процессии. Там я буду белой вороной. Лучше я составлю тебе компанию и помогу разбить лагерь.

— В помощи нет нужды, — заверил робот. — Там будут другие мои коллеги, и все мы истовые работники. Однако ваша компания доставит мне удовольствие. И поскольку мы проведем какое-то время вместе, можете называть меня Джонс.

— Счастлива узнать твое имя. Называй меня Инид.

— Я буду обращаться к вам «мисс Инид». Молодых особ женского пола обычно именуют «мисс».

— Спасибо тебе, Джонс...

На протяжении разговора они понемногу поднимались в гору и теперь оказались совсем близко от процессии. Инид увидела, что люди следуют по бегущей вдоль гребня едва заметной тропе, вероятно используемой не часто, — разве что одинокие странники хаживали по ней иногда, торопясь найти укрытие до наступления ночи. Ныне тропа стала торной дорогой, забитой людьми в обе стороны до самого горизонта. Кое-где строй разрывался, но разрывы не были очень броскими, и создавалось ощущение, что это единая грандиозная процессия.

И каждый участник процессии шел сам по себе, будто в полном одиночестве, обращая на идущих рядом в лучшем случае формальное внимание. Головы подняты высоко и уверенно, глаза уставлены в одну точку — скорее вперед, чем вверх, — словно им вот-вот, в любую минуту может открыться некое зрелище, заведомо прекрасное, которое ни при каких обстоятельствах не вызовет разочарования. Люди были исполнены тихого ожидания, сдержанного экстаза, хотя, уточнила для себя Инид, это не имело ничего общего с молитвенным, религиозным экстазом. Первая ее догадка, что это религиозная церемония, была, вне сомнения, ошибочной.

Детей в процессии не было. Были подростки, были люди среднего возраста, были пожилые и совсем старые, опирающиеся на трости и посохи и даже ковыляющие на костылях. И вместе с ними бежала, прыгала, вышагивала, семенила, ползла вереница инопланетян — их было меньше, чем людей, но вполне достаточно, чтобы произвести впечатление на стороннего наблюдателя.

Одно из созданий, смахивающее на привидение, то плыло на уровне процессии, покачиваясь вверх-вниз, то взмывало высоко над нею, и непрерывно меняло облик. Другое, трехногое, вышагивало как на ходулях, при этом тело его не имело никаких характерных черт и если напоминало что-то, то простую коробку. Было существо, совмещающее в себе ползуна и катуна оно то скользило под ногами идущих, извиваясь змеей, то скручивалось в шар, движущийся спокойно и мягко. Была, наконец, голова без туловища — голова, а на ней рот и единственный глаз, и голова беспрерывно сновала туда-сюда, будто не ведала, куда путь держать. Были и всякие другие чудища, всех не перечислить.

Люди не обращали на инопланетян ни малейшего внимания, словно те ничем не отличались от обычных людей. И инопланетяне, в свою очередь, как бы не замечали людей, — казалось, они знают этих людей давным-давно и давно поняли, что в них нет ничего интересного. У Инид создалось впечатление, что все они, и люди и инопланетяне, чего-то ждут, но не какого-то единого для всех знамения, а каждый своего персонального откровения.

Она вспомнила про робота Джонса и принялась озираться, но Джонс как сквозь землю провалился. Роботов вокруг было множество, причем почти все они предпочитали не вклиниваться в процессию, не смешиваться с людьми и пришельцами, а держаться особняком. Их было много, а вот Джонса она, как ни высматривала, не видела. Мелькнула мысль, что он собирался пройти вперед, и, если поспешить, его еще можно догнать. Инид была голодна, и перспектива горячей свинины со свежим хлебом, обещанная Джонсом, звучала очень заманчиво. Какой же глупостью с ее стороны было позволить ему потеряться!..

Она пустилась бегом вдоль процессии, но буквально через несколько шагов остановилась. Она же не заметила, в каком направлении он пошел, и, бросившись вдогонку, может на деле не приближаться к нему, а отдаляться. И тут над самым ее ухом раздался голос — гнусавый, явно не человеческий, хоть и употребляющий человеческие слова:

— Добрая гуманоидная особь, ты не откажешься оказать мне небольшую услугу?

Инид невольно дернулась, отпрыгнула вбок и только потом обернулась.

Разумеется, это оказался пришелец — она знала заранее, что пришелец, — но, пожалуй, чуть более человекоподобный, чем большинство других. Выгнутую вперед длинную тощую шею венчала голова с удлиненной мордой, напоминающей одновременно исхудавшего за зиму коня и удрученного гончего пса. Безобразно кривые ноги, числом две, поддерживали туловище — раздутый бородавчатый мешок. Длинные гибкие руки, тоже две, извивались как кобры под музыку факира. Уши торчали в стороны и смахивали на мегафоны. На лбу расположились две кучки глаз всех цветов радуги. Широкий рот обрамляли слюнявые губы. В довершение

всего по бокам тощей шеи шевелились жабры, шумно вздымаясь и опадая в ритме дыхания.

— Вне сомнения, — объявил пришелец, — для тебя я есть мерзкое зрелище. Как человеческие особи представлялись мне мерзкими, пока я не привык к их виду. Но сердце во мне доброе, а честность превыше всего.

— Нисколько не сомневаюсь, — произнесла Инид.

— Я осмелился подойти к тебе, — продолжал он, — поскольку из всех присутствующих здесь особей ты одна, если не ошибаюсь, не вовлечена в происходящее. Сие внушает мне веру, что ты согласишься пожертвовать мне малую долю своего времени.

— Не представляю себе, чем могу быть тебе полезной.

— Однако можешь. Вне сомнения, можешь, — повторил он настойчиво. — Весьма необременительная задача, которую, вследствие запутанных причин, я тем не менее не в состоянии выполнить лично. Мне, увы, недостает... — На удрученной конепесьей морде появилось выражение нерешительности, пришелец словно не находил нужного слова. — Допустим, некто вяжет пакет бечевкой, но, когда необходимо завязать узел, он не может этого сделать, в силу отсутствия собственных рук. И этот некто просит тебя подержать палец на перекрестье нитей, дабы узел все-таки завязался. Что-то подобное, хоть и в несколько ином плане, я прошу тебя осуществить за меня.

— В силу отсутствия собственных рук?

— Нет, не рук, а иного свойства, сущность которого я не способен передать тебе терминами, понятными для тебя. Сие есть моя вина, а ни в малой мере не твоя. — Инид, совершенно сбитая с толку, бросила на пришельца недоуменный взгляд. — Ты все еще страдаешь недопониманием?

— Боюсь, что да. Придется тебе рассказать подробнее.

— Ты зришь здесь многих особей, шествующих со всей серьезностью, и все стараются, все ищут, но каждый ищет свое, присущее только ему. Возможно, искусную картину, какую бы желал изобразить на холсте. Или музыкальное сочинение, каким бы восторгались все другие ценители. Или архитектурную идею, какую некто в той процессии тщился отразить на бумаге в течение долгих лет.

— Так вот оно что! — воскликнула Инид. — Вот что они высматривают...

— Именно и точно. Я полагал, что тебе сие известно.

— Я понимала, что они ищут что-то. Но не догадывалась что.

— Поиск некоей цели характерен не только для земных обитателей.

— Ты намекаешь, что тоже ищешь что-то? И тебе нужна моя помощь? Сэр, я положительно не могу взять в толк, каким образом я способна помочь.

— Я занят поиском идеи и многократно старался вызвать ее к жизни, однако идея каждый раз недовоплощалась. И когда я прознал про эту процессию и ее поисковый смысл, я сказал себе: ежели процессия плодотворна для земных особей, то нет ли самой малой надежды, что ей суждено стать плодотворной и для меня?

— И оправдалась твоя надежда?

— Уповаю, что оправдалась. Идея полностью определилась умственно, но воздержусь утверждать это бесповоротно, пока не отыщу особь, согласную подержать палец на перекрестье нитей.

— Только речь, конечно, не о пальце и не о нитях.

— Совершенно верно, прекрасная леди. Ты разумеешь быстро и внимаешь пристально. Будешь ли внимать далее?

Инид огляделась. Робота Джонса по-прежнему нигде не было видно.

— Ладно, буду внимать. Постараюсь внимать пристально.

— Прежде всего, — провозгласил пришелец-конепес, — я обязан явить тебе свою честность. С прискорбием извещаю тебя, что прибегнул к обману. Все прочие инопланетные, участвующие в процессии, составляют особо отобранную группу. Их допустили к участию, ибо они обладают даром поднимать восприимчивость земных особей на высший галлюцинаторный уровень. Воспаряя в галлюцинациях, соучастники данной процессии сумеют воспринять модель высокого искусства, к коему направлены их помыслы. Более того, среди различных инопланетных есть такие, кто способен руководить материализацией видений, дабы картина возникала из разума без посредства кистей и красок. Или музыка, настоящий звук, без посредства инструментов и партитур. Допустимо выразиться так — дабы произошло ко-

роткое замыкание между концепцией и ее воплощением.

— Но это немыслимо! — вскричала Инид, внезапно вообразив себе ливень живописных полотен, который падает с неба под музыку, идущую ниоткуда.

— В определенных случаях отнюдь не немыслимо, — заявил Конепес.

— Пока что ты говоришь прямо и откровенно, — отметила Инид. — Но ты упомянул, что прибег к обману. С какой стати?

— Обман в том, что я присоединился к процессии с целью трудиться отнюдь не на благо земных особей, а на благо себя самого. Я питал надежду, что рвение соучастников пополнит и подстегнет мои прежние умения.

— Ты хочешь сказать, что идешь с процессией, преследуя собственную цель? Цель, очевидно, была в том, чтобы войти в состояние, нужное для разработки твоей идеи. Этого ты добился — и все же не можешь осуществить свою идею, пока не найдешь кого-то, кто согласился бы подержать палец на перекрестье?

— Ты обрисовала ситуацию с восхитительной точностью. И ежели тебе теперь все понятно, ты соглашаешься помочь?

— Сперва скажи мне, что за штуковину ты изобретаешь.

— Этого, увы, я сделать не в состоянии, поскольку объяснение неизбежно вовлекает понятия, недоступные земным особям без основательной специальной подготовки.

— Твое изобретение не будет пагубным? Оно никому не причинит зла?

— Посмотри на меня, — предложил Конепес. — Разве я похожу на злонамеренное существо?

— Право, если честно, не знаю.

— Тогда умоляю поверить мне на слово. Объект не причинит никакого зла и никому.

— Хорошо, но мне-то от этого что за выгода?

— Мы станем партнерами. Ты будешь владеть половиной объекта и иметь на него права, равные с моими.

— Весьма великодушно.

— Ни в коей мере, — возразил Конепес. — Без твоей помощи объект просто не вызовется к жизни. Однако ты, возможно, разрешишь мне объяснить, что тебе следует делать?

— Да, пожалуй, разрешаю.

— Тогда закрой глаза и думай на меня.

— Думать на тебя?

— Именно и точно — думай на меня. А я в ответ стану думать на тебя.

— Но я никогда в жизни этого не делала!

— Это несложно, — заверил Конепес. — Ты закрываешь глаза и, сосредоточив все силы, думаешь обо мне.

— Звучит до ужаса нелепо, — сказала Инид, — но, наверное, стоит попробовать...

Плотно зажмурившись, она принялась сосредоточенно думать «на пришельца», но не могла совладать с подспудной мыслью, что портит все дело: у нее же нет никакого представления, как думают «на других».

И тем не менее она ощущала, что пришелец целеустремленно думает «на нее». Было страшновато, хоть и напоминало манеру братца Генри посылать слова прямо в мозг. Она упорно пробовала ответить пришельцу тем же и уж во всяком случае не отгонять его. Терять ей, в конце концов, совершенно нечего. Впрочем, в высшей степени сомнительно, что удастся что-нибудь приобрести: все это самая настоящая белиберда.

Но мало-помалу в ее сознании сформировалась картина, до какой она никак не сумела бы додуматься самостоятельно. Картина сложнейшей конструкции из красочных нитей, связывающих ее воедино. Нити были тоненькими и казались очень хилыми, и тем не менее конструкция ощущалась как вполне материальная. Казалось, Инид стоит в самом центре, но разглядеть подробности не удавалось — конструкция была слишком велика и простиралась во все стороны без конца и края.

Однако, заявил невидимый Конепес, посылая слова прямо ей в мозг, *вот куда ты должна возложить свой палец.*

— Куда? — не поняла Инид.

Прямо сюда, сообщил Конепес, и внезапно она увидела нужную точку и, положив на нее палец, плотно прижала, как прижала бы скрещенную бечевку, перевязывая пакет.

Ничего не случилось — ничего, что можно было бы заметить с первого взгляда. Но окружающая Инид конструкция как бы стала более прочной, и ветер,

дующий на взгорье, неожиданно прекратился. А она не отрывала глаз от пальца, прижимающего бечевку: теперь ей захотелось увериться, что бечевка прижата крепко, хоть никакой бечевки на самом деле и не было.

Конепес обратился к ней уже вслух:

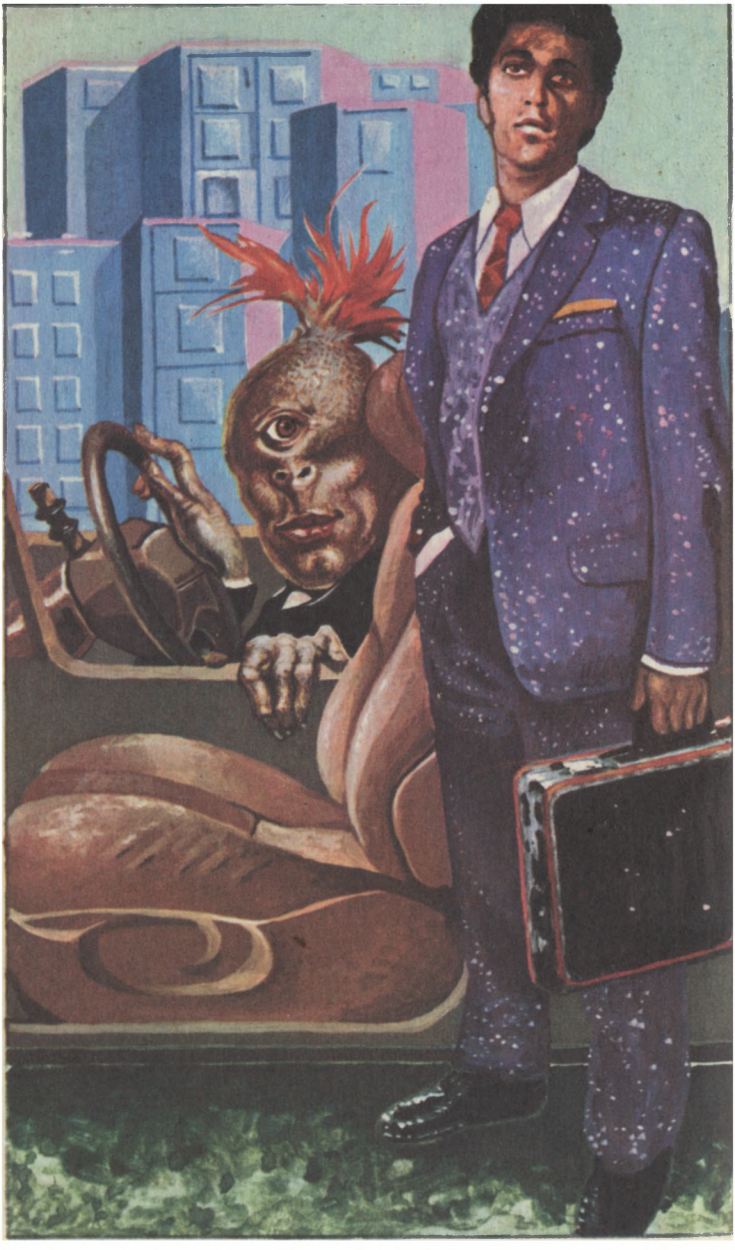
— Все в порядке, работа завершена. Необходимости держать палец больше нет.

Она перевела взгляд и увидела пришельца неподалеку: он вцепился в материализованную конструкцию, а затем стал взбираться по голым прутьям как по лестнице. Снизу донесся крик. Оказывается, вся процессия теперь оказалась ниже Инид, и все пялились на нее, все орали, махали руками, все пришли в неистовое возбуждение.

Немного напуганная, она дотянулась до ближайшего из прутьев конструкции и вцепилась в него. Подвернувшийся ей под руку прут был бледно-лиловым и соединялся с двумя другими — лимонно-желтым и ярким, словно горящим изнутри, цвета спелой сливы. Прут ощущался как нечто прочное. А на чем же она стоит? Посмотрев себе под ноги, Инид поняла, что опирается на такой же прут, но красного цвета, и этот нижний прут так же вещественен, как желтый, за который она ухватилась. И вокруг куда ни взгляни были прутья, прутья и прутья — конструкция окружала ее со всех сторон. Сквозь решетку из прутьев были видны горы и долины — Инид впервые увидела гребень со змеевидной процессией как малую часть оставшегося внизу ландшафта.

Конструкция плавно накренилась, и Инид распростерлась над этим ландшафтом вниз лицом. Она задохнулась, сердце охватила жуть, но отступила, лишь только Инид сообразила, что в новом положении ей так же удобно, как и в прежнем. Должно быть, чувство ориентации было теперь замкнуто на самую эту конструкцию, а не на землю, оставшуюся внизу. Вспомнив про времялет, Инид быстро обвела взглядом ближние склоны, попыталась его обнаружить, но тщетно.

Тем временем конструкция вернулась в исходное положение, и по всему ее объему стали появляться отростки и завитушки — хаотично, без какой-то различимой схемы. Конепес решил наконец подобраться поближе к Инид, переползая по прутьям, как неуклюжий



паук. Когда ему удалось поравняться с ней, он вытаращил на нее все свои глаза и осведомился:

— Как тебе данное произведение? Прекрасно, не правда ли?

Она поперхнулась.

— Это та самая штука, какую ты хотел сотворить?

— Конечно и разумеется. Я полагал, ты сама уже догадалась.

— Но что это такое? Пожалуйста, растолкуй мне: что это такое?

— Сие есть невод, — ответил Конепес. — Невод, незаменимый при ловле мироздания.

Инид вновь вгляделась в конструкцию, которую пришелец окрестил неводом. Но как она ни напрягалась, как ни морщила лоб, эта штуковина была все-таки слишком хлипкой и не имела определенной формы.

— Слушай, — не стерпела она, — как же ловить мироздание столь легкой сетью?

— Для данного невода время не имеет значения, продолжал Конепес. — Ни время, ни пространство. Невод не зависим от времени и от пространства, не считая тех моментов, когда использует их.

— Но откуда ты все это знаешь? — осведомилась Инид. Пришелец никак не выглядел существом, напичканным знаниями. — Ты учился где-нибудь? Конечно, не у нас на Земле, и все же...

— Знания мои от сказителей племени, — отвечал Конепес. — Рассказы, передаваемые из поколения в поколение, древние-предревние легенды...

— Нельзя же, затевая такое, опираться исключительно на легенды! Нужны твердые знания, теоретические посылки, достоверные научные факты...

— Я добился цели, не правда ли? Я подсказал тебе, где держать палец, или не подсказал?

Инид согласилась, вынужденно и вяло:

— Верно, подсказал...

А конструкция преображалась прямо у нее на глазах, теряя хлипкость, набирая мощь и обретая форму, хотя нельзя сказать, что эта форма и эта мощь производили сильное впечатление. Рассыпанные там и сям выросты изменялись, превращаясь из поблескивающих завитушек в объекты, явно имеющие прямое отношение к этому худосочному — нет, уже не слишком худосочному — сооружению. Конепес назвал соору-

жение неводом, но Инид хоть режь не могла понять почему. Это даже раздражало — конструкция напоминала что угодно, только не невод. Впрочем, попытка припомнить что-нибудь, что имело бы хоть отдаленное сходство с этой штуковиной, тоже не привела ни к чему.

— Мы выступим седоками, — объявил Конепес, — полетим от планеты к планете, не затрачивая времени и не затрагивая пространства.

— Но эта штука не может выйти в космос! — вспылила Инид. — Тут мы никак не защищены и умрем от холода или от отсутствия воздуха. И даже если она долетит, мы очутимся на неизвестной планете, в атмосфере, способной задушить нас или изжарить заживо...

— Мы решим заранее, куда именно полетим. Никаких неизвестных. Мы последуем согласно точным картам.

— Откуда могут взяться такие карты?

— Они есть издавна и издалека.

— Ты их видел? А может, они у тебя в кармане?

— Нет необходимости физически обладать ими или всматриваться в них глазами. Они есть часть моего сознания, генетическая составляющая, переданная мне предками.

— Ты говоришь о наследственной памяти?

— Именно и конечно. Я полагал, ты сумеешь догадаться. Память предков, разум и знания предков, включая знание, как соорудить невод и что для него требуется.

— И ты утверждаешь, что этот твой невод способен творить чудеса?

— Всех доступных чудес даже я не в силах исчислить. Он без труда преодолевает время, а равно...

— Время, — перебила Инид. — К этому я и веду. Я потеряла друга во времени. Правда, я знаю временные координаты, но не знаю пространственных.

— Ничего особенного, — заверил Конепес. — Задача совершенно простая.

— Но я же говорю тебе, что не знаю...

— Ты полагаешь — не знаешь. Однако вероятно, что знаешь. Все, что тебе надлежит, — переговорить с неводом. Дозволь ему заглянуть в тебя. Он способен преодолеть забывчивость.

— Как же я обращусь к нему?

— Ты с ним говорить не можешь. Зато он может говорить с тобой.

— Как я дам ему знать, что хочу, чтоб он поговорил со мной? Откуда мне знать, что я вообще способна общаться с твоим неводом?

— Ты думала на меня, хотя уверяла, что не способна, и ты думала на узел на перекрестье...

— Теперь, когда все позади, когда ты получил свой драгоценный невод, может, ты хоть скажешь, что я в сущности сделала? Там же не было никакого узла, да и пальца не было...

— Дорогая моя, — сказал Конепес, — у меня нет средств объяснить тебе. Не то чтоб я не хотел однако слов нет. Ты пустила в ход способность, о коей не догадывалась и в наличии коей я сам не был уверен ничуть. Даже когда уговаривал тебя положить палец, не был уверен полностью, что получится. Мог лишь надеяться, но не более.

— Ну ладно, давай кончать тарабарщину. Толкового ответа от тебя все равно не дождешься. Мне очень хочется вернуться к другу, о котором я говорила, а ты ответил, что надо потолковать с этим дурацким неводом. Пожалуйста, подскажи в таком случае, с чего начать.

— Обязательно и непременно. Подскажу в надлежащий срок. Сначала, однако, есть миссия, какую следует исполнить, а уж когда миссия будет завершена... — Вытянув руку, он ухватился за одну из завитушек, рассыпанных по всему неводу, и приказал: — Пригни голову и держись крепче...

И ничего не произошло. Инид подняла голову и открыла глаза. Планета была розово-пурпурной, а небо золотисто-зеленым.

— Вот видишь! — торжествующе воскликнул Конепес. — Мы прибыли и никаким неприятностям не подверглись.

Инид сделала осторожный вдох — сперва совсем легкий, пробный, потом другой, поглубже. Воздух казался нормальным — она не поперхнулась, не было ни удушья, ни дурного запаха.

— Что с тобой? — осведомился Конепес. — Тебе нездоровится?

— Ничего подобного, — ответила Инид, — просто небо не бывает такого цвета. Откуда на небе возьмется сочная зелень? Земля окрашена неприятно, но, наверное, она все-таки может быть розовой и даже багровой, а вот зеленого неба, извини, не бывает...

Но, нравится или нет, небо действительно было зеленым. И она сама была живехонька. И даже, не исключается, все вообще было в порядке, хоть судить об этом с уверенностью она не могла, потому что до сих пор так ни в чем и не разобралась.

Конепес стал спускаться по прутьям вниз. Нижний угол невода висел над самой почвой.

— Я не задержусь, — пообещал пришелец. — Вернусь без промедления. Жди меня прямо здесь и не отдаляйся, пребывай вблизи...

Земля по-прежнему оставалась розово-пурпурной — розовая трава, деревья с фиолетовым отливом. И, невзирая на сочную окраску, земля казалась скучной, плоской до монотонности — самый неинтересный кусок суши, какой только доводилось видеть. Земля стелилась как полотно во всех направлениях до туманного горизонта, где присущие планете цвета — розовый, зеленый, золотистый и фиолетово-багровый — смешивались в муторный коктейль. Монотонность нарушали лишь отдельные деревья да изредка небольшие курганчики. И ничто нигде не шевелилось — ни парящей птицы, ни порхающей бабочки, пустота и уныние в самом прямом смысле.

— Что это за планета? — спросила Инид.

— Единственное ее обозначение, — ответил Конепес, — есть символ на карте. Как произнести этот символ, при всем желании не имею понятия. Возможно, для произнесения вслух символ вовсе и не предназначен.

— Как же мы попали сюда так быстро и без каких бы то ни было...

— Нас сюда транслировало, — объявил Конепес и, достигнув почвы, без колебаний молча двинулся прочь от Инид. Он шел размашисто и вприпрыжку, а рядом прыгала и скакала исполинская тень, размытая по краям: блеклое красное солнце тонуло в мареве зеленого неба и давало слишком мало света даже для образования приличной тени.

Вся планета, подумалось невольно, бездарна и аляповата, будто слеплена напоказ кем-то, кто и не слыхивал о хорошем вкусе. Инид принялась спускаться вниз, задержалась, вгляделась пристальнее. Конепес растворился в мутном мареве, она была предоставлена самой себе. Ни внизу, ни вокруг не было заметно никаких

признаков жизни, кроме травы и деревьев. Гладкий равнинный простор да отдельные курганчики.

Она соскользнула наземь и слегка удивилась, ощутив под ногами твердь: почему-то у нее сложилось впечатление, что грунт губчатый или даже топкий. Решившись наконец расстаться с неводом, она направилась к ближайшему курганчику, совсем маленькому, напоминающему кучку камней. Такие кучки ей доводилось видеть в средних веках — землепашцы, расчищая посевные участки, выкапывали камни и складывали их на меже. Но там в одну бурую кучку попадали камни любых размеров, от форменной мелочи до увесистых валунов. Здесь все камушки казались одинаково мелкими, и многие посверкивали на солнце.

Достигнув курганчика, Инид опустилась на колени, собрала пригоршню камней и поднесла их к глазам на раскрытой ладони. Даже в хилом свете красного солнца камни полыхнули огнем. У нее захватило дух, мышцы непроизвольно напряглись, хотя вскоре расслабились. Ты же ничего не знаешь о драгоценностях, внушала она себе, ты не отличишь осколок кварца от бриллианта... Но нет, никак не верилось, что весь этот блеск и огонь исходят от обыкновенной гальки. На красноватом камне размером чуть меньше куриного яйца был скол, полыхающий ослепительным багрянцем. Камушек, расколовшийся пополам, казалось, трепещет, испуская потоки сини. А другие камушки светились оттенками роз и фиалок, яркой зеленью и теплой желтизной.

Перевернув ладонь, она позволила им всем упасть искристым дождем. Если это и впрямь драгоценные камни, то в отдельные периоды истории человечества они могли бы нашедшему их принести целое состояние. Правда, не в ту эпоху, откуда Инид и ее семья бежали без оглядки. В ту эпоху все драгоценности, антикварные вещи и раритеты утратили всякую ценность. Тот мир не признавал ни денег, ни драгоценностей.

Интересно, знал ли Конепес об этих кучках драгоценных камней, которые неведомый народ свалил здесь столь небрежно и без счета? Вряд ли, ответила себе Инид. Конепес ищет здесь что-то, но это не драгоценности...

Она направилась к следующей кучке, но, добравшись до цели, даже не замедлила шага. Кучек таких на этой планете полным-полно, вон еще и еще, и все одинаковые, разве что некоторые чуть побольше. Она

теперь знала наверняка, что это за кучки и что она в них найдет. Не настала ли пора пройти немного дальше и посмотреть, не отыщется ли там чего-то более интересного?

По-видимому, сама не догадываясь, она все время поднималась по пологому склону, поскольку внезапно равнина кончилась, и перед ней открылся обрыв, а за ним путаница причудливых формаций, нагота крутых утесов, глубокие промоины пересохших потоков — и пирамиды, целая группа пирамид, царство прямых линий, сходящихся к вершине.

Замерев на краю обрыва, Инид пожирала пирамиды глазами, припоминая однажды читанное: в природе нет прямых линий, прямолинейность неизбежно подразумевает искусственность. У пирамид определенно был вид архитектурных сооружений. Края граней были отчетливыми, а сами грани, сужающиеся к вершине, — совершенно ровными.

И тут она заметила, что грани посверкивают точно так же, как курганчики на равнине. Не может быть! Возводить пирамиды с подобной точностью из драгоценных камней или самоцветов — это же просто нелепо, если вообще возможно.

Она подошла ближе, и сомнению не осталось места: пирамиды были сложены из самоцветов, вернее, из тех самых камней, что представились ей самоцветными. При близком рассмотрении сооружение буквально переливалось мириадами радужных искр. Инид даже прищурилась — настолько яркими были красные, зеленые, пурпурные блестки. Пурпурные ее не привлекли — пурпура, гвоздичной красноты и неестественной зелени она насмотрелась на этой планете уже более чем достаточно. Но одна желтая искра — бледно-желтая, несравненно чистая и ясная — заворожила ее, заставила сердце замереть, а дыхание прерваться. Искра исходила от камня размером побольше яйца, поразительно гладкого, будто отполированного протекавшими над ним древними водами.

Рука бездумно потянулась к этой манящей искре, пальцы ухватились за камень и сомкнулись. Но довольно было вытащить его, как целая грань пирамиды стекла вниз, будто в мгновение ока растаяла. Инид еле-еле увернулась от каскада хлынувших на нее камней.

Что-то истошно пискнуло. Инид встрепенулась, вскинула глаза на писк — и увидела их. Они скучились у осевшего угла пирамиды и в свою очередь уставились на нее вытаращенными глазами. Испуганные участью пирамиды, они даже привстали на цыпочки, а круглые пушистые уши затрепетали мелкой дрожью.

Глаза навыкате, мышиные ушки, кроткие треугольные личики — а тела угловатые, резко очерченные, смутно напоминающие выточенных из дерева пауков. Нет, не просто из дерева, поправила себя Инид, а из выдержанного, поседевшего плавника, какой находят иногда по берегам рек: все древесные узлы и неровности сточены до блеска, словно некий умелец специально шлифовал их долгими-долгими часами.

Она попыталась заговорить с ними и постаралась, чтобы голос звучал ласково. Тела из седоватого плавника пугали и отталкивали, зато пушистые личики, большие ясные глаза и трепещущие ушки привлекали беззащитной добротой. При звуках человеческого голоса они отпрянули и пустились в бегство, высоко подбрасывая суставчатые ноги, затем остановились и уставились на Инид сызнова. Их была ровно дюжина. Размером они были со взрослую овцу.

Она заговорила снова, так же ласково, как и прежде, и протянула к ним руку. Движение, естественное для человека, доконало их — они вновь отпрянули и бросились наутек, на сей раз во всю прыть, не останавливаясь и не оглядываясь. Одолели исковерканный склон и исчезли, скрывшись в одном из глубоких провалов. А Инид осталась у пирамиды, которая больше не отличалась прямизной и четкостью линий. Над головой сомкнулось зеленое небо, будто спустившееся еще ниже, а рука тупо сжимала булыжник, сияющий желтизной первоцвета...

Опять я все испортила, упрекнула себя Инид, как портила все, к чему ни прикасалась за последние дни. Она обошла осыпавшуюся пирамиду и застыла в крайнем изумлении: на бордовой траве были расстелены прямоугольники белой ткани, а между ними возвышались красочные корзины с крышками, сделанные, видимо, из металла. Осталось лишь дополнить упреки в собственный адрес догадкой: бедняги выбрались сюда на пикник, а я прервала его грубо и бесцеремонно...

Подойдя вплотную, она подцепила край прямоугольника ногой. Ткань легко отделилась от земли и упала обратно складками. Нет, ошибки быть не могло, это именно ткань. Скатерть, расстеленная на траве. Чистая поверхность, на которую удобно выложить пищу. Ну не странно ли, подумала Инид, что идея пикника, казалось бы, чисто земная, появилась независимо и у обитателей этой безрадостной планеты! Хотя здесь, вполне вероятно, это действие несло совершенно иной смысл, а может, и не имело ничего общего с трапезой на природе.

Упрятав желтый камень в карман, она наклонилась и заглянула в корзины. Не оставалось и тени сомнения, что пикник, если его можно так назвать, все-таки был связан с едой. В корзинах, тут не возникало вопросов, была пища. Фрукты, очевидно, недавно сорванные с деревьев или кустов. Пища, прошедшая приготовление: кубики, брикеты, буханки, — а в одной из корзин обнаружилась огромная чаша с каким-то подобием салата — месиво из листьев пополам с колышущейся слизистой массой. От чаши поднималась едкая вонь.

Почти подавившись гнусным запахом, Инид выпрямилась и отступила на два-три шага, а потом сделала несколько глубоких вдохов и выдохов, прочищая нос. И тогда, оглядевшись заново, заметила ящик.

Ящик был небольшой, черненький, что-нибудь около фута в ширину и в высоту и дюймов пять-шесть в толщину. Он лежал на земле подле матерчатых прямоугольников, которые Инид успела окрестить скатертями. В основном ящик был металлическим, однако сторона, обращенная к ней, казалась сделанной из серого матового стекла или сходного минерала. Открыть ящик и заглянуть в его нутро не удалось, да и времени на эксперименты не оставалось: Конепес вот-вот вернется, и ей вовсе не хотелось, чтоб он счел ее пропавшей без вести.

Она все еще пялилась на ящик, когда его лицевая сторона вдруг осветилась и она увидела того, о ком думала. Конепес брел по траве, сгибаясь под тяжестью взваленного на плечи огромного сундука.

Элементарное телевидение! — ахнула Инид. Какие параллели с Землей — пикник и телевизионный приемник! На экране Конепес спустил сундук со спины и поставил боком на грунт, вытирая вспотевшую морду. Очевидно, тащить сундучок было ой как нелегко.

Выходит, овцепауки с точеными из дерева телами наблюдали за пришельцем? А может статься, и за ней тоже? Нет, вряд ли — их удивление и испуг, когда они выскочили из-за пирамиды, выглядели искренними и неподдельными.

И как только она вспомнила об овцепауках, они явились ей на экране. Конепес колыхнулся и исчез, а вместо него показались эти твари, бредущие по узкому дну сухого каньона. Вид у них был мрачно целеустремленный — они брели не наугад, они знали дорогу.

Убраться бы нам отсюда, подумала Инид. Что-то подсказывало ей: чем скорее, тем лучше, надо только самой вернуться к неводу и дождаться возвращения его изобретателя. И опять изображение дернулось и сменилось: едва она помянула пришельца про себя, телевизор показал его, вновь согнувшегося под неподъемной ношей.

Удивительно — довольно было подумать о ком-то, и этот кто-то возникал на экране. Настройка под воздействием мысли? Ответа она не знала, но было ясно, что это не простой телевизор, а устройство слежения, для которого, наверное, нет недоступных мест и неведомых ситуаций.

Она подняла ящик — он оказался нетяжелым — и быстро двинулась под уклон. Внезапно осознала, что не оправдала доверия, бросив невод без присмотра, и когда разглядела наконец, что невод никуда не делся, испытала огромное облегчение. Последний отрезок пути преодолела бегом.

Взгляд направо — и она увидела пришельца воочию, все так же ковыляющего в сторону невода с сундуком на плече. Без всяких на то причин она ощущала потребность покинуть планету незамедлительно и полагала, что Конепес испытывает сходное чувство, и даже с бóльшими основаниями. Сундук не мог принадлежать ему по праву. Он, вероятно, украл сундук.

Достигнув невода, она первым делом взметнула вверх телевизионный ящик. К счастью, ящик был достаточно велик, чтобы надежно улечься на стыке двух прутьев. Конепес в свой черед пустился бегом, задыхаясь и шумно пыхтя, еле-еле удерживая скачущую на плече ношу.

Вспрыгнув на прутья, Инид нашла устойчивую равновесную позу и немедля потянулась помочь пришельцу справиться с сундуком. Конепес, напрягая все силы, поднял ношу с плеча и кое-как втолкнул ее на невод.

Инид ухватилась за кожаную ручку на боку сундука и, упершись попрочнее, потащила-поволокла кладь на себя. Сундук стукнулся о прутья, спружинил и стал соскальзывать наружу. Инид воткнула каблуки в какие-то углубления и потянула его в сторону, пытаясь застопорить.

И тут уголком глаза она заметила, как от пурпура травы отделяется нечто багровое, извивается, тянет щупальца. Конепес взвыл от страха и, уклонившись от щупалец, прыгнул вверх. Руки сумели достать до прутьев, он подтянулся, однако ноги болтались в воздухе. Инид схватила пришельца за руку и поволокла на себя, как прежде сундук. Багровость устремилась к ним обоим — пораженная ужасом Инид успела различить распахнутую пасть с блестящими острыми зубами, извивы щупалец, злобный посверк какого-то органа, смахивающего на глаз. Одно из щупалец вцепилось в нижние прутья, и невод основательно тряхнуло.

Наконец Конепес влез на невод целиком и сразу же взвился по прутьям куда-то выше. Невод стал подниматься, вцепившаяся в него багровость оторвалась от почвы и повисла, болтаясь в воздухе. На фоне травы ее было почти не различить, но щупальце несомненно продолжало цепляться за нижний прут. Инид вслепую нащупала у себя в кармане желтый камень и, размахнувшись, саданула им по багровому пятну. Багровость издала пронзительный крик боли, щупальце отпало. Инид смотрела во все глаза, но так и не уловила момента, когда багровый ужас шмякнулся на землю. Багровость растворилась в пурпуре, и больше ничего было не разглядеть.

Конепес стремглав карабкался по прутьям вверх, волоча за собой с таким риском добытый сундук. Невод все поднимался, и Инид тоже поползла по прутьям, перемещаясь подальше от края. Телевизор сорвался с уготованного ему места, но она сумела подхватить его на лету. Он замерцал, и когда она опустила взгляд на экран, там был Бун. Бун находился в каком-то сером пространстве, и сам казался серым, а рядом с ним был совершенно серый волк.

— Бун! — закричала она. — Оставайся на месте, Бун! Я сейчас прилечу к тебе!

Глава 8

КОРКОРАН

Джей Коркоран высадился из времялета в чудесное весеннее утро. Видимо, был конец апреля. Машина села на небольшой горный лужок. Внизу лежала неширокая долина с серебряной полосой воды, сверху нависали иззубренные вершины. Деревья уже оделись юной бледно-зеленой листвой, а лужок был застлан ковром нежно окрашенных диких цветов.

Дэвид подошел, встал рядом и произнес:

— Мы залетели несколько дальше, чем я намеревался. Не было времени задать точный курс. Надо было убраться оттуда подобру-поздорову.

— И куда же нас занесло? — спросил Коркоран. — Не то чтоб это имело особое значение...

— Наверное, это действительно не так уж важно, — ответил Дэвид, — но мы оказались ближе к моей собственной эпохе, чем мне хотелось бы. Если грубо, плюс-минус несколько веков, то мы сейчас находимся за 975 тысяч лет от начала вашего летоисчисления. А наше вероятное географическое положение — где-нибудь в районе, который у вас назывался колонией Пенсильвания. Возможно, вы про нее слышали.

— В мое время Пенсильвания уже не была колонией.

— Дайте мне небольшой срок на расчеты, и я укажу вам место посадки с точностью до двух миль, а время — с точностью до года или даже месяца. Если, конечно, вам это интересно.

Коркоран, покачав головой, указал на гребень горы прямо над приютившим их лужком:

— Там что-то не совсем обычное. Какая-то асимметричность. Может быть, руины?

— Может быть. В эти, для вас далекие, тысячелетия вся Земля захламлена древними заброшенными постройками. Умершими городами, захиревшими дорогами, храмами и культовыми сооружениями, покинутыми, когда верования изменились. Хотите взобраться туда и взглянуть поближе?

— Можно, — согласился Коркоран. — Сверху, по крайней мере, вся местность будет как на ладони.

Что гребень в самом деле увенчан руинами, стало ясно, пожалуй, еще на полпути.

— Не много же здесь сохранилось, — заметил Дэвид. — Еще век или два, и останется только бугор, могильный курган. Сколько таких рассыпано по планете! И никто никогда не дознается, что тут было. Эта эпоха давно забыла об археологии. Раса утратила интерес к своему прошлому. Ноша истории стала слишком тяжела. Вполне вероятно, что где-нибудь хранятся письменные источники, излагающие происхождение этих руин и развернутую их историю. Только ни одна душа в эти источники уже не заглянет. Историков нынче тоже нет...

Почти у самой вершины они натолкнулись на стену, вернее, на остатки стены. Кладка обрушилась и нигде не поднималась выше чем футов на десять над землей. Чтобы добраться до стены, пришлось искать проход меж каменных глыб, полузасыпанных землей.

— Должны же где-нибудь быть ворота! — воскликнул Коркоран.

— Должны быть, — согласился Дэвид. — Однако руины обширнее, чем казалось снизу, с лужка...

Следуя вдоль стены, они в конце концов вышли к воротам. У ворот на голой земле, прислонясь спиной к стене, сидел старик. Ветерок, играющий на гребне, шевелил прикрывающие его лохмотья. Ботинок на нем не было вовсе. Белая борода ниспадала на грудь. Воло-

сы, такие же белые, как борода, лежали на плечах. На всем лице видимыми оставались лишь лоб, нос и глаза.

Заметив старика, они замерли как вкопанные. В свою очередь, он посмотрел на них без всякого интереса и не двинулся с места, только слегка пошевелил пальцами ног. А потом сказал:

— Давно уже слышу, как вы идете. Ходоки вы, надо признать, никудышные...

— Извините, что потревожили вас, — откликнулся Коркоран. — Но мы же не знали, что вы тут сидите...

— Ничего вы меня не потревожили. Я просто не позволяю себе тревожиться ни по какому поводу. Вот уже много лет не было ничего, что меня встревожило бы. Прежде я был изыскателем, бродил по этим горкам с котомкой и заступом в поисках каких-нибудь завалящих сокровищ. Кое-что нашел, хоть и немного, а в конце концов понял, что все сокровища — суета сует. Нынче я беседую с деревьями и с камнями — с лучшими друзьями, каких может пожелать человек. В этом мире развелось слишком много никчемных людишек. Занятых только тем, что разглагольствуют друг с другом, а зачем? Только затем, чтоб упиваться звуками собственного голоса. Любое дело они перепоручают роботам. А вот у меня нет робота, я не удостоен подобной чести. Беседую себе помаленьку с деревьями и камнями. Сам много не говорю. Я не влюблен в собственный голос, как многие другие. Чем говорить, я предпочитаю внимать деревьям и камням...

В течение монолога тело старика соскальзывало по стене, на которую он опирался спиной, все ниже и ниже. Теперь он спохватился, сел прямее и переключился на новую тему:

— Когда-то мне привелось странствовать среди звезд и беседовать с разными инопланетянами, и могу доложить вам: что бы инопланетяне ни говорили, все сплошь тарабарщина. Вместе со своим экипажем я занимался оценкой новых планет и сочинял увесистые доклады, набивая их фактами, добытыми потом и кровью, в надежде порадовать этими фактами родную планету. Но когда мы вернулись на Землю, считанные единицы проявили к нашим открытиям хоть какой-нибудь интерес. Человечество повернулось к нам спиной. Ну а я в ответ повернулся спиной к человечеству. Там, в космосе, я встречал инопланетян. Много разных инопланетян,

слишком много. Есть болтуны, заявляющие, что, если заглянуть им в душу, инопланетяне нам братья. А я говорю вам честь по чести, что в большинстве своем инопланетяне мерзки и отвратительны...

— За годы, проведенные в космосе, — прервал старика Дэвид, — а может статься, и не в космосе, а прямо здесь на Земле, слышали ли вы что-нибудь об инопланетянах, называемых бесконечниками?

— Нет. Кажется, нет, хоть я ни с кем не встречался толком уже многие годы. Я не тот, кого можно назвать общительным...

— А есть тут, не слишком далеко, кто-нибудь, кто мог бы слышать о бесконечниках?

— За это, — отвечал старик, — поручиться не могу. Но если вы о том, есть ли тут в округе более разговорчивые, чем я, то в долине под горой живет кучка престарелых бездельников. До них всего-то миля или около того. Задайте им любой вопрос, и они осчастливят вас ответом. Только и делают, что болтают день-деньской. А уж если им подвернется новый вопрос или кто-то сунется к ним с предложением, то уж будьте уверены — они не упустят такой возможности, пока не обсосут ее со всех сторон.

— Вы, как погляжу, тоже не слишком застенчивы, — съязвил Коркоран и обратился к Дэвиду: — Раз уж мы здесь, может, осмотрим руины, прежде чем спуститься в долину?

— Нечего там осматривать, — рассердился старик. — Груды кирпича да кое-где остатки мостовой. Идите, если хочется, но все равно ничего стоящего не высмотрите. А я останусь здесь на солнышке. Деревья и камни мне друзья, и солнышко тоже. С ним, правда, не поговоришь, зато оно дает вам тепло, поднимает настроение, а это дружеские поступки.

— Благодарим вас, — подвел черту Дэвид, — за то, что вы уделили нам столько времени...

С этими словами он круто повернулся и вошел в ворота. За воротами не было ни дороги, ни хотя бы тропинки, но в каменных завалах были кое-где заметны проплешины. Старик оказался прав: осматривать тут было, в общем, нечего. Отдельные стены еще держались, скелеты древних построек еще сохраняли подобие формы, но не подсказывали, что тут было прежде, даже намеком.

— Мы попусту теряем время, — заявил Дэвид. — Ничего интересного для нас тут нет.

— Но если не терять время попусту, — съехидничал Коркоран, — куда прикажете его девать?

— Тоже верно, — согласился Дэвид.

— Мне не дает покоя одна мысль, — признался Коркоран. — Вот мы попали почти за миллион лет от моего времени. Между вами и мной — тысяча тысячелетий. Вам я должен бы казаться дикарем, неуклюжим и невежественным, а вы мне — изощренным до зауми. Но ни вы, ни я не видим друг в друге особых странностей. В чем тут дело? Неужели человечество за миллион лет совсем не развивалось?

— Примите в расчет, что я из провинциалов. Мы в своей эпохе оставались дикими горцами, отчаянно цепляющимися за прежние ценности и прежний образ жизни. Возможно, мы даже перестарались, нами двигало чувство протеста, и мы как бы выпали за борт. Но в нашей эпохе нет недостатка в умных и утонченных. Люди построили великую техническую цивилизацию, исследовали космос. Люди сумели утихомирить политиков и извести национальные распри. Люди достигли уровня высочайшего общественного сознания. В мире, где мы живем, никто не может остаться без крыши над головой, без пищи на столе и медицинской помощи. По правде говоря, медикам теперь делать почти нечего. Болезни, убивавшие вас миллионами, искоренены без следа. Продолжительность жизни по сравнению с вашей выросла более чем вдвое. Присмотритесь к нашей эпохе, и у вас появится искушение назвать ее утопией.

Коркоран хмыкнул:

— Много же толку дала вам эта утопия! Эпоха, вы говорите, достигла утопии, а сами-то вы вылетели в трубу. Что же, спрашивается, довело вас до жизни такой, уж не вера ли в утопию?

— Что ж, может быть, — тихо произнес Дэвид. — Дело, наверное, не в самой утопии, а в отношении к ней...

— Вы имеете в виду пришедшее к вашим современникам ощущение, что все достигнуто и стремиться больше не к чему?

— Может быть, может быть. Точно не знаю...

Они углубились в руины еще немного, потом Коркоран спросил:

— А что с остальными? Вы можете с ними связаться?

— Мы с вами не в силах сделать почти ничего, а вот ковчег Мартина, где сейчас Хорас, оборудован системой связи. Хорас мог бы провести круговой опрос, хоть и очень осторожно. По разным эпохам наверняка раскидано немало таких же групп, как наша. И положение у них, может статься, не лучше нашего. Кто бы ни наслал на нас страшилище, робота-убийцу, вполне допустимо, что подобных роботов натравили и на них. Если какая-то группа и уцелела, то к любым вызовам она будет теперь относиться с большой опаской.

— Вы думаете, убийц подослали бесконечники?

— Скорее всего, да. Просто не представляю себе, кому еще это могло бы понадобиться.

— А бесконечникам-то это зачем? Так или иначе, они обратили вас в беспорядочное бегство во времени, и вы не можете казаться им теперь серьезной угрозой.

— А может быть, — ответил Дэвид, — мы сумеем объединиться, перегруппировать свои силы, а потом вернемся и создадим новое общество? Или отложим возвращение до отлета бесконечников к себе домой — так в этом случае мы можем казаться им еще опаснее! Пока хоть один из нас остается в живых, сохраняется и возможность, по крайней мере с их точки зрения, что едва они отбудут, мы постараемся свести на нет всю проделанную ими работу.

— Но работа-то уже завершена!

— Не завершена, пока все люди до одного не будут либо мертвы, либо переведены в бестелесное состояние.

В течение всего разговора они шли вверх и вверх, приближаясь к гребню. Вокруг по-прежнему не было ничего интересного — каменные обломки да прижившиеся среди них кустики и деревца. На отдельных клочках земли, свободных от завалов, цвели цветы, по большей части лесные и луговые, но попадались и выжившие наследники и наследницы некогда культурных садов — анютины глазки, семейка тюльпанов, нашедшая приют в укромном углу меж двух уцелевших стен, и корявые кусты сирени, усыпанные сладко пахнущими бутонами.

Коркоран замешкался у этой буйной сирени, пригнул ветку к себе, вдохнул пьянящий аромат и подумал: а ведь все то же самое! Целый миллион лет — а как

мало перемен! Земля все та же, цветы и деревья те же, никаких незнакомцев. И люди почти не изменились, если изменились вообще. Миллион лет — это на первый взгляд очень долгий срок и все же недостаточный для заметных физических перемен. А вот перемены интеллектуальные должны были произойти и, вероятно, произошли. Но не рано ли судить, не слишком ли мало людей будущего он видел — старика у ворот да Дэвида с его семейством?..

Нехотя оторвавшись от сирени, он прошел вдоль частично обвалившейся стены и вдруг увидел, что гребень совсем близко. И там, на гребне, что-то странное — иззубренный контур руин словно впечатан в небо, но над резким контуром нависает какая-то туманная смутность. Он замедлил шаг, потом остановился совсем и стал вглядываться в эту смутность, и из нее мало-помалу проступила исполинская, ничем и никем не поддерживаемая винтовая лестница, устремившаяся ввысь, к небу.

Потом он пригляделся еще внимательнее и понял, что ошибся. Лестница отнюдь не висела в воздухе, а вилась вокруг мощного древесного ствола. Вот уж дерево так дерево! Боже милостивый, что за дерево! Смутность рассеивалась, и с каждой минутой оно открывалось все яснее. Вырастая из гребня и взмывая в небо, оно не истончалось к вершине, а поднималось вверх и вверх — и обвившая его лестница вместе с ним, — пока ствол и лестница не превращались в волосяную линию и не пропадали в синеве.

Послышался голос Дэвида:

— Что вас приворожило? Что там такое?

Коркоран рывком вернулся к действительности. Он совсем забыл про Дэвида.

— Что вы сказали? Извините, не расслышал...

— Я спросил, что вы увидели там над гребнем. Вы стоите, вперившись в чистое небо.

— Ничего особенного, — ответил Коркоран. — Показалось, что вижу ястреба. Теперь птица ушла в сторону солнца и пропала.

Он снова бросил взгляд на гребень. Там по-прежнему стояло дерево, и вокруг него вилась лестница.

— Пожалуй, пора возвращаться, — сказал Дэвид. — Осматривать тут и впрямь нечего.

— Да, наверное, — отозвался Коркоран. — Пустая была затея, напрасная трата времени...

Дэвид, очевидно, не замечал дерева с лестницей, как бы ни всматривался. А я, попенял себе Коркоран, ничего ему не сказал. Какого черта я промолчал? Из боязни, что он мне не поверит? Или потому, что знать о дереве ему просто незачем? Старое-старое правило — ни с кем ничем не делись, храни свои открытия про себя на случай, что в один прекрасный день они тебе пригодятся...

Еще одно проявление удивительной способности видеть то, чего не видят другие. Точно таким же образом был замечен ковчег Мартина, не видимый для других. Ковчег обернулся реальностью, и дерево в свой черед обернется реальностью — но это его личная вотчина, знание, не доступное никому, кроме него, и он сбережет это знание для себя.

Дэвид уже шел под гору. Коркоран в последний раз удостоверился, что дерево на месте, и устремился за Дэвидом. Старик у ворот куда-то делся, но времялет неподвижно ждал их на том же лужке.

— Ну и что теперь? — спросил Дэвид. — Пойдем поищем поселение ненавистных старику бездельников?

— Я бы не против, — сказал Коркоран. — Надо же каким-то образом прояснить ситуацию. Пока что мы здесь словно в вакууме...

— Мне бы особенно интересно узнать, — поддержал Дэвид, — как обстоит дело с бесконечниками, объявились они или еще нет. Вроде бы они впервые высадились на Земле именно в эту эпоху, но точная дата мне неизвестна.

— Неужели вы думаете, что жители захолустной деревни смогут вас просветить? Честно говоря, район выглядит отрезанным от мира.

— Какие-то слухи доходят сюда все равно. А нам всего-то и нужно что узнать, прилетели бесконечники или нет. Самый неопределенный слушок — вот вам уже и ответ.

На краю лужка обнаружилась тропинка, ведущая в долину, где бежала весело бормочущая река. Дэвид без долгих раздумий повернул вниз по течению. Идти было легко — долина не обещала препятствий, да и тропа по-над берегом становилась все более хоженой.

— Слушайте, может, вы хоть чуть-чуть подготовите меня к тому, что я увижу? — попросил Коркоран. — Каков, например, экономический уклад?

Дэвид усмехнулся:

— Это потрясет вас до глубины души, но в принципе никакого уклада на Земле не осталось. Всю работу выполняют роботы, денег нет и в помине. Можно, наверное, сказать, что остаточная экономика передана в руки роботов. Они распоряжаются имуществом, они заботятся обо всех и обо всем. Никому из людей не надо думать о том, как свести концы с концами.

— Но в таком случае, — недопонял Коркоран, — что прикажете делать людям? Чем заниматься?

— Люди думают. Сидят и думают в свое удовольствие, а если выпадает возможность поговорить, упражняются в красноречии.

— В мое время, — сообщил Коркоран, — фермеры, когда выбирались в город, любили посидеть в каком-нибудь заведении за чашечкой кофе. Бывало, к ним подсаживались ремесленники и мелкие бизнесмены, и все хором принимались решать судьбы мира, причем каждый не сомневался, что знает, о чем толкует. Разумеется, ни черта он не знал, но какая разница! В своем кругу он казался себе мыслителем мирового масштаба. Но в ваше-то время такого не может быть. А вы уверяете, что все поголовно...

— Нет, не все, бывают исключения. Мы как раз составляли меньшинство. Несмышленые простофили, мы не понимали, что происходит, и не желали подстраиваться. Нас считали смутьянами и крикунами, занозой в теле здорового общества...

— Насколько я понимаю, никакими смутьянами вы не были.

— Не были. Но подразумевалось, что мы подаем дурной пример. — Они миновали небольшой взгорок, и Дэвид остановился. — А вот и наша деревня...

Деревня была маленькая и аккуратненькая — два-три относительно просторных дома, остальные просто домики, да и тех не более двух десятков. А улица вообще единственная, и не улица даже, а узкая дорога. Через речку был перекинут мост, и на другом берегу ровная пойма была исчерчена квадратами полей и садов. По-за поймой опять поднимались холмы.

— Автономная община, — догадался Коркоран. — Изолированная. Роботы пасут скот, роботы возделывают поля...

— Совершенно верно. И тем не менее местные жители имеют все, чего только пожелают. Правда, и потребности у них ограниченные.

Они спустились со взгорка на дорогу-улицу. На ней не было ни души, кроме одинокого старика, бредущего неспешно и осмотрительно по своим стариковским делам. Потом из крайнего домика показался робот и направился навстречу Дэвиду и Коркорану целеустремленным шагом. Подойдя вплотную, робот замер по стойке «смирно». Это был самый обычный робот, деловитый, лишенный всякого изыска, и обратился он к ним без околичностей и светских условностей:

— Добро пожаловать к нам в деревню. Рады вашему прибытию. Не будет ли угодно последовать за мной и отведать нашего деревенского супа? У нас сегодня только суп и домашний хлеб, зато вдосталь. Кофе у нас, к сожалению, весь вышел, зато можем предложить кружку нашего лучшего эля.

— Принимаем ваше гостеприимство с глубокой благодарностью, — чопорно ответил Дэвид. — Мы изголодались по обществу. Совершаем протяженный пеший марш и за последнее время почти ни с кем не встречались. Но один из встречных упомянул ваше поселение, и мы специально сделали крюк, чтобы посетить вас.

— У нас найдутся джентльмены, — продолжал робот, — которые будут рады побеседовать с вами. Мы самодостаточны и обособлены от мира, и у нас довольно времени на углубленные умственные занятия. В этой скромной деревне есть мыслители, готовые потягаться с кем угодно на всей планете.

Развернувшись, робот повел путников в тот самый домик, откуда и появился, и услужливо отворил им дверь.

Вдоль стены шла стойка, перед ней выстроились в ряд высокие табуреты. Центр комнаты занимал большой круглый стол, на котором горели свечи, а вокруг стола сидели шесть мужчин. Пустые суповые миски были сдвинуты в сторону, перед каждым из шестерых стояла глиняная пивная кружка. В комнате было душно

и темно: два крошечных оконца давали слишком мало света, и свечи тоже почти не помогали.

— Джентльмены, — торжественно оповестил робот, — у нас гости. Будьте добры, подвиньтесь и дайте им место.

Мужчины за столом сдвинули стулья, гости сели, и на несколько минут воцарилась тишина: Дэвида с Коркораном изучали внимательно, чтобы не сказать — подозрительно. В свою очередь, Коркоран рассматривал лица собравшихся. Все они были пожилые, если не старики, некоторые отпустили бороды, но оставляли впечатление людей опрятных и респектабельных. Ему показалось, что он уловил запах банного мыла, да и скромная одежда была стираной и глаженой, хотя кое у кого изрядно поношенной.

Первым, кто нарушил молчание, оказался старик с копной белоснежных волос и поразительной серебряной бородой.

— Мы только что беседовали о том, — объявил он, — что человечество избавилось наконец от нужды крутиться в беличьем колесе, куда его загнало предшествующее экономическое и социальное развитие. Все мы убеждены, что спасение пришло буквально в последнюю минуту, но придерживаемся разных точек зрения на то, почему и как люди дошли до жизни такой. Правда, мы все согласились для начала, что прежний мир стал чересчур искусственным, чересчур кондиционированным и стерилизованным, слишком комфортабельным и человек превратился в балованного зверька под компьютерным колпаком. А вы, часом, не задумывались над этим?

Вот те на, воскликнул про себя Коркоран. С места в карьер, и ни взаимных представлений, ни расспросов, кто мы и чем занимаемся, ни уверений типа: «Как мы рады, что вы заглянули к нам». Вообще никаких разговоров о погоде, никаких предисловий. Эти люди — фанатики, решил он. Но где же признаки фанатизма, где дикий блеск в глазах, где напряженность в каждом движении? Напротив, они кажутся людьми спокойными, приятными и покладистыми...

— Само собой разумеется, — молвил Дэвид так же негромко, как старик с серебряной бородой, — время от времени нам доводилось думать на эту тему. Но наши мысли шли по другому направлению: почему человече-

ство загнало себя в капкан? Мы доискиваемся причин, но тут столько факторов и они так перепутаны между собой, что прийти к определенному выводу весьма затруднительно. А недавно до нас донеслись отрывочные слухи о новой философской школе, которая учит, что окончательное решение всех человеческих проблем — в переходе к иному состоянию, к бестелесности. Это для нас совершеннейшая новость. Видно, мы так долго оставались вне пределов досягаемости, что только сейчас натолкнулись на идею, обсуждаемую довольно давно. Нам бы очень хотелось разобраться в ней по существу.

Все за столом шевельнулись заинтересованно.

— Расскажите-ка, — произнес Серебряная Борода, — расскажите все, что вы об этом слышали. Что точно вам говорили?

— Да почти ничего, — ответил Дэвид. — Одни шепоточки и никаких объяснений. Никаких подробностей — это-то нас больше всего и озадачивает. Да, однажды мы слышали странное определение — бесконечники. Но что это слово значит, не имеем представления.

Слово взял человек с совершенно лысой головой и большими черными усами, отвислыми, как у моржа:

— Мы тоже слышали про бесконечников, но знаем ненамного больше вашего. Словечко занесли к нам такие же случайные путники, как вы. Один, помнится, придерживался мнения, что бестелесность наконец-то принесет нам бессмертие, которого мы жаждали от века...

Робот внес и поставил перед Коркораном и Дэвидом огромные миски с супом. Коркоран поднес ложку ко рту — суп был теплый и вкусный. Кусочки мяса, вероятно говяжьего, вермишель, морковка, картошка, лук. Вторая ложка отправилась вслед за первой без всякой натуги.

Заговорил третий мужчина. У этого тоже была бородка, но жиденькая.

— Нетрудно понять, почему новая идея способна привлечь очень и очень многих. Смерть всегда казалась несправедливой. Борьба за долголетие — это же попытка протеста против неизбежности, против жестокого конца...

— Насколько я понимаю, — вмешался мужчина несколько помоложе, — бестелесность означает или, по меньшей мере, может означать потерю индивидуальности.

— Что ты имеешь против общности с другими? — спросил Жиденькая Бородка.

— По сути мы обсуждаем пути развития разума, — веско заявил Серебряная Борода. — Если бестелесное существование возможно в принципе, разум станет бессмертным и телом можно пренебречь. Если вдуматься в подобную перспективу, то, пожалуй, разум, интеллект важнее всего остального.

— Но что такое разум без тела? — не унимался тот, что помоложе. — Как ни говори, а интеллекту нужно какое-то вместилище.

— Не уверен, не уверен, — заявил Серебряная Борода. — Не исключаю, что разум есть нечто, лежащее вообще вне параметров физической Вселенной. Сдается мне, мы в силах найти объяснение чему угодно, кроме времени и интеллекта. Перед этими двумя загадками пасуют мыслители всех эпох.

Робот принес кружки с элем и шлепнул на разделочную доску буханку ржаного хлеба.

— Ешьте, — потребовал он. — Это добротная здоровая пища. Если хотите, супа можно добавить. Эля тоже можно долить.

Коркоран отрезал толстый ломоть Дэвиду, а потом себе. Обмакнул хлеб в суп, отведал. Хлеб был отменный, эль тоже. Еда доставляла подлинное наслаждение.

Однако Дэвид вновь предпочел не есть, а говорить.

— Но как же насчет бесконечников? — вопросил он. — Мы слышали голый термин без всяких разъяснений, кто или что это такое.

Старик с серебряной бородой ответил:

— Как и вы, мы питаемся слухами, только слухами. Вроде бы это культ, но предположительно не чисто человеческий. Есть молва о каких-то инопланетных миссионерах...

— У нас слишком мало данных для плодотворной дискуссии на эту тему, — вставил Жиденькая Бородка. — Может, это из тех идеек, что являются время от времени, вспыхивают ярким пламенем, а потом прогорают и гаснут, как свечки. Вы говорите — бестелесность, но как ее добиться?

— Полагаю, — вклинился Моржовый Ус, — что уж если человечество действительно загорелось идеей бестелесности, то и путь отыщется. Сколько раз бывало, что человек осуществлял проекты, за которые ему бы лучше вообще не браться!

— А все восходит, — заявил Серебряная Борода безапелляционным тоном, — к одной нашей особенности, о которой мы с вами не раз толковали долгими вечерами. К ненасытной человеческой погоне за счастьем...

Коркоран в разговор не вмешивался — пусть себе болтают что хотят. Подобрал последние капли супа хлебным мякишем, вдумчиво осушил кружку и потянулся. Наелся он на славу, казалось, желудок вот-вот лопнет.

Потом он обвел комнату взглядом и в первый раз заметил, что это жалкая лачуга. Тесная, унылая, лишенная каких бы то ни было украшений — укрытие от непогоды и ничего больше, обиталище, способное удовлетворить разве что роботов. Притом качество постройки было безупречным, да другого от роботов и ждать не приходится. Стол и стулья были сделаны из добротного прочного дерева, продержатся века и века. Но, кроме добросовестного труда и прочного дерева, отметить было просто нечего. Миски и кружки — самая незатейливая керамика, свечи самодельные, и даже столовые ложки вырезаны из дерева, правда, отполированы.

И все же эти деревенские жители, собравшись за грубым столом в примитивной лачуге, устраивают дискуссии по вопросам, которые ни по положению своему, ни по знаниям не в силах решить, радостно пережевывают суждения, ни на чем по сути не основанные. Хотя, осадил себя Коркоран, какой я им судья, да и за что их судить? Это древняя почтенная традиция, ведущая отсчет от самой зари истории. Еще в древних Афинах горожане завели манеру встречаться на рыночной площади ради высокопарных бесед — и столетиями позже досужие американские обыватели присаживались на крылечке сельской лавчонки и толковали столь же напыщенно, как древние афиняне, о материях, начисто им не доступных. А английские клубы, где праздные джентльмены, шамкая, изрекали прописные истины над стаканчиком виски?

Праздность, сказал себе Коркоран, — вот в чем горе. Праздность и гипнотическое ослепление от блеска собственных мыслей. Шестеро, что собрались здесь, — праздные люди, избавленные от любых хлопот попечением роботов и компьютеров.

Дэвид поднялся с места со словами:

— Боюсь, нам пора идти. С удовольствием задержались бы подольше, но надо продолжать путь. Спасибо за еду, выпивку и беседу...

Ни один из шестерых и не подумал подняться, предложить рукопожатие или хотя бы попрощаться вслух. Они ограничились тем, что подняли на мгновение глаза, кивнули в знак согласия и тут же продолжили нескончаемый диспут между собой.

Коркоран встал вслед за Дэвидом и направился к двери, которую опередивший их робот успел отворить.

— Спасибо за суп и за эль, — повторил Дэвид.

Робот, в отличие от хозяев, хотя бы откликнулся:

— Всегда рад услужить. Заходите в любое время.

Как только они оказались на улице, робот скрылся за дверью. Улица была пуста.

— Ну вот мы и выяснили то, за чем пришли, — заметил Дэвид. — Мы знаем, что бесконечники уже прилетели, обосновались на Земле и приступили к выполнению своей миссии.

— Мне жаль этих местных, — произнес Коркоран. — Несчастные ублюдки, возомнившие о себе Бог весть что. Им просто нечего делать, кроме как восседать и пустословить.

— Жалеть их незачем, — возразил Дэвид. — Может, они и сами не понимают этого, но они нашли свое счастье. Сейчас они на седьмом небе...

— Может и так, но не ужасно ли, что человечество мельчает подобным образом!

— Пожалуй, оно именно к тому и стремилось. На протяжении всей истории люди искали, кто бы выполнил за них их работу. Сперва собаки, быки, лошади. Затем машины и, наконец, компьютеры и роботы...

Когда они достигли посадочной площадки на лужке, внизу, в долине, уже начали сгущаться ранние сумерки. Отделившись от времялета, им навстречу выплыло неясное скопление искристых точек. Коркоран, первым обративший внимание на искры, так и замер оторопев. Волосы на голове чуть было не встали дыбом в атави-

стическом страхе, но через секунду он сообразил в чем дело, и тихо сказал:

— Дэвид, взгляните, кто к нам пожаловал...

Дэвид шумно обрадовался:

— Генри, как хорошо, что ты нас нашел! Я уже почти не надеялся...

Генри, двигаясь над самой травой, подплыл поближе.

След оказался долгим, сообщил Генри. *Пришлось проделать дальний путь.*

— Что с остальными? Ты-то сам был в каком времялете?

Ни в каком. Я остался в Гопкинс Акре. Мне было известно, что три машины взяли старт поодиночке и придется отслеживать каждую в отдельности.

— Выходит, ты заранее планировал начать с нуля?

Именно так. И хорошо, что так. Возникли осложнения.

— Что ж, нас ты нашел. Но почему ты решил начать с нас? Ясно же, что мы-то способны сами о себе позаботиться. Следовало сначала отследить Инид. У нее опыта меньше, чем у других, и она подвергается наибольшему риску.

Я так и поступил, ответил Генри. *Но она исчезла.*

— То есть как исчезла? Она должна была подождать тебя. Не могла же она не подумать, что ты будешь ее искать!

Может, и должна была, но не дождалась. Первую посадку она совершила благополучно, но не осталась на месте, а улетела снова. А рядом с местом первой посадки лежит мертвое страшилище.

— Мертвое? Кто же мог убить его?

— Наверное, Бун, — предположил Коркоран. — Бун был вместе с Инид. Он бежал к ее машине, а страшилище за ним по пятам. Я хотел прийти к нему на помощь, но вы же сами, Дэвид, схватили меня и пихнули в свой времялет.

Вы не даете мне дорассказать, посетовал Генри. *Обязательно вам надо всунуться с какой-нибудь чепухой. А я ведь еще не договорил.*

— Ну так не мямли, говори дальше, — бросил Дэвид, не скрывая раздражения.

Вторично Инид вылетела одна. Уверен, что одна. Буна она не взяла.

— Этого просто не может быть! Ей никак не следовало покидать его.

Я почти ни в чем не уверен, ответил Генри. *Только дедуктивные выводы. Сначала я побывал на месте первой посадки Инид. От Гопкинс Акра на пятьдесят тысячелетий в прошлое, на юго-западе Северной Америки. Времялет оттуда ушел, но оставил отчетливый запах. Хотя от повторного старта меня отделяло не меньше недели.*

— Он сказал — запах? — переспросил Коркоран. — Он что, выслеживает времялеты по запаху?

— Не знаю, — ответил Дэвид. — Да он и сам, наверное, не знает, так что даже спрашивать нет смысла. Он обладает чутьем, какого нет ни у меня, ни у вас, а о деталях не стоит и гадать.

Я могу то, что могу. Как это у меня получается, сам не знаю и не допытываюсь. Однако позволите вы мне продолжать или нет?

— Сделай одолжение, — произнес Дэвид.

Я осмотрел все вокруг. Там разводили костер — сравнительно недавно, два-три дня назад, быть может четыре, но никак не больше. Рядом с кострищем сложена пирамида из камней. На пирамиде — листок бумаги, прижатый верхним камнем. К сожалению, мне не удалось ни поднять камень, ни сконцентрировать себя в достаточной мере, чтоб я мог разобрать, написано ли на листке что-нибудь и что именно. Но, вероятно, это записка, оставленная на случай появления кого-нибудь из нас. А неподалеку валяются останки страшилища, а также скелет огромного зверя, судя по рогам, какого-то доисторического быка.

— И никаких следов Буна? — не выдержал Коркоран.

Никаких. Я искал, хотя, честно признаюсь, не очень длительно. Меня слишком заботила судьба Инид. След был долог, не сбиться было тяжко, однако я нашел место, где времялет приземлился повторно.

— И Инид там тоже не оказалось, — докончил Дэвид за Генри.

Ни ее, ни времялета. И машина больше не взлетала, ее куда-то утащили. На почве остались метки от полозьев и колес. Сперва машину тащили волоком, потом погрузили в экипаж. Я пытался узнать куда, но след потерялся.

— Надеюсь, ты искал не только времялет, но и Инид?

Я проверил все варианты. Двигался кругами, забирался в укромные уголки, заглядывал в каждую щель. И нигде ни разу не ощутил ее. Останься она в этом районе, я почувствовал бы наверняка.

— Итак, Инид пропала без вести. А времялет достался кому-то, кому не должен был доставаться...

— Но ведь очень может быть, — сказал Коркоран, — что похитители даже не догадываются, что у них в руках. Нашли непонятную машину, заинтересовались и утащили, пока не объявился владелец. Утащили в надежде позже разобраться, что это такое... — Дэвид скорчил кислую мину и с сомнением покачал головой, но Коркоран продолжал: — Послушайте, много ли времялетов на всем белом свете? Многие ли до наступления вашей эпохи верили в самую возможность путешествий во времени?

А ведь не исключено, что Коркоран прав, вмешался Генри. *Тебе бы почаще прислушиваться к нему, Дэвид. У него есть голова на плечах. И он умеет смотреть фактам в лицо.*

— В настоящий момент не вижу большого смысла углубляться в обсуждение этой проблемы, — парировал Дэвид. — Инид вне досягаемости, ее времялет пропал. Где теперь ее искать, как искать?

Лучше всего вернуться на ее первую, доисторическую стоянку, предложил Генри. *Найдем Буна, расспросим его. Возможно, он даст нам какой-то ключ к дальнейшим поискам. Инид вполне могла сказать ему что-то по поводу своих намерений.*

— А ты можешь указать нам путь? У тебя есть координаты?

И очень точные. Что касается пространственных координат, я замерил их самым тщательным образом. И во временных координатах сильно не ошибусь.

— Вероятно, ты прав, — заявил Дэвид. — Вдруг там и впрямь найдется что-нибудь, от чего можно оттолкнуться? Иначе мы, чего доброго, будем гадать о судьбе Инид до скончания веков.

— Всегда предпочтительно делать что-то, чем ничего не делать, — согласился Коркоран.

Сказано — сделано. Дэвид нырнул в люк времялета и, протянув руку, втащил Коркорана за собой.

— Замкните дверь, — приказал он, — и устраивайтесь поудобнее. Стартуем, как только Генри даст мне координаты. — Пока Коркоран справлялся с засовами, Дэвид занес координаты в бортовой журнал и потянулся к рычагам управления. — Держитесь крепче!..

Толчок — и тьма, полная, беспощадная тьма. И почти мгновенно — по крайней мере, так показалось — еще одно, победное восклицание Дэвида:

— Прибыли!..

Найдя люк на ощупь и вновь повозившись с засовами, Коркоран вывалился наружу. Солнце палило безжалостно, небо казалось расплавленным. На фоне бледной синевы вздымались крутые лысые холмы. В воздухе танцевал песок, переливчато колыхалась полынь. На равнине лежал побелевший скелет исполинского зверя.

— Ты уверен, что это нужное место? — справился Дэвид у Генри.

Оно самое. Ступай прямо, и увидишь золу от костра.

— Но тут нет никакой пирамиды, — усомнился Коркоран. — Ты же говорил, что подле костра сложена пирамида из камней, а наверху записка...

Верно, пирамиды нет. Но камни, из которых она была сложена, валяются на земле. Кто-то их разбросал.

Подойдя к камням вплотную, Коркоран убедился, что камни действительно разбросаны, а в середине между ними выкопана яма. Зола, оставшаяся от выгоревшего костра, по сравнению с песком казалась молочно-белой.

— Волки или лисицы, — определил Коркоран. — Расшвыряли камни, специально чтобы подобраться под них. Под пирамидой было зарыто что-то для них привлекательное.

— Наверное, мясо, — догадался Дэвид. — Вероятно, Бун отложил кое-что про запас и пирамиду возвел, чтобы хищникам было сложнее до него добраться. — Коркоран кивнул: догадка представлялась вполне обоснованной. — Но тут должна была быть записка. Все сходится. Зола от костра. Скелет большого зверя. А вон та куча железок — видимо, все, что осталось от насланного на нас страшилища. Ну-ка поглядим внимательнее... — Они обошли все вокруг, но записки как

не бывало. Дэвид подвел черту: — Бесполезно. Записку унес ветер. Теперь ее не сыщешь...

Коркоран осмотрелся заново. Равнине не было ни конца ни края. Вдали, как дрессированная змея, извивался пылевой смерч. На самой границе видимости в восходящих потоках теплого воздуха плясали какие-то темные точки. Бизоны, сказал себе Коркоран, хотя невооруженным глазом определить это с точностью было никак нельзя. Но, по крайней мере, выбеленный скелет принадлежал доисторическому бизону. Череп лежал наклонно, один рог в земле, другой задран к небу. Таких мощных рогов на американском континенте не было больше ни у кого, кроме бизонов.

Кто же убил этого бизона? Бун? Значит, у него было крупнокалиберное ружье, из другого такого зверя не свалишь. А если ему досталась крупнокалиберка, то, может, он уложил и страшилище? Бесполезно гадать, докопаться до истины все равно не получится.

— Ну и что нам теперь делать? — осведомился Дэвид.

— Побродим вокруг, — предложил Коркоран. — Может, встретим Буна, куда бы он ни отправился. А может, найдем его тело. Хотя трудно допустить, что кому-то по силам его прикончить. Он, дуралей, бросался в такие рискованные предприятия, бывал в таких передрягах, что должен был погибнуть давным-давно. Но всегда выживал, словно заговоренный...

— Слажу-ка я на вершину, — решил Дэвид. — Надо полагать, оттуда широкий вид, есть шанс заметить что-нибудь, что наведет на след.

— Хорошо бы прихватить бинокль...

— Сомневаюсь, что у нас есть бинокль. Впрочем, пойду поищу.

Дэвид полез обратно во времялет, а Коркоран приблизился к монстру, превращенному в груду металлолома. Вплотную подходить не рискнул, обогнул обломки по кругу — хотя, если разобраться, какой угрозы можно ждать от искореженных железок? Но осторожность, обычно ему не присущая, шептала: будь начеку, держись подальше!

— Бинокля у нас нет, — сообщил вернувшийся Дэвид. — Хорас в спешке свалил в машину что попало, толком ни о чем не подумав...

— На вершину, пожалуй, лучше подняться мне, — сказал Коркоран.

— Нет, нет. Я умею лазить по горам.

— Ну хорошо, а я тем временем обойду холм у подножия. Ни на что особенное я, впрочем, не рассчитываю. Во всей этой истории есть что-то странное. Я даже задаюсь вопросом не улетел ли Бун вместе с Инид?

— Генри думает, что не улетал.

Коркорану захотелось отпустить в адрес искристого Генри не особо лестное замечание, но он сдержался и просто спросил:

— А, кстати, где он, ваш Генри? Он уже давненько не произносил ни слова, да и искорок я что-то не замечаю.

— Коль на то пошло, я тоже не ощущаю его присутствия. Но это ровно ничего не значит. Никуда он не денется, пожалует снова. Наверняка шляется где-нибудь по окрестностям, вынюхивает, что может.

Вместо бинокля Дэвид принес из времялета дробовик. Он поднял ружье вертикально за ложе и протянул Коркорану.

— Возьмите. В ваших руках от него будет больше проку.

Коркоран отказался:

— Не думаю, что нарвусь на серьезные неприятности. Уж постараюсь не нарваться. Только вы не вздумайте палить по кому попало. Тут могут попасться такие твари, для которых дробовик — не более чем хлопушка.

Дэвид пристроил ружье поудобнее под мышкой. Отказ Коркорана доставил ему очевидную радость.

— За всю свою жизнь я не сделал ни одного выстрела — ни из этого ружья, ни из любого другого. Хотя на прогулках в Гопкинс Акре я привык носить его с собой. Это самое ружье стало как бы частью моего тела. Я просто чувствую себя лучше, самостоятельнее, когда со мной ружье. Правда, я всегда носил его незаряженным.

— Примите мой совет, — сказал Коркоран с известной неприязнью, — и на сей раз зарядите его. Патроны у вас есть?

Дэвид похлопал по карману куртки.

— Патроны здесь. Две полных пригоршни. Даже в Гопкинс Акре у меня с собой всегда было два патрона,

вынутых из патронника. Когда я возвращался домой, то вставлял их обратно. Тимоти настаивал на том, чтобы на стойке все оружие хранилось заряженным.

— Ну не бессмыслица ли таскать ружье, если не собираешься им пользоваться! — воскликнул Коркоран. — Зачем было грузить во времялет незаряженное ружье? Мой папаша когда-то учил меня, когда подарил мне первое мое ружье: даже не наводи его ни на что, если не хочешь стрелять. Я принял совет к сведению и никогда не целился ни по какой добыче, если не был готов убить ее.

— А я целился, — ответил Дэвид. — Целился, но не убивал. Сотни раз целился по птицам, когда их поднимали собаки, а спусковой крючок не нажал ни разу.

— И что вы стремились этим доказать — что стали наконец-то цивилизованным человеком?

— Сам теряюсь в догадках, — признался Дэвид.

Обходя холм вокруг, Коркоран обнаружил родничок, из которого сочилась вода, и ямку под родничком, куда она стекала. Неожиданно столкнулся с барсуком, яростно зашипевшим на человека и тут же удравшим вперевалку. Потом приметил волка, бегущего следом, но волк держал дистанцию, не приближался, хоть и не отдалялся, и Коркоран решил не обращать на него внимания.

Больше ничего не произошло, ничего интересного не попалось. Спустя час-полтора Коркоран, обогнув холм, вернулся к месту посадки времялета. Незадолго до этого волк отказался от преследования и скрылся.

Солнце склонялось к западу и висело уже довольно низко над горизонтом. Подле старого кострища оставались заготовленные дрова, разжечь огонь было минутным делом. Сходив к родничку, Коркоран принес ведерко воды. Когда Дэвид покончил со своим восхождением, на огне стояли две сковородки — на одной шкворчал бекон, на второй жарились оладьи.

Дэвид шлепнулся наземь, водрузил ружье на колени и объявил:

— Нигде ничего. Вдали на равнине пасутся какие-то стада, а больше ничего. Самое унылое местечко, какое я когда-либо видел.

— Налейте себе кофе, — предложил Коркоран. — Оладьи готовы, можно начинать. И не забудьте про бекон. Тарелки и чашки — вон там на одеяле.

Немного насытившись, Дэвид поинтересовался:

— Что, Генри так и не объявился?

— Ни слуху ни духу.

— Странно. Он обычно не исчезал без предупреждения. Да и пропадать так надолго тоже не в его правилах...

— А может, его осенила внезапная идея, и он ее проверяет?

— Будем надеяться, что так. Должен сказать, — признался Дэвид, — временами я перестаю его понимать. Да, конечно, он мне брат, но как ни силюсь, не могу воспринимать его, как воспринимал бы кровного родственника во плоти. Брат-то брат, но в высшей степени необычный. Наслушался елейных посулов, позволил бесконечникам заманить себя, а процесс не пошел. Или он сам оказался такой причудливой, извращенной личностью, что процесс на него и не был рассчитан...

Коркоран попытался найти утешительные слова.

— Не волнуйтесь за него. Что с ним может статься? До него, что называется, никакой боксерской перчатке не дотянуться.

Дэвид помолчал и спросил:

— Ну и что, по-вашему, нам теперь делать? Какой смысл торчать здесь?

— Отчаиваться рано. Мы провели тут всего несколько часов, — резонно заметил Коркоран. — Подождем хотя бы до утра. Может, новый день подскажет новые мысли...

И вдруг к ним воззвал безмолвный голос:

Вы ищете человека по имени Бун?

Коркоран дернулся от неожиданности, потом повернулся к Дэвиду:

— Вы слышали?

— Слышал. Но это не Генри. Это кто-то другой.

Я мозг, произнес голос, *того, кого вы называли монстром-убийцей. В отношении Буна я могу вам помочь.*

— Ты знаешь, где он? — спросил Коркоран.

Я знаю, куда он пошел. Но сначала мы должны заключить сделку.

— Какую еще сделку, монстр?

Перестаньте называть меня монстром. Достаточно неприятно, что вы думаете обо мне подобным образом, но обращаться ко мне так в прямом разговоре — сущая грубость.

— Но если ты не монстр, тогда кто же ты?

Я преданный слуга, действующий в соответствии с волей моих хозяев. Не мое дело подвергать сомнению справедливость и мудрость их заданий.

— Можешь не извиняться, — заявил Дэвид. — Мы поняли, кто ты. Сейчас ты валяешься в куче хлама, который прежде был монстром-убийцей.

Ну вот вы опять ругаетесь. А я, между прочим, даже не думал извиняться.

— Мне тоже почудилось, что тебе хотелось бы извиниться, — сказал Коркоран. — Но о какой такой сделке ты говорил?

Сделка простая. Без выкрутас и лишних украшений. Я скажу вам, где искать Буна, но сначала вы должны извлечь меня из обломков моего прежнего «я» и взять на себя обязательство забрать меня куда угодно, лишь бы подальше от этого ужаса, от этой дикой глуши.

— Ну это вроде бы действительно простая сделка, — обрадовался Дэвид.

— Легче на поворотах, — предостерег Коркоран. — Спросите себя по совести: заслуживает ли доверия этот голос со свалки?

— Но дело-то, кажется, действительно простое. Он знает, где Бун, и выражает желание...

— В том-то и штука. Он не утверждает, что знает, где Бун. Он лишь обещает подсказать, в каком направлении искать Буна. Это большая разница.

— Разница и впрямь немалая. Что скажете на это, сэр? Насколько точной будет ваша информация?

Я помогу вам, чем только смогу. Причем содействие с моей стороны отнюдь не будет ограничено поисками Буна.

— А что ты можешь еще? В каком еще смысле ты способен оказать нам содействие?

— Да не верьте вы ему! — зарычал Коркоран. — Не обращайте внимания на его посулы! Он попал в переплет и рад пообещать что угодно, лишь бы выкарабкаться...

Во имя всего святого, взмолился монстр, *сжальтесь надо мной! Не обрекайте меня на вечное заключение с лишением всяких внешних импульсов! Не считая телепатической связи, я полностью ослеп и оглох. Я не чувствую ни жары ни холода. Чувство времени и то размыто — я больше не понимаю, прошла секунда или целый год...*

— Да, вид у тебя сейчас — не позавидуешь, — съехидничал Коркоран.

Воистину не позавидуешь. Добрый сэр, явите мне сострадание!

— Руки не протяну, чтобы тебе помочь. Пальцем не шевельну.

— Вы поступаете с ним жестоко, — произнес Дэвид с упреком.

— Не так жестоко, как он с вашими афинянами. Не так жестоко, как он поступил бы и с нами, выпади ему случай. Только он напортачил и провалился...

Я не портачил! Я эффективный механизм. Мне изменила удача.

— Что правда, то правда. Изменила, и навсегда. А теперь заткнись. Даже слушать тебя не желаем!

Монстр приниженно замолк и больше не произнес ни слова. Прошло какое-то время, и Дэвид сказал:

— Генри не вернулся. Мы с вами остались здесь одни. Монстр, вернее, мозг монстра располагает какой-то информацией. Склоняюсь к мысли, что он не соврал. Он был здесь рядом с Буном, а может, и говорил с ним.

Коркоран усмехнулся:

— Вы стараетесь убедить себя, что по отношению к поверженному врагу подобает проявить великодушие, что это было бы благородно и по-джентльменски. Хотите рискнуть своей шеей — ваше дело. Я умываю руки. Можете поступать, черт побери, как вам заблагорассудится...

Солнце село, к костру подступили густые сумерки. Где-то в пустынной дали завыл волк, другой ответил ему. Коркоран покончил с едой и предложил:

— Давайте сюда свою тарелку и свое, с позволения сказать, столовое серебро. Схожу к родничку помою...

— Хотите, я пойду с вами постою на страже?

— Ничего со мной не случится. Это в двух шагах.

Над восточным горизонтом всплыла луна. К волчьему хору вдали присоединилось не менее полудюжины

голосов, сетующих на свою тяжкую, несчастную долю. Коркоран, скрючившись в три погибели у ямки с водой, быстренько ополоснул посуду. За время его отсутствия Дэвид вытащил из времялета еще одно одеяло.

— День был долгий, — изрек он, — надо хоть немного соснуть. Я возьму на себя первую вахту. Один из нас должен стоять в карауле, не так ли?

— Да, пожалуй, — нехотя согласился Коркоран.

— Беспокоюсь я о Генри, — продолжал Дэвид. — Должен же он понимать, что нас осталось мало и дробить наши силы негоже.

— Его что-то задержало, вот и все. К утру вернется, и все войдет в свою колею...

Коркоран свернул свою куртку, положил под голову как подушку, натянул на себя одеяло и мгновением позже заснул.

Когда он очнулся, то обнаружил, что лежит на спине, а небо уже светлеет. Значит, скоро рассвет, а Дэвид так и не разбудил его, чтобы передать вахту. Вот проклятие, подумал Коркоран, уж Дэвид-то мог бы соображать получше. К чему это мальчишество, зачем ему понадобилось доказывать, что он выносливее и мужественнее меня?

— Дэвид! — закричал он. — Черт вас возьми, вы что, свихнулись?..

Где-то на холме, внимая первым лучам рассвета, запели птицы. Но кроме пения, ниоткуда не донеслось ни звука, и ничто нигде не шевельнулось, если не считать слабого мерцания догорающего костра. На равнине все так же белели кости бизона, а чуть правее, если напрячь зрение, можно было различить груду хлама — надгробие уничтоженного монстра.

Коркоран встал, стряхнув с плеч одеяло. Подошел к костру, первой подвернувшейся палкой помешал и сгреб в кучу угли. Тогда-то, нагнувшись над костром, он и услышал мощное, устрашающее чавканье. Ему никогда не доводилось слышать ничего подобного, он не имел представления, что бы это могло быть, но чавканье внушало ужас, заставляло выпрямиться и оцепенеть. Вот оно донеслось опять, и на этот раз Коркоран сумел определить направление на источник звука и повернулся в нужную сторону.

Сперва он заметил лишь расплывчатое бледное пятно, склоненное над другим, более темным пятном на

земле. Он всматривался изо всех сил, но так ничего и не понял, пока бледное пятно не оторвалось от темного и не повернулось к костру. У пятна оказалась голова, и ее нельзя было не узнать — плоская кошачья морда, уши с кисточками и поблескивающие шестидюймовые клыки. Саблезубый тигр, склонившийся над добычей и пожирающий ее с чудовищным чавканьем — добыча лакомая, и об этом надо оповестить всю округу.

Что за добыча, Коркоран не усомнился ни на секунду. На земле, под когтями и клыками саблезубого, был распростерт Дэвид!

Коркоран поднялся в полный рост, сжал палку, которой ворошил угли, перехватил ее поудобнее. Конечно, палка — жалкое оружие, но где взять другое? Саблезубый тоже поднялся на все четыре лапы. Он был больше, чем казалось поначалу, — кошка, выросшая до чудовищных размеров. Переступив через темное пятно, бывшее недавно Дэвидом, саблезубый сделал два-три шага вперед. Приостановился, зарычал, демонстрируя изогнутые книзу клыки во всей красе. Передние лапы огромной кошки были длиннее задних, спина приняла наклонное положение. Зверь как будто присел перед прыжком. Предрассветная мгла таяла достаточно быстро, чтобы Коркоран разглядел пятна на шкуре, темно-коричневые на рыжеватом фоне.

Человек застыл на месте. Зверь тоже раздумал прыгать и замер. А затем медленно, подчеркнуто медленно, словно еще не решив, что предпринять, повернулся и отступил к своей добыче. Склонился над ней, потыкал мордой, а затем, сжав в зубах, поднял и неторопливо двинулся прочь. Человек у костра его больше не интересовал.

Коркоран смотрел ему вслед, не в силах пошевелиться. Саблезубый перешел на легкую рысь, норовя держать голову повыше, чтобы свисающее из пасти тело не волочилось по земле. И все равно одна нога скребла почву, и кошка даже споткнулась раз-другой, цепляясь за вислую ногу передней лапой. Но добычи не бросила, обогнула холм с выступающими отрогами и пропала из виду.

Только тогда Коркоран встрепенулся и первым делом подбросил в костер дров. Сухое дерево легко занялось, пламя взвилось высоко в воздух. Он обернулся в сторону времялета — тот был на месте. А на

полпути к времялету, футах в тридцати от костра, лежал дробовик. И как это он не заметил ружья раньше? Наверное, было слишком темно, а главное, он был так ошарашен появлением исполинской кошки, что не видел ничего вокруг. Но Коркоран и сейчас не сразу кинулся за ружьем — паралич страха ослабевал, но еще не хотел отпустить.

И тут разум начал мало-помалу осознавать чудовищность того, что случилось. Дэвид убит саблезубым тигром! Убит и съеден! Убит не в припадке ярости и не при самообороне, а ради скудных клочков мяса на хлипких костях...

Дэвид мертв. Дэвид — а как фамилия? Коркоран испытал шок, поняв, что фамилия семьи так и осталась ему неизвестна. В Гопкинс Акре ее ни разу не упоминали, а он не спросил. Дэвид, Инид, Тимоти, Эмма, Хорас. Хотя список распадается надвое: Эмма с Хорасом должны носить другую фамилию.

Дэвид не разбудил его, позволил ему спать до утра. А если бы разбудил? Если бы разбудил и поменялся со мной ролями, ответил себе Коркоран, то в пасти саблезубого сейчас, возможно, болтался бы я, а не он.

Какова воображаемая картина происшедшего? В предрассветной тьме Дэвид мог услышать что-то за пределами освещенного костром круга и отправиться на разведку. Он мог заметить кошку, а мог и не заметить, и она захватила его врасплох. Так или иначе, он не стрелял. Не успел или не захотел?

А что сделал бы я, окажись я на его месте? — спросил себя Коркоран. Несомненно, выстрелил бы. Если бы, отойдя от костра, нарвался на саблезубого, то без колебаний схватился бы за ружье. Разумеется, дробовик — не то оружие, с каким стоит охотиться на саблезубую кошку. Надо думать, дробь даже на близком расстоянии не убила бы ее, но, по меньшей мере, обескуражила бы, охладила бы ее атакующий пыл. Почему же Дэвид не выстрелил? То ли потому, что вообще не умел стрелять, то ли, даже если у него оставалось время на выстрел, посчитал себя слишком цивилизованным для стрельбы? В сущности, Дэвид относился к дробовику не как к оружию, а как к прогулочной тросточке.

Бедный дуралей, завершил эпитафию Коркоран. В конце концов он оторвался от костра и отправился за

ружьем. Оба патрона были в патроннике — из ружья не стреляли.

Уложив ружье на локтевой изгиб, он прошел немного дальше. На земле лежал ботинок, а в ботинке — стопа и часть ноги по щиколотку. Кости были раздроблены. Еще дальше Коркоран нашел порванную куртку, а вокруг — высыпавшиеся из нее патроны. Патроны он подобрал и рассовал по карманам. Больше от Дэвида ничего не осталось, только ботинок и куртка. Вернувшись к ботинку с торчащей из него ногой, Коркоран постоял над этой бренной реликвией, но наклоняться и тем более трогать ее не стал: это было бы слишком неприятно.

Добравшись до костра, он уселся на корточки спиной к огню. Пора бы чего-нибудь поесть, но у него пропал всякий аппетит. Во рту было кисло и гадко.

Ну и что прикажете теперь делать?

Управлять времялетом он сумеет — в чем, в чем, а в этом не было сомнений. Он видел, куда Дэвид положил бортовой журнал, и следил за действиями пилота, когда тот программировал машину перед вылетом в эту злополучную эпоху. Но куда направиться отсюда? В свой родной двадцатый век, и поскорее выбросить все происшедшее из головы? Такая идея была в известной мере привлекательна, но спокойствия не приносила. Более того, взвешивая ее, он почувствовал себя дезертиром. Где-то здесь, в круговерти времен, затерялся Бун, и у него, Коркорана, просто нет права на вылет, пока он не убедится окончательно и бесповоротно, что другу уже не поможешь.

Потом он вспомнил про саблезубого и про то, что остался в этой забытой Богом дыре совершенно один. И подобная перспектива тоже отнюдь не радовала. Но много ли значат несколько дней одиночества по сравнению с судьбой Буна? Где бы ни носило старину Тома, он вернется сюда, именно сюда. А может, сюда же вернется и Генри, хотя уж Генри-то в состоянии шнырять по пространству-времени без помощи технических средств. Кто-кто, а Генри в Коркоране вообще не нуждается.

Что же до саблезубого, то это проблема случайная, ее вообще не следует принимать во внимание. Кошка может и не вернуться, а если вернется, то себе на беду: ружье теперь в руках человека, умеющего спустить

курок. С ружьем, заверил себя Коркоран, я окажусь гораздо менее уязвим, чем Дэвид. По ночам я буду спать во времялете, запершись от бродячих хищников на все засовы. Запасов пищи хватит надолго, родничок снабдит меня свежей водой. Продержусь столько, сколько потребуется...

На равнину пришло настоящее утро, побудив Коркорана к действию. Сбегав к родничку за водой и слазив во времялет за продуктами, он сварил себе на костре кофе, нажарил бекона и кукурузных лепешек. Ну и что особенного, заявил он себе, считай, что живешь в походном лагере без удобств...

Ему подумалось, что надо бы если не оплакать Дэвида, то хотя бы ощутить утрату, — но намерение оказалось трудноосуществимым. Ужас внезапной смерти, вернее, ужасные обстоятельства смерти внушали трепет и только. А зацикливаться на кошмарных подробностях никак не стоило — чем скорее удастся выбросить их из головы, тем лучше.

Откуда-то извне донеслись, проникая прямо в мозг, тихие злорадные смешки:

Хе-хе... Хе-хе-хе...

Коркоран узнал монстра и вскипел от ярости:

— Пошел вон!..

Хе-хе, не унимался монстр. *Твой друг умер, а я по-прежнему жив...*

— Ты еще миллион раз пожалеешь, что уцелел! Будешь мечтать о смерти, скотина!

Ты умрешь гораздо раньше меня, фыркнул монстр. *От тебя останутся кости да пыль...*

Коркоран не ответил. В душе прошуршало сомнение: уж не монстр ли натравил хищную кошку на Дэвида? Да нет, нелепое предположение. Обсуждать такую чушь даже наедине с собой — чистая паранойя.

Он позавтракал, вымыл и вытер посуду, использовав для этого край рубашки. Поразмыслив, снова слазил во времялет, нашел лопату и, выкопав яму, похоронил ботинок с ногой. Похоронил, как он объяснял себе, по санитарным соображениям, а потому никаких церемоний не проводил.

Затем он отломил от последней лепешки большой кусок, завернул в носовой платок и сунул в карман. Еще раз посетил времялет и перерыл все набросанное внутри барахло в поисках какой-нибудь фляги. Фляги не

обнаружилось — тогда он набрал полведерка свежей воды. Таскаться с ведерком не слишком удобно, но другого выхода не было.

С ружьем и ведерком он отправился на равнину и через две-три мили, повернув налево, пошел по кругу. Роль центра окружности играл холм. Пристально вглядываясь в почву, Коркоран пытался выяснить, не проходил ли здесь Бун. Дважды ему мерещилось, что на траве заметен человеческий след, и он цеплялся за эту ниточку, двигаясь чуть не ползком, — но следы все равно терялись что в первый раз, что во второй.

Бесполезно, сказал он себе. И было ясно заранее, что бесполезно, — но пусть поиски сто крат обречены на провал, попытать счастья следовало все равно. Сколько разных авантюр они с Буном пережили вместе, а случалось, один рисковал своей головой ради другого. За всю жизнь у Коркорана не было товарища ближе, чем Бун, — можно бы даже сказать «друга», но друзей, пожалуй, не бывало вообще.

Время от времени Коркоран натыкался на волков, которые нехотя уступали ему дорогу и присаживались неподалеку понаблюдать, как человек проходит мимо. Из кустов выпрыгнуло животное, похожее на оленя, и стремглав ускакало прочь. В какой-нибудь миле, не дальше, пробрело небольшое стадо бизонов. А на более внушительном расстоянии он мельком заметил зверей, смахивающих на мастодонтов, хотя дистанция была все же слишком велика и опознать их с полной уверенностью было нельзя. Но почему бы не считать этих зверей мастодонтами? Во всяком случае, эпоха для мастодонтов вполне подходящая.

Когда солнце оказалось прямо над головой, Коркоран присел в тени под деревом, пожевал лепешку и запил ее тепловатой водой из ведерка. Наверное, пора возвращаться к холму. Правда, в его намерения входило описать полный круг, но западную дугу он уже обследовал полностью, а на востоке просто не было ничего, кроме безбрежной, плоской и голой равнины, уходившей вдаль и сливавшейся с небом. Если Бун и отправился куда-то, то не на восток, а только на запад, где за равниной маячили другие холмы. Взвесив все за и против, Коркоран решил пройти назад по своим следам: пусть он повторит практически тот же путь, зато, может

статься, всматриваясь еще внимательнее, углядит что-нибудь прежде пропущенное.

Он прикончил лепешку, позволил себе еще глоток воды и уже собирался встать, когда уловил чье-то присутствие. Он замер, напрягая слух. Расслышать не удалось ровным счетом ничего, но ощущение присутствия не исчезало, и он нерешительно осведомился:

— Генри?..

Да, я самый.

— Тебе уже известно про Дэвида?

Известно. Узнал сразу же, как вернулся. Тебя тоже не оказалось. Я отправился тебя искать.

— Мне очень жаль...

Мне тем более. Он был мне братом, и его не заменишь. Кроме того, он был благородным человеком.

— Твоя правда. Он был очень благороден.

Его унесла кошка, констатировал Генри. *Я выследил ее и нашел терзающей его труп. От него уже почти ничего не осталось. Расскажи мне, как это произошло.*

— Он стоял на часах. Когда я проснулся, это уже случилось. Я ничего не слышал. Кошка схватила его и унесла.

Там есть могила. Совсем маленькая.

— В могиле его ботинок. Вместе с ногой.

Благодарю тебя за этот поступок. Ты совершил то, что должна была сделать семья.

— Ты знаешь, где тело. Я мог бы взять лопату, отпугнуть кошку...

Бессмысленно. Пустой жест. Я вижу у тебя ружье. Он что, не пытался стрелять?

— Видимо, она застала его врасплох.

Нет, заявил Генри, *он не стал бы стрелять ни в каком случае. Он был слишком добрым для этой эпохи. Скверно обернулось для нас нынешнее предприятие. Для всех. Сначала потерялась Инид, потом Бун...*

— Ты знаешь что-нибудь о Буне? У тебя есть новости?

Я проследил, куда он пошел, но там его нет. Лежит винтовка и рядом котомка, что была у него с собой, а его самого нет. С ним, кажется, был волк. Мне очень жаль, Коркоран.

— Догадываюсь, что с ним могло случиться, — сказал Коркоран. — Он снова ступил за угол. Тогда уж

пусть лучше задержится там, куда попал, и не вздумает выскочить обратно сюда, как чертик из табакерки.

Что ты намерен делать теперь? Торчать здесь бесцельно.

Коркоран в ответ лишь покачал головой. Вчера он уже задавал себе этот вопрос и задумывался, не вернуться ли в Нью-Йорк, но отверг такую идею в зародыше: Бун потерялся, и прежде всего надо найти Буна. Сегодня ситуация иная: Бун по-прежнему не нашелся, но стало ясно, что и шансов найти его почти нет.

И все-таки — вернуться отсюда в двадцатый век? Нет и нет. Никогда еще Джей Коркоран не отказывался от приключений, не выходил из игры, пока пьеса не завершится сама собой. А это приключение еще отнюдь не кончилось, пьеса далеко не доиграна.

Куда же податься — в Гопкинс Акр? Координаты наверняка сыщутся в бортовом журнале. Жизнь в усадьбе была бы комфортабельной — ведь ни прислуга, ни окрестные крестьяне никуда не делись. Гопкинс Акр — то место, где можно в безопасности обмозговать сложившуюся ситуацию и, не исключено, наметить стройный план дальнейших действий. К тому же вполне вероятно, что в поместье рано или поздно объявится и кто-нибудь из других.

Однако, однако... Есть где-то в будущем гора, и руины на гребне, и над ними исполинское, подпирающее небо дерево, и винтовая лестница, вьющаяся вокруг ствола. За всем этим кроется несомненная тайна. Может, он не все тогда разглядел и не так запомнил, но тайна налицо, и надо бы в ней разобраться.

Генри ждал ответа. Коркоран различал его мерцающий контур, облачко искорок, поблескивающих на солнце. Но чем отвечать искристому собеседнику, он предпочел задать ему свой вопрос:

— Насколько я понял, ты почти достиг бестелесности, но в последний момент остановился. Ты не мог бы рассказать мне об этом подробнее?

Это было не самое умное мое решение, ответил Генри. *Я позволил бесконечникам уговорить себя. Я постоянно вертелся около них, наверное, из любопытства — хотелось понять, что они за создания. Существа они необычные, сами понимаете. Отдаленно похожие на людей, — по крайней мере, у меня сложилось такое впечатление. Их же толком не видно, только*

время от времени. Показываются и исчезают, как призраки. Зато слышно их постоянно. Они взывают, приводят довод за доводом, просят, умоляют. Они зовут вас к бессмертию, расписывают бесчисленные преимущества и удобства бессмертия — то есть бессмертия интеллектуального, а другого, по их убеждению, не дано. Телесная жизнь, внушают они, груба, неопрятна, постыдна. А кому же хочется быть постыдным?

— Короче, они морочили тебе голову?

Меня они, нельзя не признать, заморочили. Заморочили в минуту слабости. Когда слабость миновала, я начал с ними бороться. Они были просто потрясены тем, что я имею наглость противиться, и уж тогда взялись за меня по-настоящему. Но чем сильнее они нажимали, тем упорнее я отбивался. В конце концов мне удалось вырваться. Или я внушил им такое отвращение, что они сами отступились. А может, я съел у них столько времени, что они решили: овчинка выделки не стоит. Однако к тому моменту процесс зашел слишком далеко, я был уже почти бестелесным. Так я и застрял на полдороге, став таким, каким ты меня видишь.

— Но тебя это, кажется, не особенно огорчает?

В моем положении есть свои достоинства и свои недостатки, и я придерживаюсь мнения, что достоинства перевешивают. По крайней мере, так я внушаю самому себе. Есть обычные простые вещи, ставшие для меня недоступными, но появились и качества, не ведомые никому другому, и я стараюсь использовать их с максимальной пользой, игнорируя то, что потерял.

— Каковы же твои намерения теперь?

Остается еще одна часть семьи, о которой я ничего не знаю. Эмма с Хорасом и Тимоти, которого этот буйвол Хорас затащил во времялет буквально силком.

— У тебя есть какая-нибудь догадка, где они?

Ни малейшей. Мне придется их проследить.

— Твои поиски не облегчатся, если использовать времялет? Я мог бы вести его по твоим указаниям.

Нет, я должен действовать самостоятельно. Вернусь в Гопкинс Акр и прослежу их оттуда. След остыл и ослаб, но я его все равно обнаружу. Ты говоришь, что научился управлять времялетом?

— Да. Я знаю, где лежит бортовой журнал, и я следил, как Дэвид вводит координаты, когда мы вылетали сюда.

Самое лучшее для тебя — пожить в Гопкинс Акре. Полагаю, что там теперь вполне безопасно. Потом кто-то из нас прилетел бы за тобой. Конечно же, мы не бросим тебя в одиночестве. Координаты Гопкинс Акра должны быть в журнале. Ты уверен, что справишься с управлением?

— Вполне уверен, — самонадеянно ответил Коркоран. — Только в Гопкинс Акр я скорее всего не полечу. Может, когда-нибудь потом, но не сию минуту. Я хочу вернуться туда, где ты нашел нас с Дэвидом. Там осталось кое-что, в чем следует разобраться.

Генри удержался от вопроса, который Коркоран на его месте задал бы непременно. Сложилось впечатление, что Генри как бы пожал плечами. А затем заявил:

Ну что ж, я решил, куда держу путь, и ты тоже решил. Значит, можно и отправляться.

И искорки потухли, их не стало.

Коркоран встал. Если Буна в этой части пространства-времени больше нет, то и задерживаться здесь нет резона. Генри прав: если твердо решено, куда держишь путь, надо стартовать не откладывая.

Когда Коркоран добрался до места своей ночевки, там было пусто — ни саблезубой кошки, ни даже волков. Собрав кастрюльки и сковородки, он швырнул их на одеяло, свернул одеяло узлом и перебросил через плечо. И услышал-ощутил голос:

Хе-хе-хе...

Не узнать это хихиканье было нельзя. Коркоран резко повернулся к куче металлолома. Хихиканье продолжалось. Тогда он шагнул в сторону кучи и крикнул:

— Ну-ка прекрати свои дурацкие смешки! Прекрати немедленно, слышишь?..

Смешки оборвались, их сменили мольбы:

Дорогой сэр, вы собрались уезжать. Вы уже сложили вещи для отъезда. Пожалуйста, возьмите меня с собой. Вы никогда об этом не пожалеете. Я могу сделать для вас многое, очень многое. За вашу доброту я отплачу вам сто крат. Я буду вашим вечным спутником. Это ни в коей мере вас не задержит. Вес у меня небольшой, я не займу много места. Искать меня долго не надо. Я лежу позади останков моего тела. Я черепная коробка

в форме полированного шара. Я буду хорошо смотреться на каминной полке. Я буду разговорным устройством. Вы найдете мне множество применений. В одинокие ваши часы, когда у вас возникнет такая потребность, мы вдвоем будем вести поучительные и развлекательные беседы. У меня мощный мозг, и я сведущ в логике. По временам я охотно выступлю вашим советчиком. И навсегда останусь вам другом, исполненным верности и признательности...

— Нет уж, спасибо, — бросил Коркоран, поворачиваясь на каблуках и направляясь к времялету.

За его спиной монстр-убийца продолжал плакаться, упрашивать, заклинать, сулить златые горы. Затем мольбы оборвались, и на Коркорана обрушились волны ненависти:

Ты грязный слизистый сукин сын! Я тебе этого не забуду! Рано или поздно я до тебя доберусь! Я еще попляшу на твоих костях!..

Коркоран, нимало не испугавшись, знай себе шагал к машине.

Глава 9

БУН

Проснулся Бун от прикосновения холодного носа. Попытался сесть прямо, но нога завопила благим матом, и вырвавшийся из глотки ответный вопль едва не удушил его. Волк, подвывая, отпрянул в сторону. Вся южная половина неба была усыпана яркими равнодушными звездами. Одежда пропиталась тяжелой ледяной росой.

Со склона, где он лежал, была видна посеребренная луной прерия, которую он пересек только вчера, — вернее, полупустыня, хотя на ней попадались участки травы и иной подножный корм, достаточный для мелких стад. Где-то за горизонтом, наверное, на востоке стелются настоящие травяные прерии с неисчислимыми стадами — но здесь стада небольшие, а значит, и хищников мало.

— Тут для тебя плохие угодья, — обратился Бун к волку. — Перебрался бы в другие места, прокормился бы легче. — Волк глянул на человека и зарычал. — Нет, — добавил Бун, — так разговор не пойдет. Я рычать не умею. Вспомни, я на тебя ни разу не рыкнул. Мы с тобой проделали вместе долгий путь, мы делили с тобой еду. Мы, кажется, подружились...

Все это он произносил, приподнявшись на руках, — теперь он расслабился и лег ничком, но голову повернул так, чтобы не упускать волка из виду. Не то чтобы он

боялся волка, просто не хотел терять связь с единственным своим компаньоном.

Стало быть, он спал. Уму непостижимо, как же он ухитрился заснуть в такой ситуации: с ногой, застрявшей в скальной трещине, и под надзором волка, который только и ждет его смерти, чтобы насытиться. Хотя, мелькнула мысль, может, это по отношению к волку клевета — ведь они подружились...

Боль в ноге слегка притупилась, но тупая боль казалась не легче острой, заставляла скрежетать зубами. Самочувствие было кошмарным — нога болит, в желудке пусто, глотка саднит, во рту все пересохло. Пить! Отчаянно хотелось пить. И ведь неподалеку — он был уверен, что неподалеку, — отчетливо слышался плеск бегущей воды...

Волк присел, укутав лапы пушистым хвостом, склонил голову набок, поставил уши торчком. Бун закрыл глаза и уложил собственную голову плотнее на грунт. Как хотелось бы выключить боль! А вокруг тишина, полная тишина, не считая плеска бегущей воды. Как хотелось бы заткнуть уши и не слышать этого плеска! Ну что за конец, подумалось поневоле, что за жуткий конец...

Бун коротко вздремнул. И очнулся — резко, рывком.

Он стоял на коленях. Беззащитный — никакого оружия ни в руках, ни поблизости. А на него мчался всадник, образ которого вынырнул из глубин памяти, — гигант, оседлавший маленькую, но прыткую лошадку. Лошадка шла галопом и скалилась. Лошадка была столь же зловещей, исполненной такой же мрачной решимости, как всадник.

Рот всадника раскрылся, он испустил торжествующий вопль, зубы его блеснули в луче, прилетевшем невесть откуда. Ветер трепал его длинные усищи, закидывал ему за спину, и они развевались там, как вымпелы. А над головой всадник занес тяжелый сверкающий меч, и меч уже начал опускаться...

Откуда ни возьмись появился волк и взвился в прыжке, разомкнув челюсти и нацелившись в горло всаднику. Но поздно, слишком поздно. Меч опускался, и никакая сила в мире не смогла бы остановить этот меч...

Бун приземлился с тяжелым стуком и растянулся плашмя. Перед глазами поплыла какая-то серость.

Поверхность под ним была гладкой, он пополз — и обнаружил, что может двигаться свободно. Он уже вовсе не там, где был, уже не распластан на крутом склоне с застрявшей в расщелине ногой, и нет ни отвесной скалы за спиной, ни дразнящего плеска воды.

Нет, вода журчала по-прежнему, и он пополз на звук. Добрался до воды, плюхнулся на живот и потянулся к воде губами. В нем осталось довольно мужества, чтобы на первый раз ограничиться несколькими глотками и откатиться прочь.

Теперь он лежал на спине, уставясь в тускло-серое небо. Сперва ему почудилось, что это туман. Только это был не туман, а естественный цвет неба. И все вокруг было серым под стать небу. Он ощупал себя, вслушался в собственные ощущения. Нога, угодившая в каменный капкан, побаливала, но переломов не было. Яростная жажда чуть-чуть отступила. Правда, желудок был пуст, но все остальное было в порядке.

Немыслимое свершилось снова. Он опять ступил за угол.

Но что за нелепица с кровожадным всадником, распустившим усищи и навострившим меч? Не было там, в мире давнего прошлого, подобного всадника, просто не могло быть! Наверное, сработало подсознание — таинственное, хитрое, изворотливое подсознание. Раз в реальном окружении не возникало внезапной опасности того порядка, чтобы включить механизм отступления за угол, подсознание ради спасения жизни хозяина изобрело жестокого всадника-варвара, и механизм включился автоматически. Объяснение, Бун прекрасно понимал, не слишком ясное и логичное — но в конце-то концов какая разница, логичное или нет! Он оказался здесь, где бы это «здесь» ни находилось, а остальное не играет роли. Правда, неизвестно, задержится ли он здесь или спустя минуту-другую будет ввергнут обратно в доисторическую эпоху. Ведь до сих пор его неизменно возвращало в отправную точку — за исключением последнего случая, когда он в сопровождении Коркорана ступил в ковчег Мартина и не вернулся в обрушенный «Эверест». Так, может статься, прежний шаблон нарушен? Как ни кинь, а здесь он тоже провел не меньше десяти минут...

Он опять подполз к воде и попил еще. Вода была что надо — прохладная, чистая, проточная вода. Потом он

решил, что попробует встать, и это удалось. На ногу, побывавшую в капкане, можно было опереться. Она ныла и саднила, но в принципе осталась здоровой. Ему в который раз крупно повезло.

Бун осмотрелся — ландшафт казался вполне реальным. За исключением «Эвереста» (но «Эверест» — как-никак особый случай), за углом его подстерегал призрачный, смутный мир, где все черты местности скрыты или смазаны туманом. Здесь тумана не было, а если вначале и был, то успел рассосаться. Вокруг все было по-прежнему серо, но эту серость отличала полная отчетливость и вещественность.

Он стоял посреди открытого ровного пространства. Вне сомнения, оно убегало к горизонту, но высмотреть горизонт было никак нельзя: серость неба переходила в серость равнины, и провести между ними разделительную линию не представлялось возможным. По равнине текла извилистая речка, утолившая его жажду, текла неизвестно откуда и неизвестно куда. А чуть подальше виднелась дорога — совсем не извилистая, а прямая, как стрела. Дорога была серой, как все в этом мире, но ее отличали две более темные полоски, похожие на колею. Колея была четкой и геометричной, пожалуй, даже более геометричной, чем положено нормальной колее.

— Куда к черту меня занесло? — спросил Бун. Спросил вслух, не ожидая и, естественно, не получив ответа.

Дорога бежала и направо и налево. Наверное, стоило бы пойти вдоль дороги — но в каком направлении? В общем, положение по-прежнему незавидное: теперь неизвестно ни где он находится, ни куда идти. Вода теперь есть, но еды нет. И нет ни малейшей надежды понять, как долго он здесь пробыл и как долго пробудет.

Отдалившись от речки, он вышел на дорогу, опустился на колени и ощупал колею пальцами. Глаза не могли различить выпуклости, но пальцы засвидетельствовали, что темные полоски приподняты над почвой примерно на дюйм. На ощупь казалось, что колея и почва — из одного и того же вещества, но колея приподнята — зачем? Неужели рельсы? Может, если подождать, появится какое-то транспортное средство и удастся вскочить на ходу и куда-нибудь подъехать? Но уповать на такую удачу, конечно, не приходится.

Наконец пришло решение. Он пойдет по дороге в ту сторону, куда течет речка. Он доверит свою судьбу проточной воде. Припомнилось читанное когда-то, многие годы назад: вода выводит к цивилизации, следуй за потоком — и рано или поздно найдешь людей. На Земле это, наверное, так, но применима ли земная логика в этом мире? Здесь что в одном направлении, что в другом легко прибыть прямиком в никуда. Не исключено, что здесь просто некуда прибывать.

Некоторое время Бун брел по дороге, считая шаги. Двести шагов, пятьсот — ничто не менялось: прямая дорога и петляющая речка, то чуть поближе к колее, то чуть подальше. Потом за спиной послышалось клацанье когтей, он обернулся — за ним по пятам бежал волк. Тот же самый? Сразу и не разберешь: тот волк был серый и этот серый, но это ничего не доказывает, здесь все серое. Вот и рукава куртки серые, а ведь пока он не попал сюда, куртка была бежевой.

Волк остановился и присел всего-то футах в шести от Буна. Обвил лапы хвостом, склонил голову набок и оскалился.

— Хорошо, что ты в добром настроении, — сказал Бун. — Может, хоть ты знаешь, куда это нас занесло? — Волк не ответил, а все так же сидел и скалился. — Надо думать, ты тот самый волк, которого я знал. Если действительно тот, тогда зарычи на меня... — Волк приподнял губу, коротко рявкнул, показав отменные зубы, и вновь оскалился, а может, и улыбнулся. — Выходит, ты мой старый приятель? Ну что ж, давай путешествовать вместе...

Бун пустился дальше широким шагом, а волк пододвинулся вплотную и побежал у ноги. Хорошо, что волк тоже ухитрился сюда попасть, решил Бун. Как бы то ни было, а в компании всегда веселее...

Других происшествий не было, перемен тоже. Бун шагал, волк трусил рядышком, но с тем же успехом они могли бы стоять на месте — ландшафт, если его можно было так назвать, оставался неизменным. Интересно бы узнать: куда запропастилась Инид, отчего не вернулась? А вдруг с ней что-то стряслось?

— Ты помнишь Инид? — обратился Бун к волку. Волк не ответил.

Далеко-далеко на дороге показалась точка. Показалась и начала расти.

— Слушай, а ведь что-то едет! — сказал Бун волку. Отступил с колеи, подождал. Да, по рельсам двигалась какая-то повозка. — Но она же едет не в ту сторону!.. — Волк зевнул, словно говоря: «А какая, собственно, разница, куда? С чего ты взял, что нам надо в другую сторону?..» И Бун согласился: — Вероятно, ты прав...

Точка превратилась в вагонетку, неказистую вагонетку, открытую всем ветрам, хотя над сиденьями и был натянут полосатый тент. Сидений было два — одно смотрело вперед, другое назад. Водитель отсутствовал, вагонетка катилась сама по себе. Подъезжая к Буну, она замедлила ход, и он скомандовал волку:

— На борт!

Волк понял, подпрыгнул и уселся на одно из сидений. Бун вскочил следом и сел рядом с волком, лицом по ходу движения. И вагонетка сразу же стала снова набирать скорость.

Разумеется, вагонетка тоже была серая. Тент был полосатым только в том смысле, что светло-серые ленточки чередовались с темно-серыми. Серая вагонетка мчалась по серой равнине, и под хлопающим на ветру серым тентом сидел серый человек в обнимку с серым волком.

Наконец далеко впереди и немного левее обозначился кубик. Кубик начал вырастать в размерах, а вагонетка — тормозить, и стало ясно, что это не просто кубик, а дом. Подле дома на вольном воздухе стояли три стола и вокруг них стулья. За одним из столов кто-то сидел, и как только вагонетка остановилась, Бун узнал в сидящем Шляпу, того самого, что являлся ночью к костру и толковал о родстве душ человека и волка. Шляпа был тем же самым, и огромный конический клобук — тем же самым, спускающимся на плечи и закрывающим лицо целиком.

Волк соскочил наземь, подбежал к столу и уселся, не сводя глаз с давешнего своего переводчика. Бун спустился чуть степеннее и, приблизившись, выбрал себе стул напротив Шляпы.

Я ждал тебя, заявил Шляпа. *Мне сообщили, что ты прибудешь.*

— Кто сообщил?

Неважно. Важно одно — что ты действительно прибыл и привел с собой своего друга.

— Я его не приводил. Он сам за мной увязался. Это он домогается моего общества, а не наоборот.

Вы созданы друг для друга. Я говорил тебе, что вам суждено стать друзьями.

— По первому впечатлению, тут что-то вроде столовой. Как насчет того, чтобы поесть?

Ваши потребности известны. Пищу скоро подадут.

— Для нас обоих?

Разумеется, для обоих.

Из дома выкатился приземистый робот. Сверху голова у робота была стесана горизонтальной площадкой, и на площадке покоился поднос. Подкатившись, робот поднял руки и переместил поднос на стол.

— Вот эта тарелка для хищника, — пояснил робот. — Как я должен ее подать?

— Поставь на землю, — посоветовал Бун. — Так ему будет привычнее.

— Я не готовил мясо, не варил и не жарил.

— И правильно сделал. Он любит мясо сырым, с кровью.

— Однако я нарезал мясо кусочками для удобства поглощения.

— Очень предусмотрительно, — ответил Бун. — Благодарю тебя от имени нас обоих.

Как только робот опустил миску с сырым мясом на землю, волк жадно набросился на еду. Он был голоден и глотал куски, не утруждая себя жеванием.

— Он проголодался, — заметил робот.

— Я тоже, — откликнулся Бун.

Робот поспешно разгрузил поднос на стол. Перед Буном, как в сказке, возник большой поджаристый бифштекс, печеная картошка, судок со сметаной, салат, заправленный сыром, блюдо зеленой фасоли, кусок яблочного пирога и в довершение всего целый кофейник кофе. Бун, не веря своим глазам, воскликнул:

— Первая цивилизованная еда, предложенная мне за неделю, если не больше! Но я, признаться, удивлен, что в местечке, подобном этому, понимают толк в настоящей американской кухне двадцатого века...

Мы знаем вкусы наших клиентов, ответил Шляпа, *и стараемся приспособиться к их запросам. И раз мы узнали, что вы с волком будете нашими гостями...*

Бун пренебрег салатом и с места в карьер принялся за бифштекс. Зачерпнул ложку сметаны, выпростал ее в картофелину и спросил с полным ртом:

— Можете вы сообщить мне, где мы находимся? Или какие-нибудь дурацкие правила секретности обязывают вас к молчанию?

Никакой секретности, ответил Шляпа. *Если тебе от этого легче, сообщаю, что ты вышел на Магистраль Вечности.*

— Никогда о такой не слышал.

Конечно, не слышал. Тебе и не полагалось слышать. Ни тебе, ни кому бы то ни было из землян.

— Но мы же здесь. Не только я, но и волк.

Шляпа объяснил опечаленно:

Были основания полагать, что этого не произойдет никогда. Мы считали, что низшим видам доступ сюда закрыт. Что эволюция выкинет такой фокус и наделит тебя несвойственным человеку даром — шансы на это были не выше, чем один на много миллионов. Некогда Вселенная была стабильной. Можно было вычислить, что произойдет и когда. Можно было планировать. Увы, сегодня это отошло в прошлое. С тобой, например, ничего заранее не предскажешь. Случайные биологические процессы посмеялись над логикой.

Бун продолжал жевать — он был слишком голоден для того, чтобы блюсти хотя бы формальную вежливость. Волк расправился с миской мяса и улегся рядом с тем расчетом, чтоб остаться в готовности на случай, если кому-нибудь вздумается принести еще еды. Конечно, он утолил голод, но не бесповоротно. Волк не принадлежал к числу неженок, которые, едва насытившись, не в силах больше проглотить ни кусочка.

Дожевав, Бун переспросил:

— Вы сказали — это дорога к вечности?

Не вполне так. Я сказал — Магистраль Вечности.

— Небольшая разница.

Разница больше, чем ты думаешь.

— Ладно, не стану спорить. Значит, если следовать по этой дороге, можно достигнуть Вечности? Но что такое Вечность? Что я там найду? И кто, позвольте спросить, захочет стремиться к этой самой Вечности?

Ты уже находишься в Вечности, ответил Шляпа. *Где же еще, по-твоему?*

— Я и понятия не имел где. Но в Вечности!..

А Вечность — вовсе неплохое местечко, заверил Шляпа. *Вечность — это конец всему. Попавший в Вечность может считать, что прибыл к месту назначения. Следовать куда-то дальше бессмысленно.*

— Стало быть, я должен, по-вашему, устроиться здесь и остаться навсегда?

Можешь и остаться. Двигаться больше некуда.

А ведь что-то тут не так, подумал Бун. Шляпа лжет, он просто издевается надо мной. Вечность — вовсе не конкретное место, а категория, выдуманная каким-нибудь древним философом. Во всяком случае, это отнюдь не точка в пространстве-времени. Да и колея вовсе не обрывается у этой забегаловки, а бежит себе дальше в серое безбрежье. Значит, нет никаких сомнений: по ней можно добраться куда-нибудь еще.

Расправившись с бифштексом и картошкой, он придвинул к себе тарелку с салатом. Традиционная последовательность блюд была нарушена — ну и черт с ним, в обычных обстоятельствах он вообще не жаловал салатов, но раз уж голоден, а голод и сейчас давал о себе знать, можно согласиться и на салат.

Шляпа вот уже минут пять не обмолвился и словом. Бун поднял глаза и увидел: собеседник рухнул лицом, упрятанным под клобук, прямо на стол. Руки, до того возложенные на столешницу, соскользнули и болтались по бокам, как тряпичные. Испугавшись, Бун вскочил и окатил Шляпу потоком бессмысленных вопросов:

— С вами все в порядке? Что случилось? Вы нездоровы?..

Шляпа не отвечал и не шевелился. Обежав вокруг стола, Бун тряхнул его за плечо и даже приподнял — Шляпа безвольно обвис в руках. Помер, с ужасом подумал Бун. Взял да и помер. А может, никогда и не жил?

Едва Бун ослабил хватку, Шляпа рухнул обратно на стол. Бун подбежал к дому, распахнул дверь. Робот-слуга стоял к нему спиной, ковыряясь у какого-то устройства, похожего на очаг.

— Скорее на помощь! — крикнул Бун. — С нашим Шляпой что-то неладное...

— Он свалился, — равнодушно ответил робот. — Из него выпустили воздух.

— Выглядит именно так. Я решил: он умер. Но откуда ты знаешь?

— С ним это бывает, — ответил робот. — Нет-нет да и свалится.

— И что ты в таких случаях делаешь? Чем ему можно помочь?

— Я? — удивился робот. — Я ничего не делаю. Это не моя забота. Я простой обслуживающий робот. Моя обязанность — ждать клиентов, прибывающих по дороге. Их почти нет, а я продолжаю ждать кого-то, кто может вообще не приехать. Но мне все равно. Когда — и если — клиенты прибывают, я должен их обслужить. Такова моя задача. Да я больше ничего и не умею.

— А Шляпа? Как насчет Шляпы?

— Он появляется время от времени, но его не надо обслуживать. Он ничего не ест. Сядет за стол, всегда за один и тот же, и со мной не разговаривает. Сидит и смотрит на дорогу, а потом валится.

— И ты ничего не делаешь?

— А что я могу сделать? Оставляю его лежать там, где упал, а спустя несколько минут, или часов, или дней смотрю — он исчез.

— Исчез? Куда исчез?

Робот ответил пожатием плеч. Движение вышло заученным и сильно преувеличенным.

Бун вернулся к двери и вышел. И что же? Волк сбросил Шляпу со стула и принялся играть с ним, как щенок с тряпичной куклой. Таскал его туда-сюда, подбрасывал высоко вверх, но не давал упасть, а ловил на лету и яростно встряхивал. А ведь волк прав, подумал Бун, Шляпа — просто кукла, грубая тряпичная кукла. Марионетка, наделенная свойством мотаться по пространству-времени и служащая рупором для неведомого чревовещателя.

Не представляя себе, что предпринять, Бун вернулся к столу и продолжал следить за волком, увлеченно играющим с куклой, которая десять минут назад была Шляпой. И вдруг содрогнулся от озноба, возникшего глубоко в душе, и понял, что, если откровенно, испуган до смерти.

Когда он впервые попал в этот мир, то недоуменно спросил себя, в какие же диковинные дали его зашвырнуло. Теперь недоумение вернулось с удесятеренной силой — мертвящее, дистиллированное недоумение. Эта земля, это место, это состояние — неважно, какое определение точнее, — были стылыми и абсолютно

чуждыми. Непонятно, как он не ощутил с первой же минуты, что он здесь гол и беззащитен против угрозы, суть которой не передашь словами. Не догадаешься, что это за угроза, пока она не проявится открыто, — и как же хорошо, что он не один, что с ним волк...

А тот прекратил валандаться со Шляпой и, глядя поверх поверженной куклы, улыбнулся Буну, подтверждая, что рад-радешенек игрушке, а еще более — общению с другом. Бун потрепал зверя по ляжке, и волк воспринял это как приглашение подойти на мягких лапах вплотную и усесться у ноги. Бун погладил компаньона по голове — волк не отстранился. И охвативший душу холод, к удивлению самого Буна, стал таять. Серый ландшафт вновь сделался серой равниной и ничем более.

И вдруг волк завыл и прижался к ноге так тесно, что Бун ощутил охватившую зверя сильную дрожь.

— Что с тобой, приятель? Что тебе не нравится?.. — Волк перешел с воя на скулеж, и тогда Бун обратил внимание, что голова зверя запрокинута вверх, к небу, которое и не небо вовсе, а серость, наваливающаяся на равнину и смыкающаяся с серостью земли. — Но там же ничего нет, ровным счетом ничего...

И еще не договорив, Бун понял, что ошибается: в серости наверху возникло что-то постороннее, медленно обретающее форму. Какой-то нечеткий и неустойчивый образ, более всего напоминающий плохо сотканный, неровно спускающийся ковер. Ковер падал, раздвигая серость, и в конце концов Бун разглядел, что это и не ковер даже, а очень крупная, разреженная сеть — и на ней две скрюченные фигурки.

Сеть приземлилась, покачнулась, и в тот же миг с нее соскочила женщина и, протягивая руки, бросилась к Буну. И он кинулся ей навстречу с криком:

— Инид!..

Они раскрыли друг другу объятия, она прижалась к нему и зарылась лицом ему в грудь, бормоча что-то беспрерывно и невнятно. Он не сразу сумел разделить ее лепет на отдельные слова, но наконец разобрал:

— ...как я рада, что нашла тебя. Я же не хотела улетать без тебя, а ты заорал, чтоб я спасала времялет. Я собиралась вернуться за тобой и совсем уже было собралась, но вмешались непредвиденные обстоятельства

— Все хорошо, — произнес он в ответ. — Теперь ты здесь, а все остальное неважно...

— Я увидела тебя, — продолжала она, поднимая к нему глаза, — увидела среди серости, и ты сам был серый, а рядом серый волк...

— А волк и сейчас здесь, — ответил Бун. — Он мой друг.

Она отступила на шаг и осмотрела его внимательно с ног до головы.

— С тобой все в порядке?

— Лучше быть не может.

— А что это за место?

— Мы на Магистрали Вечности.

— На какой планете?

— Не знаю. Я так толком и не понял.

— Какое-то странное место. И это не Земля.

— Вероятно, не Земля. Но что это и где это, не знаю.

— Ты опять ступил за угол?

— По-видимому, да. Бог свидетель, на этот раз я стремился попасть за угол изо всех сил.

Второй пассажир сети тоже слез довольно неуклюже на почву и направился к ним. У него были две ноги и две руки, и вообще он казался в общем и целом гуманоидом. Но лицо его напоминало лошадиную морду, к тому же худую и чрезвычайно унылую. По бокам удлиненной морды раструбами торчали уши. Лоб был усыпан глазами, разделенными на две кучки. Шея поражала длиной и худобой, а ноги были искривлены настолько, что гуманоид при ходьбе переваливался, как утка. На руках не было локтей, и они походили на резиновые шланги. По бокам шеи пульсировали жабры, а бочкообразное тело было сплошь усыпано бородавками.

— Познакомься, — объявила Инид, обращаясь к Буну, — это Конепес. Я не знаю его настоящего имени, вот и дала ему такую кличку, а он как будто не возражает. Конепес, познакомься, это Бун. Тот самый, о котором я рассказывала. Тот, кого мы и хотели найти.

— Рад и счастлив, что мы тебя нашли, — высказался Конепес.

— А я, со своей стороны, рад видеть здесь вас обоих, — ответил Бун. Из дома вывалился робот, балансируя подносом на голове. — Вы голодны? Видите, нам предлагают поесть...

— Я умираю от голода, — призналась Инид.

Они расположились за столом, и Бун осведомился у гуманоида:

— Это земная еда. Может статься, она тебе не по вкусу?

— В своих скитаниях, — ответствовал Конепес, — я приспособился поглощать любую еду, лишь бы она содержала питательные вещества.

— Вам я ничего не принес, — сообщил робот Буну, — поскольку вы недавно насытились. А вот волку я нарезал еще тарелку мяса. У него такой вид, словно его опять корчит от голода.

Робот опустил миску наземь, и волк немедля зарылся в нее.

— Вот обжора! — воскликнул Бун. — Волк способен слопать разом полбизона.

— Это один из тех, что слонялись подле нашего лагеря? — спросила Инид. — Один из тех, что донимали бедного старого быка?

— Ни то ни другое. Этот привязался ко мне после того, как ты улетела. Нет, даже до того — в самую первую ночь я задремал и очнулся, а он тут как тут, уселся напротив, буквально нос к носу. Я тогда не стал тебе ничего говорить, потому что думал, что мне пригрезилось.

— Расскажи мне все-все. Что случилось с монстромубийцей и с отважным старым быком?

— Тебе самой есть что рассказать, и я хотел бы послушать.

— Сначала ты. Я еще слишком голодна, чтобы много говорить. — Тем временем волк, расправившись со своей миской, вспомнил про Шляпу и с новым азартом взялся трепать его. Инид заметила это и спросила: — Слушай, что там затеял твой волк? Забавляется с чем-то вроде самодельной куклы...

— Это Шляпа. Про него я тоже тебе расскажу. Он сыграл в моей истории немаловажную роль.

— Ну так рассказывай, не мешкай.

— Сию минуту. Ты упомянула, что видела меня. Видела среди серости меня и волка рядом со мной. Не можешь ли пояснить, каким же образом ты ухитрилась меня увидеть? Как сумела узнать, где я?

— Очень просто. Я нашла телевизор. Потом объясню подробнее. Этот телевизор показывает то, что тебе

хочется увидеть. Он воспринимает твои мысли. Я подумала о тебе и увидела тебя на экране.

— Допустим, он показал меня среди серости. Но он не мог сообщить тебе, где именно я нахожусь и как меня отыскать.

— Это совершил невод, — вмешался Конепес. — Невод при всей своей внешней хрупкости есть механизм поистине чудотворный. Нет, отнюдь не механизм. Отнюдь не столь грубое и неуклюжее творение, как механизм.

— Невод соорудил Конепес, — пояснила Инид. — Сначала он создал его мысленно, а потом...

— Только и исключительно с твоей помощью, — опять перебил Конепес. — Не будь тебя, не было бы и невода. Ты держала палец на перекрестье, с тем чтоб я мог завязать последний, решающий узел.

— Звучит очень загадочно, — откликнулся Бун. — Умоляю, Инид, расскажи мне все, ничего не опуская.

— Повремени, — сказала Инид. — Сперва покончим с едой. А ты пока расскажи нам, что случилось с тобой после того, как ты скомандовал мне улетать, а на нас стремглав неслось страшилище...

Бун приступил к повествованию, стараясь излагать события как можно короче. Когда он подходил к концу, Конепес отодвинул тарелку и отер губы тыльной стороной руки. А волк, пресытившись игрой, придумал Шляпе новое применение, скомкал его и использовал как подушку, но желтых глаз не закрыл, а смотрел на сидящих за столом, изредка помаргивая.

— Если я правильно тебя поняла, Шляпа был живой? — спросила Инид.

— Его сейчас выключили, — ответил Бун. — Не знаю, как выразиться точнее. Он ведь, в сущности, марионетка. Говорящий манекен, орудие неведомого чревовещателя.

— И ты не представляешь себе, кто этот чревовещатель?

— Совершенно не представляю. Но не теряй времени, рассказывай о своих приключениях...

Когда Инид завершила изложение своей эпопеи, Бун в растерянности покачал головой.

— Многое звучит форменной бессмыслицей. Должна же существовать какая-то общая схема событий,

какая-то закономерность. Но я ее при всем желании не вижу.

— О, закономерность имеется, — возгласил Конепес. — Имеется закономерность, а равно причинно-следственная связь. Судьба свела нас троих вместе с сундуком, каковой я нашел на розово-багровой планете...

— Ты украл сундук, — поправила Инид сурово. — Не нашел, а украл. Я-то прекрасно знаю, что украл.

— Хорошо, пусть украл, — согласился Конепес. — А возможно, позаимствовал. Сие есть более мягкий термин, во всех отношениях более приемлемый.

Он спрыгнул со стула и отправился ковыляя обратно к неводу. Пока он лазал там по прутьям и возился с сундуком, Бун успел задать давно напрашивавшийся вопрос:

— Ты хоть догадываешься, кто он такой?

— Создание в высшей степени удивительное, — ответила Инид. — Не имею понятия, кто он и откуда взялся. Но у него есть грандиозные идеи и даже, пожалуй, кое-какие знания, правда, абсолютно нечеловеческие.

— Но можно ли ему доверять?

— Ничего определенного сказать не могу. Побудем с ним рядом, понаблюдаем и решим.

— Волк вроде бы не испытывает к нему неприязни. Не уверен, что он нравится волку, но, по крайней мере, неприязни не видно.

— А волку ты доверяешь?

— Когда я застрял в той расщелине, он мог бы запросто сожрать меня. Я был не в силах ему помешать. С припасами у нас было туго, и он был голоден. Но ему, по-моему, даже в голову не приходило, что я съедобен...

Конепес приплелся обратно к столу, согнувшись под тяжестью сундука, с грохотом сбросил его на землю и объявил:

— Однако теперь увидим что и как.

— Уж не хочешь ли ты сказать, — спросила Инид, — что сам не ведаешь о том, какие сокровища в сундуке?

— О, ведать я ведаю. Однако не известны мне ни форма содержимого, ни облик его, ни как именно его применять.

Склонившись над сундуком, Конепес отстегнул запоры. Крышка отскочила как на пружине, и изнутри

полезло какое-то пористое тесто. Тесто вздулось и поперло через край, сползая по стенкам и растекаясь вокруг — пористая масса все лезла и лезла из сундука, будто ее впихнули туда под давлением, а теперь выпустили на волю и позволили тем самым раздаться до прежнего объема.

Продолжая всходить, тесто затопило площадку-столовую и начало окутывать дом. Из двери опрометью выскочил робот, спасаясь от вторжения непонятной каши. Бун схватил Инид за руку и поволок ее прочь по колее. К ним присоединился волк. Конепес пропал из виду. А невод приподнялся сам по себе и поплыл в сторону, держась совсем низко, в нескольких футах над почвой. Отлетев на триста-четыреста ярдов, он, по-видимому, решил, что достаточно, и вновь приземлился. Волна теста докатилась до вагонетки, и та попятилась, погромыхивая и мало-помалу набирая скорость.

При этом тесто постепенно меняло вид и характер. Оно потеряло всякое сходство с цельной массой, стало еще более пористым, а точнее, ячеистым, — но вспухало неукоснительно, расползаясь по грунту и выпучиваясь вверх. Занимаемая им площадь увеличилась в сотни раз, в нем зажглись многочисленные искристые точечки, образовались участки грязноватого мрака и туманные завихрения, простреливаемые какими-то светлячками. Одни точечки возгорались ярче, другие отдалялись и тускнели. Вся масса была наполнена ощущением беспрерывного движения, изменчивости, непостоянства.

— Тебе понятно, что это такое? — спросила Инид.

Бун, конечно же, ответил отрицательно. — А куда делся Конепес? Ты его не видишь? Он что, до сих пор в этом хаосе?

— Подозреваю, что да. Он оказался таким дуралеем, что позволил хаосу поглотить себя.

Сундук стал неразличимым — его скрыла масса, ставшая теперь туманной, полупрозрачной и по-прежнему разбухающая, хотя, пожалуй, с меньшей скоростью. Теперь это был искрящийся, переливающийся мыльный пузырь.

— Вот он, Конепес, легок на помине! — глухо воскликнула Инид, указывая в глубь пузыря. И Бун тоже различил контур пришельца — контур был слабый,

расплывчатый, но Конепес упорно пробивался к людям и наконец вырвался наружу, словно из паутины.

— Это Галактика! — крикнул он, приближаясь своей ковыляющей походкой. — Объемная схема Галактики! Доводилось мне слышать о подобных схемах, однако такого размаха я не ожидал... — Он уставился на них, выпучив многочисленные глаза, а затем отвернулся и принялся тыкать своим резиновым пальцем в разные точки пузыря. — Взгляните на звезды. Одни сияют с яркостью поистине свирепой, другие столь тусклы, что их почти не видно. Обратите внимание на пылевые облака, на дымчатые туманности. А вот эта белая прямая, устремленная к центру Галактики, есть ваша Магистраль Вечности.

— Быть того не может, — отозвалась Инид.

— Однако непременно ты видишь все это своими глазами и все же объявляешь невозможным. Неужто не ощущаешь беспредельность нашей Галактики, ее упоительную мощь и славу!..

— Ладно, допустим, это Галактика, — высказался Бун. — И белую прямую вижу, но нипочем не догадался бы, что она — та самая магистраль, на которой мы находимся...

— Заверяю вас, она и есть, — настаивал Конепес. — В легендах моего народа упоминается о магистрали, бегущей среди звезд. Хотя легенды, все до одной, умалчивают о том, зачем проложена магистраль и куда она ведет. Но мы последуем ее курсом и разберемся самолично.

Бун долго вглядывался в исполинский пузырь — и чем дольше вглядывался, тем прочнее убеждался, что да, Конепес прав, схема воспроизводит спиральную галактику. По форме схема напоминала грубый овал, отнюдь не столь четкий и аккуратный, как на картинках в пособиях по астрономии. Тем не менее не оставалось сомнений, что это расширяющаяся галактика с довольно плотным ядром и отходящими от него более разреженными рукавами. Один из таких рукавов раскручивался как раз в том направлении, где стояли столики со стульями, и удивительное дело — столики были видны и сейчас, хоть и довольно смутно.

Конепес немного отодвинулся, бочком подобрался к схеме и даже ссутулился, внимательно ее изучая. А волк, напротив, вернулся к людям, подошел совсем

близко, и было заметно, что его пробирает дрожь. И неудивительно, решил Бун про себя, такие переживания испугают кого угодно. Наклонившись, он потрепал зверя по холке и произнес ласково:

— Спокойнее, дружище! Все будет хорошо. Да и сейчас все в полном порядке... — Волк прижался к Буну еще теснее, и тот вынужденно задал себе вопросы: а правду ли я говорю? могу ли я ручаться, что все в порядке? никак не могу... И обратился к Инид: — Слушай, твой Конепес говорил тебе раньше о каких-либо схемах или картах?

— Он много о чем говорил и часто невразумительно. По крайней мере, мне казалось, что невразумительно. Всего не упомню, но, пожалуй, он говорил о генетических картах, которые вживлены ему в мозг или в подсознание.

Конепес неуклюже приковылял обратно и спросил:

— Так мы намерены обследовать Галактику или нет?

— Ты имеешь в виду — полезть в эту кашу? — переполошилась Инид. — Взять и шагнуть в это месиво?

— Конечно и безусловно, — заявил Конепес. — Как же иначе сумеем мы докопаться до истины? Белая прямая ведет куда-то, и мы непременно выясним куда. Она не может быть проложена бесцельно.

— Но мы там заблудимся! — продолжала протестовать Инид. — И будем барахтаться в этой каше до Второго Пришествия...

— Зачем барахтаться, если мы станем придерживаться белой линии? Она укажет нам путь туда, а затем обратно.

— Ладно, — смирилась Инид. — Но уж если мы лезем туда, я хотела бы прихватить с собой одну вещицу...

И бросилась бегом к упорхнувшему в сторонку неводу.

По доброй воле лезть в эту туманную круговерть да еще и блуждать в ее недрах? Уж чего-чего пожелал бы себе Бун, только не такой авантюры. На первый взгляд задача казалась достаточно простой: как бы ни была обширна схема, это всего лишь изображение, пусть исполненное с искусством и техническим совершенством, немыслимыми в его родную эпоху. Но в самой идее объемной схемы из сундука чувствовалась чуже-

родность, которую Бун никак не мог переварить. Что если человек, угодивший в круговерть, завязнет в ней и не сможет выкарабкаться? Придерживайтесь белой линии, советовал Конепес, и совет был бы правильным, если бы — если бы была уверенность, что линия останется на том же месте. Разве исключено, что линия — не более чем уловка, призванная заманить добычу в неведомый капкан?

Инид вернулась и предъявила Буну черненький ящичек.

— Это телевизор, оставленный на месте пикника. Мне подумалось, что раз уж мы собираемся невесть куда, неплохо бы иметь его при себе.

— Отъявленная глупость, — заявил Конепес.

— Нет, не глупость. Телевизор показал мне, где Бун, и подсказал, как сюда попасть. Это дополнительная пара глаз, а там в месиве нам понадобятся все глаза, какие можно заполучить. Он же показывает не что попало, а то, что хочешь увидеть...

А ведь намек на дополнительную пару глаз, подумал Бун, не слишком удачен: с чисто земных позиций все именно так, как сказала Инид, но Конепес-то располагает целой кучей глаз, даже двумя кучами, и его многоглазие, вероятно, гораздо богаче человеческого зрения.

У ноги тихо заскулил волк. Напуган ты, братишка, до полусмерти, подумал Бун. И будь у меня хоть капля здравого смысла, я был бы напуган не меньше твоего...

— Ну что, ты идешь? — спросила Инид.

— А что мы там забыли? Конепес утверждает, что Магистраль Вечности ведет туда, где нам надо побывать. Так чего же проще: сядем на вагонетку и покатим, не пропуская ни одной станции...

— Не смеши меня, — отрезала она. — Вагонеткой и за тысячу лет никуда не доедешь. Нет уж, когда надумаем двинуться отсюда, то используем невод, для которого ни время, ни расстояние ничего не значат.

— Это все прекрасно, — заметил он, по мере сил оттягивая момент, когда придется лезть в безумную круговерть, — но знаем ли мы, куда лететь?

— Ну разумеется, к бесконечникам, — объявила она. — На их родную планету. Не будем забывать, с чего все началось...

Право же, не произнеси Инид этого слова, Бун о бесконечниках, наверное, и не вспомнил бы. С тех пор

как он в последний раз слышал о них, для него миновало столько эпох и событий! Но уж, конечно, если кому-то держать их в памяти, то Инид, а не ему: она же веками пряталась от олицетворяемой ими угрозы.

— Устремиться на поиски бесконечников? — переспросил он. — В первый раз об этом слышу. До сих пор мне казалось, что ваша семья скрывается от них как только может, да и мы с тобой еле унесли ноги от подосланного ими монстра-убийцы...

— Хорошенько подумав, — сказала она, — я пришла к выводу, что нельзя всю жизнь прятаться. Гораздо правильнее самим разыскать их. У нас теперь есть невод, и с нами Конепес. Вероятно, найдутся и другие, кто поможет нам помериться с ними силами.

— Вот уж не догадывался, — заметил он не без иронии, — что ты такая воинственная...

— Следуете вы со мной или нет? — осведомился Конепес довольно резко. — Если мы вновь оседлаем невод, надо хотя бы знать, к чему готовиться. Схема способна дать нам наводящие указания.

— А ты уверен в точности этой схемы? — спросил Бун. — Откуда тебе известно, что она безошибочна?

Действительно, разве земные составители карт не грешили в древности вопиющей беспечностью и не наносили на них сведения мифические, а то и подсказанные собственным разыгравшимся воображением?

— Ручаюсь честью, — провозгласил Конепес. — Конструкция схемы осуществлена информированной расой, которая знала безупречно то, о чем берется судить.

— Ты встречался с этой расой?

— Я наслышан о ней. О ней мне поведал дедушка, когда я сиживал у него на коленях, и сказания моего племени поминают ее многократно.

Бун бросил взгляд на волка — тот больше не жался к ногам. Пришлось поискать зверя глазами, и оказалось, что волк опять подобрал Шляпу и уселся поодаль на колее, ухватив куклу зубами. Волк явно не собирался сопровождать их в странствиях по схеме, а тащить его в туманный хаос силком не было никакого резона.

— Ладно, волк, — произнес Бун, — жди меня здесь, никуда не отлучайся...

Двое других уже направились к схеме — Конепес впереди, Инид следом. Бун поспешил догнать их.

Внутри схема выглядела словно забитая паутиной, с той оговоркой, что паутины в ней как раз и не было. И вообще ничего материального не было. Как только Бун вступил в пределы тумана, он перестал ощущать почву под ногами. Словно он шел по пустоте — или, вернее, словно ноги внезапно омертвели и больше не чувствовали, куда их ставят.

Совсем рядом вспыхнул большой красный шар, и Бун нырнул, уклоняясь от столкновения, но тут же налетел на другой ослепительный шар, блистающий, как голубой алмаз. И прежде чем успел увернуться еще раз, угодил прямиком в центр алмаза. И... не испытал ничего — ни жары, ни хотя бы соприкосновения с каким-то телом. Он нервно хохотнул: звезды оказались зримыми, но неопасными. Увильнув от красного гиганта, он вмазался в еще более горячую голубую звезду — и ничего. Но неужели эта схема отображает каждую звездочку, каждое облачко газа, каждый завиток пыли во всей Галактике? Как хотите, такого не может быть. Помнится, он читал где-то давным-давно, что Млечный Путь насчитывает более ста миллиардов звезд. Ну как могли вместиться эти миллиарды в какую бы то ни было схему? Даже если уменьшить более мелкие звездочки до размера песчинок, весь объем оказался бы закупорен так плотно, что о прогулках по схеме не могло быть и речи. Вот и верь конепесьим заверениям, что схема точна и безошибочна...

— Следи за белой линией, — напомнил Конепес, легок на помине. — Она на высоте твоих бедер справа от тебя.

Бун опустил глаза — и правда, неподалеку тянулась белая ниточка, спасительный тросик, ведущий обратно в мир серости, где его ждет верный волк с обмякшим, изжеванным Шляпой в зубах. Где стоит домик с очагом, а вблизи него робот, который не откажется накормить их снова, если, конечно, им суждено выбраться из этой звездной трясины.

Нет, не верю, сказал себе Бун. Не верю ни единому слову хитрой конепесьей морды. Не принимаю его объяснений, не могу и не хочу принимать! А вокруг просто-напросто мираж, галлюцинация...

Но вокруг был не просто мираж. Бун шел, не понимая, на что ставит ногу, по пространству не только иллюзорному, но и воображаемому, заполненному бли-

стающими звездами, потоками пыли и газа, — все это можно было рассматривать, но нельзя ощутить, нельзя пощупать. И было здесь еще кое-что — звук. Звезды пели — он слышал музыку сфер, шипение водорода, чечетку радиации, хоралы времени, гимны пространства, глухой шум пыли, торжественную песнь бесконечной пустоты. Ужаснее всего было сознавать, что ни звуков, ни образов в действительности нет, а есть в лучшем случае колдовская подделка под реальность, воспроизведение инопланетных отвлеченных концепций.

Тут он заметил, что опять отстал. В дымке впереди он еле различал Инид, а Конепес скрылся из виду вообще. Как долго мы уже торчим здесь? — спросил он себя. Несколько часов? Но это же смешно — схема, в которую их затащили, в диаметре не превышала шестисот-семисот футов.

Он ринулся вдогонку за Инид, не пытаясь больше уклоняться ни от звезд, ни от паутинных завихрений газа, поскольку удостоверился в конце концов, что их можно не опасаться. Однако, невзирая на полное отсутствие реальных препятствий, что-то все же мешало, тормозило движение, будто он предпринял отчаянную попытку идти вброд против бурного потока.

Над головой мрачной стеной нависло облако особенно густой пыли, и Бун, прекрасно понимая, что никакой пыли на самом деле нет, все же пригнулся, норовя поднырнуть под нее. И как выяснилось, недаром: облако было неощутимым, но спускалось ниже, чем казалось поначалу, и он внезапно ослеп. Звезды разом выключились, он нырнул в непроглядную стену мрака — а ноги по-прежнему несли его вперед, ни на что не опираясь и преодолевая сопротивление неведомого встречного потока.

Но когда он вырвался из мрака, вокруг разлилось море света, много более интенсивного, чем прежде. Источником света была ослепительно яркая звезда справа, затуманенная по краям. Инид, оказавшись где-то рядом, произнесла:

— Новая звезда. Или даже сверхновая. Только она совершенно скрыта за пылью, и с Земли ее не заметить.

В ту же минуту Бун приметил еще одну звезду, настолько близкую, что протяни руку — дотронешься. Небольшая слабенькая желтая звездочка, она не привлекала бы внимания, если бы кто-то — но кто же? —

не обозначил ее аккуратным крестом. Словно этот кто-то взял маркер и начертал опознавательный знак, отличающий данную звездочку от всех остальных в Галактике, с тем чтобы каждый ее увидевший сразу распознал в ней нечто особенное.

— Бун, что с тобой? — осведомилась Инид. — Что на тебя нашло?

Он не ответил, но медленно обошел звезду по кругу, глядя на нее под разными углами. И по мере его движения крест перемещался вслед за ним. Довольно было изменить позицию, и крест менял позицию соответственно. Крест метил звезду, с какого направления ни взгляни, — совершенно немыслимая иллюзия...

— Конепес умчался вперед, — продолжала Инид, ухватив Буна за руку. — А главное, где белая линия? Мы потеряли линию! Ее нигде не видно... — В голосе женщины звучала паническая нотка, и он среагировал, повернулся: она озиралась по сторонам, но белая нить действительно пропала и не появлялась. — Нет ее, и все тут! Мы слишком торопились, и вокруг столько чудес... Что теперь делать?

Бун пожал плечами:

— Пойдем назад по своим следам, поищем и наверняка найдем.

Но в душе он был в этом далеко не уверен. Линия была такая тонкая, такая малоприметная — удастся ли отыскать ее без конепесьих глаз?

Невдалеке повисла огромная белая звезда, бешено вращающаяся вокруг своей оси, а вокруг крутилась звездочка помельче, тоже белая и яркая, но не идущая ни в какое сравнение с переменчивым величием своей повелительницы. Меньшая звездочка бежала по орбите с такой скоростью, что казалась смазанной, и меж двумя светилами сверкающей лентой перетекала энергия — от большей звезды к меньшей. Звезда типа B, решил Бун, в компании белого карлика.

— Нельзя нам назад, — посетовала Инид. — Сейчас поворачивать никак нельзя. Надо идти вперед, туда, где Конепес. Он поможет нам вновь обнаружить линию...

Женщина устремилась вперед, он за ней. Впечатление было такое, что они карабкаются вверх по крутому склону. Ну что за чепуха, попрекнул себя Бун, какие могут быть склоны в Галактике? Под ногами, на уровне щиколоток, кружились завитки пыли, звездная россыпь

вокруг стала еще гуще, и в ней попадалось много надменных багровых чудищ.

Положительно не оставалось сомнений, что они лезут на крутую высокую гору. Склон был нескончаемым, но наконец они достигли вершины, и сразу за вершиной нашелся Конепес. Тощий и сутулый, он стоял недвижно, вперившись всеми своими глазами в пространство перед собой. А там лежала тьма, и не просто тьма, а тьма взвихренная, опоясанная прерывистыми вспышками.

— Водоворот! — выдохнула Инид. — Оно вращается! Ни дать ни взять — водоворот!..

— Перед нами ядро Галактики, — объявил Конепес. — Сие есть центр всего сущего. Огромная черная дыра, пожирающая Вселенную. Конечная фаза мироздания.

Дул сильный ветер — хотя откуда бы здесь быть ветру? Ветер нес с собой безучастный озноб пустоты, ледяной поцелуй смерти. Буна поразила мысль, что так ощущается черная изморозь Времени, ощущающего свой крах, но пытающегося удрать от всеобщей гибели в центре «водоворота».

— Но погоди, — осмелилась возразить Инид, — допустим, конечная фаза, но чего? Ты сказал — мироздания. Как это понимать? Может, ты хотел сказать — конец данной Галактики? Но она не единственная, галактикам несть числа...

— Вероятно, есть истинно осведомленные, однако я лично к ним не принадлежу, — объявил Конепес. — В составе моего племени не было личностей, способных дать тебе исчерпывающий ответ.

— А те, кто придумал всю эту музыку? Те, кто сконструировал эту схему?

— Возможно, им был известен ответ, а возможно, и нет. Не исключаю, что точный ответ леденит душу. Или точного ответа не существует в принципе.

— Ну и черт с ним, — вмешался Бун. — Я возвращаюсь назад.

— Не получится, — напомнила Инид. — Мы же потеряли линию. Помнишь белую путеводную линию? Мы ее потеряли!..

— Линию? — пробормотал Конепес всполошившись. — Ты сказала — мы потеряли линию? Я совсем и совершенно забыл о ней...

— Мы тоже, — только и ответила Инид.

— Да не такая уж это серьезная проблема! — воскликнул Бун. — Схема, как бы обширна она ни была, занимает в поперечнике не более двух, от силы трех миль. Там на колее, которую почему-то называют Магистралью Вечности, у меня сложилось впечатление, что диаметр схемы — в пределах нескольких сот футов. Пойдем по прямой в любом направлении и вскоре выберемся наружу...

Конепес неожиданно повысил голос:

— Однако тут никаких прямых не имеется! Имеются скрученные витки, чреватые обманом чувств.

— Ты сам шел к центру по прямой, — не сдавался Бун. — Ты убежал от нас, мы следовали за тобой. И ты попал туда, куда стремился, безо всяких витков...

— Верно и правильно, — подтвердил Конепес. — Я прибыл к центру. Доводилось мне слышать легенды. Центр представляет великий интерес, и интуиция подсказала мне путь. Давным-давно я слышал про черное ничто в центре, и вот...

— В этом нет ничего нового, — сказал Бун. — Даже в мое время люди уже знали о центрах галактик и о том, что в большинстве из них наблюдаются значительные завихрения. Была и гипотеза, что центрами галактик являются черные дыры, так что...

— Препирательства ни к чему не приведут, — вмешалась Инид. — Нам надо найти белую линию.

— Обойдемся, — заявил Бун. — Выберемся и без линии. Все, что требуется, — идти по прямой, и в конце концов мы неизбежно достигнем края схемы.

— Ты не внимал моим словам, — упрекнул Буна Конепес. — Я уже подчеркивал, что прямых, на которые ты возлагаешь надежды, здесь не имеется. Все перекручено, переплетено в лабиринт величайшей сложности...

— Ты что, считаешь, что нам отсюда не выбраться?

— Отнюдь не считаю. Если блуждать достаточно долго, то мы окажемся вовне. Однако сие не есть простая задача.

Чушь какая-то, рассердился Бун про себя. Что бы ни толковал длинномордый про лабиринты и обманы чувств, задача простенькая. Но довольно было оглянуться, чтобы осознать хотя бы отчасти, что имел в виду Конепес. По каким приметам держать курс? Вокруг слишком много примет — и ни одной звезды, ни одного туманного светлячка, ни одного вихревого затемнения, отли-

чимых от других точно таких же. И на всем вокруг печать мглистости, печать искаженности.

Будто подслушав его мысли, Инид спросила:

— Неужели нет ничего, что тебе запомнилось четко?

— Почему нет? Есть. Звезда, помеченная крестом.

— Крестом?

— Вот именно, крестом. Будто кто-то нарисовал на ней крест специально. А в любом другом смысле звезда — самая что ни на есть обыкновенная. Звезда главной последовательности. Желтая. Вероятно, типа G, как наше Солнце.

— Почему же ты мне о ней ничего не сказал?

— Просто вылетело из головы, когда ты объявила, что мы потеряли белую линию.

— А ты сама звезды с крестом не видела? — осведомился у Инид Конепес.

— Нет, не видела. Кому это взбрело в голову метить звезды крестами?

Конепес повернулся к Буну:

— Больше ничего особенного не припоминаешь?

— Нет. В сущности, нет.

— Позволю себе упростить нашу задачу. Я пребывал здесь с тех самых пор, как добрался сюда. Пребывал, не трогаясь с места, вглядываясь в черную дыру. Когда вы двое вышли ко мне, стоял ли я к вам спиной?

— Совершенно верно, спиной, — подтвердила Инид.

— Тогда все поистине элементарно. Я развернусь на сто восемьдесят градусов, и мы двинемся отсюда под уклон.

Буну оставалось только пожать плечами. Это было действительно элементарно, слишком элементарно. А привходящие факторы, о которых сам же Конепес и твердил? Но никаких других предложений у Буна не было, и он согласился:

— Можно и так, хуже не будет...

Они двинулись под гору все втроем. Идти стало легче, встречное течение больше не мешало. Бун по-прежнему не чувствовал тверди под ногами, и звезды по-прежнему вели свою заунывную песнь, но теперь он не обращал на это внимания. Он не снизил скорости и тогда, когда склон остался позади. Ему хотелось одного — как можно скорее выбраться из этой путаницы иллюзий. И вдруг Инид, шедшая следом, воскликнула:

— Вот она, наша линия! Я вижу ее снова!..

Бун обернулся. Двое других замерли недвижно, завороженно глядя на линию. Он тоже видел белую нить совершенно ясно, но оказался по другую сторону от нее, и не оставалось сомнений, что он пересек ее не заметив. Переступив назад, он присоединился к созерцающим спасительную линию. А Инид все не могла успокоиться:

— Она выведет нас в точности туда, где мы были! Как здорово, что мы нашли ее!..

— Вполне логично, что нашли, — попробовал перебить ее Бун. — Мы двигались по прямой...

— Прекрати настаивать на прямых, — вмешался Конепес. — Я втолковывал тебе и втолковывал...

Бун не стал вслушиваться в очередную отвлеченную тираду. Бросив взгляд на склон, оставшийся позади, он внезапно увидел и узнал блистательную новую или сверхновую, которой они с Инид любовались на пути к центру, а рядом маленькую желтую звездочку. Не сводя с нее глаз, он устремился в том направлении.

— Ты куда? — окликнула его Инид.

— Пойдемте со мной, — бросил он не оборачиваясь. — Пойдемте, и я покажу вам звезду с крестом.

В общем-то, столь решительно приглашать их следовать за собой было глупо: может, это была вовсе не та звезда. Желтых звезд в Галактике видимо-невидимо, они попадаются на каждом шагу. Но тревога оказалась необоснованной — звезда была та самая, помеченная крестом.

— Звезда особого значения, — изрек подоспевший Конепес. — Иначе зачем бы ее метить?

— А по виду ничем не отличается от миллиона звезд ее класса, — сказал Бун. — То-то и странно. Я, признаться, побаивался, что мои глаза подвели меня. Все желтые звезды так похожи друг на друга...

— Возможно и вероятно, что значима вовсе не звезда, — предположил Конепес. — Возможно, что у звезды есть планета и именно планета обладает значимостью. Однако усмотреть планету мы не можем.

— Одну минутку. А что, если можем?.. — Инид подняла свой заветный черный ящичек и навела его на меченую звезду. И в тот же миг ахнула: — Ты угадал, Конепес. Там есть планета.

Встав у нее за плечом, Бун уставился на экран. Да, на экране была планета, она росла, приближаясь с

каждой секундой, и вскоре стала видна поверхность — и то, что на поверхности.

— Город! Планета есть город! — возгласил Конепес. С экрана к ним тянулись огромные высоченные здания. Конепес понизил голос, но не скрыл ликования: — Вот куда проляжет наш путь! Вот на что указует белая линия!..

— А что потом? — поинтересовалась Инид.

Конепес ответил вопросом на вопрос:

— Однако откуда мне знать?

Инид опустила телевизор, экран погас.

— Поспешим же, — пригласил Конепес. — Поспешим, придерживаясь линии. А затем оседлаем невод...

— Погоди-ка, — осадил инопланетянина Бун. — Это следовало бы обсудить не торопясь. Обмозговать все толком...

Но Конепес, не дослушав, уже бросился вдоль белой линии неуклюжим галопом. Бун взглянул на Инид, и она отозвалась:

— Ты, конечно, прав. Это надо обмозговать...

— А сперва надо вырваться отсюда, — поставил точку Бун.

Они шли медленнее, чем Конепес, хоть им и не терпелось избавиться от миражей галактической схемы. И вот впереди слабо забрезжила серость, потом наметились очертания домика, проступили контуры столовой на вольном воздухе. А чуть позади столов и стульев — силуэты волка и замершего рядом с ним плоскоголового робота.

Наконец Бун ощутил под ногами твердую почву и понял, что схема осталась позади. Подойдя к волку, он спросил:

— Ну как поживаешь, старина? Что тут новенького?

Волк сидел степенно, не шевелясь, а перед ним на земле валялся недвижный, истерзанный Шляпа. Инопланетянина нигде не было видно. Впрочем, присмотревшись, Бун заметил вагонетку, бегущую по колее прочь от домика, и в вагонетке сидел пассажир.

Глава 10

ТИМОТИ

Люк откинулся наружу и превратился в трап. Хорас направился было к выходу, но задержался, едва перенеся ногу через порог. Эмма, следующая за ним по пятам, пронзительно взвизгнула:

— Куда мы попали?

— Не знаю, — бросил Хорас. — Спросить тут не у кого.

Сам-то он поставил бы первый вопрос иначе: не «куда», а «в какую эпоху». Кори себя — не кори, а такому опытному пилоту полагалось бы справиться с задачей получше. Конечно, ситуация сложилась кризисная, и все же он мог бы успеть проложить курс. Допустим, на то, чтобы тщательно продумать все до мелочи, как он привык, времени действительно не оставалось. Но бросаться куда попало, лишь бы удрать от кровожадного страшилища, наседающего на пятки, — нет, это все равно непростительно.

Не то чтоб я и впрямь перепугался, разъяснял он себе. Я всего лишь уступил здравому смыслу, требующему уносить ноги как можно скорее. Знаю, что обо мне говорят разное. Что я самодоволен, а подчас, может быть, и напыщен. Что я упрям, но в большинстве случаев упрямство — добродетель, а не порок. Что я кон-

сервативен, а вернее, осмотрителен и не расточителен. Одного обо мне никак нельзя сказать — что я трус.

В конце концов, продолжал он рассуждать сам с собой, все шло как по маслу до того злополучного дня, когда на сцене объявились эти двое из двадцатого столетия. Впрочем, более чем вероятно, что виновны тут не они, а Мартин. Мартину следовало бы знать, что происходит. А он, очевидно, не знал, даже не догадывался ни о чем до тех самых пор, пока Коркоран не предупредил его, что кто-то рыщет по Лондону, расспрашивая о поместье Гопкинс Акр. И как этот Мартин поступил тогда? Не придумал ничего лучшего, чем удрать вместе со Стеллой. Стало быть, это Мартин спраздновал труса. Придя к такому выводу, Хорас вмиг почувствовал себя лучше. Он нашел, на кого возложить вину, а следовательно, он лично ни в чем не виноват.

Он спустился еще на два-три шага, но предпочел оставаться на трапе на случай вынужденного поспешного отступления.

Ковчег лежал на склоне холма близ самой вершины. Внизу виднелась долина, где раскинулось черным пятном приземистое одноэтажное сооружение со множеством несуразных угловатых пристроек, будто оно многократно переходило из рук в руки и каждый новый хозяин считал своим долгом присобачить к нему что-нибудь как заблагорассудится. Хорас довольно долго рассматривал нелепый многоугольник, прежде чем его осенило: это же один из монастырей, возведенных бесконечниками! В сущности, они не были монастырями в прямом смысле слова, но люди прозвали их так потому, что сами бесконечники внешне напоминали низкорослых и к тому же прихрамывающих монашков.

В долине ничто не шевелилось, там не было ни души. Отдельные пятна травы, убогие кустики, но ни единого деревца, хотя сохранившиеся трухлявые пни свидетельствовали, что некогда деревья здесь были. Солнце пряталось за тяжелыми тучами, но вот тучи на мгновение разошлись, и тогда по вершинам окрестных холмов и над ними в небе вспыхнули мириады искр, словно кто-то завесил весь небосвод сверкающей мишурой.

За спиной Хораса послышался голос Тимоти.

— Вот видишь, — произнес Тимоти тихо, почти обыденно, — что осталось от миллионов, составлявших человечество. Каждая из этих искорок — бестелесное

существо. Каждой указано определенное место, где она и пребудет теперь во веки вечные...

— Откуда тебе это известно? — взъярился Хорас, ужасаясь жуткому зрелищу, но и любуясь им. — Разве ты видел хоть одно бестелесное существо?

— Я видел нашего братца Генри. Генри представляет собой рой таких искр, но ведь он не достиг полной бестелесности. Достигни он этой стадии, он тоже стал бы одной-единственной искрой, а не скопищем искр, как сейчас.

А Тимоти, наверное, прав, невольно подумал Хорас. Тимоти часто бывает прав, до отвращения часто...

— Если я правильно читаю показания приборов, — сказал Тимоти, — мы очутились в будущем, примерно через пятьдесят тысяч лет после времени, из которого бежали.

— Значит, бесконечники победили, — отозвался Хорас. — Таков уготованный нам конец. Мы, люди, не сумели остановить их.

Эмма, стоящая позади у шлюза, крикнула:

— Эй, вы двое, посторонитесь! Колючка хочет выйти. Трап слишком узок, вы с ним не разминетесь.

Хорас быстро обернулся через плечо. Колючка, удивительно похожий на запущенного волчком дикобраза, уже катился по трапу. Хорас поспешно спрыгнул на землю, Тимоти за ним. А Колючка весело понесся вниз по склону.

— Помяни мое слово, он прикатит куда не надо и затеет какую-нибудь канитель, — заявил Хорас. — От него всегда одни неприятности. Бесконечники из монастыря нас пока еще не заметили...

— Может, и заметили, — возразил Тимоти. — А может, бесконечников там уже и нет. Судя по зрелищу над холмами, они завершили свою миссию и отбыли восвояси. Это же, вероятно, лишь один отряд бестелесных, а по миру таких отрядов — великое множество.

— Мы слишком долго оттягивали отъезд, — посетовала Эмма, подходя к ним поближе. — Нам следовало бы улететь давным-давно. Тогда бы мы спокойно выбрали время и место назначения, а не стартовали наобум, не ведая, куда нас занесет.

— Лично я, — объявил Тимоти, — возвращаюсь назад при первой возможности. Я сделал ошибку, что улетел вместе с вами, оставив все свои книги и записи...

— Что-то ты не слишком мешкал при отъезде, — холодно заметил Хорас. — Бежал так, что чуть не сшиб меня с ног. Перепугался до полусмерти.

— Не перепугался, а разве что встревожился. Инстинктивная защитная реакция, не более того.

— Мы не успели похоронить Гэхена, — напомнила Эмма. — Просто стыд, но мы его так и бросили на носилках у открытой могилы.

Колючка скатился с холма и безбоязненно, не снижая скорости, устремился к стенам монастыря. На солнце набежали новые пушистые облака, и алмазная россыпь искр, венчающая холмы и взмывающая в небо, слегка потускнела. Тимоти произнес задумчиво:

— Песчинки разума. Философы размером с пылинку. Теоретики в миниатюре, погрязшие в мечтах о величии. И никаких тебе забот, никаких физических отправлений, лишь отточенная работа мысли...

— Да заткнись ты! — завопил Хорас.

На холме над ними что-то хрустнуло. Сверху сорвался, подпрыгивая, некрупный камешек. Все трое разом повернулись на шум, и что же? С холма спускался робот. Его металлический корпус тускло поблескивал в слабом солнечном свете. Одна рука у робота была занята — он нес на плече топор с длинной рукоятью, а другая поднялась в церемонном приветствии.

— Добро пожаловать, люди, — произнес робот глубоким басом. — Давненько мы не встречали никого из вас.

— Мы? — переспросил Хорас. — Ты здесь не один?

Робот спустился еще немного, с тем чтоб оказаться ниже людей, а тогда уже позволил себе встать к ним лицом и ответил:

— Нас много. Весть о вашем прибытии распространяется быстро, и другие спешат следом за мной, благодарные людям за появление.

— Разве здесь нет других людей?

— Есть, но мало, очень мало. Люди рассеяны, люди прячутся. Одна группа здесь, другая там. И даже маленьких групп немного. Нас, роботов, тоже становится меньше. И мало кому из нас выпадает теперь честь служить человеку.

— Чем же вы занимаетесь?

— Рубим деревья, — ответил робот. — Валим, сколько можем. Но деревьев много, срубить их все мы не в силах.

— Не понимаю, — заявил Тимоти. — Хорошо, вы валите деревья, а дальше что?

— Складываем их в кучи, а когда высохнут, поджигаем. Уничтожаем бесследно.

Сверху тяжелой поступью спустился еще один робот и встал плечом к плечу рядом с первым. Опустив свой топор наземь, он оперся на рукоять и заговорил, словно это он, а не первый робот, беседовал с людьми и теперь продолжает:

— Работа изнурительна, ибо мы лишены чудесных трудосберегающих механизмов, некогда изобретенных людьми. В прошлом среди нас были роботы с технической подготовкой, но их не осталось. Когда люди решили свести свою жизнь к умственному самоусовершенствованию, такие роботы стали не нужны. Люди сохранили лишь самых простых роботов — садовников, поваров и прочих в том же роде. Только такие и были на Земле к тому дню, когда сами люди принялись исчезать.

С холма потоком посыпались новые и новые роботы, каждый с каким-либо инструментом на плече. Они появлялись поодиночке, парами и тройками — и дисциплинированно выстраивались позади тех двух, что беседовали с людьми.

— Но объясните мне, — настаивал Тимоти, — что плохого сделали вам деревья? Зачем вам понадобилось уничтожать их да еще с таким самоотверженным упорством? Древесину вы не используете, да и причин ссориться с деревьями у вас не было и нет.

— Они наши враги, — объявил первый робот. — Мы воюем с ними за свои права.

— Ты мелешь чепуху! — не сдержавшись, заорал Хорас. — Какие они вам враги? Скромные, непритязательные деревья...

— Вы наверняка осведомлены, — вновь вмешался второй робот, — что, как только люди исчезнут, а они уже почти исчезли, деревья хотят унаследовать главенство на Земле.

— Слышал я что-то в этом роде, — сказал Тимоти. — Досужие разговоры, чисто умозрительные. Я, признаться, не обращал на них особого внимания, хотя

наша сестренка Инид находила идею очень привлекательной. По ее мнению, деревья, добившись господства, не будут агрессивными и не станут притеснять другие формы жизни.

— Все это вздор! — не снижая голоса, вопил Хорас. — У вашей Инид, всем известно, в голове полная каша. Деревья неразумны, у них нет даже зачатков разума. Деревья ровным счетом ничего не могут. Стоят себе и растут потихоньку. Растут, а потом падают и гниют, только и всего.

— Есть волшебные сказки, — вставила Эмма донельзя застенчиво.

— Сказки — тоже чушь! — не унимался Хорас. — Все это сплошная чушь, в которую может поверить разве что глупый робот...

— Мы отнюдь не глупы, сэр, — обиженно произнес второй робот.

— Вероятно, — догадался Тимоти, — ваша враждебность по отношению к деревьям связана с убеждением, что наследниками людей должны выступить вы, роботы.

— Ну конечно же, так! — воскликнул первый робот. — Вы поняли и сформулировали совершенно точно! Это же логично, что именно нам суждено занять место, покинутое людьми. Мы приложение к человечеству. Мы созданы по образу и подобию человека. Мы думаем, как люди, и наше поведение копирует человеческие образцы. Стало быть, мы и есть законные преемники людей, а у нас обманом вымогают наше наследство...

Эмма сказала:

— Колючка возвращается. И не один, с ним еще кто-то.

— Не вижу, — огрызнулся Хорас.

— Они у дальнего угла монастыря. Тот, что с ним, размером больше его. Сам он кувыркается рядом. И они направляются к нам сюда...

Прищурив глаза, Хорас в конце концов разглядел дуэт, о котором говорила Эмма. Колючку он опознал немедля по его хаотичным прыжкам, а вот спутника его определил не вдруг. Потом в слабых лучах солнца что-то блеснуло, и сомнениям пришел конец. Паутина и единственный горящий глаз были узнаваемы даже издали.

— Монстр-убийца! — вскричала Эмма. — Колючка играет с монстром-убийцей! Он готов играть с кем угодно...

— Да вовсе он не играет, — прошипел Хорас, задохнувшись от возмущения. — Он пасет монстра, направляет страшилище в нашу сторону!

Внезапно он заметил, что число роботов на склоне уменьшилось. И продолжало уменьшаться. Строй роботов рассыпался прямо на глазах: они не суетились и не спешили, а просто уходили поодиночке, парами и тройками, как пришли, — вверх, за вершину холма. Он обернулся к Тимоти и спросил:

— Какие ружья ты клал в наш ковчег?

— Я? Никаких. Ты позаботился об этом лично. Разграбил всю коллекцию, не сказав мне ни слова. Просто цапнул ружья в охапку и утащил, словно они твои.

— Роботы покидают нас! — взвизгнула Эмма. — Они удирают и не окажут нам помощи!

— А я на них и не надеялся, — хмыкнул Хорас. — Малодушные твари. На них ни в чем нельзя положиться. — Он решительно шагнул вверх по трапу. — Мне кажется, у нас есть винтовка типа тридцать—ноль шесть. Хотелось бы что-нибудь еще более крупнокалиберное, но патроны с мощным зарядом, так что уложат кого угодно.

— Самое лучшее, — всхлипнула Эмма, — залезть обратно в ковчег и улететь...

Тимоти ответил резко:

— Нельзя улетать без Колючки. Он один из нас.

— Из-за него, — кисло возразила Эмма, — мы опять угодили в передрягу. Из-за него одни неприятности.

Склон ниже ковчега совсем опустел, роботов как не бывало. Ну и ладно, сказал себе Хорас, быстро оглядываясь по сторонам. Что от них проку, даже если б остались! Пугливая куча железок...

А монстр, ведомый Колючкой, все приближался. Странная парочка уже покрыла, пожалуй, половину расстояния от монастыря до подножия холма.

Хорас взбежал по трапу внутрь ковчега. Оружие оказалось там, где он и рассчитывал его найти, — ружейные дула торчали из-под кучи одеял. Дробовик и винтовка 30 — 06. Он схватил винтовку, передернул затвор. Патрон был в патроннике, да и магазин полон.

Тут до него донесся какой-то невнятный шум, мягкий топот бегущих ног, перестук потревоженных камешков, прыгающих по склону. Хорас продолжал осматривать винтовку, но шум нарастал, усиливался. По корпусу времялета с громким лязгом садануло что-то увесистое. Снаружи донесся истошный крик Эммы, однако слов было не разобрать.

Тяжело развернувшись, Хорас метнулся к люку. Теперь снаружи доносились не только завывания Эммы, но и грузная поступь множества ног, глухой гул тяжелых предметов, брошенных на землю с размаху. Монстр? Нет, это никак не монстр: когда Хорас нырял в кабину, монстр вкупе с ослушником Колючкой находился еще слишком далеко на равнине.

Как только Хорас выпрямился на трапе, перед ним раскрылась картина, на первый взгляд полностью бессмысленная. Роботы вернулись, сотни роботов толклись на склоне, и не с пустыми руками. Одни тащили бревна, сбрасывали их в определенных местах и без промедления опять бросались вверх за новой ношей. Другие были вооружены лопатами, ломами, кувалдами и топорами и яростно трудились, разбрасывая грязь на многие ярды вокруг.

На холме появилась вереница глубоких ям, и самые длинные бревна вколачивались в ямы под острым углом к склону. Бревна покороче отесывались сверкающими плотницкими топорами и превращались в квадратные брусья. Коловороты впивались в древесину, высверливая дыры для массивных деревянных же крючьев, а затем бригады роботов с натугой поднимали брусья с крючьями и пригоняли друг к другу, собирая из них нечто совершенно несуразное.

Тимоти тихо прокомментировал:

— Понимаете ли вы, что видите? Мы стали свидетелями возведения оборонительной линии в древнеримском стиле. Низкие фланговые укрепления и рвы перед каждым фортом, причем сами форты размещены так, чтоб обороняющиеся могли поддерживать друг друга. Конструкции с крючьями — это катапульты, предназначенные для отражения вражеских атак. Вся система защиты будто скопирована с классической римской модели. Хотя, на мой взгляд, роботы даже перестарались.

По всей цепочке холмов, опоясывающих долину с монастырем в центре, были видны такие же бригады,

работающие не на страх, а на совесть. Там и сям к небу поднимались струйки дыма — роботы разводили костры. Судя по внешним признакам, легион роботов решил окопаться здесь всерьез и надолго.

— Не верится, что роботы изучали древнюю историю, — произнес Тимоти. — История Римской империи в нынешние времена — не более чем щепотка праха в рассеянных ветром горах исторической пыли. Но те же идеи, те же фортификационные принципы действительны ныне так же, как в отдаленные тысячелетия...

— Но зачем? — вопросила Эмма, как всегда, визгливо. — Зачем они затевают такое против нас?

— Не против нас, дура! — закричал Хорас в ответ. — Они выступают за нас. Думают нас защитить. Хотя мы в этом не нуждаемся. — Подняв винтовку над головой, он потряс ею в воздухе. — Мы в состоянии сами защитить себя без их вмешательства.

Внизу у подножия холма образовался маленький смерч, шныряющий зигзагами то туда, то сюда.

— Смотрите-ка, — сказал Тимоти, — это монстр и Колючка. Монстр понял, что происходит, и пытается улизнуть, наверное, обратно под защиту монастыря. А Колючка не дает, хочет затащить его сюда на холм.

— Опять какая-то ахинея, — зарычал Хорас. — Зачем Колючке понадобилось тащить монстра сюда к нам? Он же прекрасно знает, что это за фрукт!

— А Колючка всегда был не в себе, — заявила Эмма. — Дэвид брал его под защиту, и Генри находил для него доброе слово. А для меня Колючка всегда был дрянь дрянью. Большой круглой дрянью.

Один из роботов вскарабкался на склон к людям и замер у подножия трапа, щелкнув железными каблуками и отдавая правой рукой четкий салют. И, глядя на Хораса снизу вверх, доложил:

— Меры безопасности приняты, сэр. Ситуация под контролем.

— О какой ситуации ты говоришь?

— Ну как же! О бесконечниках. О подлых бесконечниках.

— Мы пока не уверены, — вмешался Тимоти, — что в округе есть хоть один бесконечник. Монстр-убийца, правда, есть, но это не одно и то же.

— Внизу монастырь, сэр, — сухо ответил робот, как бы обидевшись, что кто-то подверг его слово сомне-

нию. — А где монастырь, там и бесконечники. Мы следим за этим монастырем много лет. Можно сказать, взяли его под наблюдение.

— И много ли бесконечников вы здесь видели? — поинтересовался Хорас.

— Ни одного, сэр. До нынешнего дня ни одного.

— А давно вы установили это свое наблюдение?

— Сами понимаете, сэр, оно не круглосуточное. Наблюдение ведется лишь время от времени. В общей сложности около двух столетий.

— И за целых два столетия вы не видели ни одного бесконечника?

— Так точно, сэр. Но если бы наблюдение велось круглосуточно...

— Ну и будет, — брякнула Эмма. — Кончайте свои дурацкие игры.

Робот весь напрягся от возмущения.

— Мое имя Конрад, — заявил он, — я командую данной операцией. Обращаю ваше внимание, что мы действуем в соответствии с нашей исходной функцией — заботиться о людях и защищать их. Смею вас заверить, что мы исполняем свой долг со всей доступной нам сноровкой и быстротой.

— Хорошо, Конрад, — подбодрил робота Хорас. — Продолжайте в том же духе.

Монстр с Колючкой прекратили свой пыльный вальс и застыли не шевелясь. А роботы все прибывали, ближние и дальние склоны теперь буквально кишели ими. Не отвлекаясь ни на секунду, они возводили оборонительные сооружения, охватывающие долину с монастырем прочным кольцом.

— С ними, наверное, ничего не поделаешь, — высказалась Эмма примирительно. — Пойду-ка поищу еду. Вы голодны?

— Я да, — откликнулся Хорас. Другого ответа от него и не ждали: он был голоден постоянно. В ожидании обеда он приблизился к Тимоти и спросил: — Ну и как тебе это нравится?

— Мне их жаль, — молвил Тимоти. — На протяжении веков вокруг не было никого, о ком они могли бы позаботиться...

— И вдруг, откуда ни возьмись, мы сваливаемся на них как снег на голову.

— Вроде того. Не было ни души — и сразу трое. Учти, мы кажемся им совершенно беззащитными, и притом нам, по их разумению, угрожает опасность. Опасность во многом воображаемая, поскольку можно ручаться, что бесконечников поблизости нет. Но монстр-убийца налицо, и он несомненно опасен.

— В общем, они в телячьем восторге.

— Вполне естественно, что в восторге. Они же не ведали настоящей работы много-много лет!

— Они не бездельничали. Валили деревья, выкорчевывали пни, разводили костры, на которых жгли бревна.

— Искусственно придуманная работа, — заявил Тимоти. — Чтоб удариться в нее с пылом, им пришлось внушить себе веру, что деревья претендуют на роль наследников человечества.

— Ты-то сам в это веришь или не веришь?

— Ну, говоря по правде, не знаю. Идея, что деревья будут на планете господствующей формой жизни, представляется мне достаточно привлекательной. Может, они используют свое положение удачнее, чем люди, а до нас динозавры и трилобиты, — ни у тех, ни у других, ни у третьих ничего путного не вышло...

— Бредовая идея! — вознегодовал Хорас. — Деревья просто стоят себе на месте и ни к чему не стремятся.

— Не забывай, что у них в распоряжении были миллиарды лет. Они могли позволить себе роскошь стоять на месте и надеяться, что рано или поздно эволюция возьмет свое. В том-то и беда человечества, что нам не терпелось и мы подстегивали эволюцию. А ведь это нелепо ругать эволюцию за неспешность. Посмотри, что она натворила менее чем за миллиард лет — преодолела дистанцию от первой слабой искорки жизни до разумного существа. Которому, правда, разум не пошел во благо...

— Опять ты за свое! — возмутился Хорас. — Хлебом тебя не корми, только дай принизить себе подобных!

Тимоти в ответ только пожал плечами и спросил себя: а что, если Хорас прав? Не принижает ли он людей понапрасну? Но, видит Бог, люди вполне успешно принизили себя сами. На поверку они оказались не более чем безответственной стаей приматов. Спору нет, на протяжении истории у человечества были славные достижения, но сколько же роковых ошибок! Человек с

редким постоянством делал едва ли не все ложные шаги, какие только были возможны.

Солнце собиралось вот-вот закатиться за западные холмы. Оставив Хораса дожидаться еды, Тимоти не спеша спустился по склону. Едва он приблизился к первому из фортов, роботы дружно побросали свои инструменты и замерли по стойке «смирно».

— Все в порядке, — заверил их Тимоти. — Работайте, не обращайте на меня внимания. Вы заслуживаете похвалы. У вас все очень здорово получается.

Роботы послушно вернулись к прежним занятиям. Зато Конрад, приметив Тимоти издали, поспешил подойти к нему.

— Сэр, — доложил он, — мы окружили их со всех сторон. Без преувеличения, взяли их за горло. Пусть только шевельнутся, и мы их задавим.

— Отличная работа, капитан, — одобрил Тимоти.

— Сэр, — поправил Конрад, — я не капитан, а полковник. Скоро стану генералом, сэр.

— Прости, не знал. Приношу свои извинения. Отнюдь не хотел тебя обидеть.

— И никоим образом не обидели, — ответствовал полковник.

Эмма, высунувшись из ковчега, крикнула, что кушать подано. Тимоти не заставил себя упрашивать и поспешил на зов. Хоть он и был намного терпеливее Хораса, а тоже давно ничего не ел и ощущал голод.

Эмма выставила на стол блюдо с сыром, блюдо с ветчиной, большую банку джема и хлеб.

— Ешьте сколько влезет, — пригласила она. — К сожалению, все холодное. То ли плита не работает, то ли я не сумела ее включить. Я уж пробовала и так и сяк, а она ни в какую.

— Ладно, обойдемся, — буркнул Хорас.

— И запивать придется водой, — посетовала Эмма. — У нас есть чай и кофе, но раз плита не действует...

— Не волнуйся, — молвил Тимоти ей в утешение. — И не расстраивайся по пустякам.

— Я искала пиво, но не нашла...

— Согласен на воду, — перебил Хорас.

В сущности, обед, а вернее, ужин оказался не так уж плох. Сыр был выдержанный, ноздреватый, тающий во рту, ветчина — тугая и сочная. Ежевичный джем отличался некоторым избытком семян, но в других отноше-

ниях был превосходен, и хлеб с хрустящей корочкой не оставлял желать лучшего.

Эмма отщипнула сыру, пожевала ломтик хлеба с толстым слоем джема и осведомилась:

— Что дальше?

— Пока что останемся здесь, — объявил Хорас. — Ковчег вполне комфортабелен по любым меркам, он послужит нам укрытием и штаб-квартирой.

— И как долго это будет продолжаться? — спросила Эмма плаксиво. — Мне здесь совсем не нравится.

— Пока мы не разберемся что к чему. Сейчас ситуация кажется невнятной, но через день-другой она разрешится так или иначе, тогда и будет ясно, как поступить.

— Со своей стороны, — сказал Тимоти, — объявляю еще раз, что при первой возможности возвращаюсь обратно.

— Обратно? Куда? — не поняла Эмма.

— Обратно в Гопкинс Акр. Я и не хотел уезжать. И будь у меня время на размышление, ни за что не уехал бы.

— Но страшилище! — ужаснулась Эмма.

— К тому моменту, как я вернусь, от него там и следа не останется.

— Но зачем тебе возвращаться? — не унималась Эмма. — Не понимаю тебя. Там опасно!

— Там мои книги. И записи, которые я составлял годами. И работа еще далеко не окончена.

— Нет, окончена, — возразил Хорас неожиданно и грубо.

— А я считаю, что не окончена. Осталось много недоделанного.

— Ты же работал, уповая на лучшее будущее! Надеялся указать людям, каким путем идти, какие уроки извлечь из прежних ошибок и как начать все сначала. Ты что, не понимаешь, что все твои старания насмарку? Вот оно, будущее, — Хорас указал на окрестные холмы, — и вот твое человечество, по крайней мере, бóльшая его часть. Вон они, люди, — превратились в искорки света в небе. А бесконечники выполнили свою миссию и улетели.

— Но есть и люди, оставшиеся людьми! Можно начать с них.

— Их слишком мало. Горсточка тут, горсточка там, и все прячутся. Кто-то в прошлом, кто-то в настоящем. Начать все сначала? Не выйдет — генетический фонд слишком беден.

— Что толку его убеждать, — заметила Эмма. — Он упрямец. Если уж ему что-то втемяшится, то хоть кол на голове теши. Сколько ни говори, к каким аргументам ни прибегай, будет держаться своего, хоть тресни.

— Ладно, договорим завтра, — сказал Хорас. — Когда как следует выспимся.

Тимоти поднялся с места.

— Дайте мне парочку одеял. Я хотел бы переночевать на свежем воздухе. Погода сносная, холодов не ожидается. Я уж лучше посплю под звездами.

Эмма без возражений подала ему одеяла.

— Не забредай далеко, — попросила она.

— У меня нет такой привычки, — отрезал Тимоти.

Настала ночь. Черное пятно монастыря растворилось в окружающей тьме. По холмам светились зажженные роботами костры, а над ними в небе мерцали мыслящие пылинки. Меж ними различались и звезды, но только самые яркие, — остальные были стерты назойливым мерцанием.

После недолгих поисков Тимоти нашел на склоне ровную терраску, как бы скамеечку, которая могла служить пристойным ложем. Перегнув одно одеяло пополам, уложил его на терраску, прикрылся другим. Вытянулся на спине и уставился в небо, на россыпь посверкивающих пылинок.

Наблюдать было удовольствием, потому что наблюдение вело к раздумьям. Шутка ли — он видел над собой финальную фазу развития человечества! В таком облике, как частички чистой мысли, люди способны пережить конец Вселенной, пережить исчезновение времени и пространства. Разум человечества останется в неприкосновенности в великом ничто, которое продлится вовеки. Останется — во имя чего? Тимоти попробовал вообразить себе, что произойдет, когда не станет ни времени, ни пространства — и может ли произойти вообще что-нибудь? Ответа не было, воображения не хватало.

Час назад он заявил Хорасу, что человечество не проявило должного терпения, не пожелало ждать естественного хода эволюции. Полно, не ошибся ли он сам?

А если творения рук человеческих, дерзновенные человеческие мечты — такие же проявления эволюции, как медленное развитие от первого крохотного биения жизни к разумному существу? А если вмешательство бесконечников всего-навсего подтолкнуло людей в их направлении, предопределенном изначально? Что если первое шевеление жизни на древнем мелководье со всей неизбежностью вело к этой россыпи искр над головой? Что если Вселенная со всем своим величием и чудесами — не более чем оранжерея, где выращивается разум?

Если так, тогда человечество поистине является избранным народом. Хотя вполне может статься, что избранный народ не один, что их много. Чем возлагать все надежды на одну-единственную расу, разве не лучше создать разумные расы во множестве? Одна-единственная может и не выжить, более того, часть рас обязательно сойдет с дистанции на полдороге. Разум склонен совершать нелепые, а может, и неминуемые ошибки, способен и свернуть в такую скверную сторону, что останется разве что истребить его без следа. Иные птицы, и не только птицы, откладывают тысячи яиц в расчете, что хоть отдельные их потомки дорастут до зрелости. Так и эволюция должна была породить целое сонмище разумных рас во имя уверенности, что хотя бы некоторые достигнут полного совершенства.

Ерунда, перебил себя Тимоти. Безумная идея, не стоящая обдумывания даже ради развлечения на досуге.

Но почему, почему человечество предприняло такой шаг как раз тогда, когда освоило межзвездные путешествия, когда могло пожинать плоды долгого технического прогресса? Почему человек вдруг запнулся? От усталости, уклоняясь от потенциальной ответственности, которую он, в свете прежних достижений, вроде был готов и способен принять? Неужели, оказавшись лицом к лицу с необозримым космосом и с открывающимися впереди возможностями, человек отступил из боязни, что не справится? Или из страха, что столкнется с другими, еще более разумными существами?

Тимоти попытался положить конец раздумьям, очистить мозг — ведь прийти к каким бы то ни было выводам все равно не удастся, удастся разве что внести в душу полное смятение и разлад. Закрыв глаза, он вступил в борьбу со своим напряженным состоянием, и

мало-помалу буря под черепом начала стихать. На него навалился сон, нет, прерывистая дремота: он то и дело, полупроснувшись, спрашивал себя, где находится. Потом вслушивался в шарканье роботов, по-прежнему копошащихся на своих укреплениях, вглядывался в мерцающие сполохи на небе, припоминал события последних часов и отключался опять.

Внезапно кто-то ухватил его за плечо и стал трясти, приговаривая жалобно:

— Тимоти, проснись! Проснись, Тимоти! Колючка исчез...

Он сел, отшвырнув одеяло и недоумевая, что же тут особенного и неотложного. Разумеется, только Эмма могла разбудить его из-за того, что Колючка исчез, и все-таки недоумение не проходило. Колючка давно взял за правило исчезать. В Гопкинс Акре он исчезал постоянно, не показываясь иногда по нескольку дней подряд, — и никто не волновался: в свой срок объявится, игривый как обычно и ничуть не пострадавший от длительного отсутствия.

Земля была посеребрена первыми лучами рассвета, но на дне долины еще лежала полутьма. От костров, разложенных среди укреплений, к небу сочился дымок. Интересно, спросил себя Тимоти, откуда у роботов такая страсть разводить костры? Понятно, что это делается не для приготовления пищи, пища роботам не нужна. Скорее всего, костры — лишнее свидетельство неутолимого их желания подражать своему создателю, человеку.

Футах в ста от себя Тимоти увидел Хораса в окружении Конрада и своры роботов ниже рангом. Хорас надсаживался в грубом крике, но это ровно ничего не значило: Хорас всегда кричал и почти всегда грубо, вполне сознательно подчеркивая свой крутой нрав. А Эмма продолжала причитать:

— Колючка опять влип в какую-то пакость. От него всегда одни неприятности. Ума не приложу, чего мы валандались с ним все эти годы...

Тимоти кое-как поднялся на ноги, протер глаза, отгоняя сон, затем направился к Хорасу и компании. Заслышав шаги, Хорас обернулся, но кричать не перестал:

— Опять этот Колючка! Спрятался где-то забавы ради. Воображает, что мы отправимся его искать. Решил поиграть с нами в прятки, недоумок...

Конрад заговорил много тише Хораса, но и много отчетливее:

— Ему просто негде быть, кроме как в монастыре. Обращаю ваше внимание: исчез не только он, но и монстр. Значит, они оба в монастыре.

— Тогда зачем было нас беспокоить? — заорал Хорас. — Пошли бы сами в монастырь и поискали их...

— Только не я, — ответил руководящий робот. — Монастырь — это не для нас, это задача для людей. Если вы отправитесь туда, мы последуем за вами, но сами — никогда.

— Ты уверен, — осведомился Тимоти, подходя к группе, — что они не просочились сквозь ваши ряды?

— Совершенно исключено. Мы стояли на вахте всю ночь. И не спускали глаз с них двоих, пока они вдруг не исчезли.

— Если вы не спускали с них глаз, то чем они занимались?

— Похоже, что играли в пятнашки. Носились друг за другом — один убегает, другой догоняет, и наоборот. Всю ночь по очереди.

— Колючка обожает догонялки, — заявил Хорас. — Самое любимое его развлечение. Но я не стану тратить время на поиски этого урода. Наскучит прятаться — сам притащится.

— Он дурачил нас много лет, — поддержала мужа подоспевшая Эмма. — Не позволим ему дурачить себя снова. Не станем его искать.

Тимоти решил возразить:

— Положение вещей отличается от того, что было прежде. Думаю, надо попытаться найти его. А то он чего доброго и впрямь попадет в беду.

— Нет! — взвыл Хорас. — Не сделаю ни шага!

— Слушай, а может, Тимоти прав? — робко сказала Эмма, явно не уверенная в своем праве на личное мнение. — Как-никак, он тоже член семьи. Мы же позволили ему оставаться с нами...

— Если ты не хочешь идти, — обратился Тимоти к Хорасу, — тогда я пойду один. Вы оставайтесь здесь. Только дай мне винтовку.

Хорас отпрянул далеко назад.

— Не дам! Ты ее и в руках никогда не держал. Еще отстрелишь себе ногу...

— Это моя винтовка, Хорас.

— Ты ее владелец, не спорю. Но из этого не следует, что ты умеешь стрелять.

— Тогда я пойду безоружным.

— Нет, не пойдешь! — завопил Хорас. — Я не позволю тебе идти в одиночку. Попадешь в какую-нибудь переделку — кто тебя выручит?

— Если вы идете вдвоем, — решила Эмма, — тогда я с вами. Ни за что не останусь одна в этом жутком безлюдье!

— Очень буду тебе признателен, если ты составишь мне компанию, — произнес Тимоти, адресуясь к Хорасу. — И охотно приму твою помощь.

— А я организую роту поддержки, — объявил Конрад.

— В этом нет нужды, — холодно ответил Хорас.

— Я настаиваю, — провозгласил Конрад. — Мы осуществляем функцию вашей защиты. И продолжим осуществление своей функции во что бы то ни стало.

Резко повернувшись, Конрад принялся отдавать приказания. Роботы выстроились в шеренгу и замерли по стойке «смирно», подняв на плечо инструменты — лопаты, ломы, топоры, тяжелые кувалды, копалки для рытья ям...

— Раз уж тебе не терпится выставить нас на посмешище, — прорычал Хорас в адрес Тимоти, — давай покончим с этим как можно быстрее!

Тимоти не заставил себя упрашивать и зашагал вниз по склону. Рядом выступал Хорас с винтовкой, держа ее вкось поперек живота. Эмма ковыляла сзади, а замыкал шествие лязгающий легион роботов под присмотром сержантов или каких-то младших начальников. Сержанты выкликали ритм, заставляя подчиненных двигаться в ногу.

Склон был крутой, приходилось упираться каблуками, чтобы не поскользнуться. А из-под ног марширующих легионеров беспрестанно летели камешки и камни, катились мимо, подпрыгивали, обгоняя людей, и падали, взметая фонтанчики пыли.

Любопытно, куда подевался Генри? — подумал Тимоти. Будь он здесь, ему ничего не стоило бы проникнуть в монастырь и выведать всю подноготную. Тогда, если бы необходимость входить в монастырь не отпала, то, по крайней мере, они действовали бы не вслепую.

У подножия холма роботы разделились на две колонны, охватившие людей с флангов. Вышедший вперед Конрад подал отрывистую команду. Колонны остановились, и он разъяснил:

— Людям оставаться здесь. Я высылаю разведчиков. — Еще одна команда, и из строя выбежала четверка роботов. — Где-нибудь есть дверь, вероятно, и не одна дверь. Надлежит выбрать способ проникнуть внутрь монастыря.

— Что за глупости! — возмутился Хорас. — Не вижу ни малейшей опасности.

— Видимой опасности нет, — согласился Конрад, — однако любая новая ситуация чревата потенциальной опасностью. Враг может предпринять сознательную коварную попытку затаиться и усыпить нашу бдительность. Во всяком случае, небольшие меры предосторожности никому еще не вредили.

Обернувшись, Тимоти увидел не без удивления, что все остальные роботы тоже решили присоединиться к передовой роте. Одни только еще вылезали из раскиданных по холмам укреплений, другие бежали со всех ног, третьи уже успели выбраться на равнину и почти поравнялись с группой Конрада.

— Смотри-ка, — сказал он Хорасу, — они надумали сопровождать нас всей бандой...

Хорас раздраженно хмыкнул. Что бы ни делали роботы, он их действия не одобрял.

Над долиной повисла тишина ожидания. Ни ветерка, ни стрекота насекомых. Наконец из-за угловатых пристроек выскочил один из разведчиков, вытянулся перед Конрадом и отрапортовал:

— Сэр, мы обнаружили вход. Открытую дверь. Есть и другие двери, но все они заперты. Мы не стали их взламывать, сочли это неразумным. А потом обнаружили открытую дверь.

— Вы входили внутрь?

— Опять-таки решили лучше не входить. Остановились у входа до прибытия основных сил.

— Благодарю за сообщение, Тоби, — изрек Конрад. — Вы поступили мудро. — И обратился к Хорасу: — Вы готовы следовать дальше?

— Давным-давно готовы, — буркнул Хорас. — Это не мы решили торчать здесь и бить баклуши...

Колонны пришли в движение, по-прежнему прикрывая людей со всех сторон. Вслед за разведчиком, отдававшим рапорт, они подступили к монастырю вплотную и стали огибать его у самых стен. С близкого расстояния монастырь казался каким-то обшарпанным. Внешние стены, по-видимому, металлические, были тронуты ржавчиной. Окон не было совсем. Двери попадались достаточно регулярно, и все на запоре. Но минут через пять обнаружилась и дверь, о которой докладывала разведка. Дверь вела в главное монастырское здание.

— Подождите здесь, — распорядился Конрад. — Высылаю отряд на рекогносцировку. — Пришлось задержаться снова, пока один из роботов не выглянул и не поманил остальных. Конрад смилостивился: — Теперь можете войти, но, пожалуйста, без лишней спешки.

Люди и не собирались спешить. Роботы рассредоточились, обследуя каждый уголок впереди. Внутри здание было залито зеленоватым свечением, но как Тимоти ни старался, обнаружить источник света не удалось. Вероятно, свет испускали стены и куполообразный потолок.

На первый взгляд осматривать в монастыре было просто нечего. Обширный зал, куда они попали, казался пустым. Там и сям в стенах были двери, ведущие в многочисленные пристройки. Все двери стояли настежь — роботы ныряли в каждую и незамедлительно возвращались в зал, оповещая тем самым, что за дверью тоже нет ничего интересного.

Как только глаза привыкли к необычному освещению, Тимоти заметил, что часть пола покрыта крупными оспинами — то ли неровными кругами, то ли выемками. Мебели не было и в помине — ни столов со стульями, ни каких-либо ларей или сундуков, ни картотечных шкафов; не было и машин.

Ну конечно, подавай нам машины! — посмеялся над собой Тимоти. Я оперирую человеческими понятиями, иначе не умею, а здание инопланетное, возведенное для инопланетных, неизвестных нам целей. Какие уж тут столы, стулья, картотечные шкафчики! Но можно бы рассчитывать на какие-то иные вещи, пусть чуждые, пусть непонятные, но вещи, а таких тоже нет... Неожиданно Эмма подтолкнула его локтем и сказала:

— Не туда смотришь. Посмотри вверх.

Действительно, с потолка свисали какие-то странные предметы. Их были сотни, каждый на своем канатике, или веревке, или тесьме, и все чуть колыхались в слабых потоках восходящего воздуха.

— По-моему, это бесконечники, — предположила Эмма.

— Если бесконечники, — откликнулся Конрад, который держался неподалеку, — то в них нет жизни. Я не улавливаю признаков жизни. Сохранись в них хотя бы капелька жизни, мои сенсоры это уловили бы. Если они бесконечники, то мертвые. Их повесили на просушку.

С тех пор как люди вслед за роботами вступили в здание и сделали несколько шагов по залу, они, в сущности, не двигались с места. Но тут из глубины монастыря вдруг донесся возбужденный шум.

— Ребята что-то нашли, — догадался Конрад. — Пошли посмотрим.

Вчетвером они двинулись на шум и вскоре натолкнулись на роботов, развернувшихся кольцом и возбужденно взирающих на нечто внутри кольца.

— Пропустите! — жестко скомандовал Конрад. — Что происходит? Дайте нам пройти!

Роботы расступились, и взору открылась небывалая картина. В центре круга Колючка и монстр-убийца исполняли диковинный танец. А может, и не танец вовсе, а кружили по-бойцовски один подле другого, выжидая удобный момент для атаки. Все равно это напоминало танец: партнеры-противники то приплясывали на месте, то скользили вбок, то делали стремительные пробные выпады и тут же отступали.

— Всем отойти! — завопил Хорас. — Я сейчас положу конец этому безобразию!

Он уже почти донес приклад до плеча, когда здание содрогнулось так сильно, что и люди и многие из роботов не устояли на ногах. Тимоти тоже упал, проехался ничком по вздыбившемуся полу и услышал треск — нет, не выстрел, просто захлопнулась дверь.

И угодил куда-то. Попробовал выбраться, но окружающие поверхности оказались такими гладкими, что как ни барахтайся, опереться было не на что. Затем тряска прекратилась так же резко, как и началась, и Тимоти понял, что его зашвырнуло в одну из воронок в полу. Он заполнил ее своим телом почти до краев, и

подумалось, что, если б удалось свернуться калачиком, в такой воронке было бы очень удобно спать. А если воронки для того и предназначены, если они заменяют бесконечникам кровати? Размером и ростом бесконечники меньше людей, а значит, могут устроиться в воронках с комфортом.

— Вас там заклинило? — осведомился Конрад, склоняясь над Тимоти.

— Не заклинило, но выбраться трудно. Будь любезен, подай мне руку.

Конрад протянул руку, вытащил Тимоти и поставил на ноги.

— Сдается мне, — заявил робот, — что мы все-таки влипли. Сильно подозреваю, что нас переместили.

— Переместили?

— Здание переместилось.

— Вот почему меня сбило с ног...

— Если бы только это! Боюсь, все гораздо хуже.

Кто-то распахнул дверь, ту самую, через которую они вошли в зал, и роботы хлынули в нее потоком, торопясь выскочить из здания. Хорас, напротив, уже успел каким-то образом побывать снаружи и теперь протискивался внутрь, с трудом преодолевая этот неудержимый поток. Подступив к Тимоти, он поднял над головой винтовку, помахал ею в воздухе и взревел:

— Я был прав! Монастырь оказался ловушкой! Он всосал нас, как мошкару, и перебросил куда-то. Ты хоть догадываешься, куда нас занесло?

Вопрос был адресован Конраду, однако тот лишь покачал головой:

— Не имею ни малейшего представления.

Тимоти, совершенно сбитый с толку, попытался разобраться что к чему и переспросил:

— Монастырь передвинулся? Но это вряд ли серьезная проблема. Он мог самое большее передвинуться на несколько миль...

— Идиот! — заорал Хорас ожесточаясь. — Ты ни черта не понял! Какое там на несколько миль! Похоже, что на многие световые годы. Это не наша планета. Мы больше не на Земле. Выгляни наружу. — Схватив Тимоти за руку, он грубо дернул его к выходу. — Иди полюбуйся сам!..

И чтобы придать своим словам больший вес, подтолкнул Тимоти широкой ладонью в спину промеж лопаток.

За порогом монастыря не то темнело, не то светало. Воздух был бодрящий и свежий, хотя небо выглядело как-то необычно. Земля убегала вдаль складками, округлые холмы переходили в другие холмы, тоже округлые, но повыше, потом еще повыше и еще, пока их контуры не сливались с далеким горизонтом. Над горизонтом висела пухлая желтая луна.

Что же такого усмотрел здесь Хорас, если решил, что это иная планета? В глаза не бросалось ничего особенного. Дышалось без труда, притяжение было подобно земному.

— Все вышли? — громко спросил какой-то робот. — В монастыре никого не осталось?

Другой робот ответил:

— Вышли все до последнего.

— А где пост управления? — завопил Хорас. — Кто-нибудь видел пост управления?

— Пост управления?

— Да, пост управления. Должен же где-то быть пост управления монастырем! Чтобы контролировать перемещения, задавать курс...

— Никто не видел никакого поста, — ответил Конрад. — Это же не корабль. Пост управления тут не нужен.

— Но монастырь передвинулся с места на место! — не прекращал орать Хорас. — Иначе как бы мы сюда попали?..

— Он разваливается, — подметил один из роботов. — Расходится по швам. Вслушайтесь! Слышите?..

Даже человеческого слуха хватало, чтобы различить стоны и скрежет рассыпающегося от старости металла.

— Он едва-едва сумел доставить нас сюда, — объявил Конрад. — Это было его последнее путешествие. Еще год-другой, и он стал бы неподвижен.

— Проклятие! — рычал Хорас. — Проклятие! Проклятие! Проклятие!..

— Согласен с вами, — произнес Конрад как можно спокойнее. — Бывают времена, когда за что ни возьмись, все идет не так, как надо...

Тимоти выбрался из толпы, взирающей на агонию монастыря. Все хорошо, что хорошо кончается, мелькнула мысль. Знай Хорас заранее, что монастырь — огромный времялет, еще способный передвигаться, один Бог знает, какие безрассудные планы взбрели бы ему в

голову. Сейчас они, по крайней мере, в относительной безопасности — в обстановке, которую не назовешь враждебной. Здесь можно дышать и ходить, температура вполне терпимая, и скорее всего на планете отыщется какая-нибудь пригодная для них пища.

На склоне у него под ногами был дерн, но что за дерн, разглядеть не удавалось, хотя небо справа явно светлело. Хорас объявил, что они на другой планете, но его утверждение оставалось пока голословным и ничем не подкрепленным. Холмы вроде бы не отличались от земных холмов. Правда, для определенных выводов было еще слишком темно.

Кто-то шел по склону в его сторону. Тимоти узнал Эмму, двинулся ей навстречу и спросил:

— С тобой все в порядке?

— Все в порядке, но я боюсь. Хорас говорит, что мы не на Земле. И правда, здесь две луны, а на Земле только одна. Но я никак не пойму, как это могло случиться.

— Две луны? Я вижу только одну, вон на западе. Вернее, в той части неба, которая кажется мне западной...

— Вторая луна прямо у нас над головами. Она меньше той, что на горизонте.

Пришлось вывернуть шею и убедиться, что Эмма права: прямо в зените висит вторая луна. Права была Эмма и в том, что эта луна заметно меньше — примерно в половину земной. Вот что подсказало Хорасу, казалось бы, несвойственную ему догадку...

Монастырь по-прежнему постанывал. Небо на востоке светлело с каждой минутой. Вот-вот из-за горизонта покажется солнце.

— Ты не видел Колючку? — спросила Эмма.

— После той встряски в монастыре — нет.

— Удрал куда-то продолжать свои дурацкие игры с этим гнусным монстром.

— Пожалуй, я не вполне уверен, что это игры, — сказал Тимоти.

— А что еще, по-твоему? Колючка всегда затевал какие-нибудь нелепые игры...

— Может быть, ты и права, — не стал спорить Тимоти.

Толпа роботов, мельтешившая возле монастыря, отхлынула и в четком порядке спустилась вниз, на ровное

дно ближайшей долины. Прозвучала отрывистая команда, и роботы приступили к военным перестроениям.

Рассвет занимался все ярче, видимость становилась лучше и лучше. Череда округлых холмов утратила ночную окостенелость, их контуры смягчились и обрели цвет. В темноте Тимоти вообразил их зелеными, теперь осознал, что зелень ему померещилась. Холмы оказались цвета львиной шкуры, рыжевато-коричневыми под фиолетовым небом. Небо приводило в недоумение — ну как оно может быть фиолетовым, не какая-то его часть, а все небо целиком?

Подошел Хорас, тяжело ступая и неся винтовку на локте.

— Нас одурачили, — сообщил он сердито. — Похитили и зашвырнули куда-то к черту на рога.

— Хорошо, что мы не одни, — отозвалась Эмма, — что с нами роботы...

— Свора полудурков, — ругнулся Хорас. — Сборище неумех...

— Так или иначе, они будут нам в помощь, — высказался Тимоти. — Конрад кажется мне толковым начальником, он умеет настоять на своем.

— Мы утратили все наше имущество, — всхлипнула Эмма. — Все, что было в ковчеге. Одеяла! И все прочее! У нас ни одной кастрюльки!..

Хорас обнял ее за плечи.

— Роботы прихватили одеяла и кое-что еще, — сказал он. — Как-нибудь выживем...

Она плача приникла к Хорасу, он неуклюже обнял ее, поглаживая по спине. Тимоти почувствовал себя неловко: впервые на его памяти Хорас проявил открыто хоть какое-то расположение к его сестре.

Заря на востоке разгоралась все ярче. Обнаружилось, что по долине течет река, а по ее берегам и по низу окрестных холмов кое-где растут рощицами деревья. Странные, впрочем, деревья — то ли гигантские папоротники, то ли камыши-переростки. На холмах над долиной колыхалась под ветром рыжеватая поросль, похожая на траву. Наверное, хорошее пастбище, подумал Тимоти, но насколько хватал глаз, нигде не было видно не только стада, а даже какой-нибудь одиночной твари на выпасе.

От погибающего монастыря оторвалась металлическая плита и, лязгая, соскользнула вниз по склону. Да и

весь монастырь уже завалился окончательно, превратившись в малопривлекательную груду лома.

Внизу в долине строй роботов внезапно распался, от него осталась лишь малая часть, образующая полый квадрат. Фаланга! — воскликнул Тимоти про себя. Классическая фаланга, прошедшая путь от Александра Македонского до последней битвы Наполеона при Ватерлоо. И вот, пожалуйста... Роботы, не вошедшие в фалангу, бросились врассыпную, но не панически, а вполне деловито, как муравьи. Наверное, их послали на разведку местности.

Три робота отделились группой, целеустремленно поднялись по склону к людям и, приблизившись, взяли их в полукольцо. Один заговорил:

— Уважаемые сэры и мадам, мы прибыли по приказанию Конрада, дабы сопроводить вас в безопасные пределы лагеря.

— Ты называешь лагерем этот пустой квадрат? — ворчливо спросил Хорас.

— Мы проводим поиски топлива для костра, — продолжал робот, не отвечая прямо. — Другие доставят воду и все, что потребуется впоследствии.

— Ладно, — согласился Хорас все так же ворчливо. — Не знаю, как вы, а я голоден.

И зашагал под уклон. Эмма засеменила рядом с мужем, Тимоти замкнул шествие.

Солнце наконец-то выкатилось из-за горизонта. Тимоти не мог не отметить его сходство с земным солнцем — разве что здешнее было чуть больше и светило чуть ярче, хотя ручаться за это он все-таки не стал бы. Вообще планета во многих отношениях была двойником Земли. Под ногами стелилась мелкая нежная травка вперемежку с вьюнами вроде молодой виноградной лозы.

Из центра полого квадрата поднялась легкая струйка дыма.

— Они нашли топливо! — возликовал Хорас. — Что-то загорелось! У нас будет горячий завтрак!..

Когда их пропустили внутрь квадрата, Конрад счел за благо дать разъяснения:

— Древесина от папоротниковых деревьев. Не совсем такая, как хотелось бы, но горит, дает тепло и свет. Деревья трубчатые, однако дыра окружена мякотью, и довольно плотной. Мы также обнаружили уголь. — Тут Конрад, вытянув руки, продемонстрировал блестя-

щие черные пластинки. — Залежь выходит прямо к реке. Уголь не самого высшего сорта, больше похож на бурый, но все равно уголь! В пути будем продолжать поиски, возможно, найдем топливо лучшего качества. Так или иначе, пусть древесина вялая, а уголь бурый, но огонь есть. На Земле, если вам неизвестно, почти весь уголь давно выкопали и сожгли...

— Ты сказал — в пути? — встрепенулась Эмма. — Куда это ты собираешься?

— Это диктуется необходимостью, — ответил Конрад. — Здесь оставаться нецелесообразно. Надо найти место, где для вас нашлось бы укрытие. И пища.

— Пища?

— Разумеется, пища, мадам. Тех малых запасов, какие у нас при себе, надолго не хватит.

— Но местная пища может оказаться отравой!

— Будем ее проверять, — заявил Хорас.

— Как же ее проверишь? У нас для этого ничего нет.

— Согласен, — сказал Хорас. — У нас нет лаборатории, нет реактивов. Да что толку, если б и были, ведь химиков среди нас тоже нет. Единственный выход — превратиться в подопытных кроликов и экспериментировать на себе.

— К сожалению, это всецело ваша забота, — объявил Конрад. — Роботы вам тут не помощники.

— Будем пробовать по капельке, — развивал Хорас свою программу. — Прежде всего на вкус. Если вкус скверный, если что-то жжется или сводит скулы, тогда сразу выплевываем. Если на вкус все в порядке, тогда глотаем самую малость и смотрим, какова реакция...

Вдруг один из роботов бросил взгляд вверх, на вершины холмов, и издал предупредительный крик. Сверкая металлическим блеском, к ним спускался какой-то экипаж, нет, летательный аппарат, плывущий над самой землей. Аппарат ястребом скользнул к лагерю, промчался над людьми и роботами, заложил крутой вираж, уклоняясь от холмов по ту сторону реки, пересек реку выше по течению, развернулся еще раз, понесся в обратном направлении на высоте не более десяти футов, чуть не задел фалангу, пройдя прямо над ней, удалился вниз по течению, затем лениво взлетел над склонами дальней гряды, набрал высоту и скрылся.

— За нами наблюдают. — Конрад обожал констатировать очевидное. — Прилетали произвести осмотр наших сил.

— Ну и что мы можем с этим поделать? — пробурчал Хорас. — Как нам защитить себя?

— Повысим бдительность, — отвечал Конрад. — Установим повышенную готовность. Будем настороже.

Ближе к вечеру разведчики, посланные вниз по течению, прибыли с докладом, что река иссякает, увязнув в грандиозном болоте. Ночью вернулись и разведчики с другой стороны. По их словам, через несколько миль холмы переходят в обширное сухое плато, а за ним виднеются высокие горы.

— Это нам и надо было узнать, — заявил Конрад. — Выступаем не вниз, а вверх.

Поход начался утром. Холмы подступали к самой реке, сжимали ее теснинами, идти было трудно. По прибрежным обрывам выступали мощные угольные пласты. Характер растительности постепенно менялся — камышей и папоротников становилось меньше, им на смену приходили деревья обычного земного типа. Нескончаемые вереницы холмов были разделены узенькими долинками, и каждая последующая гряда поднималась все выше. Конрад не подстегивал идущих, не требовал непосильного темпа. Время от времени они с Хорасом вступали в перебранки, но дальше перебранок дело не заходило.

Они нашли плоды и коренья, пригодные для еды, — два вида клубней, желтые фрукты, встречающиеся почти на каждом шагу, бобы в толстых стручках, растущие на ползучей наземной лозе. Пробу с каждого нового растения снимали самым осторожным образом. Некоторые плоды отвергались без спора — у них был скверный запах или мерзкий вкус. Правда, Хорас попробовал каких-то ягод и заработал быстротечный гастрит, но от других инцидентов Бог миловал. Роботы наловили мелких зверьков, и мясо оказалось вполне съедобным. В реке и многочисленных ручьях водилась рыба, но пахла рыба так, что ее и пробовать не стали.

Роботы попробовали изготовить охотничье оружие, но луки у них получились нескладными, а стрелы сплошь и рядом отказывались лететь по прямой. Попробовали снабдить стрелы наконечниками, но то ли камня подходящего не нашлось, то ли умения не хватило — боль-

шая часть стрел все равно летела вкривь и вкось. И все-таки роботы-охотники подчас ухитрялись вернуться с добычей.

Погода держалась ясная. На фиолетовом небе не показывалось ни облачка. Днем было жарко, ночью ненамного прохладнее.

Наконец холмы кончились, и путники вышли на необозримое сухое плато, совершенно плоское, если не считать одиночных крутых курганов. На горизонте проступали бело-голубые горы. Начался марш по пустыне. Воду захватили с собой в бочонках, которые роботам удалось смастерить из пустотелых деревьев, но на настроение пустыня влияла не лучшим образом.

Аппарат, прошедший над группой на бреющем полете, больше не появлялся. Тем не менее временами возникало странное чувство, что за ними наблюдают, и весьма пристально. Три-четыре раза вдалеке мелькали силуэты Колючки в паре с монстром. Ручаться за что-либо было трудно, и все же у Тимоти создалось впечатление, что верховодит в этой паре Колючка, не дает монстру передышки, гоняет его куда вздумается.

Плато казалось нескончаемым. День за днем они брели вперед и вперед, а пейзаж не менялся, горы не приближались, до них было все так же далеко. И не было ничего, кроме ощущения бесконечной дали. Правда, под одним из крутых курганов обнаружился упрямый родничок, который дал возможность пополнить пустеющие бочонки, но отходящий от родника ручеек через четверть мили бесследно исчезал в томимой жаждой пустыне. Хорас беспрерывно брюзжал, Эмма заламывала руки. Конрад не удостаивал их вниманием, он вел и вел свое войско вперед, все глубже в бесплодную сушь.

И упорство было вознаграждено. Однажды опаляюще знойным днем монотонность плато нарушил глубокий каньон. С несказанным облегчением люди увидели на дне каньона ленту реки, опоясанную по берегам полосками растительности. Слева вздымался огромный курган, и древняя река, впоследствии ушедшая в каньон, сточила курган с одной стороны, превратив склон в отвесную скалу. А под скалой, на полочке между нею и нынешним каньоном, лежали руины — некогда здесь, по всей вероятности, было небольшое поселение.

Тратить время на осмотр руин они не стали. Суетливые роботы нашли узкую тропку, ведущую на дно

каньона, и путники двинулись по ее петлям, выверяя каждый шаг. Внизу тропа вывела на ровную скальную площадку. Розово-красный обрыв нависал над площадкой, укрывая ее от солнца. С реки тянуло прохладным ветерком, и после беспощадного зноя пустыни это было очень приятно.

Сюда, на эту площадку, и повел Конрад троих подопечных людей. И объявил им свое решение:

— На какое-то время остановимся здесь. Не совсем то, на что я надеялся, но тут защищенное место, годное для обдумывания дальнейших действий. Речная вода недалеко. А по берегам мы, наверное, отыщем пригодную для вас пищу.

Эмма опустилась прямо на голый камень и сказала:

— Хорошо. По крайней мере, мы в тени, солнце заглядывает сюда разве что перед закатом. И больше не надо экономить воду. Может быть, мне даже разрешат принять ванну...

— Это лучше, чем ничего, — нехотя согласился Хорас. — Во всяком случае, лучше, чем пустыня.

На следующий день робот-разведчик обнаружил свалку. Расположенная под обрывом, она поражала своей обширностью, а в высоту поднималась едва ли не до половины утеса. Робот ничего не трогал, а сразу побежал назад, оповещая во весь голос о своем открытии, и к месту находки отправились все, кто только мог.

Свалка состояла в основном из металла. Наверное, даже несомненно, раньше тут хватало и другого мусора, но с веками менее прочный хлам распался, развеялся и исчез, остался только металл, каменные изделия странной формы да несколько массивных деревяшек. Самым поразительным было то, что металл не разрушился совершенно, ржавчина его не тронула, даже до сих пор блестит.

— Сплав, неизвестный на Земле, — объявил Конрад. — Многие вещи, если не все, выглядят так же, как в день, когда их выбросили.

Металлический хлам был всех сортов и фасонов — заведомый лом, разрозненные детали машин, неисправные инструменты и приборы, какие-то витые статуэтки и, наконец, цельные тяжелые бруски. Назначение отдельных предметов было более или менее понятно, но в большинстве своем они казались непостижимыми. Роботы вытащили из общей кучи то, до чего сумели

дотянуться, разложили на земле поштучно и принялись бродить по этой своеобразной выставке, строя всякие гипотезы и предположения как логичные, так и нелепые.

— Инопланетная технология, — возвестил Конрад. — Теперь в ней во веки веков не разберешься.

Было довольно очевидно, что хлам сбрасывали с обрыва над каньоном. Быть может, этим занимались обитатели поселения, обратившегося ныне в руины.

— Не многовато ли мусора для такого невзрачного городишки? — высказался Хорас.

— А может, свалка обслуживала большой район, — ответил Тимоти. — На плато, которое мы пересекали, когда-то могли стоять села и города. Там мог быть густонаселенный сельскохозяйственный пояс. А потом дожди прекратились, началась засуха, экономика оказалась подорвана...

— Металл можно использовать, — перебил Конрад. — Из него можно изготовить необходимые нам машины.

— По-твоему, мы будем сидеть здесь, пока вы не найдете применение этим железкам? О каких, собственно, машинах ты говоришь?

— Во-первых, нам нужны инструменты.

— У вас же есть инструменты! Лопаты и ломы, топоры и пилы, коловороты и копалки...

— Во-вторых, оружие. Лучшее, чем до сих пор. Нужны более удобные луки. Стрелы, которые летели бы прямо. Этот металл прочен и упруг. Может быть, изготовим арбалеты. Копья и пики. Катапульты.

— Гляжу, ты нашел себе хобби! — зарычал Хорас. — И воображаешь, что эта свалка для тебя — клад...

— Точно так же, — невозмутимо продолжал Конрад, — можно сконструировать тележку для транспортировки воды и припасов, какие удастся собрать. Роботы смогут тащить целый поезд из тележек. А можно построить и двигатель, например паровой...

— Да ты просто рехнулся! — вскричал Хорас.

— Мы все обдумаем, — закончил Конрад свой монолог. — Соединим наши умственные усилия...

Что роботы и сделали. В последующие дни они то и дело, собравшись стайками, чертили на песке какие-то схемы. На расстоянии около мили был найден уголь, и они соорудили кузницу. Хорас раздражался, а то и

кипел от злости. Эмма, напротив, была довольнешенька: она никак не могла забыть дней на плато и радовалась тому, что здесь вдоволь воды и тени. А Тимоти обследовал окрестности.

Особенно понравилось ему, выкарабкавшись по тропке из каньона, проводить целые дни среди руин. Просеивая песок и пыль, он иной раз наталкивался на предметы материальной культуры — примитивное оружие, какие-то стержни длиной по три фута из иного, чем на свалке, металла с пятнышками ржавчины. Попадались и керамические изделия своеобразной формы, — не исключено, что идолы. Скрючившись в три погибели, он вглядывался в свои находки до рези в глазах, но по сути так ничего и не высмотрел. Тем не менее руины привораживали его до странности, и он возвращался сюда снова и снова.

Здесь, невесть сколько веков назад, обитали разумные существа, несомненно развитые социально и экономически. Что это были за существа, руины помалкивали. Двери, ведущие внутрь построек, были круглыми и такими маленькими, что протиснуться в них удавалось с большим трудом. Потолки нависали так низко, что передвигаться по комнатам приходилось на четвереньках. Если здание насчитывало более одного этажа, то этажи были связаны между собой не лестницами, а металлическими шестами, за которые Тимоти не мог ухватиться.

В конце концов он решился влезть на вершину того самого, сточенного с одной стороны кургана. Склоны кургана были усеяны шаткими валунами — довольно легкого толчка, и валун кувыркнется вниз. А меж валунами стелились предательские осыпи, которые удавалось преодолеть только ползком и то медленно-медленно, чтобы не потревожить шаткие камни.

В общем-то, говорил он себе, здешние обитатели поступили здраво, если установили наблюдательный пост на вершине кургана, чтобы не допустить приближения незнакомцев, следить за стадами скота, — да мало ли какие могли быть у поста цели, всех не угадаешь. Однако, достигнув вершины, Тимоти не обнаружил никакого поста. Вершина была плоская, словно срезанная, — камень, песок да глина. Ни на песке, ни на глине не прижилось ни одного растеньица, камнем побрезговали даже лишайники. Завывал ветер. Более уны-

лого местечка он не видел, пожалуй, во всей своей жизни.

Зато вокруг и ниже земля представала в удивительном богатстве красок — желто-коричневая пустыня, которую они преодолели вместе с роботами в марш-броске, и на ней другие курганы, пятнающие желтизну более темными кляксами. На западе глубокий разрез розово-красного каньона, а дальше на горизонте — рваные голубые контуры гор. Подобравшись к самому обрыву, Тимоти попробовал заглянуть в каньон. Подумалось, что удастся заметить какие-нибудь признаки бурной деятельности роботов, но нет, в каньоне ничто не шевелилось. По дну вилась синяя лента реки в обрамлении зелени, а на противоположной стороне красная стенка каньона вновь переходила в желтую плоскость плато.

Теперь, хочешь не хочешь, надо было спускаться, и это была задачка из разряда рискованных: спуск сплошь и рядом труднее подъема.

У него за спиной щелкнуло, словно камнем о камень. Он стремительно обернулся, сердце прыгнуло и застряло в горле: на него надвигался невесть откуда взявшийся монстр-убийца, а позади сновал Колючка, беспорядочно катаясь туда-сюда. Тимоти отпрянул в сторону, уклоняясь от атакующего врага. Монстр, очевидно, только что заметил перед собой зияющий обрыв и тоже вильнул, продолжая охоту на человека. Но на пути страшилища вдруг возник Колючка и, яростно прыгая, заставил вновь изменить курс. Тимоти споткнулся и упал. Уголком глаза он увидел, как монстр отчаянно пытается удержаться на краю пропасти и все-таки не может затормозить, переваливается через край, на миг зависает в пустоте и исчезает за обрывом.

Тимоти, вскочив, подоспел к обрыву как раз вовремя, чтобы стать свидетелем гибели страшилища. Монстр грохнулся на валуны, отскочил вверх, покачался в воздухе и начал разваливаться. Осколки разлетелись во всех направлениях, осыпались дождем на склон и заскользили дальше вниз, кувыркаясь и дробясь на еще более мелкие осколки, пока не упокоились где-то на дне каньона.

Пришло время взглянуть на Колючку. Тот, держась совсем близко к человеку, танцевал джигу победы,

неистово вращаясь и кружась, то взвиваясь в прыжках, то ерзая по песку и камню вершины.

— Доигрался в свои чертовы игры! — закричал Тимоти, но сам понял, что несправедлив: если это была игра, то смертельно опасная. — Значит, ты в конце концов одолел его. В тот первый день ты хотел загнать его к нам наверх, потому что знал: Хорас пустит в ход винтовку. А когда из этого ничего не вышло, ты продолжал гонять его, как зайца...

Колючка прекратил танцевать свою джигу и почти застыл на месте, лишь слегка покачиваясь взад-вперед.

— Колючка, — объявил Тимоти торжественно, — мы недооценивали тебя. Все эти годы мы считали тебя клоуном и только клоуном, а ты герой. Пойдем. Пора спуститься вниз и присоединиться к остальным. Они будут рады новой встрече с тобой.

Но едва Тимоти шагнул к краю, Колючка выкатился ему наперерез. Он сделал новую попытку — Колючка опять отогнал его.

— Черт тебя побери, — крикнул Тимоти. — Теперь ты, кажется, намереваешься пасти меня. Учти, я этого не потерплю!..

Послышался слабый гул. Тимоти поднял глаза. С неба спускался летательный аппарат, в точности такой же, как тот, что прошел на бреющем полете над фалангой в первый день на этой планете. Мягко коснувшись вершины кургана, аппарат замер без движения. Верх откинулся. В пилотской кабине сидело чудище. На широченных плечах ютилась относительно небольшая головка. Что поражало больше всего, так это перевернутый нос, раздваивающийся от ноздрей на антенны. Задняя часть черепа сходила на конус, а с конуса свисали огненно-красные перья, как бы бородка, по ошибке попавшая на затылок. Посередине между носом с антеннами и верхушкой конуса торчал единственный, сложно устроенный глаз.

Головка повернулась к Тимоти и что-то прочирикала. Пробы ради Тимоти сделал шаг, один осмотрительный шаг к диковинному аппарату и еще более диковинному пилоту. Его заело любопытство: что ни говори, а это мыслящее существо, явно более развитое, чем былые обитатели руин. Колючка подобрался к самым ногам Тимоти, выкатился сбоку, потом быстро обогнул его сзади и перекатился на другую сторону.

— Прекрати меня пасти! — огрызнулся Тимоти.

Колючка не прекратил, а продолжал перекатываться сзади тем же манером. Тимоти сделал еще шаг и еще. Меня никто не принуждает, повторял он себе, я иду по собственной доброй воле. Мне просто хочется взглянуть на эту инопланетную штуку поближе... А Колючка знай себе подталкивал его вперед.

— Ну ладно, ладно, — произнес Тимоти, подошел к хвостовому отсеку аппарата и коснулся рукой отшлифованного металла.

Металл был теплый, его хотелось погладить. Внутри находился, по-видимому, пассажирский салон. Сидений не было, однако пол и стены были обиты чем-то, и на небольшом удалении над полом виднелись рейки, вероятно поручни для ездоков.

Хорошенького понемножку, он не собирается влезать в эту леталку. Тимоти обернулся к Колючке, и нате вам — Колючка прекратил перекатываться и бросился в атаку. Тимоти поневоле отступил, порог леталки ударил его под колени, и он упал в пассажирский салон навзничь. Колючка молнией метнулся следом. Дверь салона, до того поднятая, с треском опустилась, и леталка взмыла в воздух.

Одурачили! — воскликнул Тимоти про себя. Одурачили и похитили! И теперь похитители, Колючка и уродина-пилот, тащат его куда-то по своему усмотрению. Куда? Зачем? Он испугался, хотя и не слишком, — охватившая его ярость была сильнее страха.

Перевернувшись на колени, он выглянул сквозь прозрачный фонарь наружу. Земля уходила вниз, розово-красная стенка каньона сверкнула на солнце и пропала из виду.

Семья и так раздроблена, а теперь дробится дальше и дальше. Смутно подумалось: а удастся ли им когда-нибудь собраться всем вместе снова? Судя по всему, вряд ли. Их передвигают, как фигуры на шахматной доске. Кто-то или что-то использует их даже не как фигуры, а как пешки.

В памяти возник Гопкинс Акр. Как он любил это место — роскошную старую усадьбу, свой кабинет с книгами по стенам, письменный стол, заваленный всевозможными материалами, просторную лужайку, тенистые рощицы, говорливый ручей! В Гопкинс Акре хорошо жилось и хорошо работалось, но, если разобраться

беспристрастно, кому была нужна его работа? Кому предназначена? Тогда ему казалось, что он занят важным делом, — но было ли оно важным? Суммируя все сделанное, можно ли сказать, что достигнуты какие-то реальные результаты?

Каньон пропал за горизонтом. Леталка шла на небольшой высоте над бесконечным пустынным плато. Но постепенно сухой серо-коричневый тон посветлел, внизу вновь заколыхалась желтая степная трава, стали попадаться ручьи, речки и купы деревьев. Безводная пустыня осталась позади.

Впереди поднялись горы, еще более высокие, чем чудилось издали. Пики пронзали небо, скальные стены угрожающе надвигались со всех сторон. Померещилось, что леталка вот-вот врежется в такую стену, но скалы чуть-чуть расступились, образуя ущелье. Захватило дух, когда аппарат повис меж двух отвесных стен, готовых в любую минуту сплющить его и раздавить. Однако стены смилостивились и разошлись, и машина устремилась носом вниз в широкую зеленую долину, укрытую в сердце гор. Мелькнул пересекающий долину горный кряж, а по склону его — стена иного рода, прихотливо извитая, жемчужно-белая. И за стеной на гребне — череда белых многоэтажных зданий, а вокруг них среди деревьев, по-видимому, жилые постройки. Постройки были самые разные, то одно- или двухэтажные бараки, то целая группа хижин, обнесенная собственным забором, то совершенные, на человеческий взгляд, трущобы, а то нечто совсем ни на что не похожее.

Леталка вспорхнула на гребень и плавно опустилась на настоящую зеленую лужайку. Рядом виднелся дом. Фонарь пассажирского салона поднялся, пилот чирикнул, и Колючка выкатился наружу. Тимоти в некотором замешательстве последовал за ним. Встал рядом, вгляделся в дом за лужайкой и ахнул: это была почти точная копия усадьбы в Гопкинс Акре.

От дома по лужайке к ним метнулось долговязое существо, узкогрудое, кривоногое, с вихляющими руками. Подрулив прямо к Тимоти, существо замерло и сказало по-английски:

— Я ваш переводчик, советчик и, смею надеяться, искренний друг. Можете называть меня Хьюго. Конеч-

но, это не мое подлинное имя, зато для вас произносимое без труда.

Когда Тимоти обрел дар речи, он спросил:

— Может, вы хоть объясните мне, что происходит?

— Всенепременно все объясню, — ответил Хьюго. — В свое время. Первым делом последуйте за мной в вашу резиденцию. Вас ожидает обед.

Он пустился назад по лужайке, Тимоти поплелся следом, а Колючка резво скакал рядом. Не успели они перейти лужайку, как леталка оторвалась от земли.

Если не придираться к мелочам, дом и усадьба во всех отношениях были повторением Гопкинс Акра. Лужайка была хорошо ухожена, деревья высажены именно там, где надо, и вся планировка участка напоминала утраченное поместье. С одним-единственным несоответствием — здесь горизонт был со всех сторон замкнут горами, а настоящий Гопкинс Акр от ближайших гор отделяли многие сотни миль.

Поднявшись по широким каменным ступеням, они подошли к тяжелой двустворчатой двери. Колючка предпочел отстать и радостно скакал по лужайке. Хьюго потянул одну из створок на себя. Может статься, в обстановке были какие-нибудь отличия, но незаметные на первый взгляд. Перед ними лежала темная гостиная с притаившейся в тени мебелью, а дальше столовая. Стол был накрыт и ждал гостей.

— Сегодня седло барашка, — возвестил Хьюго. — Насколько нам известно, это любимое ваше блюдо. Барашек небольшой, но ведь мы обедаем только вдвоем...

— Баранина? Здесь?

— Когда мы здесь решаем что-либо сделать, то делаем тщательно и так близко к подлиннику, как возможно. Мы испытываем безграничное уважение к многообразию культур, приглашенных сюда на жительство.

Тимоти преодолел гостиную, почти не споткнувшись, и несмело вошел в столовую. Переводчик не соврал — стол был накрыт на двоих, а из кухни доносился звон посуды.

— Разумеется, — продолжал Хьюго, — здесь вы не найдете ружей Хораса, хотя оружейная в доме есть. Есть и кабинет для вас, но, к сожалению, пустой. Мы не могли сдублировать ваши книги и записи, о чем весьма сожалеем, но и нашим возможностям есть определенный предел, которого не превзойти. Однако я

уверен, что материалы, которые мы в состоянии предоставить, заменят вам книги.

— Погодите, погодите, — остановил его Тимоти. — Откуда вам известно про Хораса и его ружья, про мой кабинет и книги, да и про седло барашка, коль на то пошло? Откуда вы все это знаете?

— Подумайте сами, — предложил Хьюго. — Неужели не догадываетесь?

— Колючка! Выходит, мы столько лет давали приют вероломному шпиону?

— Не шпиону, а усердному наблюдателю. Если бы не он, вас бы здесь не было.

— А как с другими? С Хорасом и Эммой? Вы накинулись на меня одного, а что будет с другими? Вы можете вернуться и забрать их?

— Наверное, можем. Однако не станем. Вы единственный, кто нам нужен.

— Почему я? Зачем я вам понадобился?

— В должное время узнаете. Заверяю вас, что мы не хотим ничего плохого.

— Но двое других — тоже люди. Если вам нужны люди...

— Не просто люди. Люди определенного склада. Подумайте и ответьте мне честно. Нравится ли вам Хорас? Приводят ли вас в восторг его замыслы и поступки?

— Ну, в общем, нет. Но Эмма...

— Без Хораса она не будет счастлива. Она стала во многом весьма похожей на Хораса.

С этим спорить не приходилось, тут переводчик прав. Эмма любит Хораса и с годами стала думать по его образу и подобию. И все равно, несправедливо бросить их посреди пустыни, в то время как ему предстоит, по-видимому, жить здесь в комфорте...

— Будьте добры занять место за столом, — предложил Хьюго. — Ваше место во главе стола, поскольку вы хозяин поместья и должны вести себя соответственно. Я сяду по вашу правую руку, поскольку я и есть ваша правая рука. Вы уже постигли, возможно, что я гуманоид. Мое тело устроено почти так же, как ваше, и я перевариваю пищу, как вы, хотя должен признаться, что мне стоило известных трудов приучить себя к пище, какую вы потребляете. Однако ныне ваша кухня стала

по большей части доставлять мне удовольствие. Баранина — мое любимое блюдо.

Тимоти натянуто улыбнулся.

— Мы едим не только баранину, но и многое другое.

— О, мне это хорошо известно. Должен вас уведомить, что Колючка весьма внимателен к мелочам и не упустил почти ничего. Однако давайте сядем, и я дам знать на кухню, что мы явились и готовы приступить...

Тимоти отодвинул стул во главе стола и уселся, отметив про себя, что скатерть безукоризненно белая, а салфетки свернуты по всем правилам. Почему-то эти детали дали ему ощущение уюта. Хьюго звякнул колокольчиком, сел по правую руку Тимоти и потянулся к бутылке.

— У нас имеется превосходный портвейн. Желаете отведать?

Тимоти кивнул. Из кухни появились три гуманоида, неотличимые от Хьюго. Один внес баранину, и Тимоти не преминул отметить, что мясо частично порезано на порции. Наконец-то Колючка хоть что-то прохлопал, подумал он, ликуя почти до неприличия: никто не режет жаркое или птицу на кухне, разделка мяса — важный застольный ритуал. Другой гуманоид притащил супницу и, не спрашивая согласия, разлил суп половником по тарелкам. Третий поставил на стол большое блюдо с овощами, придвинув его к жаркому.

Суп оказался отменным — густая похлебка из овощей с ломтиками ветчины и вермишелью. Как только Тимоти поднес ложку ко рту, он почувствовал волчий голод и, забыв о правилах поведения, принялся хлебать варево с неприличной скоростью.

— Хорош, не правда ли? — осведомился Хьюго, имея в виду суп. — Наш Бекки становится неплохим поваром, хоть ему и пришлось немало потренироваться... К сожалению, — продолжал болтать переводчик, — прислуга не владеет языком в той же мере, как я. Они понимают простые слова и могут ответить с грехом пополам, но настоящего разговора с ними не получится. Жаль, что вы не владеете телепатией, но в противном случае мне не выпало бы удовольствия находиться у вас на службе.

Тимоти не удержался от вопроса:

— А что, другие, кто попал сюда, общаются телепатически?

— Нет, но многие способны на это, а кроме того, имеется базовый язык. Вы покамест не знаете базового, и обучение займет некоторое время...

— Базовый язык?

— Общий для всех культур. Искусственно созданный язык, включающий самые легко произносимые слова из многих языков. Разумеется, лишенный грамматики и не слишком элегантный, но всякий владеющий базовым может быть понят. Правда, здесь есть и такие, кто не использует в общении ни звук, ни телепатию, однако выработаны способы понять любого без исключения...

Они покончили с едой и дружно отодвинулись от стола.

— Ну а теперь, — сказал Тимоти, — вы соблаговолите наконец объяснить мне, где мы находимся? Что это за город?

— Полное объяснение было бы очень пространным, — ответил Хьюго. — Временно ограничимся тем, что здесь размещается галактический центр — детище множества культур из разных концов Галактики. Мы мыслители и исследователи. Мы пытаемся постигнуть смысл мироздания. Здесь в центре мы встречаемся и тем или иным образом общаемся друг с другом. Общаемся как равные, сводим воедино наши размышления, теории и открытия. Вопросы ставятся, точно формулируются, а затем мы ищем ответы.

— Если так, то в моем случае вы промахнулись. Вытащили пустышку. Не могу причислить себя к великим мыслителям. Я медлителен и несообразителен. Я подолгу пережевываю любую мысль, прежде чем записать ее или огласить. Математика для меня — тайна за семью печатями, да и в других науках я не силен. То немногое, в чем я разобрался, я постиг самоучкой. У меня нет образования, а тем более академических степеней. Да, я увлекался историей и философией, можно сказать, они приворожили меня. И я затратил многие годы на то, чтобы прийти к пониманию, как и почему человечество решило следовать именно таким, а не другим курсом. Только я почти ничего путного не придумал. Уму непостижимо, с чего это Колючка взял...

— Он оценивает вас гораздо выше, чем вы сами.

— Мне трудно в это поверить. Колючка всегда казался глупеньким, знай себе играл в свои дурацкие игры. Была у него игра, когда он прыгал с квадрата на

квадрат, а квадратов-то и в помине не было. Они существовали только в его воображении.

— Многое из того, что мы постигаем во Вселенной, проясняется сперва в нашем воображении. Зачастую надо вообразить себе что-то, чтобы впоследствии понять.

— Мы толчем воду в ступе, — рассердился Тимоти. — Так мы ни до чего не договоримся. Я принимаю ваше объяснение насчет центра и вижу, что я вам вовсе не подхожу. Тогда зачем я здесь?

— Чтобы предоставить нам факты.

— Какие факты? Чего вы от меня ждете?

— Более ничего не могу сообщить. Полученные мной инструкции ограничивают меня тем, что я сказал. Завтра я доставлю вас туда, где вам надлежит быть. Однако уже поздно, и нам, по-моему, следует отдохнуть.

Тимоти долго ворочался без сна. Мысли крутились бешеным хороводом, память вновь и вновь листала то немногое, что удалось выяснить у переводчика. Разумеется, вполне логично, что разумные расы Галактики создали центр, где могут соединить свои знания и трудиться совместно во имя общего блага. Но что за проблемы стоят перед ними, какие вопросы их волнуют? Размышлять об этом можно было бесконечно, вопросов вспыхивало множество, но по зрелом размышлении одни оказывались неглубокими, другие просто смешными. Слишком узок был присущий человеку угол зрения, человеческая культура в принципе формировалась как зашоренная. Хотя, поправил себя Тимоти, не исключено, что зашоренность — свойство, неизбежное в изоляции, а потому изначально присущее любой из представленных здесь культур.

Только-только он погрузился в сон, как его растолкали.

— Прошу прощения, сэр, — произнес склонившийся над ним Хьюго. — Вы спали так крепко, что будить вас было грешно. Однако завтрак на столе, и нам пора в путь. У меня имеется наземный экипаж, и дорога весьма живописна.

Морщась от неудовольствия, Тимоти стряхнул с себя дремоту и сел в постели. Потянулся за одеждой, висящей на спинке стула, и буркнул:

— Сейчас иду...

На завтрак была яичница с беконом — и то и другое в точности по его вкусу. Кофе оказался тоже вполне терпимым, и он не сдержал удивления:

— Вы что, выращиваете здесь кофе?

— Нет, — ответил Хьюго. — Пришлось похлопотать, прежде чем мы достали кофе на одной из планет, колонизованных вашей расой много тысячелетий назад.

— Значит, некоторые колонии уцелели и существуют до сих пор?

— Некоторые даже преуспевают. После трудностей начального периода, само собой разумеется.

— И вы завезли все эти продукты из земных колоний?

— Завезли достаточно на первое время. А также рогатый скот, кур, свиней, семенное зерно и семена разнообразных овощных культур. В нашем распоряжении были необходимые средства и обширная информация. Нам было приказано не жалеть усилий, и мы их не пожалели.

— Ради того чтобы кормить одного человека? Или здесь есть и другие люди?

— Вы единственный, — ответил Хьюго.

Наземный экипаж ожидал у входа, переводчик сел за рычаги управления. Дорога шла среди жилых кварталов. Строения по большей части прятались за густыми посадками, а на одном участке, где к дороге выбегала веселая лужайка, жилье, по-видимому, скрывалось под землей. На лужайке резвились, перекатываясь, полдюжины шерстистых созданий, игривых, как дети, — может, это и были дети.

— Вы встретите здесь существ всевозможного облика, — сообщил Хьюго. — Сами удивитесь тому, как быстро привыкаешь к подобному многообразию.

— Из ваших слов можно сделать вывод, что вы здесь старожил. У меня, признаться, было ощущение, что меня отсюда вышвырнут, как только во мне отпадет нужда.

— Ни при каких условиях! Когда собеседование будет закончено, мы предоставим вам информационные материалы, и вы продолжите вашу работу. Вполне вероятно, что она имеет отношение к обдумыванию и решению интересующих нас проблем или, по меньшей мере, будет способствовать поискам подходов к нужным решениям.

Тимоти только хмыкнул в ответ.

— Вам не нравится предложенная перспектива?

— Вы похитили меня не спрашивая. Вы и этот непотребный Колючка, который столько лет шпионил за нами.

— Вы не единственный, кого мы привлекаем. Мы ищем информацию и таланты во многих мирах. Информацию можно получить почти на любой планете, однако таланты редки.

— Вы думаете, что я талант?

— Не исключено.

— Но и таланты развиваются подчас отнюдь не так, как вы от них ожидаете. Что вы делаете в таких случаях?

— Продолжаем содержать их. Мы считаем себя в долгу у таких существ. Мы всегда выплачиваем свои долги.

Они миновали миниатюрный розовый замок на холме, весь в зубчатых стенах и башнях с развевающимися яркими вымпелами.

— Волшебный замок, — произнес Хьюго. — Полагаю, что вспомнил точное определение. В этом замке обитают просвещенные, способные видеть Вселенную как сложнейшее математическое построение и работающие в этом направлении. Мы питаем надежду, что со временем их труды подскажут нам верный путь.

Дорога вывела на магистраль с твердым покрытием. Здесь попадались и другие экипажи, хотя не слишком многочисленные, — во всяком случае, о пробках не было и речи. В отдалении возникли контуры высотных зданий, резко вычерченные на фоне неба. Контуры были ясные, без всяких украшений.

— Туда мы и едем?

— Вы назвали бы это административными корпусами, — ответил Хьюго. — Именно в этих корпусах ведется основная работа, хотя многие сотрудники работают у себя дома или в уединенных хижинах, укрытых среди холмов. Однако здесь результаты сводятся воедино. Здесь расположены лаборатории, обсерватории, библиотеки, мастерские, конференц-залы. И иные необходимые помещения, для которых я не подберу слов на вашем языке.

Они покатили по широким бульварам. Экипажи на обочинах поджидали седоков. Здания были разделены парковыми зонами. По тротуарам передвигались — шагали, катились, скользили, ползли выгибаясь, ползли извиваясь — всяческие чудища, кто в вызывающе цве-

тастых одеждах, кто нагишом. У многих были сумки и чемоданчики, а один ползун тащил за собой целую тележку с пожитками.

— С виду здесь почти как на Земле, — заметил Тимоти, — улицы, парки, здания...

— Задача организации рабочих пространств, в сущности, проста, — заявил Хьюго. — Надо взять столько-то сот или тысяч кубических футов и одеть стенами. При возведении зданий руководствовались одним принципом — добиться максимально возможной простоты и функциональности. Любое отступление от простоты могло бы вызвать отрицательную реакцию у какой-либо из представленных здесь культур. Если нельзя эстетически угодить всем, мы приложили все усилия, чтобы не угодить никому, используя наиболее невыразительную архитектуру совершенно прямых линий.

Подъехав к одному из зданий, Хьюго съехал на бровку и притормозил.

— Вам сюда. Я провожу вас до места назначения, но я не вправе войти туда вместе с вами. Войдете вы самостоятельно и окажетесь в маленькой комнате с единственным стулом. Садитесь и ждите. И ни о чем не тревожьтесь: через несколько минут вы вполне освоитесь с обстановкой...

Идти было недалеко. Навстречу никого не попалось. Переводчик довел Тимоти до двери и повернул обратно. Тимоти легко толкнул дверь — она открылась без труда.

Хьюго предупредил, что комната будет маленькой. Такой она и была — маленькой, но привлекательной. Пол был застлан ковром, стены украшены орнаментами, а та стена, к которой был обращен стул, была орнаментирована целиком. Усевшись, Тимоти принялся изучать орнамент. Он представлял собой хитросплетение узоров в мягких красках. Узоры были мелкими, один переходил в другой, и глаз отказывался уловить четкие их границы.

Послышался голос, исходящий прямо из стены:

— Добро пожаловать в центр. Вас зовут Тимоти. Есть ли у вас иные имена?

— У меня есть фамилия, но в семейном кругу мы ею никогда не пользуемся. Для повседневного общения вполне достаточно имен. Но если угодно, моя фамилия — Эванс.

— Превосходно, мистер Эванс, — подхватил голос, — мы проводим расследование ситуации, относительно которой вы располагаете определенными сведениями. Мы выслушали многих свидетелей, однако ни одно свидетельство не является более весомым, чем ваше. Пожалуйста, отвечайте честно и откровенно.

— Постараюсь, насколько это возможно.

— Прекрасно, тогда идем дальше. Для протокола — вы Тимоти Эванс, человек с планеты, которая у вас именуется Землей. До недавних пор вы жили на этой планете безотлучно.

— Правильно. Но почему вы не показываетесь? Мне не нравится беседовать со стеной.

— То, что я избегаю встречи лицом к лицу, диктуется вежливостью, мистер Эванс. Вы провели здесь совсем мало времени и видели близко только Хьюго. Через несколько дней, после встреч с другими, вы, надеюсь, поймете меня лучше. Уверяю вас, я вполне дружелюбная личность, способная к сопереживанию, однако мой облик представится вам чудовищным. Я не один, рядом со мной другие. Вас слушает целая группа существ, хотя говорю я один. Большую часть нашей группы также составляют, с вашей точки зрения, совершеннейшие чудовища. Вообразите себя в кругу чудовищ. Теперь вы понимаете, почему мы избрали форму заочной беседы?

— Пожалуй, понимаю, — ответил Тимоти. — Очень тактично с вашей стороны.

— Продолжим вопросы. Вы знакомы с деятельностью миссионеров, которых ваши сограждане назвали бесконечниками. Что проповедовали эти миссионеры, чего именно добивались?

— Старались убедить человечество в преимуществах бестелесного бытия. Убеждали людей отказаться от своих биологических тел в пользу бестелесности.

— А если им удавалось внушить желаемое, располагали ли они возможностями для такой трансформации?

— Да, располагали.

— Ваш ответ звучит очень определенно. Откуда вы это знаете?

— Совсем недавно я побывал в эпохе, где множество бестелесных существ прикреплены, — кажется, что прикреплены,. — к каким-то решеткам в небе. Добав-

лю, что мой родной брат согласился на процесс трансформации, только процесс не был завершен...

— То есть в случае вашего брата бесконечники потерпели неудачу?

— Может быть. Или он сам вышел из процесса до его завершения. Я так и не понял до конца, что произошло. Он рассказывал каждый раз по-разному.

— Какое влияние оказал процесс на вашего брата?

— Он стал призрачным существом, как бы состоящим из сверкающих искр. По моим представлениям, если бы трансформация продолжилась, он сконденсировался бы в одну-единственную искру.

— Бестелесные существа на решетке, о которых вы упоминали, представляли собой одиночные искры?

— Да, там было множество одиночных искр. Они располагались над одним из прежних обиталищ бесконечников. Мы прозвали эти обиталища монастырями.

— Монастырями? Поясните, пожалуйста.

— Монастыри — это здания, где жили служители церкви, именуемые монахами. Монахи носили характерные одеяния, и бесконечники походили на маленьких монахов, вот мы и окрестили места их обитания монастырями.

— Возможно, к деталям мы еще вернемся впоследствии, — возвестил голос. — Сейчас хотелось бы перейти к самой сути дела. Из ваших показаний следует, что большинство населения Земли перешло в бестелесное состояние. Ваша семья сохранила прежний облик. Как вам это удалось?

— Мы бежали от бесконечников. Бежали в прошлое. Моя семья — не единственная в своем роде. Были и другие беглецы. Сколько именно, я не знаю.

— Вы переместились во времени. Значит, у вас были машины времени?

— Мы украли их у бесконечников. Сами мы путешествовать во времени не умели. Просто слепо следовали чужим чертежам, почти не разбираясь в принципах конструкции.

— Однако почему вы решили бежать? Абсолютное большинство жителей Земли не прибегло к бегству.

— Мы отличались от большинства, у нас было другое мировоззрение. Нас считали неотесанной деревенщиной — отселенцами, если вам знакомо такое слово.

— Полагаю, что понимаю смысл. Это те, кто по географическим и культурным причинам оказался в неблагоприятных условиях и отстал. Отставание могло быть и сознательным.

— Оно и было сознательным. Мы придерживались прежних ценностей, отринутых остальным человечеством.

— И потому вы не могли принять философию бесконечников?

— Нас тошнило от их философии. Она вставала нам поперек горла.

— Почему же она была принята большинством?

— Большинство начисто забыло прежние ценности. Отказалось от технического развития, хотя техника во многих отношениях служила человечеству верой и правдой и послужила бы еще лучше, если б оно удосужилось разработать более строгий этический кодекс. Но люди отвернулись от прогресса. Говоря по совести, не могу не признать, что в отдельные исторические периоды прогресс оказывался пагубным. Тем не менее он привел нас, в прошлом бессловесных тварей, к относительно благополучному, достойному обществу. Мы одолели национализм, победили почти все болезни и даже достигли, хоть и с трудом, экономической справедливости.

— И все-таки остальные люди отвернулись от всего, что вы именуете прежними ценностями, в момент, когда общество вплотную подошло к совершенству. Что случилось? Ваша раса состарилась и устала?

— Мне случалось задавать себе этот вопрос. Данных, на базе которых можно было бы дать точный ответ, вероятно, просто не существует. Самое странное, что, если не ошибаюсь, не было никаких кампаний против прогресса, не было активных проповедников перемен. К новому образу жизни никто не подталкивал. Идея как бы просачивалась по капле, но прошло не так много времени, и люди вообще перестали делать что бы то ни было, кроме как разговаривать. При этом они уверяли себя, что ведут глубокие философские дискуссии, а на самом деле все сводилось к праздной болтовне. За свою историю люди пережили много культовых увлечений — культы появлялись, расцветали пышным цветом, а затем неизменно гасли. Но в том-то и соль, что забвение прогресса — не культ. Вроде как каждый решил своим умом, что прогресс не имеет смысла, а

техническое развитие себя не оправдывает. Словно людей поголовно поразила какая-то заразная болезнь...

— А это не могла быть действительно болезнь?

— Непохоже. В сущности, такая возможность даже не обсуждалась. Человечество приняло новые жизненные установки, и точка.

— Таким образом, ваша раса была морально готова к появлению бесконечников.

— Видимо, да. Сначала на них не обращали особого внимания. Потом их философия мало-помалу вошла в моду. Шума вокруг бесконечников вообще никогда не было. Они действовали не спеша, но с годами набирали силу. Это была, можно сказать, тихая катастрофа. Отнюдь не первая в истории человечества. В свое время мы почти отравили окружающую среду химикатами, но в последний момент опомнились. Не раз мы стояли на пороге гибели в войнах — и все же, опять в последний момент, находили пути к миру. А в этом случае мы послушно выстроились в очередь и безропотно приняли уготованную нам судьбу.

— Но вы же сами сказали, что приняли ее не все.

— Своевольных оказалось немного. Даже совсем мало. Несколько тысяч отправились в космос искать для себя другие планеты. Кое-кто сбежал в прошлое. Ко времени бегства нашей семьи бесконечники изменили тактику и стали прибегать к грубому нажиму. Видимо, не хотели упустить случай обратить в свою веру целую расу без исключений. В годы моего детства с такими, как мы, стали поступать круто. То, что я рассказал вам ранее, я знаю из уроков истории.

— История могла быть искажена предвзятостью.

— До известной степени — да, не спорю. На нас нападали, мы оборонялись.

— Какие аргументы выдвигали бесконечники, чтобы убедить ваших сограждан согласиться на трансформацию?

— Предлагали им своего рода бессмертие. Бестелесное существо умереть не может. Оно может даже пережить смерть Вселенной. Оно застраховано от любых физических бед. Избавьте интеллект от тела — и он воспарит. Таково, внушали бесконечники, истинное призвание каждого разумного существа. Интеллект — единственное, что стоит принимать в расчет. Зачем, спрашивали они, бесконечно бороться с физическим

миром, с его опасностями и разочарованиями? Отбросьте его, повторяли они, и обретете подлинную свободу.

— И вероятно, для многих эта логика была неотразимой.

— Для большинства, — подтвердил Тимоти.

— Но вас и вашу семью она не убедила. Вы и ныне считаете эти аргументы ошибочными?

— Трудно точно описать, какие чувства мы испытывали в свое время. Обобщенно могу сказать лишь одно: действия бесконечников внушали нам величайшее отвращение.

— Вы боялись их, ненавидели их? Считали их врагами?

— Да.

— А теперь, когда все кончено, когда бесконечники, судя по всему, добились своей цели? Что вы думаете теперь?

— Борьба не закончена, — ответил Тимоти. — Человечество все еще существует. Есть колонии на других планетах, и, как мне сказали, дела там идут неплохо. Есть и диссиденты, укрывшиеся в прошлом.

— Что вы думаете о тех, кто выбрал путь, предложенный бесконечниками?

После долгих колебаний Тимоти ответил:

— Наверное, они заслуживают своей участи. Они же сами напросились на нее, когда отвернулись от всех свершений человечества... — Голос умолк. Тимоти ждал продолжения, но, не дождавшись, спросил сам: — Это все, о чем вы хотели побеседовать со мной? Могу я узнать, чем вызван ваш интерес к моей особе?

— Данное расследование, — отозвался голос, — имеет целью выяснить смысл поведения бесконечников, их побудительные мотивы. Мы уже опросили многих других.

— А что, другие расы тоже стали жертвами бесконечников?

— Некоторые — да.

— И бесконечники продолжают свои проповеди поныне?

— Проповеди на время приостановлены. Мы изолировали бесконечников на их планете. Пусть побудут в карантине вплоть до завершения расследования. Мы здесь в центре уважаем свободную волю всех рас,

однако нельзя оставлять без внимания случаи, когда свободная воля становится слишком агрессивной.

— А те, кого мы назвали монстрами-убийцами? С ними что будет?

— Это просто наемники. Машины насилия, которые бесконечники в своей непомерной самонадеянности привлекли себе в помощь, чтобы навязывать свою волю другим. Монстры-убийцы подлежат не изоляции, а уничтожению. Такой фактор не может быть терпим. Несколько монстров еще бродят по планетам, но мы их выслеживаем и выследим. Ваш друг Колючка уничтожил одного из последних остававшихся на свободе.

— Это случилось у меня на глазах, — сказал Тимоти.

— Именно самонадеянность бесконечников привлекла к ним наше внимание. Галактика велика, но для самонадеянности в ней места нет. Можно понять и принять почти все что угодно, но не самонадеянность.

Снова воцарилось молчание.

— Беседа окончена? — спросил Тимоти.

— На сегодня — да, — ответил голос. — Позже мы обязательно ее продолжим. Вы теперь один из нас. Давно пора привлечь в наш центр человека. В своей резиденции вы найдете информационные материалы, из которых узнаете подробнее, кто мы и как организуем свою работу. Время от времени мы будем вызывать вас для обсуждения назревших вопросов...

Тимоти выждал еще немного, затем медленно поднялся и вышел. Хьюго бездельничал, прислонясь к экипажу.

Тимоти Эванс, новый сотрудник Галактического центра, неторопливо спустился по ступенькам к своей машине.

Глава 11

ГЕНРИ

След был долгим, его было нелегко распутать, но вот и финиш — и никого. На краю чашеобразной долины стоит пустой времялет. В центре долины углубление, как от фундамента, а над углублением — купол сверкающих искр. Инстинкт подсказывает, что каждая искорка в этом куполе — бестелесное человеческое существо.

Ситуация сложилась загадочная. Те, кого он выслеживал, были здесь, и совсем недавно, но исчезли, оборвав след. И Инид также пропала, не оставив следа.

Характерно, что в ковчеге не оказалось ничего из наваленных туда Хорасом припасов. Значит, исчезновение всех троих не было внезапным, оно планировалось заранее. Во всяком случае, у них хватило времени на то, чтобы собрать пожитки и взять их с собой, куда бы там они ни улетучились.

Все склоны над долиной были странным образом изрыты, а рядом размещены какие-то грубые конструкции. Очень похоже на линию обороны, построенную на скорую руку, но спрашивается: от кого или от чего им пришлось обороняться?

Он распознал следы Эммы, Хораса и Тимоти, а также запах Колючки. Кроме того, он различил следы

множества иных существ. В пыли сохранились отчетливые отпечатки ступней, похожих на человеческие. Но, приглядевшись пристальнее, он понял со стопроцентной уверенностью, что отпечатки оставлены не человеком.

Прямоугольное углубление в центре долины тоже казалось свежим — недавно здесь стояло здание. Со зданием был каким-то образом связан тусклый запашок, памятный ему с давних времен и присущий только и исключительно бесконечникам.

Семья распалась. Инид исчезла, Дэвид погиб, а теперь и остальные пропали без вести. И он один, совершенно один в этом далеком и бесприютном будущем.

Если бы только он мог пройти по временным линиям обратно в точку, когда Эмма, Хорас и Тимоти впервые попали сюда, — если б это было выполнимо, тогда все сразу стало бы на свои места. Но он знал, что невозможное невозможно. Путешествовать во времени — не проблема, задавай себе любую цель, кроме участков, где твое появление может воздействовать на ход уже состоявшихся событий. Вне сомнения, подобное ограничение вполне логично, — но каким именно образом оно осуществляется? Как ни старайся, какие физические законы ни припоминай, ни один не подходит. А что если, спросил он себя, законы Вселенной все-таки основаны на элементарной этике?

Он плыл над долиной, и в сознании вновь и вновь складывались все те же неотвратимые выводы. Он один-одинешенек, без семьи и друзей, в мире, который ему неизвестен и чужд. Он мог бы вернуться в Гопкинс Акр, но там тоже будет грустно и одиноко, он будет чувствовать себя затерянным в огромном поместье, населенном призраками прошлого. Мог бы он, конечно, и вернуться по собственным следам к Коркорану, который теперь остался единственным уцелевшим. Но Коркоран не заменит семьи, да и не принадлежит к ней: он чужак, заброшенный в Гопкинс Акр по воле случая.

Мне следовало бы быть там, подумал Генри, среди этих переливчатых точек света. Радостно им или горько, я должен был стать одним из них. Но — поздно. Давным-давно, из упрямства и гордости, я сам все испор-

тил, провалил трансформацию, и теперь мне нет места под куполом. Может, по сравнению с ними я и выгадал. Когда-то я именно так и думал — но не ошибся ли я?

Он принялся сызнова рыскать туда-сюда, как охотничий пес, в слабой надежде уловить исчезнувший след. Нет, бесполезно. След обрывался здесь, в этой чашеобразной долине.

Глава 12

КОРКОРАН

Коркоран почти бежал — той же памятной тропинкой от лужка, где приземлился времялет, к обрушенной стене вокруг давно забытого города. Вполне возможно, что он гонится за химерой. Возможно, его ждет горькое разочарование. Едва сойдя с трапа, он первым делом бросил пристальный взгляд на гребень с руинами и не обнаружил там никакого дерева. В то же время он был убежден, что в прошлый раз оно ему не померещилось.

Скорее всего, дерево можно увидеть далеко не с любой позиции. Как в случае с ковчегом у стен «Эвереста», который становился видимым лишь под определенным углом. Здесь, вероятно, то же самое: надо встать на определенное место и выбрать строго определенный угол зрения, прежде чем дерево проявится в синеве.

Перебрасывая ружье из одной руки в другую, он карабкался и карабкался по тропе. Достиг ворот, полупредполагая вновь встретить старика в рубище, но у ворот никого не оказалось. Надо думать, старый астронавт странствует где-нибудь по горам, беседуя со своими возлюбленными деревьями и камнями.

Коркоран протиснулся через завалы, углубился в развалины и повторил маршрут, по какому следовал

вместе с Дэвидом. Дерева по-прежнему не было. Преодолевая руины, он судорожно лез вверх, к самому гребню, — и наконец-то в небе наметилась туманная дрожь. Еще шаг — и вот оно, дерево, немыслимое исполинское дерево, взмывающее в зенит. Еще один шаг — дерево стало совершенно отчетливым, а вместе с ним и винтовая лестница, закрученная вокруг ствола.

Всхлипывая от напряжения, он преодолел последний подъем бегом. Не исчезай, заклинал он дерево. Пожалуйста, стой где стоишь, не исчезай...

Оно не исчезло, напротив, с каждым шагом приобретало все большую реальность. Совершенно задохнувшись от бега в гору, он рухнул у подножия ствола и, протянув руку, коснулся коры ладонью. Кора была грубая, шероховатая, как у всякого нормального дерева, и само дерево вблизи было нормальным, не считая колоссального обхвата и несусветной высоты. А винтовая лестница была сделана из прочного металла и к тому же имела перила с внешней стороны.

Поднявшись, он шагнул к лестнице, но передумал и снова сел. Нет-нет, не торопись, сказал он себе, сперва восстанови дыхание и вообще подготовься. Положил ружье на землю, снял с плеч рюкзак. Проверил его содержимое — еда, фляга с водой, теплая куртка, одеяло, а еще веревка на случай, если восхождение затянется и придется привязать себя к лестнице на ночевку. Перепаковав рюкзак, он прислонился к стволу спиной. Не спеши, внушал он себе, не спеши, подготовься... Внизу лежали руины, а дальше виднелась долина, куда они с Дэвидом спускались, когда ходили в деревню бездельников.

Прошло четверть часа, и Коркоран все-таки взбросил рюкзак на спину, взял ружье и начал восхождение по лестнице. Подниматься оказалось совсем нетрудно: ступеньки располагались с удобными интервалами, перила были крепкие и надежные, дающие опору и ощущение безопасности.

Вниз он не глядел до той самой минуты, когда пришлось остановиться на отдых. Тогда он рискнул осмотреться и ахнул от удивления: как же высоко он, оказывается, забрался! Увидеть руины у подножия дерева можно было, только если просунуть голову меж стоек перил. С высоты руины выглядели невзрачной кучкой серых камешков, а стена вокруг города предста-

вала тонкой ломаной линией. За пределами руин лежала зеленая морщинистая мешанина холмов и нагорий — сплошная, без разрывов, если не считать редких проблесков рек и речек. Задрав голову вверх, он не видел конца пути — ствол тянулся прямо в небо, пока не пропадал в голубизне.

Коркоран полез выше. Во время следующей передышки, к еще большему своему удивлению, он выяснил, что руин не видно совсем. Окрестные холмы словно сгладились, потеряв всякие признаки склонов и обрывов. Древесный ствол стал, пожалуй, немного тоньше, хотя по-прежнему превышал в обхвате любое самое крупное дерево, известное на Земле.

Глаз свидетельствовал, что он находится на высоте не менее трех миль. Но это же невозможно — ни один атлет не одолеет такого подъема всего с двумя остановками! И не было заметно ни падения температуры, ни изменения плотности воздуха. Что — как, впрочем, и размеры дерева — не укладывалось в известные ему законы природы.

Может, стоит прекратить восхождение? Что он, в сущности, хочет доказать и что надеется найти? Однако именно связанные с деревом необъяснимые эффекты решили дело. Надо продолжать. Где-то там наверху кроется ответ на загадку. И вообще, если уж зашел так далеко, то поворачивать никак нельзя: потом до конца дней своих будешь терзаться вопросом, не упустил ли, отказавшись от начатого, единственный в жизни шанс.

Когда Коркоран прекратил спорить с собой и возобновил подъем, до заката оставалось не больше часа. Землю внизу, за исключением одного самого высокого гребня, уже накрыла мгла. Чуть позже он сообразил, что забыл ружье на ступеньке последнего привала. Но возвращаться за ним не стал, да в ружье и не было необходимости. Говоря по правде, без ружья стало гораздо легче. И он поднимался, пока солнце не село и вокруг не сгустились сумерки — не привычные голубые, а почему-то серые. Еще несколько минут, и надо останавливаться на ночлег, привязаться к лестнице веревкой, перекусить и постараться заснуть. Хотя было заведомо ясно, что заснуть как следует вряд ли удастся.

Взбираясь вверх и вверх, он настойчиво и безуспешно пытался разгадать загадку дерева, лестницы и таинственных сил, избавляющих восходителя от естествен-

ной усталости и поддерживающих атмосферное давление вокруг него неизменным. Холодная логика твердила, что ничего подобного — ни дерева, ни вьющейся вокруг него многомильной лестницы, ведущей неизвестно куда, — просто не может быть. Но дерево — было, и лестница — была, хотя, кроме Коркорана, их никто не видел. Странные все-таки метаморфозы приключились с его зрением после аварии, когда ему следовало бы сто раз погибнуть. Дэвид не увидел дерева в упор, и старик при всей своей любви к деревьям не упомянул о нем. А уж не приходится сомневаться, что откройся это деревце хоть кому-нибудь, его существование стало бы притчей во языцех, о нем судачили бы все кому не лень, его рекламировали бы в туристских проспектах по всему миру...

Погруженный в размышления, Коркоран на миг ослабил внимание, споткнулся об очередную ступеньку и поскользнулся. Падая, в отчаянии вытянул руку, попытался ухватиться за спасительные перила, и...

Что-то мелькнуло в его сознании, как вспышка молнии. В глазах потемнело. Потом темная завеса приподнялась, но перила исчезли. Он сделал попытку зацепиться если не за перила, то за ступеньку, лишь бы не рухнуть вниз с сумасшедшей высоты. Ступенек не было. Лестницы не было. Он лежал на плоской поверхности.

В недоумении и испуге он оторвал свой торс от плоскости. Но вокруг не было ничего, кроме серой глади. Ни дерева, ни обвившей дерево лестницы как не бывало.

Он поднялся на колени и осмотрелся, но вновь увидел лишь сплошную серость — серый туман клубился над серой почвой. Нет, клубов не было, тумана тоже не было. Зрение работало четко, ничто не мешало смотреть вдаль, только смотреть оказывалось не на что.

Но когда он медленно встал в полный рост, то заметил, что невдалеке серая почва рассечена какой-то линией. Он подошел поближе. Это была дорога, прямая как стрела и лишь чуть более темно-серая, чем окружающее пространство. Дорога состояла из двух параллельных полосок, отдаленно похожих на трамвайные пути, какими они помнились с детских лет. Словно подтверждая эту догадку, из серой дали вынырнул трамвайчик самой примитивной конструкции и устре-

мился к Коркорану. Крышу у трамвайчика заменял полосатый тент. Несмотря на свой неказистый вид, катился трамвайчик совершенно бесшумно. Коркоран отступил с колеи, трамвайчик проскочил мимо, но вскоре плавно затормозил, дал задний ход и, поравнявшись с человеком, остановился. И Коркоран залез в вагончик и сел на сиденье, даже не задавая себе вопроса, стоит ли это делать. Конечно, его повезут неизвестно куда, но лучше ехать в неизвестность, чем торчать на одном месте, где при всем желании не увидишь ничего, кроме нескончаемой серости.

Впрочем, из вагончика тоже ничего не просматривалось, серость не прекращалась. Однако некоторое время спустя он различил впереди какую-то постройку, а вокруг нее людей. Между постройкой и колеей, по которой бежал трамвайчик, были расставлены столы и стулья, хотя частично их загораживало странное туманное облако, усыпанное мириадами искорок.

Ход у трамвайчика был ровным, скорость — умеренной. Людей у постройки было двое, они заметили приближение вагончика и не спускали с него глаз. Один из людей сразу показался Коркорану знакомым, но прошла минута, прежде чем истина взорвалась в душе бешеной радостью. Не дожидаясь остановки, Коркоран соскочил на землю и метнулся к встречающему с криком:

— Том!.. Слава Богу, это ты, живой! Но что ты тут делаешь?.. — Подбежав к Буну, он схватил его за плечи. — Я тебя искал-искал, а потом мне сказали...

— Сбавь обороты, — сказал Бун. — Все в порядке. Ты ведь помнишь Инид, не правда ли?

Только тут Коркоран присмотрелся к женщине рядом с Буном.

— Ну конечно, помню.

Инид протянула руку.

— Рада встрече с вами, мистер Коркоран. С тех пор как мы виделись в Гопкинс Акре, много воды утекло...

— Да уж, не спорю.

— А это волк, — сказал Бун. — Ты с ним пока незнаком.

Коркоран скосил глаза и увидел волка. Тот скалился.

— С этим, может, и незнаком. Но в том краю, где ты убил монстра, бродили его сородичи.

— Монстра убил не я, — внес поправку Бун. — Монстра убил бизон. А я застрелил бизона.

— Выходит, — признал Коркоран, покачав головой, — я мало что понимаю...

— Мы тоже мало что понимаем, — сказала Инид. — До сих пор толком не разобрались.

— Ну-ка присядем за стол, — предложил Бун. — По лязгу и грохоту из кухни догадываюсь, что робот, заправляющий этой придорожной забегаловкой, решил приготовить нам поесть.

Не успели они занять места за столом, как из хаоса галактической схемы вывалился Конепес и косолапо побрел в их сторону.

— Однако схема, — объявил он, обращаясь к Буну, — залезает обратно в сундук без малейшей помощи с моей стороны. Что есть весьма удачно, ибо, предприми я сие по своей инициативе, я мог бы непременно все испортить. А кто, смею спросить, данная персона, присоединившаяся к нашей компании?

— Познакомься, это наш друг Конепес, — пояснил Бун Коркорану.

— Счастлив свести знакомство, сэр, — проговорил Конепес.

Коркорану ничего не оставалось, как представиться самому.

— Мое имя Джей Коркоран. Я давний приятель Буна.

— Итак, — объявил Конепес, — мы все вместе снова и благополучно находимся на исходной базе. Не могу не сказать, что весьма рад усилению наших рядов приятелем Буна. А также волком и Шляпой.

Шляпа больше не падал, а сидел за столом выпрямившись. Клобук был все так же опущен на лицо — если у него было лицо. Присмотревшись, Бун обратил внимание, что Шляпа выглядит изрядно помятым. Волк наигрался с ним вдосталь, оставив на память отметины от зубов.

К столу явился робот с подносом на голове.

— В данный момент мне нечего вам предложить, кроме свинины с кислой капустой. Надеюсь, вас это удовлетворит. Для хищника имеется миска свинины без капусты. Он не кажется мне большим любителем овощей.

— Он ест любую пищу животного происхождения, — откликнулся Бун. — Но насчет овощей ты, несомненно, прав.

Инид, сидящая рядом с Буном, легко коснулась его руки и осведомилась:

— А ты любишь кислую капусту?

— Более или менее. Я не привередлив, научился есть практически все подряд.

— У нас в семье был один охотник до свинины с капустой — Хорас. Когда ее подавали, он сам становился свинья свиньей. Бывало, вывозится в жиру по самые локти...

Коркоран счел за лучшее сменить тему.

— Кто-нибудь может сказать мне, где мы находимся? Что это за место?

— По словам Шляпы, — ответил Бун, — это Магистраль Вечности.

— А он тебя не разыграл?

— Думаю, что нет. Он вроде бы знает, что говорит. Если он утверждает, что это Магистраль Вечности, я склонен ему поверить.

— Ты-то сам попал сюда, ступив за угол?

— Именно. Когда мое подсознание сфабриковало сон, испугавший меня насмерть. Волк увязался за мной. А ты как здесь очутился? Неужели тоже выучился заворачивать за угол?

— Нет. Я полез на дерево. На огромное дерево с винтовой лестницей вокруг ствола. Что случилось дальше, сам не пойму.

— Какая-то чепуха! — воскликнул Бун.

— Не большая, чем твое попадание за угол...

Они доели в молчании, отодвинули от себя тарелки. Волк расправился со своей порцией раньше всех и уютно свернулся у ног Буна. Наконец Инид обратилась к Коркорану с вопросом:

— А где Дэвид? Он прибудет следом? Он же улетел с вами вместе в одном времялете, не так ли?

Коркоран съежился от неловкости.

— У меня для вас печальная новость, мисс Инид. Дэвид погиб. Очень вам сочувствую. Я... Примите мои соболезнования.

Минуту-другую она сидела как громом пораженная. Потом всхлипнула, но сумела овладеть собой

— Как это случилось?

— Нас разыскал Генри. Он рассказал, что сначала нашел место, где приземлились вы с Буном, и не обнаружил там ни вас, ни его. Затем он выследил ваш времялет в будущем и понял, что вы совершили вторую посадку, но опять исчезли. Тогда мы, уже втроем, отправились вновь в доисторическую эпоху в надежде...

— Но как он погиб? Как?

— Саблезубый тигр. Тигр напал на нас. У Дэвида было ружье, он прикончил тигра, но тот в последний момент успел...

— Дэвида убил саблезубый тигр? — Коркоран молча кивнул. — Но он же никогда не стрелял! Да, он ходил на охоту, но с незаряженным ружьем. Он обязательно вынимал из ружья патроны...

— Там, в прошлом, — сказал Коркоран, — я настоял, чтобы ружье было заряжено. Когда тигр напал на нас, Дэвид защищал лагерь. Если бы не он, тигр расправился бы с нами обоими.

— Вы были с ним, когда он умер?

— Я подоспел в последнюю секунду. Когда я подбежал к нему, он был уже почти мертв.

— Он что-нибудь сказал?

— Не успел. Я похоронил его, как сумел. Могила в окружении скал, прикрыта сверху камнями. Я сказал над могилой несколько слов. Правда, не уверен, что вспомнил те самые слова, какие полагается. В таких делах я не силен...

— А Генри?

— Генри отбыл до того, как это случилось. Отправился выслеживать третий времялет.

Инид, встав из-за стола, предложила Буну:

— Пойдем погуляем?

— Конечно, — отозвался Бун. — Все, что пожелаешь...

Они отошли на порядочное расстояние. Инид крепко держала Буна под руку, волк трусил рядом. Как только они очутились за пределами слышимости, Конепес заявил Коркорану:

— Испытываю подозрение, что ты уклонился от чистой правды. Ты ее приукрасил.

— Разумеется, приукрасил. А что бы ты сделал на моем месте? Когда эта саблезубая кошка загрызла Дэвида, я спал. Она утащила его и сожрала. Стал бы ты рассказывать такое его сестре?

— Полагаю, не стал бы. У тебя добрая душа.

— Я глупый трус, — отрезал Коркоран.

Инид с Буном шли вдоль колеи, и женщина сказала:

— Не хочу плакать! Дэвид не одобрил бы, если б я расплакалась...

— Лучше поплачь, — ответил Бун. — Иногда помогает. Я бы и сам поплакал. Дэвид мне нравился. За то короткое время, что я провел в Гопкинс Акре, он мне определенно очень понравился.

— Из всей семьи, — сказала она, — я жаловала его больше всех. Мы могли разговаривать с ним часами. Были шутки, понятные только нам двоим. Дэвид вел себя бесшабашно, но был далеко не глуп. Времялетом он управлял лучше всех и брался выполнять наши поручения в других временах. Привозил книги и ружья для Тимоти, спиртное для Хораса, безделушки для Эммы. Я его ни о чем не просила, но он и мне привозил подарки: то ювелирные изделия, то поэтический сборник, то духи... И вот он умер. Похоронен в доисторическом прошлом. И надо же, он стрелял! Никогда не думала, что он способен на это. Для этого он был слишком цивилизованным, чересчур джентльменом. Но когда настал действительно роковой момент, он все-таки выстрелил... А теперь я, кажется, плачу. Не хочу плакать, не должна, а плачу. Пожалуйста, Том, обними меня, пока я не выревусь... — Рыдания душили ее минут пять, но в конце концов стихли и сошли на нет. Инид подняла к Буну заплаканное лицо, и он нежно поцеловал ее. — Пошли назад, — сказала она.

Конепес и Коркоран все так же сидели за столом, оживленно беседуя.

— Мы тут строили дальнейшие планы, — сообщил Коркоран Буну и Инид, вовлекая их в разговор. — Что делать дальше? Должен признать, что здравых идей у нас двоих не возникло.

— Улететь не составляет проблемы, — повторил Конепес свой излюбленный тезис. — Невод доставит нас в любую точку, куда бы мы его ни направили.

— Может, вернемся в Гопкинс Акр? — высказался Бун. И уточнил, обращаясь лично к Инид: — Тебе хотелось бы туда вернуться?

Она решительно покачала головой.

— Там больше нечего делать.

— Тогда остается та звезда, что заинтересовала нас, — продолжил Бун. — Звезда с крестом. Телевизор показал, что у звезды есть населенная планета.

— Ты считаешь звезду достойной вследствие креста? — громыхнул Конепес. — Мне тоже поначалу представилось так, а ныне я исполнен сомнений. Крест может быть поставлен в предупреждение, дабы все держались подальше.

— А ведь может быть, — согласился Бун. — Об этом я как-то не подумал. В средние века крестом метили двери домов, пораженных чумой...

— Лично мне жаждалось бы посетить ядро Галактики, — возвестил Конепес. — Если отправиться при посредстве невода...

Бун нервно вскочил. Ни Конепес, ни Коркоран этого не видели, потому что сидели спиной, но в воздухе что-то затрепетало. Потом раздался глухой удар, и буквально в двух шагах от стола упал времялет.

Теперь вскочили и все остальные. Кроме Шляпы, который продолжал сидеть и молчать.

— Это же мой времялет! — воскликнула Инид. — Тот самый, который я утратила. Вернее, бросила...

— Тот, который у вас украли, — уточнил Коркоран. — Генри упоминал, что кто-то уволок времялет с места посадки.

— Но если его украли, как он попал сюда?

Открылся люк, и из кабины выбрался человек. Постоял, растерянно озираясь, оглядел всех по очереди. Коркоран узнал его.

— Мартин! Вот уж нежданная встреча! И Стелла с вами?

— Нет. У нее теперь другие интересы, — ответил Мартин. Ответ прозвучал неуверенно, Мартину было не по себе — то ли вследствие необычной обстановки, то ли почему-либо еще.

Инид спросила, не повышая голоса:

— Это тот самый Мартин, что был нашим представителем в Нью-Йорке?

— И никто другой, — подтвердил Коркоран. — Мартин, который удрал, едва я сообщил ему, что кто-то наводит справки о поместье Гопкинс Акр.

— Удрал, а теперь украл мою машину.

— Вы Инид? — догадался Мартин. — Да, видимо, вы Инид. Только я не крал ваш времялет. Я купил его у

того, кто украл. Темный человек. Украл и сам перепугался до смерти. Ключ был в замке, а он так и не отважился его повернуть. Не представлял себе, что это за штуковина, для чего она служит, и был рад-радешенек продать ее за бесценок. И поскольку у меня оказалось две машины, я взял эту, а другую оставил Стелле...

— Ладно, поверим, — сказал Бун. — Допустим, вы тем или иным способом завладели времялетом Инид и теперь пожаловали к нам. Как вы нас нашли?

Мартин еще раз оглянулся, пожал плечами и ответил уклончиво:

— Есть способы...

— Ясно, что есть! — взъярился Коркоран. — И уж кому-кому, а вам они известны! На кого вы сейчас работаете?

— Ни на кого. На себя самого. Сам себе хозяин.

— И дела у вас, надо понимать, идут неплохо?

— Не жалуюсь. Коркоран, я не понимаю вашей враждебности. Я всегда платил вам щедро, поддерживал ваш бизнес...

— Вы обманывали меня! Как и всех остальных...

Из кабины времялета высунулось личико.

— Бесконечник! — вскрикнула Инид. — На борту бесконечник!..

Мартин, обернувшись, заорал на бесконечника благим матом:

— Ну конечно! Я же просил не показываться, пока я не позову! Так нет, вы не могли дождаться, вам надо было поглазеть! Теперь можете с тем же успехом выйти из машины...

Из люка вывалились не один, а целых три бесконечника, и встали несуразным строем один подле другого. Это были плюгавые создания не более четырех футов ростом, выряженные в платья до пят наподобие черных сутан с капюшонами. Из-под капюшонов выглядывали худые костлявые мордочки.

— Значит, теперь вы работаете на них, — констатировал Бун.

— Только в данный момент. Они изгнанники. Какая-то самозваная группа, именующая себя Галактическим центром, без всяких на то оснований наложила на планету бесконечников карантин и заперла их там, как в тюрьме. Этим троим удалось ускользнуть. Узнав об их затруднительном положении, я согласился им помочь.

Один из бесконечников, выступив вперед, заговорил тоненьким голоском:

— Мы молим о сострадании. Вы принадлежите к расе, которой мы предлагали свои услуги. Большинству ваших сограждан мы дали бессмертие, обезопасив их от любых угроз. Мы высокоморальные существа, несущие добро другим и не требующие ничего взамен. Теперь мы пали жертвами несправедливости и остро нуждаемся в друзьях, которые выступили бы на нашей стороне и добивались бы от нашего имени отмены жестокого и незаслуженного карантина...

— Вы считаете, что с вами обошлись жестоко? — осведомилась Инид слишком уж вежливо.

— Совершенно верно, миледи.

— И вы просите у нас помощи?

— Таково наше сокровенное желание.

— Сначала вы вынуждаете нас к бегству, — сказала Инид гораздо жестче, — а когда мы устраиваемся в другой эпохе, насылаете на нас монстров-убийц...

— Мы трое, как и абсолютное большинство на нашей планете, не имеем к монстрам никакого отношения. Но, увы, возникла секта, погрязшая в самодовольстве...

— Эти, погрязшие в самодовольстве, существуют до сих пор?

— Вероятно, да. Но мы не имеем с ними ничего общего. Сектанты — это отдельный вопрос. Мы трое — посланцы-изгнанники, ищущие сострадания и помощи...

— Ну и много ли они вам заплатили? — поинтересовался Бун у Мартина.

— Почти ничего, — ответил тот. — Я всего-навсего наемный перевозчик...

Хватит болтовни, прозвучал голос, проникающий прямо в мозг. Голос услышали все.

— Кто это? — испуганно спросил Мартин.

— Это Шляпа, — ответил Бун. — Такая уж у него манера — обращаться прямо к вам, не утруждая себя устной речью.

— Минутку, — вмешалась Инид. — Прежде чем мы продолжим разговор, пусть этот Мартин вернет мне ключи от времялета.

— По-моему, законное требование, — произнес Коркоран, пристально глядя на Мартина.

Мартин поерзал в нерешительности, но делать нечего — полез в карман, достал ключи и отдал Коркорану.

А тот, в свою очередь, передал ключи Инид. Мартин, сохраняя самообладание, бросил полушутя:

— Я бы никуда не убежал...

— Конечно, нет. Просто не получилось бы, — осадил его Бун и обратился к Шляпе: — Простите, что перебили вас. Что вы хотели сказать?

Я хотел сказать, заявил Шляпа, *что для нас с вами есть только один логичный маршрут. Не ядро Галактики и не звезда с крестом, что бы этот крест ни означал. И кто когда-либо слышал о звездах, разрисованных крестами?*

— Подобная звезда действительно и непременно есть на схеме, — заявил Конепес. — Звезда, а на ней крест.

— Какой же маршрут вы предлагаете? — спросил Бун.

— Куда бы вы ни отправлялись, — возвестил робот, вылезая из домика-кухни, — я последую за вами. Слишком долго я оставался здесь, и никто не являлся сюда, помимо этого Шляпы, которому и не нужно ничего, кроме как посидеть со мной в безделье. Я забираю с собой плиту и механизм, откуда я черпаю пищу, прежде чем ее приготовить. Я вам пригожусь, без меня вам угрожает голод. Кто ведает, в какие дебри заведет вас этот безумный Шляпа. Он ничего не ест и не разбирается в удобствах и потребностях. Он вообще...

— Довольно, — перебил робота Бун. — Побереги красноречие, ты нас убедил. Надеюсь, невод выдержит нас всех?

Последний вопрос был обращен уже не к роботу, но Конепес уловил это и отозвался:

— Точно и обязательно. Невод увезет нас всех и даже более.

— А как же с времялетом? — спохватилась Инид.

— Здесь на него никто не посягнет, — объявил Конепес. — Невод несравненно лучше.

— Но куда мы все-таки направляемся? — не выдержал Коркоран. — Лично меня заинтересовало прозвучавшее здесь упоминание о Галактическом центре. Если бы только кто-нибудь знал, как туда попасть...

Мы направляемся на планету людей-радуг, сообщил Шляпа. *Бесконечники требуют правосудия и обретут его там.*

— Мне наплевать, чего требуют бесконечники, — вспылил Бун. — Нам бы получить ответы на наши собственные вопросы. Слишком много жутких перемещений и сумасшедших событий. Эта самая Магистраль, да и дерево Джея...

Ты в замешательстве? — поинтересовался Шляпа.

— И притом в нешуточном.

Тем более отправимся к людям-радугам. Они обеспечат тебя ответами.

— Так и быть, — громогласно возвестил Конепес. — Пусть будет планета радуг. Загружайте все, что берете в дорогу, и на борт!..

Что-то ткнулось Буну в щиколотку. Это оказался волк.

— Ты с нами, — сказал Бун. — Тебя мы не бросим, но держись поближе ко мне. Как бы эта поездочка не вышла нам боком...

Глава 13

ХОРАС

Взмахнув топором, робот перерубил канат, удерживающий на месте чашу баллисты. Освобожденный длинный рычаг взметнулся вверх, и камень, выброшенный из чаши, стукнулся в стену. Опять в стену, не перелетев через нее. Стена ответила на удар могучим колокольным звоном, а камень, отскочив, закувыркался вниз: стена стояла на склоне. Роботы бросились врассыпную, удирая от беспорядочно скачущего увесистого снаряда. Прежде чем успокоиться, камень едва не сшиб баллисту.

Два примитивных паровых двигателя, помогавшие оттянуть метательный рычаг, стояли чуть в сторонке, попыхивая и испуская белые клубы. Конрад, тяжело ступая, направился к Хорасу и доложил:

— Ничего не выйдет. Что бы мы ни предприняли, перекинуть камень через стену мы не сумеем. Она не только высока, но и наклонена наружу в верхней своей части, и, чтобы послать снаряд по необходимой траектории, мы вынуждены отводить машину слишком далеко назад. А кроме того, если говорить откровенно, что я делал уже не раз и делаю снова, я не улавливаю смысла данного предприятия.

— Смысл в том, — заявил Хорас, — чтобы любым способом привлечь внимание тех, кто живет за стеной.

Нечестно, если они и дальше будут сидеть себе там и игнорировать нас так же, как до сих пор. Надо добиться, чтобы они признали нас за людей и вышли к нам поговорить.

— Не вполне понимаю, отчего вы настаиваете на этом, — произнес Конрад рассудительно. — На вашем месте я был бы удовлетворен гораздо более, если б они продолжали нас игнорировать. Мы ведь не знаем, кто они и что они. Привлечем их внимание, а потом еще станем укорять себя, зачем нам это понадобилось...

Задрав голову, Хорас окинул стену сердитым взглядом. Исполинское сооружение тянулось на много миль молочно-белым барьером, надежно охватывающим весь горный гребень и расположенный на нем город.

— Ну почему бы, Хорас, в самом деле не оставить все как есть? — вмешалась Эмма, хотя довольно нерешительно и жалостно. — Ты совсем помешался на своей идее. Целыми днями только и строишь планы, как бы дотянуться до тех, кто за стенкой...

— Если б они не знали, что мы здесь! — прохрипел Хорас раздраженно. — А то ведь знают! Посылают к нам на разведку свои леталки, те все осмотрят и возвращаются. Мы стучимся к ним в двери и не получаем ответа. Это нечестно, говорю я вам! Это просто нечестно! Впервые во всей моей жизни меня злостно игнорируют, и я не намерен терпеть такое обхождение!..

— Не представляю, что еще можно предпринять, — гнул свое Конрад. — Даже после усовершенствований метательные машины не в состоянии ничего перебросить на другую сторону.

— Но если бы нам удалось перебросить хоть несколько камней, они обратили бы на нас внимание. Несколько камней через стену, и они просто не смогут больше нас игнорировать...

— Слушай, зашел бы ты в палатку, — предложила Эмма. — Посидел бы минутку, съел бы что-нибудь. Ты же давно ничего не ел. Ты, должно быть, голоден...

Хорас не удостоил ее ответом. Он продолжал пожирать глазами белую непокорную стену.

— И чего мы только ни делали! — рычал он, обращаясь неизвестно к кому. — Обошли ее по кругу в поисках ворот или хоть калитки. Зажигали костры, посылали дымовые сигналы. Кто-то же должен был их заметить! Но на все сигналы — ноль внимания. Пыта-

лись, наконец, перелезть через стену, но на нее нельзя залезть. Слишком гладко, не за что ухватиться. И ведь не камень и не металл, а что-то вроде керамики. И кто это ухитрился смастерить керамику, которую даже камнем из баллисты не прошибешь?

— Не знаю кто, — заметил робот. — И уж тем более не спрашивайте меня как.

— Мы говорили с тобой о башне, которая поднялась бы вровень со стеной, — напомнил роботу Хорас с ноткой надежды в голосе.

— Не получится, — отрезал Конрад. — Башня нужна высокая, и мы не располагаем древесиной, достаточно прочной для возведения башни такой высоты. Возникает также вопрос о том, возможно ли заложить достаточно крепкий фундамент.

— Мы говорили и о наклонной насыпи. Что, насыпь тоже отпадает?

— В нашем распоряжении нет возможностей для перемещения такой массы грунта.

— Тут ты, наверное, прав, — вынужденно согласился Хорас. — Вот если бы сконструировать летательный аппарат!..

— Послушайте, — ответил Конрад, — роботы под моим началом делают все, что в наших силах. Мы сконструировали паровые двигатели, и они работоспособны. Мы можем сконструировать почти любую машину, чтобы ездить по земле. Но воздухоплавание выходит за рамки наших умений. Мы не знаем теории, у нас нет станков для изготовления нужных деталей. А энергия? Откуда взять энергию? На дровах и угле аппарат не полетит... — Он, видимо, поколебался, стоит ли продолжать, но все же решился: — И баллиста тоже продержится недолго. У нас не осталось канатов. При каждом применении баллисты мы теряем десять футов каната.

— Канаты можно срастить.

— Мы так и делаем. Но сращенный канат неизбежно укорачивается на несколько футов.

— А если сплести новые канаты?

— Можно попробовать. Однако ни один из опробованных нами местных материалов удовлетворительных результатов не дал.

— Вот видишь, — сказала Эмма. — Все без толку. Стену тебе не одолеть.

— Это мы еще посмотрим! — взъярился Хорас. — Рано или поздно я найду какой-нибудь способ! В лепешку расшибусь, но эти твари за стеной обратят на меня внимание!..

Гневную тираду перебил один из стоящих поблизости роботов:

— К нам кто-то летит...

И действительно, из города прибыла леталка. И не просто прибыла, а пошла на посадку. Хорас так и взвился от восторга, размахивая руками и крича:

— Наконец-то! Наконец-то нас удостоили визитом! Мы же ничего большего и не хотели — только чтобы кто-нибудь вылез к нам поговорить...

Леталка приземлилась. Из нее вышел пассажир, и не какой-нибудь жалкий инопланетянин, а настоящий человек. Впрочем, инопланетянин там тоже был, но он остался в кабине. Похоже, решил Хорас, что инопланетянин был всего-навсего пилотом.

Эмма сделала нерешительный шаг вперед и замерла, не веря своим глазам. Потом встрепенулась и бросилась бегом.

— Тимоти! — пробурчал Хорас себе под нос. — Уж конечно, кто же станет якшаться с тварями за стеной, как не Тимоти... — Но все-таки поспешил навстречу родственнику. Конрад, не теряя бдительности, тащился рядом. — Стало быть, это ты. Но что ты здесь, собственно, делаешь? Мы уж думали, что больше тебя не увидим...

Последние слова Хорас произнес, подходя к Тимоти вплотную, в полный голос. Правда, мина у него была при этом довольно кислая. А Эмма просто таяла от восторга.

— Ну не чудо ли это! Он вернулся! Тимоти вернулся к нам!..

Тимоти протянул руку. Хорасу волей-неволей пришлось ответить на рукопожатие.

— Ты, Хорас, и дальше намерен продолжать в том же духе? — спросил Тимоти. — Остался таким же неотесанным, как и был?

— Непохоже, — отозвался Хорас, — что тебя прислали передать нам приглашение.

— Меня прислали сказать, чтобы ты прекратил свои бессмысленные выходки. Мы будем тебе признательны, если ты перестанешь колотить по стене.

— Кто это мы?

— Мы — это жители города. Включая меня самого. Всю жизнь ты мне досаждал — как на Земле повелось, так и здесь не кончилось.

— В городе есть жители? — переспросила Эмма. — Такие же люди, как мы?

— Нет, не такие, как мы. Иные из них внешне выглядят ужасно. Но они все равно разумные существа, и не надо их беспокоить, швыряясь в них камнями.

— Значит, им это не понравилось? — злорадно осведомился Хорас.

— Некоторые вне себя от возмущения.

— Кто такие эти чудища? И что тут, собственно, за стеной?

— Это, — ответил Тимоти, — Галактический центр.

— А ты-то что там делаешь?

— Я сотрудник центра. Единственный на весь центр человек.

— Выходит, ты самозванно объявил, что представляешь человечество?

— Никого я не представляю. Вернее, представляю человеческую точку зрения. А большего им и не нужно.

— Ну ладно, раз уж ты стал одним из них, то почему бы тебе не пригласить нас войти? Мы ведь только того и хотим, чтобы нам уделили какое-то внимание. А вы игнорировали нас, будто мы и не существуем. Мы стучались у дверей — вот и все, что мы делали.

— Не стучались, а колошматили во всю мочь. Ты не умеешь стучаться, Хорас. Ты сразу начинаешь колошматить.

— Значит, ты ничего для нас не сделаешь?

— Могу взять на себя смелость пригласить Эмму. Ей будет много удобнее в городе, чем здесь в палатке.

Эмма покачала головой:

— Я останусь с Хорасом. Спасибо, Тимоти, но я остаюсь с мужем.

— Тогда я, вероятно, действительно ничего не могу сделать.

— По-твоему, на этом можно поставить точку? — взвинтился Хорас. — Ты явился сюда с угрозами?

— Не собирался и не собираюсь вам угрожать, а всего лишь прошу утихомириться.

— А если мы не захотим?

— Тогда в следующий раз прилечу уже не я, а кто-то другой. И он, вероятно, не будет пытаться соблюсти вежливость, как я.

— Ты не очень-то походил на воплощение вежливости.

— Может, и не походил, — согласился Тимоти. — Временами с тобой чертовски трудно сохранять вежливость.

— Прекратите! — взвизгнула Эмма. — Прекратите оба! Опять вы вцепились друг другу в глотку, как всегда... — Она повернулась к Хорасу. — Слушай, ты! Ты заявляешь, что стучался у дверей. А по-моему, ты кидался камнями в окна. Вот именно, кидался камнями в окна, как хулиган...

— И однажды, — подхватил Хорас, — я расшибу какое-нибудь окно вдребезги. Тогда уж городу, хочешь не хочешь, придется обратить на меня внимание...

— Вот что, — сказал Тимоти. — Так и быть, скажу вам, как я намерен поступить. Я намерен вновь обратиться к совету центра с ходатайством по вашему делу. Еще сохраняется какой-то шанс, что вам разрешат поселиться в городе вдвоем, но уж, конечно, без роботов.

— А нас это вполне устроит, — заявил Конрад. — Мы вовсе не рвемся в город. Мы делали то, что делали, ради Хораса. А нам самим и здесь хорошо. В нашем распоряжении вся планета, и мы попробуем построить общество роботов. Попробуем чего-нибудь добиться самостоятельно. Здесь много хорошей пахотной земли. Можем растить для города пищевые культуры. Да и другая работа найдется.

— Как тебе такой поворот? — спросил Тимоти у Хораса.

— Ну что ж, — согласился Хорас без особой охоты. — Раз уж они так хотят...

— На Земле мы воевали с деревьями. — Конрад, оказывается, еще не считал свою речь оконченной. — Останься мы там, мы бы продолжали войну. Однако здесь нет смысла воевать с кем бы и с чем бы то ни было. Предоставленные сами себе, мы добьемся процветания. Мы начнем строить принципиально новую жизнь. И нет конца открывающимся перед нами новым возможностям...

Тимоти присмотрелся к Хорасу, который елозил ногами, но молчал. Вид у Хораса был такой, словно у него кончился завод, вернее, словно ему сломали заводную пружину.

— Я возвращаюсь в город и сделаю все, что смогу, — сказал Тимоти. — Но если вас согласятся впустить, будь любезен, Хорас, вести себя как подобает и держать рот на замке. Никакого хулиганства. У меня дом, очень похожий на усадьбу в Гопкинс Акре. Добро пожаловать, места хватит, и жить там будет приятно. Но если совершишь что-либо предосудительное, тебе будет от дома отказано. Согласен?

Эмма дерзнула ответить за мужа:

— Он согласен. Уж я присмотрю, чтобы все было в порядке. Я устала от жизни в дикости. Возвращайся в город, Тимоти, и похлопочи за нас, как сможешь.

Глава 14

ПЛАНЕТА РАДУГ

Рядом с местом посадки невода громоздились исполинские белоснежные кристаллы, поставленные на попа́ будто специально для того, чтобы линия горизонта стала не ровной, а иззубренной. Под ногами стелились такие же кристаллы, но уложенные встык, как брусчатка мостовой. Синева неба была густой почти до черноты. Горизонт казался слишком близким — возможно, потому, что его подчеркивала пурпурная полоска. Безжалостный космос подходил к поверхности близко-близко, атмосферный слой был тонюсеньким, однако затруднений с дыханием не возникало. Белизна создавала ощущение холода, но на деле температура была вполне сносной, хоть в безрукавке ходи.

Все молчали. Бун осматривался скорее по привычке, чем из интереса: кроме кристаллов, смотреть было совершенно не на что. Недоумение вызывало то, что в небе не было солнца, — откуда же тогда здесь тепло и свет?

Над горизонтом мелькнула цветная вспышка и тут же пропала.

— Что это? — спросила Инид. Естественно, ей никто не ответил. — Смотрите, вот опять!..

На этот раз вспышка не угасла, а взмыла над ломаным горизонтом по кривой — плавно вверх, а затем

вниз. И над планетой повисла, разгораясь нежными красками, высокая переливчатая арка.

— Радуга! — воскликнул Коркоран. — Попали, куда хотели...

— Не просто радуга, — громыхнул Конепес. — Не исключено, что сие есть образчик людей-радуг.

Прямо у них на глазах появлялись новые и новые радуги. Вспыхивали на пустом месте, взвивались в небо, изгибались арками. Арки, пересекая одна другую, собрались в витражи, и кристаллы вокруг тоже зажглись отраженными мягкими красками. Держались радуги устойчиво и все же не производили впечатления стабильности, в них ощущалась какая-то хрупкость и эфемерность, словно они еще не решили, задерживаться в небе или нет, и в любую секунду могли исчезнуть.

Робот, не обращая внимания ни на какие радуги, вытащил из недр невода свое оборудование и принялся возиться у плиты. Инид и Коркоран, задрав головы, завороженно смотрели вверх. Шляпа, напротив, распростерся, почти разлегся на кристаллической брусчатке, и Конепес склонился над ним.

— Кого-то не хватает, — заметил Бун не без удивления. — Мартина, вот кого! Куда он делся?

— Выпал, — ответил Конепес. — Невод мог бы его удержать, однако не пожелал.

— И ты никому не сказал? Даже не заикнулся о таком происшествии?

— Мартин не соответствовал данному рейсу. Неводу сие было ясно и небезызвестно.

— А бесконечники здесь, — проронил Коркоран.

Троица в сутанах сбилась в кучку, но держалась особняком от всех остальных.

— И все-таки это ужасно! — подала голос Инид. — Ты говоришь, Мартин выпал. А ты, случаем, его не столкнул?

— Я находился далеко от него. Мне бы не дотянуться.

— Что касается меня, — заявил Коркоран, — я о нем плакать не собираюсь.

— Ты хоть имеешь представление, где он теперь?

Вопрос задал Бун. Конепес подчеркнуто безразлично пожал плечами. Но тут заговорил Шляпа:

Я выступаю не от себя, а от имени людей-радуг. Они будут общаться с вами через меня.

— А где они сами? — спросил Бун.

Вы их видите, отозвался Шляпа. *Вашему зрению они представляются в форме радуг. Они приветствуют вас и позже будут беседовать с вами.*

— Что же получается, — не поверила Инид, — радуги, явления природы, и есть те мудрецы, к которым ты звал нас?

— Мне они не кажутся похожими на мудрецов, — буркнул Коркоран.

Волк прижался к Буну, и тот сказал тихо и успокоительно:

— Все в порядке, старина. Держись поближе. Мы по-прежнему вместе, ты и я...

— И это все, что твои люди-радуги сообщили нам? — продолжала Инид. — Что они приветствуют нас и позже, так и быть, побеседуют?

Да, это все, ответил Шляпа. *Чего еще можно желать?*

Робот возвестил:

— В такой спешке я не мог приготовить ничего, кроме гамбургеров. Вас это удовлетворит?

— Если это пища, — откликнулся Конепес, — то меня удовлетворит вполне.

Радуги, столпившиеся над горизонтом, потеряли резкость, начали блекнуть, а потом угасли совсем. Буну почудилось, что, угаснув, они унесли с собой частицу тепла. Он даже вздрогнул в ознобе, хотя заведомо знал, что для такой реакции нет причин: температура не понизилась ни на градус.

А все этот негодяй Шляпа, раздраженно подумал Бун. Втравил нас в какую-то ерунду, не позволив даже обсудить и другие предложения. Может, мелькнула мысль, Шляпа всегда был агентом радуг? Иначе откуда бы ему знать об их существовании, где их найти и на что они способны? А теперь он взялся еще и вещать от их имени...

— Голосую за то, — произнес Бун вслух, — чтобы мы немедленно улетели отсюда. Какого черта мы здесь, собственно, делаем?

— Ты задаешь себе тот же вопрос, что и я, — сказал Коркоран.

Мы прибыли сюда, вмешался Шляпа, *за правосудием для бесконечников. Это единственный во Вселенной суд, где их выслушают беспристрастно, единственная инстанция, способная на действительно справедливый приговор.*

— Ну так пусть их судят поскорее, и мы отчалим, — выпалил Коркоран. — А еще лучше — оставим их здесь, и пусть себе ждут своего суда сколько влезет. Меня лично приговор, какой им вынесут, совершенно не интересует.

— А меня интересует, — возразила Инид, и достаточно резко. — Они сгубили человечество. И я хочу знать, что им за это будет.

К правосудию дело не сводится, опять вмешался Шляпа. *Здесь можно установить кое-что, представляющее интерес для всех.*

— Не представляю себе, что именно, — бросил Коркоран.

Радуги — древняя раса, пояснил Шляпа. *Одна из древнейших во Вселенной, если не древнейшая. У радуг было время развить свое мышление до совершенства, какого вы себе не можете и вообразить. Их знания и мудрость превосходят возможности вашего восприятия. И раз вы уже здесь, неразумно не выслушать то, что они хотят сказать. Тем более что от вас требуется лишь немного терпения.*

— Древнейшая раса во Вселенной! — повторил Бун и больше ничего не сказал. И как облечь такое в слова: если они древнейшие, тогда судьба действительно дала им время пройти эволюционный путь до самого его завершения, до окончательного предела.

Самая мысль о подобном пределе граничила с помешательством. Это фантастика, самая настоящая фантастика — и все же не большая, чем свершения человечества за какие-то два-три миллиона лет. В начале этого срока люди были хитренькими, но беззащитными зверушками — в конце его стали владыками планеты. Обострившийся ум и ловкие руки дали им средства противостоять любым неблагоприятным изменениям природной среды, даже самым крутым и внезапным.

Ну а бесконечники? Боже милостивый, если только они не заблуждаются и бестелесность, которую они предлагают, действительно дает полную независимость от физических условий, — что тогда? Разумные радуги приняли энергетическую форму существования, но и они, если не откажутся от нее, рано или поздно погибнут от энтропии. Когда Вселенная иссякнет, когда не станет ни пространства, ни времени, ни энергии, исчез-

нут и силы, поддерживающие жизнь радуг. Значит, конец Вселенной окажется концом и для них.

И тем не менее Шляпа провозглашает, что радуги имеют право судить бесконечников и воспользуются этим правом!

А что если — новая мысль — бесконечники предлагают совершенную систему выживания другим расам, но по какой-то причине не могут или не хотят использовать ее для себя? Троица на Магистрали Вечности была готова раболепствовать, лишь бы добиться помощи и милосердия. Почему?

Они, эти трое, и теперь выглядят не лучше — собрались кружком, отвернувшись от всех и соприкоснувшись сутанами, как бы слившись в единый организм. И завели монотонную песнь, исполненную скорби и одиночества. Песнь смерти? Нет, если бы так, в пении непременно слышался бы вызов судьбе, а в заунывном вое бесконечников не было ни вызова, ни надежды на воскрешение, это была панихида по всем и всему.

Из тишины, окружившей бесконечников с их панихидой, возник голос, беззвучный, лишенный интонаций:

Вы впали в заблуждение и тем совершили грех. Хуже того, вы, бесконечники, стали грешниками из-за непомерной гордыни. Не вызывает сомнений, что ваша техника перевоплощения безупречна, но вы поспешили ее применить. И обрекли целую расу на то, что ее интеллект увековечен на более низком уровне, чем ей предначертано. Жители планеты Земля отнюдь не достигли финальной стадии своего развития, как вам, судя по всему, показалось. Они всего лишь приостановились и решили передохнуть. Со временем они возобновили бы поступательное движение и поднялись бы на новую интеллектуальную высоту. Но вы не дали им необходимого времени, вы поторопились и тем обрекли их во Вселенной на статус более низкого разряда. За что вам выносится порицание и проклятие. Вы трое будете возвращены к своим соплеменникам, с тем чтобы сообщить им об этом приговоре. Да послужит наказанием им и вам то, что вы осознаете содеянное и до конца отпущенного вам как расе срока будете обвинять себя в злонамеренной и непоправимой ошибке.

Голос умолк. Бесконечники больше не пели и не стояли, как маленькая палатка. Их просто не стало на

планете. Коркоран шумно перевел дух и произнес всего два слова:

— Черт побери!..

— Как бы то ни было, — заявил Конепес, — мы с ними более не связаны. Приговор вынесен, следовательно, мы можем улетать...

И, не дожидаясь какого-либо ответа, полез на невод.

Нас семеро, сказал себе Бун и на всякий случай пересчитал по пальцам: Инид, Коркоран, волк, Конепес, робот, Шляпа и, наконец, я сам. Нас семеро, а было одиннадцать, но Мартин выпал, а три осужденных бесконечника сгинули без следа...

— Ряды все редеют, — сказал он, ни к кому не обращаясь. — Кто следующий?..

Вы никак не можете улететь, сообщил Шляпа. *Грядет следующее действие.*

— Слушай, Шляпа, с нас хватит, — проговорил Коркоран. — Мы сыты по горло тобой и твоими радугами, приговорами и отсрочками. Мы и так разрешили тебе играть свою игру куда дольше, чем следовало.

Волк бочком подобрался к Буну, тот присел и обнял зверя за шею. Инид подошла к ним, наклонилась, хотела что-то сказать. И исчезла.

А следом исчезла и угловатая белизна кристаллического мира. Бун не изменил позы, волк все так же находился в кольце его рук, но теперь они очутились на краю мрачной глубокой пропасти, среди крутых холмов, взмывающих в бледно-голубое небо. По холмам корчились дряхлые деревья, склоны скалились вросшими в грунт валунами, серыми и лысыми, как черепа. Из пропасти дул неистовый ветер, а вдали, за дикими теснинами, можно было различить отблеск солнца на водной глади.

Бун молниеносно вскочил. От кристаллического мира не осталось даже самого малого следа. Они с волком попали в какой-то новый мир. И попали вдвоем, без остальных.

Неужели он снова ступил за угол? Для этого вроде бы не было причин. Ему не угрожала никакая опасность, во всяком случае, он не сознавал опасности. И уж совершенно точно, не делал ничего, ровным счетом ничего, чтобы перенестись вместе с волком в новый мир.

— Ну и что ты об этом думаешь? — обратился он к волку. — У тебя есть что сказать?

Волк воздержался от ответа. И вдруг послышалось:

— Бун! Бун, ты здесь? Где ты?..

— Инид! — обрадованно закричал он и сразу же увидел ее: она появилась над ними на холме и побежала вниз по склону, который был слишком крут для бега.

Бун бросился по склону вверх, ей наперерез. Она начала падать — он прыгнул, чтобы подхватить, поддержать ее, но грунт оказался слишком рыхлым, пополз от толчка, и он упал сам. Они покатились кубарем, докатились почти до самых лап волка и расхохотались. Смех был, пожалуй, отчасти смущенным: уж очень нелепо все получилось. Бун попытался поправить прядь волос, упавшую ей на лицо, но рука после падения оказалась в грязи, и он измазал ей нос.

— Слушай, что произошло? — спросила она. — Как это мы очутились здесь? Ты нырнул за какой-нибудь очередной угол?

— Ни за какой угол я не нырял. Там не было угрозы, которая могла бы послать меня за угол.

— Тогда что?

— Не знаю. — Он пододвинулся ближе к Инид, протянул руку. — У тебя нос в грязи. Разреши, я вытру.

— А где остальные?

— Наверное, там же, где и были.

— Бун, я боюсь. Ты можешь хоть приблизительно сказать, где мы?

— Не знаю, — повторил он. — Сказать по совести, я сам боюсь не меньше твоего...

Оставалось держаться рядышком, поглядывая на зловещую, вытертую ветрами пропасть. Волк сидел прямо перед ними как изваяние, всем своим видом показывая, что намерен их защищать. Но тут прямо в мозг вонзился голос, возникший неведомо как, пришедший отовсюду и ниоткуда, — голос радуг. В голосе не было ни самоуверенности, ни угрозы, ни поддержки, — тусклый, мертвенный голос.

Слушайте со вниманием, призвал голос. *Поговорим о Вселенной.*

— Соглашаться на это с моей стороны было бы явным нахальством, — ответил Бун. — Я в этом ничего не смыслю.

Однако один из вас обдумывал этот вопрос, возразил голос.

— Разве это называется обдумывать? — усмехнулась Инид. — Так, разрозненные праздные мыслишки. Меня занимало, что такое Вселенная и зачем она.

Тогда вникайте. Слушайте с полным вниманием, предложил голос.

И на них обрушился яростный, ошеломляющий поток мысли. Вернее, смесь полупроизнесенных слов и безмолвных мыслей, несущая в себе глубочайшую информацию. Бун буквально физически ощутил, как подгибаются колени, — словно он пошел против ветра убийственной силы, нелетевшего на мозг и на тело, и не смог устоять. Он еще успел выговорить:

— О мой Бог!..

И рухнул. Смутно, как сквозь туман, различил Инид, недвижно сидящую всего в нескольких футах, и попытался подползти к ней, обрести в женщине какую-то теплоту и единство с собой. А ураган не стихал, бил и бил с неземным упорством, — и когда наконец прекратился, Бун оказался простертым в грязи. Волк распластался на склоне рядом, подвывая от страха.

Наконец Буну удалось добраться ползком до Инид и сесть. А Инид будто окаменела, она не замечала его и не помнила себя. Но когда он притянул ее к себе и сжал в объятиях, она прильнула к нему. Сомкнув объятия еще крепче, он спросил:

— Ты что-нибудь поняла? Помнишь хоть что-нибудь из того, что нам рассказали?

Она ответила шепотом:

— Нет. Я чувствую, что в меня впихнули целую библиотеку, но ничего не понимаю. Мозг переполнен так, что того и гляди взорвется...

Внезапно на них обрушился еще один голос, ясно слышимый, громкий, хриплый, произносящий обыкновенные слова. Вскочив, Бун увидел над головой нечто зыбкое. Нечто колыхалось, полоскалось в воздухе, спускалось. Невод! И на нем Конепес — стоит себе в рост, расставив ноги, как матрос в лодчонке, пляшущей по штормовому морю.

— Времени не терять! — зарычал Конепес. — Лезьте на борт! Мы отлетаем, как только вы пополните наш состав!..

Невод спустился еще ниже, и Бун, подняв Инид, буквально зашвырнул ее на прутья. Волка и приглашать не пришлось: он одолел расстояние до невода одним прыжком. Конепес, бесстрашно придвинувшись к самому краю, протянул Буну руку.

— Вверх, сюда! — скомандовал Конепес и сильным рывком перебросил Буна к себе.

Кто еще был на борту? Коркоран скрючился поодаль, вцепившись в прутья изо всех сил. А робот плакался:

— Все мое оборудование пропало! Все утрачено! Без оборудования как мне вас кормить?..

— Нам пришлось стартовать в великой спешке, — проворчал Конепес. — Кристаллы оказались фальшивыми и стали таять у нас под ногами.

— Как же ты нас нашел? — спросила Инид.

— По телевизору, украденному тобой в розово-пурпурном мире. Телевизор лежал на неводе экраном ко мне. Я обратил к нему взгляд и одновременно подумал о том, куда же вы подевались. Когда экран показал вас, невод узнал ваше местонахождение и прибыл за вами.

— А теперь мы куда? — прокричал Коркоран из своего закутка.

— Туда, куда следовало бы отправиться с самого начала, — объявил Конепес, — не послушай мы Шляпу. На звезду, что явилась нам на галактической схеме. На звезду с крестом.

— Кстати, где Шляпа? — поинтересовался Бун. — Что-то его не видно...

— К большому несчастью, — ответил Конепес не своим, странно приторным голосом, — он не явил способности достичь невода в столь краткий срок.

Глава 15

ГЕНРИ

Красный солнечный шар, болезненно распухший, висел над опустевшим миром. Не осталось ни травы, ни другой растительности, кроме одинокого, очень старого дерева, из последних сил цепляющегося за склон. Генри плыл над этим неприветливым миром, и ему казалось, что искры, составляющие его естество, сгрудились, сбились теснее, словно перепугались. В действительности, конечно, такого быть не могло: за годы странствий он перевидел слишком многое, чтобы пугаться.

Небо выглядело мрачным, налитым темнотой, как перед бурей, хотя не было и намека на бурю, ее ничто не предвещало. Выходит, подумал он, я подобрался вплотную к концу света и вижу умирающее, уже нестабильное солнце на первой стадии превращения в красного гиганта.

Дерево на склоне не отбрасывало тени. И наверное, впервые в своей жизни Генри ощутил абсолютную тишину. Ни птичьего щебета, ни стрекота насекомых, ни вздоха ветерка. Полный, всеохватывающий покой.

И вдруг — голос, проникший извне:

Ты здесь впервые?

Обладай Генри телом, он мог бы от неожиданности взвиться или задохнуться. Теперь это было исключено. Он ответил спокойно и ясно:

Да, я здесь впервые. Только что прибыл. Кто со мной говорит?

Я дерево, сообщил голос извне. *Почему бы тебе не приблизиться ко мне и не отдохнуть в моей тени?*

Но у тебя нет тени, ответил Генри. *Нынешнее распухшее солнце светит слишком вяло.*

Извини, мне забылось, откликнулось дерево. *Память вернула меня к временам, когда у меня была тень, чтобы предложить путнику. Да и разговоров не было у меня ни с кем так давно, что мне все забылось. Иногда я устаю от одиночества настолько, что испытываю бессмысленную склонность к заявлениям вслух. В сущности, я просто разговариваю с собой, потому что больше не с кем.*

Я не нуждаюсь в тени, сообщил Генри, *и это к лучшему, потому что тени у тебя все равно нет. Но я с удовольствием разделю твою компанию и выслушаю информацию, если ты окажешь мне честь поделиться ею.*

С этими словами он подплыл поближе к одинокому дереву. Оно осведомилось:

Какая информация тебе нужна? Мои знания могут оказаться слишком скудными для удовлетворения твоих потребностей, но я охотно поделюсь теми крохами, что знаю.

Ты разумное дерево, заявил Генри, *и тем самым подтверждаешь мнение, какого придерживался кое-кто из древних людей. Например, моя сестра, которую я, к несчастью, утратил, свято верила — а другие считали ее фантазеркой — в то, что деревья станут преемниками людей. Теперь, после нашей встречи с тобой, мне приходит на ум, что она была права. Она была весьма проницательным человеком.*

А ты сам случайно не человек? — спросило дерево.

Частично человек. Человек дезинтегрированный или, в лучшем случае, не цельный. И это наводит меня на вопрос: не скажешь ли, что стало со скоплениями искр, застывших в небе? Некоторое время назад их было так много...

Смутно припоминаю, отозвалось дерево. *Порывшись в памяти, могу восстановить их облик. Некогда в небе было много огней. Одни были звездами, а другие —*

тем, что ты называешь искрами. Звезды есть и сейчас, вскоре мы их увидим. Когда солнце спустится к горизонту на западе, они начнут появляться на востоке. А искры больше не видны, их не стало уже давно. Они уплыли. Уплывали они постепенно, их становилось меньше и меньше. Испытываю уверенность, что они не умерли, просто уплыли куда-то в другое место. Можешь ты мне объяснить, какими были настоящие люди? Такими же, как ты?

Совсем не такими, ответил Генри. *Тебе надлежит понять, что я аномалия. Я начал превращаться в искру, да не получилось. Это долгая история. Если хватит времени, я расскажу.*

Времени у нас сколько угодно, заявило дерево.

А солнце?

Прежде чем оно станет опасным по-настоящему, я иссохну и умру, от меня не останется и следа. Настанет день, когда солнце погубит планету, которая, правда, и сегодня уже почти мертва. Но этот день придет еще не очень скоро.

Приятно слышать, заметил Генри. *Ты спрашиваешь, какими были настоящие люди. Значит, сегодня на Земле нет людей?*

Когда-то, давным-давно, здесь жили существа из металла. Считалось, что это не люди, а копии людей.

Роботы, догадался Генри.

Они не были известны под этим именем. И не могу поручиться, что они вообще существовали. Рассказывали всякое. К примеру, что металлические существа старались уничтожить деревья, вырубая их. Объяснения, почему они взялись за топоры, у меня нет. Достоверных свидетельств, что они действительно делали то, что им приписывается, тоже нет.

Роботы ныне тоже исчезли?

Даже металл не вечен, ответило дерево. *Однако мы с тобой живы и разговариваем. Возможно, мы могли бы стать друзьями.*

Если ты этого хочешь. У меня не было друга уже очень, очень давно.

Да будет так, провозгласило дерево. *Устраивайся вблизи, и продолжим беседу. Ты упомянул, что некоторые люди верили в деревья как в своих преемников. Означало ли это, что деревьям уготовано занять на Земле место человека?*

Именно так. Уже несчетные века назад люди предвидели, и с достаточным на то основанием, что человечество рано или поздно придет к последней черте, а освободившееся место займет кто-то другой.

Почему? Почему освободившееся место должен кто-то занять?

Не могу дать точного ответа. Твердого логического обоснования не было и нет, но все, вероятно, верили, что на планете должен быть какой-то господствующий вид. В такой роли до человека выступали динозавры, а еще раньше трилобиты.

Мне не приходилось слышать ни о тех, ни о других.

Ни те ни другие не добились успеха, продолжил Генри. *Динозавры были огромными, и их было, вероятно, не так уж много. Трилобиты были крошечными, и их была тьма-тьмущая. Но главное в том, что и трилобиты, и динозавры вымерли.*

И человек занял место динозавров?

Не сразу. Не мгновенно. Это заняло определенное время.

А теперь моя очередь? Я, дерево, теперь господствующий вид?

Похоже, что да.

Странно, объявило дерево, *но мне никогда не случалось думать о себе как о ком-то господствующем. Может быть, ныне вообще слишком поздно, и господство утратило свое значение. А что, в эпоху трилобитов, динозавров и людей это было не так?*

Не могу судить о трилобитах, они были глупенькие, ответил Генри. *Динозавры тоже умом не отличались, но ими руководил голод. Они пожирали все, что подвернется. А люди руководствовались уже не голодом, а жаждой — жаждой подчинить себе всю планету.*

Мы не ведаем ни голода, ни жажды, отозвалось дерево. *Необходимое нам пропитание мы добываем из почвы и из воздуха. Мы никому не мешаем, у нас нет врагов, и мы сами не враждуем ни с кем. Ты, должно быть, заблуждаешься: если господствующему виду нужны голод и жажда, мы никогда им не были и не могли быть.*

Тем не менее ты думаешь, ты разговариваешь.

О да, этому мы научились в избытке. Когда нас было много, Земля то и дело содрогалась от взрывов нашей болтовни. Мы были самыми мудрыми на Земле, только

не сумели использовать свою мудрость. У нас не нашлось способа ее использовать.

Быть может, ты поделишься со мной каплей этой мудрости? — попросил Генри.

Ты опоздал, ответило дерево опечаленно. *Меня одолевает старость. Старость, а вместе с ней глупость и забывчивость. Не исключено, что для поддержания мудрости требуется общество, совместные усилия, совместная мысль, общие разговоры. У меня здесь нет общества. Ты явился слишком поздно, мой новообретенный друг. Мне нечего тебе предложить.*

Очень жаль, отозвался Генри.

Вот и еще один провал, добавил он про себя. Трилобиты, динозавры, люди — все потерпели провал, по крайней мере, здесь на Земле. А теперь и деревья. Мудрость сама по себе бесполезна. Если ее нельзя применить, она попросту не нужна.

Ты встревожен, заметило дерево.

Да, встревожен, согласился Генри. *Хотя мне самому непонятно почему. Мне ли было не знать, чем все кончится...*

Глава 16

СЕМЬЯ СНОВА В СБОРЕ

Тимоти откинулся на спинку кресла, вытянув ноги перед собой во всю длину, и сказал:

— Наконец-то, прожив в центре почти полгода, я начинаю понимать, что тут происходит. Учу базовый галактический язык. Конечно, я многим обязан Хьюго. Он помогал мне с самого начала, был гидом и советчиком, знакомил в первую очередь с теми, кто тоже мог мне помочь...

— Да не верь ты его разглагольствованиям! — воскликнула Эмма, обращаясь к Инид. — Своих привычек он не изменил ни на йоту. Сидит себе в кабинете целые дни напролет и даже к столу не выходит, так что ребята из команды Хьюго принялись таскать ему еду наверх. А теперь робот, что прилетел вместе с вами, по дурости взял этот труд на себя...

— Робот, — вставил Хьюго, — помощник поистине неоценимый. Ребята с ног сбивались, чтобы и с кухней совладать, и по дому управиться, а робот немедленно взял самое трудное на себя. Он волшебник по поварской части, а уж его сноровке можно только позавидовать...

— Какой он волшебник, — проворчал Хорас с дальнего конца комнаты, — если готовить седло барашка до сих пор толком не научился!

— Ты когда-нибудь прекратишь жаловаться? — едко спросила Эмма. — То кухня тебе не нравится, то что-нибудь еще. Или забыл, что тебе говорил Тимоти, когда согласился взять нас сюда? Веди себя как следует, не причиняй неприятностей другим — вот и все, что он просил. Неужели тебе это трудно?

— А еще он потребовал, — завопил Хорас, — чтобы я держал рот на замке. Все, что нужно, мол, это держать язык за зубами...

— Не могу сказать, — заметил Тимоти, — что ты справляешься с этой задачей.

— Брось, Тимоти! — воззвала Эмма. — Не считая жалоб, он ведет себя не так уж плохо. Не сделал и шага за границу участка, не поссорился ни с кем из соседей, даже с самыми отъявленными уродами. Право, не понимаю, почему бы вам не ужиться.

— Что до меня, — подала голос Инид, — я согласна вообще не выходить с участка. Усадьба просто великолепная. Не считая гор вокруг, не вижу почти никакой разницы с Гопкинс Акром.

— Вы правы, Инид, — сказал Коркоран. — Одно из самых уютных домовладений, какие я когда-либо видел. И очень напоминает Гопкинс Акр. Конечно, мы с Буном пробыли там недолго, и все же...

Бун не поддержал эту тему. Его интересовал Конепес.

— Не представляю себе, — обратился он к инопланетянину, — как ты догадался, что звезда с крестом приведет нас сюда.

— Однако я объяснял, — грохотнул Конепес. — Крест внушил мне идею, что место сие особенное, и я задал неводу данное направление.

— Не ты ли предполагал, — напомнил Коркоран, — что крест означает предостережение, совет держаться подальше?

— Однако могло быть и так, — не стал спорить Конепес. — Иногда я питаю склонность к рискованным предприятиям.

— Могу лишь радоваться, что вы пошли на риск, — произнес Тимоти. — Мне было одиноко. Представители иных рас заботливы, тактичны, но семью они заменить не могут. А теперь семья, вернее, то, что от нее осталось, снова в сборе.

— О Генри так ничего и не слышно? — поинтересовалась Инид.

Ответил не Тимоти, а Хорас:

— Ни ползвука. С вашим Генри никогда ничего не поймешь. Что бы вы ни твердили, он просто-напросто призрак. Да еще и шныряющий туда-сюда

— Опять ты распускаешь язык! — упрекнула Эмма мужа. — Никогда ты Генри не жаловал, говорил о нем всякие гадости. Я-то надеялась, что ты хоть теперь изменишь этой привычке. Может, его и в живых уже нет...

— Это Генри-то нет в живых? — зарычал Хорас. — Кто-кто, а он умереть не может! Нет такой напасти на свете, чтобы до него дотянулась.

— При нашей последней встрече, — напомнил Коркоран, — он говорил, что намерен отправиться на поиски тех, кто улетел с ковчегом Мартина.

— Искал он нас или не искал, — объявил Хорас кислым тоном, — только не нашел. Наверное, предпочел другое, более привлекательное занятие.

Они сидели в гостиной, отдыхая после роскошного обеда. Из столовой доносился приглушенный звон посуды: прислуга убирала со стола фарфор и серебро Тимоти приглашающе махнул рукой в сторону бара:

— Если кто-нибудь хочет подлить себе бренди, не стесняйтесь...

Хорас, тяжело поднявшись, поплелся к бару со своим стаканчиком. Желающих последовать его примеру не обнаружилось. Коркоран повернулся к Тимоти с вопросом:

— Вы как будто удовлетворены своим нынешним положением?

— Вполне, — ответил тот. — И в доме, и вокруг него все кажется давно знакомым. И у меня опять есть работа. А почему бы и вам не остаться с нами? Уверен, что центр без труда подберет вам какое-нибудь занятие.

Коркоран отрицательно покачал головой:

— Мой дом — в двадцатом веке. У меня там хороший бизнес, и я жду не дождусь, когда займусь им снова.

— Значит, ты для себя все решил? — спросил Бун.

— Конепес согласился отвезти меня. А ты что, разве не собираешься составить нам компанию?

— Нет. Я, видимо, останусь здесь.

— А ты, Конепес? — спросила Инид. — Ты потом вернешься к нам?

— Возможно и вероятно, стану наезжать в гости, если вам будет угодно меня пригласить. Однако многое еще не видано, световые годы не пройдены, и во Вселенной есть дальние уголки, куда хочется сунуть мой длинный нос.

— Прежде чем ты улетишь, дай мне ответ на один вопрос.

— Пожалуйста, спрашивай.

— Что все-таки случилось с Мартином? Ты сказал, что он выпал из невода. А мне сдается, что ты его столкнул.

— Рука моя не касалась его! — возмутился Конепес. — Я лишь подал команду неводу.

— Команду, чтобы невод его сбросил?

— В твоих устах сие звучит столь жестоко.

— А разве не было жестоко вышвырнуть его в космос?

— Однако никоим образом не в космос. Я дал команду неводу забросить его в иное место и время. На Землю, в двадцать третье столетие

— Почему именно туда?

— Я не желал причинить ему зло. От него лишь надлежало избавиться, переместив туда, откуда не сбежать и не затеять новые интриги. Времялета у него не имеется, и, высаженный в том веке, он вынужден там и пребывать.

— Одно для меня так и осталось загадкой, — вклинился Коркоран. — Кто был этот чертов Мартин на самом деле? У меня вроде бы сложилось впечатление, что он был связан с Гопкинс Акром и другими подобными группами. Что-то вроде агента-осведомителя в иной эпохе. И вдруг, как только до него дошло, что кто-то затеял наводить справки о поместье Гопкинс Акр, давно не существующем, он бросается в бега. А затем мы видим его работающим на бесконечников, разъезжающим с ними по Вселенной на краденом времялете...

— Возможно, что не на краденом, — уточнил Конепес. — Он же уверял, что заплатил за него.

— Все равно времялет был краденым, — возразил Бун. — Краденым у Инид. Если Мартин его не крал, значит, это сделал кто-то другой.

— Насколько помню, — желчно высказался Хорас, — это вы, Коркоран, сообщили Мартину что кто-то наводит справки о нашем поместье?

— Он меня нанял, я выполнял его поручения, только и всего. И он прекрасно платил. С тех пор я правда, начал задавать себе вопрос, откуда у него брались деньги. Ясно, что не от вас. Если я не заблуждаюсь на ваш счет, вы таких денег никогда и в руках не держали.

— А вы уверены, что это были не фальшивые деньги? — не успокаивался Хорас.

— Деньги могли быть и не фальшивыми, — заявила Инид. — У него ведь было два времялета — большой ковчег и малый, тот, что достался Стелле Когда путешествуешь во времени, несложно добыть любую сумму, находя клады, выигрывая в лотерею, еще что-нибудь в таком же духе. Дэвиду в его поездках тоже требовались кое-какие деньги на товары, которые он закупал для нас. И он пополнял свои финансы именно такими способами.

Тимоти глубокомысленно кивнул и сказал.

— Сомневаюсь, что мы когда-нибудь разберемся в этом до конца. Несомненно одно: Мартин был человек с двойным дном. Должен, увы, признать, что мы всецело доверяли ему, хоть он нам и не нравился Дэвид встретил его в Нью-Йорке и невзлюбил с первого взгляда. Непорядочный человек. Весьма, весьма далекий от порядочности.

— Он изменник, — провозгласил Хорас. — Как заподозрил, что у нас неприятности, так и бросил нас на произвол судьбы.

— Повторяю, — заявил Тимоти, — до конца нам в этом никогда не разобраться. Вы совершенно уверены, что избавили нас от Мартина? Он не явится снова и не станет нам докучать?

Конепес не сразу понял, что вопрос обращен к нему, но когда разобрался, заверил:

— Он в ловушке. Без времялета ему оттуда дороги нет.

— Теперь, когда мы узнали о том, что с ним сталось, мы будем чувствовать себя спокойнее, — сказала Инид. — Спасибо, Конепес, что сообщил нам правду. И пожалуй, есть еще одна услуга, которую ты мог бы нам оказать..

— Назови ее, — отозвался Конепес. — Я твой вечный должник, мой долг непомерен, и радостно вернуть хоть малую его часть.

— Ты не мог бы забрать времялет, оставшийся на Магистрали Вечности, и доставить его сюда? Времялет — большое удобство, и неплохо бы иметь его под рукой.

— Да и центр не прочь взглянуть на него, — добавил Тимоти.

Волк выполз из угла, где спал в обнимку с миской мяса, вперевалку пересек комнату и плюхнулся на пол у ног Буна.

— Он просится погулять, — догадалась Инид.

— Нет еще, — ответил Бун. — Подумывает о прогулке — это так. Принимает решение, но еще не принял. Когда примет, попросится по-настоящему.

Хорас опять поднялся и направился к бару за новым стаканом бренди.

— Забыл рассказать вам об одной занимательной находке, — объявил Тимоти. — Просматривая предоставленные мне центром записи, я наткнулся на копию одного документа двадцать четвертого, а может, двадцать пятого века. Это первое упоминание о Земле, попавшееся мне на глаза за все время пребывания здесь. Вернее, Земля не названа, но вся внутренняя логика документа подсказывает, что речь идет именно о Земле. Повествуется о том, что там родилась и расцвела новая религия, связанная с каким-то таинственным объектом искусственного происхождения. Что это за объект, не вполне ясно, однако его почитатели относятся к нему как к мессии, выступающему против технического развития, проповедующему отказ от материального прогресса ради поисков своего истинного «я». Не слышится ли вам в подобной проповеди кое-что знакомое?

— Конечно, слышится, — откликнулась Инид. — Такие поучения подорвали человечество изнутри, морально подготовили его к пришествию бесконечников.

— Да нет, разрыв во времени слишком велик, — осмелился возразить Бун. — Идеи не живут по миллиону лет. Они устаревают гораздо быстрее. Выходят из моды и теряют свою привлекательность...

— Не уверен, что это всегда так, — высказался Тимоти. — Данный культ первоначально получил широкое распространение, а значит, мог и выжить в среде

ярых приверженцев, особенно если объект поклонения сам по себе долговечен. И в эпоху социальных потрясений — а такие эпохи повторяются с завидной регулярностью — фанатики культа могли возродить его в планетарном масштабе. За примерами не надо далеко ходить — взять хотя бы веру в магию, которая то отступала под натиском здравого смысла, то вдруг опять выныривала в измененном обличье, и так продолжалось почти до наших дней.

— Насчет магии все точно, — поддержал Коркоран. — Как раз в мою эпоху культы, связанные с магией, множились, как грибы после дождя.

— В наше время никаких культов не осталось, — объявила Эмма. — Если б они были, мы бы о них непременно слышали.

— А установки, порожденные культовым сознанием, сохранились, — выдвинул Тимоти встречный тезис. — Культ как таковой, возможно, и умер — но не потому ли, что достиг своей цели? Люди приняли главные стороны учения, оно постепенно вросло в общественное сознание. И все забыли, откуда оно взялось. Решили, что философия, культовая по существу, рождена логикой исторического развития и напряженной работой мысли.

— Все это глупости, — объявила Эмма. — Древние легенды.

— Не исключено, что легенды. — Тимоти решил уступить сестре. — Но весьма и весьма любопытные...

— Кажется, вы, Тимоти, наконец-то напали на жилу, будто специально вас поджидавшую, — заметил Коркоран.

— Сперва я опасался, что деятельность центра представится мне непостижимо странной и я просто не сумею найти в ней лазейку для себя. Однако мои поверхностные знания земной истории, оказывается, имеют определенную ценность при изучении закономерностей возвышения и гибели культур. Центр глубоко обеспокоен тенденциями, которые помогли бесконечникам добиваться успеха. Интересует нас и секрет путешествий во времени. Были слухи, что бесконечники владеют этим секретом, но они не делились им решительно ни с кем. А теперь, когда радуги вынесли им приговор, всякая связь с бесконечниками утрачена. Но

если бы заполучить времялет, оставленный на Магистрали Вечности...

— Обязуюсь и клянусь, — провозгласил Конепес, — доставить его вам в собственные руки.

— Еще бы лучше разобраться в устройстве вашего невода. Дайте нам его хоть на самое короткое время для осмотра...

Но тут Конепес был непреклонен.

— Сожалею, однако не могу лишиться невода даже на мгновение. Он есть наследие моего народа. Сказания из глубочайшего прошлого поднялись в моей памяти и помогли мне обрести невод, но я не могу предоставить ту же помощь другим.

— Понимаю, — сказал Тимоти. — На вашем месте я, наверное, поступил бы так же.

— А трудно работать с инопланетянами? — спросила Инид.

— Поначалу было трудно, — ответил Тимоти, — теперь уже нет. Я привык к ним, а они ко мне. При первом прямом разговоре с ними мне не позволили даже видеть собеседников из опасения, что я сочту их чудовищами. — Он пожал плечами. — Многие из них и в самом деле чудовища, как были ими, так и остались. Но при личных встречах с ними я больше не содрогаюсь, как и они не содрогаются при встречах со мной. Когда я работаю с ними, то сохраняю душевный комфорт и даже испытываю удовольствие.

Волк встал с пола и, подобравшись к Буну вплотную, положил морду ему на колени.

— Он все-таки просится, — сказала Инид.

— Кажется, да. Пойду открою ему дверь.

— Не надо. Я его выведу. Заодно и сама хлебну глоток свежего воздуха. Здесь душновато. — Она шепнула что-то волку на ухо, и тот с готовностью последовал за ней. — Я скоро вернусь. Глоточек воздуха, и обратно.

Бун прочел волку наставление:

— Будь сознательным зверем. Ни на кого не нападай. Веди себя прилично. И не поднимай гама.

Как только Инид с волком вышли из гостиной, Хорас вновь прошествовал к бару за бренди.

— А не хватит тебе? — попытался остановить его Тимоти. — День еще далеко не кончился...

Эмма вспылила и накинулась на брата:

— Тебе непременно нужно унижать его? Мало тебе было унизить его, когда ты забирал нас сюда, так ты и теперь не можешь остановиться! Ты говоришь с Хорасом, в точности как Бун с волком. «Веди себя прилично», сказал Бун. Но одно дело зверь, а другое — человек!

— Я действительно говорил Хорасу то же самое, — согласился Тимоти. — Это входит в условия соглашения. Не мог же я бросить тебя там в бесприютной глуши, а переселяться без него ты не пожелала. Только после переговоров с советом центра...

— Хорас беспокоится о Конраде и других роботах, — сказала Эмма невпопад. — Он очень к ним привязался.

— Пустить сюда еще и банду роботов? На это совет категорически не пошел. Да они и сами не согласились бы на переселение. Здесь им было бы не по себе. А там, на воле, они чувствуют себя прекрасно. Выбрали большой участок девственной прерии, поднимают целину, думают выращивать продовольствие для нужд центра...

Хорас, не обращая внимания ни на что, подливал себе в стакан бренди. Эмма приблизилась к нему и, взяв под локоть, предложила:

— Слушай, зачем нам оставаться с теми, кто нас оскорбляет? Пойдем наверх. Может, сумеешь вздремнуть?

Хорас без возражений двинулся к лестнице. Бутылку бренди он прихватил с собой.

Когда они удалились, Тимоти произнес смущенно:

— Приношу присутствующим извинения за неподобающую семейную склоку. В том ли, в другом ли варианте она повторяется почти ежедневно. Но ведь я сказал Эмме чистую правду. Я не мог оставить ее за стеной. Пришлось изрядно попотеть, чтобы совет смилостивился и пустил сюда не только ее, но и Хораса. Тот досаждал городу своими выходками месяца три, если не больше.

— Если вас беспокоит, что подумали мы с Буном, — отозвался Коркоран, — то смело выкиньте это из головы. Хорас демонстрировал нам себя во всем блеске еще в Гопкинс Акре, так что ничего для нас неожиданного не произошло.

— Центру очень повезло с этими роботами, — сменил тему Тимоти. — Они помогут снять всякие продо-

вольственные трудности. Обзавелись двумя паровыми двигателями, смастерили многокорпусные плуги. Вспахали и взборонили несколько тысяч акров земли. Через год будут получать со своих полей тонны продукции...

Коркоран сменил тему еще раз.

— Вы рассказывали, что, вылетев из Гопкинс Акра, сделали посадку на Земле близ монастыря и решили осмотреть его. Но я никак не пойму: кто переместил монастырь вместе с вами на эту планету?

— Должно быть, бесконечники оставили его, так сказать, с включенным зажиганием. Любой, кто входит в их отсутствие, тем самым дает команду на старт. Вошли мы, и ловушка сработала.

— Но если это они, тогда странно, что местом назначения была избрана эта планета. Вам не приходило в голову, что ловушку могли подготовить здесь, в Галактическом центре?

— Я спрашивал, и меня заверили, что не имеют к ней никакого отношения. Истинного виновника мы, наверное, никогда не узнаем. — Он помолчал, пожал плечами и опять сменил тему. — Когда Конепес приведет сюда времялет Инид, появится возможность разыскать и две другие машины. Правда, Хорас клянется, что не помнит координат посадки у монастыря, хоть и смотрел на приборы. А как обстоит дело с тем времялетом, где были вы с Дэвидом?

— К сожалению, не могу вам помочь. Дэвид заносил координаты в бортжурнал, и я воспользовался ими, но оставил журнал в кабине.

— Ладно, не горюйте. Может, Конепес или кто-нибудь другой изыщет способ установить местонахождение нашей или вашей машины.

— А что решено насчет планеты радуг? — поинтересовался Коркоран. — Вы говорите, до нашего появления центр про нее и не слышал?

— Мы были совершенно не осведомлены о ней, — подтвердил Тимоти. — Полагаю, будут предприняты попытки вступить в контакт с радугами, если это не окажется слишком сложно.

— Да, вероятно, это будет нелегко. Но овчинка стоит выделки. По словам Шляпы, радуги — древнейшая разумная раса во Вселенной...

Бун оттолкнулся от стула и встал.

— С вашего разрешения, схожу посмотрю, как там волк, не вздумал ли озорничать. За ним нужен глаз да глаз...

Он немного помедлил, но никто из остальных, видимо, не горел желанием составить ему компанию. Всем хотелось оставаться на своих местах, а больше ничего не хотелось.

С порога он сразу же увидел Инид, сидящую на одном из расставленных по лужайке плетеных кресел. Подойдя к ней, он наклонился и легко поцеловал ее. Она обвила его руками, прижала к себе. Поцелуй повторился — настоящий, затяжной поцелуй.

— Я ждала тебя, — шепнула Инид. — Что ты так задержался?

— Мы увлеклись беседой.

— Когда ты с Тимоти, то всегда увлекаешься беседой, а вокруг и не смотришь.

— Мне нравится Тимоти. С ним приятно разговаривать.

— Возьми себе кресло и подсаживайся ко мне. У нас с тобой тоже есть о чем поговорить.

Волк возился в дальнем конце лужайки, увлеченно вынюхивая что-то в кустах над дорогой, проходящей по границе усадьбы.

— Том, скажи мне, много ли ты помнишь из того, что эти радуги силком впихнули нам в головы?

— Нет, пожалуй, немного, — ответил Бун. — Вспоминается как-то отрывочно, по частям. Они вывалили все это на нас неудобоваримой массой, но мало-помалу что-то начинает выплывать.

— Они дали нам фундаментальные знания, впитать которые — задача не на один день. Мы избегали говорить об этом, но, может быть, пора?

— Может, и пора. Хотя я до сих пор не понимаю, почему они выбрали именно нас.

— Каким-то образом уловили, что мне случалось размышлять о смысле мироздания. А тебя, наверное, посчитали квалифицированным сборщиком информации. Так что ты все-таки помнишь?

— Я уже сказал — немногое. Яснее всего помню, что для возникновения жизни во Вселенной требуются специфические условия. Физические и химические подробности ускользают от моего понимания, но говорилось что-то об особой роли нестабильных звезд. В

придачу к стабильным звездам с планетными системами нужно, чтобы нестабильные вспыхивали сверхновыми и выбрасывали в космос тяжелые элементы. Без таких вспышек жизнь невозможна.

Инид наморщила лоб.

— Я тоже вспоминаю что-то в таком роде, но вдуматься не могу — голова раскалывается. Но главное, кажется, в том, что Вселенная сформировалась как своего рода фабрика по производству жизни, с тем чтобы жизнь хотя бы в отдельных случаях порождала разум. Радуги смотрят на Вселенную как на агрегат, вырабатывающий жизнь и сознание. По их убеждению, без сознания и высшей его формы — интеллекта — Вселенная просто-напросто лишена смысла.

— Они толковали также о происхождении Вселенной, причем не теоретически, а словно бы оперируя точными фактами. Все это мне совершенно недоступно, хотя уже в мои времена астрофизики знали, как развивалась Вселенная, начиная буквально со второй микросекунды после ее начала. А к твоей эпохе они, наверное, одолели и эту последнюю, вернее, первую непознанную микросекунду?

— Чего не знаю, того не знаю. Не забывай, Том, в своей эпохе мы были неотесанными невеждами. — Инид помолчала, потом добавила: — Радуги говорили еще о том, что интеллект высшего порядка уже не нуждается в логике, а познает истину инстинктивно. И говорили они это так, словно сами уже достигли подобного уровня. Будет неудивительно, если кое-что ими сказанное мы не поймем вообще никогда.

— Не поймем так не поймем. Но вероятнее, по-моему, что с каждым днем будем понимать все больше и больше. Надо набраться терпения и подождать...

А может, человеку и не дано понять, добавил он про себя. Может, и радугам не дано полностью постичь смысл жизни и цель мироздания. Важно, что они стремятся к этому. Здесь, в Галактическом центре, другие существа другими методами ищут ответы на те же вопросы. Ответы даются нелегко, но тяга к познанию не угасает. И это важнее всего: пока существует тяга к познанию, сохраняется и надежда, что загадки Вселенной рано или поздно будут раскрыты.

Они сидели рядом, взявшись за руки, купаясь в солнечном тепле, вдыхая аромат цветов, распустивших-

ся на клумбах. Привольный вид, изящный изгиб лужайки внушали довольство и покой.

— А Коркоран и Конепес вот-вот нас покинут, — сказала Инид печально. — Как не хочется их отпускать! Тимоти уверен, что центр нашел бы им применение, и уговаривал их не спешить. Вообще-то я думала, что ты тоже уедешь с ними, несмотря на свое обещание остаться. Но сегодня ты дал центру обязательство приступить к учебным занятиям...

— Должен же я был найти какой-то предлог для своего пребывания здесь, — ответил Бун. — Надо было что-то сказать, а ничего другого в голову не пришло. Не стану же я исповедоваться перед ними, что остаюсь из-за женщины, которую встретил в странствиях по эпохам и которую незаметно для себя полюбил...

— Ты мне раньше этого не говорил! — воскликнула она. — Я-то знала, что люблю тебя, с того дня, когда оплакивала Дэвида, а ты меня обнял. Мне нужно было опереться на сильное плечо, и ты дал мне опору, силу и сочувствие...

— Не мог я сказать тебе этого раньше, — заявил он. — Я легко нахожу точные слова, когда речь идет о фактах. А с другими словами, ласковыми, мне гораздо труднее...

В дальнем конце лужайки началась шумная возня. Бун, подскочив, крикнул во весь голос:

— Волк!..

— Не ругай его, — попросила Инид. — Он там что-то нашел. Или поймал...

Волк выбрался из кустов. Подбросил в воздух какой-то предмет, снова схватил зубами и весело поскакал к Буну. В волчьей пасти безвольно болтался Шляпа. Приплясывая от счастья, зверь положил добычу к ногам хозяина.

— Он вернул себе любимую игрушку! — порадовалась Инид. — Нашел потерянную куклу!

Шляпа очнулся, сел, высказался:

Ничего вы не поняли!

И опять повалился наземь. Волк с готовностью подобрал дряблую куклу и безмятежно потрусил к дому.

Глава 17

МАРТИН

Мартин скатил потрепанную, дребезжащую колымагу на обочину и осторожными поворотами руля спустил ее под уклон на дно сухого оврага. Аккумулятор опять сел — теперь потребуется несколько часов подзарядки от солнечных батарей, прежде чем она сумеет набрать хотя бы минимальную скорость. Когда колеса покатились по плоскому дну оврага и пришла пора тормозить, Мартин с удовлетворением отметил, что с дороги машину не видно. Движения в этой обнищавшей стороне осталось кот наплакал, и все-таки колымагу лучше не выставлять напоказ: какая она ни потрепанная, в ней сохранились ценные части, которые не преминут стибрить, едва владелец отвернется или окажется не в состоянии защитить свою собственность.

Что за жалкий мир, сказал себе Мартин, — ни денег, ни кредита нет и в помине, деловых перспектив почти нет, а может и нет вовсе. И самые смутные воспоминания о законности: каждый сам себе закон, если, конечно, хватает мускулов настоять на своем.

По-видимому, на Земле разразился экономический кризис всепланетного масштаба. Впрочем, полной уверенности в этом тоже не было: точными данными никто не располагал, да, пожалуй, никто и не интересовался тем, что творится на свете. Говорили, что еще существует радио, но в пропеченной солнцем убогой деревуш-

ке, близ которой его высадили, не оказалось ни одного приемника, не говоря уж о телевизорах, да и работает ли еще телевидение? А когда он спросил газету, на него посмотрели пустыми глазами: о газетах здесь просто не слыхивали.

Он притащился в деревушку месяца два назад. Жители шарахались от него, собирались кучками и разглядывали пугливо, будто дикого зверя, сбежавшего из своего логовища в дальних холмах. Прошло с полчаса, прежде чем один из самых старших рискнул подойти и заговорить. Видимо, старик пользовался в деревушке авторитетом, а главное, хоть и трясся не то от возраста, не то от страха, но изъяснялся на языке, который можно было понять, невзирая на множество незнакомых слов и интонаций. Выслушав Мартина и не поверив ему, старик покрутил пальцем у виска, обозначив тем самым, что незнакомец слаб рассудком.

После этого Мартину по доброте сердечной дали поесть и выделили место для ночлега. В последующие дни удалось с грехом пополам выяснить, что он попал в XXIII век, хотя назвать точный год собеседники затруднялись. Что оставалось делать? Разве что осыпать бессильными проклятиями длинномордого инопланетного урода: Мартин не сомневался, что именно Конепес ссадил его с невода посреди многообещающего рейса.

В деревушке он сумел кое-как протянуть несколько недель — сам не мог бы сказать сколько: тут было до смешного легко потерять счет чему угодно. Помогал полоть кукурузу — это занятие ему, пожалуй, даже понравилось. Чтобы напоить посевы, носил за полмили воду из упрямого ручейка, бурливого и извилистого: в самой деревушке воды не было. Научился ставить силки на кроликов, пробовал поднатореть в стрельбе из лука, правда, без особого успеха.

Жители постепенно перестали дичиться, и из разговоров удалось узнать, что к северу есть дорога чуть лучшего качества, чем ведущая в деревушку тропа, и что эта дорога выводит на другую, широкую и прямую, идущую с востока на запад; ну а уж по широкой дороге можно в конце концов попасть в города. Мартин сильно подозревал, что города на поверку будут мало чем отличаться от деревень, разве что домов и людей там побольше и жить чуть полегче. Ему говорили, что повсюду безработица, что торговля чахнет, а деньги исчез-

ли совсем. Выходит, негодяй Конепес засадил его в страну и эпоху, погрязшие в глубочайшей депрессии.

По чистой случайности, рыская по деревушке, он натолкнулся на брошенную под навесом полуразбитую колымагу на солнечных батареях и, осмотрев ее, пришел к выводу, что она еще способна двигаться. Разыскал хозяина колымаги и убедился, что тому она вовсе не нужна: ездить некуда, да и неизвестно, как ездить. Торговались до седьмого пота, и Мартину удалось выменять колымагу на наручные часы. Хотя, по правде говоря, собственные часы были нужны мужику не больше, чем собственное средство передвижения: точное время дня в деревне имело не большее значение, чем год или день недели.

И вот он наконец сидит в овраге, выжидая, пока колымага не соберется с духом и не подзарядит аккумулятор. Накануне он добрался до широкой дороги, той самой, о которой ему рассказывали, и опознал в ней остаток одной из трансконтинентальных автострад, пересекавших некогда страну от побережья до побережья. Поскольку высадили его, по его представлениям, где-то на юго-западе Соединенных Штатов, он повернул на запад. До Тихоокеанского побережья не должно быть очень далеко, а там, наверное, сохранились большие города. Пусть даже они пришли в оскудение, но самый убогий город лучше деревушки, откуда он унес ноги.

За целый день, проведенный на автостраде, ему встретились только три машины — одна на солнечных батареях, поновее и покрасивее его колымаги, и две совсем допотопные, с двигателями внутреннего сгорания. Судя по сладковатому запаху выхлопных газов, эти две работали на спирту.

Запарковавшись на дне оврага, Мартин выкарабкался из ковшика единственного сохранившегося сиденья. Он изрядно устал: даже на относительно гладком покрытии автострады езда в таком ковшике превращалась в сущее наказание. Колымагу трясло, бросало из стороны в сторону, и за сутки каждая мышца тела налилась протестующей болью.

Отойдя от машины на пять шагов, он потянулся. В овраге царило безмолвие. Ветер сюда не проникал, и даже насекомые не залетали. В высоком бледно-голубом небе парила одинокая птица, может быть степной орел, а скорее, стервятник. Склоны оврага были размы-

ты давними дождями, обезображены выветриванием, торчащие там и сям валуны и каменные пласты растрескались под свирепым солнцем и частично осыпались, выстлав дно хрусткой острой крошкой.

Неподалеку овраг делал крутой поворот. Мартин дошел до поворота и замер, уставясь на левый от себя склон: из осыпи высовывались мертвенно белые кости, поблескивал отполированный временем рог. Эрозия почвы потревожила чью-то могилу.

Череп был бычий, но слишком массивный даже для племенного быка, а уж мощный и длинный рог превосходил своими размерами всякое воображение. Очевидно, бизон. Только не тот бизон, который дожил в прериях Среднего Запада до XX века, а бизон доисторический, один из могучих зверей, на каких охотились первые племена, поселившиеся на американской земле. Приглядевшись, Мартин заметил на дне оврага, как раз под черепом, беленькие осколки других костей. Сколько же лет прошло с тех пор, как эта ископаемая ныне тварь бродила по прериям, пощипывая травку? Тысячелетий двадцать, не меньше, — ведь нынешняя пустыня тогда, несомненно, была прерией... В прежние времена подобная находка сулила бы нашедшему определенную прибыль. Однако сейчас, если мир действительно впал в состояние столь плачевное, как рисовалось Мартину, о прибыли от древних костей нечего и мечтать.

Сразу за черепом склон вспучивался, выдаваясь в овраг на четыре-пять футов, — маленький каменный форт устоял перед силами разрушения. Обогнув форт, Мартин зажмурился и остановился в недоумении: по глазам ударил отраженный солнечный луч. Так ярко солнце не могло отразиться ни от песка, ни от камня — от чего же тогда? Еще шаг — нестерпимый блеск погас, но отразившая луч точка все равно посверкивала.

Он медленно приблизился к ней и встал. Точка оказалась не точкой, а выступающим из почвы шлифованным шаром, очень похожим на те хрустальные шары, какие применяют ярмарочные гадальщики. Шар был размером с баскетбольный мяч и отличался удивительно гладкой поверхностью: Мартин даже увидел в ней самого себя, хоть и искаженного, как в кривом зеркале. Он поднял руки, хотел вытащить шар из почвы — и тут шар заговорил.

Добрый сэр, возьмите меня, заберите меня. Подарите мне тепло иной жизни, подарите мне свое участие. Я так давно в одиночестве!

Мартин окаменел, руки остались вытянутыми, но шара так и не коснулись. Зубы в ужасе лязгнули друг о друга. Что-то обратилось к нему, проникнув прямо в мозг, поскольку никаких слышимых звуков не было, — та же манера общения, какую предпочитало куклообразное создание по имени Шляпа.

Освободите меня, умолял голос. *Заберите меня и держите при себе. Я буду вам другом и преданным слугой. Я ничего не прошу, кроме права остаться с вами. Я не вынесу новых страданий в случае, если вы отвергнете меня, уйдете прочь от меня.*

Мартин попробовал ответить. Слова застряли в горле.

Не надо меня бояться, продолжал голос. *В нынешнем моем состоянии у меня нет средств причинить вам вред, а если б и были, я не захотел бы их применить. Я ждал вас так долго, целую вечность. Пожалуйста, добрый сэр, смилуйтесь надо мной. Вы моя последняя и единственная надежда. Другого шанса мне уже не представится. Я не в силах остаться один навсегда.*

Мартин наконец-то обрел дар речи, хотя слова у него вышли торопливыми и невнятными. Он словно боялся, что они присохнут к языку и не выговорятся.

Кто вы? Вы действительно обратились ко мне?

Я действительно обращаюсь к вам, ответил шар. *Я слышу вас своим мозгом и обращаюсь напрямую к вашему мозгу. Ваш изустный язык для меня невоспринимаем. Я не слышу ни звука. Некогда у меня было чувство слуха, однако оно давно утрачено.*

— Но кто вы?

Это долгая история. Сейчас довольно сказать, что я древний искусственный интеллект, созданный расой, о которой не осталось достоверных сведений.

А ведь чертова штука врет, отметил Мартин про себя.

Шар выразил протест:

Я не вру вам. Зачем бы я стал вам врать, мой спаситель?

— Я же не говорил, что вы врете. Слова вам не сказал.

Мысль ясно сформировалась в вашем мозгу. Я решил, что она адресована мне.

— Мой Бог, — изумился Мартин, — вы прочли мои мысли! Вы что, можете прочесть мысли любого и каждого?

Таков мой способ общаться, ответил шар. *И в общем, да, я могу уловить мысли любого существа, если оно подойдет достаточно близко.*

— Ладно, — сказал Мартин. — Ладно, так и быть...

Сделав шаг вперед, он отделил шар от склона. В почве осталась круглая выемка. Шар приятно тяжелил руки, ощущался как нечто прочное, но неподъемным отнюдь не был. Мартин подержал его минуту, затем мягко опустил на дно оврага, а сам присел рядом на корточки.

Добрый сэр, воззвал шар, *можно ли понять ваши действия так, что вы меня забираете?*

— Да, наверное, я вас заберу.

Вы никогда об этом не пожалеете. Я буду вам лучшим другом из всех, какие у вас когда-либо были. Я буду вашим...

— Не надо сейчас об этом, — сказал Мартин. — Позже мы все обсудим.

И, подняв шар с земли, направился к колымаге.

Куда мы идем, сэр?

— Я помещу вас в свою машину, — ответил Мартин. — Потом мне надо еще кое-что сделать. Вы останетесь в машине, но позже я присоединюсь к вам.

Но вы вернетесь? Добрый друг, вы вернетесь ко мне?

— Даю обещание, что вернусь.

Устроив шар в машине, он двинулся по оврагу обратно, далеко за тот поворот с каменным фортом, где произошло открытие. Наконец он решил, что отошел на достаточное расстояние и шар уже не сумеет уловить его мысли. По крайней мере, можно было надеяться, что не сумеет. Кажется, он ухватил идею за хвост, и надо не торопясь обмозговать ее наедине с собой.

Шар — это что-то новенькое, сказал себе Мартин, и, пожалуй, может принести прибыль. Если подойти к делу с умом, то даже в этой забытой Богом эпохе шар может стать ключом к лучшей жизни. Он поворачивал идею так и этак, мысли шмыгали то туда, то сюда. Для изобретательного человека в шаре были заложены возможности, много возможностей, и ни одну из них нельзя упустить.

Спрашивается: что в этом мире, заскорузлом, вновь скатившемся к невежеству, сохранило для людей свою притягательность? Мир исполнен безысходного отчаяния — вот где зарыта собака! Людям нельзя посулить сокровища, нельзя обещать богатство — на Земле не сохранилось сокровищ, в которые можно поверить. Самый отпетый болван воспримет ныне надежду на обогащение как совершенно пустую. Ну а если вести речь не о надежде на что-то, а о надежде в чистом виде, о надежде как таковой? Пожалуй, это меняет дело. Только бы найти способ торговать надеждой — люди ухватятся за такой товар руками и ногами. Самый слабенький проблеск надежды — и к нему стекутся тысячные толпы. Но нет, годится далеко не всякая надежда, слюнявая болтовня мало кого устроит. Надежда должна быть мощной, на грани фанатизма. И ясно, что добиться от людей фанатизма будет очень, очень непросто.

Мартин ходил по оврагу, как тигр по клетке. Допустим, ему удастся добиться цели, предложить на продажу надежду нужного калибра — что это ему сулит? Жить станет полегче, хотя денег не прибавится — какие сейчас деньги! Что можно завоевать, так это общественное положение и власть. А имея власть, ловкий человек сумеет употребить ее себе во благо.

Он ломал голову над возникающими возможностями, а попутно и над загадкой древнего интеллекта, созданного неведомой расой. Хотя, честно говоря, он так и не поверил до конца в то, что шар — древний искусственный интеллект.

Всплеск новой религии — вот что нужно! Вот он, искомый ответ — религия! Новый мессия, древний интеллект, вещающий в возвышенно-мистической обстановке...

Присев на корточки, Мартин напряженно думал. Поначалу придется действовать осторожно — никакой рекламы, никаких массовых зрелищ. Маленькие шажки, скромные шажки — пусть слава мессии передается из уст в уста, и паломничество начнется само собой. А слава возникнет, если люди услышат от шара то, что хотят услышать. Это уж его, Мартина, забота — выяснить, чего хотят люди, и передать шару, что именно изрекать.

Правда, остается нерешенным вопрос, что же такое шар. Конечно же, никакой не древний интеллект, созданный неведомой расой, но что? Впрочем, неважно,

правда это или ложь, — ему, Мартину, подобное объяснение на руку. Он попробовал найти иные объяснения и отверг их одно за другим. И сердито сказал себе: я попусту теряю время. В данный момент не имеет значения, что такое шар и откуда он взялся. Использовать его можно и не разбираясь в его истории.

Просмотрев свой план пункт за пунктом в поисках промашек, на которых можно поскользнуться, Мартин не нашел ни одной непреодолимой. Когда люди утратили всякую надежду, они не станут слишком пристально вглядываться в того, кто предложит им ее заново. Они созрели для этого, они жадно ухватятся за обещанное спасение, будут просить и даже требовать, чтобы такие посулы повторяли им каждый день. Идея в принципе безупречная, разумеется, если разыграть все как следует. Потребуются еще часы и часы на обдумывание мелочей и последовательности действий — ну что ж, придется пойти на это. Уж он-то, Мартин, готов не пожалеть ни времени, ни усилий, не упустить ни одной детали. План у него крепкий, реальный план, и он не простит себе, если не доведет дело до конца.

Он поднялся и вернулся к машине широким шагом. Видимо, незаметно для себя он провел в овраге несколько часов: солнце уже садилось.

Вы вернулись! — радостно вскрикнул шар. *Мне было подумалось, что вы можете и не вернуться. Я пребывал в мучительной агонии, что вы не вернетесь.*

— Незачем было мучиться, — сказал Мартин. — Я здесь.

Первым долгом он бросил взгляд на приборы. Выяснилось, что аккумулятор набрал полный заряд, настолько полный, насколько это вообще возможно для старого аккумулятора. Мартин влез на сиденье, уложив шар рядом с собой.

— Один вопрос, — обратился он к шару. — Каковы ваши этические принципы? У вас есть этика?

Что такое этика? — отозвался шар. *Прошу объяснить.*

— Это уже неважно. Вы мне подходите. Мы с вами составим дружную команду.

И Мартин, лихо развернувшись, вывел колымагу на шоссе.

Глава 18

КОНЕПЕС

Конепес, отдыхая, присел за столик у придорожного кафе, где ныне не осталось ни робота, ни его снаряжения. В воздухе неподалеку плавал невод. Сундук с упрятанной в него галактической схемой уже был на борту. А телевизор, который Инид якобы украла у овцепауков, лежал на столе под рукой. Вагонетка попрежнему стояла на путях, поджидая новых пассажиров, которые могут не пожаловать вообще никогда. И все вокруг было укутано в туманную серость, неизменно царящую на Магистрали Вечности.

От нечего делать он пустился размышлять, далеко не в первый раз, что же это за Магистраль. До сих пор его размышления не привели ни к чему, да и вряд ли когда-нибудь приведут. Кто создал или что создало эту бесконечную дорогу, идущую вкось по отношению к обычному пространству-времени и тем самым исключенную из него? Впервые он услышал о ней очень давно и далеко отсюда от совершенно ни с чем не сообразного существа, живущего словно в насмешку над нормальными представлениями о жизни. Именно оно, несообразное существо, назвало дорогу Магистралью Вечности, но уклонилось от ответа на вопрос, как понимать подобное название. «Не ищи ее, — предупредило не-

сообразное. — Ее нельзя найти путем поиска, на нее можно лишь натолкнуться случайно...»

И однажды, тысячи лет назад, Конепес натолкнулся на Магистраль. А затем, к своему удивлению, убедился, что она нанесена на древнюю галактическую схему. При этом он был уверен, что его собственный народ не прокладывал Магистраль, хотя и знал о ней.

Натолкнувшись на Магистраль, он решил, что это место как нельзя лучше подходит для того, чтобы сидеть и строить разные планы. Он возвел хижину со столами и стульями вокруг и поставил робота присматривать за заведением. Поскольку рельсы уже были, он водрузил на них вагонетку и оснастил ближайший участок сигнализацией, чтобы не прозевать тот исключительный случай, если на Магистрали появится еще кто-нибудь.

Многие века сигнализация молчала — и вдруг, лет пятнадцать назад, сработала: ее потревожил Бун, впервые ступивший «за угол». Конепес расценил это странное происшествие как возможный ключ к решению проблемы, которую поставили перед ним не менее странные люди, поселившиеся в усадьбе Гопкинс Акр.

Он уповал на лучшее и все же не испытывал полной уверенности в своих выводах, пока Бун не появился вторично. Тогда стало ясно: на его глазах зародился новый талант, и у кого? У представителя расы, в которой он таких талантов никак не заподозрил бы. Сам по себе талант был менее значим, чем тот факт, что данная раса не исчерпала своих эволюционных задатков и способна развить в себе скрытые доселе возможности. И этот факт, в свою очередь, означал, что Бун становится центральной фигурой всего проекта.

Теперь, после всех проволочек, проект наконец-то движется полным ходом и даже успешнее, чем он смел надеяться. Осталось лишь наблюдать, наблюдать неусыпно, чтобы не возникло каких-то нежелательных помех, но у него появились надежные помощники. Колючка и Шляпа вошли в семью, стали для нее своими, в особенности Колючка, которому удалось втереться в доверие к Эвансам еще годы назад.

Конепес не сдержал довольного смешка. Простаки из Галактического центра числили Колючку своим подпольным агентом и внедрили его в семью в момент, когда та, спасаясь от бесконечников, собралась искать

спасения в прошлом. На деле доклады Колючки получал в первую очередь Конепес, и они укрепили его интуитивную догадку, что Эвансы заслуживают самого пристального внимания.

Разумеется, нет и не может быть гарантий, что проект по той или иной причине не потерпит краха, как терпели крах его предшествующие проекты. По-видимому, у разума ничтожно мало шансов развиться до своего потенциального потолка. На протяжении столетий были другие расы, которым он пытался помочь, не щадя усилий, — и все попытки потерпели провал. Впрочем, терпели банкротство и расы, которым он помогать не пытался. Радуги, например, в конце концов потерпели провал потому, что подавляли свои эмоции вплоть до полного их исчезновения, но вместе с эмоциями утратили все жизненные ценности. Бесконечники сбились с пути, когда бросили всю свою энергию на фанатический межзвездный крестовый поход. И даже раса, к которой принадлежал Конепес, потерпела фиаско: в погоне за бессмертием, закончившейся вроде бы вполне успешно, раса принесла в жертву способность к воспроизведению потомства, и в конце концов он остался последним и единственным ее представителем.

От размышлений его отвлек мягкий хлопок. Прямо перед ним стоял Шляпа, отряхиваясь, как собака после дождя. Отряхивался визитер до тех пор, пока каждая из его одежек, порядком помятых, не села на свое место, — а затем аккуратно уселся сам.

Не думай, что я оставил свой пост, объявил Шляпа. *Я вернусь обратно и честно исполню все, что мне поручено. Я просто сбежал от волка. Он взял за правило подкидывать меня и трясти. А то отойдет, внушая мне ложную надежду, что я ему наскучил, а потом передумает и вновь набросится на меня. Он меня совсем изжевал и истрепал...*

— Придется тебе с этим смириться, — сказал Конепес. — Такова роль, которую ты должен играть. Пока в тебе видят всего-навсего куклу, никто не заподозрит, что ты ловкий шпион. Думаешь, мне приятна роль, выпавшая на мою долю? Я должен выступать клоуном, разговаривать нескладно, как положено недотепе-инопланетянину, нести всякую небывальщину, прибегать к затрепанным трюкам...

Вроде трюка, какой он придумал для девочки Инид, внушив ей, что она должна подержать палец на перекрестье нитей, чтобы дать ему возможность завязать узел. Он завоевал ее доверие, заставив ее ощутить себя соучастницей создания невода, — а на самом деле невод давно висел поблизости, ожидая лишь мысленной команды, чтобы сделаться видимым.

А чтоб она не усомнилась, что играет на борту невода важную роль, он подсунул ей визуальное устройство, которое сам же оставил на розово-пурпурной планете, как и сундук с галактической схемой. Побуждение отправиться к пирамидам было внушено ей, когда она воображала, что они оба «думают друг на друга». А потом он внушил ей заблуждение, что она спасает его от багрового хищника, в то время как багровость всего-то хотела прокатиться на неводе вместе с ними.

И ни в чем этом не было бы нужды, объявил Шляпа, *если бы ты не лез не в свое дело. Но тебе непременно надо вмешиваться в чужую жизнь. Никто не просил ни твоего совета, ни твоей помощи. Ты просто-напросто навязываешь себя самым назойливым образом.*

— Может, и навязываю, — согласился Конепес. — Но как же не навязывать, когда крошечный толчок может направить расу на путь к полному воплощению своего интеллектуального потенциала!

А я еще и помогал тебе, посетовал Шляпа. *И настолько увлекся, что порой предпринимал действия по собственной инициативе. Именно так я вовлек себя в переделку с волком. Твой драгоценный Бун глупейшим образом задремал у костра, а волк подобрался к нему уже совсем вплотную. Еще минута, и волк перегрыз бы Буну горло, не проникни я в глупую волчью башку и не наполни ее братским чувством по отношению к человеку и собачьей преданностью ему.*

— Я уже говорил тебе, что ты поступил правильно. Хорошо ты справлялся и с программированием времялетов всякий раз, когда семья ими пользовалась. Даже когда ты запрограммировал времялет Инид так, чтобы доставить Мартина с бесконечниками сюда, ты поступил умно, хоть в первый момент, когда я глянул на этого Мартина, мне так не показалось.

А еще я спас Коркорана, пока ты лазил по своей галактической схеме. Я наблюдал за ним. И как увидел, что он вот-вот сверзится, выключил ему сознание и

перенес сюда, на Магистраль. А теперь, для того чтобы мне было сподручнее шпионить за твоими любимчиками, ты обрекаешь меня на участь игрушки для волка. Разве это надлежащая награда за...

Конепес перебил нетерпеливо:

— Скажи мне, видишь ли ты какие-то признаки того, что эти двое намерены спариться?

Это уже произошло, ответствовал Шляпа. *По-моему, Инид корит себя за то, что это случилось до ритуала, который именуется свадьбой. Признаюсь, смысл ритуала совершенно непостижим для меня.*

— И не пытайся в этом разобраться, — заявил Конепес. — Сексуальная этика иных рас всегда кажется лишенной смысла. А уж синдром, который люди называют любовью, и вовсе невозможно понять.

Однако Шляпа уже не слушал. Он вошел в фазу тряпичной куклы и безжизненно свалился на стол.

Бедная скотинка, подумал Конепес с внезапной симпатией. Может, я и впрямь эксплуатировал его слишком жестоко и ему надо отдохнуть...

Ему припомнился день, когда он нашел это изделие-существо в укромной нише одного из древних музеев своего собственного народа. Возможно, Шляпу спрятали там сознательно в предвидении, что раса его создателей обречена на исчезновение. Взглянув на куклу мельком, он в первый раз прошел мимо, не желая обременять себя реликтами прошлого. Однако впоследствии он все-таки вернулся за ней и не уставал благословлять судьбу за этот поступок, потому что Шляпа обладал качествами, которые не удавалось осмыслить. Например, он мог перемещаться в пространстве-времени один и с грузом без помощи невода или каких-либо других устройств.

Итак, Бун и Инид спарились. Жребий брошен. Конепес понимал, что возникает неизбежный генетический риск, но это была азартная игра поинтереснее любой из игранных им прежде. В чем, в чем, а в генетике он разбирался. Не исключено, что этот союз даст начало новой расе — ответвлению человечества, сочетающему в себе эволюционный скачок, олицетворением которого стал Бун, и силу духа маленькой ячейки, которая в одиночку осмелилась противиться угрозе со стороны бесконечников.

Он восхищался упорством Эвансов и помогал им, сразу распознав в их упорстве многообещающую перспективу. Именно он предоставил им простейшие из изобретенных его соплеменниками машины времени — ковчеги, ранние предшественники невода. Да, у бесконечников тоже была техника для путешествий во времени, но очень сложная, с ней мятежникам никогда бы не справиться. Вновь прибегнув ко лжи, Конепес заставил Эвансов поверить, что они украли времялеты у бесконечников.

Все это было до того, как он по счастливой случайности вышел на Буна. Когда Бун явил свои чрезвычайные способности, возникла проблема, как свести человека XX века с семьей из Гопкинс Акра. Потребовались новые хитрые уловки — словечко Мартину, чтобы тот отправился к Коркорану, а потом словечко Коркорану для передачи Мартину, такое словечко, чтоб авантюрист перетрусил и сбежал, бросив большой ковчег. Собственно, Коркоран возник на сцене благодаря своей дружбе с Буном, а также благодаря странным свойствам своего зрения. Еще одно небольшое подстрекательство — и Коркоран отправился к «Эвересту» осмотреть апартаменты Мартина и заметил невидимый ковчег.

Приходилось признать, что с Коркораном чуть было не произошла ошибка. Конепес ожидал, что Бун «ступит за угол» и проникнет во времялет один, тем самым бросив Коркорана на произвол судьбы. Но талант Буна оказался еще мощнее, чем можно было предполагать. Большая удача, что обошлось без осложнений. Опасность возникла лишь в тот момент, когда Коркоран обнаружил диковинное дерево, но все хорошо, что хорошо кончается.

Однажды, сказал себе Конепес, надо будет уделить время чудо-дереву и попробовать разобраться, что оно такое. Хотя вряд ли удастся выяснить, какая раса или какой народ ответственны за это чудо и что побудило их высадить дерево на Земле и именно в ту эпоху, не раньше и не позже...

А все же двух мнений быть не может: так или иначе, все обернулось лучше, чем он рисовал себе в самых смелых мечтах. Конечно, предстоит дальнейшая работа. Предстоит, например, найти жен и мужей для еще не родившихся детей Буна и Инид. Вероятно, подходящих

кандидатов и кандидаток надо поискать на планетах, колонизованных землянами. Но главное уже сделано.

Конепес ленивым движением пододвинул к себе визуальное устройство — взглянуть, что поделывает Мартин. Странно, но желание следить за этим проходимцем не исчезало: ведь не вырваться Мартину оттуда, ни за что не вырваться! А все равно скользкий тип...

На экране возникло помещение храма, заполненное обалдевшими приверженцами. Мартин в красно-золотом одеянии стоял перед вычурным алтарем. А напротив алтаря, на пьедестале, покоилась мозговая коробка робота-убийцы. Было очевидно, что Мартин держит горячую духоподъемную речь. Вот он простер руки, и толпа подпрыгнула как один человек в неистовом восторженном вопле. Значит, он таки добился своего, добился вожделенной власти, и никто не смеет ему противостоять. Капкан самовосхваления будет держать его прочнее любого другого. И тем не менее Конепес знал заранее: нравится или нет, противно или нет, а за Мартином придется послеживать и впредь.

Теперь надо выполнить еще одну обязанность. Не то чтоб она была абсолютно необходимой, но надо пойти на это хотя бы вежливости ради. На экране, в далеком будущем, виднелось скопление искр в чуть заметной тени старого-престарого дерева, последнего дерева Земли, медленно оборачивающейся вокруг кроваво-красного, распухшего и умирающего Солнца.

Когда Конепес уже полез на невод, Шляпа вновь очнулся и сел покачиваясь. И спросил:

Ну а теперь ты куда?

— Собираюсь вернуть Генри к семье. Уж не знаю, как он сам, а семья будет рада увидеться с ним снова. Хочешь составить мне компанию?

Шляпа отверг предложение, покачав своим клобуком.

Опять ты за свое. Опять вмешиваешься. Опять навязываешь себя другим...

Невод растаял в серости, а Шляпа свалился на стол безжизненной, неуклюжей, всеми брошенной куклой.

Содержание

Живи, высочайшей милостью..., роман,
перевод с английского А. Александровой 5

Магистраль Вечности, роман,
перевод с английского О. Битова 213

Миры Клиффорда Саймака кн.12 / Пер. с англ. Рига: Полярис, 1994. — 511 с.

МИРЫ КЛИФФОРДА САЙМАКА

Полное собрание
фантастических произведений в 16 томах

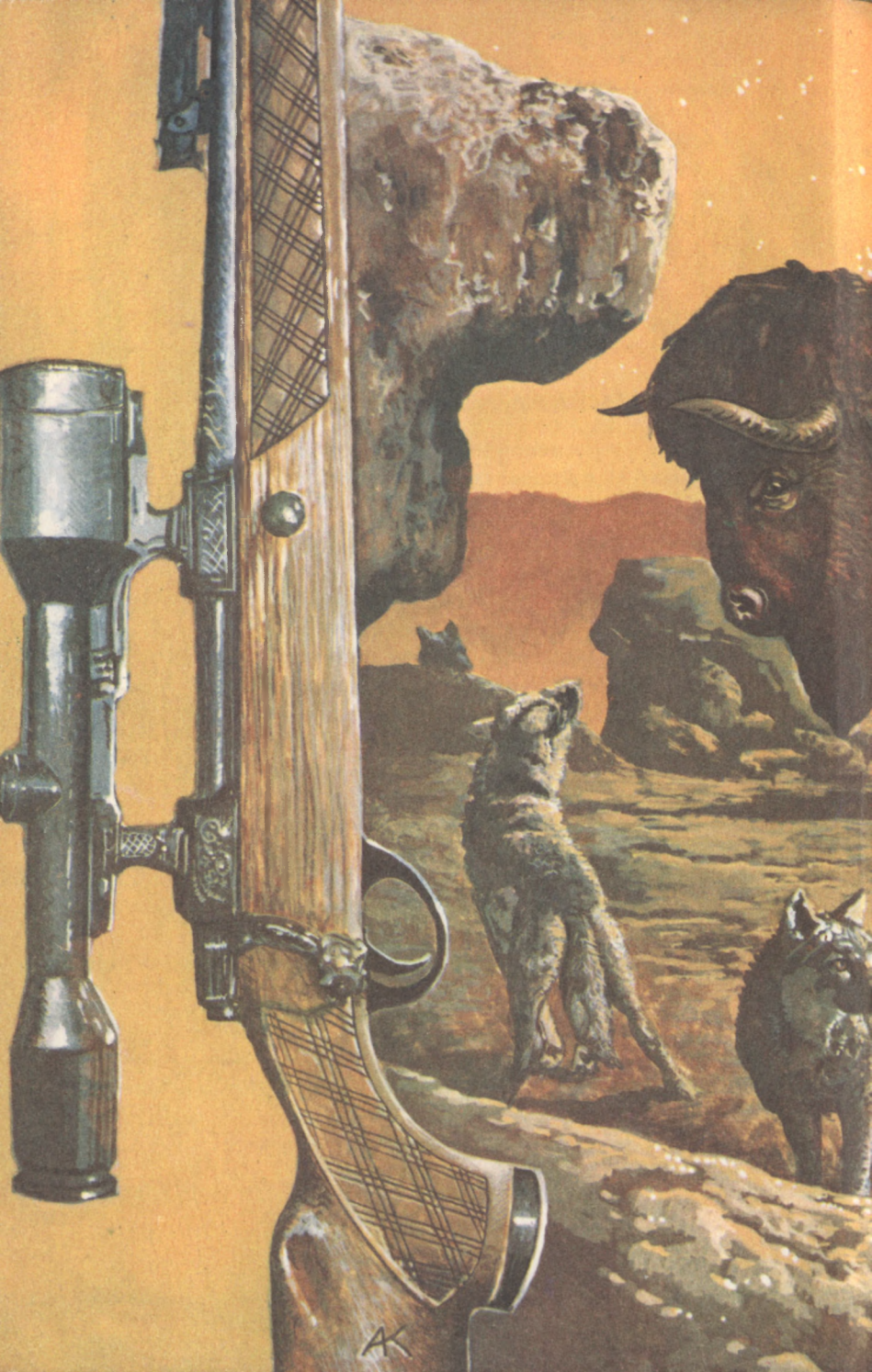
Книга двенадцатая

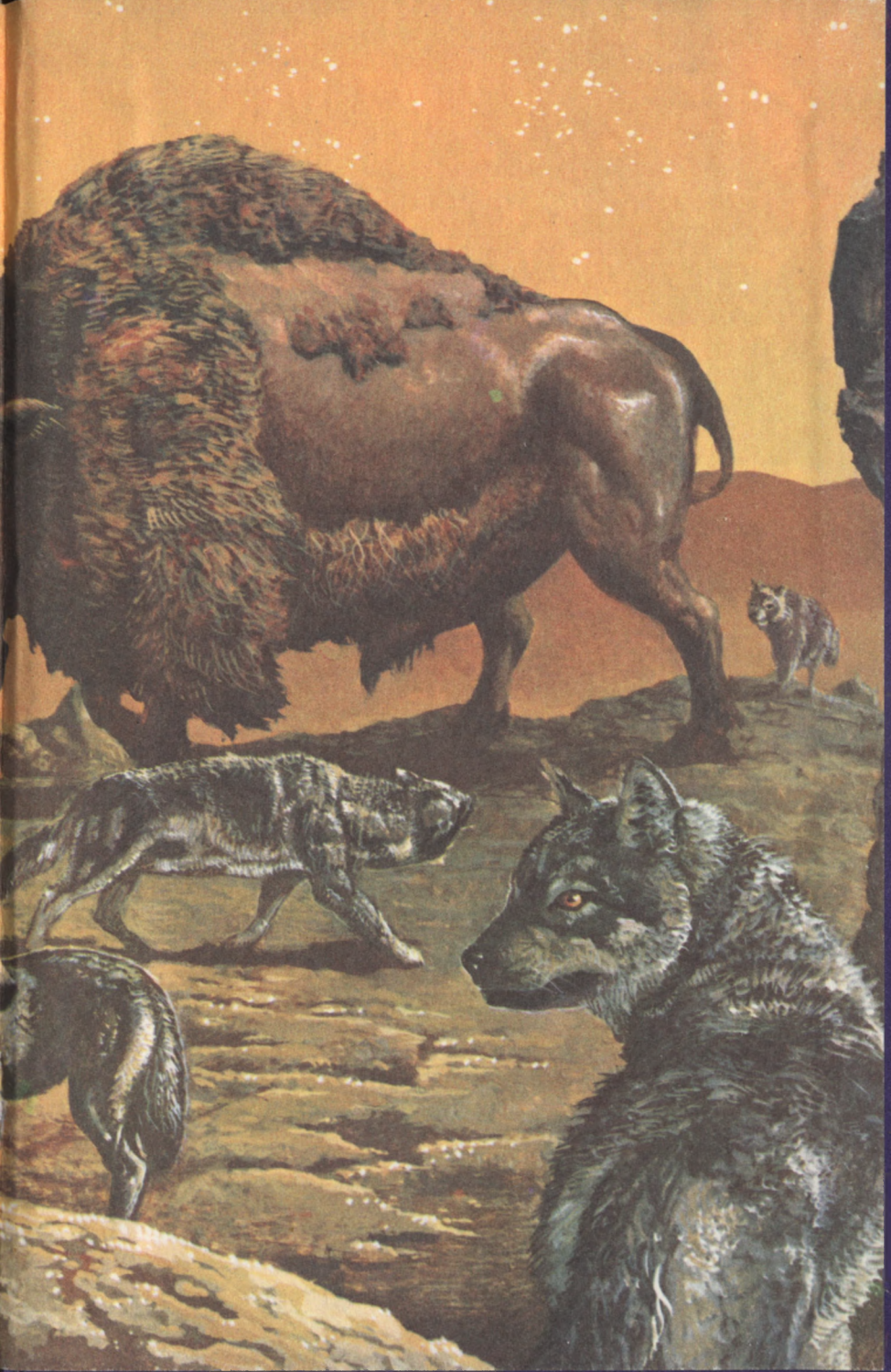
Составитель *В. Быстров*
Главный редактор *А. Захаренков*
Ответственный за выпуск *Е. Чутов*
Редактор *Т. Бережных*
Технический редактор *К. Козаченко*
Корректоры *Н. Дундина, А. Хиршфелде*
Оператор компьютерной верстки *Е. Глуховская*
Художественное оформление серии: *М. Захаренкова*
Иллюстрации: *А. Кириллов*
Оформление шмуцтитулов: *А. Бибанаев*

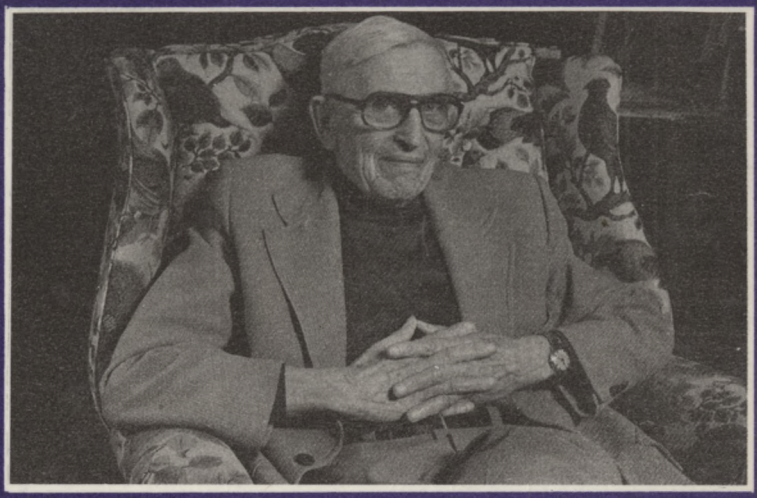
ЛР № 062455 от 3.10.94
Подписано в печать 10.11.94. Формат 84x108/32
Гарнитура Балтика. Бумага типографская. Печать высокая.
Усл. печ. л. 26,88. Тираж 25 000 экз. Заказ № 119. С 049.

Издательская фирма «Полярис»
Латвийская Республика, LV-1039, Рига, а/я 22

Тверской ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР
Комитета Российской Федерации по печати.
170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.







VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT

POLARIS
publisher